This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

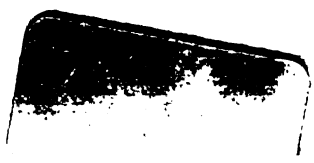
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Sler 176.25 1842
4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY



ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

1872
4

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1872.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Ф. Стелловскаго. Екатерининскій каналъ, 168.

КНИГА 4-ая. — АПРѢЛЬ, 1872.

Стр.

I. — ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГІИ. — VII-VIII. — Окончаніе. — **К. Д. Кавелина** 477

II. — ДИЛЕТТАНТЫ. — Романъ. — Половина первая. — Строители. — Часть первая. — 1-VIII. — **О. Э. Ромера** 551

III. — ВОЗСОЕДИНЕНІЕ УНІИ. — Историческій очеркъ. — I-II. **М. Я. Морошкина** . 609

IV. — ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНІИ И ОБРУСЕНІЕ. — VII-IX. — **И. Т—онъ** 644

V. — ТЯЖЕЛАЯ МИНУТА. — Стих. **Я. П. Полонскаго** 680

VI. — КАЛИКИ ПЕРЕХОЖІЕ И БОГОМИЛЬСКІЕ СТРАННИКИ. — I-III. — **А. Н. Весловскаго** 682

VII. — ЗАПИСКИ ЖАНДАРМА. — Съ 1837-го по 1843-й годъ. — Часть вторая. — Виленская драма. I-V. — **А. Н. Ломачевскаго** 723

VIII. — ИЗЪ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ. — I. Чурило Пленковичъ. — II. Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ. — Стих. **В. П. Буренина** 759

IX. — НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ ВЪ ФИНЛЯНДІИ. — Изъ поѣздки въ Гельсингфорсъ. — I-V. — **Л. А. Полонскаго** 766

X. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Дѣло о духовномъ завѣщаніи Бѣляева. — Обстоятельства дѣла. — Ходъ судебныхъ преній: обвиненіе, защита и приговоръ. — Ходатайство Русскаго Общества пароходства о помильной платѣ. — Новые штаты телеграфныхъ станцій. — Письмо въ редакцію по поводу вопроса о наймѣ рабочихъ 803

XI. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Новое устройство мѣстнаго управленія въ Пруссіи и главныя черты его. — Письмо Виндгорста. — Процессъ соціалистовъ. — Расширеніе чешскаго сейма. — Законъ противъ международнаго общества. — Французскій бюджетъ. — Процессъ Ла-Мотта — Прекращеніе трактата 1860-го года. — Брошюра Граммона. — Дѣло «Элебемы». — Англійскій бюджетъ. — Предложеніе Дилька. — Мадзини. — Министерскій вопросъ въ Италіи. — Испанскія дѣла. 822

XII. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА. — Борьба переходнаго времени въ Германіи. — **К.** 881

XIII. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ. — Женское образованіе въ Италіи. — D. G. 894

XIV. — РУССКАЯ ОПЕРА. — „*КАМЕННЫЙ ГОСТЬ*“, Даргомыжскаго. — I-III. — **Г. А. Ларошъ** 899

XV. — НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Арсеньевскія бумаги. — Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ. Изд. академикомъ Пекарскимъ. . . . 935

XVI. — НОВЫЯ КНИГИ. — Кочевая жизнь въ Сибири, Дж. Кенана. Пер. Ад. Кондратьевой. — Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка, соч. Дж. Лэбока. — Юнкерскія училища. Историческое обозрѣніе ихъ развитія и дѣятельности. Генералъ-майора П. О. Бобровскаго. Томъ первый. Спб. 1872. 942

XVII — ЗАМѢТКА. — Русскія пѣсни въ англійскомъ переводѣ г. Ральстона. — **П.** 958

XVIII. — ИЗВѢСТІЯ. 1. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ: Засѣданіе Комитета 31-го января. — II. О подпискѣ на памятникъ Пушкину по 1-е февраля 1872 г. 959

ОБЪЯВЛЕНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I-VIII стр.

"VESTNIK EVROPY. 7 no. 4" P Slav 176.25

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. consul at
Birmingham, Eng.

~~131.84~~
~~S200 302~~

ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГІИ

Посвящается памяти Т. Н. Грановскаго.

Окончаніе.

VII*).

Произвольная (активная) дѣятельность души. — Сбивчивость понятій объ этомъ предметѣ.—Существенныя черты произвольной дѣятельности.—Что такое воля?—Различіе непроизвольной дѣятельности отъ произвольной; послѣдняя опредѣляется произвольнымъ вызовомъ побужденій. — Особенности произвольной дѣятельности. — Воспитаніе воли. — Способность свободнаго выбора побужденія не есть прирожденная, а результатъ развитія душевнаго организма.—Выводы.

Изъ всѣхъ вопросовъ психологіи самый спорный и самый трудный для разрѣшенія—есть вопросъ о произвольной психической дѣятельности. Это и понятно. Произвольною дѣятельностью завершается кругъ всѣхъ психическихъ явленій. Она есть вмѣстѣ и самое полное, и самое характеристическое выраженіе психической жизни, потому что въ произвольной дѣятельности выпукло, ярко, сосредоточенно выдвигаются впередъ всѣ особенности душевной жизни. Такого рода дѣятельность есть отъ высшій пунктъ психической жизни, съ котораго воспринимающая, переработывающая, по преимуществу пассивная дѣятельность становится активною, источникомъ и причиною цѣлаго ряда новыхъ психическихъ и матеріальныхъ явленій. Есте-

---

*) См. выше: янв. 130; февр. 480; мар. 5 стр.

ственно, что такой выдающійся въ психической жизни фактъ сдѣлался главнымъ узломъ всѣхъ недоразумѣній, что къ нему, въ концѣ концовъ, сводятся всѣ прочія несогласія и противуположности разнообразныхъ воззрѣній на человѣческую природу. Необходимость и свобода представляются, при изслѣдованіи этого вида дѣятельности, во всей ихъ рѣзкой противуположности. Доведя изученіе психологіи до этого пункта, надо такъ или иначе, но категорически рѣшить вопросъ, существуетъ ли произвольная дѣятельность, или въ психическомъ мірѣ, какъ и въ матеріальномъ, дѣйствуютъ одни законы динамики? представленіе о произвольной дѣятельности выражаетъ ли собою дѣйствительный психическій фактъ, или она не болѣе, какъ миражъ ума? До сихъ поръ мы обходили эти вопросы; теперь же они ставятся неизбѣжно и отлагать ихъ рѣшеніе далѣе нельзя. Вотъ почему по всѣмъ другимъ предметамъ психологіи еще дѣлаются съ той и другой стороны кое-какія уступки, допускаются оговорки, возможны средніе термины и соглашенія; но какъ только дѣло доходитъ до произвольной дѣятельности души, всякая уступчивость исчезаетъ и противуположность воззрѣній выступаетъ во всей своей непримиримости. Дѣйствительно, если психическая дѣятельность не можетъ быть произвольна, то душа, со всѣми ея отправленіями и процессами, ничѣмъ существенно не отличается отъ матеріальной природы, и психологія неизбѣжно должна обратиться въ главу физіологіи; если же душа не порабощена исключительно закону необходимости, то нельзя не признать ея самостоятельности и самодѣятельности.

Уже изъ сказаннаго видно, что переходя къ этой послѣдней части психологіи, мы ступаемъ на трудный и скользкій путь, по которому надо идти съ удвоенной осторожностью и осмотрительностью. Малѣйшая неточность или неопредѣленность незамѣтно заводятъ здѣсь въ цѣлый лабиринтъ ошибокъ и противурѣчій. Къ тому же понятія о произвольной дѣятельности до того смѣшались и перепутались въ наше время, что мы утратили ясное и точное представленіе даже о ея фактической сторонѣ. Реалисты не различаютъ безсознательныхъ и непроизвольныхъ дѣйствій отъ сознательныхъ и произвольныхъ и изучаютъ послѣднія по первымъ, тогда какъ въ дѣйствіяхъ непроизвольныхъ и безсознательныхъ психическій элементъ не принимаетъ никакого участія или обнаруживается въ очень слабой степени. Идеалисты старой школы, напротивъ, разсматривая дѣятельность души съ метафизической точки зрѣнія, думали, что произвольныя дѣйствія не связаны никакими законами, что они — источникъ явленій, не имѣющихъ причины въ данныхъ

условіяхъ и обстановкѣ. Такой взглядъ, отрицая въ принципѣ науку и самую возможность научнаго изслѣдованія, былъ опровергнутъ реалистами. Къ сожалѣнію, борьба положительнаго знанія съ метафизикой, составляющая одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи развитія науки, не только не разъяснила существа произвольной дѣятельности, но скорѣй еще болѣе спутала понятія. Опровергнувъ метафизическій взглядъ на произвольныя движенія, реалисты пошли дальше и отрицаютъ произвольность дѣйствій въ принципѣ. Такъ росли и плодились недоразумѣнія до нашего времени. Шопенгауеръ считается возстановителемъ начала произвольной дѣятельности въ философіи. Онъ какъ будто ставитъ ее основнымъ началомъ своего ученія, подъ названіемъ воли, но подъ волей онъ разумѣетъ и сознательное желаніе и безсознательное стремленіе и даже силы, дѣйствующія въ неорганической природѣ. Слѣдовательно и онъ тоже смотритъ на произвольную дѣятельность съ метафизической точки зрѣнія, только придаетъ ей реалистическую окраску. Вмѣсто того, чтобъ разъяснить предметъ, онъ еще болѣе его затемнилъ, какъ доказываютъ выводы Гартмана, составляющіе дальнѣйшее развитіе воззрѣній Шопенгауера.

При такомъ положеніи вопроса, надобно прежде всего сдѣлать то, что́ нѣкогда сдѣлали юристы и филологи съ памятниками римской юриспруденціи и съ испорченнымъ текстомъ древнихъ классиковъ,—именно установить факты и условиться хорошенько въ томъ, что̀ именно мы намѣрены изслѣдовать. Физіологи изучаютъ рефлексы нервной системы и головного мозга и аппараты, задерживающіе рефлексы; юристы, богословы и моралисты, разсматривая дѣйствія, говорятъ о побужденіяхъ, сознаніи, умыслѣ, совѣсти, цѣли, вмѣняемости. Имѣетъ ли психологъ право, безъ дальнѣйшихъ справокъ, столочь весь этотъ матеріалъ въ одной ступѣ, или безъ самыхъ основательныхъ причинъ принять въ основаніе своего изслѣдованія одно, отбросить другое? Физіологія объясняетъ законы непроизвольныхъ дѣйствій; право, религія, мораль имѣютъ предметомъ, главнымъ образомъ, произвольные поступки. Значитъ, задачи ихъ различныя, и если даже принять, что и тѣ и другія дѣйствія представляютъ лишь видоизмѣненія одного и того же факта, то для совершенной правильности выводовъ необходимо при изслѣдованіи принять въ соображеніе оба вида, а не одинъ только физіологическій, какъ дѣлается въ наше время.

Чтобъ пополнить этотъ пробѣлъ въ фактахъ изслѣдованія, напомнимъ сперва главныя, существенныя черты произвольной дѣятельности, какъ онѣ, въ теченіи вѣковъ, выработались и опре-

дѣлились въ ученіяхъ права, церкви и морали и потомъ постараемся воспользоваться этимъ матеріаломъ для объясненія психической стороны дѣйствія или поступка.

Прежде всего бросается въ глаза, что произвольная дѣятельность тѣснѣйшимъ образомъ связывается съ сознаніемъ и процессами мышленія, но не смѣшивается съ ними и признается за нѣчто отъ нихъ особливое, отдѣльное. Безсознательный поступокъ не приписывается психической дѣятельности. Тотъ, кто по своему возрасту, болѣзненному или ненормальному состоянію не обладаетъ или не вполнѣ обладаетъ умственными способностями и не можетъ правильно думать, тотъ не считается способнымъ совершить поступокъ, за который подлежалъ бы отвѣтственности, другими словами, произвольное дѣйствіе. Для распознаванія произвольности или непроизвольности поступка, юридическій анализъ, основывающійся только на фактахъ, доступныхъ внѣшнимъ чувствамъ, оказывается менѣе пригоднымъ, чѣмъ нравственный, который судитъ по психическимъ фактамъ, хотя бы они и не обнаруживались внѣшнимъ образомъ.

Отъ произвольной дѣятельности строго отличается побужденіе къ поступку. Побужденіе есть только толчокъ, вызывающій дѣятельность, но не самая дѣятельность. Побужденіе можетъ и не быть въ нашей власти. Оно можетъ явиться недуманно-негаданно, въ видѣ внѣшняго впечатлѣнія; оно можетъ возникнуть въ душѣ безъ нашего участія, въ видѣ чувства, желанія, мысли. За побужденія мы не можемъ быть въ отвѣтѣ, развѣ когда сами ихъ вызываемъ, сами на нихъ напрашиваемся. Отвѣтственность или вмѣняемость начинается лишь съ той минуты, когда мы приняли побужденіе въ основаніе своей дѣятельности, рѣшили въ душѣ поступить согласно съ нимъ, одобрили его. Такимъ образомъ, характеристическій признакъ произвольной дѣятельности составляютъ сознаніе, обсужденіе, въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей, мотива, который толкаетъ къ дѣятельности, наконецъ, преднамѣренность, умыселъ, т.-е. принятіе того или другого побужденія за исходный пунктъ предполагаемаго дѣйствія, одобреніе, въ этомъ смыслѣ, побужденія въ душѣ. Юристы при этомъ не останавливаются на психическихъ поступкахъ, не перешедшихъ во внѣшнее дѣйствіе, до нихъ имъ нѣтъ дѣла. Напротивъ, церковь и мораль заглядываютъ въ глубину души, внимательно слѣдятъ за самымъ зарожденіемъ дѣйствія, задолго передъ тѣмъ, какъ оно начинаетъ совершаться внѣшнимъ образомъ.

Изъ этого видно, что подъ произвольную дѣятельность души не подходятъ ни рефлективныя движенія и дѣйствія, ни безсо-

знательныя стремленія органической и неорганической природы, ни поступки, хотя и сознательные, но выполняемые подъ неотразимымъ, подавляющимъ вліяніемъ побужденій, психическихъ или матеріальныхъ. Первые два вида дѣйствій не имѣютъ даже никакого отношенія къ произвольной дѣятельности; послѣдній составляетъ предметъ тонкой казуистики, задача которой—разрѣшить практическій вопросъ: въ какой мѣрѣ, въ данномъ случаѣ, сила побужденія дѣйствительно могла одолѣть свободное къ нему отношеніе человѣка? дѣйствительно ли онъ сдѣлалъ все, чтобъ овладѣть мотивомъ, покорить его себѣ, или онъ отдался ему, когда еще могъ, вполнѣ или частью, освободиться отъ его подавляющей власти? Въ этомъ случаѣ юристы тоже не въ состояніи провести анализа до конца и потому судятъ снисходительнѣе, чѣмъ богословы и моралисты. Но вообще, теоретически, и тѣ и другіе признаютъ возможность такой стремительности и силы побужденія, что человѣкъ не въ состояніи его одолѣть и всякое сопротивленіе разбивается въ прахъ; только богословы и моралисты, по своей точкѣ зрѣнія, менѣе склонны оправдывать, въ этомъ случаѣ, уступки побужденіямъ, чѣмъ юристы. Юридическій законъ принимаетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, въ соображеніе фактъ психическаго принужденія и вслѣдствіе того признаетъ выполненное дѣйствіе юридически недѣйствительнымъ, или смягчаетъ опредѣленное за него наказаніе.

Слѣдовательно, произвольная психическая дѣятельность признается только въ тѣхъ случаяхъ, когда побужденіе не имѣетъ непосредственной власти надъ поступкомъ, когда оно, само по себѣ, не есть причина или источникъ дѣйствія. Произвольной дѣятельности приписываются лишь поступки, строго отличенные отъ побужденія, выполненные послѣ предварительнаго свободнаго контроля, разсмотрѣнія, критики мотива. Только то, что дѣлаетъ человѣкъ въ силу такой повѣрки и критики, считается его произвольнымъ дѣйствіемъ.

Было бы однако важной ошибкой думать, будто подъ повѣркой, критикой, контролемъ мотива разумѣется одно теоретическое его разсмотрѣніе. Кромѣ теоретическаго, требуется и дѣятельное отношеніе къ мотиву, которое или даетъ ходъ и просторъ его вліянію, вполнѣ или отчасти, или въ измѣненномъ видѣ, или же задерживаетъ его и подавляетъ. Съ этой точки зрѣнія, ограничиваться одной оцѣнкой, разборомъ, одобреніемъ или порицаніемъ своихъ побужденій человѣкъ не долженъ ни въ какомъ случаѣ. Въ этомъ и состоитъ различіе совѣсти отъ произвольной дѣятельности. Совѣсть есть актъ непосредственнаго размышленія или сужденія. Она или одобряетъ, или порицаетъ

мотивъ; только произвольная дѣятельность относится къ нему активно, подавляетъ его или принимаетъ, въ томъ или другомъ видѣ, въ основаніе совершаемаго поступка. Разладъ дѣйствія съ совѣстью, извѣстный каждому по опыту, именно въ томъ и состоитъ, что мы дѣлаемъ то, что̀ въ душѣ порицаемъ, или не дѣлаемъ того, что̀ внутренно одобряемъ. Такое дѣйствіе, противное совѣсти и разсудку, считается однако актомъ произвольной дѣятельности, и то что́ мы называемъ преднамѣренностью, умысломъ, относится къ ней, а не къ сужденію, которое совѣсть или разсудокъ произносятъ о мотивѣ. Вотъ чѣмъ объясняется важная роль умысла въ поступкѣ. Умышленность значитъ въ немъ нѣчто иное и гораздо болѣе, чѣмъ сознательность. Умыселъ не есть простое знаніе совершаемаго дѣйствія, но рѣшимость его исполнить. Дѣйствіе будетъ умышленнымъ, преднамѣреннымъ даже и въ томъ случаѣ, когда оно совершается подъ сильнымъ давленіемъ побужденія, или подъ вліяніемъ психическаго принужденія, потому что въ обоихъ случаяхъ человѣкъ, въ концѣ концовъ, дѣйствовалъ съ намѣреніемъ поступить такъ, а не иначе, только онъ дѣйствовалъ не вполнѣ свободно и намѣреніе его было болѣе или менѣе вынужденное.

Въ такомъ видѣ выработалось въ исторіи понятіе объ элементахъ и условіяхъ, посреди которыхъ зарождается произвольное дѣйствіе человѣка. Выполненіе или совершеніе поступка обусловливается цѣлью, способами дѣйствія, его бо́льшимъ или меньшимъ соотвѣтствіемъ съ обстоятельствами, посреди которыхъ оно происходитъ. Эта, такъ сказать, вторая половина поступка, порождающая, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ случаевъ, безконечные споры, по существу своему гораздо проще первой. Цѣль есть начальная, самая общая формула, которую будущее дѣйствіе получаетъ въ душѣ; это его психическій первообразъ. Въ то же время цѣль есть результатъ, выводъ изъ всей приготовительной психической работы, въ которой произвольное дѣйствіе зарождается и которая вызывается побужденіемъ. Оттого, между цѣлью и побужденіемъ всегда есть извѣстное отношеніе, часто болѣе или менѣе близкая или отдаленная связь. Во всякомъ случаѣ, цѣль вызывается побужденіемъ, хотя бы она относилась къ нему отрицательно, или существенно его видоизмѣняла. Побужденіе, вызывая такое или другое дѣйствіе, прежде всего рождаетъ цѣль, которая уже формулируетъ поступокъ. Что касается до средствъ и способовъ выполненія задуманной цѣли и наконецъ до самаго исполненія, то они обозначаютъ движеніе психическаго акта на пути къ единичному факту, или къ группѣ такихъ фактовъ. Приведеніе цѣли въ исполненіе, или,

говоря метафорически, ея осуществленіе, состоитъ въ извѣстной перегруппировкѣ данныхъ того или другого матеріальнаго или психическаго положенія или состоянія, смотря по тому, направлено ли дѣйствіе на матеріальный міръ или на психическую среду. Достигается ли дѣйствіемъ цѣль, или не достигается, т.-е. соотвѣтствуетъ оно ей вполнѣ или нѣтъ, — это зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ были приняты въ соображеніе, при выполненіи цѣли, условія и законы, управляющіе данными, которые надлежало привести въ иныя сочетанія. Начиная отсюда, поступокъ совершенно подчиняется средѣ, на которую онъ направленъ, и то, въ чемъ онъ выражается, заключается лишь въ родѣ, видѣ, характерѣ комбинацій, которыя имъ производятся въ замѣну существовавшихъ до дѣйствія или поступка.

Таковы существенныя черты произвольной психической дѣятельности. Но признавая ее, отличая отъ непроизвольной, право, церковь и нравственныя ученія далеки отъ мысли возводить произвольность поступка въ безусловный принципъ. Не только обстоятельства мѣшаютъ человѣку стремиться къ предположенной цѣли и достигать ее, не только соблазны и приманки стѣсняютъ полную свободу дѣятельности, но уже при самомъ своемъ зарожденіи, она какъ-бы заранѣе предопредѣляется роковымъ образомъ фактами, нисколько отъ человѣка независящими, которые, безъ его вѣдома, даютъ его дѣятельности то или другое направленіе. Оттого человѣкъ часто дѣйствуетъ въ убѣжденіи, что поступокъ его совершенно произволенъ, а на дѣлѣ оказывается, что онъ предопредѣленъ заранѣе. Здѣсь источникъ ученія о благодати, о прирожденной грѣховности; этимъ объясняется крайняя трудность оцѣнки доблести и заслуги; въ связи съ этимъ, повидимому, находится также и ученіе о помилованіи. Затѣмъ, съ успѣхами положительнаго знанія и гражданственности, человѣкъ подмѣтилъ, что не только его дѣятельность, но и самыя побужденія существенно зависятъ отъ среды, въ которой онъ родился, воспитался и живетъ, и что условія этой среды могутъ быть измѣняемы и улучшаемы помощью извѣстныхъ, опытомъ дознанныхъ мѣръ и пріемовъ. Вслѣдствіе того, въ наше время болѣе и болѣе укореняется взглядъ, что о нравственномъ характерѣ поступка и степени его вмѣняемости нельзя судить по одной кажущейся произвольности дѣйствія и по одному соотвѣтствію или несоотвѣтствію его съ юридическими и нравственными правилами, а слѣдуетъ принять также въ соображеніе и тотъ строй мыслей и привычекъ, ту нравственную и умственную атмосферу, посреди которой выросъ и сложился человѣкъ. Нѣкоторые, идя далѣе, отрицаютъ всякую

вмѣняемость и мечтаютъ о томъ счастливомъ будущемъ, когда развитыя до высокаго совершенства условія воспитанія и общественной жизни сдѣлаютъ преступленія невозможными и кары, нравственныя и юридическія, вовсе ненужными. Всѣ эти ученія и взгляды, несмотря на ихъ разнообразіе, согласны въ томъ, что произвольная дѣятельность человѣка не безусловна, что она и въ своихъ источникахъ, какъ и въ исходѣ, при совершеніи поступка, обусловлена данными, совершенно независящими отъ дѣйствующаго лица.

Существенныя составныя части поступка, указанныя нами выше, обозначились не вдругъ, а лишь постепенно, по мѣрѣ того, какъ измѣнялся самый взглядъ на человѣческую дѣятельность. Вначалѣ, когда матеріальные элементы преобладаютъ въ быту народовъ надъ психическими, всѣ внѣшніе поступки, безъ различія, произвольные и непроизвольные, предумышленные, неосторожные, даже случайные и безсознательные, если только они по объективнымъ признакамъ составляютъ преступленіе, вмѣняются тому, кто ихъ совершилъ и влекутъ за собою наказаніе; дѣйствія же, происходящія въ глубинѣ души, остаются въ тѣни, на нихъ не обращается никакого вниманія, они какъ будто вовсе не существуютъ. Но по мѣрѣ того какъ психическіе элементы выдвигаются впередъ, характеръ преступленія измѣняется, умыселъ, намѣреніе принимаются въ разсчетъ и признаются за необходимую составную часть внѣшняго дѣйствія, подлежащаго вмѣненію и наказанію. Наконецъ, когда психическіе элементы вырабатываются до полной самостоятельности, появляется новое, неизвѣстное до тѣхъ поръ понятіе о нравственномъ, внутреннемъ поступкѣ, совершаемомъ въ душѣ, хотя бы онъ вовсе не выражался въ матеріальныхъ фактахъ. Въ нравственномъ смыслѣ человѣкъ уже совершилъ преступленіе, когда замышлялъ дурное, лелѣялъ мысль о немъ, хотя бы матеріально и не выполнилъ своего замысла. Эти два представленія о преступленіи или проступкѣ, юридическомъ и нравственномъ, матеріальномъ и психическомъ, соотвѣтствуютъ дѣятельности души, обращенной или на внѣшнюю обстановку или на самоё себя. Понятіе о психическихъ преступленіяхъ и проступкахъ могло возникнуть разумѣется только тогда, когда психическіе элементы высвободились изъ-подъ матеріальныхъ условій и развились до полной самостоятельности и самодѣятельности.

До сихъ поръ психологи пользовались мало и весьма не критически изслѣдованіями юристовъ, богослововъ и моралистовъ, несмотря на то, что ихъ труды представляютъ единственный

и притомъ чрезвычайно богатый источникъ для изученія произвольной психической дѣятельности. Мало того: простое перенесеніе ихъ наблюденій на страницы психологіи много способствовало поразительной путаницѣ понятій обо всемъ, что̀ касается произвольныхъ дѣйствій. Черпая изъ этого источника безъ разбора и критики, мы забываемъ, что религія, юриспруденція и ученія о нравственности преслѣдуютъ цѣли практическія. Въ нихъ произвольныя дѣйствія разсматриваются и изслѣдуются только въ той мѣрѣ, какъ это нужно, чтобъ, во-первыхъ, удержать человѣка отъ грѣха, отклонить отъ преступленія и направить на путь добра, соблюденія положительныхъ законовъ и правилъ нравственности, а во-вторыхъ, когда грѣхъ или преступленіе совершены—опредѣлить степень̀ вмѣняемости поступка и мѣру заслуженнаго наказанія или взысканія, карательнаго или исправительнаго. Психологія имѣетъ совсѣмъ другую задачу. Цѣль ея — теоретическая. Она должна опредѣлить свойства психической дѣятельности и ея законы, безъ всякаго отношенія къ добру или злу, положительному закону или совѣсти, къ добродѣтели или пороку. Поэтому, для психолога, выводы изъ наблюденій, сдѣланныхъ съ практическою цѣлью, могутъ служить только матеріаломъ для изслѣдованія, важнымъ указаніемъ, не болѣе. Къ сожалѣнію, это слишкомъ часто опускается изъ виду, и психологія нерѣдко смѣшивается съ этикой, начала которой совсѣмъ другія. Этика обусловливается психологіей, но далеко не одно и то же съ нею.

Совершенная неудовлетворительность всего, что̀ мы до сихъ поръ знаемъ по этому отдѣлу психологіи, указываетъ на необходимость его критической, научной разработки. Но чтобъ приступить къ ней надо прежде всего расчистить поле изслѣдованія и устранить слова, которыя заслоняютъ собою самые предметы. Еще Бэконъ жаловался на помѣху, какую наука встрѣчаетъ въ словахъ и названіяхъ. Психологическія изслѣдованія встрѣчаются съ такими помѣхами на каждомъ шагу, но особливо по тому отдѣлу, который насъ теперь занимаетъ.

Произвольная психическая дѣятельность приписывается волѣ. Это выраженіе подаетъ поводъ къ важнымъ недоразумѣніямъ, которыя необходимо устранить, если не хотимъ, съ самаго же начала, ввести изслѣдованіе въ ложную колею и сдѣлать его совершенно безплоднымъ. Съ выраженіемъ: *воля*, мы безсознательно соединяемъ представленіе о какой-то особой способности или силѣ души, производящей извѣстнаго рода психическія явленія. Но такое значеніе придало ей злоупотребленіе терминами, происходящее отъ непониманія точнаго ихъ смысла. Одно не-

знаніе создало этого мнимаго психическаго дѣятеля; благодаря только незнанію онъ возникъ, незамѣтно протерся между душею и ея продуктами, разъединилъ ихъ и выросъ въ особую силу и способность души. Психологія поставлена имъ въ тупикъ; она рѣшительно не знаетъ, что съ нимъ начать, — такъ онъ ее путаетъ. Всѣмъ извѣстно и памятно, сколько естественныя науки потратили напрасно труда и усилій, чтобъ раздѣлаться съ метафорическими существами, называемыми силами. Приписать явленіе силѣ казалось очень удобнымъ; названіе освобождало отъ необходимости искать объясненія, терминологіей пытливый умъ успокоивался, по крайней мѣрѣ на время; но положительное знаніе отъ такой замѣны дѣла словомъ сильно страдало. Съ призракомъ объясненія, загораживающимъ фактъ, предстояло много дѣла; нужно было сначала догадаться и понять, что терминъ —не объясненіе, и потомъ долго, упорно, бороться съ метафорой, пока она подалась назадъ и заслоненный ею фактъ, дѣло, становились лицомъ къ лицу съ изслѣдователемъ. Естественныя науки прошли наконецъ чрезъ эти недоразумѣнія и борьбу; онѣ вполнѣ овладѣли дѣйствительнымъ смысломъ метафоръ и сдѣлали ихъ безвредными для науки. Но психологія и до сихъ поръ загромождена ими. Что̀ такое, въ самомъ дѣлѣ, воля? Группируя, правильно или неправильно, психическія явленія, мы сперва собираемъ отличительные признаки группъ, потомъ суммируемъ ихъ особо по каждой группѣ и эти суммы или совокупности признаковъ обозначаемъ особыми общими выраженіями или терминами. Такимъ образомъ, выраженіе: *воля,* собственно говоря, не болѣе, какъ только обобщенное обозначеніе отличительныхъ особенностей или характеристическихъ признаковъ дѣятельнаго состоянія души. Это—отвлеченное понятіе, а не дѣйствительный предметъ. Какимъ образомъ, по какому закону, отвлеченное понятіе обратилось въ умственное существо, въ силу, способность, производящую тѣ явленія, для которыхъ оно, на самомъ дѣлѣ, служитъ только сокращеннымъ, обобщеннымъ обозначеніемъ,—это объясняетъ исторія развитія понятій и языка. Но такъ или иначе, а это метафорическое олицетвореніе заняло непринадлежащее ему мѣсто въ наукѣ, и мы, вмѣсто того, чтобъ изслѣдовать отличительные признаки, которые имъ обозначаются и роль этихъ признаковъ въ психической жизни, обращаемся къ метафорѣ, какъ къ дѣйствительному психическому факту, усиливаемся разгадать его, опредѣлить мѣсто, занимаемое имъ въ душѣ, уяснить его отношеніе къ ней, и т. п. Вслѣдствіе того, положительное изслѣдованіе психической жизни не только затрудняется, но, что гораздо хуже, оно переносится на вооб-

ражаемую метафизическую почву, гдѣ, за недостаткомъ матеріала и фактовъ, истощается въ безплоднѣйшихъ схоластическихъ упражненіяхъ. Море бываетъ порой тихо, порой покрыто волнами или рябью; иногда оно чернаго цвѣта, иногда зеленаго, иногда свѣтится. Что бы мы сказали, еслибъ кто-нибудь вздумалъ возводить эти различныя состоянія моря въ особые, самостоятельные предметы и приписывать каждое изъ нихъ особой способности или силѣ, напримѣръ, тихое состояніе—тихости, волны — волнистости, рябь — рябистости и т. п.? А говоря о душѣ и ея состояніяхъ мы именно такъ поступаемъ, и не находимъ этого страннымъ или смѣшнымъ, потому что привыкли въ психологіи къ такимъ пріемамъ.

Приступая къ критическому изслѣдованію психической стороны дѣйствій, мы должны, прежде всего, забыть отвлеченности, закрѣпленныя особой терминологіей, которая насъ путаетъ и беззавѣтно отдаться изученію положительныхъ фактовъ. Общее сознаніе, выработанное вѣками, различаетъ произвольныя дѣйствія отъ непроизвольныхъ. Послѣднія, какъ выяснено физіологіей, основаны на рефлексахъ, неимѣющихъ никакихъ отношеній къ психической дѣятельности. Произвольныя дѣйствія, которымъ по преимуществу приписывается психическій характеръ, отличаются своими существенными особенностями, изъ которыхъ многія подмѣчены и указаны юристами, богословами и моралистами. Все дѣло въ томъ, представляютъ ли эти особенности дѣйствительные факты или онѣ существуютъ только въ воображеніи людей, и если онѣ плодъ наблюденій, а не фантазіи, то какія стороны психической жизни онѣ собою выражаютъ? Съ этого должны, какъ мы думаемъ, начаться критическія изслѣдованія произвольной дѣятельности, при теперешнемъ печальномъ состояніи этой отрасли психологіи.

Постараемся обозначить приблизительно, въ однѣхъ лишь общихъ чертахъ, программу такихъ изслѣдованій и намѣтить вѣроятные, по крайней мѣрѣ возможные, ихъ результаты.

Прежде всего, какъ мы уже сказали, надобно возстановить фактическую сторону предмета и опредѣлить точнымъ образомъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ произвольнымъ дѣйствіемъ, какія его характеристическія черты и особенности.

Мы уже видѣли, что по наружнымъ признакамъ произвольное дѣйствіе ничѣмъ не отличается не только отъ непроизвольнаго, но даже и отъ безсознательнаго. Что я вчера дѣлалъ произвольно, съ намѣреніемъ, то сегодня могу дѣлать безсознательно, даже во снѣ или въ забытьи. Непроизвольное, рефлективное дѣйствіе можетъ быть также цѣлесообразнымъ, казаться,

по своимъ послѣдствіямъ, также зрѣло обдуманнымъ въ цѣломъ и частяхъ, какъ и произвольное.

Но и по внутреннимъ признакамъ опредѣлить произвольное дѣйствіе чрезвычайно трудно. Съ перваго взгляда произвольнымъ можетъ показаться каждый поступокъ, совершаемый наперекоръ матеріальнымъ побужденіямъ, по внушенію психическихъ мотивовъ или убѣжденій разсудка. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи этотъ признакъ оказывается обманчивымъ. Торжество такъ-называемыхъ нравственныхъ мотивовъ надъ матеріальными не имѣетъ прямого отношенія къ произвольности дѣйствій. Исходъ борьбы мотивовъ опредѣляется относительною ихъ силою, и если нравственныя побужденія перевѣшиваютъ матеріальныя, непосредственныя, то человѣкъ сообразуетъ съ ними свои поступки, точно также какъ въ другихъ случаяхъ онъ покоряется матеріальнымъ побужденіямъ, когда они сильнѣе нравственныхъ доводовъ. Такимъ образомъ, борьба побужденій и побѣда однихъ надъ другими имѣетъ скорѣе механическій характеръ и вполнѣ удовлетворительно объясняется законами психической динамики. Недоразумѣнія по этому предмету могли произойти, какъ мы уже замѣтили, только вслѣдствіе смѣшенія этики съ психологіей. Торжество нравственныхъ началъ надъ матеріальными побужденіями, идеальныхъ стремленій надъ животными, души надъ тѣломъ, имѣетъ свое значеніе и цѣну, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить аргументомъ въ пользу или противъ произвольности дѣйствій. Въ этомъ и состоитъ крайняя трудность опредѣлить субъективную сторону заслуги или подвига. Если добродѣтель пересиливаетъ въ душѣ порочныя наклонности, то это не всегда заслуга или подвигъ. Когда хорошія наклонности сильнѣе дурныхъ, то человѣкъ имъ и слѣдуетъ, безъ особенныхъ усилій, иногда даже безъ всякихъ усилій и борьбы. Награда и наказаніе, разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, находятся въ связи не съ произвольностью поступковъ, а напротивъ, скорѣе вытекаютъ изъ предположенія, что выборъ людьми побужденій, наклонность ихъ къ такимъ или другимъ поступкамъ, опредѣляется не свободнымъ избраніемъ, а относительною силою мотивовъ, по законамъ психической механики. Наказаніе и награда, въ этомъ смыслѣ, служатъ лишь средствомъ, придуманнымъ для усиленія однихъ мотивовъ и ослабленія, по возможности, другихъ. Наградою и наказаніемъ вносится въ столкновеніе побужденій новое условіе, съ цѣлью измѣнить шансы борьбы, дать исходу ея желаемое направленіе.

Есть также мнѣніе, будто произвольное дѣйствіе отличается отъ непроизвольнаго тѣмъ, что совершается безъ всякихъ по-

бужденій или мотивовъ. Защитники этого взгляда думаютъ, что мотивъ, дѣйствуя механически, вынуждаетъ насъ къ извѣстному дѣйствію, и потому поступокъ можетъ быть произвольнымъ только въ такомъ случаѣ, если совершается безъ всякаго побужденія. Но и эта аргументація не выдерживаетъ критики. Безъ мотива совершаются только дѣйствія безсознательныя, или хотя и сознаваемыя, но происходящія рефлективно, то-есть такія, въ совершеніи которыхъ душа не принимаетъ участія, къ которымъ она относится только пассивно и созерцательно; но оба эти вида поступковъ не принадлежатъ къ разряду произвольныхъ. Произвольныя дѣйствія непремѣнно сознательны, и мы принимаемъ въ нихъ психически дѣятельное участіе. Наконецъ, безъ мотива дѣйствуютъ люди, лишенные почему-либо возможности здраво обсуждать свои поступки; но и ихъ дѣйствія не считаются произвольными и потому не вмѣняются совершившему.

Современную путаницу воззрѣній на произвольную и непроизвольную дѣятельность всего ярче выразилъ Дж. Стюартъ Миль. Онъ не рѣшается, подобно реалистамъ, отрицать возможность произвольныхъ дѣйствій, но въ то же время, ему не хочется допустить, вмѣстѣ съ метафизиками и идеалистами, возможность поступковъ, необусловленныхъ необходимымъ мотивомъ или побужденіемъ. Чтобъ выдти изъ затруднительнаго положенія, онъ прибѣгаетъ къ слѣдующей діалектической уловкѣ. Произвольный поступокъ, по его взгляду, есть тоже необходимый, вызванный дѣйствіемъ побужденія, только побужденіемъ служитъ, въ этомъ случаѣ, воля дѣйствующаго лица поступить такъ, а не иначе. Неудовлетворительность такого объясненія бросается въ глаза. Какимъ образомъ воля можетъ обратиться въ побужденіе, — вотъ что слѣдовало объяснить и доказать, а Дж. Ст. Милль никакихъ объясненій и доказательствъ не представилъ; итакъ, его разсужденія не подвигаютъ вопроса ни на шагъ впередъ. Метафизики и идеалисты, прежде него, говорили то же самое. Они тоже приписывали волѣ власть побуждать къ дѣйствію или поступку; но недостаточность такого объясненія и повела къ недоразумѣніямъ, а потомъ и къ отрицанію произвольной дѣятельности и воли; а Дж. Ст. Милль только повторяетъ мнѣніе метафизиковъ.

Чѣмъ же, однако, произвольныя дѣйствія отличаются отъ непроизвольныхъ?

Мы думаемъ, что въ произвольныхъ поступкахъ побужденіе къ дѣйствію вызывается самимъ дѣйствующимъ лицомъ произвольно, тогда какъ въ непроизвольныхъ дѣйствіяхъ побужденіе

является само собою, есть данное, независящее отъ дѣйствующаго лица. Постараемся объяснить эту мысль.

Разсматривая дѣйствія или поступки человѣка, мы различаемъ между ними, съ психологической точки зрѣнія, нѣсколько видовъ. Есть дѣйствія непроизвольныя безсознательныя; они вполнѣ подходятъ подъ разрядъ рефлексовъ. Есть, далѣе, дѣйствія непроизвольныя, но которыя мы сознаемъ, хотя и не можемъ ихъ направить. Къ нимъ мы относимся зрителями, не будучи въ состояніи съ ними совладѣть. Дѣйствія этого рода тоже рефлективныя и отличаются отъ первыхъ только тѣмъ, что мы знаемъ о нихъ, находимся, когда они совершаются, въ состояніи сознанія. Есть затѣмъ поступки, на которые мы рѣшаемся послѣ болѣе или менѣе долгой и упорной борьбы. Такія дѣйствія обыкновенно считаются произвольными, результатомъ дѣятельности воли; но противъ этого очень справедливо возражаютъ, что воля, собственно говоря, тутъ не при чемъ. Внутренняя борьба, результатомъ которой являются такіе поступки, предполагаетъ существованіе въ душѣ различныхъ побужденій, изъ которыхъ каждое стремится опредѣлить дѣйствіе, склонить насъ къ тому или другому поступку. Въ этой борьбѣ, относительная сила мотивовъ и одерживаетъ верхъ. Что эта сила зависитъ отъ упражненія и навыка—не подлежитъ сомнѣнію; что, въ этомъ смыслѣ, вся предшествовавшая жизнь человѣка подготовляетъ такой или другой исходъ борьбы — это точно также вѣрно; но все же остается безспорнымъ, что самая борьба побужденій не предполагаетъ ничего другого, кромѣ существованія ихъ въ душѣ. Совершается такая борьба по законамъ механическимъ, и когда всѣ данныя извѣстны, ходъ ея развитія можетъ быть формулированъ заранѣе, съ математическою точностью. Нравственное впечатлѣніе на насъ этой борьбы мы лишь по недоразумѣнію и ошибкѣ относимъ къ самому дѣйствію. Борьба и ея исходъ обусловлены уже напередъ всѣмъ предыдущимъ—воспитаніемъ, первыми впечатлѣніями, опытомъ, внѣшними вліяніями, средой, обстоятельствами, при которыхъ сложилось дѣйствующее лицо. Правда, воспитаніе не оканчивается дѣтствомъ и продолжается долго, почти всю жизнь, и только въ этомъ смыслѣ мы въ отвѣтѣ за свои дѣйствія; но едва ли можно отрицать, что относительная сила мотивовъ, которая опредѣляетъ поступокъ, создается не въ минуту самаго дѣйствія, а подготовляется исподоволь, какъ магнитъ лишь постепенно дѣлается способнымъ поддерживать большой кусокъ желѣза. Если человѣкъ, бывшій всю свою жизнь безкорыстнымъ, не польстится, подъ старость лѣтъ, на приманку огромной незаконной прибыли,

то добродѣтельнымъ, въ психическомъ смыслѣ, долженъ быть названъ не его поступокъ, а цѣлый строй его души, подготовленный ходомъ всей его жизни. Кто не соблазнился, — это значитъ, что мотивъ соблазна въ немъ остался, сравнительно, менѣе развитымъ и оттого оказался слабымъ въ борьбѣ съ другими, сильно въ немъ развитыми добродѣтельными побужденіями.

Всѣ перечисленные виды дѣйствій предполагаютъ присутствіе одного или нѣсколькихъ данныхъ побужденій, психическихъ или матеріальныхъ. Они необходимо, механически, толкаютъ человѣка къ дѣятельности, и дѣйствіе его выходитъ такое или другое, смотря по характеру, свойству, силѣ и взаимнымъ отношеніямъ этихъ побужденій. Въ дѣйствіяхъ, происходящихъ вслѣдствіе борьбы нѣсколькихъ или многихъ мотивовъ есть, повидимому, и умыселъ, и цѣль, и всѣ другія принадлежности произвольнаго поступка; но они вызываются данными мотивами, хотя мы этого часто не замѣчаемъ, и намъ представляется, будто они свободно возникли въ душѣ, подъ вліяніемъ однихъ лишь нашихъ желаній, свободно вызванныхъ нами самими. Источника самообольщенія и невольнаго обмана должно, въ этихъ случаяхъ, искать въ идеосинкразіяхъ и ассоціаціяхъ идей. Идеи, мысли, представленія, чувства, желанія, страсти, самыя различныя и даже противуположныя, могутъ срастаться въ душѣ, и когда разъ они срослись между собою, стóитъ подняться одной изъ нихъ со дна души, — и тотчасъ же, вмѣстѣ съ нею, подымаются и другія, сросшіяся съ нею. По тѣсной связи съ первыми, послѣднія появляются безъ всякаго участія нашей воли, непроизвольно; намъ же, напротивъ, кажется, будто мы сами, намѣренно и произвольно, противупоставляемъ ихъ тѣмъ, которыя вызвали ихъ въ нашей душѣ. Такъ, человѣкъ, котораго я горячо любилъ, съ которымъ связаны лучшія воспоминанія моей жизни, оказался впослѣдствіи безсовѣстнымъ, безчестнымъ, совсѣмъ негоднымъ. И вотъ, при каждой встрѣчѣ съ нимъ, каждый разъ, что я объ немъ вспомню, меня будутъ волновать самыя противуположныя ощущенія, и борьба ихъ непремѣнно отразится на характерѣ дѣйствія, если они почему-либо вызовутъ мою дѣятельность.

Но сверхъ разсмотрѣнныхъ нами, есть и такіе поступки, которые совершаются по мотивамъ дѣйствительно произвольнымъ, вызваннымъ свободнымъ починомъ души. Раздраженный чѣмъ-нибудь, я могу, въ пылу гнѣва и злости, вспомнить, что не слѣдуетъ отдаваться этому чувству, что надо себя сдерживать. Тутъ, очевидно, одно побужденіе вызываетъ другое само собою,

по закону сростанія или ассоціаціи идей. Но будучи въ совершенно спокойномъ состояніи, когда меня ничто не волнуетъ и не возбуждаетъ, я могу безразлично выполнить, одно за другимъ, множество самыхъ разнообразныхъ дѣйствій, умныхъ или безсмысленныхъ, какія мнѣ придутъ въ голову. Чѣмъ человѣкъ спокойнѣй, тѣмъ онъ болѣе способенъ выполнить то или другое дѣйствіе единственно по своей прихоти, не вызванной ничѣмъ. Находясь въ такомъ душевномъ состояніи, я могу любую мысль обратить, по произволу, въ мотивъ поступка. Мало того: человѣкъ способенъ поставить себѣ задачею сдѣлать то, что ему вздумается, будетъ ли это умно или глупо, полезно или вредно ему самому. Сможетъ ли онъ выполнить задуманное,—это другой вопросъ; дѣйствіе, невыполнимое по законамъ природы, и останется неисполненнымъ; но по замыслу, въ психическомъ смыслѣ, человѣкъ можетъ предпринять все, что только ему придетъ въ голову. Это не значитъ, что произвольное дѣйствіе совершается безъ побужденія. Поступка, ничѣмъ не мотивированнаго или не вызваннаго, нельзя себѣ представить. Но, во-первыхъ, мотивы бываютъ и матеріальные, приходящіе извнѣ, и психическіе, внутренніе, возникающіе въ самой душѣ; во-вторыхъ, по способу происхожденія, мотивы бываютъ непроизвольные, возникающіе сами собою, безъ участія дѣйствующаго лица, и произвольные, имъ самимъ вызываемые. Только дѣйствія и поступки, совершаемые вслѣдствіе произвольно вызваннаго побужденія, и суть произвольные, въ точномъ смыслѣ слова. Всѣ прочіе имѣютъ болѣе или менѣе рефлективный, механическій, непроизвольный характеръ.

Ниже мы постараемся объяснить возможность, условія и законы произвольныхъ психическихъ дѣйствій. Теперь будемъ продолжать разсмотрѣніе самаго факта произвольной дѣятельности и отмѣтимъ недоразумѣнія, которымъ она подаетъ поводъ.

Каждый произвольный поступокъ, именно потому, что побужденіе къ нему вызвано самимъ дѣйствующимъ лицомъ, есть непремѣнно сознательный и не можетъ совершаться безсознательно. Безсознательными могутъ быть только данные, непроизвольные мотивы. Самый вызовъ, выборъ мотива есть уже по необходимости сознательный актъ души. Какъ только сознаніе исчезаетъ, мы подпадаемъ подъ дѣйствіе даннаго побужденія.

Кромѣ того, каждое произвольное дѣйствіе, по существу своему, есть непремѣнно преднамѣренное. Неумышленныя дѣйствія, будутъ ли они случайныя или необходимыя, всегда непроизвольны, хотя бы сознаніе и сопровождало ихъ выполненіе.

Далѣе. Мотивъ произвольнаго поступка не можетъ быть

матеріальнымъ, внѣшнимъ толчкомъ; онъ необходимо психическаго свойства. Эта особенность вытекаетъ изъ того, что матеріальный мотивъ, какъ данный, отъ насъ независящій, можетъ породить только непроизвольное, необходимое дѣйствіе. Матеріальный мотивъ не находится въ душѣ, а привходитъ въ нее извнѣ, почему и не можетъ быть произвольно поставленъ дѣйствующимъ лицомъ. Вызвать изъ души мы можемъ только мотивъ въ ней заключающійся, хоть изъ этого, разумѣется, вовсе не слѣдуетъ, чтобъ мотивъ такого рода не могъ дѣйствовать и непроизвольно, не могъ необходимымъ образомъ опредѣлять нашу дѣятельность. Правда, мы можемъ, совершенно произвольно, выполнять матеріальное дѣйствіе, вызвать въ себѣ желаніе къ матеріальному поступку; но первый мотивъ, посредствомъ котораго мы возбудимъ въ себѣ такое расположеніе или состояніе, будетъ непремѣнно психическаго, а не матеріальнаго свойства. Такъ, сидя спокойно у себя въ комнатѣ, я могу совершенно произвольно рѣшиться ѣхать въ концертъ или къ знакомымъ на вечеръ. Я заранѣе знаю, что одно доставитъ мнѣ художественное наслажденіе, другое расположитъ меня къ другого рода удовольствію. Дѣйствительно, слушая пьесу въ концертѣ или участвуя въ пріятельской бесѣдѣ, я прихожу въ такое или другое состояніе и испытываю на себѣ, уже непроизвольно, его дѣйствія; но первый актъ, который меня побудилъ идти въ концертъ или въ кругъ пріятелей былъ совершенно произвольный; тогда я былъ спокоенъ, не находился подъ вліяніемъ какого то бы ни было аффекта, и отъ меня совершенно зависѣло поступить такъ или иначе. Выборъ мой не опредѣлялся ничѣмъ; я самъ его опредѣлилъ, самъ добровольно поставилъ себя въ зависимость отъ извѣстнаго душевнаго состоянія, которое подѣйствовало на меня уже необходимымъ образомъ, вызвало мои дальнѣйшіе, уже непроизвольные поступки.

Вглядываясь глубже въ характеръ и свойства побужденій, произвольно вызываемыхъ свободнымъ починомъ души, мы найдемъ, что они непремѣнно заключаются въ общихъ или отвлеченныхъ мысляхъ, соотвѣтствующихъ различнымъ нашимъ чувствамъ, желаніямъ, стремленіямъ и страстямъ. И это совершенно естественно. Всякое чувство, желаніе, а тѣмъ болѣе страсть, суть побужденія данныя, непроизвольныя, дѣйствующія принудительно. Только холодная, спокойная, ничѣмъ не волнуемая мысль можетъ стать произвольнымъ мотивомъ. Когда какія бы то ни было побужденія дѣйствуютъ на душу, разныя соображенія являются въ ней сами собою, невольно. Дѣйствіе, въ какую бы сторону оно ни склонилось, какія бы побужденія ни

одержали верхъ, будетъ въ такомъ случаѣ непроизвольное. Напротивъ, мотивъ, нами самими произвольно вызванный изъ глубины души, уже по этому не можетъ быть ни желаніемъ, ни стремленіемъ, ни страстью, такъ какъ онъ не имѣетъ принудительнаго характера. Но такимъ безстрастнымъ, холоднымъ, вполнѣ намъ подвластнымъ мотивомъ можетъ быть только общая или отвлеченная мысль, не согрѣтая чувствомъ, не перешедшая въ желаніе, иначе она выходила бы изъ нашей власти и вызывала бы или рефлективное движеніе, или борьбу мотивовъ. Только общая или отвлеченная мысль, связанная, какъ мы видѣли, съ центромъ чувствительности и служащая проводникомъ къ соотвѣтствующему ей чувству, желанію или стремленію, способна служить клавишей, помощью которой мы, по произволу, вызываемъ въ себѣ то или другое побужденіе. Въ этомъ смыслѣ, произвольное дѣйствіе можно сравнить съ игрою на инструментѣ: выполняя на немъ произвольно извѣстныя механическія дѣйствія, мы извлекаемъ изъ него звуки, которые настроиваютъ душу извѣстнымъ образомъ, возбуждаютъ въ ней тѣ или другія чувства. Посредствомъ общихъ и отвлеченныхъ мыслей, находящихся въ прямой связи съ центромъ чувствительности, произвольное на нихъ дѣйствіе вызываетъ соотвѣтствующія имъ чувства, желанія, страсти, которыя потомъ уже сами собою приводятъ душу въ извѣстныя непроизвольныя состоянія и побуждаютъ насъ къ непроизвольнымъ поступкамъ. Въ спокойномъ состояніи, я совершенно хладнокровно припоминаю множество фактовъ, лицъ, обстоятельствъ, которые, при непосредственномъ съ ними соприкосновеніи, возбуждаютъ во мнѣ множество разнородныхъ ощущеній. Покуда я нахожусь въ спокойномъ состояніи, вдалекѣ отъ этихъ лицъ, обстоятельствъ и т. п., я отношусь къ нимъ вполнѣ безразлично и объективно, могу одинаково и остановиться на нихъ и переходить отъ одного изъ нихъ къ другому; но когда я разъ остановился произвольно на одномъ изъ нихъ и отдался его вліянію, то-есть, посредствомъ общей или отвлеченной мысли, которою оно представляется моему сознанію, вызвалъ въ душѣ соотвѣтствующее ему желаніе или чувство, я уже подпадаю подъ его вліяніе и совершаю непроизвольныя дѣйствія, возбуждаемыя чувствомъ или желаніемъ, которое я вызвалъ въ душѣ посредствомъ общей или отвлеченной мысли.

Съ этой точки зрѣнія, произвольная дѣятельность представляется противуположною процессу мышленія. Послѣдній переработываетъ единичныя впечатлѣнія въ представленія, въ общія и отвлеченныя понятія; произвольная дѣятельность, наоборотъ,

переводитъ представленія, общія и отвлеченныя понятія въ тѣ единичныя впечатлѣнія, которыя имъ соотвѣтствуютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ группируетъ инымъ образомъ факты, отъ которыхъ такія впечатлѣнія получаются. Всякій произвольный поступокъ начинается, какъ сказано, отъ какой-нибудь общей или отвлеченной мысли и оканчивается извѣстной новой группировкой матеріальныхъ или психическихъ данныхъ. Переходъ этотъ совершается также постепенно, какъ и переходъ отъ единичныхъ впечатлѣній къ представленіямъ, обобщеніямъ и отвлеченіямъ. Сначала общая или отвлеченная мысль становится намѣреніемъ или умысломъ. Въ этомъ видѣ она уже обращается въ чувство, желаніе или стремленіе, которыхъ нѣтъ въ холодной, спокойной мысли, и становится побужденіемъ. Затѣмъ является и цѣль. Въ цѣли, намѣреніе, умыселъ уже приближается къ единичнымъ фактамъ. Цѣль не что иное, какъ программа будущаго дѣйствія, но программа еще не довольно точно опредѣленная, которая, смотря по обстоятельствамъ, можетъ измѣняться въ подробностяхъ, оставаясь одною и тою же въ существенныхъ чертахъ. Наконецъ, самое дѣйствіе, т.-е. выполненіе цѣли, составляетъ прямой переходъ къ единичнымъ фактамъ; оно заканчивается ихъ новой группировкой, которая столько же зависитъ отъ цѣли, сколько и отъ свойства самыхъ фактовъ, подвергаемыхъ перестановкѣ. Такъ, спокойно перебирая въ самомъ себѣ разные факты и мысли, я останавливаюсь на томъ, что буду писать письмо, къ чему меня впрочемъ ничто не принуждаетъ. Оказывается, что у меня нѣтъ ни чернилъ, ни перьевъ, ни бумаги, и я долженъ напередъ достать ихъ, а до тѣхъ поръ отложить свое намѣреніе. Ходъ мышленія совсѣмъ иной. Оно работаетъ надъ данными единичными впечатлѣніями, передѣлываетъ ихъ въ психическіе продукты—въ представленія, обобщенія и отвлеченія и въ такомъ передѣланномъ видѣ вводитъ эти впечатлѣнія въ душу, сообщаетъ имъ психическій характеръ. Произвольная дѣятельность, имѣя исходной точкой эти продукты, измѣняетъ по нимъ, вслѣдствіе свободнаго почина души, данную группировку единичныхъ фактовъ и этимъ существенно разнится отъ прочихъ видовъ дѣятельности. Рефлективныя, безсознательныя и сознательныя, движенія совершаются по законамъ матеріальнаго міра. Ни намѣренія, ни цѣли они не предполагаютъ и возникаютъ вслѣдствіе побужденій, появляющихся и дѣйствующихъ съ роковою необходимостью. Поступки, возникающіе изъ борьбы мотивовъ, нѣсколько ближе къ произвольнымъ. Въ нихъ мотивы подымаются со дна души и являются опредѣляющимъ факторомъ поступка въ видѣ намѣреній и цѣлей; но существенная ихъ

разница отъ произвольныхъ дѣйствій состоитъ въ томъ, что въ нихъ психическіе мотивы являются непроизвольно, подъ вліяніемъ данныхъ побужденій, по закону идеосинкразіи или ассоціаціи идей. Только при произвольной дѣятельности мотивъ вызывается въ душѣ произвольно, безъ всякаго необходимаго побужденія, собственнымъ починомъ дѣйствующаго лица, которое въ самомъ себѣ находитъ мотивъ для дѣятельности.

Тѣмъ, что общія и отвлеченныя мысли, отрѣшенныя отъ чувствъ и желаній, играютъ такую важную роль въ произвольной дѣятельности, вполнѣ объясняется тѣсная связь воли и мышленія, которую, какъ мы видѣли, согласно предполагаютъ и моралисты, и церковь и юриспруденція. Кто не можетъ правильно мыслить, тотъ и неспособенъ совершить поступокъ, подлежащій вмѣненію. Правильное отправленіе мышленія предполагаетъ способность отрѣшиться отъ чувства, стремленія, страсти, отнестись къ нимъ совершенно объективно. При ненормальномъ состояніи души, мышленіе не можетъ подняться до такого объективнаго отношенія къ чувствамъ, стремленіямъ, страстямъ, возвыситься надъ ними, и они, парализуя процессъ мышленія, остаются въ душѣ источникомъ непроизвольныхъ, рефлективныхъ движеній, съ которыми ненормально дѣйствующее мышленіе не въ состояніи совладѣть.

Существенная роль общихъ и отвлеченныхъ мыслей въ произвольной дѣятельности показываетъ, что метафизики и идеалисты ошибаются, предполагая, будто воля имѣетъ какое-то свое, особое содержаніе, отдѣляя ее рѣзкой чертой отъ мышленія и признавая ее за особое, безусловное психическое начало. Такія представленія о волѣ и произвольной дѣятельности, вытекающія изъ цѣлаго міровоззрѣнія, продолжали еще держаться, когда оно пришло въ упадокъ, только благодаря недостаточности психологическаго анализа и устарѣлымъ, младенческимъ пріемамъ психологической критики. Произвольная дѣятельность и мышленіе—два различныя отправленія одного и того же психическаго организма, идущія другъ другу на встрѣчу и развивающіяся въ противуположныхъ направленіяхъ. Никакого особаго своего содержанія произвольная дѣятельность не имѣетъ и имѣть не можетъ, точно также, какъ нѣтъ и не можетъ быть чистой, безусловной произвольности, или такъ-называемой безусловной воли. Свободный починъ души — единственная черта, которою произвольная дѣятельность отличается отъ другихъ явленій—вполнѣ обусловливается наличными въ душѣ мыслями, понятіями, представленіями, какъ непроизвольная дѣятельность обусловлена вызывающими ее невольными побужденіями и толчками. То, что не со-

держится въ душѣ въ видѣ мысли, представленія, понятія, не можетъ, ни въ какомъ случаѣ, быть обращено произвольнымъ актомъ души въ мотивъ дѣятельности. Этого мало. Въ развитіи и дѣйствіяхъ своихъ, свободный починъ души ограниченъ ея привычками, прирожденными наклонностями, способностями и свойствами и тому подобными положительными данными. Переходя въ объективный или реальный міръ, произвольная дѣятельность ограничена его законами, съ которыми должна сообразоваться и которыхъ ни отвергнуть, ни переступить не можетъ. Подобно непроизвольной дѣятельности, и произвольная не можетъ что-либо прибавить къ тому или убавить изъ того, что существуетъ матеріально или психически. Вращаясь въ томъ же дѣйствительномъ мірѣ и не будучи въ состояніи выдти изъ его неизмѣнныхъ условій, она, какъ и непроизвольная дѣятельность, ограничивается одной перегруппировкой единичныхъ данныхъ и впечатлѣній, по образцамъ, сложившимся въ душѣ, насколько эти образцы не противорѣчатъ условіямъ и законамъ психической и матеріальной природы. Встрѣчаясь съ побужденіями или препятствіями, матеріальными и психическими, она вступаетъ съ ними въ борьбу, исходъ которой, подобно всякой борьбѣ, опредѣляется относительною силою борящихся сторонъ. Способность ставить мотивъ и энергически проводить его, бороться съ препятствіями и помѣхами при переведеніи его въ дѣло, въ дѣйствительность, матеріальную или психическую, зависитъ столько же отъ прирожденныхъ свойствъ души, сколько отъ навыка и упражненія. Въ этомъ отношеніи произвольная дѣятельность точно также ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ другихъ психическихъ отправленій. Ее, подобно чувству и мышленію, можно развивать, укрѣплять, усиливать, или напротивъ, ослаблять, изнѣживать, притуплять бездѣйствіемъ. Дряблость души, безхарактерность, отсутствіе энергіи и рѣшимости, на которую мы всѣ жалуемся, происходитъ отъ тысячи самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ и причинъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимаетъ почти полное отсутствіе правильнаго воспитанія того, что называется волею. Всѣ наши усилія направлены почти исключительно на развитіе умственныхъ способностей. Въ сравненіи съ ними, чувство и воля остаются безъ всякой культуры. Этотъ пробѣлъ въ воспитаніи отзывается въ наше время во множествѣ весьма прискорбныхъ явленій. Къ сожалѣнію, мѣры, какія доселѣ предлагались для воспитанія воли были крайне недостаточны или ошибочны, вслѣдствіе чего самая мысль о ея воспитаніи до сихъ поръ не пользуется ни довѣріемъ, ни сочувствіемъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ фактическая сторона произвольной

дѣятельности, какъ ее понимаетъ общее сознаніе, относящееся недовѣрчиво къ толкованіямъ и искаженіямъ, которымъ она подвергалась со стороны различныхъ ученій и школъ. Существенной, отличительной чертой ея остается свободный выборъ побужденія. Спрашивается: возможенъ ли, на самомъ дѣлѣ, такой выборъ, и какъ объяснить его научнымъ образомъ, не прибѣгая къ діалектическимъ ухищреніямъ?

Мы думаемъ, что возможность свободнаго выбора побужденія оправдывается всѣмъ предшествующимъ изложеніемъ свойствъ и особенностей душевнаго организма и психической жизни, и потому не представляетъ никакихъ трудностей для положительнаго научнаго объясненія.

Во-первыхъ, холодная, спокойная мысль, отрѣшенная отъ чувствъ, желаній и стремленій, легко можетъ быть предметомъ совершенно произвольнаго выбора.

Во-вторыхъ, чтобъ стать мотивомъ дѣятельности, такая мысль должна быть способна вызвать соотвѣтствующее ей чувство, желаніе или страсть. Выше мы видѣли, что отвлеченія и обобщенія имѣютъ это свойство. Мысль, выдѣлившись изъ центра чувствительности и сдѣлавшись самостоятельной, не отрывается отъ него совсѣмъ и остается съ нимъ въ связи.

Всѣ эти данные впрочемъ только условія, дѣлающія свободный выборъ возможнымъ по отношенію собственно къ мотивамъ. Но кромѣ этихъ, такъ сказать объективныхъ условій, для существованія произвольной дѣятельности необходимы еще условія субъективныя, заключающіяся въ самой душѣ. Нужно, чтобъ она была способна совершенно произвольно, безъ всякаго посторонняго, отъ нея независящаго побужденія, остановить выборъ на той или другой мысли и обратить ее въ мотивъ дѣятельности.

Есть ли такія условія въ душѣ и въ чемъ именно они состоятъ?

Произвольная дѣятельность предполагаетъ, что вся жизнь души не исчерпывается мыслями, обобщеніями и отвлеченіями, которыя въ ней заключаются, но имѣетъ, кромѣ того, еще и особое, независимое отъ нихъ существованіе. Слѣдовательно, центръ произвольной дѣятельности долженъ находиться въ самой душѣ, изъ нея самой долженъ идти толчокъ, превращающій безразличную, холодную мысль въ мотивъ дѣятельности. Только при такомъ условіи возможно произвольное ея отношеніе къ мыслямъ, отвлеченіямъ и обобщеніямъ. Условіе это дано въ самомъ устройствѣ психическаго организма. Мы видѣли, что душа есть организмъ, способный, вслѣдствіе своей двойственности,

обращаться на самого себя. Благодаря способности раздвоенія, душа, когда ее ничто не волнуетъ, можетъ настроивать сама себя такъ или иначе и сообразно съ своимъ настроеніемъ черпать изъ самой себя то, что ей нужно, что соотвѣтствуетъ ея настроенію. Взять изъ себя тотъ или другой мотивъ она можетъ потому, что всѣ они въ ней заключаются; остановиться произвольно на одномъ изъ нихъ она можетъ потому, что ея дѣятельность и предметъ произвольнаго ея выбора совершенно совпадаютъ. Вотъ почему каждому стоитъ только захотѣть дѣйствовать произвольно, и онъ можетъ остановиться, безъ всякаго другого внѣшняго или внутренняго побужденія, на той или другой мысли и обратить ее въ мотивъ дѣйствія. Когда процессъ произвольной дѣятельности совершается, починъ лежитъ не во вліяніяхъ мыслей, отвлеченій и обобщеній на душу, а наоборотъ, инціатива исходитъ отъ души, которая, сообразно съ своимъ настроеніемъ, произвольно вызываетъ изъ себя тѣ или другія мысли, обобщенія и отвлеченія.

Но, возразятъ намъ, какъ доказать, что душа можетъ произвольно настроивать себя такъ или иначе? Ея расположеніе остановиться именно на той, а не на другой мысли, избрать мотивомъ дѣятельности именно такое-то, а не другое обобщеніе или отвлеченіе, можетъ ли считаться за совершенно произвольное? Не будетъ ли правильнѣе и естественнѣе предположить, что такое расположеніе и настроеніе — результатъ различныхъ матеріальныхъ и психическихъ вліяній и обстановки, которыхъ мы только не въ состояніи открыть и прослѣдить?

Такое предположеніе конечно очень возможно и даже очень вѣроятно. Выростая и развиваясь посреди физической обстановки, совершая жизнь на матеріальной подкладкѣ и находясь въ тѣснѣйшей связи и безпрерывномъ взаимнодѣйствіи съ матеріальными условіями своего существованія, психическій организмъ непрерывно испытываетъ на себѣ вліяніе окружающей среды, которая не можетъ оставаться чуждой ея настроеніямъ и расположеніямъ. Но признавая эти вліянія и ихъ необходимость, мы не можемъ согласиться съ заключеніями, которыя изъ нихъ обыкновенно выводятся. Матеріалисты и реалисты не ограничиваются указаніемъ на общія душевныя состоянія, настроенія и расположенія, которыя бываютъ результатомъ такихъ вліяній, но спеціализируя свой взглядъ, предполагаютъ, что не только общее душевное состояніе, но и каждый, повидимому, свободный выборъ того или другого мотива есть роковое, необходимое послѣдствіе того или другого матеріальнаго вліянія на душу. Такой взглядъ естественно вытекаетъ изъ того, что матеріалисты и реалисты

не признаютъ существованія психическаго организма и подводя всѣ психическія отправленія подъ законы мѣханики, глубоко искажаютъ смыслъ этихъ отправленій. Растительные и животные организмы тоже находятся подъ непрерывнымъ вліяніемъ внѣшней обстановки; но никому не приходитъ въ голову предполагать непосредственную связь между этими вліяніями и продуктами органической и животной жизни. Такая жизнь существенно состоитъ въ принятіи и претвореніи вліяній и въ творческомъ воспроизведеніи ихъ, въ видахъ и формахъ, свойственныхъ данному организму. Послѣдній есть та среда, тотъ узелъ, въ которомъ вліянія преломляются, поглощаются и возсоздаются въ новомъ видѣ. Органическая жизнь души представляетъ точно такое же явленіе. Между дѣйствіями, которыя она на себѣ испытываетъ и ея творческими созданіями нѣтъ непосредственной связи и преемственности, нѣтъ необходимой, роковой, непрерывной цѣпи причинъ и слѣдствій, потому что ихъ раздѣляетъ среда, принимающая вліянія и преобразующая ихъ въ новыя формы, существенно зависящія отъ особенностей и свойствъ этой среды. Вотъ почему душевное настроеніе или расположеніе можетъ быть результатомъ внѣшнихъ вліяній; но оно, тѣмъ не менѣе, есть, въ свою очередь, и самостоятельная причина психическихъ явленій, которыхъ источникъ заключается въ самой душѣ, а не въ тѣхъ вліяніяхъ, которыя она передъ тѣмъ испытывала. Что это дѣйствительно такъ, доказывается наблюденіями. Мы знаемъ, что извѣстныя ненормальныя душевныя состоянія, будучи послѣдствіемъ извѣстныхъ внѣшнихъ вліяній, располагаютъ къ извѣстнымъ же ненормальнымъ дѣйствіямъ и поступкамъ, хотя по виду они и кажутся произвольными. Въ этихъ случаяхъ психическая дѣятельность является необходимымъ послѣдствіемъ извѣстнаго психическаго расположенія, а послѣднее, въ свою очередь, такимъ же необходимымъ послѣдствіемъ извѣстныхъ внѣшнихъ вліяній. Такимъ образомъ, между послѣдними и психическими продуктами дѣйствительно существуетъ прямая, необходимая связь причины и слѣдствія, хотя душа и является между ними посредствующимъ терминомъ; но за то мы и считаемъ такую пассивную роль души явленіемъ ненормальнымъ; въ нормальномъ же состояніи, она, напротивъ, овладѣваетъ вліяніями, которыя получаетъ извнѣ и остается способною къ произвольной творческой дѣятельности, выражающейся въ произвольныхъ поступкахъ.

Такъ объясняемъ мы себѣ произвольную дѣятельность. Она, какъ мы старались показать, естественно вытекаетъ изъ условій душевнаго организма, психической жизни и ея законовъ, и есть

только высшее выраженіе, послѣднее слово душевной жизни. Безъ свободы произвольная дѣятельность немыслима; свобода же души, какъ слѣдуетъ изъ всего, сказаннаго нами выше, не есть готовая, данная, прирожденная способность, а развивается мало-по-малу, вмѣстѣ съ развитіемъ душевнаго организма и психической жизни. Мы видѣли, что человѣкъ лишь мало-по-малу различаетъ себя отъ окружающаго матеріальнаго міра. Въ этомъ различеніи уже заключаются первые зародыши самостоятельнаго отношенія человѣка къ окружающей средѣ. Затѣмъ онъ идетъ далѣе и различаетъ въ себѣ тѣло отъ души. Это новый шагъ къ психической самостоятельности и свободѣ. Послѣ того, человѣкъ постепенно научается различать свои представленія и мысли отъ самого себя, иначе сказать начинаетъ понимать, что они не составляютъ всей его душевной жизни, что она отъ нихъ нѣчто иное, существующее само по себѣ. Продолжая анализъ далѣе и далѣе, человѣкъ доходитъ до различенія отъ души ея внутреннихъ процессовъ и операцій, которые въ ней отражаются и создаютъ особый міръ внутреннихъ, психическихъ впечатлѣній. Рядомъ такихъ-то постепенныхъ различеній душа воспитывается къ самосознанію и свободѣ. Обособившись отъ внѣшней обстановки, отъ тѣла, въ которомъ живетъ, отъ внѣшнихъ впечатлѣній, отъ отраженій внутреннихъ процессовъ и событій душа относится къ нимъ какъ къ внѣшнему, постороннему чуждому и вслѣдствіе того вынуждена, наконецъ, въ самой себѣ, искать точку опоры не только противъ матеріальнаго міра, но и противъ самой себя. Ея двойственность даетъ ей къ тому возможность. Такимъ образомъ весь ходъ психической жизни есть рядъ постепенныхъ освобожденій души, воспитывающихъ ее къ произвольной дѣятельности. Процессъ мышленія, зачатки котораго скрываются уже въ непроизвольномъ разложеніи первоначальныхъ впечатлѣній и ихъ перегруппировкѣ, создаетъ въ душѣ противуположеніе единичныхъ впечатлѣній представленіямъ, а представленій — тѣмъ обобщеніямъ и отвлеченіямъ, которыя изъ нихъ образовались. Какъ представленіе освобождаетъ отъ непосредственнаго впечатлѣнія, такъ точно и обобщеніе и отвлеченіе — отъ единичнаго представленія. Опираясь на непосредственныя впечатлѣнія, душа свободно относится къ представленіямъ и мыслямъ; опираясь на представленія и мысли, она становится въ свободное отношеніе къ единичнымъ впечатлѣніямъ. То же самое вытекаетъ для души и изъ противоположенія представленій и мыслей чувствамъ, стремленіямъ, желаніямъ и страстямъ. Ихъ борьба рождаетъ и воспитываетъ психическую свободу, потому что противуполагая мысли чувствамъ

и чувства мыслямъ, душа по необходимости становится посредникомъ между ними, рѣшителемъ ихъ столкновеній и борьбы.

Итакъ, психическая свобода, составляющая необходимое условіе произвольной дѣятельности, является результатомъ цѣлаго, длиннаго ряда освобожденій, начало которыхъ скрывается въ необходимомъ, роковомъ дѣйствіи на душу различныхъ вліяній, но которыя, вслѣдствіе особенностей душевнаго организма и психической жизни, рождаютъ въ душѣ самостоятельность и самодѣятельность. Эти черты, вызванныя сперва необходимостью, впослѣдствіи развиваются и укрѣпляются опытомъ, упражненіями, навыкомъ и обращаются какъ-бы во вторую природу, почему и были приняты идеалистами и метафизиками за прирожденныя свойства души, неподлежащія дальнѣйшему анализу. Здѣсь главная причина недоразумѣній, которымъ ученіе о произвольной дѣятельности до сихъ поръ подаетъ поводъ. Отрицаніе произвольныхъ поступковъ и свободы было отвѣтомъ на догматическое ихъ объясненіе метафизиками и идеалистами и естественнымъ послѣдствіемъ признанія особаго принципа воли, какъ коренной, прирожденной способности души. Эти недоразумѣнія отпадутъ сами собою, лишь только мы признаемъ самостоятельность и самодѣятельность души за результатъ, высшую точку постепеннаго и послѣдовательнаго развитія психическаго организма и душевной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, для принципа психической самостоятельности и свободы, какъ особаго начала человѣческой дѣятельности, нѣтъ мѣста въ наукѣ. Всѣ первыя движенія психической жизни запечатлѣны матеріальными элементами, совершаются подъ вліяніемъ матеріальнаго міра и по его законамъ; только существованіе психическаго организма съ его особыми свойствами даетъ этому дѣйствію и этимъ вліяніямъ другой оборотъ, производитъ рядъ новыхъ явленій, неизвѣстныхъ въ матеріальномъ мірѣ. Оттого, пока психическій организмъ не развился и не окрѣпъ, душевная жизнь едва-едва себя заявляетъ. Долго душа не имѣетъ другого содержанія, кромѣ того, которое получаетъ чрезъ внѣшнія впечатлѣнія; долго она не сознаетъ ни себя, ни того, что въ ней совершается. Точно также и дѣятельность ея сперва ограничивается одними непроизвольными дѣйствіями, вызываемыми внѣшними, матеріальными вліяніями. Но по мѣрѣ того какъ душевный организмъ растетъ и крѣпнетъ, все это измѣняется, а съ тѣмъ вмѣстѣ созрѣваетъ его самостоятельность и самодѣятельность. Къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ прибавляются психическія, внутреннія, возможныя лишь съ той минуты, когда душа приходитъ къ болѣе и болѣе ясному и отчетливому сознанію самой себя и того, что въ ней

содержится и происходитъ. Въ сферѣ дѣятельности этотъ постепенный ростъ души выражается въ томъ, что рядомъ съ непроизвольными дѣйствіями, вызываемыми внѣшними вліяніями, появляются дѣйствія произвольныя, возникающія по иниціативѣ самой души, независимо отъ внѣшнихъ побужденій. Воспитанная вліяніями и необходимостью, душа получаетъ навыкъ обращаться на себя, жить съ собою, безъ помощи внѣшнихъ толчковъ и побужденій. Условіемъ для такого сосредоточенія психической жизни на самой себѣ служитъ то, что выработавшись сначала помощью внѣшнихъ вліяній, она получаетъ свое собственное содержаніе, и обращаясь къ нему, обращается уже къ самой себѣ, потому что это содержаніе находится не внѣ ея, а въ ней самой. Здѣсь источникъ и ея самодѣятельности; ибо, обращаясь къ тому, что въ ней заключается, душа, благодаря ея двойственности, обращается на себя, другими словами, душевная дѣятельность и предметъ, на который она направлена, совпадаютъ, тожественны.

Въ такомъ видѣ представляется произвольная дѣятельность съ научной точки зрѣнія, освобожденная отъ тѣхъ наплывовъ и обезображеній, которымъ она долгое время подвергалась, благодаря безчисленнымъ недоразумѣніямъ и борьбѣ враждебныхъ другъ другу философскихъ направленій. Она, по своему значенію, есть выраженіе сильнѣйшаго сосредоточенія душевнаго организма въ самомъ себѣ, величайшаго напряженія душевныхъ силъ. Всѣ прочія обнаруженія души какъ-бы служатъ постепеннымъ подготовленіемъ къ акту произвольной дѣятельности. Оттого въ ней и въ психической свободѣ, составляющей ея ближайшее условіе, заключается непосредственная причина всякаго развитія и успѣха. Мы говорили выше о вниманіи, въ противуположность разсѣянности, о повѣркѣ, которая незамѣтно вплетается въ каждое наше дѣйствіе и направляетъ его. Тогда мы только указали на эти факты; здѣсь мѣсто и объяснить ихъ. И вниманіе и направленіе дѣйствія, выполняемаго сознательно, хотя бы и не вполнѣ произвольно, суть не что иное, какъ акты произвольной психической дѣятельности, только не выступающіе наружно въ осязательномъ матеріальномъ фактѣ. Вообще всякая повѣрка, а также и всякій опытъ представляютъ различныя выраженія свободнаго и вмѣстѣ дѣятельнаго отношенія души къ окружающему и къ самой себѣ.

Какъ высшій психическій актъ, произвольная дѣятельность есть въ то же время самая трудная и рѣдко проявляется съ полной выдержкой, во всей своей чистотѣ. Еслибъ вся дѣятельность человѣка состояла изъ однихъ произвольныхъ поступ-

ковъ, то онъ скоро бы изнемогъ отъ страшнаго напряженія и расходованія силъ; но бо́льшая часть его жизни проходитъ или въ дѣятельности непроизвольной, или по крайней мѣрѣ въ полурефлексахъ, въ которыхъ произвольность играетъ минутную и часто весьма незначительную роль. Но за то, одна произвольная дѣятельность вырываетъ человѣка изъ рутины, въ которой онъ плетется, открываетъ ему новые пути, дрессируетъ не только тѣло, но и душу, къ желаемымъ непроизвольнымъ дѣйствіямъ, вводитъ и развиваетъ извѣстныя тѣлесныя и психическія привычки, наклонности и расположенія, и наоборотъ, смягчаетъ, ослабляетъ или искореняетъ другія. Затѣмъ, уже на привычкахъ, расположеніяхъ, наклонностяхъ, прирожденныхъ или воспитанныхъ, вертится, главнымъ образомъ, жизнь человѣка и его дѣятельность, психическая и матеріальная, внутренняя и внѣшняя. Привычки, наклонности, расположенія существенно облегчаютъ ему жизненный трудъ и заботу дня; они—капитализація произвольной дѣятельности, которая, создавъ привычку или наклонность, переходитъ въ дѣятельность непроизвольную, порой даже безсознательную.

Теперь для читателя будетъ вполнѣ ясно, въ какомъ именно отношеніи мы находимъ труды современныхъ психологовъ не вполнѣ удовлетворительными. Гербартъ, Бенеке, Фехнеръ, англійскіе и французскіе реалисты опустили изъ виду произвольную дѣятельность, и въ этомъ, какъ намъ кажется, состоитъ слабая сторона ихъ замѣчательныхъ изслѣдованій. Наблюдая съ удивительною точностью психическія явленія, они открыли и выясняютъ тѣ ихъ стороны, которыя совершаются съ математическою правильностью, подобно событіямъ матеріальнаго міра. Въ этомъ неоспоримая заслуга упомянутыхъ критическихъ трудовъ и огромное ихъ значеніе въ наукѣ. Но обративъ все вниманіе исключительно на однѣ эти стороны души, изслѣдователи не замѣтили, что механическій ходъ психическихъ явленій почти ежеминутно нарушается произвольною дѣятельностью, которая вноситъ въ ихъ развитіе новыя и новыя условія и тѣмъ безпрестанно отклоняетъ ихъ отъ ихъ естественнаго пути и направленія. Наблюденіе пертурбацій, производимыхъ въ правильномъ движеніи небесныхъ тѣлъ солнечной системы, повело, на нашихъ глазахъ, къ открытію новой планеты — Нептуна. Подобныя пертурбаціи производятъ въ психическомъ мірѣ акты произвольной дѣятельности. Что она была опущена изъ виду въ самый разгаръ борьбы съ средневѣковымъ дуализмомъ и его позднѣйшимъ представителемъ—идеализмомъ, это совершенно естественно и понятно. Рѣчь шла о завоеваніи научной почвы для психологическихъ изслѣ-

ваній, которой ни дуализмъ, ни идеализмъ не хотѣли уступить. Оба не только исключали произвольную дѣятельность изъ круга явленій, совершающихся по извѣстнымъ законамъ, но даже противуполагали ее закону причины и необходимаго слѣдствія, безраздѣльно управляющему всѣми явленіями, и матеріальными и психическими. Но борьба давно уже кончилась, къ полному торжеству научныхъ воззрѣній и научнаго метода. Теперь мы знаемъ, что произвольная дѣятельность не противурѣчитъ ни закону необходимости, ни необходимой связи причинъ и ихъ послѣдствій; что не нарушая законовъ природы и психической жизни, произвольная дѣятельность есть однако непремѣнная характеристическая принадлежность личнаго, индивидуальнаго человѣческаго существованія. Признаніе ея, какъ необходимаго фактора дѣйствительной, индивидуальной жизни, безъ котораго послѣдняя немыслима, есть, говоря вообще, единственная поправка, или правильнѣе единственная оговорка, которую мы желали бы видѣть въ выполненныхъ доселѣ превосходныхъ критическихъ изслѣдованіяхъ психической жизни. Безъ такой оговорки, открытые и объясненные ими законы психическихъ явленій представляются какими-то отвлеченными схемами, мертвыми рубриками, которыя не только не обнимаютъ, но даже слабо захватываютъ живую дѣйствительность. Такими онѣ и останутся до тѣхъ поръ, пока произвольная дѣятельность, этотъ существенный нервъ индивидуальности, не получитъ права гражданства въ психологіи и не займетъ принадлежащаго ему мѣста въ наукѣ.

Въ заключеніе, мы должны еще коснуться одного любопытнаго вопроса, который самъ собою представляется при разсмотрѣніи произвольной дѣятельности. Животныя могутъ ли совершать произвольные поступки или нѣтъ?

Если произвольная дѣятельность не вытекаетъ изъ особаго психическаго начала или силы, а есть только результатъ дѣятельнаго состоянія психическаго организма, то конечно нѣтъ основанія отвергать ее въ животныхъ, которыя, какъ извѣстно, одарены тоже душею, хотя и иначе организованною, чѣмъ душа человѣка. Дѣйствительно, вглядываясь въ жизнь животныхъ нельзя, безъ большой натяжки, предположить, чтобъ всѣ ихъ движенія безъ изъятія, каждый малѣйшій ихъ шагъ, были необходимымъ послѣдствіемъ внѣшняго, матеріальнаго толчка и выполнялись ими машинообразно, представляя собою только рядъ рефлексовъ. Животныя тоже могутъ дѣйствовать и дѣйствуютъ произвольно, по свободному почину; вся разница ихъ съ человѣкомъ состоитъ только въ томъ, что произвольныя ихъ движенія другого рода, имѣютъ другой характеръ, а это зависитъ

единственно отъ другой организаціи ихъ души. Сколько можно судить по внѣшней дѣятельности животныхъ, душа ихъ, какъ мы уже видѣли, неспособна вырабатывать общія и отвлеченныя понятія, не возвышается до самосознанія, повидимому отъ неспособности къ психическому раздвоенію. Вслѣдствіе того, животныя не могутъ относиться объективно и свободно къ внѣшнему міру, всего менѣе къ самимъ себѣ и къ тому, что въ ихъ душѣ содержится. При такихъ условіяхъ, свободный ихъ починъ ограниченъ тѣснымъ кругомъ внѣшнихъ дѣйствій и очень далекъ отъ того широкаго размаха помысловъ, цѣлей, намѣреній и плановъ, который свойственъ только человѣческой душѣ, относящейся свободно, объективно и критически не только къ внѣшнему міру и къ тѣлу, въ которомъ живетъ, но и къ своему собственному психическому содержанію, даже къ самой себѣ. Какъ во всей жизни, такъ и въ дѣятельности, душа животнаго ограничена тѣснымъ кругомъ внѣшнихъ впечатлѣній, которыя достигаютъ лишь нѣкоторой степени обобщенія, насколько такія обобщенія возможны безъ психическаго раздвоенія и безъ объективнаго отношенія къ представленіямъ и мыслямъ. Оттого животныя лишены творческой самодѣятельности, и прогрессъ, развитіе въ бытѣ, нравахъ и привычкахъ животныхъ, есть результатъ дѣйствія на нихъ внѣшней обстановки и условій ихъ жизни, а не плодъ ихъ собственнаго свободнаго почина. Въ темнотѣ они живутъ, въ темнотѣ и умираютъ.

VIII.

Заключеніе. — Признаки современнаго нравственнаго упадка. — Значеніе этого явленія.—Послѣдовательность и періодическія остановки въ развитіи человѣческаго рода.—Движущія пружины развитія. — Отчего преемственность его часто не сознается людьми? — Послѣдствія. — Внутренняя послѣдовательность міросозерцаній.—Психологическій взглядъ на міросозерцанія восточное, греко-римское и у новыхъ европейскихъ народовъ. — Личное начало отодвинуто въ наше время на второй планъ.—Опредѣлить связь индивидуальнаго съ общимъ есть ближайшая задача нашего времени. — Призваніе психологіи. — Въ психологіи заключаются научныя основанія этики.

Задача наша кончена. Въ представленномъ очеркѣ психической жизни и дѣятельности мы старались указать на главнѣйшіе вопросы психологіи, выяснить недостаточность или ошибочность теперешняго ихъ рѣшенія и набросать мотивированную программу возможнаго научнаго на нихъ отвѣта. Мы убѣждены заранѣе, что читатели, какъ бы они ни посмотрѣли на этотъ опытъ, оцѣнятъ всю важность затронутыхъ въ немъ предметовъ.

Психологія не есть дѣло только книжной учености или простого любопытства: по свойству и обширности своихъ задачъ она всегда была, а теперь больше, чѣмъ когда-нибудь есть самая жизненная изъ всѣхъ наиболѣе живыхъ отраслей знанія.

Посреди современнаго, великаго движенія умовъ, посреди великихъ событій, которыя коренно пересоздаютъ бытъ, нравы и вѣрованія европейскихъ народовъ, все слышнѣе и слышнѣе звучитъ одна зловѣщая нота—упадающій интересъ къ лицу, какъ нравственной личности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и сами люди болѣе и болѣе чувствуютъ и сознаютъ свое безсиліе и ничтожество. Нравственная личность какъ будто сходитъ со сцены, а на мѣсто ея выступаютъ безличныя массы. Многіе видятъ въ этомъ успѣхъ, другіе упадокъ. Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что душа видимо оскудѣваетъ въ людяхъ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Великіе утѣшители жизни, поэзія и искусство, замѣтно падаютъ; быстро исчезаетъ та добродушная веселость, то радостное настроеніе, та беззаботная бодрость, которыя сближаютъ людей, установляютъ между ними прочныя связи, подымаютъ общежитіе и общественность и съ которыми живется такъ легко, даже при самыхъ трудныхъ и прискорбныхъ обстоятельствахъ. Народонаселеніе всюду быстро ростетъ, сношенія между людьми ежедневно усиливаются, обмѣнъ услугъ и мыслей возрастаетъ въ поражающей прогрессіи, а въ нравственномъ смыслѣ люди больше и больше становятся похожи на троглодитовъ, — такъ равнодушны, холодны, недовѣрчивы, подозрительны становятся они другъ къ другу; такъ мало между ними искренности, задушевности и сердечнаго доброжелательства. Съ виду общественная жизнь никогда такъ не процвѣтала; на самомъ дѣлѣ каждый глубоко ушелъ въ самого себя, старается отгородить себя отъ другихъ каменной стѣной и думаетъ только о себѣ, мало заботясь о другихъ. Дѣйствительное одиночество, при кажущейся общительности, сушитъ и портитъ людей. Цвѣтъ, краски и благоуханіе жизни теряются; даже потребность въ нихъ, смыслъ къ нимъ, постепенно вымираютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Оттого нравы, при видимой утонченности, на самомъ дѣлѣ грубѣютъ; самый горизонтъ воззрѣній съуживается, мысль теряетъ размахъ и полетъ, а съ утратою широты мысли и убѣжденія, человѣкъ мельчаетъ характеромъ, дѣлается менѣе и менѣе способнымъ настойчиво преслѣдовать задуманные планы и цѣли, теряетъ твердость и выдержку, бѣжитъ труда, сразу хочетъ получить то, что пріобрѣтается лишь долгимъ, напряженнымъ усиліемъ, и при первой неудачѣ оказывается жалкимъ и малодуш-

нымъ. Характеры блѣднѣютъ и исчезаютъ вслѣдъ за художественнымъ творчествомъ и чувствомъ.

Такъ или почти такъ, иногда тѣми же словами, жалуются всѣ, отъ мала до велика, образованные и простые люди, у насъ и въ Европѣ. Печать наша и заграничная наполнены такими жалобами. Всѣ согласны въ томъ, что это дѣйствительно такъ; несогласны только въ оцѣнкѣ факта и его значенія. Простые и практическіе люди приходятъ отъ него въ отчаяніе, видятъ въ немъ ни болѣе, ни менѣе, какъ постепенное вырожденіе человѣческой расы. Другіе облегчаютъ свою душу надеждами на лучшее будущее и смотрятъ на оскудѣніе души какъ на переходный фазисъ развитія, какихъ въ исторіи бывало не мало.

Въ самомъ дѣлѣ, нравственный упадокъ человѣка не разъ повторялся въ исторіи и каждый разъ заканчивался великою скорбью, отголоски которой слышатся во взглядахъ передовыхъ мыслителей. Мы видимъ ее въ Индіи, въ ученіи Сакія Муни, основателя буддизма; вычитываемъ изъ сочиненій и мыслей стоиковъ и эпикурейцевъ эпохи паденія классическаго міра, наконецъ находимъ въ ученіяхъ и системахъ нашихъ современниковъ Шоппенгауера и Гартмана. Къ сожалѣнію, данныхъ еще слишкомъ мало, чтобъ опредѣлить, хотя бы приблизительно, что значатъ эти явленія: сопровождаютъ ли они, какъ думаютъ одни, психическое вымираніе расъ, или въ нихъ, какъ утверждаютъ другіе, слѣдуетъ видѣть только окончаніе одного фазиса развитія, за которымъ долженъ начаться другой? Мы знаемъ, что послѣ буддизма Индія уже не создавала ничего; греко-римскій міръ, послѣ стоиковъ и эпикурейцевъ римской эпохи, тоже сошелъ со сцены; мѣсто его заняли новыя германскія племена, которыя и воспользовались христіанствомъ. Могъ ли бы древній міръ, еслибъ онъ не былъ разрушенъ, обновиться новымъ ученіемъ, остается неизвѣстнымъ. О современныхъ намъ явленіяхъ нельзя пока ничего сказать. Такимъ образомъ, не намъ, а развѣ отдаленнымъ нашимъ потомкамъ удастся рѣшить важный вопросъ, есть ли оскудѣніе души недугъ преходящій, излечимый, или онъ признакъ роковой, неизбѣжной смерти народной психеи.

Оставляя этотъ вопросъ въ сторонѣ, обратимся къ другому, тѣсно съ нимъ связанному.

Народы, смѣняющіеся въ исторіи, соединены между собою не одной хронологической преемственностью, но и извѣстною послѣдовательностью проводимыхъ ими началъ и воззрѣній. Новые народы, выступая на сцену исторіи, начинаютъ обыкновенно съ того, чѣмъ предшествующіе окончили и продолжаютъ развитіе далѣе, на свой ладъ. Это не теоретическое предположеніе, не

философское измышленіе, а дѣйствительный историческій фактъ, изслѣдованный и выясненный. Происходитъ это оттого, что народы, игравшіе роль въ исторіи, прежде чѣмъ начнутъ жить самостоятельною жизнью, находятся болѣе или менѣе продолжительное время «въ наукѣ» у другихъ предшествовавшихъ имъ народовъ. То же самое видимъ мы и между лицами, составляющими народъ. Какъ люди, такъ и народы заимствуются у предшественниковъ ихъ знаніемъ и опытностью и уже потомъ додумываются до чего-нибудь другого, лучшаго. Слѣдовательно, идеи, воззрѣнія, знаніе, практическій опытъ имѣютъ, независимо отъ народовъ, у которыхъ они вырабатываются, какъ-бы свой собственный ростъ и развитіе. Говоря такъ, мы конечно выражаемся метафорически; ни взгляды, ни знаніе, безъ почвы, на которой выростаютъ, т.-е. безъ народовъ, посреди которыхъ живутъ и развиваются, не были бы возможны; мало того: народы вносятъ въ ихъ ростъ много своего индивидуальнаго и случайнаго. Но все же, говоря вообще, развитіе ихъ совершается, хотя, разумѣется, не такъ систематически, правильно и послѣдовательно, какъ оно укладывается въ головѣ одного человѣка или въ научной системѣ.

Пройденный доселѣ такимъ образомъ путь все еще слишкомъ коротокъ, чтобъ уже можно было, какъ пытались многіе, дѣлать заключеніе о конечной цѣли развитія и выводить его формулу. Однако дознанная преемственность развитія въ человѣческомъ родѣ и пережитые имъ фазисы уже даютъ поводъ къ нѣкоторымъ, болѣе или менѣе вѣроятнымъ соображеніямъ. Постараемся, на основаніи ихъ, объяснить, въ чемъ заключаются движущія пружины развитія рода человѣческаго, отчего оно временами какъ будто останавливается и затѣмъ снова продолжается на другихъ началахъ и что выражаютъ собою эти различные фазисы развитія, начинающіе и оканчивающіе цѣлые періоды всемірной исторіи.

Всѣ народы, когда-либо жившіе и теперь живущіе на земномъ шарѣ, бьются изъ того, чтобъ устроиться, по своимъ понятіямъ, какъ можно лучше. Но народъ, человѣчество—выраженія тоже метафорическія; на самомъ дѣлѣ движущій элементъ всякаго человѣческаго общества суть люди, изъ которыхъ состоятъ народы и весь человѣческій родъ. Представленія о довольствѣ, счастіи, благополучіи, какія имѣютъ лица, входящія въ составъ народа, опредѣляютъ предметы его стремленій, цѣли его желаній и дѣятельности.

Такимъ образомъ, первый стимулъ всякаго движенія и развитія лежитъ въ отдѣльныхъ лицахъ, изъ которыхъ слагаются

человѣческія общества. Изъ этой основной ячейки выходитъ вся человѣческая премудрость, весь міръ знанія, вѣрованій, искусства, учрежденій гражданскихъ и политическихъ, всѣ тѣ многообразные пріемы, которыми человѣкъ заставляетъ матеріальную природу служить себѣ. Послѣдняя цѣль всякихъ открытій, научныхъ и практическихъ, всякихъ реформъ и переворотовъ, сношеній, столкновеній и борьбы людей и народовъ между собою состоитъ въ томъ, чтобъ каждый отдѣльный человѣкъ могъ приладиться къ даннымъ обстоятельствамъ или могъ приладить ихъ къ себѣ наилучшимъ и наиудобнѣйшимъ образомъ. Съ перваго взгляда кажется, что между великими идеями, сложными задачами народовъ и всемірной исторіи и простыми желаніями простыхъ людей нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, что ихъ раздѣляетъ непереступаемая бездна, но на дѣлѣ оказывается противное: они соединены тѣснѣйшею связью, между ними существуетъ преемство, котораго мы только часто не замѣчаемъ, потому что обыкновенно сравниваемъ между собою болѣе или менѣе другъ отъ друга отдаленныя звенья этой цѣпи, пропуская безъ вниманія посредствующія, которыя ихъ соединяютъ. Это лишаетъ насъ возможности прослѣдить преемство звеньевъ, отъ перваго до послѣдняго, и такимъ образомъ нить внутренней послѣдовательности развитія и исторіи теряется. Причинъ на это много.

Во-первыхъ, стремясь къ возможному благополучію, человѣкъ прежде всего берется за самыя простыя, ближайшія средства, какія у него подъ руками. Но они скоро оказываются недостаточными. Приходится придумывать новыя, болѣе сложныя, и такъ далѣе. Вся тайна опытности и состоитъ въ томъ, чтобъ за ближайшимъ умѣть разглядѣть болѣе далекое, за простымъ болѣе сложное, отъ которыхъ и близкое и простое зависятъ. Неопытный ребенокъ тянется ручонками къ огню; юноша уже не дѣлаетъ этого, зная, что огонь не только блеститъ, но и жжетъ. Котъ и пѣтухъ, въ глазахъ старой мыши, совсѣмъ не то, что въ глазахъ мышенка. Сравнимъ простѣйшій механизмъ и сложную машину и мы наглядно поймемъ, какъ человѣкъ постепенно переходитъ отъ простыхъ къ болѣе и болѣе сложнымъ средствамъ достиженія своихъ цѣлей. Такіе постепенные переходы отъ простого къ сложному, отъ близкаго, непосредственнаго къ скрытому за нимъ болѣе далекому, мы замѣчаемъ не только въ стараніяхъ человѣка приладить къ своимъ потребностямъ матеріальную природу, но и въ стремленіяхъ его устроить и улучшить свой домашній и общественный бытъ. Первобытному человѣку кажется, что простѣйшее, ближайшее сред-

ство для достиженія своихъ цѣлей въ обществѣ людей есть физическая сила; но рядомъ опытовъ и неудачъ онъ убѣждается, что этого средства недостаточно, что къ цѣли лучше ведетъ правильное, спокойное общежитіе. Такъ дошелъ онъ мало-по-малу, начиная отъ простѣйшей формы общежитія—семейства, до громадныхъ и сложныхъ государственныхъ механизмовъ нашего времени. И во всемъ такъ. Нѣтъ отвлеченнаго начала, нѣтъ идеальнаго правила, до котораго человѣкъ дошелъ бы инымъ путемъ. Что можетъ быть дальше отъ грубой дѣйствительности, какъ правило: «не вынимай меча; кто вынетъ мечъ, тотъ отъ меча погибнетъ»; или «люби своихъ враговъ»; или «кто хочетъ быть господиномъ, пусть будетъ всѣмъ слуга». Но эти идеальныя правила, если разсмотрѣть ихъ въ общей связи причинъ и послѣдствій, оказываются самыми твердыми началами истинной практической мудрости, выводами изъ глубокаго пониманія основъ человѣческаго общежитія. «Око за око, зубъ за зубъ» кажется непосредственному человѣку такимъ близкимъ и естественнымъ правиломъ; но длиннымъ рядомъ наблюденій и опытовъ онъ вынужденъ былъ убѣдиться, что другія начала управляютъ человѣческимъ общежитіемъ, а что это, въ концѣ концовъ, разрушаетъ его. Такимъ образомъ, первымъ побужденіемъ къ движенію и развитію всегда было и есть исканіе возможнаго благополучія. Оно неудержимо толкаетъ человѣка далѣе и далѣе, къ новымъ средствамъ, все болѣе и болѣе сложнымъ, отдаленнымъ, отвлеченнымъ и искусственнымъ. Къ нимъ приводитъ, какъ мы сказали, не пустая прихоть, не праздный капризъ, а свойства, природа самихъ средствъ, къ которымъ онъ вынужденъ обращаться для удовлетворенія своихъ потребностей. Все въ мірѣ находится во взаимной зависимости, вездѣ и всюду существуетъ связь причинъ и ихъ послѣдствій. Нѣтъ такого простого средства удовлетворять нуждамъ, которое бы не зависѣло отъ другихъ. Итакъ, чтобъ овладѣть прочно и постоянно однимъ, надо овладѣть и тѣми условіями, отъ которыхъ оно зависитъ; но за ними опять стоятъ другія, и такъ далѣе. Первый человѣкъ, употребившій для ѣзды лошадь, поступалъ вѣроятно такъ, какъ теперь поступаютъ киргизы въ степи: бралъ перваго попавшагося дикаго коня и ѣздилъ на немъ какъ умѣлъ. Неудобства этого первобытнаго способа заставили мало-по-малу, послѣ цѣлаго ряда усилій и попытокъ, обратить это животное въ домашнее и приручить его, дрессировать, придумать какъ его содержать, кормить, улучшать его породы, приспособляя ихъ для такого или другого употребленія, — для верховой ѣзды, упряжи и т. п. То же самое видимъ и въ сферѣ общественной и государственной. Многосложныя су-

дебныя гарантіи, выработанныя финансовыя, административныя и политическія учрежденія, кодексъ нравственныхъ правилъ самыхъ отвлеченныхъ и идеальныхъ не имѣютъ, повидимому, ничего общаго съ начальными, грубыми условіями жизни первобытнаго человѣка; но и они точно также выработались постепенно изъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ опытовъ. Только трудно прослѣдить преемственность переходовъ отъ одного опыта къ другому, потому что человѣкъ самъ не давалъ себѣ объ ней никакого отчета, особливо сначала.

Вторая причина, почему человѣкъ теряетъ нить послѣдовательнаго развитія, заключается въ подвижности, измѣнчивости самыхъ фактовъ, матеріальныхъ и психическихъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, или которые служатъ ему средствами для достиженія цѣлей. Едва успѣлъ человѣкъ кое-какъ приладить къ себѣ окружающую среду, какъ она, вслѣдствіе его дѣятельности или въ силу обстоятельствъ, отъ него независящихъ, уже измѣнилась и ему приходится съизнова начинать дѣло. Иногда онъ не вдругъ замѣчаетъ эту перемѣну и, употребляя прежнія средства, оправданныя опытомъ, видитъ, что оно не клеится. Это сбиваетъ его съ толку и часто проходитъ много времени, пока онъ замѣтитъ причину своихъ неудачъ и объяснитъ себѣ, отчего труды его и усилія пропадаютъ даромъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, человѣкъ, по мѣрѣ того какъ переходитъ отъ однихъ средствъ къ другимъ, стоящимъ за ними, самъ измѣняется и становится уже не тѣмъ, чѣмъ былъ, приступая къ дѣлу. Недостаточность и неудовлетворительность одной грубой, непосредственной силы, одного матеріальнаго дѣйствія для удовлетворенія нуждъ, рано вызываютъ къ жизни и дѣятельности дремлющія, скрытыя въ немъ душевныя, умственныя и нравственныя силы, а это вводитъ постепенно его самого въ новую фазу существованія и развитія. Чтобъ овладѣть матеріальными условіями, надо узнать и понять цѣлый механизмъ причинъ и слѣдствій, научиться управлять имъ, а для этого необходимы опыты, наблюденія, сноровка, извѣстные пріемы, слѣдовательно умъ и знаніе. Что касается до выработки формъ правильнаго и устроеннаго общежитія, то она также очень рано вызываетъ дѣятельность умственныхъ и нравственныхъ силъ. Стоитъ сравнить нравственныя идеи, юридическія и политическія начала и убѣжденія развитыхъ людей съ грубыми пріемами и взглядами первобытнаго человѣка, чтобъ увидѣть, какъ самъ человѣкъ существенно измѣнился. Эти идеи, начала, убѣжденія представляютъ результатъ продолжительныхъ и разнообразныхъ опытовъ согласить общежитіе съ требованіями индивидуальной

жизни и личнаго благополучія. Общежитіе вынуждаетъ человѣка многимъ поступиться, чтобъ сохранить одно, пріобрѣсти другое. Выработанные такимъ образомъ средніе термины обращаются мало-по-малу въ убѣжденія, въ постоянныя нравственныя начала. Такъ человѣкъ воспитывается къ нравственному существованію, перестаетъ быть дикаремъ, незнающимъ ничего другого, кромѣ физической силы. Подымаясь постепенно все выше и выше по лѣстницѣ причинъ и послѣдствій и убѣдившись въ необходимости отвлеченныхъ и идеальныхъ началъ для достиженія ближайшихъ цѣлей, человѣкъ самъ перерождается, вынужденъ признать силу и власть нравственнаго міра и черезъ это возвышается на степень нравственнаго, психически развитаго существа, которое ограничиваетъ себя, свои непосредственныя желанія, движенія, страсти, въ виду извѣстныхъ идей и началъ, оказавшихся, рядомъ опытовъ и наблюденій, болѣе надежными и вѣрными для достиженія извѣстныхъ цѣлей, чѣмъ непосредственные грубые факты.

Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, нарушаютъ, въ сознаніи человѣка, послѣдовательность развитія, связь прошедшаго съ настоящимъ и будущимъ. Чѣмъ дальше назадъ, къ началу, тѣмъ труднѣе было человѣку понимать и удерживать въ мысли преемство движенія, логику переходовъ отъ одной степени развитія къ другой. Даже современный человѣкъ, умудренный опытомъ и знаніемъ, съ трудомъ пробивается до настоящаго смысла событій сквозь эту тройную преграду превращеній, которыя вдобавокъ пересѣкаются и перепутываются въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ; каково же было прежде, особливо далеко назадъ, когда человѣкъ и не подозрѣвалъ многихъ условій своего существованія, теперь вполнѣ понятныхъ и сподручныхъ? Чѣмъ обширнѣе и точнѣе наши положительныя знанія, тѣмъ вѣрнѣе, ближе и сознательнѣе мы ставимъ гипотезу для объясненія непонятныхъ явленій, или для опредѣленія цѣли, къ которой должна быть направлена наша дѣятельность, и намѣчаемъ пути, которыми цѣль всего вѣрнѣе можетъ быть достигнута. Теперь человѣкъ идетъ къ ней сознательнѣе потому только, что нить мыслей ему яснѣе и понятнѣй. Но когда онъ мало или почти ничего не зналъ объ окружающемъ мірѣ и о самомъ себѣ, его гаданія не имѣли никакой точки опоры, кругъ ихъ не былъ ничѣмъ очерченъ, хотя бы приблизительно, и потому не было конца его блужданіямъ. Чувствуя потребности, онъ, въ поискахъ за средствами для наилучшаго, наиболѣе удобнаго ихъ удовлетворенія, хватался за то или другое наудачу, не отдавая себѣ яснаго отчета почему. Свойство задачи тянуло

его все дальше и дальше, въ міръ болѣе и болѣе сложныхъ фактовъ. Пріемы, заранѣе не разсчитанные, и случайный выборъ средствъ производили вовсе неожиданныя и непонятныя измѣненія условій, въ которыхъ онъ находился; измѣнившись вслѣдствіе того самъ, онъ все-таки оставался въ такой же неизвѣстности и безпомощности какъ сначала, потому что все ему было ново и ни въ чемъ онъ не могъ дать себѣ яснаго отчета.

Безконечно длинно и безсмысленно должно было быть такое слѣпое шатанье человѣка на удачу, отъ одного предположенія къ другому, отъ одной цѣли къ другой, пока наконецъ нѣкоторая опытность не дала ему кое-какихъ точекъ опоры въ его исканіяхъ. Нѣкоторая послѣдовательность въ мысляхъ и поступкахъ, какъ бы ни былъ ограниченъ ихъ кругъ, какъ бы ни были разрознены и отрывочны группы мыслей и дѣйствій, составляли въ свое время важный шагъ впередъ. Между этими рѣдкими завязями или узлами сначала не было и не могло быть послѣдовательности и единства, и весьма естественно, что человѣкъ терялся между ними. Теперь, обращаясь назадъ, мы яснѣе и яснѣе видимъ между этими завязями внутреннюю связь; а въ то время какъ онѣ появлялись, человѣкъ ея не подозрѣвалъ, и это очень понятно: иное дѣло прокладывать новый путь, иное дѣло сознавать и понимать пройденный.

Вотъ въ этомъ-то и должно, какъ мы думаемъ, искать объясненія періодическихъ колебаній исторіи, періодическаго повышенія и пониженія полноты личной жизни, возрастанія и упадка нравственныхъ силъ человѣка. Всякое міросозерцаніе, какъ бы оно ни было грубо или идеально, просто или сложно, есть результатъ умственной работы и тяжкаго жизненнаго опыта многихъ поколѣній, которыя добивались возможнаго благополучія. Всякое міросозерцаніе есть болѣе или менѣе связная группа воззрѣній, содержащихъ въ себѣ отвѣтъ на главнѣйшіе вопросы, которые задавалъ себѣ человѣкъ, стремясь къ благополучію. На такую группу воззрѣній онъ опирается и стоитъ твердо, пока отвѣтъ кажется ему удовлетворительнымъ. Но продолжая тотъ же трудовой и тяжкій путь, онъ наталкивается на новые факты и новые вопросы, на которые въ его міросозерцаніи нѣтъ отвѣта. По мѣрѣ того, какъ такіе факты и вопросы ростутъ, умножаются, міросозерцаніе тускнѣетъ, меркнетъ и начинаетъ мало-по-малу разлагаться. До тѣхъ поръ, пока идетъ разложеніе, человѣкъ еще силенъ; его поддерживаетъ отрицаніе, въ мысли и на дѣлѣ, распадающейся группы воззрѣній. Но когда они уже пали, а новое міросозерцаніе еще не выработалось, человѣка беретъ тяжкое раздумье, горькое разочарованіе; онъ впадаетъ въ без-

силіе, перестаетъ довѣрять какимъ бы то ни было идеаламъ и началамъ; тогда-то водворяется холодный, утонченный развратъ, съ его неизбѣжными спутниками — нравственнымъ и умственнымъ униженіемъ лица.

Такъ смѣняются міросозерцанія. Законъ ихъ образованія и разложенія, со всѣми послѣдствіями, одинъ и тотъ же въ разныя эпохи. Оттого нельзя не замѣтить черты поразительнаго сходства между эпохами, отстоящими другъ отъ друга на тысячелѣтія. Вся разница только въ характерѣ и свойствахъ міросозерцаній, идущихъ на смѣну отжившимъ воззрѣніямъ, и въ томъ, какъ человѣкъ смотритъ на такія смѣны.

Въ началѣ, пока кругъ познаній и практической опытности весьма не великъ и человѣкъ еще бѣденъ общими взглядами и соображеніями, онъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ пути, который проходитъ, не знаетъ откуда идетъ и куда. Между тѣмъ жизнь безпрестанно наталкиваетъ его на новые факты, совершенно ему неизвѣстные, открываетъ передъ нимъ все новыя, болѣе и болѣе отдаленныя и сложныя причины явленій, которыми надо такъ или иначе овладѣть; обстоятельства, посреди которыхъ онъ поставленъ и вынужденъ жить и дѣйствовать, безпрестанно измѣняются; самъ онъ, незамѣтно для самого себя, постепенно тоже измѣняется. Не умѣя найтись въ этомъ водоворотѣ, человѣкъ плыветъ вмѣстѣ съ потокомъ, который влечетъ его неудержимо. Не онъ создаетъ себѣ свое положеніе, а оно создается помимо него и тянетъ его впередъ, опредѣляетъ его дѣйствія и поступки, его соображенія и опыты. Естественно, что онъ самъ не знаетъ, какъ и почему создаются и распадаются его міросозерцанія. Они — плодъ его дѣятельности, но онъ этого не понимаетъ, даже не подозрѣваетъ. Поэтому, новое міросозерцаніе, которое смѣняетъ прежнее, не представляется ему необходимымъ послѣдствіемъ предыдущаго и условіемъ послѣдующаго, а чѣмъ-то самостоятельнымъ, отдѣльнымъ отъ него, не имѣющимъ никакой съ нимъ связи, явившимся неизвѣстно какъ и почему. Отвѣтъ на вопросъ, поставленный прежде, представляется явленіемъ совершенно неожиданнымъ и новымъ. Вотъ главная причина кажущейся безсвязности великихъ отдѣловъ всемірной исторіи, при дѣйствительной внутренней послѣдовательности проходящаго чрезъ нихъ развитія. Каждый его фазисъ, выражающійся въ извѣстномъ міросозерцаніи, кажется человѣку послѣднимъ словомъ мудрости. Онъ видитъ въ немъ не результатъ того, что́ было прежде, а нѣчто совершенно новое и держится за него какъ за безусловную истину, не подозрѣвая, что она только звено въ общемъ ходѣ развитія.

Видя такую непрерывающуюся смѣну міровоззрѣній, можно подумать, что она есть одинъ изъ непреложныхъ законовъ исторіи, что роду человѣческому суждено вѣчно переходить изъ одной фазы развитія въ другую, вѣчно искать благополучія, никогда его не достигая. Но различіе въ существѣ и характерѣ смѣняющихся міросозерцаній заставляетъ предполагать, что это не простой круговоротъ, а поступательное движеніе, имѣющее опредѣленную задачу, начало и конецъ.

До сихъ поръ, изучая міросозерцанія различныхъ періодовъ и народовъ, мы прежде и больше всего обращали вниманіе на то, что̀ въ этихъ воззрѣніяхъ прямо высказывается, оставляя въ сторонѣ, по крайней мѣрѣ не придавая особеннаго значенія той степени психическаго развитія, какую они предполагаютъ и при которой то или другое міросозерцаніе возможно. Однако именно эта сторона, какъ намъ кажется, гораздо важнѣе объективнаго смысла ученій и вѣрованій, достоинство котораго исключительно зависитъ отъ степени положительнаго знанія и только имъ можетъ быть правильно взвѣшено и оцѣнено. Напротивъ, фазисы психическаго развитія, опредѣляющіе характеръ и точку отправленія различныхъ міросозерцаній, даютъ намъ возможность глубже вглядѣться въ дѣло исторіи и подмѣтить общій законъ развитія человѣческаго рода, насколько это пока возможно.

Философіи Востока, какъ признается всѣми, выражаютъ полнѣйшій квіетизмъ. Но что такое квіетизмъ, созерцательное отношеніе къ предмету? Въ психическомъ смыслѣ это-то душевное состояніе, когда человѣкъ по возможности воздерживается отъ сношеній, столкновеній и борьбы съ внѣшнимъ, окружающимъ и сосредоточенъ въ самомъ себѣ, когда всякая внѣшняя дѣятельность, внѣшнее творчество и создаваемыя ими формы представляются ему какъ посягательство на полноту, цѣльность внутренней, душевной жизни. Дѣятельное отношеніе къ внѣшнему міру, съ цѣлью заставить его служить себѣ, приладить его къ своимъ потребностямъ, считается, при такомъ психическомъ состояніи, ненормальнымъ, неестественнымъ, признается за нравственное паденіе человѣка, потому что всякая внѣшняя дѣятельность выводитъ его изъ себя наружу и вводитъ въ его идеалы внѣшніе предметы, чрезъ что человѣкъ теряетъ чистоту, дѣвственность души, оскверняется матеріальными элементами. Оттого, въ восточномъ міросозерцаніи нѣтъ движенія и развитія. Здѣсь человѣкъ дѣлаетъ завоеванія надъ внѣшнимъ міромъ только по необходимости, изъ нужды, а не изъ свободнаго стремленія дѣйствовать и творить, находить въ этомъ удовлетвореніе внутренней потребности и наслажденіе. Всѣ воззрѣнія вос-

точныхъ народовъ, въ которыхъ выражается движеніе, превращенія, переходы изъ одного состоянія въ другое, суть космогоніи, осмысленіе дѣйствительныхъ фактовъ и явленій природы. Созерцаніе Брамы и погруженіе въ Нирвану обозначаютъ крайнія точки, начало и конецъ квіетизма. Въ первомъ онъ является какъ нормальное психическое состояніе, въ послѣднемъ слышится вопль отчаянія въ минуту совершеннаго разложенія и упадка этой первой ступени сознательной психической жизни.

Совсѣмъ другое психическое состояніе выражаетъ міросозерцаніе такъ-называемаго классическаго міра. Дѣятельное отношеніе къ природѣ и людямъ — вотъ его основная тэма, вотъ струя, которая проходитъ чрезъ всѣ воззрѣнія грековъ и римлянъ. Оба народа проводятъ жизнь въ творчествѣ художественномъ, научномъ, общественномъ, теоретическомъ и практическомъ. Дѣятельность и творчество — ихъ нормальное психическое состояніе; они опредѣляютъ смыслъ жизни грековъ и римлянъ. Оттого эти народы смотрятъ на формы ими создаваемыя не какъ на признакъ нравственнаго упадка, не какъ на нѣчто чуждое, грѣховное, по крайней мѣрѣ безразличное, а напротивъ какъ на важный, серьезный и радостный фактъ въ ихъ жизни, какъ на плодъ и награду трудовъ и усилій. Греки и римляне глубоко сознаютъ важную роль этихъ формъ въ человѣческой жизни и стараются выработать ихъ до возможнаго совершенства.

Слѣдовательно, движеніе, развитіе начинается собственно съ грекo-римскаго міра. Здѣсь человѣкъ переходитъ изъ созерцательнаго состоянія, изъ пассивнаго и отрицательнаго отношенія къ окружающему въ дѣятельное, идетъ добровольно на борьбу, на трудъ и завоеванія въ окружающемъ мірѣ. Съ этой минуты онъ собственно начинаетъ сознательно, преднамѣренно приладживать природу и общежитіе къ своимъ нуждамъ и желаніямъ, создаетъ и дѣятельно преслѣдуетъ идеалы счастія и благополучія.

Ставъ на этотъ путь, классическій міръ, во главѣ его греки, скоро поднялся до общихъ отвлеченныхъ началъ, научныхъ и нравственныхъ, теоретическихъ и практическихъ. Къ этому привела его необходимость. Общія начала выяснились сами собою, естественнымъ ходомъ развитія мысли и жизни, потому что безъ такихъ началъ нельзя было ни узнать причинъ и связи явленій природы, ни устроить общественный бытъ. Исторія греческой философіи есть живая картина того, какъ шагъ за шагомъ человѣкъ доработывался до общихъ началъ и

вмѣстѣ съ тѣмъ самъ развивался психически. Но чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ разумѣется отвлеченнѣе становились эти начала. Они все уходили въ даль и глубь и въ то же время все дальше и дальше расходились съ внѣшнимъ міромъ и съ первоначальной точкой отправленія, — съ непосредственными, ближайшими матеріальными нуждами. Центръ тяжести изъ внѣшняго міра сталъ постепенно переноситься въ психическій. Сократъ это чувствовалъ, Платонъ возвелъ въ систему. Нить, связующая внѣшній міръ съ міромъ идей и отвлеченностей, не была еще извѣстна, человѣкъ не понималъ еще пройденнаго пути. Оттого идеи и отвлеченности были сами по себѣ, дѣйствительность сама по себѣ. Сначала ихъ кое-какъ соединяли поэтическими, совершенно произвольными представленіями; но чѣмъ далѣе, тѣмъ бо́льшая открывалась между ними пропасть и наконецъ они разошлись на неизмѣримое разстояніе и стали казаться двумя особыми мірами, неимѣющими между собою ничего общаго.

На этой степени развитія застигаетъ людей проповѣдь Евангелія. Христіанство — мы касаемся здѣсь только его историческаго значенія — окончательно разорвало всякую связь между внѣшнимъ, матеріальнымъ и идеальнымъ міромъ и совершенно перенесло центръ тяжести въ послѣдній. Суровыя, холодныя, бездушныя отвлеченности замѣнены любящимъ, безгранично милосердымъ и долготерпѣливымъ Божествомъ, сострадательнымъ къ человѣку до самопожертвованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и для человѣка наступила пора обновленія. Психическая его сторона выдвинута на первый планъ и поставлена неизмѣримо выше его внѣшняго, матеріальнаго состоянія и благополучія. Душа сбросила съ себя пеленки, которыя ее тѣснили и начала жить полною, самостоятельною жизнью. Идеалъ христіанина есть душевная жизнь, нравственное совершенство. Никогда, ни прежде ни послѣ, не было вдругъ открыто столько самыхъ глубокихъ тайнъ психической жизни и движеній и нигдѣ онѣ не были выражены такъ ясно и просто. Въ исторіи это была минута дѣйствительнаго возрожденія человѣка къ новой жизни, небывалой, передъ которой всякая другая жизнь казалось блѣдной и жалкой.

Съ христіанствомъ апогея идеальнаго развитія была достигнута. Оно завершилось и съ тѣхъ поръ началось обратное движеніе отъ идеальнаго міра къ внѣшнему, реальному. Съ одной стороны предстояло пересоздать дѣйствительность по христіанскому идеалу, очистить ее, поднять по возможности въ уровень съ новыми, идеальными требованіями; съ другой, необходимо было открыть научное основаніе евангельскихъ истинъ, форму-

лировать ихъ по правиламъ строгой науки и такимъ образомъ, связавъ цѣпью причинъ и послѣдствій съ наглядными истинами, сдѣлать ихъ доступными не для однихъ вѣрующихъ, а достояніемъ науки и знанія. Эта двойная задача выпала на долю новыхъ европейскихъ народовъ.

Сначала духовный міръ, впервые открывшійся для человѣка съ христіанствомъ, сдѣлался предметомъ благочестиваго изслѣдованія. Вслѣдъ затѣмъ, какъ церковь установила догматы и кодексъ вѣроученія, тогдашняя наука, при помощи средствъ, бывшихъ у нея подъ руками и выработанныхъ преимущественно древнимъ классическимъ міромъ, старалась обратить предметъ вѣры въ предметъ знанія, чтобъ водворить и утвердить евангельскія истины въ сердцахъ и умахъ тѣхъ, которые способны убѣждаться только аргументами разсудка.

Этотъ придатокъ къ христіанскому ученію мало-по-малу вырасталъ, окрѣпалъ и со временемъ разросся въ особую отрасль знанія, которая отдѣлилась отъ вѣроученія и сдѣлалась самостоятельной наукой подъ названіемъ философіи. Задачей ея постепенно стало свободное, ничѣмъ нестѣсняемое изслѣдованіе основныхъ истинъ и началъ всего существующаго. Орудіемъ ей служили не вѣра или авторитетъ, а доводы, убѣдительные для ума.

Разъ сдѣлавшись самостоятельной наукой, философія, рано или поздно, должна была разложиться на свои составныя стихіи и обратиться, съ одной стороны, въ положительную науку о человѣкѣ, съ другой, въ такую же науку о природѣ. Это обусловливалось тѣмъ, что всѣ наши представленія и мысли имѣютъ своимъ источникомъ или человѣка или природу. Насколько человѣкъ составляетъ въ природѣ явленіе самостоятельное, живущее по своимъ особымъ законамъ, настолько онъ есть самостоятельный, особый отъ природы источникъ представленій и мыслей; слѣдовательно, все что мы знаемъ сводится къ одному изъ этихъ двухъ источниковъ или къ обоимъ вмѣстѣ. Въ этихъ двухъ направленіяхъ и стала развиваться наука по выходѣ изъ среднихъ вѣковъ, съ которыми пала философія, составлявшая нѣчто среднее между вѣроученіемъ и наукой. Сначала противъ философіи возстали естественныя науки, въ лицѣ Бэкона, съ котораго начинается самостоятельное развитіе естествознанія. Позднѣе Локъ и Кантъ положили основаніе такому же самостоятельному развитію науки о человѣкѣ, какъ объ источникѣ представленій и мыслей. Послѣдующія нѣмецкія философскія ученія, какъ мы уже замѣтили въ другомъ мѣстѣ, имѣютъ тоже лишь психологическій интересъ, и сквозь системы, которыя въ

нихъ излагаются, сильно просвѣчиваетъ ихъ психологическая подкладка.

При такомъ ходѣ развитія знанія, основный, начальный фактъ, съ котораго пошла историческая жизнь новыхъ народовъ, былъ мало-по-малу обойденъ и—забытъ. Животрепещущій интересъ личнаго существованія, личнаго совершенствованія, индивидуальнаго развитія стушевался передъ интересомъ общихъ и отвлеченныхъ началъ и идей. Центръ тяжести перенесенъ мало-по-малу изъ человѣка на общество, государство и ихъ устройство. Таковъ естественный ходъ развитія мысли и знанія. Они имѣютъ дѣло не съ единичнымъ, а съ общимъ, отвлеченнымъ и безличнымъ; единичное, индивидуальное, личное изъ нихъ необходимо отодвигается на послѣдній планъ и выпадаетъ, а если и разсматривается, то тоже только въ общемъ, отвлеченномъ видѣ. Мысль вовсе не способна схватить личность какъ живое цѣлое. Все что попадаетъ подъ процессъ мышленія, непремѣнно разлагается на обобщенія и отвлеченія, которыя выражаютъ дѣйствительность, но разъятую, совсѣмъ въ другомъ видѣ, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Оттого мысль долго и считалась зломъ. Она представляетъ дѣйствительность не такою, какова она на самомъ дѣлѣ; она заслоняетъ индивидуальное, личное существованіе. Это свойство мышленія и его процессовъ подмѣчено не такъ давно; прежде человѣкъ не имѣлъ объ немъ понятія и потому отдавался мысли и ея результатамъ съ безграничнымъ довѣріемъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было, что общія и отвлеченныя понятія и мысли признаны за существенное, а личное, индивидуальное, что выпадаетъ изъ мысли — за неважное, несущественное, второстепенное.

Всего очевиднѣе и наглядиѣе выразилось это направленіе въ сферѣ практической дѣятельности. Христіанствомъ даны новыя основанія частной и общественной жизни, и древнее общество необходимо должно было перестроиться по новому идеалу человѣческихъ отношеній, потому что люди не могли жить долѣе въ условіяхъ, созданныхъ и выработанныхъ другимъ міросозерцаніемъ. Началась коренная ломка старыхъ формъ и замѣна ихъ новыми. Эта работа продолжается, съ перерывами и отдыхами, до-сихъ-поръ; но она исподоволь, незамѣтно, привела къ пренебреженію индивидуальностью, человѣческою личностью. Внѣшняя жизнь человѣка, обусловленная матеріальной обстановкой и сношеніями или столкновеніями съ другими людьми, естественно подпадаетъ подъ дѣйствіе объективныхъ данныхъ и законовъ. Юридическій, общественный, политическій законъ, по существу своему, есть внѣшнее правило, которое опредѣляетъ, обязатель-

нымъ для отдѣльныхъ лицъ образомъ, условія ихъ сожительства и ихъ взаимныхъ отношеній. Какъ общее правило, законъ есть средній терминъ между людьми, входящими въ составъ общества, и слѣдовательно не можетъ совпадать съ стремленіями, желаніями, побужденіями каждаго изъ этихъ лицъ въ отдѣльности. Чрезъ это общежитіе получаетъ самостоятельность, является обусловленнымъ не индивидуальною, личною жизнью каждаго лица въ отдѣльности, а потребностями или цѣлаго общества или по крайней мѣрѣ значительнаго большинства людей къ нему принадлежащихъ. Если прибавить къ этому, что общественныя условія не ограничиваются одними свойствами лицъ, входящихъ въ составъ общества или государства, но кромѣ того и другими данными, какъ, напримѣръ, территоріей и ея свойствами, особенностями сосѣднихъ народовъ и сношеніями съ ними, развитіемъ культуры и множествомъ другихъ обстоятельствъ, появляющихся случайно или выступающихъ вслѣдствіе законовъ развитія всякаго человѣческаго общества вообще и даннаго общества въ частности, то отсюда вытекаетъ совершенно естественно, что личная, индивидуальная жизнь съ одной стороны, и общія требованія и условія общежитія съ другой—не только могутъ, но и необходимо должны разойтись другъ отъ друга на большое разстояніе и составить интересы различные, нерѣдко противуположные другъ другу. Такъ и было. Перестройка общежитія сначала совершалась по идеаламъ, которые носилъ къ своей душѣ обновленный человѣкъ; но мало-по-малу интересы общественности отодвинули отдѣльнаго человѣка, личное существованіе назадъ и заслонили его собою. Общіе законы и условія, опредѣляющіе общественный бытъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единичную жизнь лицъ, принимающихъ въ немъ участіе, стали главнымъ существеннымъ интересомъ. Отдѣльныя личности стали разсматриваться съ общей точки зрѣнія, въ общемъ видѣ, обратились въ цифры бюджета, въ буквы алгебраическаго уравненія, въ матеріалъ, который, помощью извѣстныхъ пріемовъ, можно выдѣлать въ любую форму. Вотъ почему, въ то время какъ общественный и государственный интересъ возрастали и на публичную дѣятельность обращалось все вниманіе и всѣ силы, индивидуальная, личная жизнь мало-по-малу была заброшена и утрачивала значеніе. Чѣмъ совершеннѣе формы общественности и государственности, тѣмъ, казалось бы, должна полнѣе, цѣльнѣе, краше, развиваться жизнь отдѣльнаго лица. Вышло наоборотъ: съ успѣхами общественной жизни, личности блѣднѣютъ и какъ будто постепенно вырождаются.

Въ наше время это противурѣчіе выступаетъ во всей его

рѣзкости, хотя немногіе даютъ себѣ трудъ вдуматься хорошенько въ его причины. Наука выяснила до совершенной очевидности, что общія начала, въ томъ видѣ какъ они намъ доступны и какъ мы ихъ знаемъ, не имѣютъ реальнаго бытія внѣ насъ, что они, въ формѣ идей, мыслей, понятій—не иное что, какъ продукты психическихъ процессовъ, которые въ насъ совершаются; наука точно также доискалась и показала, что общественная жизнь со всѣми ея разнообразными формами, въ концѣ концовъ, покоится на отдѣльныхъ личностяхъ, что онѣ составляютъ основаніе всякой общественности, и что исканіе отдѣльными лицами возможнаго благополучія и есть движущій нервъ общественнаго развитія. Такимъ образомъ, все указываетъ на то, что личность, индивидуальность есть первоначальная ячейка и міра мысли, и міра общественности. Изъ этого бы слѣдовало, что она должна стоять на первомъ планѣ, занимать самое видное мѣсто, быть главнымъ предметомъ нашей заботливости, вниманія и участія. То, изъ чего выходитъ міръ мысли, тѣ единицы, изъ которыхъ слагается общежитіе, на которыя оно опирается, для которыхъ существуетъ, должны бы быть и центромъ и ключемъ всего. Но не то мы видимъ на дѣлѣ. Для насъ главное, существенное не личность, не индивидуальность, а то, что̀ изъ нея выходитъ, что ею создается. Пока мы не побѣдимъ этого противурѣчія, до тѣхъ поръ все яснѣй будутъ выступать его неизбѣжныя, роковыя послѣдствія. Нравственная личность, оставаясь въ теперешнемъ пренебреженіи, будетъ болѣе и болѣе глохнуть, а по мѣрѣ оскудѣнія души мы меньше и меньше будемъ въ состояніи понимать, цѣнить и пользоваться тѣмъ, что̀ только въ ней имѣетъ свой корень и источникъ.

Мы уже смутно чувствуемъ, что стоимъ на ложномъ пути, но никакъ не можемъ выбиться на другой, лучшій. Отъ общихъ идей и началъ, отъ формъ общественной и политической жизни, нѣтъ, съ точки зрѣнія нашего времени, перехода къ нравственной личности, потому что въ сравненіи съ этими идеями, началами и формами каждое индивидуальное существованіе кажется случайнымъ, какъ безразличнымъ и случайнымъ кажется всякій единичный фактъ въ сравненіи съ общей идеей, подъ которую онъ подходитъ. Найти связь между ними, выяснить ея законы—вотъ задача, которую предстоитъ разрѣшить. Она конечно не послѣдняя, но ближайшая на очереди. Только когда этотъ узелъ будетъ распутанъ, окончательно сомкнутся въ нашемъ сознаніи концы общей цѣпи причинъ и ихъ дѣйствій, и послѣднее посредствующее звено, намъ пока неизвѣстное, будетъ найдено; лицо, блуждающее теперь на-угадъ, пріобщится тогда созна-

тельно къ общей жизни и не будетъ вянуть въ нынѣшнемъ нравственномъ отъ нея отчужденіи.

Какимъ же путемъ можетъ быть разрѣшена эта задача?

Ни идеализмъ, ни реализмъ, въ смыслѣ философскихъ доктринъ, не въ состояніи, какъ мы видѣли, совладать съ нею.

Идеализмъ, заступившій когда-то мѣсто метафизики, вращается исключительно въ сферѣ общихъ и отвлеченныхъ понятій, которыя только и признаетъ за дѣйствительно существующія. Отдѣльныя лица, индивидуальности, въ его глазахъ, — случайныя явленія; онъ, правда, умѣетъ «конструировать» и личность, и индивидуальность, но только въ общемъ видѣ, какъ общее понятіе. Оттого онъ не можетъ объяснить ни одной изъ идей, которыми обусловливается нравственная сторона и жизнь человѣка. Все что̀ идеализмъ говоритъ о томъ, около чего вертится, на что опирается, чѣмъ держится нравственная жизнь лица — о добрѣ и злѣ, правдѣ и неправдѣ, справедливости и т. п., сводится къ общимъ мѣстамъ, пустоту которыхъ онъ старается замаскировать діалектическими тонкостями; но сквозь нихъ легко разглядѣть его совершенное безсиліе справиться съ этими идеями. Многорѣчивый и ходульный, идеализмъ неспособенъ подойти къ субъективной, нравственной, духовной природѣ человѣка и дать что̀ ему всего нужнѣе, — какое-нибудь твердое нравственное убѣжденіе, какую-нибудь нравственную точку опоры.

Реализмъ, какъ теорія, точно также несостоятеленъ. Онъ только прикрывается аргументами естествознанія, а на самомъ дѣлѣ есть тоже философское ученіе, правильнѣе сказать, послѣднее слово философской точки зрѣнія. Для философскаго реализма, какъ для идеализма и метафизики, главное и существенное — не единичное, индивидуальное, а общее и отвлеченное, хотя онъ и воображаетъ, что имѣетъ дѣло непосредственно съ реальнымъ міромъ. Но всякая отвлеченность по природѣ своей безлична, и потому каждое воззрѣніе, какое бы ни носило названіе, если только оно полагаетъ всю силу въ общемъ и отвлеченномъ, непремѣнно, рано или поздно, приходитъ къ отрицанію самостоятельности и самодѣятельности лица, то-есть самаго основанія нравственной личности. Къ этому выводу и пришелъ идеализмъ, въ доктринѣ реалистовъ. Оба стоятъ на одной почвѣ и только по недоразумѣнію враждуютъ между собою. Реалисты съ философскимъ направленіемъ ставятъ человѣка на одну доску со всѣми прочими предметами внѣшняго міра, признавая за нимъ только бо́льшія умственныя способности. Различнаго отъ животныхъ строя нравственной природы они въ немъ не предполагаютъ. При такомъ взглядѣ, нравственная лич-

ность разумѣется совершенно невозможна. Человѣкъ является не инымъ чѣмъ, какъ машиной, дѣйствующей непроизвольно, только вслѣдствіе толчковъ, получаемыхъ извнѣ,] — машиной, которая дрессируется воспитаніемъ, законами, карами и наградами къ разнаго рода общественнымъ цѣлямъ. Реалисты крайне непослѣдовательны, и только благодаря этому ученіе ихъ держится. Проведи они свой взглядъ до конца, они отступились бы отъ нелѣпостей, которыя изъ него вытекаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ не есть прежде всего нравственная личность, то какой смыслъ могутъ имѣть всѣ гуманныя стремленія, всѣ великодушныя идеи — свобода, равенство, братство, отмѣна тѣлеснаго наказанія и смертной казни, скучныя и дорого стоющія заботы о призрѣніи старыхъ, неизлечимо-больныхъ, умственныхъ калѣкъ и уродовъ, вообще безпомощныхъ людей, обременяющихъ общество? Къ чему эта погоня за миражами? Разсуждая послѣдовательно, гораздо разумнѣе и цѣлесообразнѣе истреблять и безполезныхъ и вредныхъ людей; это и удобнѣе для остальныхъ, потому что освобождаетъ ихъ отъ тысячи заботъ и напрасныхъ тратъ. Нравственное воспитаніе — къ чему оно? Довольно, если человѣкъ будетъ выдрессированъ для будущихъ его занятій, если въ немъ будутъ развиты извѣстныя полезныя привычки, подавлены по возможности безполезныя или вредныя поползновенія; остальное додѣлаетъ общественная и практическая дрессировка.

Трудно представить себѣ человѣка безъ всякихъ задатковъ нравственной жизни, безъ всякихъ нравственныхъ убѣжденій, съ сознаніемъ, что каждое его дѣйствіе есть необходимый результатъ извѣстныхъ внѣшнихъ вліяній. Но допустимъ, что человѣкъ таковъ на самомъ дѣлѣ. Какая же должна быть его жизнь и поступки? Начать съ того, что всѣ его дѣйствія будутъ направлены только къ матеріальнымъ цѣлямъ, къ матеріальной пользѣ. Добромъ и зломъ будетъ для него только полезное и вредное въ матеріальномъ смыслѣ. Для другихъ человѣкъ будетъ дѣлать настолько, насколько это есть обмѣнъ услугъ, для обоюдной пользы или выгоды; а когда ничего такого въ виду нѣтъ, онъ будетъ совершенно равнодушенъ къ ближнему и при столкновеніи интересовъ не задумается предпочесть свои выгоды его пользамъ. Съ такой же точки зрѣнія онъ долженъ смотрѣть и на общественную пользу, общественную безопасность, благоустройство и свободу. Вообразимъ себѣ теперь общество такихъ эгоистовъ, одаренныхъ человѣческими способностями и соединенныхъ между собою только связями взаимныхъ выгодъ. Такое общество должно распасться, потому

что разложеніе лежитъ въ самыхъ условіяхъ общежитія, основаннаго на такихъ началахъ. Нечего и говорить, что въ подобномъ обществѣ юридическій законъ долженъ быть главной, если не единственной оградой людей другъ отъ друга, и она конечно опредѣлится очень рѣзко и строго. Погруженный въ личные свои разсчеты, цѣли, интересы и удобства, человѣкъ будетъ соблюдать такой законъ, ограждающій его и другихъ, пока это ему выгодно; но если это ему невыгодно, то онъ будетъ его обходить или нарушать болѣе или менѣе тайно или явно, смотря по большей или меньшей надеждѣ на безнаказанность. Ничего похожаго на упреки совѣсти онъ конечно имѣть не можетъ, тѣмъ болѣе, что вѣдь всѣ его дѣйствія, какъ сказано, непроизвольныя; никакіе нравственные мотивы не заставятъ его честно исполнить свои обязанности и законы, когда представляется удобный случай ихъ обойти, отъ нихъ отыграться, если это полезно или выгодно. Какая надобность не обмануть, не украсть, не убить, когда все это можно сдѣлать безнаказанно? Правда, есть нѣкоторый рискъ попасться и поплатиться за то иной разъ даже головой; но на то и есть умъ и сообразительность, чтобъ умѣть спрятать концы въ воду. Притомъ, гдѣ есть рискъ, тамъ есть и шансы, которые можно приблизительно разсчитать. И такъ, еслибъ человѣкъ дѣйствительно не имѣлъ въ себѣ нравственныхъ элементовъ, то люди едва успѣли бы основать общежитіе, какъ оно тотчасъ же разложилось бы подъ дружными усиліями тѣхъ же самыхъ людей, которые его создали. Юридическій законъ, политическая форма, какъ бы они ни были совершенны, не могутъ держаться ни минуты, если люди, посреди которыхъ они дѣйствуютъ, не имѣютъ нравственныхъ убѣжденій. Въ обществахъ, гдѣ много такихъ людей, какими они представляются при послѣдовательномъ развитіи реалистическаго принципа, законъ и извѣстное политическое устройство держатся только преданіемъ и привычкой, выработанными изъ другихъ взглядовъ, но черезъ нѣсколько поколѣній эти привычки и преданія, когда ихъ ничто не поддерживаетъ, должны разрушиться, а съ ними и самое общество.

Намъ возразятъ, что представленная картина общежитія вовсе не сходится со взглядами философскаго реализма; что серьезные послѣдователи этого направленія не имѣютъ, съ своей точки зрѣнія, никакихъ причинъ не признавать высшихъ, общихъ нравственныхъ условій организованнаго сожительства людей; что, напротивъ, именно имъ принадлежитъ заслуга положительнаго, научнаго объясненія этихъ условій и ихъ необходимости потребностями общежитія; что психологія и этика не

въ состояніи дать какого-нибудь другого объясненія, болѣе правильнаго, удовлетворительнаго и точнаго.

Все это совершенно справедливо, но не объ этомъ рѣчь. Мы утверждаемъ, что философскій реализмъ противурѣчитъ самому себѣ, допуская высшія начала нравственности и устроеннаго общежитія. Человѣкъ безъ психической самостоятельности и самодѣятельности неспособенъ подняться до этихъ началъ, въ немъ нѣтъ для этого никакихъ условій. Набросанная нами картина списана совсѣмъ не съ ученій философскаго реализма, которому она точно также не сочувственна, какъ и намъ: она изображаетъ только то, что́ необходимо вытекаетъ изъ его предпосылокъ, — то, къ чему бы онъ пришелъ и самъ, еслибъ былъ послѣдователенъ въ своихъ заключеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если душа не есть самостоятельный и самодѣятельный организмъ, если всѣ психическія явленія не болѣе какъ непроизвольныя отправленія мозгового и нервнаго аппарата, вызываемыя одними внѣшними, матеріальными толчками и вліяніями, то какимъ образомъ могутъ въ человѣкѣ появиться какія бы то ни было общія понятія или начала, да и къ чему они ему? Муравьи и пчелы живутъ же въ организованномъ сожительствѣ въ силу неизвѣстнаго имъ закона и слѣпо ему повинуются, не имѣя никакихъ нравственныхъ и политическихъ убѣжденій и вовсе въ нихъ не нуждаясь. Но человѣкъ относится свободно и критически къ ближайшимъ и болѣе отдаленнымъ условіямъ своего быта, обсуждаетъ ихъ и передѣлываетъ, сообразно съ своими потребностями. Только вслѣдствіе такого мыслящаго, свободнаго и творческаго въ немъ отношенія и возможно то разнообразіе взглядовъ и убѣжденій и та борьба изъ-за нихъ, которыми выясняется цѣлесообразность, полезность и необходимость однихъ нравственныхъ, политическихъ, общественныхъ началъ и условій, ненужность, вредъ и случайность другихъ. Человѣкъ потому только это и понимаетъ, что строеніе его психическаго организма дѣлаетъ его къ тому способнымъ; общія начала и условія потому только и имѣютъ для людей нравственный характеръ, что не составляютъ роковой необходимости и могутъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, измѣняться творческою самодѣятельностью человѣка. Вообразимъ себѣ общежитіе, составленное изъ людей безъ произвольной дѣятельности, съ однимъ лишь сознаніемъ. Что́ будутъ сознавать такіе люди? Высшія начала и условія общественности и нравственности? Конечно нѣтъ, потому что они, какъ мы видѣли, продукты самостоятельной и самодѣятельной психической жизни, результатъ процессовъ психическаго организма, который претворяетъ матеріальныя и психическія впечатлѣнія и

творчески, свободно, возсоздаетъ ихъ въ себѣ въ новыхъ формахъ и сочетаніяхъ. Человѣкъ, какимъ онъ является по выводамъ философскаго реализма, способенъ сознавать только непосредственно дѣйствующія на него внѣшнія вліянія и возбужденія и только имъ однимъ слѣдовать, имъ однимъ покоряться. Общія начала и условія организованнаго сожительства были бы для него внѣшнимъ закономъ, до смысла, значенія и необходимости, да и самаго существованія котораго человѣкъ не былъ бы въ состояніи возвыситься. Вслѣдствіе того, онъ и былъ бы такимъ, какимъ мы его представили и какимъ онъ дѣйствительно бываетъ въ періоды младенчества и упадка народовъ, — совершеннымъ эгоистомъ, безъ руководящихъ нравственныхъ и общественныхъ началъ, тайнымъ или явнымъ врагомъ устроеннаго общежитія, на которое смотрѣлъ бы только какъ на внѣшній законъ, обязательный для него до той лишь минуты, пока его нельзя обойти тѣмъ или другимъ способомъ. Повторяемъ: практическая цѣлесообразность, полезность и необходимость извѣстныхъ общихъ началъ и условій человѣческаго сожительства и нравственности не подлежатъ сомнѣнію, и реалисты совершенно правы, настаивая на этомъ, основывая на этомъ ихъ научное, положительное и точное объясненіе; только оно не имѣетъ ничего общаго съ ихъ исходной точкой зрѣнія, не вытекаетъ изъ нея, не оправдывается ею. Предметъ, который они изучаютъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ, по всѣмъ правиламъ точной науки, съ ихъ точки зрѣнія вовсе существовать не можетъ; онъ произвольно выхваченъ изъ области психологіи, потому что для человѣка безъ психической самостоятельности и самодѣятельности нѣтъ и не можетъ быть міра идей и нравственности, какъ ихъ нѣтъ у животныхъ.

Въ послѣднее время многіе, едва ли не большинство мыслящихъ людей, ожидаютъ разрѣшенія задачи, поставленной исторіей, отъ успѣховъ естествознанія. Но не трудно предвидѣть, что надежды, возлагаемыя на естественныя науки, будутъ тоже обмануты. Естествознаніе, правда, выработало превосходный научный методъ, но оно останавливается именно тамъ, гдѣ начинается вопросъ о нравственной личности и не идетъ далѣе; далѣе говорятъ уже не естественныя науки, а философскій реализмъ. Естествознаніе, имѣя дѣло только съ природой и матеріальными фактами, признаетъ за прочный, несомнѣнный результатъ только то, что, по тщательномъ изслѣдованіи, строго вытекаетъ изъ этихъ данныхъ. Естествовѣдѣніе, какъ наука положительная, берется за объясненіе психическихъ, внутреннихъ, духовныхъ явленій только въ той мѣрѣ, какъ они обнаружива-

ются во внѣшнихъ фактахъ и показываетъ, какъ эти явленія преломляются въ матеріальной средѣ, подъ дѣйствіемъ матеріальныхъ условій и законовъ физической природы. Въ этой сферѣ заслуги естествознанія, особливо въ послѣднее время, огромны. Оно выяснило и безпрестанно болѣе и болѣе выясняетъ матеріальныя условія человѣческаго существованія и дѣятельности, играющія такую рѣшительную роль во всѣхъ явленіяхъ психической жизни, когда они переходятъ въ матеріальную среду. Но что такое сама психическая жизнь, ея законы, явленія и процессы,—этого естествовѣдѣніе не касается и по свойству своей задачи, по матеріалу, надъ которымъ работаетъ, и не можетъ касаться. Это не его дѣло.

Одна только психологія, ставъ положительной наукой изъ философской, какою была до сихъ поръ, въ состояніи, изслѣдуя факты и явленія психической жизни при помощи точнаго научнаго метода, разрѣшить задачу, на которую не даютъ отвѣта ни современная философія, ни естествознаніе. Еще Локкъ и Кантъ пытались поставить ее на этотъ путь, но не довели начатаго ими великаго дѣла до конца. Ихъ критическія изслѣдованія остановились на полдорогѣ. Надо ихъ довершить, и тогда человѣкъ снова выйдетъ на торный путь, съ котораго сбился.

Психологія изслѣдуетъ идеи и человѣческую дѣятельность въ самыхъ источникахъ, гдѣ они зарождаются. До сихъ поръ наука указала только матеріалъ, изъ котораго слагается мысль и дѣятельность; но при какихъ условіяхъ, по какимъ законамъ этотъ матеріалъ вырабатывается въ мысли, въ идеи, въ соціальныя формы и принципы,—на это мы либо мало обращаемъ вниманія, либо смотримъ односторонне и ошибочно. Фактъ намъ извѣстенъ, но мы не знаемъ, какъ онъ совершается. Вотъ гдѣ и начинается задача психологіи. Она раскрываетъ невидимую дѣятельность души, проникаетъ въ тайны камеробскуры, чрезъ которую проходятъ всѣ факты и явленія, преобразуясь въ идеи и начала. Этимъ она и идетъ на смѣну философіи, которая останавливается на общихъ и отвлеченныхъ идеяхъ и началахъ, не будучи въ состояніи изслѣдовать далѣе. Психологія проникаетъ глубже въ данныя, которыя изучаетъ философія; она анализируетъ ихъ, показываетъ какъ они образовались, потому что видитъ въ нихъ продукты психическихъ процессовъ и отправленій, и объясняетъ, какимъ образомъ, по какимъ законамъ, эти продукты возникли. Обѣ, и философія и психологія, занимаются разрѣшеніемъ одной и той же задачи, но подходятъ къ ней съ противуположныхъ сторонъ. Предметъ философіи — про-

дукты душевной жизни, какъ объективныя данныя; предметъ психологіи—способы и законы происхожденія этихъ продуктовъ. Она объясняетъ общія и отвлеченныя понятія и начала психическою жизнью и процессами. Философія, согласно съ своимъ взглядомъ на предметъ, пытается, но тщетно, доискаться до нравственной личности, потому что беретъ за точку отправленія міръ идей и отвлеченностей какъ первоначальное данное, неподлежащее дальнѣйшему анализу. Психологія, напротивъ, разсматривая ихъ какъ психическіе продукты, старается объяснить самый процессъ ихъ происхожденія въ человѣческой душѣ и тѣмъ возвращаетъ ей первенствующее, центральное мѣсто въ дѣйствительномъ мірѣ, которое принадлежитъ ей по праву; ибо если идеи и начала не что иное, какъ сознательные или безсознательные продукты психической жизни, то они, разумѣется, теряютъ то безусловное объективное значеніе, которое старалась имъ придать философія, и центръ тяжести естественно долженъ быть перенесенъ въ ту среду, въ которой они перерабатываются въ идеальную форму.

Становя насъ совсѣмъ на другую точку зрѣнія, недоступную для философіи, психологія, и только она одна, объясняетъ удовлетворительнымъ образомъ существо идей, обобщеній, отвлеченностей и ихъ отношенія къ дѣйствительности. Міръ идей, мыслей, дѣйствительно существуетъ, но особеннымъ образомъ, идеально, психически, а не реально. Мысли, начала—не исключительно личныя, субъективныя явленія, не свободныя творческія созданія человѣка, потому что представляютъ собою продукты психической переработки даннаго матеріала, которая совершается извѣстнымъ, правильнымъ образомъ, по опредѣленнымъ законамъ. Въ этомъ смыслѣ невозможно отрицать у міра идей, обобщеній и отвлеченностей своего рода объективности. Всего осязательнѣе она въ понятіяхъ и представленіяхъ о реальныхъ предметахъ. Но въ то же время нельзя, не впадая въ грубыя ошибки, видѣть въ идеяхъ, обобщеніяхъ и отвлеченностяхъ не болѣе, какъ психическую обработку однихъ матеріальныхъ внѣшнихъ явленій, сводить весь міръ идей и началъ на психическое выраженіе только матеріальныхъ данныхъ и повѣрять первыя исключительно только послѣдними,—нельзя потому, что идеи, мысли, начала вырабатываются не изъ однихъ матеріальныхъ, а также и изъ психическихъ данныхъ, которыя точно такимъ же образомъ какъ и матеріальныя, проходятъ чрезъ психическіе процессы.

Это обстоятельство, именно что идеи, мысли, начала только особая форма, особый видъ существованія матеріальныхъ и пси-

хическихъ фактовъ, показываетъ, какъ ошибалась философія, отыскивая въ идеяхъ, мысляхъ, началахъ безотносительную, безусловную истину. Въ самомъ дѣлѣ, если они представляютъ дѣйствительные—реальные или психическіе—факты въ психической обработкѣ, то ихъ истинность далеко не безусловная, а такая же положительная, какъ и всякой научной истины, то-есть опредѣляется ихъ соотвѣтствіемъ или несоотвѣтствіемъ тѣмъ фактамъ, которые въ нихъ являются въ психической обработкѣ. Когда начало, мысль, идея вполнѣ соотвѣтствуютъ всѣмъ фактамъ, къ которымъ относятся, то они истинны, но не безусловно, потому что съ перемѣною фактовъ и они должны измѣниться. Если даже всѣ безъ изъятія факты, опредѣляющіе предметъ, приняты въ соображеніе при образованіи идеи, мысли, начала, то и въ такомъ случаѣ послѣдніе все же не станутъ, вслѣдствіе того, безусловными истинами, потому что они обусловлены положительными данными, суть не что иное, какъ психическое выраженіе, психическая форма ихъ существованія. Зная матеріалъ, изъ котораго они образовались, зная психическіе процессы, которыми они выработаны, мы относимся къ нимъ какъ къ положительнымъ даннымъ, происхожденіе которыхъ намъ извѣстно или можетъ быть узнано.

Такой взглядъ упраздняетъ воображаемую противуположность между идеями и дѣйствительностью, не впадая въ ошибки матеріалистовъ и идеалистовъ, отрицавшихъ или идеальный или реальный міръ. Психологія объясняетъ ихъ взаимныя отношенія, и проводя между ними точную границу, надъ чѣмъ напрасно трудилась философія, возстановляетъ въ нашемъ сознаніи утраченную связь причинъ и послѣдствій между идеальнымъ и реальнымъ міромъ, которые на самомъ дѣлѣ составляютъ вмѣстѣ одно органическое цѣлое. Вотъ почему одни психологическія изслѣдованія, веденныя строго-научнымъ образомъ, могутъ окончательно рѣшить запутанный споръ идеализма съ реализмомъ и возвратить каждому изъ нихъ принадлежащее ему мѣсто и значеніе.

Пойдемъ теперь далѣе. Если то, что мы считаемъ за объективный реальный и за такой же объективный идеальный міръ, есть на самомъ дѣлѣ продуктъ психической переработки фактовъ внѣшней природы и нашей душевной жизни, то объективность того и другого міра есть только относительная и существенно зависитъ отъ среды, въ которой совершается переработка тѣхъ и другихъ фактовъ. Идеалъ объективности есть полное, совершенное соотвѣтствіе дѣйствительныхъ фактовъ съ тою формою, какую они получаютъ, пройдя чрезъ психическій про-

цессъ мышленія. Изъ-за такого полнаго соотвѣтствія люди бьются отъ начала исторіи, безпрестанно къ нему приближаясь и никогда его не достигая. Если оно когда-нибудь и будетъ достигнуто, то все-таки человѣкъ будетъ обладать только совершенно вѣрнымъ противнемъ дѣйствительнаго міра, но никакъ не самою дѣйствительностью непосредственно, какъ это ему думается. Происходитъ же это отъ того, что и міръ идеальный и міръ реальный, какими мы ихъ знаемъ, слагаются, съ одной стороны, изъ элементовъ чисто объективныхъ, а съ другой изъ того, что мы отъ себя къ нимъ привносимъ. Постепенное различеніе того и другого, бо́льшее и бо́льшее умѣнье распознавать ихъ и обозначаетъ успѣхи науки и знанія. Но уже изъ этого видно, что оба міра, и реальный и идеальный, какъ мы ихъ знаемъ, не имѣютъ и не могутъ имѣть для насъ ничего законченнаго и безпрестанно измѣняются по мѣрѣ того, какъ измѣняемся мы сами.

Этотъ психологическій выводъ, подтверждаемый всѣмъ развитіемъ науки и дѣйствительной жизни, кореннымъ образомъ измѣняетъ взглядъ на отношенія человѣка къ окружающему и къ самому себѣ. Матеріальная природа и міръ идей, не имѣя, въ томъ видѣ какъ они ему представляются, ничего неизмѣннаго и непреложнаго, не могутъ имѣть и того характера роковой необходимости, который приписывается, первой—реалистами, второму—идеалистами. И реальный и психическій міръ мы знаемъ только въ психической обдѣлкѣ, въ тѣхъ сочетаніяхъ, какія они имѣютъ въ нашей душѣ и только по недоразумѣнію и незнанію приписываются самой объективной дѣйствительности, считаются ея принадлежностью. Эти сочетанія на самомъ дѣлѣ принадлежатъ намъ, и потому могутъ нами самими измѣняться, и, какъ мы знаемъ, дѣйствительно измѣняются съ успѣхами знанія и практической опытности.

Такимъ образомъ, психологія устраняетъ одинъ изъ призраковъ, парализующихъ дѣятельность человѣка,—призракъ исключительнаго господства роковой необходимости, фатализма, судьбы, которая будто бы дѣлаетъ тщетными всѣ наши усилія расположить факты и условія, направить обстоятельства такъ, какъ бы намъ хотѣлось. Необходимость въ смыслѣ неизмѣнной связи причинъ и ихъ послѣдствій есть основный законъ всего существующаго. Въ объективномъ смыслѣ, нѣтъ ни случайности, ни произвола; самая энергическая воля не въ силахъ измѣнить законовъ матеріальной или психической природы. Съ этой точки зрѣнія конечно можно доказывать, что роковая необходимость исключительно и неограниченно царитъ въ мірѣ. Но останавли-

ваясь на этомъ выводѣ и отрицая произвольность и случайность, мы, сами того не замѣчая, уходимъ изъ міра дѣйствительныхъ фактовъ въ міръ отвлеченностей и застрѣваемъ въ немъ. Въ дѣйствительности данныя условія безспорно являются роковыми причинами явленій и фактовъ; но сочетанія условій безпрестанно измѣняются, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняются и ихъ необходимыя, роковыя послѣдствія. Данныя причины не успѣли еще произвести то, что̀ необходимо должно было отъ нихъ произойти, какъ онѣ уже видоизмѣнились, вслѣдствіе измѣненія сочетанія условій. Сочетанія же образуются различнымъ образомъ. Они составляютъ или прямой, необходимый результатъ цѣлаго ряда или цѣпи причинъ и ихъ послѣдствій, или результатъ взаимнаго пересѣченія и столкновенія такихъ рядовъ, или, наконецъ, послѣдствіе преднамѣренной группировки условій. Въ первомъ случаѣ мы называемъ явленіе, составляющее необходимое послѣдствіе данныхъ условій, необходимымъ, во второмъ — случайнымъ, въ третьемъ—произвольнымъ, хотя оно и въ первомъ и во второмъ и въ третьемъ случаѣ есть непремѣнно роковое послѣдствіе данныхъ условій и слѣдовательно необходимо. Если земля, по законамъ механики, вертится и около солнца и на своей оси, то періодическая смѣна дня и ночи есть явленіе необходимое, роковое. Если, въ то время, когда я сплю, на меня обрушится потолокъ, мы назовемъ такое явленіе случайнымъ; однако, на самомъ дѣлѣ и оно есть тоже необходимое, роковое послѣдствіе данныхъ условій; называемъ же мы его случайнымъ только потому, что оно произошло вслѣдствіе взаимнаго столкновенія двухъ различныхъ рядовъ причинъ и послѣдствій, которое и произвело новое, третье сочетаніе условій, съ его необходимыми послѣдствіями; наконецъ, когда я, по задуманному плану, построю домъ, этотъ домъ будетъ фактомъ произвольнымъ, хотя очевидно, что онъ могъ быть выстроенъ только при извѣстномъ сопоставленіи условій, дѣйствующихъ, какъ всегда, необходимымъ образомъ.

Итакъ, необходимость исключаетъ произвольность и случайность только въ отвлеченномъ смыслѣ; въ дѣйствительности они существуютъ рядомъ, не мѣшая другъ другу, потому что въ ней на первомъ планѣ не отвлеченія и обобщенія, а единичные факты и ихъ взаимныя единичныя отношенія. Но эти факты и отношенія, пройдя чрезъ процессъ мышленія, отпадаютъ.

Человѣкъ имѣетъ дѣло только съ сочетаніями условій. Онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ разложеніи однихъ изъ нихъ, въ образованіи новыхъ и въ этомъ смыслѣ самъ творитъ необходимость и судьбу. Тайна произвольныхъ дѣйствій состоитъ

вовсе не въ невозможной и немыслимой отмѣнѣ законовъ природы, матеріальной или психической, а только въ разложеніи и сочетаніи условій, которыя необходимо, роковымъ образомъ, производятъ извѣстныя или матеріальныя или психическія явленія и факты. Бо́льшимъ или меньшимъ знаніемъ и пониманіемъ законовъ такихъ сочетаній и ихъ послѣдствій, бо́льшимъ или меньшимъ искусствомъ и умѣньемъ разлагать и составлять такія сочетанія и опредѣляется степень культуры. Чѣмъ человѣкъ менѣе развитъ, чѣмъ менѣе въ немъ выработаны психическіе элементы, тѣмъ онъ болѣе зависитъ отъ данныхъ сочетаній условій, тѣмъ пассивнѣе къ нимъ относится; но по мѣрѣ того, какъ психическая жизнь въ немъ развивается, онъ относится къ нимъ все самостоятельнѣе и самодѣятельнѣе, замѣняя ихъ своими, произвольными, и тѣмъ устраняя одни явленія, вызывая другія, ему нужныя и желательныя. Предѣлы такого творчества человѣка конечно существуютъ; но мы до сихъ поръ ихъ не знаемъ; по мѣрѣ его развитія они отодвигаются все далѣе и далѣе.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что все, что̀ насъ окружаетъ, не есть произведеніе одной роковой необходимости или случайности, а вмѣстѣ, и въ значительной степени, плодъ нашей произвольной и свободной дѣятельности. Человѣкъ преобразуетъ природу, общественную и психическую жизнь, не отступая ни на іоту отъ законовъ, которыхъ измѣнить не властенъ. Исторія каждаго человѣка, народа и всего рода человѣческаго есть постепенное накопленіе и наслоеніе сочетаній условій необходимыхъ, случайныхъ и произвольныхъ, съ возрастающимъ, болѣе и болѣе успѣшнымъ стремленіемъ упразднить или по крайней мѣрѣ уменьшить число или хоть ослабить дѣйствіе сочетаній, образовавшихся помимо участія человѣка, необходимыхъ и случайныхъ, и наоборотъ, создавать, умножать и упрочивать произвольныя, образованныя имъ самимъ. Одно незнаніе и непониманіе смысла исторіи и вообще хода человѣческихъ дѣлъ могли внушить ложную мысль, будто все то, что̀ совершается, такъ и должно было совершиться и иначе не могло быть. Преклоненіе передъ совершившимся фактомъ, передъ торжествующей силой бываетъ очень часто полезно и даже справедливо практически, въ виду данныхъ обстоятельствъ; но оно совершенно ошибочно теоретически и, какъ общій принципъ, не выдерживаетъ критики. Дѣятельное участіе человѣка въ ходѣ исторіи, въ развитіи общественности отнимаетъ у нихъ характеръ безусловной необходимости, значеніе механическаго процесса. Человѣкъ всюду вноситъ свои сочетанія данныхъ и условій, которыя измѣняютъ

положеніе дѣлъ. Изъ тысячи возможныхъ сочетаній онъ выбираетъ то или другое, которое не всегда непремѣнно бываетъ самое лучшее и наиболѣе пригодное для достиженія извѣстной, желаемой цѣли. Потому-то дѣятельность человѣка и подлежитъ суду, и вопросъ, что́ было бы, еслибъ историческіе дѣятели поступили такъ, а не иначе, совсѣмъ не такъ суетенъ и безплоденъ, какъ въ наше время привыкли думать. Наука, рано или поздно, должна признать за историческими дѣятелями личную иниціативу, ихъ способность и право вводить въ дѣйствительность новыя сочетанія условій и данныхъ, какъ это давно уже признается за людьми въ ежедневной жизни простымъ здравымъ смысломъ и общимъ сознаніемъ.

Но не одни историческія фигуры, крупныя историческія личности дѣятельно участвуютъ въ исторіи, въ судьбахъ обществъ и человѣческаго рода. По тому же закону, который мы старались объяснить, и на томъ же самомъ основаніи, въ нихъ вноситъ свой вкладъ каждый человѣкъ, какъ бы ни была незамѣтна его дѣятельность, какъ бы ни было микроскопически мало то, что́ онъ творитъ въ своей сферѣ. Изъ этихъ невидимыхъ крупинокъ слагаются тѣ направленія и настроенія общественной жизни, тѣ стремленія, которыя въ данную минуту, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, обращаются въ неудержимую силу и опредѣляютъ судьбы народовъ и исторіи. Въ этомъ смыслѣ каждый человѣкъ, какъ бы ни было скромно и низменно его общественное положеніе, работаетъ, сознательно или безсознательно, для общаго дѣла, есть дѣятель исторіи и развитія. Мы обманываемъ себя, думая, что идеи двигаютъ и творятъ исторію; ее творятъ люди, человѣческія единицы, которыхъ трудъ и работа, въ ихъ результатахъ, слагаются въ условія исторической жизни. Идеи только выражаютъ эти условія; онѣ потому только тогда и бываютъ сильны, когда условія служатъ имъ могучей подкладкой. Оттого-то однѣ и тѣже идеи сегодня—великіе двигатели, завтра—пустыя фразы.

Въ непрестанномъ дѣятельномъ участіи каждаго человѣка въ судьбахъ обществъ и всего человѣческаго рода и коренятся тѣ великія нравственныя начала, которыя сопровождаютъ его отъ колыбели чрезъ всю исторію, то затемняясь и тускнѣя, то снова освѣщая и поддерживая его на трудовомъ пути съ удвоенной силой, яркостью и убѣдительностью. Люди вѣрили, вѣрятъ и всегда будутъ твердо вѣрить, что никакое преступленіе, совершаемое отдѣльнымъ лицомъ или цѣлымъ народомъ, не избѣгнетъ, рано или поздно, заслуженной кары, хотя бы въ лицѣ потомковъ и послѣдующихъ поколѣній; что зло, неправда когда-

нибудь упразднятся, и добро, правда, истина будутъ безраздѣльно царить въ человѣческихъ обществахъ. Психологія даетъ возможность объяснить эти вѣрованія, на которыя мы теперь смотримъ свысока, какъ на ребяческія мечты. Съ психологической точки зрѣнія, вся исторія есть непрерывающійся рядъ попытокъ и усилій людей какъ можно лучше приладить внѣшнюю природу, условія и формы общежитія и наконецъ самихъ себя къ своимъ потребностямъ, нуждамъ и желаніямъ. Историческое развитіе есть не что иное, какъ безустанная критика сдѣланныхъ съ этою цѣлью попытокъ и усилій и безустанная замѣна сдѣланнаго новымъ, болѣе удовлетворительнымъ, если и не на самомъ дѣлѣ, то по намѣренію и мысли людей. Плодъ этой работы многихъ вѣковъ и тысячелѣтій выражается въ послѣдовательной замѣнѣ данныхъ сочетаній матеріальныхъ и психическихъ фактовъ и общественныхъ формъ другими. Однажды сгруппированные извѣстнымъ образомъ, эти факты и формы дѣйствуютъ уже по объективнымъ законамъ и вслѣдствіе того сами собою измѣняютъ множество другихъ сочетаній и группъ, помимо предвидѣнія и воли человѣка, какъ выстрѣлъ, пущенный по нашей волѣ, летитъ по законамъ физики, независимо отъ нашихъ намѣреній и желаній. «Логика фактовъ», какъ ее назвали недавно, вызванная толчкомъ, идущимъ отъ насъ, перетрогиваетъ и видоизмѣняетъ цѣлые ряды сочетаній и группъ, находящихся или въ прямой, или въ болѣе или менѣе отдаленной связи съ тѣмъ сочетаніемъ или группою условій, которую мы измѣнили по своему усмотрѣнію. Вотъ почему каждое наше дѣйствіе, какъ бы оно ни было, повидимому, незначительно, передается всей сомкнутой цѣпи причинъ и послѣдствій и производитъ болѣе или менѣе важныя измѣненія въ данныхъ сочетаніяхъ и группахъ фактовъ и формъ; а такъ какъ эти сочетанія и группы обусловливаютъ бытъ людей, такъ какъ множество ихъ придуманы и созданы людьми для удовлетворенія извѣстныхъ ихъ потребностей и желаній, то каждое измѣненіе данной группировки, произведенное однимъ человѣкомъ, болѣе или менѣе отзывается на всѣхъ остальныхъ. Отсюда и вытекаетъ, что все что̀ нами дѣлается во вредъ другимъ, осуждено, рано или поздно, на разрушеніе. Малѣйшій нарушенный интересъ, если только онъ самъ не составляетъ нарушенія интересовъ, пользъ и выгодъ другихъ, мститъ за себя, рождая, рано или поздно, ненормальныя, болѣзненныя явленія въ общежитіи и потребность устранить ихъ причину, т.-е. ту группу, то сочетаніе фактовъ, которое производитъ эти явленія. Далѣе: развитіе общественности есть послѣдовательный рядъ попытокъ пріискать такія сочетанія обще-

ственныхъ формъ, при которыхъ нужды, требованія и интересы всѣхъ и каждаго, отъ мала до велика, были бы удовлетворены. Таковъ идеалъ, къ которому неудержимо стремится родъ человѣческій, постепенно къ нему приближаясь и никогда его вполнѣ не достигая. Къ нему, волей-неволей, прилаживаетъ человѣкъ свои личныя, индивидуальныя стремленія, цѣли и идеалы, отбрасывая одни, создавая другіе и перерождаясь постепенно съ измѣняющимися условіями общественной жизни. Такое взаимнодѣйствіе общественности и каждаго отдѣльнаго лица, вслѣдствіе котораго оба измѣняются, и объясняетъ, почему въ будущемъ люди предугадываютъ полное соотвѣтствіе и равновѣсіе обоихъ элементовъ, наступленіе вожделѣнной минуты, когда и общежитіе и каждое отдѣльное лицо совершенно приладятся другъ къ другу. Конечно и на этомъ пути возможно только безпрестанное приближеніе къ идеалу. Идеалъ, какъ обобщеніе и отвлеченность, только указываетъ цѣль и освѣщаетъ путь.

Высказанныя мысли требуютъ еще многихъ разъясненій. Но мы здѣсь остановимся. Подробное разсмотрѣніе и изслѣдованіе нравственныхъ началъ, съ положительной точки зрѣнія, есть задача не психологіи, а этики, столько же заваленной разнымъ хламомъ и ветошью, какъ и психологія. Мы коснулись ученія о нравственности только для того, чтобъ на нѣсколькихъ примѣрахъ показать, какую важную роль правильное объясненіе психической жизни играетъ въ разрѣшеніи сложныхъ вопросовъ этики. Мы убѣждены, что только въ психологіи, возведенной на степень положительной науки, разработанной при помощи положительнаго научнаго метода, можно отнынѣ найти прочныя основанія ученія о нравственности, которыхъ не въ состояніи дать ни современные философскіе взгляды, исключающіе самую возможность этики, ни метафизика и идеализмъ, отрѣзавшіе себѣ всякій переходъ къ индивидуальной человѣческой личности. Важность предмета едва ли кто рѣшится оспоривать, особливо въ настоящее время. Ученіе о нравственности держится на преданіи, которое однако видимо слабѣетъ. Что станется съ личнымъ существованіемъ, когда оно совсѣмъ потеряетъ силу? Человѣкъ, составляющій исходный пунктъ, начальную клѣтчатку общественности, лишится тогда всякой точки опоры въ своей дѣятельности; а между тѣмъ, судя по ходу вещей, исторія повидимому снова приближается къ одной изъ тѣхъ заключительныхъ фазъ цѣлыхъ періодовъ, когда, какъ было уже нѣсколько разъ, лицо болѣе и болѣе обособляется, выдвигается впередъ и становится главнымъ опредѣляющимъ элементомъ общественности. Въ такую минуту въ немъ должны быть сосредоточены всѣ

тѣ силы, которыя, еще не такъ давно, распредѣлялись между многими, исторически-данными элементами общежитія. Требованія отъ отдѣльнаго человѣка, сообразно съ тѣмъ, съ каждымъ днемъ становятся больше и серьёзнѣе, а онъ болѣе чѣмъ когда-нибудь разслабленъ и пустъ. Инстинктивно чувствуя эту разладицу, мы боимся взглянуть ей прямо въ глаза и то прячемся за прошедшее, то съ слѣпой вѣрой спѣшимъ къ будущему, усиливаясь остановить или ускорить ходъ исторіи, ея вѣчное разложеніе и созиданіе. Но оставаясь при нашей путаницѣ мыслей, при тѣхъ глубокихъ внутреннихъ противурѣчіяхъ, которыя при малѣйшемъ вниманіи такъ рѣзко бросаются въ глаза, мы ничего не выиграемъ отъ замедленія или ускоренія хода исторіи. Надо перестать убаюкивать себя фразами, которымъ мы сами больше не вѣримъ, искренне и строго провѣрить наши взгляды и доискаться, путемъ науки и положительнаго знанія, до причинъ нашей нравственной скудости, при огромномъ умственномъ богатствѣ. Такое изслѣдованіе приведетъ насъ къ психологіи, потому что въ нашей душѣ, въ ея жизни и отправленіяхъ, скрываются источники нашихъ радостей и печалей, истины и лжи, добра и зла, правды и неправды. Если міру суждено быть обновленнымъ, то это можетъ совершиться изнутри насъ. Безъ участія нравственныхъ, психическихъ элементовъ и дѣятельности немыслимо никакое обновленіе.

К. Кавелинъ.

ДИЛЕТТАНТЫ

РОМАНЪ.

Половина первая.

СТРОИТЕЛИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

На проселкѣ.

Въ Кожинскомъ уѣздѣ, Сыродольской губерніи, двадцать первое іюня было однимъ изъ самыхъ жаркихъ дней 1866-го года. Солнце рѣшительно аттестовало себя съ весьма невыгодной стороны и невыносимо пекло, даже несмотря на близость вечера. Было уже шесть часовъ пополудни, а косые лучи его все также горячо льнули къ золотымъ колосьямъ ржи, до корней пропекали мелкую траву недавно скошеннаго луга, и такъ раскалили беззащитный проселокъ, что сѣрая пыль его жгла босую ногу прохожей крестьянки. Воздухъ трепеталъ отъ зноя надъ холмистыми нивами. На поляхъ черной орани столбами вставали пыльные вихри — по два, по три сразу. Даже птицъ какъ-то не было слышно: и онѣ примолкли въ этой невыносимой духотѣ.

Бѣда въ такое время коннопу; а пѣшій—хоть совсѣмъ пропадай! Красный головной уборъ прохожей крестьянки давно исчезъ за полосами ржи, овса и гречихи. На проселокъ садились по временамъ только сѣрые жаворонки... И проселокъ-то былъ,

правда, самый глухой: весь размытый дождями, очевидно заброшенный по негодности, даже кое-гдѣ перепаханный и на половину заросшій травой.

Кого могла нелегкая занести въ такую пору на Старую Илиховскую дорогу—да еще пѣшкомъ? Между тѣмъ какая-то человѣческая фигура двигалась по горячей пыли — и даже пѣшеходъ, на этотъ разъ, очевидно принадлежалъ къ такъ-называемому образованному классу. Одѣтъ онъ былъ, правда, бѣдно и грязно, черная пыль лежала у него подъ глазами, вокругъ носа и на подбородкѣ; но покрой нѣкогда щегольского, хотя и изношеннаго платья, золотые очки и особенно выраженіе лица — ручались за то, что онъ изъ привилегированныхъ.

Лицо было рѣшительно бросающееся въ глаза! Привычка къ серьезной думѣ свѣтилась изъ глубокаго, загадочнаго взгляда; углы очень красиваго рта сложились какъ-то странно: не то въ нихъ была насмѣшка, не то горечь. Но всего болѣе поражало это лицо одною рѣдкой особенностью: оно казалось и моложе и старѣе своихъ тридцати лѣтъ. Крупныя, выразительныя черты и замѣчательно бѣлый цвѣтъ кожи, который можно было угадать даже подъ грязью и загаромъ, дѣлали прохожаго двадцатитрехлѣтнимъ юношей; а высокая, стройная фигура, сильные мускулы и легкость движеній поддерживали иллюзію. За то по временамъ тускло-неподвижный взглядъ большихъ сѣрыхъ глазъ и какое-то мрачное, апатично-усталое выраженіе лица разомъ старили его на десять лѣтъ.

Прохожаго звали Евгеніемъ Сергѣичемъ Изгоевымъ. Онъ воспитывался на казенный счетъ въ крутогорскомъ университетѣ; подавалъ одно время блестящія надежды и кончилъ курсъ лучшимъ кандидатомъ своего семестра; но потомъ какъ-то вдругъ бросилъ науку — точно оборвалъ. Послѣ шести лѣтъ обязательной, очень неудачной и довольно лѣнивой службы по учебному вѣдомству, онъ вышелъ въ отставку; находилъ впрочемъ возможность проживать до двухъ тысячъ въ годъ, добывая ихъ преподаваніемъ по найму въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, кое-какой литературной работишкой и очень искусною игрой въ карты. Хотя у Изгоева былъ старикъ отецъ, который одиноко добивалъ свой вѣкъ въ ничтожной наслѣдственной деревушкѣ, въ Кожинскомъ уѣздѣ—сынъ безвыѣздно проживалъ въ Крутогорскѣ восемь лѣтъ сряду; они только обмѣнивались раза два въ годъ самыми короткими письмами. Наконецъ, въ 1866-мъ году старикъ заболѣлъ; почудилось ему, что смерть, давно жданная гостья, разсѣлась наконецъ въ кожаномъ старомодномъ креслѣ у его изголовья—и онъ поспѣшилъ телеграфировать къ

сыну. По этой-то телеграммѣ молодой Изгоевъ въ тотъ же день выѣхалъ изъ Крутогорска. Онъ благополучно проскакалъ пятьсотъ-восемьдесятъ верстъ въ перекладной тележкѣ, то по шоссе, то по большой дорогѣ; но съ послѣдней станціи пришлось свернуть на проселокъ, и тутъ юношескія воспоминанія сыграли съ нимъ довольно непріятную шутку: прежняя Илиховская дорога оказалась *Старой* Илиховской, а мость на Овражкѣ представлялъ однѣ гнилыя развалины, не совсѣмъ безопасныя даже для пѣшехода. Приходилось возвращаться вспять да проѣхать еще верстъ пятнадцать, когда до дому и двухъ не оставалось. Изгоевъ отправилъ ямщика съ поклажей въ объѣздъ, а самъ пошелъ прямой дорогой чрезъ поля.

— Мнѣ все везетъ! размышлялъ онъ, широко шагая по травѣ и обливаясь горячимъ потомъ. — Трое сутокъ въ непокрытой телегѣ ѣхалъ—кропило дождемъ; а вотъ теперь, когда пришлось на собственной парѣ прокатиться—такъ и за деньги облаковъ не сыщешь... Удача, что и говорить! не даромъ въ сорочкѣ родился... Однако, вотъ Илиховскій лѣсъ. Здѣсь, во-первыхъ, тѣнь, а во-вторыхъ, помнится, вода есть; слѣдовательно, можно выкупаться и хотя немного смыть дорожную пыль... Да, такъ! за этими кустами!

Онъ храбро раздвинулъ лѣсную чащу, съ усиліемъ пролѣзъ нѣсколько шаговъ сквозь густыя вѣтви, чѣмъ-то царапнулъ по шеѣ, прихватилъ на лицо паутины—и на встрѣчу ему сверкнуло лѣсное озерцо. Оно было не болѣе тысячи шаговъ въ окружности, но съ прозрачной водою и песчанымъ дномъ.

— Слава Богу! проворчалъ Изгоевъ, собираясь снять пальто— и вдругъ остановился нѣсколько смущенный: надъ водою, по самой серединѣ, торчала чья-то молодая женская головка въ подстриженныхъ, вьющихся волосахъ и съ круглыми, испуганными глазами, которые вопросительно уставились на него.

Изгоевъ оглянулъ берегъ, чтобы видѣть, съ кѣмъ пришлось имѣть дѣло; но искомаго костюма на его берегу не оказалось.

— Какая-нибудь *ex*-дворовая дѣвица! рѣшилъ онъ мысленно; однако все-таки снялъ шляпу, и обнаружилъ такимъ образомъ очень большой лобъ, котораго необыкновенная бѣлизна казалась еще поразительнѣе, благодаря грязному и загорѣлому лицу.

— Прелестная русалка! заговорилъ онъ съ едва замѣтной насмѣшливостью въ тонѣ. — Прошу васъ извинить мою невольную нескромность.

Русалка торопливо кивнула головой.

— Я конечно спѣшу удалиться. Но далекое путешествіе,

какъ вы сами изволите усмотрѣть... А кромѣ того сегодня очень жарко, поэтому, сгараю желаніемъ выкупаться и осмѣливаюсь просить у васъ разрѣшенія переждать гдѣ-нибудь по близости, пока вы кончите. Честное слово, подсматривать я не стану... тѣмъ болѣе, что разсчитываю на такую же любезную скромность и съ вашей стороны.

«За кого онъ меня принимаетъ»? вспыхнула русалка.

А Изгоевъ преспокойно отошелъ въ сторону.

Подозрительно оглянувшись, она, быстрѣе зайца, шмыгнула изъ воды, бросилась въ кустарникъ, за которымъ лежало платье, и стала поспѣшно одѣваться...

Лишняя осторожность!

Изгоевъ очень честно сдержалъ свое обѣщаніе. Онъ выбралъ чистое мѣстечко подъ деревьями, завалился на спину и принялся глазѣть въ воздушную глубину, наполненную вѣтвями, мошками, высоко-высоко рѣющей ласточкой, и завершавшуюся вѣчнымъ куполомъ неба.

— Живъ ли еще старикъ? думалось Изгоеву.—Или я войду въ домъ — и первое бросится мнѣ въ глаза холодное, мертвое тѣло на столѣ?... Даже какъ-то на душѣ скверно... Лицо восковое, осунувшееся, вѣки синеватыя... а подбородокъ гладко выбритъ, и бѣлый галстухъ надѣтъ, и платье парадное... Можетъ быть, очень ждалъ меня старикъ.... Да! все-таки насъ было двое, хоть и плохо сходились... все-таки двое... А теперь я одинъ... Вотъ когда совершенно, совершенно одинъ! даже смѣшно... Ольга? что Ольга! вѣдь ей въ сущности до меня дѣла нѣтъ; да и кого можетъ она любить серьезно? Я ей просто навязалъ себя... Да и самъ-то я—развѣ люблю какъ прежде?... Нѣтъ, далеко не то! почти дѣло привычки... Господи! какъ бѣгутъ годы! И съ каждымъ годомъ становишься все хуже и хуже! Энергія, сердце, даже умъ—все уходитъ... Зачѣмъ они были, зачѣмъ человѣкъ жилъ, живетъ — кто ихъ знаетъ... Э! все равно! Одинъ конецъ—Нирвана, Нирвана, всемірное ничтожество...

— Вѣрно онъ меня принялъ за горничную или что-нибудь въ этомъ родѣ! соображала между тѣмъ русалка. — Постой же, я его скопфужу!

И все ея личико блеснуло лукавой улыбкой.

— Monsieur! крикнула она, покрывая свои волосы, еще мокрые, широкополой мускетеркой:—Je vous céde *le* place!

Къ удивленію *незнакомца* вышелъ изъ кустовъ очень спокойными шагами и съ самымъ несмущеннымъ выраженіемъ лица. На губахъ его было даже что-то въ родѣ насмѣшливой улыбки.

— Bien obligé, madame! холодно поблагодарилъ онъ.—Mais il fallait dire: *la* place.

Русалка сконфузилась и разсердилась не на шутку.

— Вы не изъ гувернеровъ ли? нашлась она съ нѣкоторою колкостью.

— Нѣтъ-съ, къ сожалѣнію... А вамъ развѣ нуженъ гувернеръ.

Дѣвушка потерялась, не умѣя найти быстраго отвѣта. Положеніе выходило крайне неловкое. Молча стояли они другъ передъ другомъ на двухъ противуположныхъ берегахъ — и *онъ* съ такимъ насмѣшливо выжидающимъ видомъ!

«Убѣжать»? думала русалка.—«Онъ, пожалуй, обрадуется—смѣяться станетъ... Нѣтъ, ужъ лучше хоть глупость скажу! Скажу—и уйду».

— Прощайте-съ! присѣла она очень низко. — Мнѣ остается поблагодарить васъ за урокъ. Какое имя прикажете поминать въ признательныхъ молитвахъ?

— Евгенія.

— Ужъ не Онѣгина ли? сорвалось у нея какъ-то нечаянно — и сама она чуть не до слезъ покраснѣла отъ своей пошлости.

А незнакомецъ помолчалъ и потомъ вдругъ, съ такимъ видомъ, какъ будто ему очень надоѣли, принялся выяснять скороговоркой:

— Я Евгеній Сергѣичъ Изгоевъ, кандидатъ университета и титулярный совѣтникъ въ отставкѣ. Не женатъ. Но и не имѣю намѣренія жениться—ей-Богу, не имѣю! тѣмъ болѣе, что, какъ человѣкъ очень бѣдный и необезпеченный службой, даже не представляю выгодной партіи.

«Да что же онъ въ самомъ дѣлѣ, рекомендуется, будто я его выспрашивала»! смутилась бѣдная русалка, еще не понимая всей дерзости незнакомца.

— Теперь позвольте и мнѣ спросить васъ...

— Вѣра Алек...

— Нѣтъ-съ, я не про то...

Но голубое платье и сѣрая мускетерка уже исчезли за частыми стволами деревьевъ.

— Вотъ еще навязалась! проворчалъ Изгоевъ вслѣдъ. — И безъ тебя золъ, какъ собака.

II.

Марьинскій сычъ.

Марьинская усадьба, куда спѣшилъ молодой Изгоевъ, представляла картину полнѣйшаго запустѣнія и разоренія. Очень хилый деревянный домъ, съ оборванными ставнями, разбитыми или наглухо заколоченными окнами, съ протекающей крышей и дымными печами; огромный дворъ, заросшій бурьяномъ, бѣленою и репейникомъ, съ двумя тропинками, изъ которыхъ одна вела къ амбару, а другая къ полуразвалившейся конюшнѣ; три сада кругомъ... вотъ и вся усадьба. Свѣжій человѣкъ, очутившись въ этомъ опальномъ уголкѣ, могъ бы вообразить, что владѣлецъ не заглядывалъ сюда лѣтъ тридцать сряду, предоставивъ все волѣ божіей. А глубокая тишина и безлюдье еще усиливали печальное впечатлѣніе. Усадьба лежала совершенно въ сторонѣ отъ жалкой деревушки, составлявшей нѣкогда владѣнія дворянской фамиліи Изгоевыхъ. Поэтому, на огромномъ барскомъ дворѣ очень рѣдко слышался людской говоръ или дѣтскій смѣхъ — точно все вымерло. Только старая-престарая собака, спущенная съ цѣпи, потому что ослѣпла и едва могла волочить ноги, обыкновенно грѣлась на солнышкѣ, растянувшись передъ конюшней. Иногда на крыльцо господскаго дома выходилъ высокій старикъ въ халатѣ. — Фиделька! позоветъ онъ, бывало, глухимъ, разбитымъ голосомъ. Старый песъ слабо визгнетъ и подыметъ свою слѣпую морду. — Фиделька! раздается еще разъ. Песъ пытается привстать. — Нѣтъ, ужъ лежи, Фиделька! скажетъ тогда старикъ. — Лежи, коли Богъ убилъ! Постоитъ на крыльцѣ, махнетъ рукой да и пойдетъ себѣ назадъ.

Но Марьинская усадьба можетъ справедливо гордиться и коечѣмъ очень хорошимъ. Это—сады. Вѣковыя аллеи липъ, охватывающія васъ сумракомъ, прохладой и даже легкой сыростью, несмотря на двадцать-первое іюня тысяча-восемьсотъ-шестьдесятъ-шестого года; непроходимыя чащи кустарниковъ, перевитыя хмѣлемъ; мѣстами въ высокой травѣ забытые кусты розъ и красныхъ лилій; старыя, развѣсистыя плодовыя деревья на солнечныхъ полянахъ, испещренныхъ тысячами полевыхъ цвѣтовъ; дальше, группы безмѣрно высокихъ сосенъ, березъ и роскошныхъ кленовъ, подъ которыми вьются совершенно заглохшія вѣчно темныя дорожки — все это исполнено неотразимой прелести. Человѣкъ съ рукъ на руки передалъ свое дѣло природѣ

— и оно безконечно выиграло въ красотѣ. Даже безлюдье и запустѣніе тутъ у мѣста...

Впрочемъ, на этотъ разъ садъ былъ не совсѣмъ безлюденъ.

Въ концѣ одной изъ самыхъ темныхъ аллей, на почернѣвшей отъ времени скамейкѣ, сидѣлъ старикъ высокаго роста въ поношенномъ халатѣ. Совершенно бѣлая борода низко падала на грудь; черты лица и станъ были необычайно худы: синеватыя щеки какъ-то совсѣмъ провалились, носъ вытянулся клювомъ, сѣдыя брови густо нависли надъ мрачными глазами... Только эти глаза и давали еще нѣкоторую зловѣщую жизнь мертвенной физіономіи; они сохранили способность вспыхивать въ извѣстныя минуты — но производили непріятное впечатлѣніе: точно высохшая мумія злобно смотритъ на васъ воскресшимъ взглядомъ!

Передъ старикомъ, покорно склонивъ голову, стоялъ мужичёнко въ розовой ситцевой рубахѣ, свѣтловолосый и свѣтлобородый, съ какимъ-то дѣтскимъ бѣлорозовымъ лицомъ, пухлыми губками и меланхолическимъ видомъ. Его небесно-голубые глаза, казалось, всегда были устремлены въ пространство, а мысли бродили Богъ-знаетъ гдѣ.

Это — барскій староста.

Разговоръ шелъ отрывисто, съ довольно значительными остановками послѣ каждой фразы.

— Пиво привезли?

— Точно такъ-съ.

— А макароны?

— Пять фунтовъ-съ.

Старикъ вынулъ записную книжку.

— Говядины?

— Полпуда.

— Вина?

— Шесть бутылокъ.

— Чаю?

— Фунтъ.

Помолчали.

— Прими же все это, чтобъ было сохранно.

— Слушаю-съ.

Опять помолчали.

— Да! А что на счетъ повара: согласенъ Макаръ?

— Завтра придетъ.

Баринъ уставился глазами въ землю; староста разсѣянно глядѣлъ по верхамъ. Воробьи взапуски чирикали на вишняхъ.

Молчаніе длилось на этотъ разъ гораздо упорнѣе обыкновеннаго: старикъ задумался и совсѣмъ опустилъ голову.

— Да! У Николая Петровича были? вдругъ всклинкулъ онъ.

Староста вздрогнулъ.

— Какъ-же-съ! Сенька ѣздилъ.

— И привезъ ружье?

— Привезъ.

— Хорошо...

Опять помолчали.

— Ну, кажется, все... Можешь идти.

Староста сдержанно-тихой поступью исчезъ въ боковой аллеѣ; а баринъ прислонился къ толстой березѣ, подъ которой стояла скамейка, и закрылъ глаза...

Сергѣй Петровичъ Изгоевъ ошибся: болѣзнь его была еще не къ смерти; она исчезла такъ же быстро, какъ и появилась. На другой день послѣ телеграммы къ сыну, онъ могъ свободно встать съ постели и погулять въ саду, а на третій былъ совершенно здоровъ—то-есть, по крайней мѣрѣ столько же, какъ и всегда. Отправили контртелеграмму. Но старикъ думалъ, что она уже не застанетъ сына въ Крутогорскѣ, и ждалъ его пріѣзда. Сдѣланы были всѣ нужныя распоряженія, даже послали въ Сыродольскъ за провизіей, чего давно не случалось—частію изъ экономіи, частію по ненадобности.

Сергѣй Петровичъ велъ жизнь крайне скромную и уединенную. Когда-то, въ очень старинныя времена, несмотря на совершенно ничтожное (сравнительно) состояніе, онъ былъ однимъ изъ самыхъ блистательныхъ гвардейцевъ въ Петербургѣ. Его остроты, проказы и похожденія пользовались огромной славой; его блестящія удачи между женщинами большого свѣта не разъ служили темою для злословія въ самыхъ недоступныхъ soirées intimes. Но, заручившись репутаціей моднаго повѣсы, Изгоевъ втайнѣ лелѣялъ честолюбіе совсѣмъ другого рода; на свою великосвѣтскую извѣстность смотрѣлъ онъ только какъ на средство, въ нѣкоторой степени замѣняющее родство и деньги. А хотѣлось ему власти и почета, мечталъ онъ чуть ли не о возможности записать свое имя въ исторію... И дѣйствительно, безъ состоянія и связей, онъ въ тридцать лѣтъ былъ уже полковникомъ гвардіи, очень на виду при дворѣ. Казалось, дѣла шли какъ нельзя лучше, оставался одинъ шагъ... Но тутъ-то и *сорвалось:* вышла какая-то скверная исторія, самолюбіе Изгоева глубоко оскорбили. Онъ подвергся одному изъ своихъ припадковъ ярости, тщательно скрываемыхъ, но почти безумныхъ, подалъ въ отставку — и получилъ ее. Все зданіе, воздвигнутое

съ такимъ трудомъ и терпѣніемъ, рухнуло разомъ, въ одинъ день; карьера лопнула. Изгоевъ былъ не такой человѣкъ, чтобы мечтать о возвращеніи прежняго или довольствоваться половиной тамъ, гдѣ онъ хотѣлъ захватить цѣлое; у него что сдѣлано — то сдѣлано, и разъ навсегда. Блестящій гвардейскій полковникъ уѣхалъ въ свою печальную деревушку, женился на бѣдной дворяночкѣ, и молча рѣшилъ дожить вѣкъ помѣщикомъ отъ ста душъ. Даже въ своихъ домашнихъ бесѣдахъ или толкахъ съ сосѣдями онъ никогда не упоминалъ про петербургское житье, ни одно громкое имя не сорвалось у него съ языка. А нѣкоторыя изъ важныхъ дамъ первое время осаждали его письмами съ предложеніемъ своихъ вліяній и услугъ. Чуть ли даже Сергѣй Петровичъ не поспѣшилъ жениться частію для того, чтобы разомъ положить конецъ этимъ письмамъ.

Жена Изгоева умерла третьими родами, и вскорѣ за нею двое младшихъ сыновей. Остался только Евгеній Сергѣичъ. Но и съ нимъ отецъ былъ теперь не въ ладахъ: они повздорили въ 1858-мъ году, когда Евгеній, получивши степень кандидата, въ послѣдній разъ пріѣзжалъ въ Марьино на вакаціи. Не то, чтобы съ той или другой стороны сказано было что-нибудь рѣшительное, невозвратимое—нѣтъ... Отецъ съ сыномъ просто разошлись въ убѣжденіяхъ, измучили другъ друга ѣдкостями, и, хотя озлобленіе съ обѣихъ сторонъ было тщательно прикрыто маской обычной холодности—Евгеній Сергѣичъ рѣшился избѣгать всякихъ встрѣчъ на будущее время. Притомъ же ничто не тянуло его къ отцу, который относительно всѣхъ своихъ домашнихъ всегда держался въ границахъ самой ледяной сдержанности.

Новый поворотъ въ жизни старика Изгоева произвелъ указъ девятнадцатаго февраля. Потерявъ еще прежде половину Марьина по процессу, онъ теперь, какъ малоземельный помѣщикъ, былъ совершенно разоренъ; однако не жаловался, не охалъ — а просто заперъ дверь для всѣхъ знакомыхъ, поручилъ остатокъ имущества попеченіямъ старосты, и отказался отъ всякихъ личныхъ сношеній съ крестьянами, очень сурово провожая нѣкоторыхъ назойливыхъ, желавшихъ объясниться непремѣнно *съ самимъ бариномъ*. Только посредствомъ газетъ и журналовъ, которые выписывались чуть ли не на треть всего дохода, узнавалъ онъ, что дѣется въ божьемъ мірѣ. Съ этихъ-то поръ сосѣдніе мужички и прозвали Изгоева «Марьинскимъ сычомъ»...

Двѣ иволги пересвистывались своими задумчивыми нотками; горленка ласково ворковала съ сосѣдней сосны; кобецъ покрикивалъ на сухой вѣткѣ высокой березы — старикъ все сидѣлъ съ закрытыми глазами, и только по легкому колыханью ру-

башки на груди можно было рѣшить, что его синеватое, полувысохшее тѣло—еще не совсѣмъ трупъ.

О чемъ же думалъ Изгоевъ? Вспоминалъ ли онъ прошлое? Можетъ быть, въ этой почти ужасной, мертвенно-блѣдной головѣ съ провалившимися щеками встаютъ образы блестящихъ красавицъ, въ живыхъ лицахъ, съ веселымъ, огневымъ взглядомъ подъ соболиною бровью, и съ разсыпчатыми локонами? Можетъ быть, картины страсти рисуются въ изсохшемъ мозгу? Можетъ быть, эти морщинистые, крючковатые пальцы помнятъ еще нѣжное пожатіе раздушенной ручки?... Или забытые планы честолюбія, помыслы о власти и величіи осадили старика? Вспоминаетъ онъ свою искусную игру, блестящія удачи и послѣдній, тяжелый ударъ?...

Послышалась чья-то быстрая походка, песокъ заскрипѣлъ подъ торопливыми шагами—и Сергѣй Петровичъ открылъ глаза. Сынъ шелъ къ нему изъ сосѣдней аллеи. Тяжело поднялся старикъ на встрѣчу, хотѣлъ двинуться впередъ, но не могъ, и только протянулъ руки.

Они поцѣловались.

— Ну, братъ Евгеній, извини! Я посылалъ контртелеграмму, но ты, вѣроятно, уже не получилъ ея... Видишь, не знаю какъ и сказать, не то я опять смерть надулъ, не то она меня надула... Выздоровѣлъ совершенно!

— И слава Богу! А я во всякомъ случаѣ очень радъ, что пріѣхалъ... да конечно пріѣхалъ бы, и получивши контртелеграмму. Ну, что же съ вами было?

Старикъ улыбнулся — въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ. Сидя съ закрытыми глазами, онъ все думалъ о томъ, какъ-то встрѣтится съ сыномъ? Вышло просто.

III.

Старое и новое.

Евгеній Сергѣичъ проснулся.

Было ясное солнечное утро. Въ открытое окно лился изъ сада свѣжій воздухъ, врывалась разноголосица птичьихъ криковъ. Въ сосѣдней комнатѣ брянчали ложками и стаканами.

Евгеній Сергѣичъ, потягиваясь на постели—думалъ.

Онъ замѣтилъ, да и не могъ не замѣтить, что къ его пріѣзду многое было приготовлено, что объ его удобствахъ и даже привычкахъ внимательно позаботились; онъ видѣлъ, что старикъ

отецъ принялъ его съ дурно скрытымъ волненіемъ, даже прямо выказалъ радость...

Евгеній Сергѣичъ — все думалъ.

— Старость-то сломила! сурово разсуждалъ онъ самъ съ собою.—Совсѣмъ другой сталъ... Однако что же это значитъ: неужто у отца и въ самомъ дѣлѣ есть ко мнѣ нѣжное чувство? неужто онъ только скрывалъ его?.. Вздоръ! скрывать столько лѣтъ—зачѣмъ? и глупо, и нѣтъ причины... Я думаю, это просто припадокъ, минута. Человѣку жаль разстаться съ жизнью—вотъ онъ и воображаетъ себѣ, будто и къ тому, и къ другому привязанъ... Старость-то свое беретъ! А намъ во всякомъ случаѣ не сойтись. Но сдѣлать ему удовольствіе, подольше пробыть — можно. Почему же не утѣшить старика? жаль его... Да я даже и радъ здѣсь пожить: здѣсь хорошо... Люблю деревню!

Евгеній Сергѣичъ порѣшилъ остаться въ Марьинѣ не менѣе двухъ или трехъ недѣль.

Онъ настроилъ плохонькій рояль, существовавшій въ домѣ еще со временъ покойницы Изгоевой, сдѣлалъ ревизію наличнымъ книгамъ, журналамъ и газетамъ, досталъ удочку и, посредствомъ старосты, испросилъ у охотника Кузьмы, бывшаго дворовaго человѣка, лягаваго пса Валетку. О ружьѣ еще раньше позаботился Сергѣй Петровичъ.

Жизнь потекла мирно и гладко, хотя нѣсколько однообразно. Молодой Изгоевъ приносилъ отцу не великую жертву: онъ очень любилъ деревню и съ удовольствіемъ согласился бы провести въ ней все лѣто, еслибы могъ разсчитывать на жизнь безъ тревогъ и помѣхи. А въ Марьинѣ на этотъ разъ и въ самомъ дѣлѣ было спокойно: отецъ держался всторонѣ, оба осторожно обходили всякую возможность спора, и такъ прошла цѣлая недѣля, къ общему удовольствію.

Но случаю угодно было испортить все дѣло.

Однажды подъ вечеръ, когда солнце почти совсѣмъ спряталось за высокими елями сада, и безмѣрная тѣнь ихъ длинными языками черезъ весь дворъ лѣзла въ самыя окна марьинской залы — Изгоевы сидѣли въ этой залѣ за обычнымъ самоваромъ. Вечеръ былъ хорошъ, воздухъ душистый. Обоимъ какъ-то не говорилось, оба задумчиво уставились глазами—одинъ на розовыя облака, другой на собственный дымящійся стаканъ чаю. Кругомъ стояла глубокая тишина; нѣсколько нарушало ее только жалобное жужжаніе большой мухи, бившейся о стекла. Вдругъ съ усадебной дороги послышался сначала чуть внятный, а потомъ все болѣе явственный звукъ колокольчика.

— Не къ намъ ли? обронилъ Евгеній Сергѣичъ.

— Тутъ больше и проѣхать-то некуда.

— Вотъ нелегкая несетъ!

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ, заливаясь *малиновымъ* звономъ и гремя бубенчиками, тройка маленькихъ вятокъ, изукрашенныхъ сбруею со множествомъ мѣдныхъ бляхъ, торжественно подкатила къ крыльцу. Изъ тарантаса вылѣзъ господинъ средняго роста и средней полноты, черноволосый, въ усахъ и бакенбардахъ.

Старикъ Изгоевъ торопливо обдернулъ свой халатъ, который въ этомъ нисколько не нуждался, и какъ будто съ испуганнымъ видомъ обратился къ сыну:

— Пожалуйста, мой другъ, при немъ остерегись! Не сболтни чего-нибудь лишняго, рѣзкаго или вообще непочтительнаго.

— Что такое? при комъ?

— Да вѣдь это нашъ *дѣятель*: господинъ посредникъ и, говорятъ, будущій мировой судья.

Евгеній Сергѣичъ нахмурился: ему не понравилась шутка.

«Еще бы»! подумалъ онъ. «Знаю, что тебѣ подобные дѣятели не по вкусу! старыя времена и старые порядки ужъ очень пріятны...»

Между тѣмъ гость вошелъ въ залу. На видъ ему казалось около тридцати пяти лѣтъ, съ лица — сангвиникъ. Одѣлся съ большими претензіями на шикъ, но въ сущности плоховато и даже нѣсколько смѣшно. Напримѣръ, сюртучокъ его былъ скроенъ до того по послѣдней модѣ (очень куцый и очень открытый), что рѣшительно казалось, будто дѣятель давно изъ него выросъ: грубыя, красныя руки далеко вылѣзли изъ рукавовъ, довольно солидное брюшко неумѣренно выпятилось впередъ. Манеры гостя тоже едва ли могли нравиться: онъ любезничалъ приторно и съ самодовольнымъ сознаніемъ собственной ловкости, ломался, тонировалъ, говорилъ точно захлебываясь...

«Самодоволенъ и болванъ!» рѣшилъ Евгеній Сергѣичъ, быстро замѣтившій всѣ эти подробности и усвоившій себѣ привычку (хорошую или дурную — неизвѣстно) судить нѣкоторыхъ людей по первому взгляду.

А старикъ Изгоевъ такъ и разсыпался передъ посредникомъ:

— Истинно осчастливили... Какъ-же ваше драгоцѣнное здоровье?

— Мнѣ бы слѣдовало предложить вамъ подобный вопросъ...

— Сестрицы вашей? хоть не имѣю чести ее знать...

— И къ крайнему ея сожалѣнію!

Такъ раскланивались они другъ передъ другомъ въ нѣсколько пріемовъ, причемъ старикъ все продолжалъ заботливо оправ-

лять полы своего халата, хотя тотъ и велъ себя какъ нельзя скромнѣе.

— Извините, ради Бога! я принимаю васъ въ такомъ видѣ... Еслибъ только я могъ догадываться о высокой чести...

— Ахъ, помилуйте! стоитъ ли говорить...

— Позвольте мнѣ однако имѣть счастіе представить вамъ моего сына: Евгеній...

— Ахъ, я въ восторгѣ отъ пріятнаго случая! столько слышалъ...

Посредникъ, съ ловкостью танцмейстера, подлетѣлъ къ Евгенію Сергѣичу и съ жаромъ ухватилъ его руку. Но отъ молодого Изгоева вѣяло холодомъ: ему не нравилась вся эта комедія.

— Стаканъ чаю не угодно ли?

— Благодарю васъ. Очень не прочь.

Гость сложилъ на окно фуражку и хлыстъ.

— А вѣдь я къ вамъ по небольшому дѣлу! заговорилъ онъ, сладко улыбаясь и присаживаясь къ столу.

— Что такое?

— Сегодня разбиралъ я жалобу Натальи Васильевны Кривошеиной на потраву, сдѣланную у нея крестьянами—и при этомъ оказалось, что на вашемъ смежномъ полѣ потрава еще значительнѣе. Такъ я и рѣшился заѣхать. *Мое* правило — ни въ какомъ случаѣ не допускать безпорядковъ.

Старикъ сдѣлалъ испуганный видъ.

— Но я право не виноватъ, Иванъ Алексѣичъ!

— То-есть, какъ не виноваты? въ чемъ?

— Да вотъ насчетъ потравы моихъ полей. Что же я могу тутъ сдѣлать? извольте сами разсудить... Впрочемъ я готовъ дать и денежное удовлетвореніе крестьянамъ, сколько вы назначите. Но будьте снисходительны, Иванъ Алексѣичъ! Средства у меня, сами знаете, небольшія...

Посредникъ слегка улыбнулся и даже бросилъ Евгенію Сергѣичу лукавый взглядъ: совсѣмъ, молъ, плохъ становится старикашка!

«Дур-ракъ!» прогремѣлъ ему тотъ въ душѣ.

— Вы напрасно безпокоитесь! уговаривалъ дѣятель Изгоева. Какое же съ васъ можетъ быть взысканіе, помилуйте! Напротивъ, крестьяне должны заплатить штрафъ въ вашу пользу.

— Крестьяне — *мнѣ*? Что вы, Иванъ Алексѣичъ — это невозможно!

— Да вѣдь *они* у васъ сдѣлали потраву, а не *вы* у нихъ?

— Конечно. Но все-таки я долженъ заплатить... Нѣтъ, вѣдь

я это понимаю! Вы не думайте, что если старъ,такъ ужъ совсѣмъ отсталый человѣкъ. Я тоже кое-что почитываю; ну, и добрые люди иной разъ поразскажутъ... Помилуйте! Крестьяне— это надежда и гордость Россіи, лучшая сила страны, среда, изъ которой мы должны ждать обновленія, свѣжести, цивилизаціи, построенной на родныхъ, самобытныхъ началахъ... И вдругъ этакая среда будетъ платить штрафъ! Согласитесь, невозможно— просто невозможно!

Евгеній Сергѣичъ былъ задѣтъ за живое: отецъ частію пародировалъ его слова.

— Напротивъ! язвительно обратился сынъ къ старику. Именно для того, чтобы оправдались *ваши* великія надежды на крестьянство, необходимо воспитать въ немъ чувство законности, справедливости и порядка.

— А! теперь понимаю! Значитъ, прежде *мы* должны воспитать мужичковъ, а потомъ ужъ *они* сдѣлаются нашими учителями, и дадутъ начало новой цивилизаціи, можетъ быть самой совершенной.

Евгеній Сергѣичъ поблѣднѣлъ.

— Велико ваше призваніе, Иванъ Алексѣичъ! продолжалъ старикъ, обращаясь къ посреднику. Вы—просвѣтитель просвѣтителей! дѣти дѣтей нашихъ будутъ благословлять васъ!

Посредникъ не совсѣмъ понялъ, но былъ польщенъ.

— Всякій дѣлаетъ, что̀ можетъ, Сергѣй Петровичъ! сказалъ онъ скромно. *Я* только старшій братъ крестьянъ.... По крайней мѣрѣ это *мое* правило.... Я справедливъ и строгъ; но никогда не откажусь объяснить младшимъ братьямъ ихъ долгъ, или просвѣтить ихъ темный разумъ...

— И тѣмъ подготовить совершенно новую цивилизацію сначала русскаго народа, а потомъ и всего образованнаго міра.... Хвала молодому поколѣнію, смѣло подъявшему знамя крестьянства! Мы, близорукіе, видѣли въ немъ только знамя овчиннаго тулупа, сивухи да безграмотности.

— Вы преувеличиваете заслугу молодого поколѣнія! вступился Евгеній Сергѣичъ. Мнѣ кажется, ему вовсе не трудно было пойти настоящимъ путемъ, потому что этотъ путь самъ собою слишкомъ рѣзко бросался въ глаза. Наше дворянство и даже все вообще образованное сословіе до-сихъ-поръ представляетъ горсть людей, носящихъ западныя тряпки на плечахъ и лохмотья западныхъ идей въ головѣ. Если они чему-нибудь учились, то учились — на казенныя деньги, разумѣется, а слѣдовательно и добытыя цѣною пота и крови не своей — философіи Канта и Гегеля, историческимъ воззрѣніямъ Гизо, размышле-

ніямъ Бюхнера, Молешотта и прочей мудрости, которая привела насъ отъ прелестной теоріи: *все справедливо что существуетъ* — къ еще болѣе прелестнымъ на практикѣ заключеніямъ. Насколько всѣ эти дебаты *образованныхъ* полезны для народа, дающаго деньги, и для русской жизни вообще — рѣшить не трудно. Что́ у нѣмцевъ представляетъ только извѣстный *моментъ* развитія — мы сейчасъ же возводимъ въ перлъ созданія, принимаемъ за конечную, самую свѣжую истину, и по ней усиливаемся возвести зданіе нашей общественной и семейной жизни, съ презрѣніемъ и насмѣшкой разрушая все прежнее или неподходящее къ модной теоріи. Русское крестьянство, русское мѣщанство, русское купечество — это *темное царство* — не участвуютъ въ подобной скачкѣ за просвѣщеніемъ. Напротивъ, они съ нѣкоторымъ даже суевѣрнымъ упорствомъ держатся своей родной старины, иногда очевидно нелѣпой и невыгодной. Видно, есть же въ этой старинѣ какая-нибудь притягательная сила.... Нигдѣ въ Европѣ не найдете вы такого разобщенія *образованныхъ* и *необразованныхъ*, какъ у насъ: оно сильнѣе даже сословныхъ различій. *Ученаго* встрѣчаетъ темное царство въ самымъ насмѣшливымъ недовѣріемъ. Мы привыкли объяснять это тупостью и невѣжествомъ царства.... ну, а что́ если напротивъ, ученость-то окажется плохого сорта, съ изъянцемъ — нѣчто въ родѣ чашки безъ дна или вилки безъ зубцовъ?... Мы обвиняемъ массу въ застоѣ; но куда же ей идти безъ передового полка, безъ надежныхъ путеводителей? Не плясать же цѣлому народу по дудочкѣ десятка цивилизаторовъ-нѣмцевъ! Русская интеллигенція въ русскихъ церквахъ молится по французской книжкѣ и, разыгрывая на словахъ роль Мирабо, на дѣлѣ —

Стараго Гаврило,
За измятое жабо,
Хлещетъ въ усь да въ рыло.

А когда русскихъ Гаврилъ не стало, интеллигенція принялась съ горя издавать свою газетку или доказывать издалека — въ органѣ молодого поколѣнія и на основаніи самоновѣйшихъ успѣховъ самомодпѣйшей науки — необходимость, законность и даже благодѣтельность рабства для негровъ. Не мудрено, если при такихъ обстоятельствахъ Русь не выдумала даже *зерносушилки*—суровый упрекъ, на-дняхъ брошенный ей въ лицо однимъ изъ лучшихъ, европейски признанныхъ представителей ея интеллигенціи.... Да! темное царство—темно! потому что до-сихъ-поръ рабски валялось въ ногахъ у своихъ отщепенцевъ. Но изъ него все-таки скорѣе засіяетъ свѣтъ, чѣмъ изъ среды, додумавшейся до «Вѣсти»

съ одной стороны, и до прокламацій «Молодой Россіи» съ другой. Мы подняли знамя овчиннаго тулупа, сивухи и безграмотности; но это все-таки честнѣе и лучше, чѣмъ выжимать изъ тулупа англійское сукно, изъ сивухи шампанское, изъ безграмотности заграничное обученіе — да потомъ еще надъ ними же и ругаться...

На минуту всѣ примолкли.

— Нѣтъ, знасте, это они правы, и прекрасно выразили! примиряющимъ тономъ обратился посредникъ къ Сергѣю Петровичу. Крестьянская реформа дѣйствительно — великое дѣло. Можно конечно не соглашаться съ ея основаніями, желать бо́льшей справедливости.... Помѣщики безспорно поставлены въ очень затруднительное положеніе.... За то принципъ — это главное! Вся Европа, такъ сказать, изумляется быстротѣ нашего прогресса...

Но у старика багровыя пятна выступили на худыхъ, выдающихся скулахъ, и темные глаза зловѣщимъ блескомъ свѣтили изъ-подъ нависшихъ бровей. Онъ видимо сдерживался.

— Ты говоришь: *мы* подняли знамя! началъ онъ тихо и слегка дрожащимъ голосомъ. Кто же эти *мы?* Юные помѣщики что ли? Спроси-ка ты у нихъ по совѣсти: до высочайшаго указа многіе ли такъ нѣжно любили крестьянъ, своихъ младшихъ братьевъ — братьевъ иногда не въ одномъ аллегорическомъ смыслѣ? Многіе ли поспѣшили *разбить оковы рабства* по собственному желанію? Многимъ ли даже приходилось подумать хоть бы о томъ, что не совсѣмъ согласно съ христіанскимъ ученіемъ торговать кровью ближняго, покупать и продавать на выводъ, отнимать дѣтей у матери и дѣлать изъ нихъ сапожниковъ, поваровъ или лакеевъ для собственнаго употребленія? Юные помѣщики преспокойно переводили цѣнность своихъ рабовъ на рубли. А когда провозглашено было освобожденіе и оказалось безповоротнымъ дѣломъ, они—съ тайной болью и злостью въ душѣ— вдругъ всѣ подѣлались ярыми эмансипаторами: дай, молъ, хоть порисоваться за свои денежки! Начались крики и ругательства, шавки полѣзли на слоновъ, пошленькая дрянь лаяла на людей, осмѣлившихся имѣть свое мнѣніе, вопреки модѣ и общему теченію. Чиновники изъ помѣщиковъ сдѣлались врагами своихъ же — одни по тщеславію, другіе просто по злости: меня, молъ, разорили — такъ почувствуй же и ты, каково оно хорошо!...

Старикъ на минуту остановился, какъ бы ожидая возраженій, но собесѣдники молчали, и онъ заговорилъ снова:

— Эти, что ли, люди подняли знамя крестьянства? Или, можетъ быть, голодные и оборванные пролетаріи изъ университетовъ да семинарій? Люди, желающіе перестроить Русь, а сами не умѣвшіе

пойти дальше какого-нибудь жалкаго учительства въ гимназіи или другой грошовой должности, подъ предлогомъ которой казна бросаетъ имъ обглоданную корку хлѣба. Или это тѣ, что храбро царапаютъ въ журналахъ — по алтыну за строчку — «намеки темные на то, чего не вѣдаетъ никто?» Герои чужими боками и великодушные на чужой счетъ!... А брось-ка любому изъ этой сволочи сотню ревизскихъ душъ — и посмотри, что́ выйдетъ: самому Овидію не придумать!... Возьмемъ даже твою точку зрѣнія: въ числѣ другихъ *образованныхъ*, самъ же ты росписалъ и молодое поколѣніе съ его отношеніями къ темному царству. Откуда же вдругъ взялись эти *мы*, *честно* подъявшіе знамя крестьянства? Кто они? Не десятокъ ли хотя бы и искреннихъ фанатиковъ? Но не станетъ же цѣлый народъ плясать по дудочкѣ десятка цивилизаторовъ, будь они даже русскіе!... Кто же эти *мы?*... Ну, я тебѣ, пожалуй, назову по именамъ этихъ таинственныхъ незнакомцевъ: это — гнусная зависть и злость пролетаріевъ; надежды людей, которымъ терять нечего, а найти въ мутной водѣ можно многое; да еще пошлое либеральничанье мальчишекъ, мечтающихъ по сходной цѣнѣ прослыть Искандерами — честолюбіе, впрочемъ, совершенно ихъ достойное. Вотъ тебѣ нынѣшніе друзья и превозносители крестьянства!

— Не совсѣмъ такъ! Первымъ другомъ и превозносителемъ крестьянъ явилось у насъ, какъ вамъ извѣстно, правительство, которое — что́ дѣлать?! — на Руси всегда идетъ впереди своего народа и всегда представляетъ самый подвижной его элементъ. А затѣмъ, общій переворотъ во мнѣніяхъ вызванъ былъ рѣзкою, очевидною справедливостью совершившагося факта, и — главное — быстрымъ, безповоротнымъ пробужденіемъ того темнаго царства, передъ нравственною и матеріальною силою котораго невольно блѣднѣютъ его бывшіе «отцы родные» и теперешніе надругатели. Впрочемъ, хотя современное молодое поколѣніе очень ничтожно, хотя я совершенно убѣжденъ, что новые люди изъ новой среды понемногу сметутъ его, какъ негодный соръ съ родной земли — все-таки нельзя не сказать, что въ *наше* время возможны были великія реформы, совершенныя правительствомъ, а въ прежніе годы — едва ли. Въ насъ все-таки больше чувства справедливости, менѣе необузданнаго самодурства, и мы искреннѣе относимся къ тѣмъ правиламъ человѣчности и братства, которыя, подобно поколѣнію минувшему, вычитали въ чужеземныхъ книжкахъ. Мы всегда безсильны, это безспорно; но иногда благонамѣренны.

Пока Евгеній Сергѣичъ говорилъ, старикъ нѣсколько разъ порывался перервать его, но потомъ съ рѣшимостью стиснвалъ

зубы. Глаза его дико сверкали; нервная улыбка кривила провалившійся ротъ.

— Да! вы безспорно лучше насъ! почти зашепталъ старикъ какимъ-то хриплымъ голосомъ. Вы далеко ушли впередъ!... Наши ученые, напримѣръ, учились на казенныя деньги по Гегелю и Гизо, можетъ быть, и съ незначительными результатами, но съ усердіемъ и пламенною вѣрою въ свое великое призваніе, въ ту пользу, которую принесутъ они своимъ трудомъ Россіи и человѣчеству.... Долой наивныя мечты! Теперь, если *мы* учимся— на казенныя деньги, разумѣется, а слѣдовательно цѣною пота и крови опять не своей—то учимся только тому, что̀ сами считаемъ ненужною чепухой, и что̀ намѣрены передать другимъ — за казенныя же деньги. Ура, прогрессъ, быстротѣ котораго удивляется вся Европа!... Мы имѣли глупость гордиться своимъ дворянствомъ; мы воображали, что оно — не только привилегія, но и обязанность. Долой глупый и стѣснительный предразсудокъ! Вѣдь этакъ нужно стоять впереди своего народа — быть образованнѣе, безкорыстнѣе, выше и чище другихъ! Вы справедливо презираете подобное чванство, кричите противъ привилегій, хотя, гдѣ можно, пользуетесь ими въ судахъ и по службѣ, и— во имя святого равенства — лакействуете, обсчитываете, обмѣриваете, фабрикуете фальшивыя ассигнаціи и обкрадываете казначейства. Ура, принципъ!...

— Позвольте, перервалъ-было Евгеній Сергѣевичъ своего отца, но этотъ, не обращая на то ни какого вниманія, продолжалъ еще съ бо̀льшимъ воодушевленіемъ:

— Впрочемъ, ваши князья рюриковской крови и трехвѣковые бояре, тунеядствующіе въ раззолоченныхъ палатахъ, по прежнему кичатся тѣмъ, что гуси Римъ спасли и, выродившись до послѣдней ничтожности, считаютъ себя какой-то высшей, исключительной породой. Словомъ, то, что̀ было въ дворянствѣ пошлаго и возмутительнаго — осталось; а сословная честь и нравственная сила — отброшены, какъ ненужная ветошь. Долой предразсудки!... Въ послѣднее время, во имя этого лозунга вы пытались даже подорвать семейство. Это и есть истинная смѣлость мысли! У насъ человѣкъ, безчестно обольстившій дѣвушку, укравшій ради минутной прихоти чужую жену, стянувшій чужія деньги, зналъ, что онъ дѣлаетъ подлость и нигдѣ не найдетъ оправданія. Теперь подобный господинъ, не задумываясь, сошлется на убѣжденія и, пожалуй, даже самъ искренно повѣритъ тому, что онъ передовой человѣкъ, апостолъ, ведущій за собою молодое поколѣніе. Ура, свобода совѣсти!... Мы, мо-

лившіеся по французской книжкѣ, тираны и надругатели своего народа, дрались въ двѣнадцатомъ году....

— Это вѣрно, попытался вставить свое словечко Иванъ Алексѣичъ, но не остановилъ тѣмъ потока рѣчи старика.

— А вы, эмансипаторы, продолжалъ отецъ, не переводя духа, низко кланялись искандеровщинѣ, помогли создать польскій вопросъ, и когда Катковъ заговорилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», обрадовались его рѣчамъ, точно и нивѣсть какой новости.... впрочемъ не на долго: вслѣдъ затѣмъ могла появиться газета «Вѣсть», нынѣшній *дворянскій* органъ! — и соотвѣтствующія ей толкованія въ публикѣ.... Можетъ быть, мы въ самомъ дѣлѣ были самодурами и дѣйствовали ошибочно; но не считали себя на родной землѣ ненужнымъ соромъ, который поэтому имѣетъ право сидѣть, сложивши руки, брать деньги Богъ-знаетъ за что, играть на нихъ въ карты, да пописывать забавно-безполезныя статейки, ради удовольствія подобныхъ же тунеядцевъ.

— Благодарю васъ! отвѣтилъ Евгеній Сергѣичъ, весь блѣдный. Вы очень краснорѣчиво договорили то, чего я вѣроятно не съ умѣлъ бы такъ ясно выразить.... Вы нарисовали превосходную картину нашей образованной среды.... Теперь позвольте же спросить: неужто изъ нея должно возникнуть величіе и правильное развитіе русской жизни? Неужто они выростутъ изъ того общественнаго строя, по которому мы договорились до отрицанія семейства? Изъ той науки, по которой мы доучились до невѣжества? изъ тѣхъ нравственныхъ убѣжденій, по которымъ мы додумались Богъ-знаетъ до чего?... Замѣтьте, что все это выросло на нашей почвѣ изъ сѣмянъ западной цивилизаціи, и вспомните великій историческій примѣръ Польши, окончательно отрекшейся отъ родного ради усвоенія чужой, высшей цивилизаціи.... Гдѣ же намъ искать спасеній? Или, можетъ быть, вы—патріотъ двѣнадцатаго года—совсѣмъ не вѣрите въ будущность Россіи?

— Ну, а вы — ученые, невѣрующіе въ собственную науку— на какомъ основаніи вы такъ твердо убѣждены, что нашли *истинный* путь? Кто вамъ указалъ его? Не то ли западное знаніе на казенныя деньги, которымъ вы такъ пренебрегаете? Или просто наитіе св. Духа?... Да еще много ли истины въ вашихъ открытіяхъ? Точно ли на Руси высшіе или, пожалуй, образованные классы такъ оторваны отъ народа? Въ 1812 г., сколько я знаю, сословная рознь не проявлялась сильнѣе, чѣмъ въ 1612 году. Даже крѣпостное право, столько поруганное всею сволочью, которая обрадовалась возможности поумничать навѣрняка—даже

оно, рядомъ съ огромными злоупотребленіями, породило ту совершенно особенную, почти собачью привязанность крѣпостного къ барину, которая не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ цѣломъ мірѣ....

— Но, хотѣлъ замѣтить сынъ.

— Все равно, этого явленія отрицать нельзя; мы всѣ еще помнимъ его какъ нельзя лучше—тѣмъ болѣе, что оно часто обнаруживалось не только въ отдѣльныхъ личностяхъ, но до извѣстной степени даже въ массахъ. Это не случайность—и между тѣмъ, какъ плохо ладитъ она съ теоріей оторванности!... Съ вашей точки зрѣнія вся дѣятельность Петра В. была только колоссальною ошибкой. Но ошибка самаго геніальнаго человѣка не можетъ держаться двѣсти лѣтъ сряду, а главное — не можетъ органически расти и развиваться.... Впрочемъ, я и забылъ! Это тоже лохмотья тѣхъ старыхъ западныхъ идей, которыя вы презираете. Я, деревенскій старикъ, говорю съ вами новымъ журнальнымъ языкомъ; вы, университетскіе ученые, выбросили за бортъ творенія величайшихъ умовъ моего вѣка.... Вѣдь модный лозунгъ гласитъ: долой авторитеты!... Но мнѣ все кажется, что если только новый *истинный путь* не указанъ молодому поколѣнію наитіемъ св. Духа — то вычитанъ изъ иностранныхъ книжекъ. Иначе откуда-жъ ему взяться? Мы теперь взапуски презираемъ лохмотья западныхъ идей по указанію западныхъ идеологовъ, и наша ненависть къ нѣметчинѣ есть тотъ *моментъ нѣмецкаго развитія*, который мы, покорные нѣмецкой указкѣ, поспѣшили *возвести въ перлъ созданія*. Съ этой точки зрѣнія молодымъ мыслителямъ дѣйствительно *не трудно было найти истинный путь*.... А!—прервалъ самъ себя ораторъ — вонъ идетъ будущность Россіи — вишь, какъ ее пошатываетъ! и при этомъ старикъ указывалъ на окошко.

Къ дому подходили два пьяныхъ мужика, выдѣлывая ногами самыя причудливыя уклоненія отъ прямой линіи. За ними, съ опущенной головой и сосредоточенно мрачнымъ выраженіемъ лица, шелъ третій, повидимому трезвый.

— А! вотъ и оштрафованные идутъ! воскликнулъ посредникъ. Отлично! Мы сейчасъ же покончимъ дѣло — тѣмъ болѣе, что мнѣ ужъ и ѣхать пора.

Иванъ Алексѣичъ былъ недоволенъ Изгоевыми: вначалѣ спора онъ было-порывался принять въ немъ участіе, нѣсколько разъ пытался заговорить — но, видя полное невниманіе къ своей особѣ, подъ конецъ надулся, посматривалъ на часы и дѣлалъ усиленно разсѣянный видъ.

— Я думаю, Сергѣй Петровичъ, назначить въ вашу пользу

по три рубля штрафу съ каждаго изъ виновныхъ — всего девять рублей, обратился онъ къ старику. Довольны вы будете?

— Это какъ вамъ угодно. Совершенно доволенъ.

— Ну, и прекрасно.

Посредникъ вышелъ въ переднюю къ крестьянамъ.

— Они желаютъ васъ видѣть, Сергѣй Петровичъ, возвратился онъ черезъ минуту.

— Зачѣмъ?

— Просить. Только по-моему не слѣдовало бы ихъ баловать.

— Ничего, посмотримъ.

Старикъ вышелъ къ крестьянамъ и нарочно не затворилъ дверей залы, чтобы Иванъ Алексѣичъ и Евгеній могли быть свидѣтелями его объясненій съ виновными.

Началось, разумѣется, тѣмъ, что всѣ трое опустились на колѣни; при чемъ трезвый послѣдовалъ примѣру пьяныхъ только послѣ нѣкотораго колебанія.

Молчаніе.

— Ну, надежда Россіи, что-жъ дальше? спросилъ Сергѣй Петровичъ.

— Ослобони, кормилецъ! Мы за тебя будемъ вѣчно Бога молить!

— За девять-то рублей? по три на рыло? Ничего, дешево берете.... А поля зачѣмъ потравили?

— Кто-жъ за ней, за скотиной-то, усмотритъ? Вѣдь она кто? — Скотина, значитъ неразумная! Она рази понимаетъ? Она — лошадь, вотъ кто!... А тутъ три рубля на серебро плати — такъ это рази легкое дѣло? Гдѣ я три рубля возьму — особливо какъ по нынѣшнему времени? Ослобони кормилецъ, Сергѣй Петровичъ! Будь за мѣсто отца родного!

— Ну, хорошо! только съ условіемъ.... Даромъ не прощу.

— Что-жъ, мы для твоей милости завсегда рады стараться; это, значитъ, что только повелишь.

— А вотъ что: ты, трезвый, прокатись колесомъ по двору; а вы, пьяные, плюньте другъ другу въ бороду.

Мужики съ недоумѣніемъ переглянулись.

— Только всего и будетъ? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Только.

Опять помолчали.

— Что-жъ, это мы для твоей милости и въ другое время завсегда могимъ. Тереха, плюй!

— Нѣтъ! Наперва плюй ты, Кондратъ.

— Можно.

— Важнецъ, братъ! Ну-ка-сь я....

— Ловко!

Трезвый молча вышелъ изъ передней и прокатился колесомъ.

— Тереха, плюй еще: для барина можно! съ энергіей воскликнулъ одинъ изъ пьяныхъ.

— Нѣтъ, довольно! остановилъ Сергѣй Петровичъ. Теперь ступайте.

Но мужикъ переминался.

— Что еще?

— Не пожалуешь ли, твоя милость, по рюмочкѣ за труды? глупо ухмыльнулся онъ, почесывая въ затылкѣ.

— Скажите старостѣ, чтобъ далъ.

Сойдя съ крыльца, Тереха и Кондратъ остановились, и еще минутъ пять очень дружелюбно харкали другъ другу въ бороду, приправляя разными идущими къ дѣлу замѣчаніями.

— Да ну васъ, полно! уговаривалъ трезвый.

— Ничаво.

— Пропадайте же вы совсѣмъ, коли такъ! Я одинъ пойду къ старостѣ.

Это подѣйствовало, и вся компанія скрылась.

IV.

Memento mori!

Изгоевы рано и молчаливо разошлись въ этотъ вечеръ, подѣлившись свѣжими газетами.

Но Евгенію Сергѣичу чтеніе не удалось. Въ немъ была какая-то странная усталость ума и чувства: въ головѣ бродили обрывки фразъ, обрывки мыслей—безъ связи, безъ толку, безъ значенія; въ сердцѣ ощущалось одно глубокое, полнѣйшее безсиліе—точно его огромной горой придавили.... На половинѣ какого-то извѣстія съ Японскихъ острововъ, Изгоевъ вдругъ замѣтилъ, что ровно ничего не понимаетъ. Онъ бросилъ газету и ухитрился съ ногами сѣсть на открытое окно, черезъ которое заглядывали въ комнату темная ночь да звѣзды. Съ какимъ-то безтолковымъ и злобнымъ упорствомъ принялся онъ тоже смотрѣть на бездонное небо. Тамъ подмигивали и трепетали тысячи звѣздъ, то блестящихъ, то едва замѣтныхъ, то скучившихся просто въ бѣловатые клочки свѣтлаго тумана; однѣ были ближе, другія дальше.... но всѣ подмигивали, трепетали; и чѣмъ пристальнѣе вгля-

дывался Изгоевъ, тѣмъ яснѣе представлялось ему, будто каждая изъ нихъ живетъ, движется, думаетъ, понимаетъ....

— Ну, что? вдругъ спросилъ онъ, забывшись. Чего вы смотрите? Что вамъ нужно?

— А хорошо бы теперь умереть! пришло ему въ голову черезъ минуту. Только безъ страданія.... а такъ вотъ: сѣсть и умереть.

Дрёма понемногу стала одолѣвать Изгоева. Онъ дотащился къ постели и легъ. Но это было только тяжелое забытье: ему трудно дышалось, съ глухими стонами метался онъ по дивану, въ воспаленномъ мозгу вставали какія-то дикія видѣнія: не то это былъ сонъ, не то гнетущій бредъ.... Раза два просыпался онъ, вздрогнувши всѣмъ тѣломъ.

— Что-то плохо! мелькнуло у него въ сознаніи. Не боленъ-ли я? Можетъ быть, простудился на болотѣ?..

И опять задремалъ.

Вотъ онъ летитъ, летитъ такъ быстро, что духъ захватываетъ и сердце замираетъ.... Его куда-то толкнули.... въ пропасть.... Вотъ упалъ — и прямо головой на камень.... Странно, нѣтъ боли.... Кровь течетъ, точно ручеекъ.... Что-жъ это: убитъ? Такая бываетъ смерть?...

— Евгеній Сергѣичъ! Евгеній Сергѣичъ!

Надъ Изгоевымъ осторожно наклонился голубоглазый староста.

— Евгеній Сергѣичъ!

— А? что такое? вскинулся онъ съ просонья.

— Баринъ васъ просятъ пожаловать.

— Что такое? зачѣмъ?

— Заболѣли опять. Очень имъ худо....

Евгеній Сергѣичъ накинулъ халатъ и пошелъ къ отцу. Но онъ самъ, точно пьяный, нѣсколько разъ придерживался за стѣны или мебель, чтобы не упасть: въ ногахъ чувствовалась какая-то странная слабость.

Въ спальнѣ старика было совершенно тихо. Свѣча горѣла на столѣ; тутъ же стояла какая-то темная стклянка съ бумажнымъ хвостомъ и этикеткой, графинъ воды, пустой стаканъ, и въ немъ серебряная ложечка. Заспанный казачокъ прислонился къ стѣнѣ. Сѣдая борода Сергѣя Петровича рѣзко выдѣлялась на темномъ одѣялѣ.

Сынъ подошелъ къ постели. Старикъ протянулъ ему руку.

— Ну, прощай, Евгеній! Видишь, я-таки не обманулъ тебя: теперь ужъ вѣрная смерть; едва ли на полчаса хватитъ....

— За докторомъ послали?

— Какой ужъ тутъ докторъ!

Евгеній Сергѣичъ постоялъ у кровати, потомъ машинально опустился на кожаное кресло. Минутъ пять прошло въ молчаніи. Старинные золотые часы Изгоева внятно чикали на каминѣ.

Потомъ въ комнату осторожно вошелъ священникъ съ дарами: за нимъ догадался послать староста. Сергѣй Петровичъ какъ-то равнодушно посмотрѣлъ на крестъ и золотую чашу; впрочемъ исповѣдывался и пріобщился.

Священникъ ушелъ.

Опять прошло минутъ десять.

Евгеній тупо смотрѣлъ на отца. Казачокъ клевалъ носомъ у стѣны.

— Иди себѣ спать, Михайло! отпустилъ его Сергѣй Петровичъ.

Еще десять минутъ.

— Ага, вотъ оно! вдругъ сказалъ старикъ. Подойди, Евгеній: простимся.... Ну, поцѣлуй меня.... Чѣмъ были другъ передъ другомъ виноваты — что ужъ теперь вспоминать!

— Простите!

Они поцѣловались.

— Прахъ еси — и въ землю отыдеши! вслухъ подумалъ старикъ и замолкъ.

Потомъ опять:

— Море житейское! что ты: океанъ, или грязная лужа?... Евгеній, вѣришь ты въ загробное?

— Нѣ-ѣтъ! неохотно и лихорадочно протянулъ сынъ.

— И я тоже мало вѣрю....

Прошло еще три минуты.

— Ага, вотъ оно! уже чуть внятно сказалъ старикъ — потянулся и умеръ.

Евгеній Сергѣичъ молча постоялъ надъ трупомъ, потомъ вышелъ изъ комнаты.

— Умеръ! объявилъ онъ старостѣ мимоходомъ; но чувствовалъ, что уже не въ силахъ чѣмъ-нибудь распорядиться: шатаясь, побрелъ онъ къ себѣ — и къ утру лежалъ въ тифозной горячкѣ.

Не пришлось ему видѣть ни «галстуха бѣлаго», ни «платья праднаго».... Вмѣстѣ съ трупомъ зарыли все это въ землю при кучкѣ бабъ да мужиковъ, собравшихся въ послѣдній разъ посмотрѣть на своего прежняго барина, «Марьинскаго сыча». Какая-то полоумная старуха выла; мальчишки съ тупымъ удивленіемъ засовывали пальцы въ ротъ....

— Помяни, Господи, душу раба твоего! проговорилъ кто-то.

V.

Русалка.

....А Изгоевъ провинился въ грубой несправедливости относительно бѣдной русалки, обойдясь съ нею такъ сурово при первой встрѣчѣ. Эта Вѣра Алек.... была премиленькое, пресимпатичное созданіе; и только самый отчаянный мизантропъ—да и то подъ скверную минуту—могъ искренно отправить ее чуть не къ чорту. Есть впрочемъ полнѣйшее основаніе полагать, что Евгеній Сергѣичъ смягчился бы значительно въ пользу русалки, еслибъ могъ видѣть, какъ она улепетывала отъ него по лѣсу. Ея бѣгство — надобно признаться, довольно постыдное — а потомъ торопливые шаги — были такъ легки, такъ граціозны, ея полуиспуганное, полуоскорбленное личико до того мило и вмѣстѣ забавно, что даже каменный человѣкъ не отказался бы поцѣловать эти сердитыя губки.... А каменныхъ людей, какъ извѣстно, нѣтъ — да едва ли и прежде когда-нибудь были, несмотря на преданіе о Пиррѣ и Девкаліонѣ.

Преоригинальное личико у русалки! Ни одной правильной, безспорно красивой черты (кромѣ развѣ носа съ маленькимъ горбомъ и прозрачными, часто трепещущими ноздрями): глаза круглые, точно у голубя, губы тонкія, лобъ не великъ, но совершенно мужской формы, съ выпуклостями и неровностями.... а все вмѣстѣ — прелесть! Да вѣдь какая прелесть: всякій поневолѣ залюбуется. Тайна подобнаго явленія, можетъ быть, заключалась въ необыкновенно-нѣжномъ цвѣтѣ лица съ какимъ-то вспыхивающимъ румянцемъ; въ темныхъ, подстриженныхъ волосахъ, которые пышно и красиво вились отъ природы, зачесывались всегда прямо назадъ съ крайней простотой и небрежностью, но — странное дѣло — какъ-то удивительно шли къ этой Вѣрѣ Алек...; а всего болѣе поражали необыкновенная измѣнчивость, живость и подвижность, свойственныя ея лицу. Это лицо способно было перевести на нѣмой языкъ выраженія каждый мимолетный оттѣнокъ разговора, почти каждую фразу. Оно горѣло, восторгалось, падало духомъ, мечтало, сомнѣвалось вмѣстѣ со своей обладательницей — и все это втеченіе какихъ-нибудь десяти минутъ. Каждая мысль, каждое душевное движеніе вспыхивали на немъ яркимъ румянцемъ, отражались въ нервномъ блескѣ глазъ, или въ лукавой улыбкѣ, или въ мечтательномъ, загадочномъ взглядѣ. Пока русалка бѣжала по лѣсу, оно тоже успѣло нѣсколько разъ перемѣнить выраженіе: сначала

было испуганное, потомъ оскорбленное; а когда голубое небо и солнечный свѣтъ засквозили между деревьями опушки — темные глаза и лукавыя губы уже сіяли самой веселой насмѣшкой.

— Соня! мамаша! закричала русалка еще издали, подбѣгая къ копнѣ сѣна, на которой, въ тѣни огромнаго дуба, очень комфортабельно разлеглась высокая, полная дѣвушка лѣтъ двадцати двухъ. Она—Соня, она же вѣроятно и «мамаша», потому что кромѣ нея никого по близости не имѣлось. Лицо у нея было круглое, бѣлокурое, очень обыкновенное — одно изъ такихъ, по которымъ рѣшительно ничего нельзя заключить о характерѣ, умѣ или душевныхъ свойствахъ человѣка.

— Ну, что? Впрочемъ прежде ложись, обернулась Соня къ подругѣ, давая ей мѣсто возлѣ себя.

Русалка съ хохотомъ бросилась на сѣно.

— Вотъ приключеніе, такъ приключеніе! воскликнула она въ совершенномъ восторгѣ, и самыми живыми красками описала свою встрѣчу съ Изгоевымъ.

Соня начала слушать съ полуснисходительной и полунедовѣрчивой улыбкой, которою взрослый человѣкъ обыкновенно отвѣчаетъ на горячія и торопливыя розсказни ребенка: «ну, молъ, что тамъ еще случилось? вѣрно опять какой-нибудь вздоръ!» Но потомъ ее скоро заинтересовала оригинальная встрѣча, она повернулась лицомъ къ разсказчицѣ, даже подгоняла ее своими отрывистыми *ну!... ну!...* И когда дѣло дошло до знаменитой фразы, сказанной по-французски, съ несчастной ошибкой въ членѣ — укоризненно покачала головой.

— Узнаю Вѣру Александровну!... Ну, какъ тебѣ не стыдно! Можно ли было заговорить съ нимъ первой — да еще послѣ такой дерзости? Это ужъ крайнее неприличіе!

— Полно мамаша! Брось ты хоть разъ свое вѣчное благоразуміе.... Экая важность! вѣдь не съѣстъ меня твое неприличіе.... Впрочемъ и досталось же мнѣ потомъ!

— Какъ?

Вѣра Александровна засмѣялась и стала досказывать.

— Однако это преоригинальный господинъ! замѣтила Соня, выслушавъ всю повѣсть, съ конечнымъ бѣгствомъ включительно.—Мнѣ бы хотѣлось на него посмотрѣть.

Русалка надулась.

— Ну, ужъ! Просто невѣжа и болванъ!

— Напротивъ, очевидно умный человѣкъ.

— Гдѣ-жъ тутъ умъ? Наговорить дерзостей ни съ того, ни съ сего — всякій дуракъ съумѣетъ... А приключеніе все-таки— прелесть!

И Вѣра Александровна опять сіяла.

— Послушай, дочка—пойми же ты наконецъ, чему ты подвергалась. Вѣдь другой на его мѣстѣ наговорилъ бы тебѣ или глупѣйшихъ остротъ да двусмысленностей, или пошлыхъ любезностей, которыя въ сущности были бы вдвое обиднѣе всѣхъ дерзостей этого Изгоева. А въ его дерзостяхъ, по-моему, даже очень много добродушія: точно онъ и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ задать тебѣ урокъ и показать неприличіе выходки... Право, мнѣ онъ нравится!

Русалка съ недоумѣніемъ посмотрѣла на подругу.

— А что, вѣдь, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ твоя правда! вдругъ воскликнула она. Другой наговорилъ бы еще хуже... Непремѣнно бы наговорилъ! гораздо хуже!.. Мамаша, ты преумная! мнѣ бы никогда не пришло въ голову...

Соня улыбнулась.

— Въ самомъ дѣлѣ очень геніальная догадка!

— Послушай, надо съ нимъ познакомиться!.. Какъ ты думаешь, кто этотъ Изгоевъ? Зачѣмъ онъ сюда попалъ? Будетъ онъ здѣсь жить, или только такъ? И почему онъ такой запыленный, точно съ дороги, а самъ пѣшкомъ? Это странно! здѣсь нѣтъ проѣзда.

— Впрочемъ, на этотъ разъ я, кажется, отчасти могу догадаться, въ чемъ дѣло. Тутъ есть у насъ одинъ сосѣдъ Изгоевъ—старикъ, нелюдимъ—ты вѣроятно объ немъ еще и не слыхала... Онъ живетъ въ Марьинской усадьбѣ...

— Какъ, въ Марьинской? Да вѣдь тамъ Кривошеина.

— Нѣтъ, Кривошеина среди села; а это совсѣмъ въ сторонѣ. У него еще, говорятъ, сады отличные, старые, запущенные.

— Такъ что же?

— Ну, это родственникъ какой-нибудь.

— Зачѣмъ же онъ въ такомъ видѣ, и пѣшкомъ?

— Я-то почемъ знаю!

Вѣра Александровна задумалась.

— Да... значитъ, онъ все-таки на нѣкоторое время... Ну, и отлично! познакомимся. Только вотъ что...

Она покраснѣла.

— Ну?

— Ужасно неловко будетъ первый разъ съ нимъ встрѣтиться!

— Подожди по крайней мѣрѣ, пока встрѣтишься—тогда ужъ и краснѣй. Откуда ты успѣла вообразить, что непремѣнно съ нимъ познакомишься? Очень мы другъ другу нужны!

— Вотъ еще! Разумѣется, онъ долженъ пріѣхать, какъ близ-

кій сосѣдъ: до Марьина всего двѣ версты... Пожалуй, опять станетъ намекать да подсмѣиваться...

Вѣра Александровна покраснѣла еще гуще.

— Едва ли. Онъ пойметъ, что въ подводномъ царствѣ гувернантки слабоваты по части французскаго языка.

— Мамаша, прошу безъ глупостей! Не то, я васъ побью.

— Ну, конечно: и по части приличныхъ манеръ тоже.

— Сонька! говорятъ тебѣ, молчи!

— А какой онъ съ виду, этотъ Изгоевъ?

— Высокій, темноволосый, съ умнымъ лицомъ...

— Какъ! «невѣжа и болванъ»?

— Съ тобою просто говорить нельзя. Прицѣпится къ каждому слову, и...

Вѣра Александровна не продолжала.

Въ эту минуту изъ лѣсу вышелъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-трехъ, въ русской поддёвкѣ, рубахѣ съ косымъ воротомъ, высокихъ сапогахъ и съ охотничьей двустволкой въ рукѣ. Онъ былъ очень высокъ, строенъ и довольно красивъ, хотя нѣсколько худъ съ лица.

— Мамаша, не говори ни слова Борису Николаичу, поспѣшно шепнула русалка.

— Разумѣется, не скажу.

— Здравствуйте! еще издали крикнулъ молодой охотникъ.

— Здравствуйте! давно не видались! и насмѣшливо, и дружелюбно отвѣтила ему Вѣра Александровна. Вы по насъ не плакали отъ тоски въ долгой разлукѣ?

— Удержался.

— Ну, и слава Богу!

— Фу, чортъ, какая жара! и онъ бросился на траву. Да еще ничего не попалось... только измучился понапрасну. Совсѣмъ перевелась дичь!

— А ты заведи себѣ другую собаку.

Несмотря на совершенную повидимому невинность этого замѣчанія, вскользь брошеннаго Соней, Борисъ Николаичъ покраснѣлъ и явнымъ образомъ озлился. Дѣло въ томъ, что, будучи страстнымъ любителемъ охоты, онъ стрѣлялъ крайне плохо, и печальной жертвою такого обстоятельства содѣлалась недавно собственная его лягавая собака, убитая на повалъ вмѣсто бекаса—да еще при двухъ въ высшей степени нескромныхъ свидѣтеляхъ.

— Ну, мамаша, что это съ тобой сегодня сдѣлалось? вздумала заступиться Вѣра Александровна. Ты, кажется, остришь?

Ужъ не начиталась ли «Собранія тысячи анекдотовъ, остротъ, каламбуровъ, и проч.»?

— Мы съ сестрицей вмѣстѣ пуделяемъ, мрачно замѣтилъ охотникъ:—я зарядами, а она остротами.

— Ну, нѣтъ! Въ этомъ случаѣ мнѣ за тобой не угоняться: мои остроты гораздо менѣе убійственны.

— Можетъ быть, даже совсѣмъ невинны, мамаша? опять вмѣшалась Вѣра Александровна.

— Браво, дочка! Покровительствовать угнетеннымъ—теперь твоя прямая обязанность. Вѣдь съ нынѣшняго дня ты если не совсѣмъ еще фея, то по крайней мѣрѣ русалка.

Вѣра Александровна вспыхнула до корня волосъ.

— Какія ты глупости говоришь, Соня! воскликнула она горячо.—Это просто безчестно!

И чуть ли не слезы навернулись у нея на глазахъ.

Соня обвила ее руками.

— Полно, полно, дочка! шепнула она, цѣлуя разгорѣвшуюся щеку. Не выдавай сама себя. А я тебя не выдамъ.

— Скажите, пожалуйста, Софья Николаевна, съ ядовитой злостью началъ Борисъ: — вы совершенно убѣждены, что я играю роль угнетеннаго по милости вашихъ превосходныхъ остротъ?

— Еще бы! попробовала она отшутиться.

— Ну, такъ я смѣю увѣрить васъ, что онѣ только *очень глупы* и вовсе не угнетательны. Во всякомъ случаѣ покорнѣйше прошу васъ на будущее время избавить по крайней мѣрѣ *меня* отъ милыхъ шуточекъ... Острите надъ своими обожателями, коли есть охота; у васъ ихъ кстати цѣлая пара.

Соня покраснѣла едва замѣтно и, съ негодованіемъ взглянувши на брата, отвернулась всторону.

Нѣсколько минутъ всѣ молчали.

— Мамаша! какъ-то вполголоса начала потомъ Вѣра Александровна. Ты не помнишь, когда у Садровыхъ именины?

— Кажется, въ четвергъ.

— Надо будетъ платье приготовить.

— Что же тутъ готовить? вели выгладить бѣлое — и конецъ.

Борисъ Николаичъ смотрѣлъ по верхамъ деревьевъ да посвистывалъ.

Опять всѣ неловко помолчали.

— Не пора ли домой? предложила наконецъ Вѣра Александровна. Настасья Андревна вѣрно ждетъ насъ съ чаемъ.

— Пойдемъ! поднялась Соня.

— Борисъ Николаичъ, а вы съ нами?

Вопросъ сдѣланъ былъ какъ-то нерѣшительно.

— Пожалуй! отвѣтилъ онъ съ натянутой небрежностью.

Прошли съ полверсты. Красная крыша желѣзновскаго дома уже виднѣлась сквозь зелень сада, надвое разрѣзаннаго дорогой.

— Помиримся, Боря! вдругъ обратилась къ брату Софья Николаевна, протягивая руку. Я виновата.

Онъ сухо, даже съ нѣкоторымъ колебаніемъ подалъ ей свою.

— Зачѣмъ? Я и не думалъ ссориться...

Однако разговоръ все-таки не клеился, и домой пришли, обмѣнявшись только нѣсколькими отрывистыми фразами.

Суровый Поликарпъ въ самомъ дѣлѣ раздувалъ уже на дворѣ самоваръ, замѣняя мѣхъ собственными легкими. Въ Желѣзновкѣ жили по-старинному: обѣдали въ два, чай пили засвѣтло.

Николай Николаичъ Смуровъ, отецъ Бориса и Сони, былъ побочнымъ сыномъ одного очень богатаго и знатнаго помѣщика, воспитывался вмѣстѣ съ законными его дѣтьми, кончилъ курсъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, и по завѣщанію отца получилъ кое-какія средства. Онъ сжился потомъ съ интересами, нравами и даже обычаями сыродольскаго купеческаго сословія, къ которому принадлежалъ по своимъ занятіямъ и общественному положенію, и въ средѣ котораго пользовался одно время значительнымъ авторитетомъ, какъ человѣкъ большой образованности и недюжиннаго ума. Только въ трехъ отношеніяхъ расходился онъ съ привычками и вкусами сыродольскаго купечества: довольно много читалъ, далъ сыновьямъ хорошее воспитаніе и понималъ прелести спокойнаго деревенскаго житья въ лѣтнее время. Благодаря послѣднему обстоятельству, семья его проводила въ Желѣзновкѣ жаркіе мѣсяцы 1866-го года. Желѣзновка эта представляла собою полуразоренное помѣстьице съ крошечными полями, но огромными удобствами для поклонниковъ деревни—удобствами въ видѣ прекрасной усадьбы, рѣки, болотъ, близости лѣса, и т. п. Николай Николаичъ купилъ ее за ничтожную сумму и безъ всякихъ упованій на какой-нибудь денежный барышъ или выгодное помѣщеніе капитала — единственно для того, чтобы имѣть свой сельскій уголокъ на лѣто. Онъ становился очень старъ (за семьдесятъ), и радъ былъ позволить себѣ ежегодный отдыхъ въ два или три мѣсяца отъ городского шума и тревоги. А дѣла давно ужъ перешли въ руки второго сына, который жилъ въ семьѣ и никогда не выѣзжалъ изъ Сыродольска надолго.

Въ Желѣзновкѣ на этотъ разъ, кромѣ самого Смурова,

жены его Настасьи Андреевны и дочери (постоянно проживавшихъ вмѣстѣ) гостили еще: Борисъ Николаичъ, младшій сынъ, да Вѣра Александровна Траумъ, задушевный другъ дочери и общая любимица семьи. Борисъ только-что кончилъ курсъ въ крутогорскомъ университетѣ, со званіемъ дѣйствительнаго студента, и надѣялся получить видное мѣсто при оренбургскомъ генералъ-губернаторѣ, ибо пользовался большимъ расположеніемъ одного изъ своихъ дядей, человѣка съ большимъ вѣсомъ. А Вѣра Александровна была дѣвушка лѣтъ девятнадцати, не имѣющая ни кола, ни двора за душой, брошенная судьбою въ самую тяжелую семейную обстановку—но все-таки умудрившаяся сохранить необыкновенную живость нрава, по крайней мѣрѣ въ тѣ минуты, когда ей удавалось проститься съ пенатами; а въ этомъ по счастью ей рѣдко препятствовали.

...Пока пили чай, да, по желанію старика Смурова, вслухъ почитали послѣдній нумеръ газеты — наступили сумерки и къ Борису Николаичу вернулось отчасти спокойное расположеніе духа. Соня по обыкновенію усѣлась за фортепьяно; она была не блистательная артистка, но серьезно любила музыку, умѣла понимать хорошее, и сама играла довольно изрядно. Вѣра Александровна, тоже по обыкновенію, расположилась на высокомъ крыльцѣ—любоваться послѣдними отблесками зари на облакахъ, быстро набѣгающею ночью, да мягкими звуками фортепьяно, которые лились изъ открытаго окна. Тутъ подсѣлъ къ ней Борисъ Николаичъ.

— Скажите-ка, Вѣра Александровна — началъ онъ — отчего это Соня назвала васъ тогда русалкой?

Дѣвушка покраснѣла, какъ зарево.

— Это глупости...

— Ну, все-таки скажите.

— Право, глупости.

— Ну, если я васъ прошу...

Вѣра Александровна помолчала.

— Борисъ Николаичъ! нельзя сказать...

Въ тонѣ ея слышалась ребяческая мольба: тутъ были и робость, и довѣрчивость, и беззащитность.

Онъ съ досадой повернулся на своей скамейкѣ.

— Что это? ужъ опять секретъ?

— Секретъ...

— Удивительное право дѣло! Сколько разъ я замѣчалъ: гдѣ только заведутся двѣ юныя *очаровательницы*—тамъ непремѣнно возникаетъ сначала дружба на вѣкъ (до первой кости), а потомъ по дюжинѣ секретовъ на день.

Вѣра Александровна ничего не отвѣчала.

— Ну, скажите! пожалуйста, скажите! вдругъ подсѣлъ онъ къ ней и заговорилъ самымъ мягкимъ, самымъ любящимъ голосомъ.

— Охота вамъ меня мучить!

— Вѣрочка! милая! скажите!

— Да нельзя же, Борисъ Николаичъ!

Она уже чуть не плакала.

— Вѣрочка! голубчикъ!...

— Право, нельзя...

Онъ разомъ отвернулся и замолчалъ.

Прошло нѣсколько мгновеній.

— Борисъ Николаичъ, вы сердитесь? робко спросила Вѣра Александровна.

— Помилуйте, за что же!

— Право, вы любопытны, точно ребенокъ...

— Тутъ не въ любопытствѣ дѣло... А впрочемъ, пожалуй, мнѣ-таки и любопытно было узнать, точно ли дружба между нами—не одно пустое слово?

— Развѣ можно выводить какое-нибудь заключеніе изъ подобныхъ глупостей?

— Если это глупости мнѣ только остается еще болѣе поблагодарить васъ за дружескую довѣрчивость.

Борисъ Николаичъ всталъ и ушелъ въ комнаты.

Цѣлый вечеръ сидѣлъ онъ потомъ молчаливо и съ мрачнымъ видомъ. Вѣра Александровна не выдержала: послѣ ужина она побѣжала къ своей подругѣ.

— Мамаша, надо ему сказать!

— Что-жъ, это твое дѣло.

На крыльцѣ, среди глубокой ночной тишины, вторично разсказана была исторія знаменитой встрѣчи въ лѣсу.

Борисъ Николаичъ выслушалъ снисходительно.

— Что, барышня, скушали? замѣтилъ онъ. То-то и есть! Вы вотъ все воображаете, что въ самомъ дѣлѣ можете острить да насмѣхаться. А васъ на этомъ всякій побьетъ изъ нашихъ университетскихъ—рѣшительно всякій; да и побьетъ-то на голову, вконецъ, такъ что слова не найдетесь сказать—лишь бы не поцеремонился или не полѣнился. У насъ ужъ къ этому и привычка, и умѣнье... А вы лѣзете!... Ну, вотъ и извольте скушать!

— И что-жъ за бѣда?

— Бѣды конечно нѣтъ никакой. А только понесли чувствительное пораженіе... Сознайтесь, что чувствительное.

— Нисколько!

— Въ самомъ дѣлѣ? Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было секретничать, да еще такъ упорно?

— Просто такъ себѣ, фантазія...

— А! Ну, это конечно прекрасная причина!

— Да чѣмъ же особеннымъ отличился вашъ университетскій герой? развѣ невѣжествомъ да глупостью?

— На этотъ разъ ужъ вы меня извините, Вѣра Александровна! Изгоевъ, можетъ быть, дѣйствительно былъ съ вами невѣжливъ; но, какъ человѣка далеко неглупаго, знаетъ его цѣлый Крутогорскъ. И потому, сколько ни цѣню я обыкновенно ваши сужденія—рѣшаюсь въ этомъ случаѣ примкнуть къ большинству.

— А ты знаешь Изгоева? спросила Софья Николаевна.

— Еще бы! Мы съ нимъ даже хорошо знакомы.

— Кто онъ такой?

— Трудно сказать... Въ оффиціальномъ смыслѣ никто, потому что не служитъ и не имѣетъ состоянія... Университетскій кандидатъ...

— Почему же его такъ знаютъ?

— Когда-то прочили въ профессора, но онъ залѣнился... Бываетъ какими-то судьбами въ нашемъ якобы-аристократическомъ обществѣ... Написалъ нѣсколько довольно злыхъ вещей, задѣлъ множество лицъ въ городѣ, особливо изъ университетскихъ... Вообще извѣстенъ, какъ умный, но прескверный человѣкъ.

— Онъ писатель? вступилась Вѣра Александровна.

— Н-нѣтъ... То-есть, серьезнаго ничего не пишетъ; такъ, фельетоны...

— А почему вы говорите, что онъ скверный человѣкъ?

— Всѣ говорятъ. Объ немъ добраго слова нигдѣ не услышишь; ругаютъ его ужасно... Оно впрочемъ отчасти понятно: добрыхъ людей задѣлъ; кого непосредственно, а кого черезъ близкихъ — родственниковъ, друзей, пріятелей, и т. д. Кромѣ того онъ и самъ по себѣ крайне холодный, несообщительный человѣкъ; бываетъ, напримѣръ, въ обществѣ, а ни съ кѣмъ не сошелся хоть сколько-нибудь поближе, хотя нѣкоторые и пытались... особенно барыни, изъ любопытства.

— Почему же такъ?

— А я развѣ знаю! тоже вопросъ!... Кажется, онъ нивѣсть что о себѣ воображаетъ... Изгоевъ впрочемъ до того антипатиченъ просто своей наружностью и манерами, что есть люди, которые рѣшительно не могутъ его переносить, даже не зная

его. Иной разъ, слышишь кто-нибудь ругаетъ его съ такимъ ожесточеніемъ, точно злѣйшаго своего врага; а потомъ оказывается, что они и незнакомы совсѣмъ другъ съ другомъ.

— Однако есть же и какіе-нибудь положительные факты, на основаніи которыхъ Изгоева считаютъ дурнымъ человѣкомъ? А то какъ же такъ ругать ни съ того, ни съ сего! вмѣшалась Софья Николаевна, и — какъ читатель видитъ — довольно наивно.

— Разумѣется, есть!... То-есть, впрочемъ фактами, собственно говоря, этого нельзя назвать, потому что конечно ни на что не укажешь, прямо пальцемъ... Да и кто же станетъ выдавать себя слишкомъ явно, особенно такой умный человѣкъ?.. Но про Изгоева разсказываютъ столько грязныхъ вещей, что если есть въ нихъ хоть третья доля правды — такъ ужъ очень довольно.

Софья Николаевна слегка задумалась.

— Все-таки это странно! сказала она потомъ, словно про себя. Какъ человѣкъ, не имѣющій ни денегъ, ни значенія, заставилъ столько говорить о себѣ, да еще такъ горячо?... Наконецъ даже эта неодолимая антипатія къ Изгоеву со стороны людей, совершенно его незнающихъ, по-моему доказываетъ, что въ немъ «что-то есть».

— Да... одинъ процентъ ума, и девяносто девять — самолюбія.

— Ты его тоже не любишь?

— Онъ-таки дрянь.... Воображаетъ о себѣ чортъ знаетъ что, а самъ весь размѣнялся на мелочь. Олицетворенная пустота!

...Софья Николаевна, ложась спать и вспомнивъ свою размолвку съ братомъ, долго думала о немъ, стараясь разобрать, что онъ такое: мелочный, сухой и пошлый человѣкъ—или только несостоятеленъ, вслѣдствіе крайней молодости? Она остановилась на послѣднемъ. «Боря легко увлекается минутой»,—соображала она,—«онъ скорѣе энтузіастъ; онъ любитъ природу, поэзію.... нѣтъ! у него не сухое сердце»!

И Софья Николаевна съ любовью мечтала о томъ, какъ, черезъ годъ или два, характеръ ея брата совершенно выровняется, займетъ Боря опредѣленное положеніе въ обществѣ и женится на Вѣрѣ Александровнѣ.

— Они будутъ очень счастливы! мечтала она, улыбаясь своей подушкѣ. Про брата и говорить нечего: онъ даже ея не стóитъ... А она-то, моя бѣдненькая, послѣ стольких печалей, обидъ, притѣсненій, наконецъ узнаетъ счастье. Вотъ, я думаю, разцвѣ-

тетъ-то!... Въ ея жизни это будетъ похоже на то, какъ иной разъ въ пасмурное утро горячее солнышко вдругъ разгонитъ холодные туманы, и заблеститъ, засіяетъ веселый день.... Мал того: тотъ же самый туманъ соберется въ облака, поплыветъ въ голубомъ небѣ и сдѣлаетъ его еще краше.... Облака тяжелыхъ воспоминаній на сіяющемъ небѣ счастія.... Кто это сказалъ:

И, какъ мечты почіющей природы,
Волнистыя проходятъ облака.

Да, Фетъ. Какое сравненіе, прелесть!...

Мало-по-малу облака, Фетъ, Борисъ спутались и перемѣшались въ представленіяхъ Софьи Николаевны.

Она заснула, съ улыбкой на устахъ.

VI.

Еще дѣйствующее лицо.

Прошло три недѣли.

Увѣренность Вѣры Александровны въ томъ отношеніи, что Изгоевъ, какъ близкій сосѣдъ, поспѣшитъ познакомиться съ обитателями Желѣзновки — оказалась нѣсколько преждевременною: близкій сосѣдъ и глазъ не казалъ. А только доходили чрезъ деревенскій людъ вѣрные слухи, что вотъ-де пріѣхалъ въ Марьино молодой баринъ, и все-то онъ по лѣсамъ да по болотамъ ходитъ, съ ружьемъ и собакой, а вечеромъ кажинный день въ книжку читаетъ. Баринъ хорошій, ничего; не то чтобы въ отца, а даже очень обходительный: поклонишься ему иной разъ, такъ онъ тебѣ еще ниже тваво шапку-то скинетъ. Только чудной! Пробовали этто наши съ нимъ разговаривать — такъ не знаешь, какъ и подступиться: ни онъ тебѣ слово душевное скажетъ, ни онъ съ тобой посмѣется... ровно нѣмецъ какой!

Потолковали объ Изгоевѣ желѣзновскіе еще раза два — да и забыли. Что же оставалось дѣлать?

А между тѣмъ къ нимъ ѣхалъ новый гость...

Однажды по Кожинскому шоссе катилась легкая телѣжка на рессорахъ. Въ ней сидѣлъ господинъ, котораго наружность могла бы обратить на себя невольное вниманіе самаго ненаблюдательнаго человѣка. Это была именно такая физіономія, что, при первой встрѣчѣ, каждый украдкой, но пристально посмотритъ на нее нѣсколько разъ, и непремѣнно будетъ мучиться вопросомъ: что̀ это за человѣкъ? у кого можетъ быть подобная наружность?

Представьте себѣ дѣтину вершковъ одиннадцати ростомъ и самаго геркулесовскаго сложенія. Лицо у него очевидно молодое— лѣтъ двадцати-шести, не больше. Но конечно никому не придетъ въ голову считать такого барина юношей. На этомъ некрасивомъ, неправильномъ, но поражающемъ лицѣ лежитъ печать такой страшной силы, энергіи и рѣшимости, что, при взглядѣ на него, прежде всего рождается невольное побужденіе сторониться и дать дорогу. Ну, молъ, тебя — проходи только! Сдвинутыя брови, которыя даже при улыбкѣ расходились едва замѣтно, сжатыя губы съ какими-то рѣзкими складками по бокамъ, сухія, крупныя черты, короткіе и полукурчавые волосы — все это было у проѣзжаго такъ своеобразно, такъ характерно, что, разъ попавши на глаза, уже никогда не забывалось.

Есть люди, съ которыми знакомъ, кажется, цѣлые годы — и едва въ состояніи представить себѣ ихъ лицо, да и то смутно, общими чертами. А иного на улицѣ встрѣтишь случайно — и мерещится онъ потомъ долгое время такъ, что не отвяжешься.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ проѣзжій.

Какъ-то странно было видѣть, что онъ сидитъ одинъ въ своей телѣжкѣ, смотритъ то на спину ямщика, то на далекій горизонтъ, то на лѣсъ по сторонамъ шоссе — и улыбается... Но, можетъ быть, ничто такъ не краситъ (или не безобразитъ) человѣка, какъ улыбка одинъ на одинъ.

Проѣзжій, хотя и не казался юношей, сохранилъ еще въ душѣ достаточный запасъ молодого чувства. Подъ вліяніемъ чуднаго утра, свѣжаго воздуха полей и красивыхъ мѣстъ по дорогѣ—онъ улыбался жизни, улыбался свѣтлому чувству свободы, завоеванной на два дня тяжелымъ и упорнымъ трудомъ, улыбался наконецъ собственнымъ своимъ думамъ.

А думы эти... Да кто же изъ насъ не улыбался имъ, читатель?

Посудите сами.

Дѣйствительно, проѣзжему случилось недавно провести вечеръ между полузнакомыми дамами. Обыкновенно ихъ присутствіе стѣсняло его до крайности: онъ не любилъ ни женскаго общества, ни женской болтовни—во-первыхъ, какъ человѣкъ, по горло заваленный дѣломъ, а во-вторыхъ, потому, что сознавалъ въ себѣ отсутствіе красоты, ловкости и любезности. Но на этотъ разъ молодого стоика познакомили съ дѣвушкой, въ которой, Богъ вѣсть почему, почудилось ему что-то особенно милое, родное его душѣ. Просидѣлъ онъ съ нею нѣсколько минутъ, перекинулся двумя-тремя совершенно незначительными фразами—а вотъ теперь, чуть ли не впервые, улыбался женскому образу, одиноко трясясь въ своей

рессорной телѣжкѣ... Смирная, застѣнчивая, совсѣмъ обыкновенная купеческая дочка, съ самымъ простымъ, чисто-русскимъ лицомъ и кроткими, ясными глазами—ужъ очень пришлась ему по нраву: такъ и тянуло къ ней сердце.

— Милая, добрая моя Варя! мечталъ онъ, самъ того не замѣчая. Вотъ, должно быть, славная дѣвушка!... такая тихая, ясная... Пожалуй, еще обижаютъ ее въ семьѣ!

И у него рождалось страстное желаніе поцѣловать, утѣшить, скрытъ отъ всѣхъ свою бѣдную Варю.

— Голубушка моя милая!

— Что за вздоръ! вдругъ, опомнившись, совѣстился онъ самъ передъ собою. И съ чего я взялъ, что она тамъ добрая да тихая, такая да сякая? А главное, какая мнѣ до нея надобность? Не влюбился же я въ самомъ дѣлѣ съ оника, втеченіе двухъ съ половиною часовъ!

Онъ нарочно старался навести мысль на другое, старался отпугнуть воспоминаніе о ясномъ взглядѣ кроткихъ глазъ — и чѣмъ болѣе старался, тѣмъ менѣе успѣвалъ.

Помните ли вы анекдотъ про англичанина, который, цѣлясь въ противника, долженъ былъ забыть обезьяну?

Между тѣмъ отгонять воспоминаніе о вечерѣ было большой неблагодарностью со стороны проѣзжаго; потому что, несмотря на свою безспорную некрасивость и нелюбезность, онъ на этотъ разъ удостоенъ былъ очень замѣтнымъ вниманіемъ дамъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ. Именно его крайняя, ледяная сдержанность, почти недоступность, въ соединеніи съ признаннымъ умомъ и поразительной, хотя некрасивой наружностью, подстрекнули ихъ тщеславное любопытство. Кромѣ того, рѣдко бывая въ обществѣ, онъ даже представлялъ интересъ новизны. А торжество приручить подобнаго нелюдима? водить бѣлаго медвѣдя на розовой ленточкѣ? Согласитесь, что искушеніе было слишкомъ сильно для салонныхъ укротительницъ; а въ этомъ отношеніи, аристократическій салонъ въ Петербургѣ и полукупеческій въ Сыродольскѣ весьма сходны... Особливо суетилась одна брюнетка съ очень хорошенькимъ личикомъ — почти красавица—Надежда Павловна Коврова. Она слегка знала нашего проѣзжаго, который по дѣламъ бывалъ у ея мужа, помѣщика средней величины — и поспѣшила воспользоваться этимъ удобствомъ.

Началось съ того, что Коврова попросила молодого нелюдима подержать за нее карты — подъ тѣмъ предлогомъ, будто вниманіе ея совершенно истощилось.

Дамы играли въ стуколку.

— Это еще что? нахмурился про себя проѣзжій. Мало у нея тутъ людей, болѣе знакомыхъ?... Или это любезность? съ какой стати? чего ей отъ меня нужно?

Онъ однако сѣлъ.

А Надежда Павловна, черезъ нѣсколько минутъ, подошла наблюдать за игрой, и такъ наклонилась сзади надъ стуломъ, что почти легла ему на плечи, и горячее дыханіе обдавало его курчавые волосы.

— Вы отдохнули? сказалъ онъ и тотчасъ же всталъ, передавая карты.

— Нѣтъ, нѣтъ! пожалуйста, играйте. Вы счастливѣе меня.

И она осталась въ прежнемъ положеніи.

Въ это время изъ другой комнаты подошелъ къ играющимъ хозяинъ дома.

— А! Андрей Николаичъ! воскликнулъ онъ. И васъ поймали?... Ба! да это хорошая примѣта: между двумя сестрами сидите; значитъ, скоро на вашей свадьбѣ потанцуемъ.

— Что мудренаго? Я вѣдь давно прошу васъ розыскать мнѣ невѣсту, отшутился проѣзжій.

— Ахъ, не женитесь! воскликнула Коврова.

— Почему же?

— Потому что вы мнѣ нравитесь... и я не хотѣла бы видѣть васъ несчастнымъ.

Вторая половина фразы сказана была послѣ нѣкоторой остановки.

Проѣзжій нахмурился и промолчалъ.

— Отчего же несчастнымъ? подхватилъ хозяинъ.

— Развѣ можетъ быть что-нибудь хуже женщинъ? Вы, мужчины, очень плохо насъ знаете — а то, говоря откровенно, ужъ конечно оставаться бы намъ вѣкъ въ старыхъ дѣвкахъ.

— Это что за филиппика?

— Только правда!—оригинальничала Коврова.

— Не модель! замѣтила и покачала головой одна изъ старозавѣтныхъ старушекъ, шопотомъ обращаясь къ сосѣдкѣ.—Сама выскочила, да у другихъ отбиваетъ.

— И въ дѣвкахъ такая же была: завидущая.

А проѣзжій совершенно погрузился въ игру, и жарко спорилъ съ кѣмъ-то изъ участвующихъ о томъ, слѣдовало ему козырнуть, или нѣтъ.

Но Коврова не унималась.

Послѣ стуколки она успѣла-таки устроить съ нимъ нѣчто въ родѣ tête-à-tête въ одномъ изъ уголковъ гостинной.

— Отчего вы такъ рѣдко бываете у насъ, Андрей Николаичъ? и всегда только съ этими противными дѣлами...

— Противныя дѣла для меня интереснѣе всего и всѣхъ.

Проѣзжій лгалъ: какъ часто желалъ онъ имъ провалиться въ преисподнюю!

— Не вѣрю.

— Это какъ вамъ угодно.

— Попробуйте осмотрѣться съ бо́льшимъ вниманіемъ: можетъ быть, вы найдете что-нибудь интересное и кромѣ дѣлъ... Вы слишкомъ молоды для полнаго разочарованія.

— Скорѣе слишкомъ старъ... А вы полагаете, что я похожъ на разочарованнаго?

— Сами же вы только-что въ этомъ признались.

— Не помню... Впрочемъ у дамъ есть свои очень странныя особенности. Я уже много разъ дивился, напримѣръ, своеобразной ихъ логикѣ. Вотъ хоть бы и въ настоящемъ случаѣ: господинъ А не очарованъ госпожею Б; мужчина умозаключитъ: слѣдовательно, въ госпожѣ Б нѣтъ ничего очаровательнаго, или она не по вкусу данному субъекту; а по женской логикѣ выходитъ: слѣдовательно А разочарованъ. Прeоригинальный способъ мышленія!

— Ну, вы меня, пожалуйста, пощадите: я такихъ ученостей не понимаю.

Она въ самомъ дѣлѣ не поняла.

— И прекрасно дѣлаете: вамъ же пріятнѣе.

Tête-à-tête кончилось тѣмъ, что Надежда Павловна на прощанье крѣпко стиснула руку проѣзжаго и воскликнула игривымъ тономъ театральной наивности:

— Я васъ жду въ понедѣльникъ... Слышите ли? Мужа моего не будетъ дома, вы должны занимать меня. Что это въ самомъ дѣлѣ! Я скучаю, тоскую — а вы для меня и двухъ часовъ не можете найти... Безъ отговорокъ! Я васъ жду. Слышите ли? жду!

— Ну, и дожидайся! подумалъ Андрей Николаичъ со злостью. Удивительное право дѣло! каждая дрянь воображаетъ, что если она хорошенькая, такъ ужъ всякій такъ вотъ и побѣжитъ за ея хвостомъ... Очень, видите ли, нужно! осчастливила!... Дрянь.

За то онъ даже покраснѣлъ отъ удовольствія, когда на прощанье подошла къ нему Варя и робко протянувши маленькую дѣтски красноватую ручку, молвила:

— Братецъ приказали вамъ напомнить, что вы обѣщались у насъ побывать... Они теперь сами лежатъ больные, а только очень желаютъ васъ видѣть.

Проѣзжій глубоко заглянулъ въ ясные глаза дѣвушки, пожалъ дѣтскую ручку и отвѣтилъ съ нѣкоторой горячностью:

— Непремѣнно буду, какъ только удосужусь! кланяйтесь братцу и мамашѣ.

— Очень хорошо-съ.

Отвернувшись, Варя покраснѣла и улыбнулась.

Удивительное право чутье у этихъ дѣвушекъ!...

Впрочемъ, ничто не можетъ быть неудобнѣе (въ дѣйствительной жизни или въ романѣ — все равно), какъ имѣть дѣло съ человѣкомъ, котораго не умѣешь даже назвать по имени, и котораго общественное положеніе совершенно неизвѣстно. Поэтому, давно пора представить читателю новаго героя, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя подробности о его жизни, хотя и небогатой событіями, будутъ далеко не лишними для нашего разсказа.

Андрей Николаичъ былъ по старшинству вторымъ изъ трехъ сыновей старика Смурова. Въ 1857-мъ году онъ кончилъ курсъ гимназіи, безъ всякаго отличія и на счету ученика средней руки, но съ очень солиднымъ знаніемъ всего, чему при доброй волѣ могъ научиться. Замѣчательна, кстати сказать, тонкая проницательность нашихъ педагоговъ, благодаря которой въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ очень часто отличнѣйшими и первыми воспитанниками неизмѣнно состоятъ или тупоголовые зубрилы, или будущіе пошлые и совершенно ничтожные фразеры.

Смуровъ вышелъ изъ гимназіи отличнымъ счетчикомъ, умѣлъ правильно, точно и ясно (хотя безъ малѣйшихъ литературныхъ претензій) излагать свои мысли на бумагѣ, наконецъ знакомъ былъ до извѣстной степени съ важнѣйшими фактами исторіи и естественныхъ наукъ. Старикъ отецъ прочилъ его въ университетъ, даже считалъ этотъ вопросъ совершенно рѣшеннымъ, такъ какъ Андрей Николаичъ самъ, бывало, вслухъ мечталъ о возможности добыть серьезное знаніе. Но къ величайшему удивленію и недоумѣнію всего семейства, окончивши курсъ гимназіи, онъ вдругъ объявилъ, что не чувствуетъ въ себѣ никакого призванія къ ученымъ занятіямъ, и напротивъ, очень склоненъ къ дѣятельности практической — а потому, на первыхъ порахъ, просится въ помощники къ отцу, ради скорѣйшаго знакомства съ дѣломъ. Напрасно отговаривали всѣ Андрея Николаича, напрасно старались доказать ему непрактичность его перваго шага въ практическую жизнь, даже подсмѣивались довольно ядовито надъ его науко-боязнью — онъ спокойно, но крѣпко сталъ на своемъ. Наконецъ старикъ-отецъ долженъ былъ понять, что насильно учиться никого не заставишь — и прекратилъ споры.

Между тѣмъ, отказываясь отъ университета, Андрей Николаичъ приносилъ семьѣ тайную, но довольно тяжелую жертву. Жажда знанія въ немъ существовала безъ всякаго сомнѣнія: даже отступившись отъ науки и совершенно заваленный дѣловой практикой, онъ много и серьезно читалъ въ свои немногія свободныя минуты. Популярныя книги по предмету естественныхъ наукъ и въ особенности публицисты, историки и экономисты соціальнаго оттѣнка были его любимымъ чтеніемъ. Прудона онъ изучилъ съ глубокимъ вниманіемъ. Но результатъ этихъ занятій вышелъ довольно неожиданный: съ одной стороны, Андрей Николаичъ проникся глубочайшимъ презрѣніемъ къ соціальнымъ писаньицамъ и теорійкамъ текущей журналистики; съ другой — онъ выработалъ себѣ совершенно особый, самобытный взглядъ на свою жизненную дѣятельность и на потребности той среды, въ которой ему пришлось вращаться. Взглядъ этотъ не отзывался ни Прудономъ, ни какимъ-либо другимъ изъ прочитанныхъ публицистовъ, и съ нимъ мы еще будемъ имѣть случай познакомиться. Замѣчательною чертою въ характерѣ Андрея Николаича была крайняя его сдержанность и сосредоточенность въ самомъ себѣ; едва ли кто-нибудь изъ знавшихъ его могъ даже только заподозрить въ немъ его большую начитанность и самостоятельность мысли. Всякихъ вообще споровъ и бесѣдъ, «вызывающихъ на размышленіе», бѣгалъ онъ какъ огня, а высказывалъ свое мнѣніе по тому или другому поводу только крайне рѣдко — вслѣдствіе совершенной необходимости или въ минутномъ порывѣ... и то въ послѣднемъ случаѣ всегда затѣмъ дѣлалъ видъ, будто обмолвился такъ-себѣ, мимоходомъ, не придавая своимъ словамъ никакого значенія.

Причины, побудившія Андрея Николаича такъ странно и неожиданно отказаться отъ университета, крылись въ семейныхъ обстоятельствахъ, хотя никто изъ членовъ семьи не понялъ ихъ и не угадалъ.

Старикъ Смуровъ любилъ жить довольно широко. Поэтому онъ не составилъ себѣ никакого состоянія, хотя получалъ очень значительные доходы. Онъ умѣлъ, какъ говорится, на обухѣ рожь молотить, умѣлъ найти копѣйку тамъ, гдѣ всякій другой ничего не видѣлъ, кромѣ мусора... Но что добывалось, то и проживалось; такъ что, хотя Смуровыхъ считали въ городѣ людьми очень достаточными — на дѣлѣ чуть ли не все достояніе ихъ заключалось въ ловкости и находчивости отца. Между тѣмъ именно этому-то капиталу грозила близкая опасность, которую сознавалъ и видѣлъ Андрей Николаичъ. Однажды старикъ Смуровъ, садясь въ дрожки, оступился и упалъ на мостовую, при-

чемъ такъ сильно ударился головой, что потерялъ сознаніе. Послѣ первыхъ дней испуга, всѣ въ семействѣ поуспокоились, потому что докторъ надѣялся на благопріятный и даже скорый исходъ. Дѣйствительно, надежды его оправдались: черезъ недѣлю старикъ принялся за дѣла какъ ни въ чемъ не бывало, только жалуясь иногда на приливы къ головѣ да на временную глухоту. Всѣ домашніе видѣли въ этомъ очень естественныя и неважныя послѣдствія несчастнаго случая. Но Андрей Николаичъ отправился къ доктору и заговорилъ съ нимъ такъ серьезно, что тотъ счелъ своей обязанностью не скрывать отъ сына истинное положеніе старика Смурова. Больной могъ прожить еще годы, десятокъ лѣтъ; но способности его должны были ослабѣть скоро и непоправимо. Однимъ словомъ, у старика начиналось такъ-называемое размягченіе мозга. Андрей Николаичъ не нашелъ нужнымъ говорить объ этомъ кому-либо изъ семейства, но сталъ упорно наблюдать за отцомъ. Слова доктора оправдались. Смуровъ начиналъ быстро старѣть: былая неутомимость исчезла, въ дѣлахъ оказывались очень невздорныя упущенія, а въ характерѣ проявилось обычное стариковское самолюбіе, упрямство и раздражительность, въ силу которыхъ многое дѣлалось quand-même. Когда Андрей Николаичъ кончилъ курсъ гимназіи — все это было еще въ зародышѣ; но онъ зналъ, съ какой пагубной скоростью предстоитъ развиться этому зародышу, зналъ, что дѣла, и безъ того довольно шаткія, окажутся непоправимыми послѣ паденія, и что больного отца не хватитъ еще на четыре года, которые предстояло пробыть въ университетѣ. Матери и сестрѣ Андрея Николаича грозили горе, нищета и тяжелое житье съ больнымъ, озлобленнымъ старикомъ... Онъ подумалъ, поколебался и рѣшилъ спасти семью, не безъ боли махнувъ рукой на свои мечты объ университетѣ. Мальчикъ и втайнѣ мечтатель, онъ какъ-то вдругъ сдѣлался серьезнымъ и сосредоточеннымъ человѣкомъ. Только небольшая тѣнь унынія легла на немъ одно время; но и та потомъ исчезла постепенно, когда Андрей Николаичъ, мужая и развиваясь, пришелъ къ убѣжденію, что трудомъ своимъ служитъ не только семейству, но и обществу. Это его утѣшило. Не мечтая о славѣ, объ исключительномъ величіи своего ума или натуры, онъ радъ былъ сказать себѣ, что *дѣлаетъ дѣло*, что можетъ всякому прямо смотрѣть въ глаза, и что каждый съѣденный имъ кусокъ хлѣба не отнятъ у другого, слабѣйшаго, но выращенъ имъ самимъ...

Андрей Николаичъ постепенно и незамѣтно захватилъ въ свои руки всѣ отцовскія дѣла, оставляя быстро-слабѣвшаго старика въ пріятномъ заблужденіи, будто все по прежнему только имъ

и держится. *Молодой Смуровъ*, какъ его называли въ городѣ, работалъ безъ устали, безъ отдыха, заработался однажды до серьезной болѣзни, завоевалъ себѣ между дѣльцами и торговыми людьми извѣстность и уваженіе, какъ дѣлецъ перваго разряда— а другіе пользовались результатами его труда безотвѣтственно и безцеремонно, считая ихъ своей неотъемлемой собственностью, въ спокойной увѣренности, что оно такъ и слѣдуетъ. Отецъ побаивался Андрея Николаича и любилъ меньше другихъ дѣтей, вслѣдствіе нѣкоторыхъ дѣловыхъ стычекъ, въ которыхъ обнаружилась желѣзная стойкость и рѣшительность въ характерѣ сына; а можетъ быть, и темное сознаніе своей зависимости возбуждало въ старикѣ непріязненное чувство. Мать—добрая, но непроницательная—ко всѣмъ дѣтямъ относилась совершенно одинаково. Старшій братъ, служившій штатнымъ доцентомъ въ крутогорскомъ университетѣ, полагалъ себя вправѣ смотрѣть на *ex*-гимназиста нѣсколько свысока (онъ впрочемъ на всѣхъ такъ же смотрѣлъ). А сестра считала Андрея Николаича человѣкомъ очень хорошимъ, очень честнымъ, но совершеннымъ прозаикомъ и сухимъ дѣльцомъ, съ которымъ нельзя отвести душу въ откровенной бесѣдѣ, который даже не въ силахъ понять ея завѣтныхъ стремленій, ея сердечныхъ порывовъ—а еслибы и понялъ ихъ, то счелъ бы за вздоръ, порожденный бездѣльемъ; ея гордостью, ея любовью были университетскіе братья, которые иногда наѣзжали погостить въ свободное лѣтнее время. Андрей Николаичъ видѣлъ все это — и молча продолжалъ работать. Съ горячей и тревожной нѣжностью наблюдалъ онъ за сестрой: изучалъ ея характеръ, наклонности, слѣдилъ за тоскою и весельемъ... Онъ подслуживался ей то обновкой, то билетомъ въ театръ, то книгами или нотами, то загороднымъ катаньемъ — а самъ думалъ: «Бѣдная, бѣдная Соня! Всѣ мы — такъ ли, сякъ ли — выбьемся на широкую дорогу; у каждаго есть и будущность, и цѣль, и интересы впереди... А ты какъ? Чѣмъ лучше, чѣмъ чище ты будешь — тѣмъ требовательнѣе отнесешься къ жизни, тѣмъ меньше шансовъ на твоей сторонѣ, тѣмъ болѣе унынія и одиночества сулитъ тебѣ предстоящій путь... Бѣдная, бѣдная моя Соня!»

...Солнце поднялось высоко, но свѣтлыя росинки все еще сверкали алмазами изъ травы. Совершенно ясное небо предвѣщало погожій день. Рессорная телѣжка быстро катилась на парѣ сѣрыхъ, минуя поля и рощи.

Никто не сохраняетъ въ себѣ такъ долго привязанностей и наклонностей дѣтства, какъ именно люди съ сдержаннымъ и серьезнымъ характеромъ. Андрей Николаичъ, точно школьникъ,

посматривалъ на верстовые столбы, торопясь доѣхать и насладиться вволю своей минутной свободой. Ему мечталось о походахъ въ лѣсъ всей веселой компаніей, о ружьѣ, о рыбной ловлѣ подъ мельницей—и какъ живая вставала передъ нимъ знакомая картина....

Вода шумитъ и бурлитъ изъ-подъ колесъ. Онъ самъ и братъ Борисъ вплавь направляютъ бредень, другіе тащатъ веревками съ береговъ. На плотинѣ кучкой собрались бабы, полоскавшія бѣлье — поглазѣть, и въ томъ числѣ деревенская попадья.

— Эко безстыжія! кричитъ на нихъ кучеръ Никита. Чего не видали? Пошли прочь!

— Озорники! пра, озорники! Ишь, раздѣвшись при народѣ...

— А васъ нѣшто кто звалъ смотрѣть?

— Соблазнъ! подтверждаетъ и толстая попадья, спокойно уставивъ руки въ бока.

Рыболовы дѣйствительно представляютъ картину довольно легкомысленнаго содержанія, ибо въ жару битвы не слишкомъ заботятся о нѣкоторыхъ нескромностяхъ своего туалета.

— Забирай влѣво! влѣво забирай!

У Бориса даже голосъ осипъ отъ надсады.

— Помните, что сказано въ Писаніи? проповѣдуетъ попадья, масляннымъ взглядомъ слѣдя за рыболовами. Кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ—лучше ему камень на шею да въ воду!

— Мы и такъ въ водѣ, матушка! мимоходомъ забрасываетъ Борисъ, и тутъ же кричитъ не своимъ голосомъ:—Живѣй, ребята! живѣй!

— Озорники! пра, озорники! повторяютъ бабы, точно хоръ древлегреческой трагедіи.

Бѣлье совершенно забыто.

— Ну, теперь тащи его! Разомъ! тащи!

Сѣть быстро выволакивается на берегъ, образуя десятки мутныхъ ручейковъ, и въ кормѣ ея — жирный налимъ, почти въ аршинъ ростомъ.

— Го-го-го!

— Попался, голубчикъ!

При неистовомъ воплѣ нѣсколько паръ рукъ разомъ бросаются на добычу.

— Знатная штука! замѣчаетъ мельникъ, зритель-аматеръ, и съ достоинствомъ подходитъ взвѣсить ее на рукѣ....

На хмуромъ лицѣ Андрея Николаича, точно солнечный лучъ, трепетала легкая улыбка при воспоминаніи объ этомъ послѣднемъ походѣ на налимовъ.

— Погоди же! думалъ онъ. На этотъ разъ можно будетъ и сверху въ прудѣ затянуть.

...«Братецъ приказали вамъ напомнить, что вы обѣщались у насъ побывать», вдругъ слышится робкій голосокъ.

Миръ вамъ, налимы! вы разомъ выскочили изъ головы своего свирѣпаго непріятеля.

VII.

По грибы.

Между тѣмъ вдали показалась желѣзнбвская усадьба; Андрей Николаичъ поспѣлъ какъ разъ къ утреннему чаю. Вся компанія сидѣла за самоваромъ и встрѣтила его общими радостными восклицаніями.

— Ну, что новаго въ городѣ? спросилъ старикъ Смуровъ послѣ первыхъ привѣтствій.

— Ничего особеннаго. Вотъ вамъ газеты и письма. Есть отъ Владиміра.

— А! давай сюда!

Письмо старшаго сына выбрали изъ кучки пакетовъ и поручили Сонѣ прочесть вслухъ, для всѣхъ.

Настасья Андреевна заранѣе умилилась.

«Вмѣсто настоящаго листка бумаги—писалъ Владиміръ—я чуть было не прискакалъ къ вамъ собственной особой, ибо нахожусь въ телячьемъ восторгѣ по случаю окончанія работъ (надоѣли онѣ мнѣ, проклятыя!). Къ счастію въ пору догадался, что уже некогда наслаждаться деревенской жизнью, и проѣхать шестьсотъ верстъ отъ А до В для того, чтобы черезъ двѣ недѣли проѣхать таковыя же отъ В до А — рѣшительно не стоитъ»....

— Жаль! Почему бы не порадовать насъ, стариковъ, хоть и на двѣ недѣли? наивно вставила Настасья Андреевна.

...«Докторская диссертація моя совершенно готова, и тотчасъ же послѣ вакаціи, то-есть не позже двадцатыхъ чиселъ августа, я намѣренъ представить ее на благоусмотрѣніе нашихъ patres conscripti. Надѣюсь впрочемъ, что вы уже и теперь смѣло можете поздравить меня докторомъ астрономіи и экстраординарнымъ профессоромъ. Дѣло въ томъ, что, хотя между нашими illustrissimi doctores многіе не отказались бы проглотить меня живьемъ (кредитъ подорвалъ и славы великихъ ученыхъ между студентами лишилъ) — но, смѣю васъ увѣрить, подавятся! Дис-

сертація моя, могу сказать по совѣсти, выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, и уже во всякомъ случаѣ не чета ученымъ трудамъ моихъ господъ оппонентовъ, которыми нѣкогда добывали они себѣ степень и каѳедру. По избранному мною предмету, совершенно новому въ наукѣ, даже въ нѣмецкой литературѣ не существуетъ еще ни одного сочиненія, не говоря уже о русской; у французовъ появились двѣ-три ничтожныя брошюрки, а я руководствовался исключительно англійскими писателями, но совершенно переработалъ ихъ, упростилъ, многое добавилъ отъ себя — и такимъ образомъ составилъ книгу, которую, надѣюсь, трудненько будетъ не замѣтить въ русской ученой литературѣ. Положеніе моихъ оппонентовъ тѣмъ болѣе горькое, что, сколько мнѣ извѣстно, только одинъ изъ нихъ съ грѣхомъ пополамъ маракуетъ по-англійски... Любопытно будетъ послушать возраженія!»

— Что же это, значитъ, ужъ послѣдній его экзаменъ? спросила Настасья Андреевна.

— Послѣдній, матушка, послѣдній... не мѣшай! махнулъ на нее рукою мужъ.

— Ну, слава тебѣ, Господи!

Настасья Андреевна, очень богомольная, подняла глаза кверху и что-то прошептала.

...«А вы какъ поживаете? Давно ужъ не получалъ я отъ васъ никакой вѣсточки: вѣрно завеселились по случаю лѣта и деревенскихъ удовольствій. Напишите хоть словечко. У насъ все по прежнему, разсказывать не о чемъ, а потому кончаю письмо. Будьте веселы и здоровы.

«Вашъ любящій сынъ
«В. Смуровъ.

«P. S. Чуть-было не забылъ самаго главнаго! Дядя Иванъ Николаевичъ теперь проѣздомъ въ Крутогорскѣ и поручилъ мнѣ извѣстить васъ, что мѣсто чиновника особыхъ порученій при оренбургскомъ генералъ-губернаторѣ Борисъ получитъ непремѣнно; но черезъ четыре недѣли ему необходимо лично явиться въ Оренбургъ для подачи прошенія, и пр., и пр. Дѣло совершенно улажено — остается только не прозѣвать его».

— А я было-надѣялась, что Боря останется съ нами до зимы, замѣтила Настасья Андреевна. Что-жъ, это въ самомъ дѣлѣ, отдохнуть не дадутъ! Да нельзя ли какъ-нибудь...

— Глупости, матушка! осадилъ ее мужъ. Мало ли чего ты надѣялась! Коли нужно ѣхать — такъ тутъ ужъ нечего разговаривать. Не упустить же подобнаго мѣста изъ-за нѣжничанья!

— А развѣ это выгодная служба, Николай Николаичъ?

— Для начала очень даже выгодная, матушка. Безъ Ивана Николаича не видать бы ее Борису, какъ ушей своихъ; потому что желающихъ-то, я думаю, хоть прудъ пруди.

— Ну, слава Богу! Надо бы написать къ Ивану Николаичу, поблагодарить его.

— Глупа ты, матушка, я посмотрю. Испортить все хочешь, что ли?

— Да, ужъ это вы, маменька, лучше не извольте трудиться! замѣтилъ и Борисъ. Обойдемся.

— Вотъ скука-то! вполголоса говорила Сонѣ Вѣра Александровна. Не могли они тамъ съ этой выгодной службой подождать еще мѣсяцъ, или полтора, хоть пока мы изъ деревни выберемся.

— Насъ съ тобою не спросились, дочка!

— А сыновья-то въ гору идутъ, Настасья Андреевна! радовался старикъ Смуровъ. Ходко идутъ въ гору! Владиміръ уже на вѣрной дорогѣ; докторъ и экстраординарный профессоръ— не шутка, чортъ возьми! Пожалуй, скоро придется обоихъ превосходительными величать.

Настасья Андреевна подняла глаза кверху и набожно перекрестилась.

— Что, братъ Андрей, должно быть выгоднѣе было тогда отца-то послушать, да идти въ университетъ?

— Что дѣлать, теперь ужъ не вернешь.

— Ну, ничего, не горюй. И безъ чиновъ можно вѣкъ прожить не хуже другихъ чиновныхъ. А братьямъ завидовать— грѣхъ!

— Да я и не завидую.

Настасья Андреевна подсѣла къ Борису.

— Уѣдешь ты, Боря мой милый! говорила она слезливо, цѣлуя его въ щеку. И наглядѣться-то я на тебя не успѣла... вѣдь, можетъ быть, въ послѣдній разъ!

— Охота вамъ Богъ-знаетъ что выдумывать! замѣтилъ Андрей Николаичъ. Да и къ чему разстроивать себя заранѣе: вѣдь еще не сейчасъ ѣдетъ... А лучше вотъ что, честная компанія: по случаю радостнаго моего прибытія, не хватить ли намъ въ лѣсъ за грибами? какъ вы полагаете?

— Хватимъ!

— Сегодня нельзя, вступился старикъ Смуровъ.

— Отчего же?

— Еслибъ я раньше зналъ, а то лошадей нѣтъ: одна пара ушла въ Кожинскъ, остальныя въ полѣ работаютъ.

— Экая досада!... Ну, ничего: я все-таки отправлюсь. Эй вы, нѣженки! Кто со мною пѣшедраломъ?

— Я.

— Молодецъ, моя Сонька! Никогда не выдастъ благороднаго человѣка.

— И я! отозвалась Вѣра Александрова.

— Умница, барышня! паинька, по головкѣ. А ты, будущій генералъ, пойдешь что ли?

— Разумѣется. Не оставаться же одному. Только жарко!

— Да ты конфетка вѣрно помадная? растаять боишься?

— И конечно жарко! подхватила Настасья Андреевна.—Охота тащиться въ такое время! Три версты туда, да три назадъ...

— Охота пуще неволи, маменька! Хорошо вамъ тутъ разсуждать, когда вы въ деревнѣ живете; а мнѣ въ кои-то вѣки удастся вырваться... Ну, компанія! коли идти, такъ собирайтесь: зѣвать нечего.

— Погоди же, неугомонный! увѣщевала Настасья Андреевна.—Духъ-то переведи! Вѣдь пятьдесятъ верстъ проскакалъ.

— Не фарфоровый, не разсыплюсь... Тром-том-томъ! оглушительнымъ басомъ затрубилъ Андрей Николаевичъ въ кулакъ.— Собирайтесь!... Настасья Андреевна! пожертвуйте приличный нашему званію запасъ огурцовъ и соли. Борисъ, захвати ножей: корни придется рѣзать. Тром-том-томъ! то-ромъ! то-ромъ! то-ррро-о-о-омъ!

— Соня, переодѣнься, платье испачкаешь! заботливо говорила Настасья Андреевна.

— Не безпокойтесь, все будетъ исправно.

— Ско-рѣй! ско-рѣй! ско-ррръ-ѣ-ѣ-ѣй! ревѣлъ Андрей Николаичъ, все-таки подражая трубѣ.

— Да ну тебя, оглушилъ совсѣмъ! отмахнулась мать.

— Музыкальный талантъ-съ и сила въ горлѣ!

Черезъ нѣсколько минутъ компанія уже двигалась по сѣрой дорогѣ, къ Березкамъ.

— Черезъ поля? предложилъ Андрей Николаичъ.

— Идетъ!

— Овраги тамъ, замѣтилъ Борисъ. — Барыни, пожалуй, не переберутся.

— Еще лучше васъ перейдемъ, не извольте безпокоиться! обидѣлась Вѣра Александровна.

— Ну такъ забирай влѣво, по межѣ! По крайней мѣрѣ пыли будетъ меньше.

Солнце начинало печь очень чувствительно. Птичьи голоса

звенѣли со всѣхъ сторонъ. Яркая зелень болотистаго луга радовала глазъ. Откуда-то тянуло медомъ.

— Эка благодать въ деревнѣ! отъ души вырвалось у Андрея Николаича.

— А отчего тебѣ не пріѣзжать почаще?

— Оттого, будущій генералъ, что времени нѣтъ. Я вотъ и теперь двѣ ночи сряду просидѣлъ за счетами да перепиской, чтобъ осчастливить васъ своимъ прибытіемъ. Работы много.

— Я бы скорѣе издохъ, чѣмъ такъ жить. Охота же!

— Хочу въ мильонеры.

— Дожидайся!

Пришли въ Березки. Развалились на травѣ, подъ первыми деревьями, отдохнули и позавтракали огурцами.

— Ну, ребята впередъ! скомандовалъ Андрей Николаичъ.— Посмотримъ, кому попадется первый грибъ.

Всѣ четверо разсыпались по лѣсу.

— Сыроѣжка! крикнулъ Борисъ.

— Не генеральскій призъ! замѣтила ему Соня, и сама тутъ же объявила:

— Чор-рный!

— Подосиновикъ! пробасилъ Андрей Николаичъ на самую низкую ноту.

— Бѣлый, бѣ-ѣ-ѣ-ѣ-лый! тотчасъ же залилась ему въ отвѣтъ Вѣра Александровна какой-то безконечной руладой изъ *Трубадура* [1]).

— Ну, такъ и есть! воскликнулъ Андрей Николаичъ.—Чортъ знаетъ, какъ этой барышнѣ всегда везетъ! И вѣдь хоть бы въ самомъ дѣлѣ умѣла собирать, а то просто дурацкое счастье лѣзетъ.

— Покорно васъ благодарю!

— Ну, вы вѣдь знаете, что я не въ обидномъ смыслѣ.

— Скажите, пожалуйста: хоть бы умѣла собирать! Еще посмотримъ, кто изъ насъ лучше-то умѣетъ... Вотъ и еще бѣлый!

— Такъ!

— Еще бѣлый!

— Еще бѣлый!

---

[1]) Для незнакомыхъ съ благороднымъ искусствомъ собиранія грибовъ слѣдуетъ замѣтить, что *черный гриб* или *обабка* считается худшимъ изъ хорошихъ грибовъ, хуже *подосиновика*; а подосиновикъ (или *красноголовка*), хотя аристократъ между грибами, хуже *бѣлаго (боровика)*, за которымъ всѣми признана пальма первенства. Не мѣсто говорить о *рубчатыхъ* грибахъ (*груздяхъ*, *рыжикахъ* и пр.), которымъ сборъ только осенью.

— Фу, ты чортъ! это удивительно! Гдѣ вы тамъ ходите? не выдержалъ Андрей Николаичъ и зашагалъ на голосъ.

— Ну-ка, покажите ваши бѣлые? спросилъ онъ съ нѣкоторою подозрительностью, увидавъ Вѣру Александровну.

— Извольте-съ!

Въ корзинѣ дѣйствительно лежали четыре превосходныхъ гриба, какъ на подборъ.

— Ну, коли такъ, я же даю вамъ слово, что наберу больше васъ.

— *Будемъ посмотрѣть!* такъ не повѣрю.

— И увидите!

Андрею Николаичу дѣйствительно удалось сдержать обѣщаніе; но, можетъ быть, только потому, что на этотъ разъ помогла ему сама судьба, въ образѣ Бориса, смутившаго духомъ его соперницу. Будущій генералъ побродилъ минутъ десять между кустами, довольно безуспѣшно, соскучился и пошелъ разыскивать Вѣру Александровну.

— Ну-съ, барышня! началъ онъ какимъ-то полужалобнымъ и полунасмѣшливымъ тономъ, подходя къ ней съ грустной улыбкой.—Черезъ двѣ недѣли придется мнѣ пожелать вамъ всего лучшаго и проститься—можетъ быть, на долго...

Вѣра Александровна вся вспыхнула и словно чего-то испугалась.

— Что вы на это скажете?

— Что же тутъ говорить? Вѣдь не перемѣнишь!.. Дай вамъ Богъ во всемъ удачи.

— А будетъ ли иногда вспоминать обо мнѣ мой добрый другъ, моя милая Вѣрочка? вдругъ заговорилъ онъ тихо и нѣжно, взявши маленькую, трепещущую ручку.

Она покраснѣла еще болѣе,

— Я ничего и никого не забываю.

— Да... но кто знаетъ! Пословица о старомъ другѣ не всегда справедлива — особенно у барышень: новый другъ часто оказывается лучше старыхъ двухъ. Явится какой-нибудь господинъ съ интересною блѣдностью въ лицѣ, съ огненными взорами и мрачной думою на челѣ... еще, пожалуй, герой большого свѣта... И прости-прощай бѣдный Борисъ, который гдѣ-то тамъ, за тридевять земель, возится съ киргизами, съ башкирами, да голодаетъ въ кочевой кибиткѣ. А если этотъ Борисъ, измученный и несчастный, часто съ тоскою вспоминаетъ про прежніе красные дни, несется мыслью къ тѣмъ, кто близокъ и дорогъ его сердцу— кому какое дѣло? Вольно же ему быть глупцомъ!

— Вы сами не думаете того, что́ говорите!

Вѣра Александровна совершенно взволновалась; слезы блестѣли у нея на глазахъ. Однако она нечаянно сказала правду: Борисъ Николаичъ дѣйствительно самъ себѣ не вѣрилъ. Онъ надѣялся, что не такъ-то легко явится человѣкъ, которому удалось бы побѣдоносно заслонить его собою; а говорилъ больше изъ кокетства.

— Вѣрочка! милая моя Вѣрочка! цѣловалъ онъ ея руки.— Еслибъ вы знали, какъ мнѣ грустно, какъ щемитъ сердце, какъ не хочется ѣхать!

— Нужно, Борисъ Николаичъ...

— Да, нужно... А скоро ли я дождусь писемъ отъ моего сквернаго пріятеля? вдругъ почти весело вскинулъ онъ глазами и заговорилъ бойкимъ, нѣжно шутливымъ тономъ.

Ему и въ самомъ дѣлѣ было весело на душѣ: онъ гордился и наслаждался своей властью надъ милой, хорошенькой дѣвушкой.

— Ну, это еще посмотримъ! Каковы-то будутъ посланія отъ хорошаго пріятеля.

— Слушай, Вѣрочка! ты у меня не смѣй мудрить — а повинуйся и покоряйся безпрекословно, коли велятъ. Еще счеты затѣяла.

— Скажите, пожалуйста! «Ты, Вѣрочка»—это еще что за манера? Когда я вамъ позволяла такія вольности?

— А кто тебя станетъ спрашиваться? Вотъ еще важная барыня! Что́ захочу, то съ тобой и сдѣлаю. Вѣра, Вѣрочка, Вѣрка! милая Вѣрка!... Вотъ!

Онъ ловко и неожиданно обнялъ ее за талію, прижалъ къ себѣ, и въ то же время страстно цѣловалъ руку.

— Борисъ Николаичъ! Полноте! Что у васъ за шутки! вырывалась она.

— Ну, не сердись!...

— Перестаньте же, говорятъ вамъ! это... это дурно!

Вѣра Александровна совсѣмъ раскраснѣлась отъ негодованія, но удержала болѣе рѣзкое слово.

Борисъ отступилъ и надулся.

— Вы хотите, чтобъ мы опять поссорились? сказала она уже примирительнымъ тономъ.

— Извините-съ! Я имѣлъ глупость еще разъ забыть, что вы все-таки — только прелестная *барышня*, для которой всего дороже и святѣе въ жизни, дороже дружбы, любви, даже счастья— соблюденіе извѣстныхъ глупѣйшихъ приличій, выдуманныхъ двумя гоголевскими дамами, просто пріятной и пріятной во всѣхъ отношеніяхъ.

— Ну, положимъ, это очень глупо съ моей стороны... Нечего поднимать вѣчный споръ... Но вы знаете, что дѣлаете мнѣ неудовольствіе.

— Я, признаться, думалъ, что хоть въ минуту разставанья вы сдѣлаетесь человѣкомъ, а не китайской куклой. Вѣдь не убудетъ же васъ оттого, что я руку поцѣлую!

— До разставанья еще, слава Богу, времени много...

— Ну, конечно! Вы и чувство можете развѣсить на унціи да граммы, для приличнаго употребленія по мѣрѣ надобности.

Въ эту минуту раздался въ лѣсу крикъ Сони.

— Вѣра! Борисъ! Гдѣ вы? Ау!

— Здѣсь! Ау!

Вдали между деревьями мелькнуло ея темносѣрое платье, а за нимъ показался и Андрей Николаичъ.

— Пе-рей-демъ на ту сто-ро-ну! проревѣлъ онъ, словно въ рупоръ, и потомъ, подходя ближе, объяснилъ: — Здѣсь уже все обыскали.

— Ну-ка, барышня, покажите ваши грибы. Эге! не густо! А вотъ на это не угодно ли полюбоваться?... Что? не говорилъ я вамъ?

— Посмотримъ, какъ будетъ дальше, машинально отвѣчала она, еще не успѣвъ оправиться отъ волненія.

— И дальше такъ же! Ну, маршъ на ту сторону.

— Соня! спросилъ Андрей Николаичъ, идя рядомъ съ сестрой и нѣсколько впереди отъ Вѣры Александровны и Бориса.— Ты никогда не видала Вари Ковригиной, сестры Павла Семеныча?

— Нѣтъ. А что?

— Такъ... Она, кажется, хорошая дѣвушка. Я вчера познакомился съ нею у Совѣтовыхъ.

Къ половинѣ второго корзины наполнились, и пора было отправляться домой. Солнце пекло невыносимо. Всѣ притомились. Даже Андрей Николаичъ замѣтилъ:

— Экая досада, что лошадей нѣтъ! Жарко и пить хочется... Въ лѣсъ идти—ничего; но изъ лѣсу — скверно. Еще корзину полную тащи.

— А кто затѣялъ? спросилъ Борисъ.

— Я. Да и не каюсь. Съ лошадьми конечно было бы удобнѣе; но если ихъ нѣтъ — и такъ хорошо. Погулять въ лѣсу такое удовольствіе, что я хоть завтра же готовъ учинить еще подобный походъ.

Въ это время сзади послышался колокольчикъ. Чей-то эки-

пажъ быстро догонялъ пѣшую компанію, поднимая облака густой пыли.

— Вотъ, еслибы знакомый! воскликнула Вѣра Александровна.—Подвезъ бы.

Оказался дѣйствительно знакомый: мировой посредникъ Крустовъ, Иванъ Алексѣичъ — «нашъ дѣятель», какъ называлъ его старикъ Изгоевъ.

— Стой! стой! закричалъ онъ во все горло и, съ обычной ловкостью полутанцмейстера, выскочилъ изъ тарантаса.

— Куда это васъ Богъ несетъ? пожималъ онъ всѣмъ руки.— А! ходили за грибами! И какое множество набрали!

— Да, за грибами. А теперь, какъ видите, бѣдствуемъ на припекѣ.

— Садитесь, пожалуйста: я васъ подвезу. Богъ дастъ, всѣ какъ-нибудь помѣстимся.

— А вы куда, Иванъ Алексѣичъ, не къ намъ ли? спросила Соня, когда тарантасъ опять запрыгалъ по проселку.

— Хорошо, кабы къ вамъ, а то въ Марьино. Надоѣло оно мнѣ, проклятое! Повѣрите ли, уже послѣ смерти старика въ третій разъ ѣду. Все съ этими потравами у Кривошеиной... Съѣла меня ехидная баба, просто совсѣмъ съѣла!

— Послѣ смерти какого старика?

— Изгоева.

— Какъ! Развѣ онъ умеръ?

Всѣ удивились.

— А вы и не слыхали?

— Да вѣдь къ намъ изъ Марьина вѣсти не доходятъ, даромъ что близкіе сосѣди. Развѣ нарочно разспрашивать.

— И то правда! Старикъ ни съ кѣмъ не знался.

— Однако весело должно быть молодому Изгоеву! Въ кои-то вѣки пріѣхалъ повидаться съ отцомъ—и пришлось хоронить его. Точно зналъ.

— Ну, ему еще веселѣе, чѣмъ вы думаете...

— Какъ это?

— Представьте себѣ, въ самый день смерти отца, онъ заболѣлъ тифозной горячкой, и теперь лежитъ безъ всякой помощи. Дней восемь тому назадъ я послѣдній разъ былъ въ Марьинѣ. Это въ самомъ дѣлѣ прискорбное положеніе! Безъ памяти, мечется по кровати, стонетъ, весь раскрылся; а за нимъ даже присмотрѣть некому, подать лекарство или ложку воды. Кромѣ какой-то старой деревенской бабы, я во всемъ домѣ никого не нашелъ. А докторъ, говорятъ, пріѣзжалъ одинъ разъ—да такъ и не показывался. Вѣрно боится, что некому будетъ заплатить.

— Господи! Это ужасно! въ одинъ голосъ воскликнули Соня и Вѣра Александровна.

— Да, признаюсь, не веселое положеніе! сквозь зубы проворчалъ Андрей Николаичъ.

— Вотъ тебѣ и Изгоевъ! Дофрантился! вырвалось почему-то у Бориса.

— Что же, приняли какія-нибудь мѣры?

— А какія тутъ могутъ быть мѣры? Вѣроятно и теперь то же самое... Вотъ буду въ Марьинѣ, такъ заѣду посмотрѣть живъ ли еще.

— Это ужасно! поблѣднѣла Софья Николаевна.

Потомъ всю дорогу она была молчалива и разсѣянно отвѣчала на любезности Крустова, видимо находясь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ. А Вѣра Александровна, хотя говорила и смѣялась, но тоже какъ-то вдругъ приходила въ смущеніе и ни съ того, ни съ сего принималась разспрашивать о больномъ, прерывая совершенно посторонній разговоръ мужчинъ.

Наконецъ Борисъ обратился къ ней съ ядовитымъ вопросомъ:

— А въ самомъ дѣлѣ, неправда ли, очень романическая завязка? Юный незнакомецъ, оригинальная встрѣча въ лѣсу, безпощадный недугъ... Какъ вы находите?

— Да, романическая! сухо отвѣтила ему Вѣра Александровна—и замолчала.

— Надъ такими вещами могутъ издѣваться только люди безъ сердца! вырвалось-было у Сони, но она прикусила губы и тоже сочла лучшимъ промолчать.

— Глупѣйшая страсть къ остроумничанью! подумала она.

VIII.

Благодѣтельные самаряне.

Мировой посредникъ подвезъ нашу компанію къ самому крыльцу желѣзновскаго дома.

— Не зайдете ли хоть на минутку? предложила ему Софья Николаевна, всегда очень вѣжливая.

— Много васъ благодарю. Къ сожалѣнію, я долженъ спѣшить въ Марьино.

Онъ сталъ раскланиваться.

— Пріѣзжайте хоть оттуда чаю напиться, приглашала Вѣра Александровна.

— Никакъ не могу. Я долженъ еще сегодня же поспѣть въ Галкино и въ Махровку. Дѣла пропасть!

— Пожалуйста, пріѣзжайте! будьте добрый!

— Право не могу. Завтра или послѣзавтра — къ вашимъ услугамъ... Ну, до свиданія-съ! Пошелъ!

Кучеръ тронулъ возжами, прикрикнулъ—и тарантасъ скоро исчезъ въ облакахъ пыли. Только *малиновый* звонъ колокольчика еще долго стоялъ въ ушахъ, постепенно замирая.

— Экая досада, мамаша, шепнула Вѣра Александровна. Ничего не узнаемъ. Вотъ еще чучело, право, этотъ Иванъ Алексѣичъ!

Тутъ подошелъ къ ней Борисъ...

— Скажите, пожалуйста, съ чего это вамъ вздумалось накликать визитъ Крустова? Сами же его не любите, скучаете, когда онъ пріѣзжаетъ...

— Ахъ, Господи! Да что вы — исповѣдникъ мой, что ли?

— Не надо быть исповѣдникомъ, чтобъ догадаться! Пококетничать захотѣлось... Хоть онъ и гаденькій, и глупенькій, и не нравится — а все-таки мужчинка. Отчего же мимоходомъ не побѣдить его двумя словами à la Цезарь? Такъ, что ли?

Вѣра Александровна посмотрѣла на него молча.

— Это очень... остроумно! вымолвила она потомъ сквозь зубы.

— Извините, я не пикируюсь остроуміемъ. Ну, а нѣкоторое пониманіе людей имѣю...

— Такъ вы меня поняли?

— Смѣю надѣяться. Или, можетъ быть, вы имѣете претензію быть чѣмъ-то въ родѣ таинственнаго сфинкса?

— Вы меня *на этотъ разъ* поняли?

— Былъ столь дерзокъ.

— Ну, такъ слушайте же: я приглашала Крустова для того, чтобы какъ можно скорѣе узнать, что дѣлается съ Изгоевымъ.

— А!...

Борисъ Николаичъ потерялся.

— Это очень трогательно! Я даже не ожидалъ встрѣтить у васъ столько возвышенныхъ сентиментовъ...

— Неужто не ожидали? Несмотря на ваше тонкое пониманіе людей?

— Мое пониманіе людей вы можете оставить въ покоѣ: я вѣдь и не спорилъ, что вы иногда отлично умѣете въ двухъ зайцевъ однимъ камнемъ попадать... Вы дѣвица тонкая!

— Это ужъ такъ мило, что я считаю лучшимъ прекратить разговоръ.

И Вѣра Александровна, холодно отвернувшись, пошла въ другую комнату.

— Сколько достоинства и величія! бросилъ ей вслѣдъ Борисъ Николаичъ.

Между тѣмъ у Сони были свои планы.

Послѣ обѣда она отвела всторону старшаго брата.

— Какъ ты думаешь, Аня: нельзя ли намъ съѣздить всей компаніей въ Марьино, къ больному? Теперь лошади вернулись изъ Кожинска.

Онъ нахмурился.

— Неприлично, Соня. Съ какой стати вы обѣ, дѣвушки, поѣдете къ незнакомому молодому человѣку, хотя бы онъ и былъ боленъ?

— Какъ тебѣ не стыдно! Неужто изъ-за пустыхъ приличій рисковать жизнью несчастнаго? Мы бы могли послать за докторомъ, посмотрѣть что́ и какъ, устроить надзоръ, сами навѣдывались бы иногда... Кто знаетъ? Можетъ, Изгоева очень легко спасти—а мы допустимъ его умереть, ради какихъ-нибудь глупыхъ приличій... Это ужъ безсовѣстно!

Соня даже покраснѣла отъ волненія.

— Чего ты горячишься! Разумѣется, Изгоеву слѣдуетъ помочь. Но нѣтъ никакой причины безъ надобности давать поводъ къ пересудамъ. Зачѣмъ ѣхать тебѣ и Вѣрѣ Александровнѣ? развѣ мало насъ съ Борисомъ?.. А, кромѣ того — Андрей Николаичъ нахмурился—тифъ заразителенъ.

— Борисъ! крикнулъ онъ. Поди-ка сюда!

— Ну?

Будущій генералъ только-что опять побранился съ Вѣрой Александровной за ея «неумѣстную обидчивость», и потому былъ золъ.

— Вотъ мы рѣшили, что намъ съ тобою нужно съѣздить въ Марьино, провѣдать Изгоева.

— Это ужъ всеконечно моя чувствительная сестрица изобрѣла?

— А по-твоему не слѣдуетъ?

— Полагаю, что такъ! Рисковать заразой—чортъ знаетъ для чего... Да наконецъ, какое право имѣемъ мы совать свой носъ туда, гдѣ насъ никто не спрашиваетъ? По-моему, это даже неделикатно!

— Ты, я вижу, не изъ храбрыхъ! усмѣхнулся Андрей Николаичъ какъ-то криво.

— Каковъ есть!

Соня не выдержала.

— Какъ тебѣ не стыдно, Борисъ! Вѣдь ты все-таки—знакомъ съ Изгоевымъ, слѣдовательно, даже какъ будто обязанъ помочь ему тамъ, гдѣ его окружаютъ только совершенно посторонніе люди.

— Вовсе не такъ хорошо знакомъ, чтобы лѣзть безъ спросу.

— Какой спросъ у человѣка, потерявшаго сознаніе! Если бы Изгоевъ тонулъ, ты, можетъ быть, тоже сначала попросилъ бы позволенія спасти его, а потомъ ужъ бросился въ воду?

— О, пучина остроумія! Софья Николаевна, разъ навсегда я васъ покорнѣйше прошу: не суйтесь вы въ мои дѣла, сдѣлайте мнѣ это великое одолженіе! Я, слава Богу, не глупѣе васъ—можете быть въ этомъ увѣрены — и самъ за себя умѣю думать.

— Ну, нечего дѣлать, придется одному ѣхать, рѣшилъ Андрей Николаичъ.

— Что это: тонкій мнѣ урокъ?

— Я уроковъ не даю.

— А что ты одинъ сдѣлаешь, когда тебя завтра же здѣсь не будетъ? замѣтила Соня. Возьми меня съ собой.

— Ха, ха, ха! разсмѣялся Борисъ. Этого еще не доставало! Какъ мило и прилично!

— А допустить человѣка умереть безъ помощи—прилично? вступился Андрей Николаичъ.

— Да, я-таки осмѣливаюсь полагать — по моему слабому разумѣнію, вѣроятно — что для дѣвицы не совсѣмъ удобно бѣгать въ гости къ молодому холостяку — хотя бы подъ предлогомъ христіанской любви и милосердія.

— Совершенно справедливо. Потому-то я и предложилъ тебѣ ѣхать. Скорѣе намъ, чѣмъ сестрѣ.

— Покорно благодарю-съ! Если за всякую глупость любезнѣйшей сестрицы придется собственной спиной отдуваться—такъ это и спины не хватитъ.

— Поѣдемъ, Соня, вмѣстѣ; пригласи и Вѣру Александровну, коли хочешь. Дѣйствительно, нельзя бросить человѣка въ такомъ положеніи.

— Счастливой дороги!

Однако, когда, черезъ четверть часа наши желѣзновцы усаживались на длинную деревенскую линейку — явился и Борисъ, въ фуражкѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ. Андрей Николаичъ молча и вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Коли дѣлать глупости, такъ ужъ вмѣстѣ! объяснилъ будущій генералъ, какъ-то потупившись.

— Что же ты, поѣдешь?

— Поѣду.

— Въ такомъ случаѣ, дѣвочки, маршъ домой!

— Ненужно Андрей Николаичъ! и мы съ вами! по-дѣтски всплакалась Вѣра Александровна.

— Пустяки! Я все равно не пустилъ бы васъ къ больному, потому что и въ самомъ дѣлѣ можно заразиться.

— Да мы, пожалуй, и не будемъ входить съ вами въ домъ, а погуляемъ покуда въ саду. Марьинскій садъ, говорятъ, чудо какъ хорошъ! Что намъ сдѣлается?

— Пусть ѣдутъ, коли охота! вмѣшался Борисъ.—Въ самомъ дѣлѣ, могутъ покуда садъ осмотрѣть.

— Эхъ, ужъ эти барышни! вездѣ ихъ нужно... Ну, садитесь.

Черезъ двадцать минутъ желѣзновцы шли по сумрачнымъ аллеямъ, дивясь ихъ запущенности и красотѣ. Полуразломанныя или совсѣмъ свалившіяся отъ ветхости скамейки, дорожки на половину поросшія мхомъ и мелкой травой, кучи сухого хвороста по сторонамъ—все вѣяло какимъ-то печальнымъ запустѣніемъ и задумчивой молчаливостью. Напрасно пѣли на всѣ лады неугомонныя птицы; эти хмурыя сосны безмѣрной высоты (посмотрѣть—шапка валится), эти непроницаемо-густые лиственные своды, казалось, обречены были на вѣчную тишь. Желѣзновцы, привыкшіе къ солнечнымъ картинамъ, къ пѣснямъ и живому смѣху—молча, даже съ какимъ-то невольнымъ смущеніемъ торопились черезъ угрюмый садъ, внимательно осматриваясь по сторонамъ.

— Здѣсь точно въ церкви: заговорить боишься! улыбнулась Соня.

Въ отвѣтъ ей вдругъ раздались полные аккорды величественно-мрачной, но превосходной музыки.

— Что это? вздрогнули всѣ разомъ и остановились на мѣстѣ, точно вкопанные.

— Marche funèbre, изъ третьей симфоніи Бетховена! прошептала Соня.

Незамѣтно подошли они почти къ самому дому, который до послѣдней минуты былъ совершенно скрытъ деревьями. Еще нѣсколько осторожныхъ, нерѣшительныхъ шаговъ, и они очутились въ палисадникѣ, подъ окнами.

Кто-то съ глубочайшимъ пониманіемъ игралъ превосходный маршъ: звуки лились, точно каждый изъ нихъ былъ живымъ словомъ, вырваннымъ прямо отъ сердца; холоднымъ ужасомъ щемили душу тяжелые ходы басовъ въ аккомпаниментѣ лѣвой руки, безсильной жалобой и горькими рыданіями стонала тема правой... Но не печалью, а благоговѣйнымъ трепетомъ лились

въ душу эти дивные звуки, потому что вѣяло отъ нихъ грустью непостижимою, безконечною, не отъ міра сего. Такъ добрые духи могли бы пѣть окончательную побѣду зла; такъ осиротѣвшій ангелъ могъ бы думать, сидя на развалинахъ мірозданія...

— Кто тамъ забавляется? прошепталъ Борисъ. Ужъ не посредникъ ли, чего добраго?

— Куда ему! очень наивно воскликнула Вѣра Александровна.

— Вотъ тебѣ разъ! Отчего же куда ему? Вы-то почемъ знаете, барышня?

— Развѣ онъ способенъ!

— Вы-то почемъ же знаете?

— Да это видно.

— Изумительный даръ проницательности! По лицу угадываютъ, обучался ли субъектъ музыкѣ!

«Въ самомъ дѣлѣ, *такъ* можетъ играть только человѣкъ, не совсѣмъ обыкновенный», подумалось Сонѣ.

— Не докторъ ли? предположилъ Андрей Николаичъ.

— Пожалуй, и докторъ, согласился Борисъ. Можетъ быть, воздаетъ послѣдній долгъ своему бывшему паціенту.

— Вотъ! содрогнулась Соня.

Вѣра Александровна, въ смущеніи, невольно перекрестилась. Мысль о смерти охватила ее какъ-то съ особенной силой: вообразились ей на столѣ подъ бѣлой простыней зловѣщія формы длиннаго, неподвижнаго тѣла и застывшія, серьезныя черты памятнаго лица, которое еще недавно было такъ живо и жолчно насмѣшливо.

— Господи помилуй! прошептала она, крестясь.

Между тѣмъ послѣдніе аккорды замерли, почти въ тотъ же мигъ кто-то толкнулъ дверь балкона, и въ ней появился—самъ Изгоевъ.

Произошла нѣмая, но довольно забавная сцена.

Изгоевъ такъ и остался въ дверяхъ съ полуоткрытымъ ртомъ, очевидно озадаченный. Желѣзновцы смутились, нелѣпо попятились назадъ—никто изъ нихъ не ожидалъ такой штуки—и потомъ разомъ посмотрѣли на Бориса, точно говоря: «Выручай! Ты вѣдь знакомъ съ нимъ!» Борисъ дѣйствительно, конфузливо и съ протянутой рукой, двинулся къ балкону.

— Евгеній Сергѣичъ, вы меня не узнаете?

— Извините... нерѣшительно отвѣтилъ тотъ, взявши протянутую руку и внимательно всматриваясь въ лицо.

— Я имѣлъ удовольствіе встрѣчать васъ у Кротова.

— А! очень пріятно...

Тутъ выступилъ впередъ Андрей Николаичъ, какъ-то нахмурившись и вмѣстѣ съ улыбкой.

— Позвольте! началъ онъ. Мы всѣ, кажется, находимся въ довольно комичномъ положеніи, и слѣдовательно чѣмъ скорѣе оно распутается, тѣмъ лучше для обѣихъ сторонъ. Мы ваши ближайшіе сосѣди — Смуровы, изъ Желѣзновки. Сегодня утромъ мировой посредникъ Крустовъ увѣрилъ насъ, будто вы больны тифомъ, лежите въ безпамятствѣ, и за вами даже присмотрѣть некому. Поэтому мы позволили себѣ навѣдаться къ вамъ и, если можно, чѣмъ-нибудь помочь... Очень радъ видѣть, что тревога — ложная... Затѣмъ, кажется, остается только попросить у васъ извиненія, и...

— Нѣтъ! нѣтъ! сбѣжалъ съ балкона Изгоевъ. Такъ какъ ужъ вы пожаловали, то дайте мнѣ время поблагодарить васъ. Не смѣю приглашать въ домъ: онъ почти развалился; но садъ, кажется, не дурной — и можетъ быть, вы согласитесь выпить стаканъ чаю на воздухѣ.

Андрей Николаичъ замялся, придумывая вѣжливый отказъ; дѣвушки молчали.

— Я сейчасъ распоряжусь! поторопился Изгоевъ.

— Марѳа! крикнулъ онъ какой-то бабѣ, проходившей мимо. Подай, пожалуйста, самоваръ въ бесѣдку; поскорѣе! Угодно вамъ пока пройтись по саду? А Крустовъ сказалъ правду; только свѣдѣнія его были не совсѣмъ современны: я уже второй день поднялся съ постели.

— И выходите на воздухъ безъ всякихъ предосторожностей?

— Не люблю беречься.

— Право совѣстно безпокоить васъ, когда вы еще не вполнѣ успѣли оправиться; и поэтому...

— Помилуйте, всякій выздоравливающій прежде всего радъ обществу. Притомъ же — Евгеній Сергѣичъ улыбнулся — признаюсь, мнѣ крайне любопытно поближе взглянуть на добродѣтель, которую я считалъ уже невозможною въ нашъ вѣкъ, чѣмъ-то въ родѣ ископаемаго ихтіозавра.

— Какая же это добродѣтель, если можно спросить? Отъ какого изъ допотопныхъ праведниковъ происходимъ мы по прямой линіи?

— Отъ благодѣтельнаго самарянина.

— Ну, это слишкомъ много чести! Подобные намъ самаряне — еще не рѣдкость.

— Да! для дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ и кавалеровъ, капиталистовъ, значительныхъ землевладѣльцевъ, князей, графовъ и иныхъ знатныхъ въ Россійской Имперіи особъ — мо-

жетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не рѣдкость. Но для меня—цѣлое чудище!

— Неужто всѣ добрые люди васъ до такой степени избѣгаютъ? не безъ лукавства спросила Вѣра Александровна.

Соня украдкой, но укоризненно покачала ей головой. А Евгеній Сергѣичъ весь встрепенулся, какъ боевой конь при звукѣ трубы: глаза его весело блеснули, на губахъ мелькнула тонкая и очень пріятная улыбка.

— Такая ужъ судьба! обратился онъ къ Вѣрѣ Александровнѣ. Но я еще не теряю надежды заслужить вашу благосклонность.

— Нѣтъ: я добрая! отвѣтила она очень наивно, и заставила всѣхъ расхохотаться.

— Какое несчастье! со вздохомъ воскликнулъ Евгеній Сергѣичъ.

— Ты зачѣмъ опять скокетничала? шепнула Соня Вѣрѣ Александровнѣ, обнимая ее рукой за талію.

— Право, мамаша, иной разъ нельзя удержаться: словно тебя кто подталкиваетъ.

— Дрянь ты, дочка, вотъ что!

Но глаза Сони говорили совсѣмъ другое.

— Чудо какая миленькая! сознавалась она въ душѣ, любуясь пріятельницей.

— Однако позвольте, Евгеній Сергѣичъ! замѣтилъ Борисъ. Вы, кажется, сказали что-то ужъ совсѣмъ неправдоподобное. Знатность и могущество, сколько я могу понять, возбуждаютъ въ человѣкѣ зависть, слѣдовательно нѣкоторое злорадство, а никакъ не доброту или въ особенности состраданіе. Состраданіе напротивъ проявляется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ничтожнѣе и безпомощнѣе субъектъ, на который оно обращено, и чѣмъ глубже его несчастіе.

— Это легко пояснить фактами изъ житейской практики, холодно отвѣчалъ Изгоевъ. — Предположимъ, напримѣръ, что изящная, тысячная коляска натыкается на человѣка, который безжизненной массой лежитъ ей поперегъ дороги. Кучеръ круто осадилъ рысаковъ, лакей соскакиваетъ съ козелъ и, послѣ быстраго осмотра, доноситъ, что субъектъ живъ, но находится *въ безчувствіи*... Какъ поступитъ тогда благодѣтельный самарянинъ въ коляскѣ?... Если найденный субъектъ одѣтъ въ тонкое сукно изящнаго покроя—его бережно, словно нѣкій сосудъ драгоцѣнный, переносятъ на бархатныя подушки тысячнаго экипажа; а случись въ коляскѣ самарянка, и буде *несчастный* хоть сколько-нибудь моложе пятидесяти пяти лѣтъ и сохранилъ хоть по-

ловину провалившагося носа — его находятъ неизмѣримо интереснымъ, ему расточаются самыя нѣжныя заботы... Если же субъектъ въ простой сермягѣ,—*пьянаго* приказываютъ оттащить всторону отъ дороги; или, въ лучшемъ случаѣ — когда сермяга ужъ слишкомъ очевидно не пьяная, а больная,—ее примостятъ какъ-нибудь на козлахъ и сваливаютъ въ ближайшемъ селеніи, къ первому попавшемуся мужику... «Ужасно невѣжественъ у насъ этотъ простой народъ!» замѣчаетъ потомъ самарянинъ съ брезгливымъ неудовольствіемъ:—«Лѣзетъ, свинья, больной на дорогу!»

— Богъ знаетъ, что вы придумали...

— Примѣръ второй, также невозмутимо продолжалъ Изгоевъ.—Весь городъ А въ волненіи (понимай: триста человѣкъ привилегированныхъ тунеядцевъ среди пятидесяти тысячъ рабочихъ людей). Умеръ предсѣдатель Б, который много бралъ взятокъ, но любилъ жить хорошо, славился хлѣбосольствомъ, и потому оставилъ семью въ бѣдности. Три дочки милыя, хорошенькія, образованныя... Представьте себѣ ихъ положеніе! Онѣ на ворованныя деньги привыкли къ высшимъ потребностямъ, онѣ любятъ носить шелкъ и бархатъ, ѣздить въ каретахъ; Ниночка не выноситъ полотнянаго бѣлья подъ страхомъ мигрени, она нервная, и потому ей нуженъ батистъ... И что же! папа оставилъ только пенсію въ полторы тысячи рублей, да еще тамъ кое-какія крохи, о которыхъ и говорить не стоитъ... Весь городъ А въ волненіи! Губернаторъ В приказалъ нѣкоему законнику выдумать предлогъ, въ силу котораго можно бы было прилично хлопотать о прибавкѣ пенсіи. Извѣстный богачъ и добрякъ Г разсуждаетъ о томъ, какъ-бы поделикатнѣе вручить сиротамъ значительное вспомоществованіе... Предположимъ теперь, что въ томъ же городѣ А существуетъ вдова Анисья, баба лѣтъ тридцати, со слѣпой матерью и четырьмя дѣтьми малъ-мала меньше, и что эта Анисья рѣшилась протянуть руку за грошовой милостыней къ тѣмъ же господамъ В и Г... Какъ, думаете вы, поступятъ тогда благодѣтельные самаряне? «Стыдись, матушка!» скажутъ они ей съ благороднымъ негодованіемъ: «Такая здоровая, а побираешься. Работать ступай!» Такъ оправдывается извѣстный нравственный максимъ, который мы еще дѣтямъ внушаемъ: *богатъ не богатый, а тотъ, кто не имѣетъ большихъ потребностей*; другими словами, милыя дѣти, богата Анисья съ семействомъ... Однако, не угодно ли вамъ повернуть въ эту аллею? Тутъ, кажется, лучшая часть сада.

— Вашъ садъ очень хорошъ! замѣтилъ Изгоеву Андрей

Николаичъ съ легкой улыбкой.—Только онъ... въ родѣ вашихъ разсказовъ: немного мраченъ.

— Да! подхватилъ Борисъ.—Я увѣренъ, что наши барышни, при такой обстановкѣ, хоть сейчасъ готовы сдѣлать изъ васъ юнаго героя и присочинить прелестную дѣву, трехъ злодѣевъ, пару таинственныхъ незнакомцевъ и по крайней мѣрѣ одно привидѣніе въ бѣломъ, съ кровавымъ рубцомъ на шеѣ.

— Вы такъ любите романы? сказалъ, улыбаясь дамамъ, Евгеній Сергѣичъ.

— Только хорошіе, безъ незнакомцевъ и привидѣній.

— А меня право удивляетъ, какъ это наши сказочники, даже самые лучшіе, до сихъ поръ не опротивѣли публикѣ.

— Почему же?

— Потому что самый восхитительный мотивъ, если постоянно тянуть одно и тоже, наконецъ становится невыносимымъ; а тѣмъ болѣе вѣчное повтореніе фальшивыхъ аккордовъ.

— Я не понимаю...

— Развѣ всѣ наши такъ-называемые романы не представляютъ разнообразныхъ и часто очень пошлыхъ варіацій на одну извѣстную тему? Любовь, любовь, любовь — затвердила сорока Якова одно про всякаго!

— Но все-таки любовь — не фальшивый аккордъ.

— Ну, назовемъ ее неразрѣшеннымъ диссонансомъ, если угодно. Это вѣжливѣе.

— Вы не вѣрите въ любовь? замѣтила Соня нѣсколько насмѣшливо.

— Парадоксъ не блистательный—но старый! ввернула Вѣра Александровна.—Впрочемъ вы такъ хорошо доказываете, что я желала бы послушать его развитіе.

— Нѣтъ, ужъ увольте! Я такъ испуганъ всеобщимъ неодобреніемъ, что навсегда обязываюсь преклоняться передъ богомъ любви.

— Полноте! Стали говорить, такъ ужъ говорите. Это не хорошо, трусить!

— Ну, извольте-съ. Только, предваряю васъ, я въ сущности совершенно согласенъ съ вами: я тоже вѣрю въ любовь. Да и какъ не вѣрить! Противъ факта, какъ и противъ рожна, не попрешь; а мнѣ слишкомъ часто доводилось видѣть, какъ нѣкоторый благородный россійскій дворянинъ, или иного званія высокообразованная особа воспылаетъ въ своихъ чувствахъ къ дѣвицѣ такой-то. Прежде всего спѣшитъ оный дворянинъ уяснить себѣ: возможно ли довести дѣло до свадьбы, или слѣдуетъ ограничиться однимъ нѣжнымъ вниманіемъ да галантерейностью

въ обхожденіи, ради торжествующаго самолюбія и пріятнаго щекотанія крови. А затѣмъ ужъ идетъ настоящая любовь по всѣмъ правиламъ искусства: дворянинъ вздыхаетъ, мучится, даже, пожалуй, плачетъ по ночамъ, если очень юнъ... Нѣкоторые изъ такихъ влюбленныхъ—то-есть, именно тѣ, которымъ ужъ совершенно нечего дѣлать на свѣтѣ, и которые ни на что другое окончательно неспособны — увлекаясь ролью, дѣлаются настоящими героями: любятъ годъ, два, носятъ отчаяніе въ сердце, няньчатся съ своимъ чувствомъ, считаютъ себя высшими натурами, и наконецъ — меланхолически пообѣдавши на мужицкія деньги въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ — пускаютъ себѣ пулю въ лобъ, не хуже любого изъ прославленныхъ героевъ литературы. А любимая особа—жертва родительской непреклонности — долго потомъ плачетъ-разливается въ печальномъ уединеніи или передъ довѣрчивой подругой, ѣдетъ на балъ, блѣдная, грустная, и единственно по волѣ жестокихъ виновниковъ своего существованія (причемъ однако не забываетъ машинально, но очень къ лицу нарядиться въ полувоздушныя тряпки, стоимостью равныя десятку мужицкихъ тулуповъ) — и вообще до восторга, до упоенія счастлива «своимъ ужаснымъ несчастіемъ»... Собачья комедія не дурна!... Такъ бываетъ въ дѣйствительной жизни. А въ романѣ авторъ, какъ господинъ тонкаго ума и ex-officio наблюдатель человѣческой природы — выставляетъ влюбленныхъ за такія заслуги людьми, далеко превышающими общій уровень развитія, исключительными и поэтическими явленіями....

— Вы ругаетесь однако надъ одною изъ самыхъ высокихъ особенностей человѣка! замѣтилъ Андрей Николаичъ. — Отвергать любовь вообще, надѣюсь, невозможно: на каждомъ шагу вы встрѣтите любовь къ матери, къ брату, къ сыну... Какъ же вы не хотите допустить такого же чувства къ тому или къ той, которые дали или дадутъ намъ этого сына?

— Можетъ быть, вы правы! какъ-то уныло и уже съ утомленіемъ отвѣчалъ Изгоевъ. — Но вѣдь мы говорили о романистахъ; а чувство любви во всякомъ случаѣ рѣдкое, исключительное, слѣдовательно никакъ не можетъ быть основою всѣхъ романовъ. Читаешь нашихъ великихъ сердцевѣдовъ, подумаешь право, что весь міръ только и населенъ обожающими другъ друга голубками!... Притомъ же, скажите по совѣсти, часто ли встрѣчали вы въ жизни глубокую, искреннюю привязанность къ роднымъ и близкимъ по крови? Не гораздо ли чаще попадаются люди, у которыхъ есть только поверхностное, напускное чувство — до первой, даже незначительной жертвы — и то потому,

что эти люди говорятъ себѣ: это *моя* мать, это *мой* братъ, это *мое* дитя—слѣдовательно (подразумѣвается) они лучше другихъ, и достойнѣе, и болѣе заслуживаютъ любви.

— Богъ съ вами! Что это вы говорите?

— Доказательства легко найти. Замѣтили ли вы, какъ рѣдко кто-нибудь любитъ своихъ родныхъ такъ, какъ они есть, со всѣми ихъ хорошими и дурными сторонами? Обыкновенно самый тонкій умъ, самый безпощадный наблюдатель, если привязанъ къ сыну или брату, то вмѣстѣ съ тѣмъ ослѣпленъ на счетъ ихъ достоинства, хотя безъ всякаго сомнѣнія имѣлъ полнѣйшую возможность узнать имъ настоящую цѣну. Слѣдовательно, опять-таки: *мой* братъ, *мой* сынъ! Обращаюсь къ вашей собственной совѣсти: не случалось ли вамъ очень легко оправдывать, иногда даже общими мѣстами, или просто выбросить изъ памяти такой поступокъ одного изъ вашихъ, который въ извѣстномъ отношеніи послужилъ бы вамъ мѣркой при оцѣнкѣ посторонняго?

«Онъ правъ!» блеснуло у Сони, которая какъ-то невольно вспомнила свои разсужденія о *молодости* и *глупыхъ привычкахъ* Бориса.

— Впрочемъ — опять повеселѣлъ Изгоевъ — я совершенно готовъ вѣрить въ любовь, если найду у таковой двѣсти тысячъ приданаго, и въ дружбу — если родственная мнѣ душа глуповата, слѣдовательно съ успѣхомъ можетъ проплясать подъ дружескую дудочку... А пока не повернуть ли намъ къ бесѣдкѣ? Можетъ быть, самоваръ уже готовъ.

— Будто кромѣ двухъсотъ тысячъ вамъ такъ ничего и не нужно отъ любви? спросила Вѣра Александровна.

— А вы не собираетесь ли меня сосватать? Вотъ ужъ былъ бы я благодаренъ — «по гробъ жизни!»

— Кто-жъ знаетъ, какихъ вамъ угодно невѣстъ!

— Съ приданымъ въ двѣсти тысячъ.

— А еще?

— Какъ, еще?... Юная незнакомка! съ комическимъ отчаяніемъ развелъ руками Изгоевъ. — Да вы хорошо ли понимаете, что такое: *двѣ-сти ты-сячъ?* Вѣдь это главный выигрышъ въ лотереѣ внутренняго пятипроцентнаго займа, не только супружества!

— Кушъ значительный!

— Еще бы! Когда же вы меня посватаете?

— Ну, сватать-то я не берусь.

— Вотъ тебѣ и разъ! Знаете, это немножко напоминаетъ извѣстный разговоръ на улицѣ.—«Эй, малый! Гдѣ здѣсь живетъ

полковница Чиковская?» — Какая полковница? Авдотья Павловна, что ли? — «Ну, да, да!» — Это что по монастырямъ-то все ѣздитъ? — «Она самая!» — Еще въ прошломъ году дочь выдала замужъ? — «Ну, да! Гдѣ же?» — А этого, милый человѣкъ, не могу тебѣ сказать, потому — самъ не знаю. Не случилось спросить. — Юная незнакомка! Вы всегда такъ интересно разговариваете?

— Якъ до чоловiка.

— Покорно васъ благодарю!

Самоваръ въ самомъ дѣлѣ былъ уже поданъ, и Соня взялась разливать чай.

— За что же вы меня-то обошли? жалостно обратился къ ней Евгеній Сергѣичъ.

— А развѣ вы станете пить?

— Помилуйте! большое пристрастіе имѣю.

Соня налила стаканъ.

— Позвольте вамъ сдѣлать маленькое замѣчаніе, Евгеній Сергѣичъ... сказала она съ застѣнчивой нерѣшимостью, передавая чай.

— Тысячу, если вы будете такъ добры!

— Пить горячее на воздухѣ, кажется, не совсѣмъ безопасно послѣ болѣзни... Это даже очень большой рискъ.

— Не всегда! вырвалось у Изгоева.

Но онъ взглянулъ на огорченное лицо Сони, и молча отодвинулъ стаканъ.

— Есть же добрые люди! мелькнуло у него въ головѣ. — Что я для нея?

И теплое чувство какъ-то вдругъ волной прихлынуло къ его сердцу.

— Право, есть добрые, хорошіе люди! задумался Евгеній Сергѣичъ. — Только имъ же оттого скверно. А міръ не исправишь... Все сволочь, сволочь кругомъ... И она скоро дрянью сдѣлается... Сколько ни борись — потокъ унесетъ! Тутъ ужъ нельзя устоять... Можетъ, и я былъ бы порядочнымъ человѣкомъ... Жаль тебя, бѣдняжка, коли ты въ самомъ дѣлѣ хорошая!

И Евгеній Сергѣичъ, задумавшись, пристально всматривался въ лицо Сони, такъ что она наконецъ покраснѣла и наклонила голову. Это заставило его опомниться, тѣмъ болѣе, что Вѣра Александровна съ другой стороны опять принялась за свои поддразниванья. Не даромъ добрая Настасья Андреевна называла ее *подвѣзжалой барышней*. «Ужъ эта Вѣра Александровна!» говорила она со своей неизмѣнной любовной добротой: «ко всякому забѣжитъ, всякому понравится!»

— Послушайте, мрачный гонитель любви и дружбы! Вы ужъ, чего добраго, не презираете ли жизнь?

— Откуда вы это взяли?

— Да вотъ, чаи распиваете на воздухѣ... Коли не боитесь опять заболѣть, стоило ли выздоравливать? Ужъ лучше сразу себя прикончить!

— Но вѣдь я не пью... А жизнь моя, должно быть, еще нужна на что-нибудь Провидѣнію.

— Ого, какъ громко! Это вы изъ чего же заключаете?

— Изъ того, что за все время болѣзни ко мнѣ только одинъ разъ пріѣзжалъ докторъ, и то изъ плохенькихъ.

— Какъ! Вы и въ медицину не вѣрите?

— Не вѣрю! улыбнулся Изгоевъ.

— Ни въ любовь, ни въ дружбу, ни въ науку!... Теперь позвольте и мнѣ спросить васъ...

— Во что я...?

— Нѣтъ, не про то! Я только хотѣла спросить....

Не слѣдуетъ ли мнѣ и сегодня взять холодную ванну?

Соня улыбнулась, Борисъ захохоталъ, а Андрей Николаичъ посмотрѣлъ на всѣхъ съ крайнимъ недоумѣніемъ.

— Кстати, прекрасная *ex*-русалка! продолжалъ Изгоевъ серьезнымъ тономъ.—Позвольте мнѣ теперь извиниться передъ вами въ моей непростительной грубости и глупости.

— Напротивъ! съ сердечнымъ порывомъ отвѣчала ему Вѣра Александровна.—Я вамъ очень, очень благодарна!

— Мнѣ? За что? совершенно озадачился Изгоевъ.

— За то, что вы были такъ добры со мной, и такъ мало меня обидѣли.

Соня съ улыбкой покачала головой.

— Вы смѣетесь...

— Нисколько! Я потомъ прекрасно поняла, что всякій другой на вашемъ мѣстѣ обошелся бы со мной гораздо хуже, что вы были очень, очень добры! Благодарю васъ!

И Вѣра Александровна протянула руку.

— Да наконецъ объясните, пожалуйста, что все это значитъ? воскликнулъ Андрей Николаичъ, очень изумленный.

— Извольте-съ! весело отвѣтилъ Изгоевъ, и самымъ забавнымъ образомъ описалъ извѣстную сцену въ лѣсу, совершенно неожиданно выставивъ себя въ наиболѣе комическомъ положеніи.

— Нѣтъ, госпожа *ex*-русалка! воскликнулъ Андрей Николаичъ, прослушавъ разсказъ.—Послѣ этого, я рѣшительно отказы-

ваюсь отъ родства съ такой эксцентричной особой, какъ вы, и спѣшу поправить свою ошибку. Этакъ совсѣмъ скомпрометтируешься! Сію невѣроятную дѣвицу—обратился онъ къ Изгоеву—я только для краткости причислилъ тогда къ Смуровымъ; а настоящее ея имя—Вѣра Александровна Траумъ; и прошу васъ вѣрить, что въ нашей семьѣ нѣтъ людей, такъ мало знакомыхъ съ обычаями порядочнаго общества.

— Ахъ, вы, порядочный! съ истиннымъ негодованіемъ воскликнула Вѣра Александровна. — Ужъ кто бы другой говорилъ! А то ввалится въ гостинную, точно тюлень; неловкій, грубый, не то молчитъ словно бука, не то дамѣ въ глаза скажетъ: *вы врете!* или подобную любезность; на кресло сѣсть порядочно не умѣетъ, и туда же!...

— Кто? Я-то не умѣю?

— Вы-то!

Андрей Николаичъ разстегнулъ сюртукъ и жестомъ, исполненнымъ достоинства, указалъ себѣ на грудь.

— Видите?

— Ну, что же?

— Жилетъ!

— Ну?

— Изъ англійской матеріи и по послѣдней модѣ. Восемь рублей. У перваго портного.

— Ха-ха-ха! Вотъ доказательство!

— Разумѣйте, языцы, и покоряйтеся! съ убѣжденіемъ произнесъ Андрей Николаичъ, и такъ же величественно застегнулся.

— Есть же веселые люди! подумалъ и вмѣстѣ позавидовалъ Изгоевъ. Удивительное право дѣло!

— Нѣтъ, вы лучше разскажите, свѣтскій вы человѣкъ, что вы у Чуртасовой надѣлали! Какъ вы ее разобидѣли?

— Чуртасова — дама необразованная. А я въ Москвѣ бывалъ! И даже очень хорошо принятъ тамъ у купца второй гильдіи, Шестипалина, съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось надуть меня сразу на пятьсотъ рублей.

Между тѣмъ чай былъ выпитъ, и даже самоваръ цогасъ. Андрей Николаичъ первый поднялся съ мѣста.

— Ну, messieurs et mesdames, не пора ли домой?

— Ахъ ты, Господи! Вы нынче и по-французски разговариваете! всплеснула руками Вѣра Александровна.

— Нѣтъ, ужъ въ этомъ отношеніи—je vous cède *le* place!

— Да вы, кажется, острите? Ну, это передъ дождемъ! рѣшила она съ убѣжденіемъ.

— Ха-ха-ха!

— Скажите, пожалуйста, вырвалось у Изгоева, который сидѣлъ задумавшись: неужто и въ самомъ дѣлѣ вы всѣ — добрые люди?

— Вотъ вопросъ! удивилась Вѣра Александровна.

— Очень глупый! спохватился Изгоевъ, улыбаясь. Но онъ какъ-то самъ собою сказался.... Да и немудрено! Встрѣтить сразу столько добрыхъ людей — это хоть кого озадачитъ; это даже нарушаетъ общественное благоустройство и безопасность, потому что послѣ этого никакіе разсчеты невозможны и никакой предусмотрительности не хватитъ.

Всѣ неловко помолчали.

— Ну! шутливо нашелся Андрей Николаичъ. Коли такъ, и подавно слѣдуетъ убираться. Прежде я только ради окуней торопилъ, а теперь даже скромность повелѣваетъ. Застыдимся и уйдемъ!

— Ради какихъ окуней? спросилъ Борисъ.

— Собираюсь удить подъ мельницей.

— И я съ тобой.

— Тѣмъ лучше.

Андрей Николаичъ подошелъ къ Изгоеву и протянулъ руку.

— Еще разъ извините, Евгеній Сергѣичъ, наше нашествіе...

— Давно ужъ никого не благодарилъ я такъ искренно, какъ благодарю теперь васъ за это «нашествіе»! тепло возразилъ Изгоевъ.

И компанія, послѣ обычныхъ церемоній, тронулась въ путь.

— Счастливые люди! подумалъ имъ вслѣдъ Изгоевъ. Пришли вмѣстѣ, ушли вмѣстѣ — добры, веселы, довольны, другъ друга любятъ.... А ты вотъ посиди одинъ.... Можешь, пожалуй, тоже о *своихъ* друзьяхъ, о *своемъ* прошломъ думать—коли есть охота повѣситься... Да! Посиди одинъ—и презирай вволю людей, людское мнѣніе, людскіе интересы.... Все, молъ, сволочь!.... Нѣтъ, братъ! вотъ эти, что сейчасъ ушли — не сволочь, даромъ что высокихъ мыслей, можетъ быть, не имѣютъ, и о судьбахъ человѣчества не разсуждали.... Ты кому помогъ своими разсужденіями? Отъ тебя какой толкъ?... Смирись, Изгоевъ! Вотъ эти простые люди—развѣ они не лучше тебя? Что въ твоихъ, положимъ, иногда и въ самомъ дѣлѣ высокихъ порывахъ? Самъ-то ты—не первая ли сволочь, при всемъ этомъ? Можетъ быть, они не съумѣютъ понять тебя, не въ силахъ услѣдить за широ-

кими размахами твоего дѣйствительно не совсѣмъ обыкновеннаго ума... А чортъ ли въ немъ, въ твоемъ умѣ? Самъ ты увѣренъ, что ли, въ его непогрѣшимости?... А если даже ты и правъ—что въ этомъ? зачѣмъ твоя правда? кому отъ нея польза? Съумѣлъ ли ты сдѣлать кого-нибудь, или хоть самого себя, счастливымъ, какъ вонъ эти? Не старался ли ты убѣжать отъ своей собственной особы, забыться въ любви, въ дружбѣ, въ наслажденіи будничными интересами и будничною жизнью? Только когда тебя вездѣ оттолкнули, вездѣ дали щелчокъ по носу, когда не осталось ничего кромѣ холода, безсилія, да невыносимой тоски, когда ты самъ себѣ гадокъ, противенъ, и не знаешь, почему до сихъ поръ не повѣсился— тогда ты прямо въ глаза посмотрѣлъ своему *ничто*, спокойно принялъ его... И все же рядомъ стоитъ *сомнѣніе!* Да, это сомнѣніе считаю я величайшимъ торжествомъ своего ума. Есть мысль, есть догадка, которую уже я не въ силахъ и не успѣю разобрать, какъ слѣдуетъ — но мнѣ хотѣлось бы передать ее міру... Хотѣлось бы мнѣ тоже сказать два слова нашей чудоюдо Россіи, нашему море-народу... Странныхъ противорѣчій исполненъ человѣкъ! Я почти отчаяваюсь въ человѣчествѣ — и страстно люблю Россію. Я вижу, какъ безполезенъ мой грозный умъ, какъ даже онъ жестокъ и гибеленъ для меня лично —а все-таки привязанъ къ нему съ какою-то горячею нѣжностью. Это былъ умъ не повседневный, можетъ быть даже великій! Для него не существовало трудностей или недоступныхъ высотъ въ области человѣческаго знанія: все падало, все раскрывалось, все ползало у ногъ его съ покорнымъ трепетомъ.... И неужели этотъ дивный механизмъ такъ и пройдетъ безслѣдно? Нѣтъ! Мнѣ хотѣлось бы передъ смертью грянуть въ міръ громовымъ словомъ, напугать и удивить эти жалкіе умишки, которые тамъ самодовольно копошатся въ тинѣ, блеснуть ослѣпительнымъ метеоромъ, освѣтить недоступныя бездны, скрытыя въ тучахъ вершины—и исчезнуть... А зачѣмъ? Все еще остались во мнѣ человѣческія слабости! Вотъ тщеславіе... Только врядъ ли удастся эта послѣдняя затѣя: сила уходитъ, охоты мало, да и мозгъ, кажется, слабѣетъ... Портится хорошенькая игрушка!.. Если докторъ не вретъ, если это въ самомъ дѣлѣ начало физической болѣзни, а не просто результатъ усталости и упадка — ну, значитъ, конецъ! Да что-жъ, и слава Богу! Чего еще ждать? не все ли равно... Да! подкузьмила меня жизнь, славно подкузьмила! Милое прошлое...

Евгеній Сергѣичъ улыбнулся какъ-то очень горько и вмѣстѣ добродушно: онъ весь погрузился въ воспоминанія; цѣлый рядъ

событій и лицъ вставалъ передъ нимъ длинной панорамой.... Подобно старикамъ, онъ чаще жилъ въ прошедшемъ, чѣмъ въ настоящемъ или будущемъ.

Но понемногу Изгоевъ уставалъ думать: его стали развлекать и перелетъ го́рленки, и розовые отблески вечерѣющаго неба, и далекое мычаніе стада, гонимаго съ полей.... Потомъ мысли его обратились на впечатлѣнія дня.

— Оригинальная дѣвушка! сказалъ онъ и улыбнулся воспоминанію объ Вѣрѣ Александровнѣ. А милая, славная... Вѣдь вотъ, насмотрѣлась же она на людей довольно, для того, чтобы благодарить человѣка, который ее *не слишкомъ обидѣлъ!* А сама она конечно добровольно никого не обидитъ... Какъ же могутъ уживаться въ ея куриной головкѣ такія противорѣчія? Какъ она не озлилась, не сдѣлала никакихъ выводовъ? Счастливица, право! Блаженны простые сердцемъ...

А въ Желѣзновкѣ очень интересовались личностью Изгоева. Софья Николаевна, ложась спать, долго о немъ размышляла, стараясь вывести какое-нибудь правдоподобное заключеніе.

— Странный человѣкъ! думалось ей. Рисуется онъ, что ли? Это было бы ужъ слишкомъ пошло для такого умника! Или онъ крайній матеріалистъ, прозаикъ? Впрочемъ нѣтъ: матеріалисты *не такъ* смѣются надъ чувствомъ. А бетховенскій Marche funèbre — вѣдь это чудо глубины и пониманія. Можетъ быть, онъ обозлился? Да нѣтъ, и то едвали: раза два я подмѣтила такой добрый, такой ласковый взглядъ.... А зачѣмъ онъ рискуетъ жизнью? Вѣдь это дѣйствительный рискъ, и ужъ очевидно искренній, безъ всякаго разсчета на эффектъ. А еще, говорятъ, выздоравливающіе такъ рвутся къ жизни, такъ она имъ дорога и мила... Вѣрно не посчастливилось ему!... Интересно бы узнать, чего подобный человѣкъ могъ добиваться?... *Подобный!* спохватилась Соня. Да какой же онъ человѣкъ? развѣ я знаю?... А странное дѣло, я просто готова бы была побиться объ закладъ, что онъ—не скверный, не подлый, что это только сплетни. Очень лежитъ у меня къ нему сердце; мнѣ нравится его лицо, его голосъ... особенно голосъ.

На Андрея Николаича Изгоевская теорія любви мало подѣйствовала. Онъ тоже разсуждалъ на сонъ грядущій—но разсуждалъ слѣдующимъ образомъ:

— Надо будетъ сойтись съ Петровымъ, условія хороши.... Чортъ знаетъ, сколько еще работы прибавится! Ну, нечего дѣлать! Я уже выростаю изъ ребятъ; пора имѣть какія-нибудь

средства собственно для себя. Мало ли что́ можетъ случиться... Я могу наконецъ полюбить кого-нибудь... И неужто въ такомъ случаѣ счастіе промѣнять на лѣнь! Нѣтъ, лучше поработаю еще —авось руки не отвалятся. Лѣтъ черезъ десять, пятнадцать, можетъ быть, удастся завоевать себѣ независимое положеніе — тогда будетъ законный отдыхъ, тихое, свѣтлое счастіе.... Здоровье, пожалуй, опять подгадитъ; вотъ это скверно!... Ну, что же дѣлать? Одинъ живетъ на счетъ капитала, другой на счетъ знанія, третій на счетъ таланта; а коли ничего нѣтъ — такъ приходится самого себя по немножку мѣнять. Тутъ ужъ ничего не выдумаешь, даромъ-то жизнь и счастье не даются.... Чортъ знаетъ! Кажется, ужъ скроенъ я не ладно: образина такая — всѣхъ святыхъ вонъ понеси; а сшитъ тоже не довольно крѣпко. Это вѣдь гнусность со стороны природы! сказалъ, самъ себѣ улыбаясь, Андрей Николаичъ—и понемногу сталъ засыпать.

Сначала у него какъ-то безтолково рябили въ глазахъ всевозможные грибы: и бѣлые, и подосиновики, и сыроѣжки; но потомъ исчезли. Только чей-то голосъ въ сотый разъ повторялъ: *Братецъ приказали вамъ напомнить*... И въ сотый разъ пожималъ онъ чью-то мягкую, теплую ручку.

Ѳ. Ромеръ.

ВОЗСОЕДИНЕНІЕ

УНІИ

Историческій очеркъ *).

Едвали въ какое-нибудь царствованіе такъ много дѣлано было для распространенія православія въ Россіи, какъ въ царствованіе Николая I, и первое мѣсто въ этомъ отношеніи, какъ по числу перешедшихъ въ православіе, такъ и по политическому значенію факта, наконецъ, по многосложности системы, обдуманности плана и многотрудности задачи, какую задало себѣ правительство, — принадлежитъ конечно факту возсоединенія уніатовъ съ православною церковью.

Чтобы вѣрнѣе оцѣнить самый фактъ и самыхъ дѣятелей въ извѣстномъ событіи, чтобы судить, насколько успѣхъ извѣстнаго совершившагося явленія зависѣлъ отъ свойства его самого и исторической его судьбы, и насколько на него вліяла личность и страсти дѣятелей въ этомъ явленіи,—для этого нужно, по нашему мнѣнію, бросить напередъ краткій взглядъ на исторію факта. Это необходимо и потому, что клевета, безсильная и тупая злоба, обманутыя надежды старались всячески исказить

---

*) Издаваемый нами трудъ покойнаго М. Я. Морошкина занималъ его въ самые послѣдніе годы жизни и былъ просмотрѣнъ авторомъ окончательно для печати, но смерть, слишкомъ рано похитившая его у нашей исторической науки, помѣшала ему привести свое намѣреніе въ исполненіе. Почетное имя, справедливо заслуженное авторомъ, обратитъ, конечно, вниманіе читателей на этотъ послѣдній трудъ М. Я. Морошкина, независимо отъ интереса самаго предмета и новизны документовъ, бывшихъ подъ руками изслѣдователя. — *Ред.*

этотъ фактъ, обрызгать всякаго рода грязью главныхъ дѣятелей въ этомъ событіи, приписать весь успѣхъ совершившагося явленія натиску правительственной силы, лукавству, продажности и честолюбію нѣкоторыхъ лицъ. Но читая это, да не подумаетъ кто-нибудь, что мы намѣрены въ своемъ повѣствованіи о возсоединеніи уніатовъ съ православною церковію быть во что бы то ни стало адвокатами лицъ, дѣйствовавшихъ въ исторіи, защитниками всѣхъ тѣхъ явленій, которыми сопровождалось дѣло возсоединенія уніатовъ; нѣтъ, мы будемъ простыми и безъискусственными передавателями тѣхъ документовъ, которые имѣются у насъ подъ руками объ этомъ въ высшей степени замѣчательномъ историческомъ событіи.

Въ нашемъ повѣствованіи о возсоединеніи уніатовъ мы будемъ слѣдовать такому плану: 1) изложимъ бѣгло исторію состоянія уніатовъ до образованія плана о возсоединеніи ихъ съ православною церковью; 2) предуготовительныя работы или проектъ о способѣ возсоединенія; 3) осуществленіе этого проекта по отдѣльнымъ его частямъ; 4) наконецъ, самый актъ возсоединенія, какъ полный и окончательный результатъ исполненія проекта по всѣмъ его частямъ.

I.

Литовско-Русское княжество, какъ извѣстно, получило христіанство не отъ запада и было такое же православное, какъ и Московское. Народонаселеніе его было русское; князья его постоянно находились въ родственныхъ отношеніяхъ съ князьями Восточной Руси и слѣдовали тѣмъ же обычаямъ, какіе господствовали въ Москвѣ, Владимірѣ, Твери. Вильна, главная резиденція литовскаго князя, была чисто православнымъ городомъ. Послѣ несчастнаго брака Ягайло съ польскою королевою Ядвигою началъ быстро распространяться въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ областяхъ Руси польскій и латинскій элементъ. Высшее литовское дворянство, жадное до почестей и придворныхъ должностей, по примѣру своего короля-отступника отъ православія, имѣвшаго въ православіи имя Іакова, начало быстро переходить въ католицизмъ и отрекаться отъ вѣры своихъ отцовъ. Но духовенство и простой народъ были чужды этихъ обольщеній и держались крѣпко православія. Такъ-называемая Люблинская Унія, на которой заключенъ былъ актъ соединенія Литвы съ Польшею, была дѣломъ одного дворянства и встрѣчена была сильнымъ народнымъ протестомъ, который нужно

было прекращать силою, конфискаціями и тому подобными репресивными мѣрами. Іезуиты увидѣли, что, при такомъ народномъ отвращеніи отъ политическаго соединенія съ Польшею, тѣмъ менѣе можно было надѣяться на успѣхъ къ единенію съ католическою церковью. Тогда-то изобрѣтательность іезуитская выдумала то хитрое, постепенно, но вѣрно ведущее къ цѣли окатоличенія православнаго народа, средство, которое извѣстно въ исторіи подъ именемъ *уніи*. Это шагъ отъ православія къ католичеству; это отрицаніе православныхъ догматовъ въ пользу католическаго вѣроученія при вѣрности православнымъ обрядамъ; это состояніе переходное, положеніе человѣка на распутіи, въ которомъ онъ не можетъ долго оставаться, но непремѣнно пойдетъ въ ту или въ другую сторону, смотря по извѣстнымъ обстоятельствамъ: измѣна догмату или должна принести съ собою отступничество и отъ обряда, или вѣрность обряду древнему заставитъ возвратиться къ древней догмѣ.

Эта хитрость іезуитская вполнѣ удалась: народъ, непривыкшій къ догматическимъ тонкостямъ и обманутый цѣлостью и неповрежденностью обряда, сталъ переходить толпами въ унію, особенно когда и высшее православное духовенство измѣнило православію и перешло въ унію. Но тамъ, гдѣ не удавалась хитрость, тамъ іезуиты позволяли себѣ прибѣгать къ другимъ средствамъ, какъ-то: насмѣшкѣ, насилію, захвату православныхъ церквей, однимъ словомъ, позволяли себѣ всѣ средства, какія только могла придумать іезуитская изобрѣтательность и іезуитская совѣсть. Къ концу XVIII-го вѣка немного осталось православныхъ церквей въ Литвѣ, и преимущественно эти церкви сохранились въ селахъ, а не въ городахъ, преимущественно сельское народонаселеніе крѣпче держалось своей вѣры, а не городское, крестьяне, а не шляхта и мѣщане. Была также разница въ этомъ отношеніи между сѣверо-западною Русью и юго-западною: въ первой унія и окатоличеніе шли быстрѣе и успѣшнѣе, чѣмъ въ послѣдней. Причину такой разности въ успѣхахъ іезуитской пропаганды нужно искать, во-1-хъ, въ томъ, что на юго-западѣ было казачество, умѣвшее съ лихвою отмщать за насиліе насиліемъ; недаромъ ляхи и до сихъ поръ въ своихъ пѣсняхъ воспоминаютъ казацкіе набѣги и войны, слѣдовательно внѣшнему натиску католицизма на юго-западѣ было больше отпора, чѣмъ на сѣверо-западѣ; во-2-хъ, сѣверо-западъ былъ болѣе открытъ іезуитскому вліянію, чѣмъ юго-западъ, на сѣверо-западѣ было больше іезуитско-католическихъ учрежденій, чѣмъ на юго-западѣ, гдѣ они, при взрывѣ народнаго негодованія, могли

вдругъ подвергнуться всѣмъ случайностямъ и всей ненависти возбужденнаго насиліемъ народонаселенія.

Но привлеченіе въ унію хитростію и насиліемъ дѣлало уніатовъ такими только по духу, такъ что вѣру свою въ отличіе отъ латинской называли не греко-унитскою, а русскою. Устройство іерархіи, внѣшнія украшенія іерарховъ, ихъ домашняя одежда и церковныя облаченія, обряды богослуженія—все также носило характеръ православный. Единственное отличіе уніатовъ отъ православныхъ состояло въ томъ, что ихъ митрополитъ былъ утверждаемъ не константинопольскимъ патріархомъ, а римскимъ папою, но епископы, какъ и у православныхъ, не требовали папскаго утвержденія въ ихъ званіи. Прибавки латинскаго *filioque* и не слышно было въ унитскомъ богослуженіи; имени папы также не упоминалось на молитвахъ.

Но вѣдь не этихъ результатовъ добивались іезуиты, когда вводили унію,—и вотъ они принялись дѣйствовать на духъ народа чрезъ преобразованіе греко-унитскихъ монастырей, и преимущественно чрезъ воспитаніе греко-унитскаго духовнаго юношества и, нужно сознаться, этими двумя средствами совершенно достигли своихъ цѣлей.

Преобразованіе греко-унитскихъ монастырей состояло въ томъ, что католики начали поступать въ греко-унитскіе монастыри и принимать унію при этомъ поступленіи—довольно оригинальная метаморфоза, а вмѣстѣ и самая гибельная для православія и уніи. Унитскіе монастыри, всѣ основанные, подобно православнымъ, по правиламъ св. Василія Великаго и потому получившіе отъ католиковъ названіе базиліанъ или василіанъ, вдругъ всѣ наполнились іезуитами, проникнутыми отъ головы до ногъ духомъ и правилами Лойолы.

Но не тутъ еще конецъ зла: базиліане восходили на греко-унитскія каѳедры, а такимъ образомъ во главѣ греко-унитской іерархіи стали чистые католики, мало того, чистые іезуиты. Захвативши такимъ образомъ въ свои руки высшее управленіе греко-унитской церкви, іезуиты присвоили себѣ исключительно и право воспитанія греко-унитскаго юношества. И сколько растлѣнія было въ этомъ іезуитскомъ воспитаніи! Здѣсь уже смѣло и прямо внушалась питомцамъ ненависть къ православію и производились опыты упражненія въ преслѣдованіяхъ православныхъ: цѣлыя ватаги іезуитскихъ питомцевъ съ палками и кольями нападали на церкви схизматиковъ, били въ нихъ стекла, ломали двери, вторгались съ шумомъ и крикомъ въ самые храмы и тамъ производили самыя кощунническія и возмутительныя вещи, нападали на улицахъ на православныхъ священниковъ, плевали

на нихъ, били ихъ и поносили самыми циническими выраженіями. Преосвященный Антоній Зубко въ своей запискѣ о греко-унитской церкви [1]) разсказываетъ, «что онъ, будучи еще ребенкомъ, видѣлъ подсбную травлю евреевъ, производившуюся учениками полоцкихъ іезуитовъ, и это уже при русскомъ правительствѣ, недозволявшемъ своевольничать: такова сила традиціонной нетерпимости. Православныхъ при русскомъ правительствѣ уже не били, однако ученики іезуитскіе изъ-за угла называли православнаго священника козломъ и блеяли по-козлиному, осмѣивая тѣмъ его бороду». Не лучшія мысли внушались въ іезуитскихъ или базиліанскихъ училищахъ дѣтямъ грекоунитскаго духовенства объ ихъ отцахъ и ихъ вѣрѣ. Чтобы заставить дѣтей греко-унитскихъ священниковъ презирать своихъ отцовъ и свое исповѣданіе, имъ внушалось, что они суть незаконнорожденныя дѣти, такъ какъ по католическому праву священники должны быть безбрачны. Внушеніе такого рода производило свое дѣйствіе: дѣти унитскаго духовенства стыдились званія своихъ отцовъ, шли въ монашество, или просто принимали католицизмъ, или старались скрывать свое происхожденіе.

«Въ числѣ такихъ», говоритъ пр. Антоній [2]), «былъ и родной мой братъ», и потомъ продолжаетъ: «одинъ дальный мой родственникъ, сынъ священника муроговской церкви, Иванъ Барщевскій, воспитанникъ іезуитскій, сдѣлавшись послѣ польскимъ литераторомъ, и описывая свою жизнь и отношенія свои къ отцу, ни однимъ словомъ не намекаетъ, что отецъ его былъ священникомъ унитскимъ, а назвалъ его шляхтичемъ изъ околицы муроговской [3]).

Презрѣніе къ бѣлому греко-унитскому духовенству іезуиты выражали еще тѣмъ, что сокровища своего знанія предлагали и открывали только тѣмъ изъ унитскаго юношества, которые изъявили желаніе идти въ монашество, а для бѣлаго духовенства всякое знаніе съ точки зрѣнія іезуитской считалось ненужнымъ, потому что паства греко-унитскихъ священниковъ необразованная, холопская. «Такой взглядъ на бѣлое греко-унитское духовенство», говоритъ пр. Антоній, «такъ глубоко врѣзался въ сознаніе поляковъ, что даже при русскомъ правительствѣ, когда члены коллегіи изъ бѣлаго духовенства ходатайствовали объ основаніи для унитовъ семинаріи, и завѣдывавшій церков-

---

[1]) См. «Русскій Вѣстникъ», г. 1864-й, № 9-й, статью архіепископа Антонія Зубко о греко-унитской церкви.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

ными дѣлами графъ Блудовъ велъ по этому дѣлу переговоры съ митрополитомъ греко-унитскимъ Булгакомъ (онъ былъ изъ католиковъ), этотъ добрый старикъ доказывалъ (я самъ слышалъ), что для священниковъ унитскихъ ненужны науки; достаточно, если они будутъ умѣть исполнять обряды[1]). При такой іезуитской системѣ, въ священники унитскіе поступали священическія дѣти, необучавшіяся наукамъ, а только механически обученныя родителями церковной и польской грамотѣ, не могшія получить образованія въ свѣтскихъ училищахъ и не нашедшія себѣ нигдѣ мало-мальски порядочнаго мѣста, однимъ словомъ, только бѣдность и невѣжество гнали людей на священическія греко-унитскія мѣста. Кто же изъ унитскихъ юношей получилъ порядочное образованіе, въ іезуитскомъ духѣ, тотъ шелъ въ монахи или латинскіе ксендзы, или поступалъ къ польскимъ помѣщикамъ на должности писарей, экономовъ, коммисаровъ, принималъ латинство и дѣлался иногда врагомъ не только православія, но и уніи.

Возбуждая превращеніе къ званію греко-унитскаго священника, въ то же время іезуиты внушали, что уніатство есть несовершенная вѣра, даже зло, которое только можно терпѣть для избѣжанія бо́льшаго зла—православной схизмы.

Когда высшая унитская іерархія наполнилась чистыми католиками, когда базиліанскіе монастыри сдѣлались притономъ іезуитовъ и пропагандою католицизма, когда монашеское воспитаніе совершенно растлило духъ греко-унитскаго юношества, сдѣлавши ихъ или католиками, или обрекши ихъ на невѣжество и бѣдность, тогда уже самымъ быстрымъ и смѣлымъ образомъ начали реформировать унитскую церковь по образцу католической и самымъ наглымъ образомъ уничтожать въ ней все, что́ приближало ее къ церкви православной. Эта реформа началась съ Замойскаго собора (1720) и шла по плану, начертанному на этомъ соборѣ.

Тогда изданы были новые служебники, въ которыхъ молитвословія были православныя, а обряды нѣкоторые латинскіе, несогласные во многомъ со смысломъ молитвъ; прибавлено filioque въ символѣ вѣры, а въ молитвахъ явилось имя папы; начали уничтожать иконостасы въ церквахъ, вводить колокольчики, окорачивать церковныя облаченія по образцу римскихъ, выводить изъ употребленія домашнее облаченіе священниковъ, и брить бороды. Какому-то, по свидѣтельству пр. Антонія, базиліанину Лисинскому нарочно поручено было начальствомъ заняться уни-

[1]) Тамъ же.

чтоженіемъ бородъ греко-унитскаго духовенства. Тогда же базиліане приняли костюмъ іезуитовъ и облекли своихъ учениковъ въ капоты іезуитскихъ школьниковъ, а бѣлое греко-унитское духовенство приняло костюмъ католическихъ ксендзовъ. Съ этого времени униты совершенно отдѣлились отъ православныхъ не только внѣшностью, но и духомъ: подобно католикамъ, они начали считать православныхъ схизматиками, невѣрующими въ св. Троицу. Теперь уже ничто не отдѣляло греко-унита отъ католика, и кажется, все бы греко-унитское духовенство готово было перейти въ католицизмъ, еслибы не препятствовала имъ въ этомъ ихъ брачная жизнь. Католицизмъ, казалось, почти совершенно уничтожилъ православіе и совершенно слилъ съ собою уніатовъ. Предъ присоединеніемъ западныхъ губерній къ Россіи, дѣло окатоличенія русскихъ дошло до того, что во многихъ унитскихъ церквахъ были и служили неженатые ксендзы, и наоборотъ, во многихъ католическихъ церквахъ унитскій священникъ служилъ латинскую *мису* или *миссу* за католическаго ксендза. Въ церкви унитской введенъ былъ, по примѣру латинской, обычай выбирать на высшія іерархическія должности изъ важныхъ фамилій.

Такимъ образомъ, всѣ высшія іерархическія должности въ унитской церкви заняты были польскими дворянами, которые не знали греко-восточнаго чина богослуженія и даже презирали его, были совершенными невѣждами въ греческомъ языкѣ и церковно-славянскомъ. Но крайности и неумѣнье держаться средины, всегда, по выраженію Гервинуса, составляли отличительное свойство латинской церкви и всегда губили ее и уничтожали разомъ плоды усиленныхъ и многовѣковыхъ ея трудовъ[1]). Такъ и въ отношеніи уніи непомѣрныя насилія латинянъ, самое паглое обращеніе съ религіозною совѣстью уніатовъ естественно должны были вызвать со стороны уніатовъ реакцію, воспитать и выработать чувство антипатіи къ своимъ притѣснителямъ и оскорбителямъ. Бѣлое греко-унитское духовенство, ограбленное базиліанами и католиками, обираемое епископами при посвященіи[2]) и испытывавшее на всякомъ шагу презрѣніе

[1]) Гервинуса, Ист. XIX-го вѣка, о Греціи и Россіи, въ подлинникѣ.

[2]) При посвященіи во священника нужно было платить: 1) экзаменатору, 2) архіерею за разнаго рода грамоты, какъ-то: *консенсъ*, т.-е. за грамоту, дозволяющую ходатайствовать о презентѣ или рекомендаціи помѣщика-ктитора церкви, который почти всегда былъ католикъ, а послѣ рукоположенія — за грамоту о рукоположеніи, за грамоту *инсталляціонную*, самую дорогую, дававшую право управлять приходомъ пожизненно, или административную, дававшую право совершать таинства въ продолженіи 3-хъ лѣтъ, и по истеченіи которыхъ нужно было платить за возобновленіе грамоты.

и насмѣшки отъ тѣхъ и другихъ, пріучалось глубоко ненавидѣть тѣхъ и другихъ, считать ихъ не только чуждыми себѣ, но и своими врагами и притѣснителями. Всякое обстоятельство и всякій случай содѣйствовали развитію самосознанія въ греко-унитскомъ духовенствѣ и пробужденію знанія въ немъ, еще болѣе усиливали въ немъ антипатію къ высшей своей іерархіи и монахамъ. Греко-унитская паства, состоявшая по бо́льшей части изъ сельскаго народонаселенія, сошлась въ общей ненависти и антипатіи къ своей высшей іерархіи и монахамъ съ бѣлымъ духовенствомъ, во-первыхъ, потому, что она видѣла въ тѣхъ и другихъ ненавистныхъ ей польскихъ пановъ, перемѣнившихъ только костюмъ, а во-вторыхъ потому, что инстинктъ народный подсказывалъ ей, что главные насилователи его религіозной совѣсти суть архіереи и монахи, а не бѣлое духовенство, и что покушеніе на его религіозную свободу есть вмѣстѣ и посягательство на его народность. А потому, когда перемѣнились внѣшнія или политическія обстоятельства, а также внутреннія условія греко-унитской церкви, тогда обнаружились въ ней сильныя стремленія къ сближенію и даже единенію съ церковью православною. Царствованіе Екатерины Великой, присоединившей западныя губерніи къ Россіи, было самымъ счастливымъ и самымъ блистательнымъ началомъ этого сближенія и единенія.

Униты тысячами обращались въ православіе, такъ что всѣхъ обратившихся въ ея царствованіе изъ уніи въ православіе насчитываютъ, можетъ быть, вопрочемъ, преувеличенно, до 8-ми милліоновъ человѣкъ [1]). Въ то же время закрыто было 145 базиліанскихъ монастырей [2]). Воспользовавшись тѣмъ случаемъ, что митрополитъ Ростоцкій и суффраганъ его Бутримовичъ, а также епископъ пинскій Горбацкій, не принесли присяги на вѣрноподданство въ опредѣленный императрицею срокъ, она, отставивши всѣхъ троихъ отъ занимаемыхъ ими должностей, учредила для унитской церкви одну унитскую епархію подъ названіемъ бѣлорусской, которую ввѣрила архіепископу Лисовскому [3]), личности весьма замѣчательной въ исторіи греко-унитской церкви. Строгими законами запрещены совращенія греко-унитовъ въ латинство, и въ то же время облегчены всѣ способы къ возвращенію ихъ въ православіе. На мѣсто католическихъ костеловъ явились въ Бѣлоруссіи и преимущественно въ Подольской

---

[1]) См. Vicissitudes de l'Eglise Catholique des deux rites en Pologne et en Russie, par le comte de Montalambert, tome 1-er, pag. 215.

[2]) Тамъ же.

[3]) Собр. Зак. № 17,384, г. 1795-й, 6-го сентября.

и Волынской губерніяхъ церкви православныя и монастыри. Къ несчастію, преемникъ Екатерины, весьма впечатлительный, неимѣвшій способности своей матери выбирать и узнавать людей, съ странными религіозными представленіями, сдѣлался игрушкою въ рукахъ іезуитовъ и слѣпымъ исполнителемъ замысловъ генерала ихъ Грубера. Опрометчивое и неосторожное выраженіе Павловскаго указа объ учрежденіи католическаго департамента, что «уніаты, такъ какъ они присоединены къ намъ, или къ католикамъ, а не сами по себѣ, членовъ (въ департаментѣ) не могутъ имѣть»[1]), было равносильно смертному приговору, произнесенному унитскому исповѣданію. И дѣйствительно, въ это царствованіе едва-было не погибло все то, что̀ сдѣлано было въ предшествовавшее царствованіе: до такой степени возрасли совращенія уніатовъ въ латинство, и до такой степени неустрашимости и наглости дошла католическая пропаганда подъ покровительствомъ и защитою іезуитовъ, завладѣвшихъ довѣріемъ государя.

Сынъ Павла I-го въ первые годы своего царствованія слѣдовалъ по отношенію къ унитской церкви мыслямъ своего отца. Когда уніатскій митрополитъ въ докладной своей запискѣ на высочайшее имя представлялъ между прочимъ, чтобы уніатамъ даровано было право имѣть своихъ засѣдателей въ католической коллегіи по выбору митрополита, и чтобы уніаты въ свободномъ исповѣданіи своего закона ограждены были отъ всѣхъ притѣсненій[2]), то получилъ отказъ въ своей просьбѣ, съ ссылкою на вышеприведенный указъ Павла I-го. Только личное, энергическое объясненіе одного умнаго уніатскаго священника Красовскаго съ императоромъ Александромъ I-мъ, представившаго во время этой аудіенціи всѣ тѣ притѣсненія, какія терпятъ два милліона уніатовъ отъ насильственнаго преобладанія католиковъ, и личное уваженіе императора къ унитскому архіепископу Лисовскому, поражавшему всѣхъ своею маститою осанкою, своею величественною сѣдою бородою, которую онъ носилъ по возвращеніи изъ Іерусалима на зло базиліанамъ и католикамъ, — подвигли наконецъ императора обратить вниманіе на бѣдственное состояніе унитской церкви.

Въ 1804-мъ году явился благодѣтельный для уніатовъ законъ объ учрежденіи 9-го департамента въ католической коллегіи, члены котораго должны быть исключительно унитскіе духовные. «Обращая вниманіе, такъ говоритъ указъ, на множество дѣлъ, накопившихся въ римско-католической духовной коллегіи, Мы

---

[1]) Собр. Зак. г. 1800-й, № 19,684.

[2]) Собр. Зак. г. 1801-й, № 20,053.

признаемъ за лучшій и удобнѣйшій способъ къ скорѣйшему оныхъ окончанію, раздѣлить коллегію сію на два департамента, составя оные: первый изъ духовенства римско-католическаго, второй изъ духовенства унитскаго, съ такимъ распоряженіемъ, чтобы первому департаменту присвоены были дѣла духовныя церковныя, непосредственно до римско-католическаго исповѣданія относящіяся, а второму подобныя же дѣла, касающіяся до уніатскаго исповѣданія; для сужденія же по дѣламъ, тому и другому исповѣданію купно принадлежащимъ, составлять изъ сихъ двухъ департаментовъ общее собраніе [1]).» Въ этомъ же году даны были и правила о выборѣ членовъ въ греко-унитскія духовныя консисторіи; въ этихъ правилахъ между прочимъ говорилось, что епископъ строго наблюдаетъ, при назначеніи членовъ консисторіи, чтобъ они отличались нравственными качествами, соблюденіемъ въ совершенной чистотѣ какъ догматовъ, такъ и обрядовъ греческаго богослуженія [2]).

Вообще съ этого времени начался въ русскомъ правительствѣ поворотъ къ лучшему относительно греко-унитской церкви. Екатерининскіе указы о запрещеніи совращать изъ уніи въ католичество снова получили силу: такъ, въ 1810-мъ году предписано было католическому и унитскому департаментамъ наблюдать, дабы изъ одного вѣроисповѣданія въ другое не привлекали, въ принятіи же господствующей религіи никакого препятствія не чинили [3]). Въ томъ же году всѣ училища, содержимыя базиліанами для воспитанія свѣтскаго юношества, подчинены были директорамъ губернскихъ училищъ, а директоры виленскому университету [4]). А еще прежде этого Лисовскій ходатайствовалъ, чтобы у базиліанъ отняты были тѣ фундуши, которые захвачены были ими у бѣлаго духовенства, дабы тѣмъ улучшить состояніе достойнѣйшихъ особъ въ бѣломъ духовенствѣ, такъ какъ орденъ этотъ превратилъ приходскія уніатскія церкви въ монастыри [5]), и достигъ наконецъ того, что отнялъ у базиліанъ завѣщанныя имъ королемъ Вишневецкимъ двѣ тысячи душъ крестьянъ, и на это учредилъ въ Полоцкѣ епархіальную семинарію для бѣлаго унитскаго духовенства, и преимущественно для сиротъ изъ дѣтей священническихъ. Семинарія эта состояла изъ пяти обще-

[1]) Собр. Зак. г. 1804-й, 16 іюля.
[2]) Собр. Зак. г. 1804-й, № 2,354.
[3]) Собр. Зак. г. 1810-й, № 24,305.
[4]) Собр. Зак. г. 18 0-й, № 24,366.
[5]) См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло подъ № 53-мъ г. 1813—1826, о суммахъ на кременецкую гимназію, назначенныхъ изъ доходовъ нѣкоторыхъ базиліанскихъ монастырей.

образовательныхъ классовъ; окончившіе курсъ въ семинаріи поступали для окончательнаго образованія въ полоцкую іезуитскую академію. Учрежденная въ 1803-мъ году при виленскомъ университетѣ такъ-называемая главная семинарія, несмотря на всѣ недостатки, господствовавшіе въ виленскомъ университетѣ — экзальтированный польскій патріотизмъ и искусственно возбуждаемую въ польскомъ юношествѣ антипатію къ Россіи — имѣла ту хорошую сторону, что въ ней по многимъ наукамъ развивался здравый, чуждый ультрамонтанства взглядъ на многіе догматическіе и историческіе вопросы. Цѣль основанія этой семинаріи была приготовить для католической церкви въ Россіи духовныхъ съ высшимъ образованіемъ, и приготовить для высшихъ іерархическихъ должностей людей вполнѣ ученыхъ. Но въ эту семинарію допущено было, хотя не безъ затрудненій, говоритъ пр. Антоній, и греко-унитское бѣлое духовенство: на 30 католиковъ позволено принимать въ нее 20 унитскихъ клириковъ.

Этой семинаріи суждено было играть важную роль въ исторіи уніи и умственнаго развитія большей части дѣятелей въ драмѣ возсоединенія уніатовъ. Здѣсь воспитались Сѣмашко, Лужинскій, Зубко, Голубовичъ и другіе. Не даромъ на частной конференціи польскихъ патріотовъ и виленскаго римско-католическаго епископа Клонгевича, бывшей послѣ возсоединенія уніатовъ съ православными, прямо сказано было, что не слѣдовало допускать унитовъ къ воспитанію въ главной семинаріи, такъ какъ въ ней скрывается главная причина отпаденія уніатовъ отъ римской церкви. Дѣйствительно, хотя бо́льшая часть наставниковъ по богословскимъ наукамъ были въ этой семинаріи ксендзы, ярые ультрамонтаны, а свѣтскія науки преподавались по программѣ Чарторижскаго, т.-е. возбуждали польскій патріотизмъ, изображали бывшее государственное устройство Польши идеаломъ государства, а Россію представляли страною варварскою, и для этой цѣли не позволялось читать русскихъ книгъ; но воспитанники изъ унитовъ не увлекались ни патріотизмомъ польскимъ, противъ котораго предохраняла ихъ вѣковая, долго и вѣками накипѣвшая на ихъ сердцѣ ненависть къ ляхамъ, ни католическимъ ультрамонтанствомъ, потому что, къ счастію ихъ, здѣсь были наставники изъ иностранцевъ, не только не фанатики, но и ожесточенные враги папизма, напр.: Клипфель, опровергавшій св. отцами тѣ мѣста священнаго писанія, на которыхъ паписты основываютъ свой догматъ о главенствѣ папы, и профессоръ каноническаго права, родомъ итальянецъ, доказывавшій подложность такъ-называемыхъ Исидоровскихъ декреталій, имѣвшихъ и имѣющихъ такое важное значеніе въ исторіи раз-

витія папства. Главное, что производили подобныя лекціи въ душѣ молодыхъ унитскихъ клириковъ, это то, что онѣ шевелили мысль, возбуждали въ нихъ самодѣятельность ихъ ума, развивали способность къ анализу, къ повѣркѣ принятыхъ на вѣру и слѣпо положеній въ духѣ католицизма.

Въ этомъ случаѣ молодое греко-унитское поколѣніе, воспитавшееся въ главной семинаріи, далеко опередило въ своемъ развитіи и въ своихъ взглядахъ на католичество и унію поколѣніе, предшествовавшее ему, поколѣніе современное Лисовскому и Красовскому. Горизонтъ Лисовскаго и Красовскаго не простирался далѣе поддержанія уніи въ ея, такъ сказать, первобытной чистотѣ, въ огражденіи ея отъ насильственныхъ нападеній католицизма, стремившагося поглотить ее въ себѣ, въ ея statu quo. Не таковы были взгляды и тенденціи новаго поколѣнія: здѣсь уже бродили мысли о томъ, законна ли унія, имѣетъ ли она историческія и догматическія права на свое существованіе; не есть ли она не только измѣна православію, но измѣна русской народности, посягательство полонизма на ея самостоятельность и ея права. Послѣдняя мысль тѣмъ неотвязчивѣе, тѣмъ настойчивѣе представлялась уму молодыхъ греко-унитскихъ клириковъ, чѣмъ болѣе не гармонировало съ ними по своимъ воззрѣніямъ на жизнь и исторію Россіи и Польши окружающее ихъ общество польской молодежи, чѣмъ болѣе окружающая ихъ среда представляла имъ данныхъ не симпатизировать полякамъ, какъ исконнымъ и историческимъ угнетателямъ народности малорусской и литовской. Презрительное, насмѣшливое обращеніе польскихъ студентовъ съ греко-унитскими поддерживало и питало въ послѣднихъ ненависть и отвращеніе отъ польской національности и ея вѣры.

Особенно эта антипатія къ полонизму и католицизму замѣтно и сильно проявлялась въ одномъ изъ унитскихъ клириковъ, Іосифѣ Сѣмашкѣ, какъ головѣ болѣе мыслящей и болѣе развитой, такъ и по малороссійскому его происхожденію. Уроженецъ кіевской губерніи, проведшій первые годы своей юности среди малороссійскаго населенія, воспитывавшійся въ немировской гимназіи и избѣгшій въ юности вліянія іезуитскаго, страстный поклонникъ и обожатель Малороссіи, любитель ея поэзіи, охотникъ и мастеръ пѣть пѣсни и думы своей родины, Сѣмашко въ Вильнѣ, среди польской университетской молодежи, среди странныхъ для его духа рѣчей и разсужденій, долженъ былъ еще сильнѣе чувствовать всю разность народности русской и польской, еще живѣе сознавать вредъ католицизма и уніи для русской народности. Уже здѣсь, въ этомъ маленькомъ кружкѣ

молодыхъ клириковъ зарождалась мысль о воссоединеніи уніатовъ. Въ этомъ маленькомъ обществѣ уже не слѣпо принимались всѣ ультрамонтанскіе догматы, но повѣрялись источниками, особенно греческими, и эта-то повѣрка всегда обнаруживала самую безстыдную ложь и поддѣлку историческихъ документовъ католиками въ свою пользу.

Можетъ быть, движеніе въ этомъ кружкѣ въ пользу воссоединенія съ православіемъ обнаружилось бы и въ царствованіе Александра I-го, еслибы лица, состоявшія во главѣ духовнаго управленія въ то время, лучше зарекомендовали себя со стороны приверженности къ православію въ глазахъ этого кружка, и еслибы само правительство болѣе показало энергіи въ дѣлѣ православія. Къ несчастію, тогдашній министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь А. Н. Голицынъ, быстро перешедшій отъ невѣрія екатерининскихъ временъ къ масонству и мистицизму александровской эпохи, игрушка въ рукахъ партіи Лабзина и Тургенева, мало внушалъ своими дѣйствіями довѣрія къ своимъ стремленіямъ въ пользу православія. Самое правительство, покровительствовавшее всѣмъ религіознымъ сектамъ, обнаружившее слабость и недостатокъ энергіи въ своихъ сношеніяхъ съ римскимъ дворомъ, мало подавало надеждъ на успѣхъ дѣла воссоединенія уніатовъ съ православными. Вотъ причины, почему унитскій кружокъ главной семинаріи не могъ заявить своихъ мыслей и намѣреній русскому правительству въ царствованіе Александра I-го. Съ другой стороны, это движеніе въ пользу воссоединенія уніатовъ съ православными принадлежало партіи изъ бѣлаго духовенства, которое не имѣло тогда еще того значенія, какое оно пріобрѣло въ царствованіе Николая I-го, а архіереи или высшая, правительственная іерархія состояла изъ монаховъ и притомъ самыхъ жаркихъ католиковъ, получившихъ образованіе или въ Римѣ, въ школѣ Пропаганды, или въ полоцкой іезуитской академіи, каковы были: митрополитъ унитскій Булгакъ, епископы: Мартушевичъ, Головня, Сѣроцинскій и Яворовскій.

Характеръ и направленіе царствованія Николая I-го обозначился самымъ несомнѣннымъ образомъ съ первыхъ же годовъ. Еще въ 1824-мъ г. завѣдываніе иностранными исповѣданіями ввѣрено было, по низверженіи Серафимомъ Голицына съ поста министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, преемнику Голицына на министерствѣ просвѣщенія Шишкову, и такимъ образомъ еще въ предпослѣдній годъ царствованія Александра I-го произошелъ сильный поворотъ въ пользу православія. Такъ еще при Александрѣ I-мъ вѣдомство Голицына раздѣлено было на

двѣ части: одна, духовная, отошла къ оберъ-прокурору св. синода князю Мещерскому, другая—народное просвѣщеніе и иностранныя исповѣданія поступили къ Шишкову. Товарищемъ Шишкова сдѣланъ былъ Д. Н. Блудовъ. Здѣсь мы немного должны отклониться въ сторону, чтобы лучше понять эту личность. Извѣстно, что Н. М. Карамзинъ указалъ покойному государю и рекомендовалъ ему двухъ молодыхъ людей, когда государь выразилъ ему, что у него нѣтъ людей, которые бы отличались дарованіями и могли бы замѣнить Сперанскаго, котораго можетъ быть придется не сегодня, такъ завтра посадить въ крѣпость, какъ друга декабристовъ и въ особенности одного изъ нихъ, Батенкова. Эти два рекомендованныя Карамзинымъ лица были Блудовъ и Дашковъ, которые потомъ на государственной службѣ постоянно идутъ рядомъ, получаютъ равныя должности, равные чины, одинаковыя звѣзды. Эти два лица быстро возвысились въ царствованіе Николая I-го и играли важную роль.

Говорятъ, покойный государь предлагалъ самому Карамзину занять мѣсто Сперанскаго, но исторіографъ учтиво отклонилъ это предложеніе, сославшись на то, что его спеціальность исторія, а не правительственныя идеи и распоряженія, и что онъ ручается за рекомендованныхъ имъ лицъ какъ за самого себя. Послѣ этого понятно, какимъ духомъ и направленіемъ должны были быть проникнуты эти люди, — это духъ и направленіе Карамзина, столь хорошо намъ извѣстные изъ его исторіи и другихъ его произведеній; послѣ этого легко объясняется, почему эти личности пользовались такимъ довѣріемъ у государя.

Шишковъ былъ уже такъ старъ, что ему едва ставало силъ справляться съ министерствомъ народнаго просвѣщенія; а потому товарищъ его управлялъ иностранными исповѣданіями. Правою рукою его былъ Карташевскій, сначала начальникъ отдѣленія, а потомъ директоръ департамента народнаго просвѣщенія,—лицо весьма замѣчательное по своему патріотизму и своему расположенію къ православію. Еще въ царствованіе Александра I-го указывалъ онъ тѣмъ, кому знать надлежало, что нужно принять мѣры противъ насилій, какимъ подвергаются уніаты отъ католиковъ; что если эти насилія будутъ также безнаказанно и въ такой же прогрессіи совершаться и на будущее время, то греко-унитская церковь совершенно уничтожится и поглотится католицизмомъ. Карташевскій любилъ входить въ разсужденія и разговоры о дѣлахъ греко-унитскихъ съ членами унитской коллегіи, особенно съ молодыми протоіереями и канониками; разговоръ часто изъ оффиціальнаго переходилъ въ болѣе интимный и откровенный. Сношенія Карташевскаго съ моло-

дыми членами унитской коллегіи дѣлались все чаще и чаще, бесѣда становилась все развязнѣе и откровеннѣе; особенно близко сошелся онъ съ молодымъ Сѣмашко. Умный, правильный, ясный взглядъ этого молодого протоіерея на унію заставилъ Карташевскаго не только обратить на него вниманіе Блудова, но и войти съ нимъ въ серьезныя разсужденія о настоящемъ положеніи греко-унитской церкви и о будущей судьбѣ ея. Дальнѣйшія и болѣе близкія сношенія съ Сѣмашко показали, что въ головѣ этого молодого протоіерея созрѣлъ и готовъ уже полный, глубоко обдуманный и обширный проектъ возсоединенія уніатовъ съ православными, и что антипатіи этого человѣка къ латинству и уніи достигли того, что если правительство русское не рѣшится осуществить его проекта о всеобщемъ возсоединеніи уніатовъ, то онъ одинъ перейдетъ въ православіе и поступитъ въ православное монашество. Послѣ всего, сказаннаго нами, какъ смѣшны и дѣтски-наивны должны показаться всѣ клеветы, распущенныя поляками и ультрамонтанами о тѣхъ нечистыхъ побужденіяхъ, которыя будто бы двигали главными дѣятелями въ исторіи возсоединенія уніатовъ съ православными. Простой разсказъ объ этихъ клеветахъ уже показываетъ всю узкость понятій изобрѣтателей этихъ клеветъ. Конечно, большая часть ихъ достается на долю Сѣмашко, который, по выраженію латинянъ, одинъ только и есть схизматикъ, и то не по убѣжденію, а по честолюбію. Такъ іезуиты говорятъ, что Іосифъ перешелъ въ православіе изъ мести къ базиліанамъ, которые лишили его какой-то ожидаемой имъ награды, когда тотъ обучался у нихъ въ базиліанской школѣ, тогда какъ извѣстно, что Сѣмашко получилъ воспитаніе въ свѣтской немировской гимназіи, а оттуда перешелъ въ главную семинарію при виленскомъ университетѣ. Другіе говорятъ, что не эта, а другая была причина измѣны Сѣмашко уніи, именно слѣдующая: когда, по смерти Сестренцевича, заступилъ мѣсто предсѣдателя перваго департамента коллегіи викарный луцкій епископъ Пивницкій, римско-католики не дозволили унитскому митрополиту Булгаку, предсѣдателю 2-го департамента коллегіи, занимать первое мѣсто въ общемъ засѣданіи обоихъ департаментовъ; оскорбленный этимъ, Сѣмашко рѣшился во что бы то ни стало присоединить уніатовъ къ православію.

Что можетъ быть наивнѣе и простодушнѣе такого рода мнѣній? Такого же рода предположенія о побужденіяхъ къ возсоединенію съ православіемъ и другихъ дѣятелей въ исторіи возсоединенія, какъ-то Лужинскаго, Зубко, Тупальскаго, Шелепина. Всѣ эти предположенія польскія сводятся къ одному резуль-

тату: честолюбіе, — вотъ главное побужденіе, руководившее ими при переходѣ изъ уніи въ православіе! Желая представить въ черномъ свѣтѣ нравственную сторону Сѣмашки и его сотрудниковъ, поляки силятся выставить съ невыгодной стороны и его умственныя способности, отрицая въ немъ самодѣятельность его ума въ начертанномъ имъ планѣ или проектѣ о средствахъ возсоединить уніатовъ съ православными, и изображая его простымъ, механическимъ копіистомъ проекта Евгенія Булгариса, представленнаго нѣкогда Екатеринѣ II-й [1]).

II.

Проектъ Сѣмашки о возсоединеніи уніатовъ съ православными въ оффиціальныхъ нашихъ бумагахъ никогда не носитъ названія своего творца, но всегда скрывается подъ коллективнымъ именемъ представленія уніатскаго департамента, или же называется соображеніемъ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Сѣмашко никогда не хотѣлъ называть свое произведеніе своимъ и приписывать его только исключительно себѣ, но желалъ, чтобы исторія смотрѣла на дѣло возсоединенія уніатовъ какъ на дѣло, созданное общими силами унитской іерархіи и высшаго русскаго правительства. Только очевидцы и частію участники въ исторіи возсоединенія уніатовъ знаютъ и свидѣтельствуютъ, чья рука начертала такъ-называемыя «представленія унитской коллегіи» и «соображенія главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій» о средствахъ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью. Проектъ этотъ представляетъ самую полную и самую обдуманную систему, которой должно было слѣдовать наше правительство въ дѣлѣ возсоединенія. Онъ почти весь, или съ самыми незначительными измѣненіями, былъ принятъ и одобренъ нашимъ правительствомъ. По внутреннему своему содержанію онъ распадается на двѣ части: одна обнимаетъ исторію мѣръ, принимаемыхъ нашимъ правительствомъ для возсоединенія уніатовъ съ православными, начиная съ Екатерины II-й и до царствованія Николая I-го; вторая представляетъ соображенія о томъ, что теперь нужно дѣлать и предпринимать для уничтоженія уніи.

По необыкновенной важности этого документа мы приведемъ его здѣсь въ подлинникѣ, который намъ удалось найти послѣ самыхъ долгихъ и усиленныхъ исканій.

---

[1]) См. Vicissitudes de l'Eglie catholique de deux rites en Russie, t. 1., pag. 227.

«Послѣ окончательнаго раздѣла Польши, государыня императрица Екатерина II-я, принимая мѣры къ возвращенію тамошняго народа русскаго племени къ восточной церкви, обращала особенное вниманіе на губерніи Минскую, Волынскую, Подольскую и Брацлавскую, гдѣ великое число народа, оставя унію, присоединилось къ нашей церкви. Ея величество упразднила въ томъ краѣ существовавшія уніатскія епископства, поручила ихъ въ вѣдѣніе полоцкому архіепископу сего обряда, Лисовскому, удалила уніатскаго митрополита Ростоцкаго отъ управленія, уничтожила орденскія монашескія власти въ уніатскихъ монастыряхъ, подчинила ихъ Лисовскому, запретила вновь посвящать въ уніатское монашество и повелѣла упразднить излишніе монастыри. Въ указѣ данномъ по сему предмету генералъ-губернатору помянутыхъ губерній, Тутолмину, 1795-го года сентября 6-го сказано: «Пунктъ 5-й: усматривая изъ вѣдомости, намъ представленной, что число монастырей уніатскихъ вовсе не соразмѣрно числу церквей въ уніи остающихся, возлагаю на васъ подробныя собрать свѣденія о уніатскихъ монастыряхъ, и, по сношенію съ архіепископомъ Лисовскимъ, уничтожить таковые, которые, не занимаясь ни просвѣщеніемъ юношества, ни помощію немощнымъ и призрѣнія требующимъ, суть обществу безполезны; монаховъ же изъ сихъ упраздненныхъ монастырей размѣстить въ другіе бѣлорусской епархіи, но въ оставшихся затѣмъ отнынѣ въ монахи не постригать безъ особливой нашей воли».

«О семъ подтверждено было высочайшимъ указомъ 1797-го декабря 30-го. Но вскорѣ потомъ, вслѣдствіе переговоровъ съ бывшимъ здѣсь нунціемъ графомъ Литтою, возстановленъ нѣкоторымъ образомъ прежній порядокъ; ибо, во-1-хъ, учреждены сверхъ бѣлорусской епархіи новыя двѣ: луцкая и брестская, и во-2-хъ, унитскому монашеству позволено имѣть особое орденское управленіе по примѣру римско-католическихъ монашескихъ орденовъ.

«Однако же, какъ указъ 1797-го года не былъ именно отмѣненъ, и губернское начальство представило сенату объ уничтоженіи базиліанскихъ монастырей; то и римско-католическая коллегія дала мнѣніе объ упраздненіи большей половины монастырей.

«Базиліанскій орденъ, желая отвратить сію мѣру, употребилъ посредство начальства виленскаго учебнаго округа, которое представило планъ о переобразованіи сего ордена въ сословіе духовное, посвящающее себя просвѣщенію свѣтскаго юношества (конгрегація эдукаціонная). По сему плану базиліанскій орденъ, сохраняя всѣ свои фундуши, имѣлъ особое свое правленіе, не-

зависимое отъ уніатскихъ епархіальныхъ начальствъ, утверждалъ тѣснѣе связи свои съ католиками, и удерживая главнѣйшее вліяніе на унію и все уніатское духовенство, одинъ могъ давать ей епископовъ изъ своего сословія. Хотя сіе новое образованіе было уже конфирмовано, но вскорѣ остановлено, и указомъ 2-го (октября) 1810-го года подтвержденъ существовавшій до того порядокъ правленія уніатскихъ епархій и базиліанскаго ордена,— и назначено, гдѣ базиліане могутъ содержать свѣтскія училища; а упраздненіе излишнихъ базиліанскихъ монастырей предоставлено усмотрѣнію главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

«Распоряженіе министерства духовныхъ дѣлъ 1822-го года объ упраздненіи базиліанскихъ монастырей:

«Въ 1822-мъ году, князь Голицынъ предложилъ греко-унитскому департаменту духовной коллегіи заняться разсмотрѣніемъ сего предмета, и далъ коллегіи въ руководство слѣдующія главныя положенія:

а) Упразднить преимущественно тѣ базиліанскіе монастыри, кои находятся среди селеній, оставившихъ унію и перешедшихъ въ господствующее исповѣданіе.

б) Обратить въ приходскія церкви тѣ изъ монастырей, кои прежде были приходскими, и нынѣ имѣютъ приходы.

в) Назначить для учрежденія духовныхъ семинарій въ трехъ епархіяхъ, кои не имѣютъ еще сихъ заведеній, помѣстительные и снабженные достаточными доходами монастыри, гдѣ бы дѣти неимущихъ греко-унитскихъ священниковъ, пріуготовляющіеся для вступленія въ духовное званіе, получали полное содержаніе въ продолженіе курса наукъ.

г) Оставляя тѣ обители, при которыхъ базиліане содержатъ училища для свѣтскаго юношества, опредѣлить ихъ, въ случаѣ недостатка средствъ для надлежащаго устройства училищъ, пособіе отъ фундушей монастырей упраздненныхъ.

д) Изъ остальныхъ доходовъ фундушей сихъ вносить въ главную римско-католическую семинарію, при виленскомъ университетѣ учрежденную, деньги за уніатскихъ воспитанниковъ въ сей семинаріи, вмѣсто существующаго нынѣ сбора на сіе базиліанскихъ монастырей, и за симъ прочіе доходы обращать въ общій вспомогательный капиталъ, который по высочайшему повелѣнію 18-го января 1820-го года, назначено составлять въ пользу бѣдныхъ церквей складками другихъ, кои имѣютъ избыточные доходы.

«Вмѣстѣ съ симъ распоряженіемъ поручено было греко-уніатскому департаменту привесть предварительно въ точную из-

вѣстность недвижимыя имѣнія и капиталы всѣхъ базиліанскихъ монастырей.

«Въ то же время, дабы базиліанскій орденъ связать тѣснѣе съ бѣлымъ духовенствомъ и отвлечь его отъ католицизма, запрещено было принимать католиковъ въ сей орденъ.

«Планъ по сему предмету составленный нынѣ въ коллегіи:

«Нынѣ уніатскій департаментъ представилъ полныя свѣдѣнія и соображенія свои по оному предмету.

«Изъ 83-хъ базиліанскихъ кляшторовъ оставляются на будущее время, какъ постоянныя монашескія обители славянскаго обряда, только 23-и,—именно:

«I. Оставляемые въ трехъ монашескихъ провинціяхъ монастыри:

«Въ Бѣлоруссіи изъ 18-ти монастырей бѣлорусской базиліанской провинціи, оставляется 8 монастырей.

«Въ литовской базиліанской провинціи, изъ 42-хъ монастырей брестской и виленской епархій, оставляется 12, именно:

Въ Минской губерніи.	4
» Гродненской	5
» Виленской	2
» Бѣлостокской области	1
Всего . .	12 монаст.

«Въ третьей, южной базиліанской провинціи, въ луцкой епархіи оставляются на будущее время, какъ постоянныя обители только три въ Волынской губерніи: Почаевскій, Кременецкій и Мелецкій.

«II. Монастыри, оставляемые на время:

«Въ сей же епархіи пять монастырей, въ которыхъ учреждены базиліанами училища для свѣтскаго юношества, — именно: въ Волынской губерніи 2, въ Кіевской 2, и въ Подольской 1, остаются на время, пока правительство не учредитъ другихъ училищъ на мѣсто базиліанскихъ.

«По сей же причинѣ и на семъ же основаніи оставляется еще одинъ монастырь въ виленской епархіи.

«III. Монастыри, обращаемые въ приходскія церкви:

«Обращаются въ приходскія церкви монастыри, имѣющіе значительные приходы.

Въ Бѣлорусской епархіи.	8
» Луцкой »	3
» Брестской »	12
» Виленской »	5
Всего . .	28 монаст.

«Съ сими монастырями отдается бѣлому духовенству около 600 душъ крестьянъ и болѣе 14,000 десятинъ земли.

«Нѣкоторые монастыри назначаются для учрежденія тамъ епископскихъ каѳедръ и семинарій.

«IV. Монастыри, въ коихъ назначаются учредить епископскія каѳедры и семинаріи:

«Бѣлорусская епархія имѣетъ свою каѳедру въ Полоцкѣ, съ достаточнымъ фундушемъ для содержанія архіепископа, его викарнаго, консисторіи и семинаріи (около 3,500 душъ крестьянъ и капиталовъ болѣе 120,000 руб. ассигнаціями).

«При учрежденіи въ 1798-мъ году новыхъ епархій: луцкой и литовской и при раздѣленіи въ 1809 г. сей послѣдней на двѣ епархіи: виленскую митрополичью и брестскую, не было сдѣлано правительствомъ твердаго назначенія, гдѣ быть каѳедрамъ сихъ епархій.

«*Виленская* епархія при польскомъ правительствѣ имѣла въ Вильнѣ соборную церковь. Но при возстановленіи въ 1809-мъ году особой митрополичьей епархіи не было уже тамъ сей соборной церкви; ибо оная до того уступлена была брестскимъ епископомъ (что нынѣ митрополитъ) Булгакомъ виленскому университету. Такимъ образомъ, виленская епархія не имѣетъ и нынѣ своей каѳедры. Епископъ Головня нанимаетъ для себя и для виленской консисторіи помѣщеніе у базиліанъ въ Вильнѣ.

«Во владѣніи его съ консисторіею находятся помѣстья каѳедральныя болѣе 500 душъ и двѣ такъ-называемыя юриздики [1] въ Вильнѣ и Новогрудкѣ.

«*Брестской* епархіи епископу коллегіею назначено въ 1809-мъ году имѣть пребываніе въ Жировицкомъ базиліанскомъ монастырѣ. Фундушъ сего епископа состоитъ въ помѣстьяхъ болѣе 500 душъ, да въ жалованьи, отъ казны 3,000 руб. Консисторія и викарный епископъ получаютъ на свое содержаніе отъ казны по 2,000 талеровъ, всего 4,000 талеровъ; па ассигнаціи 19,152 руб. Епархіею сею управляетъ митрополитъ Булгакъ.

«*Луцкой* епархіи съ возстановленіемъ ея въ 1798-мъ году епископъ помѣщался то въ Почаевскомъ базиліанскомъ монастырѣ, то въ Жидичинскомъ, коего фундушъ (помѣстья болѣе 800 душъ и капиталы 10,177 руб. сер.), опредѣленъ указами 1804-го и 1825-го годовъ на содержаніе викарнаго епископа сей епархіи, консисторіи и архіерейскаго штата. Сей штатъ или каѳедральный капитулъ имѣетъ еще особое свое имѣніе 70 душъ крестьянъ, и капитала 8,798 руб. сер. Самъ же епископъ получаетъ только 6,000 руб. асс. жалованья.

---

[1] Юриздика есть церковная дача, — заселенная.

«Сіи три епархіи не имѣютъ, какъ и выше сказано, порядочно устроенныхъ семинарій для бѣлаго духовенства.

«Уніатскій департаментъ назначаетъ нынѣ каѳедры епископскія и семинаріи:

а) Для луцкой епархіи въ праздномъ нынѣ *Овручьскомъ* базиліанскомъ архимандричьемъ монастырѣ. На содержаніе тамъ семинаріи опредѣляются помѣстья сего монастыря 1328 душъ муж. пола, съ пространными земляными дачами.

б) Для пребыванія брестскаго епископа и консисторіи оставляется по прежнему *Жировицкій* монастырь; тамъ же назначается и семинарія. На содержаніе ея, равно какъ и на содержаніе каѳедральнаго штата назначаются помѣстья и капиталы того же *Жировицкаго* и еще Бытенскаго монастыря, всего 746 крестьянъ муж. пола и 61,860 руб. сер.; кромѣ суммъ спорныхъ, болѣе 42,000 руб. сер.

в) Для семинаріи виленской епархіи опредѣляется *Березвецкій* монастырь и имѣніе его 313 душъ крестьянъ муж. пола, да капитала 21,050 руб. сер. Содержаніе штата каѳедральнаго опредѣляется изъ общаго церковнаго фундуша, о коемъ тоже будетъ сказано.

«V. Монастыри, навсегда упраздненные:

Къ упраздненію вовсе назначаются 23 монастыря:

Въ Бѣлорусской	епархіи	2
» Луцкой	»	11
» Брестской	»	4
» Виленской	»	6
		23

«VI. Составленіе общаго церковнаго фундуша и употребленіе онаго:

«Фундуши сихъ монастырей, а также частію фундуши нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кои отдаются бѣлому духовенству какъ приходскія церкви (см. III-е), всего около 2,000 душъ крестьянъ муж. пола въ разныхъ мѣстахъ и болѣе 240 т. руб. сер. капитала, уніатскій департаментъ испрашиваетъ назначить въ составъ общаго церковнаго гр.-ун. фундуша, для употребленія доходовъ сего фундуша на вспоможеніе бѣднымъ и престарѣлымъ священникамъ, на призрѣніе вдовъ и сиротъ ихъ, печатаніе полезныхъ духовныхъ книгъ, и на украшеніе и починки церквей, кои не имѣютъ фундушей и отъ бѣдныхъ прихожанъ не могутъ получать на то вспоможеній. Изъ сего же фундуша назначается платить въ главную духовную семинарію виленскаго университета за уніатскихъ клириковъ болѣе 4,000 р. сер. ежегодно.

«Уніатскій департаментъ испрашиваетъ еще:

1. Чтобы монастырскіе капиталы, помѣщенные по обыкновенію того края большею частію на имѣніяхъ помѣщичьихъ, взысканы были, и для большей вѣрности и спокойнаго пользованія процентами, обращены были въ государственный заемный банкъ.

2. Чтобы недвижимыя имѣнія, назначаемыя въ составъ общаго церковнаго фундуша, отдать въ арендное содержаніе тѣмъ же порядкомъ, какъ отдаются казенныя имѣнія.

3. Какъ отъ семи достаточнѣйшихъ монастырей, обращаемыхъ въ приходскія церкви, назначаются части имѣній ихъ, всего 385 крестьянъ и около 18,000 десятинъ въ общій церковный фундушъ, то до отдѣленія и отмежеванія сихъ частей, отдать оныхъ крестьянъ и земли въ администрацію священникамъ, кои къ тѣмъ церкамъ опредѣлены будутъ.

4. Строенія упраздняемыхъ монастырей обратить на богоугодныя заведенія, или продать съ публичныхъ торговъ для приращенія общаго церковнаго фундуша.

«VII. Распоряженія о духовныхъ училищахъ:

«Относительно духовныхъ семинарій унитскій департаментъ полагаетъ:

а) Имѣнія и капиталы, кои опредѣляются на содержаніе семинарій съ каѳедральными штатами поставить подъ особымъ управленіемъ, не смѣшивая ихъ съ епископскими, — и сіе распространить и на полоцкую епархію, которая имѣетъ нынѣ общій фундушъ для содержанія архіепископской каѳедры и семинаріи, около 3,500 душъ крестьянъ муж. пола, и капиталы, болѣ 120 т. р. асс.

б) Новоучреждаемыя три семинаріи должны быть учреждены на томъ же положеніи, какъ и полоцкая, и управляемы по сочиненному уже для сей послѣдней уставу.

в) Въ сихъ трехъ семинаріяхъ воспитывать на семинарскомъ фундушѣ дѣтей бѣдныхъ священнослужителей: въ полоцкой и брестской по 50-ти, а въ виленской и луцкой по 30-ти.

г) При всѣхъ семинаріяхъ учредить еще низшія духовныя училища, гдѣ и воспитывать также бѣдныхъ дѣтей по 20-ти въ каждой семинаріи.

д) Сверхъ сего въ нѣкоторыхъ изъ оставляемыхъ базиліанскихъ монастырей учредить низшія духовныя училища на иждивеніе монастырей, кои и обязаны воспитывать тамъ отъ 10 до 20-ти дѣтей бѣдныхъ священнослужителей. Сихъ училищъ назначается 13-ть.

е) Во всѣхъ низшихъ духовныхъ училищахъ во исполненіе высочайшаго повелѣнія вашего императорскаго величества (указъ

9-го октября 1827-го года) преподавать славянскій языкъ, церковное пѣніе, обряды богослуженія и науки пріуготовительныя для курса въ семинаріяхъ.

ж) Изъ всѣхъ монастырей, гдѣ назначаются духовныя училища, вывести свѣтскія, нынѣ содержимыя тамъ монахами. Сія мѣра коснется слѣдующихъ монастырей: въ Бѣлоруссіи Витебскаго и Тадулинскаго, въ Волынской губерніи Почаевскаго, и въ Литвѣ двухъ монастырей, гдѣ и упразднятся свѣтскія училища.

«Въ семъ заключаются главныя предположенія гр.-уніатск. департамента. Опредѣленіе его по сему предмету имѣю счастіе поднести при семъ на высочайшее вашего императорскаго величества усмотрѣніе въ выпискѣ изъ обширнаго представленія, въ которомъ оно содержится, — вмѣстѣ съ краткою вѣдомостію, составленною въ главномъ управленіи духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій для удобнѣйшаго обозрѣнія всѣхъ распоряженій о базиліанскихъ монастыряхъ и о фундушахъ ихъ.

«Усердіе къ прямымъ пользамъ церкви и государства руководствовали нынѣшнихъ членовъ уніатскаго департамента и достойнаго его начальника, митрополита Булгака, въ семъ дѣлѣ, совершенномъ ими единодушно. Одинъ только архимандритъ мелецкаго базиліанскаго монастыря, Быстрый, недавно прибывшій сюда для засѣданія въ коллегіи, не присутствовалъ при начальномъ разсмотрѣніи сего дѣла, отказался принять участіе въ положеніи мнѣнія по оному.

«Существеннѣйшія мѣры, предположенныя греко-уніатскимъ департаментомъ такъ правильны, что мнѣ остается только, имѣя въ виду высочайшую волю вашего императорскаго величества, изображенную въ указѣ 9-го октября 1827-го года, чтобы предупредить на будущее время всякія отступленія отъ первобытнаго устройства гр.-уніатской церкви, войти въ соображеніе о томъ, какія распоряженія при настоящей важной операціи могутъ наиболѣе соотвѣтствовать сей цѣли, равно какъ и о томъ, какимъ образомъ привести предположенія уніатскаго департамента въ дѣйствіе, о чемъ уніатскій департаментъ не могъ представить своего мнѣнія.

«*Соображенія*:

«Государыня императрица Екатерина II-я не обинуясь объявила намѣреніе свое «искоренить унію» въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ.

«Въ сей мысли, 1-е, она упразднила уніатскую духовную

власть, или ослабляла дѣйствіе оной, какъ выше изъяснено; и 2-е, преграждала вліяніе римско-католическаго духовенства и владѣльцевъ сей же вѣры, на совѣсть уніатовъ. Повелѣвъ святѣйшему синоду въ началѣ 1794-го года обнародовать въ новоприобрѣтенныхъ тогда областяхъ (кромѣ Литвы) увѣщаніе къ народу возвратиться къ благочестію, ея величество поручила генералъ-губернатору Тутолмину оказывать въ семъ дѣлѣ всевозможное содѣйствіе и прилежно наблюдать: «чтобъ *никто изъ помѣщиковъ*, временныхъ владѣльцевъ, и чиновниковъ духовныхъ и мірскихъ римскаго и уніатскаго закона, не осмѣлился дѣлать ни малѣйшаго въ томъ препятствія, — *обращающимся въ благочестіе притѣсненія и обиды*. Всякое подобное покушеніе, яко противу господствующей вѣры обращаемое и означающее преслушаніе волѣ нашей, *долженствуетъ быть принято за уголовное преступленіе* суду подлежащее и *влекущее секвестръ имѣнія до окончанія дѣла.*»

«Толь строгая мѣра, въ военномъ еще состояніи оныхъ областей, имѣла свое дѣйствіе, и въ Минской, особенно же въ Волынской и Подольской губерніяхъ составились многолюдныя грекороссійскія епархіи.

«Но когда послѣ кончины ея величества наблюденіе мѣстнаго начальства ослабѣло, то противудѣйствіе со стороны тѣхъ, на коихъ обращена была оная мѣра, явилось во всѣхъ мѣстахъ въ сильнѣйшей степени.

«Присоединилось къ сему, что въ 1797-мъ году бывшій минскій гражданскій губернаторъ Корнѣевъ, представилъ государю императору Павлу I-му обращеніе тамошняго народа въ православіе дѣйствіемъ крутымъ и неискуснымъ, а священниковъ нашихъ малоспособныхъ, отвратившими отъ себя народъ. «Церкви опустѣли, писалъ онъ; не только нѣтъ благолѣпія въ нихъ, но даже священникамъ нашимъ не на чемъ совершать богослуженія». Губернаторъ донесъ вмѣстѣ, что онъ требовалъ отъ минскаго нашего архіепископа не препятствовать людямъ обращаться къ уніатскимъ священникамъ и изъявилъ мысль, что скорѣе можно бы успѣть въ обращеніи уніатовъ, если бы привлечь къ тому самыхъ ихъ пастырей.

«На сіе послѣдовалъ въ томъ же 1797-мъ году высочайшій указъ губернатору, чтобы онъ учинилъ во всей точности исполненіе по его донесенію.

«Вслѣдъ за тѣмъ, въ началѣ 1798-го года возстановлены, какъ выше сказано, уніатскія епрхіи въ южномъ польскомъ краѣ и въ Литвѣ, и поставлены подъ главнымъ управленіемъ римско-католической коллегіи, куда не было допущено тогда уніатское ду-

ховенство. «Уніаты, такъ какъ они присоединены къ намъ или къ католикамъ, а не сами по себѣ» (сказано въ высочайшемъ указѣ 1800 года) «членовъ имѣть не могутъ.» Все сіе открыло пружинамъ, кои императрица Екатерина II-я старалась ослабить, свободное дѣйствіе и противу обращенія уніатовъ въ господствующую церковь[1]), и къ сближенію уніи съ римскимъ обрядомъ.

«1. Зависимость уніатовъ и духовенства ихъ отъ католиковъ.

«Въ уніи находится и нынѣ только низшій классъ народа, почти одни крестьяне. Принадлежа помѣщикамъ католикамъ, или находясь въ арендномъ владѣніи католиковъ же, они совершенно зависятъ отъ ихъ владѣльцевъ, кои и могутъ подъ разными предлогами притѣснять сихъ крестьянъ за вѣру и за уклоненіе отъ союза съ римскою церковью. Вмѣстѣ съ крестьянами зависитъ отъ владѣльцевъ и самое духовенство уніатское, не имѣющее фундушей, обезпечивающихъ независимое ихъ содержаніе, какъ римско-католическіе священники, и получающее все содержаніе отъ прихожанъ. Если священникъ дѣйствуетъ по мыслямъ владѣльца, то и онъ и церковь его получаютъ *пособіе и призрѣніе въ ихъ нуждахъ; иначе терпятъ недостатки.*

«2. Вредное вліяніе безмѣстныхъ священниковъ.

«Великое число безмѣстныхъ уніатскихъ священниковъ, оставшихся послѣ обращенія уніатскихъ приходовъ и церквей въ вѣденіе гр.-рос. духовенства, не имѣя способовъ содержать себя съ семействами, разсѣялись по тѣмъ же приходамъ, и лучшіе изъ нихъ, призрѣнные владѣльцами, исправляли духовныя требы для обратившихся изъ уніи и поддерживали ихъ въ ней.

«3. Учрежденіе помѣщиками каплицъ и содержаніе при нихъ и при римскихъ костелахъ уніатскихъ священниковъ, сближающихся съ римскимъ обрядомъ.

«Многіе помѣщики католики, построивъ, якобы для себя каплицы, въ которыхъ по римскому обряду можетъ быть совершаемо всякое богослуженіе, испросили у рим.-катол. и уніатскаго духовныхъ начальствъ дозволеніе содержать тамъ уніатскихъ священниковъ, кои и отправляютъ литургіи и другія моленія частію по уніатскому обряду, частію и по римскому. По послѣднимъ вѣдомостямъ открывается, что даже при многихъ римско-католическихъ церквахъ содержатся при настоятеляхъ римскаго обряда уніатскіе викарные священники. Вообще изъ одной только уніатской епархіи (Луцкой) опредѣлены и находятся при тамошнихъ рим-

[1]) Съ того времени неизвѣстно ни одного примѣра, чтобы какой-либо приходъ или часть его соединилась съ нашею церковью, напротивъ многіе отложились, какъ ниже показано будетъ.

кат. каплицахъ и церквахъ 182 уніатскихъ священника. Такимъ образомъ, сіи два обряда сливаются.

«4) Возвращеніе приходовъ въ унію.

«Между тѣмъ цѣлые приходы возвратились въ унію [1]), и остались только одни церкви ихъ въ вѣдѣніи гр.-россійскаго духовенства. Въ другихъ мѣстахъ образовались постепенно при помѣщичьихъ каплицахъ и римско-католическихъ церквахъ особыя общества уніато-католиковъ, какъ выше сказано.

«Святѣйшій синодъ требовалъ и требуетъ настоятельно, 1-е, упразднить каплицы, помѣщиками среди гр.-рос. приходовъ или по близости оныхъ учрежденныя; — противу чего католическая духовная коллегія представляетъ, что запрещать католикамъ молиться въ своихъ домовыхъ каплицахъ, противно справедливости и всемилостивѣйше установленной терпимости вѣръ; 2-е, удалить изъ тѣхъ мѣстъ уніатскихъ священниковъ.

«5. Дальнѣйшія послѣдствія обращенія уніатовъ въ римскій обрядъ.

«Съ другой стороны въ Бѣлоруссіи и въ Литвѣ цѣлые приходы уніатскіе съ ихъ церквами обращены были въ римскій обрядъ, и частію въ разныхъ селеніяхъ множество семействъ и лицъ. Хотя нѣкоторые изъ нихъ уже возвращены, но въ одной Бѣлоруссіи 8 церквей, 28 каплицъ и около 12,000 прихожанъ до нынѣ остаются въ римскомъ обрядѣ.

«Покойный архіепископъ Красовскій приписывалъ подобные случаи вездѣ дѣйствію римскаго духовенства и дворянства католическаго и послабленіямъ присутственныхъ мѣстъ; безъ сего уніаты, непонимающіе ни языка, ни обрядовъ римской церкви, никогда бы не присоединились къ ней, а присоединившись, давно бы возвратились въ унію.

«Всѣ сіи замѣчанія относятся и къ нашему духовенству въ польскихъ губерніяхъ, и подтверждаются донесеніями минскаго, волынскаго и подольскаго архіереевъ, какъ видно изъ разныхъ сообщеній святѣйшаго синода.

«6. Сближеніе уніатскаго духовнаго юношества съ католиками въ воспитаніи.

«Кромѣ означенныхъ выше причинъ, привязывающихъ уніатскихъ священниковъ къ римско-католическимъ помѣщикамъ и римско-католическому духовенству, самое воспитаніе уніатскаго духовнаго юношества въ общихъ съ католиками училищахъ, и у католиковъ и базиліанъ, а наконецъ въ главной римско-

---

[1]) Въ южныхъ уѣздахъ Минской губерніи 44 прихода. Есть также и въ Волынской губерніи.

католической семинаріи при виленскомъ университетѣ учрежденной, сближаетъ ихъ съ католиками.

«Сіе было уже предметомъ сношеній моихъ съ попечителемъ Новосильцовымъ и съ покойнымъ архіепископомъ Красовскимъ; оба признали нужнымъ отдѣлить уніатскихъ воспитанниковъ отъ римск.-кат. клириковъ въ главной виленской семинаріи.

«7. Вліяніе католическаго духовенства на уніатское въ самой коллегіи.

«Даже въ здѣшней духовной коллегіи, несмотря на раздѣленіе ея на два разные департамента: католическій и уніатскій, перевѣсъ богатаго и имѣющаго связи духовенства римскаго обряда противу уніатскаго, и происходящее отъ того вліяніе на мнѣнія въ дѣлахъ, обнаруживается во многихъ случаяхъ. Когда въ 1807 и въ 1810-мъ годахъ запрещенъ былъ переходъ изъ уніи въ римскій обрядъ и изъ сего обряда въ унію; то уніатскій департаментъ запретилъ базиліанскому ордену принимать въ свое монашество католиковъ; но когда вошло сіе дѣло въ общее собраніе обоихъ департаментовъ, то дано совершенно противное мнѣніе, чтобы разрѣшить навсегда католикамъ входить свободно въ базиліанскій орденъ. Вообще, когда уніатскому департаменту нужно будетъ принимать какія мѣры противу вреднаго вліянія римско-католическаго духовенства и къ сближенію уніи съ господствующею церковью, то мнѣнія уніатскихъ членовъ, въ нынѣшнемъ составѣ и связи духовной коллегіи, всегда будутъ стѣснены.

«8. Обряды богослуженія.

«Императрица Екатерина II-я не дала уніи никакихъ правилъ вѣроятно потому, что намѣревалась по раздѣлѣ всей Польши упразднить унію. Долго оставляла она и бѣлорусскую уніатскую епархію безъ епископа, учредя только консисторію для управленія епархіею.

«Въ послѣдствіи поставила она надъ сею епархіею архіепископа Лисовскаго. Въ 1785-мъ году онъ представилъ папѣ объ уничтоженіи тѣхъ перемѣнъ, кои замойскій уніатскій синодъ [1]) ввелъ въ славянскихъ обрядахъ богослуженія;—и потомъ съ согласія папы составилъ служебникъ и послалъ въ Римъ на разсмотрѣніе вмѣстѣ съ переводомъ литургіи Св. Іоанна Златоустаго на латинскій языкъ и съ славянскимъ текстомъ. Дѣло сіе осталось неразрѣшеннымъ, но изъ переписки Лисовскаго съ кардиналами въ Римѣ видно, что до замойскаго уніатскаго синода не было еще въ общемъ употребленіи воспоминать папу во время богослуженія, какъ сіе видно и изъ служебника, Вене-

[1]) Созванъ былъ въ 1720-мъ году.

диктомъ XIV утвержденнаго, почему и Лисовскій въ своемъ служебникѣ не помѣстилъ воспоминаній о папѣ. Видно также, что уніатское духовенство долго употребляло нашъ символъ вѣры безъ всякаго измѣненія, т.-е. не прибавляя *и Сына* (Filioque), и что римскій дворъ требовалъ отъ Лисовскаго, въ продолженіи оной переписки, оставить сіе прибавленіе *и Сына*, какъ вошедшее уже въ употребленіе, дабы показать соединеніе сего обряда съ римскою церковью.

«Если Лисовскій за 40 лѣтъ предъ симъ находилъ, что уніатское духовенство измѣняетъ болѣе и болѣе обряды славянскаго богослуженія, вводя и новыя празднества, и что нужно возстановить древніе обряды, то нынѣ при столь явномъ наклоненіи духовенства къ католицизму, еще нужнѣе поставить богослуженіе на твердомъ основаніи.

«*Мнѣніе*:

«По симъ соображеніямъ полагаю я, при настоящемъ случаѣ уменьшенія и переобразованія базиліанскаго ордена, принять еще слѣдующія мѣры, соотвѣтствующія, по мнѣнію моему, намѣреніямъ вашего императорскаго величества, изображеннымъ въ указѣ 9-го октября 1827-го года.

«Образованіе греко-уніатской коллегіи.

«I. Уніатскій департаментъ отдѣлить совершенно отъ р.-к. духовной коллегіи, и переименовавъ его въ гр.-уніат. коллегію, назначить для засѣданій ея особое мѣсто, и опредѣлить къ ней особаго прокурора.

«Вмѣстѣ нужно бы пополнить составъ сей коллегіи, дабы придать ей нѣкоторую важность, — и пополнить наравнѣ съ рим.-кат. коллегіею, такъ чтобы она состояла изъ митрополита, одного епископа, одного архимандрита и 4-хъ ассессоровъ отъ казны, какъ ниже будетъ объяснено.

«Главною обязанностью сей коллегіи да будетъ: *во-первыхъ*, строгое смотрѣніе, дабы не были въ богослуженіе вводимы чуждые обряды, но соблюдались древніе обряды богослуженія, народами русскаго племени свято почитаемые. Никакіе служебники, требники, молитвенники и другія церковныя и назидательныя книги не могутъ быть издаваемы безъ разсмотрѣнія гр.-ун. коллегіи и безъ письменнаго одобренія къ напечатанію со стороны митрополита гр.-ун. церквей въ Россіи, предсѣдательствующаго въ сей коллегіи. *Во-вторыхъ:* самый порядокъ церковнаго правленія и церковнаго благочинія да будетъ свойственный сему греческому обряду и да охраняется отъ смѣшенія съ чуждыми уставами.

«II. Дать лучшее внѣшнее образованіе епархіямъ.

«Болѣе десяти лѣтъ существовала у насъ въ Литвѣ одна епархія. Случай присоединенія Бѣлостокской области съ малымъ числомъ церквей, далъ поводъ къ раздѣленію сей епархіи и къ учрежденію четвертой, которая наименована виленскою митрополичьею епархіею. Но оно носитъ только имя сіе, не имѣя ни каѳедры, ни значительнаго числа церквей въ Виленской губерніи.

«Коллегія и нынѣ не нашла, гдѣ бы учредить каѳедру сей епархіи, и назначаетъ для духовной семинаріи, которая должна быть подъ наблюденіемъ епископа, мѣсто на краю виленской епархіи не далеко отъ Полоцка, гдѣ есть уже устроенная въ хорошемъ порядкѣ семинарія.

«Митрополитъ не имѣетъ на сію такъ-называемую митрополичью епархію непосредственнаго вліянія. Она поручена суффрагану Головнѣ съ правами епархіальнаго архіерея. Но сей викарный епископъ не оправдалъ своего призванія, и почитается неблагонадежнѣйшимъ изъ уніатскихъ епископовъ. Епархія находится въ разстройствѣ, равно какъ и каѳедральныя имѣнія, отъ худаго управленія.

«Съ другой стороны Луцкая епархія распространена: 1-е, на Подольскую губернію, гдѣ не осталось ни одной уніатской церкви, а находится только базиліанскій монастырь въ Барѣ, который коллегія назначаетъ упразднить, коль скоро тамошнее базиліанское училище замѣнено будетъ другимъ; и 2-е, на Кіевскую губернію, гдѣ имѣется только шесть небольшихъ уніатскихъ приходовъ и три монастыря, кои всѣ также назначены къ упраздненію. 3-е, въ самой Волынской губерніи одинъ только уѣздъ Ковельскій, прилегающій къ Литвѣ, имѣетъ значительное число уніатскихъ церквей, также отчасти смежный съ нимъ Дубенскій, гдѣ 28 церквей, и третій Овручьскій, также смежный съ Литвою, гдѣ 16-ть церквей, остальные 8 уѣздовъ или вовсе не имѣютъ уніатскихъ, или весьма незначительное число, — между тѣмъ какъ въ каждомъ изъ сихъ уѣздовъ находится болѣе 100, и даже до 150 гр.-россійскихъ церквей.

«Учрежденіе для трехъ помянутыхъ губерній полнаго епархіальнаго уніатскаго правленія съ двумя епископами: епархіальнымъ и викарнымъ, съ каѳедральнымъ капитуломъ и консисторіею долженствовало имѣть, и имѣло послѣдствіемъ расширеніе уніи въ томъ краѣ. Нигдѣ духовенство сего обряда не сблизилось столько съ римско-католиками, какъ тамъ; и нигдѣ нѣтъ такого непомѣрнаго числа уніатскихъ священниковъ въ сравне-

ніи съ числомъ оставшихся въ уніи церквей и приходовъ, какъ тамъ. Выше сказано, что въ сей епархіи 182 уніатскихъ священника находятся при римско-католическихъ церквахъ и при каплицахъ, помѣщиками учрежденныхъ. Сіи соображенія ведутъ въ тому заключенію, что можно бы упразднить луцкую уніатскую епархію, равно какъ и виленскую и распредѣлить церкви ихъ между двумя остающимися епархіями: бѣлорусскою или полоцкою, и литовскою или брестскою.

«Въ луцкую епархію, послѣ смерти архіепископа Красовскаго, не опредѣленъ еще начальникъ, а виленская управляется, какъ выше сказано, викарнымъ епископомъ Головнею, который по упраздненіи сей епархіи можетъ остаться въ семъ званіи при брестской.

«Сіе соединеніе епархій представляетъ еще слѣдующія выгоды: а) будетъ менѣе затрудненія въ избраніи благонадежныхъ духовныхъ въ званіе епископовъ, и въ члены консисторій для двухъ епархій, нежели для четырехъ; б) останется учредить вновь только одну епархіальную семинарію для литовской епархіи, а не три, да и невозможно было бы пріискать вдругъ для трехъ новыхъ семинарій профессоровъ способныхъ и благонадежныхъ; и наконецъ, в) масса общаго церковнаго фундуша получитъ приращеніе отъ тѣхъ имѣній, кои назначаются на содержаніе луцкаго и виленскаго епархіальныхъ начальствъ съ ихъ консисторіями; а симъ приращеніемъ усилятся способы удовлетворять тѣмъ нужнымъ и полезнымъ предметамъ, для коихъ учреждается оный фундушъ.

«Если послѣдуетъ на сіе соединеніе епархій высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе, то я полагаю:

1. Къ бѣлорусской причислить: а) смежные съ нею уѣзды Минской губерніи: Дисненской, Борисовскій, Игуменскій, Бобруйскій, Речицкій и Мозырскій; б) прилегающіе къ послѣднимъ двумъ уѣздамъ въ Волынской губерніи Овручьскій, а въ Кіевской губерніи Родомысльскій уѣздъ, гдѣ находятся шесть уніатскихъ приходовъ; и сопредѣльный же съ Бѣлоруссіею въ Курляндской губерніи Зельбургскій уѣздъ, гдѣ также имѣется шесть церквей уніатскихъ.

2. Литовская епархія будетъ заключаться въ двухъ литовскихъ губерніяхъ, въ Бѣлостокской области, въ остальной части Минской губерніи, а въ Волынской губерніи почти только въ двухъ уѣздахъ—Ковельскомъ и Дубенскомъ.

«Въ другихъ уѣздахъ Волынской губерніи означить именно число церквей, кои къ вѣдомству литовской епархіи принадле-

жать будутъ, и ограничивъ такимъ образомъ обѣ уніатскія епархіи, закрыть для уніи южный край.

«По сему распредѣленію какъ бѣлорусская такъ и литовская епархіи получатъ почти равное приращеніе, каждая около 200 церквей. И каждая будетъ присылать для засѣданія въ гр.-ун. коллегіи по два депутата съ званіемъ ассессоровъ коллегіи, представляя предварительно кандидатовъ на утвержденіе главноуправляющаго духов. дѣлами иностр. исповѣданій, такъ, чтобы право представленія на два мѣста принадлежало двумъ епархіальнымъ епископамъ, а на другіе два консисторіямъ.

«Съ упраздненіемъ луцкой епархіи можно будетъ тамошняго викарнаго епископа Сѣроцинскаго призвать сюда для засѣданія въ гр.-ун. коллегіи. Онъ получаетъ на свое содержаніе изъ доходовъ Жидичинскаго монастыря 1000 руб. сер. въ годъ. А когда окажетъ усердіе на службѣ въ коллегіи, то можно будетъ сдѣлать ему прибавку изъ оклада луцкаго епископа 6,000 руб., обратя на сей же окладъ и жалованье для четвертаго, нынѣ добавляемаго ассессора коллегіи.

«Епархіальныя начальства.

«III. Управленіе увеличиваемыми симъ образомъ епархіями полоцкою и брестскою весьма важно въ изъясненныхъ выше видахъ.

«Дѣла и частныя свѣдѣнія доказываютъ, что полоцкій епископъ Мартусевичъ преданъ католикамъ. Ему нужно дать благонадежнаго викарнаго епископа, поставивъ его предсѣдателемъ консисторіи въ Полоцкѣ.

«Брестскою епархіею въ отсутствіе епархіальнаго ея начальника, митрополита Булгака, управляетъ предсѣдатель тамошней консисторіи, прелатъ Тупальскій. Духовенство сей епархіи ходатайствуетъ объ утвержденіи его постояннымъ предсѣдателемъ консисторіи, митрополитъ представилъ его къ награжденію орденомъ св. Анны 2-го класса. Можно бы вызвать его сюда, дабы внушить ему намѣренія правительства и воспользоваться мѣстными его свѣдѣніями по предмету учрежденія въ Жировицахъ семинаріи. По важности занимаемаго Тупальскимъ мѣста, если онъ будетъ на немъ утвержденъ, нужно дать ему, какъ предпоставленному надъ другими духовными блюстителю, наружное отличіе свойственное духовному его сану, каковое и въ нашей церкви дается духовнымъ начальникамъ имѣющимъ семейства, то-есть митру.

«Духовенство соборное и консисторіи.

«IV. Вмѣсто каѳедральныхъ капитуловъ, кои въ нѣкоторыхъ

уніатскихъ епархіяхъ вводились по образцу римскаго обряда,— съ ихъ прелатами и канониками, будетъ свойственнѣе учредить соборное духовенство; а вмѣсто римскихъ дистинкторій ввести наперсные кресты, употребляемые въ греко-россійской церкви. Дабы же съ симъ званіемъ соединена была существенная выгода и вящшее поощреніе для греко-уніатскаго духовенства, стараться заслужить усердіемъ къ своему обряду вниманіе правительства,— полезно будетъ опредѣлить небольшія пенсіи для соборныхъ протоіереевъ изъ доходовъ имѣній каѳедральныхъ, назначивъ для каждой епархіи по 6-ти старшихъ и 12-ти младшихъ соборныхъ протоіереевъ съ окладами для первыхъ по 150, а для послѣднихъ по 100 руб сер. Сіе званіе будетъ только почетное, и соборные протоіереи могутъ оставаться при своихъ приходахъ.

«Нѣсколько такихъ бенефицій можно основать на лучшихъ фундушахъ монастырей, въ приходскія церкви обращаемыхъ. При томъ въ нынѣшней луцкой епархіи имѣется и особый довольно значительный фундушъ каѳедральнаго капитула, который можно для сего же употребить. Въ сихъ же видахъ нужно улучшить содержаніе консисторій. Въ брестской епархіи назначено для сего 2,000 талеровъ, что̀ составитъ на ассигнаціи 9,500 рублей. Какъ съ увеличеніемъ епархіи, дѣла въ консисторіи умножатся, то надлежитъ сдѣлать консисторіи прибавку изъ общаго церковнаго фундуша, опредѣливъ всего 3,000 руб. сер.; сей же окладъ положить и полоцкой консисторіи, которой содержаніе донынѣ зависѣло отъ епископа и было весьма скудно.

«Греко-унитскія консисторіи, по регламенту, изданному у насъ для римско-католическаго духовенства, который распространенъ и на унію, учреждены какъ судебныя мѣста, безъ всякаго участія въ самомъ правленіи церковномъ. Но какъ большая часть уніатскихъ нашихъ епископовъ вышли изъ базиліанскаго ордена, да и въ прочихъ не замѣчается прямого усердія къ славянскому обряду, а бѣлое духовенство при поощреніяхъ, выше предположенныхъ, скорѣе можно имѣть на сторонѣ правительства; то въ семъ отношеніи полезно будетъ предоставить впредь до усмотрѣнія консисторіямъ, составляемымъ изъ бѣлаго духовенства, нѣкоторыя преимущества противу римско-католическихъ консисторій. Сіи преимущества могутъ состоять въ слѣдующемъ:

а) Консисторіи могутъ представлять греко-унитской коллегіи и главному управленію духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій о нуждахъ бѣлаго духовенства, когда бы ходатайство о томъ консисторіи у духовнаго своего начальства осталось безъ дѣйствія.

б) Дозволяется имъ также входить съ представленіями по всѣмъ предметамъ устройства греко-уніатскаго обряда, относящимся къ возстановленію онаго въ первобытной чистотѣ, согласно указу 9-го октября 1827 года.

в) Дозволяется консисторіямъ наряжать отъ себя разъ въ годъ въ консисторіальный округъ изъ соборныхъ протоіереевъ, отличающихся знаніемъ чина славянскаго богослуженія и просвѣщеніемъ, для полученія свѣдѣнія о состояніи церкви въ отношеніяхъ, изъясненныхъ въ предыдущемъ пунктѣ.

«Низшія духовныя правленія.

«V. По обширности греко-уніатскихъ епархій дозволяется учреждать въ вѣдѣніи консисторій низшія духовныя правленія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сіе нужно будетъ для порядка и для лучшаго наблюденія за устройствомъ уніатскаго обряда. О семъ коллегія всякій разъ будетъ представлять чрезъ главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, на разсмотрѣніе и утвержденіе правительствующаго сената.

«Выгоды, предоставляемыя бѣлому духовенству вообще.

«VI. Наконецъ, для вящшаго поощренія всего бѣлаго духовенства къ радѣнію о своемъ обрядѣ, можно тѣмъ, кои порядочно исправляютъ богослуженіе и требы на славянскомъ языкѣ, предоставить на равнѣ съ греко-россійскимъ и протестантскимъ духовенствомъ право для сыновей ихъ на вступленіе въ военную и гражданскую службу по увольненіи ихъ изъ духовнаго званія.

«Коллегія ходатайствуетъ о семъ въ особомъ представленіи.

«Образованіе духовныхъ училищъ.

«VII. Въ двухъ семинаріяхъ, полоцкой и новоучреждаемой въ Литвѣ жировицкой назначить полное содержаніе въ каждой для 100 семинаристовъ и для 20 воспитанниковъ низшаго духовнаго училища.

«Другія низшія духовныя училища учредить въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ коллегія полагаетъ, и съ тѣмъ же числомъ учениковъ; но нельзя объявить общаго положенія, чтобы содержаніе воспитанниковъ производимо было монастырями изъ своихъ фундушей; а нужно будетъ нѣкоторымъ изъ нихъ дать вспоможеніе изъ доходовъ общаго церковнаго фундуша, ибо оставляемые базиліанскіе монастыри, изъ коихъ многіе имѣютъ весьма умѣренные доходы, какъ показываетъ вѣдомость, должны принять великое число монаховъ изъ упраздняемыхъ монастырей и содержать ихъ.

«Весьма вѣроятно, что и на сей предметъ понадобится также

сдѣлать изъ общаго фундуша нѣкоторымъ монастырямъ временное пособіе. Поелику же Овручьскій монастырь съ упраздненіемъ луцкой епархіи, остается свободнымъ, то можно въ немъ учредить низшее духовное училище, и назначить на содержаніе онаго съ 20-ю воспитанниками потребную сумму изъ монастырскаго фундуша, обратя остальные доходы въ составъ общаго церковнаго фундуша.

«Какъ греко-уніатское духовное юношество, обучавшееся до нынѣ въ обыкновенныхъ училищахъ вмѣстѣ съ католиками и у католиковъ,—будетъ впредь получать съ низшихъ классовъ образованіе, соотвѣтствующее духовному званію сего обряда, въ кругу своего сословія, не смѣшиваясь съ католиками; то прекратить отправленіе уніатскихъ семинаристовъ въ главную римско-католическую семинарію при виленскомъ университетѣ учрежденную, отозвавъ въ епархію обратно находящихся нынѣ тамъ воспитанниковъ, что̀ и исполнить лѣтомъ при концѣ учебнаго года.

«Вмѣсто сего заведенія для уніатовъ учредить въ Полоцкѣ высшія каѳедры богословскихъ наукъ и церковной словесности, переименовавъ полоцкую семинарію съ сими каѳедрами въ грекоуніатскую духовную академію.

«Въ дѣлѣ семъ можно употребить съ пользою, между прочими, профессора виленскаго университета богословскихъ наукъ, уніатскаго священника Бобровскаго, отлично одобреннаго митрополитомъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Новосильцевымъ. Нужно вызвать его сюда для составленія плана образованія сей академіи и жировицкой семинаріи. Находясь почти постоянно при университетѣ и главной семинаріи, онъ вѣроятно знаетъ способнѣйшихъ изъ священниковъ тамъ обучавшихся, коихъ можно употребить профессорами въ академію и семинарію. Ему можно поручить обозрѣніе полоцкой семинаріи въ нынѣшнемъ ея состояніи, дабы сообразить лучше дальнѣйшія мѣры. Вмѣстѣ съ Бобровскимъ нужно вызвать сюда и ректора полоцкой семинаріи.

«Мѣры противу совращеній.

«VIII. Имѣя въ виду изъясненную выше крайнюю надобность преграждать по возможности соблазны и совращенія людей, присоединившихся къ православію, въ унію, и изъ уніи въ римскій обрядъ, и споспѣшествовать возвращенію простолюдиновъ, увлеченныхъ прельщеніями и понужденіями, нахожу я, что слѣдующія распоряженія могутъ соотвѣтствовать сей цѣли:

а) Запретить строить впредь каплицы, исключая только если

помѣщикъ лично для себя и для своего семейства пожелаетъ учредить служеніе внутри дома гдѣ живетъ.

б) Всѣмъ тѣмъ, кои сами, или родители, или предки ихъ были въ уніатскомъ обрядѣ и перешли въ римскій, позволяется свободно возвратиться въ свой обрядъ, и греко-уніатское духовенство можетъ ихъ принять безпрепятственно.

в) Селенія, гдѣ живутъ люди русскаго племени, имѣющіе нынѣ священниковъ римскаго обряда, не могутъ быть поручаемы духовнымъ лицамъ изъ какого-либо монашескаго ордена или конгрегаціи. Если гдѣ при нихъ находятся таковые монахи, то губернское правленіе имѣетъ требовать отъ римско-католической консисторіи, дабы на мѣсто ихъ назначены были бѣлые священники; если же сіе не будетъ исполнено въ теченіи одного года по недостатку бѣлыхъ римско-католическихъ священниковъ, или по другимъ какимъ причинамъ, то губернское правленіе требуетъ отъ греко-унитской консисторіи священниковъ ея вѣдомства и вводитъ ихъ въ управленіе церковью, дабы приходъ не оставался безъ духовнаго призрѣнія.

«Въ семъ состоятъ главныя мѣры, имѣющія цѣлью дать уніатскому бѣлому духовенству полезное для государства направленіе.

«Распоряженіе относительно уніатскаго монашества.

«IX. Обращаясь къ уніатскому монашеству, отклонившемуся отъ своего обряда гораздо болѣе бѣлаго духовенства, нахожу я нужнымъ:

«*Во-первыхъ*, подчинить сіе монашество по примѣру господствующей церкви епархіальнымъ епископамъ и консисторіямъ, какъ сіе было не малое время съ присоединенія Бѣлоруссіи, въ царствованіе государыни императрицы Екатерины II и государя императора Павла I. О семъ греко-унитскій департаментъ вошелъ ко мнѣ съ особымъ представленіемъ. Но такъ какъ базиліане до нынѣ управлялись почти независимо отъ общаго епархіальнаго начальства, то нельзя вдругъ уничтожить орденское ихъ правленіе, а слѣдуетъ оставить на нѣкоторое время провинціаловъ, назначивъ имъ мѣстопребываніе тамъ, гдѣ и консисторіи учреждаются, и поставить ихъ подъ надзоромъ епархіальнаго начальства и подъ наблюденіемъ консисторій.

«*Во-вторыхъ*. По великому числу принятыхъ въ сіе уніатское монашество католиковъ, изъ коихъ не многіе могутъ быть для уніи полезны,—настоящая мѣра сокращенія сего ордена должна преимущественно на нихъ обратиться, дабы они не оставались въ тягость уніатскимъ фундушамъ. Можно разрѣшить всѣмъ тѣмъ, кои вошли въ базиліанскій орденъ изъ римскаго обряда,

перейти по желанію ихъ въ какой-либо изъ рим.-кат. монашескихъ орденовъ. Главное управленіе духовныхъ дѣлъ имѣетъ многіе примѣры такихъ переходовъ въ то время, когда базиліанскіе монастыри подчинены были епископамъ и власть орденская разрушена была. Тѣхъ же изъ нынѣшнихъ базиліанъ-католиковъ, кои не найдутъ себѣ пріема гдѣ-либо въ рим.-кат. орденѣ, нужно размѣстить особо отъ уніатскихъ монаховъ.

«*Въ-третьихъ*. Гр.-ун. коллегія войдетъ въ разсмотрѣніе о томъ, какимъ образомъ дать уніатскому монашеству полезное для церкви и для государства направленіе и образованіе, и какія поощренія назначить достойнѣйшимъ изъ нихъ, кои будутъ радѣть о своемъ обрядѣ, и споспѣшествовать преуспѣянію своей церкви.

«*Въ-четвертыхъ*. Распоряженія относительно существующихъ нынѣ монастырей. Изъ оставляемыхъ монастырей одинъ въ Витебскѣ, есть собственно іезуитскій кляшторъ, отданный базиліанамъ въ 1822-мъ году только для содержанія гимназіи (сверхъ губернскихъ гимназій), для чего и производится имъ изъ казны въ числѣ прочихъ суммъ, опредѣленныхъ въ замѣнъ доходовъ съ іезуитскихъ имѣній, 12,000 руб. въ годъ. Но коллегія полагаетъ учредить тамъ духовное училище, а свѣтское вывести.

«Есть еще 4 монастыря, кои также содержатъ свѣтскія училища, и гдѣ коллегія вмѣсто ихъ полагаетъ завести духовныя. Вообще по сему предмету долженъ я буду предварительно потребовать мнѣній отъ университетовъ, въ вѣдѣніи коихъ тѣ базиліанскія училища состоятъ, какимъ образомъ онѣ могутъ быть замѣнены.

«Съ другой стороны, въ Волынской губерніи оставляются въ Кременецкомъ уѣздѣ, гдѣ нѣтъ гр.-ун. церквей, два монастыря—Почаевскій и Кременецкій.

«О Кременецкомъ монастырѣ святѣйшій синодъ отнесся ко мнѣ чрезъ своего оберъ-прокурора, не можно ли вывести оттуда базиліанъ, такъ какъ въ Кременцѣ давно уже предположено учредить гр.-рос. соборъ; для чего требуется весьма значительная сумма. Подобныя надобности правительства могутъ и въ другихъ мѣстахъ встрѣтиться; а потому нужно въ разсужденіи зданій упраздняемыхъ монастырей сообщить губернскимъ начальствамъ, дабы они объ употребленіи сихъ зданій дали свое мнѣніе, и потомъ можно будетъ положить по мѣрѣ, какое вознагражденіе сдѣлать общему уніатскому церковному фундушу за оныя зданія.

«*Въ-пятыхъ*. Пріемъ монастырскихъ имѣній и управленіе ихъ

представляетъ большія затрудненія. Бѣлое уніатское духовенство почти совсѣмъ не имѣетъ въ своемъ владѣніи недвижимыхъ имѣній, и потому не зная хозяйства и бывъ озабочено духовными обязанностями, не можетъ управлять толь великимъ числомъ имѣній, изъ коихъ многія весьма значительны и разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ, особенно же въ Волынской губерніи, гдѣ не будетъ и епархіальнаго начальства. Присоединяется къ сему,— что обществамъ, каковы суть семинаріи, консисторіи и соборное духовенство, крайне неудобно владѣть и управлять недвижимыми имѣніями. Сіи затрудненія были бы устранены, еслибы казна могла имѣнія, отбираемыя отъ монастырей, пріобрѣсти покупкою, и выдавъ уніатскому духовенству обязательства на капиталы, во что имѣнія оцѣнены будутъ, по точной справедливости производить ему проценты.

«Мѣру сію нужно бы отнести и къ имѣніямъ, кои состоятъ во владѣніи полоцкаго епископа, около 3,500 душъ крестьянъ мужескаго пола; ибо крайне неудобно опредѣлить сіи доходы, и назначить сколько епископъ можетъ давать на содержаніе: а) семинаріи, б) консисторіи, в) соборнаго духовенства, дабы сіе духовенство и консисторія не зависѣли отъ произвола епископа; и наконецъ, г) останется ли у него самого довольно ежегоднаго дохода на собственное его содержаніе съ монастыремъ и соборною церковью. Безъ сего нельзя и назначить, сколько слѣдуетъ прибавить для семинаріи, которая преобразовывается, и въ которой число воспитанниковъ значительно увеличивается. Въ такомъ же почти затруднительномъ положеніи останутся и каѳедральныя имѣнія виленской митрополичьей епархіи, къ упраздненію назначаемой. Донынѣ оныя находились въ управленіи суффрагана Головни и консисторіи, кои пользовались доходами пополамъ. Нужно продолжать содержаніе: а) суффрагану по смерть его, тѣмъ болѣе, что и архимандрія его брацлавская упраздняется, и б) предсѣдателю виленской консисторіи съ канцеляріею до сдачи дѣлъ тѣмъ консисторіямъ, въ вѣдѣніе коихъ поступаютъ церкви виленской епархіи.

«Но если мѣра пріобрѣтенія уніатскихъ имѣній въ казну не можетъ быть принята, то остается обратить ихъ въ арендное содержаніе тѣмъ же порядкомъ, какъ и казенныя имѣнія отдаются въ аренду, исключая нѣкоторыя имѣнія, на коихъ можно учредить бенефицію для соборнаго духовенства.

«Въ обоихъ случаяхъ пріемъ имѣній, равно какъ актовъ на оныя и на капиталы и относящихся къ тому дѣлъ, нужно въ каждой изъ трехъ нынѣ существующихъ базиліанскихъ провинцій

поручить особымъ коммиссіямъ, составивъ оныя изъ гражданскихъ и духовныхъ чиновниковъ. Сдачу же должны произвести въ каждомъ монастырѣ: провинціалъ съ консульторомъ, и настоятель монастыря съ предмѣстникомъ его, кои и должны отвѣтствовать за неполную сдачу, какъ за утайку церковной принадлежности. Сіе тѣмъ болѣе нужно, что свѣдѣнія, кои коллегія собрала о фундушахъ базиліанскаго ордена, не такъ еще вѣрны, чтобы на нихъ положиться можно было; ибо коллегія знаетъ только то, что сами базиліане объявили; а консисторіи почти вовсе не имѣютъ свѣдѣнія о сихъ фундушахъ.

«Многіе случаи, бывшіе въ разсмотрѣніи главнаго управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, показываютъ, сколько ненадежны подобныя объявленія монастырскихъ начальствъ. — Предположенія мои повергаю [всеподданнѣйше на высочайшее вашего императорскаго величества разрѣшеніе. — Александръ Шишковъ.»

Таково содержаніе этого важнаго историческаго документа, который послужилъ основаніемъ возсоединенія Уніи.

М. Морошкинъ.

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ

и

ОБРУСЕНІЕ.

VII *).

Если «московскіе» славянофилы обнаружили неискренность и недовѣріе даже къ умѣренному украинскому движенію и зашли по этому вопросу въ *cercle vicieux*, то тѣмъ труднѣе было имъ справиться съ отношеніями къ польско-католическимъ кругамъ западнаго края и къ полякамъ въ Польшѣ. Причина того и другого явленія, какъ нельзя болѣе понятна. Московскіе славянофилы не могутъ не чувствовать, что у нихъ у самихъ нѣтъ почвы подъ ногами для защиты общерусскихъ тенденцій, такъ какъ они собственно отстаиваютъ такое же начало, какъ и самые крайніе украинофилы. И дѣйствительно, московское славянофильство, при всей своей враждѣ съ крайнимъ украинофильствомъ, само является не чѣмъ инымъ, какъ такою же «хлопоманіей», такимъ же «сепаратизмомъ» и, пожалуй, еще болѣе крайнимъ, чѣмъ самое крайнее украинофильство. Оно видѣло не только корень, но и исключительнаго представителя русской и даже славянской народности въ великорусскомъ крестьянствѣ, а идеальное государство въ московскомъ государствѣ XVII-го вѣка, когда и бояринъ и царь мало отличались, по нравственному облику, отъ этого крестьянства. Всего того, что совершено въ Россіи послѣ Петра, московскіе славянофилы знать не хотѣли за рус-

*) См. выше: февр. 640; мартъ 183 стр.

ское, все это почитали они испорченнымъ западничествомъ. «Ложь! всюду ложь!» восклицалъ органъ московскихъ славянофиловъ «День»: «ложь въ обществѣ, ложь въ литературѣ!» И послѣ этого не странно ли было, когда этотъ же «День» защищалъ отъ украинофиловъ языкъ этого «*лже-общества*», эту «*лже-литературу*»? Тѣ, которые хотятъ искать всецѣло народныхъ идеаловъ въ крестьянствѣ и въ XVII-мъ вѣкѣ, должны согласиться съ тѣмъ, что крестьянство у насъ въ дѣйствительности есть и малорусское, и бѣлорусское и великорусское; и что въ XVII-мъ вѣкѣ не было Россіи, а была Великая, Малая и Бѣлая Русь. Общерусскимъ обществомъ у насъ слѣдуетъ называть именно общество, которое образовалось, начиная только съ XVIII-го вѣка, въ петербургскій періодъ, и прежде всего въ Петербургѣ, который и былъ первымъ общерусскимъ городомъ, и такимъ остается по преимуществу и до сихъ поръ. Отрицая же петербургскій періодъ со всѣми его произведеніями, кляня Петербургъ, проповѣдуя возвратъ къ крестьянству и къ XVII-му вѣку, московскіе славянофилы, очевидно, сами впали въ сепаратизмъ и открывали дорогу другимъ; московскіе славянофилы знать не хотѣли, что съ XVIII-го вѣка народились въ Великой Руси *европейцы*, которые могутъ черезъ то не переставать быть великоруссами,—что-жъ тутъ удивительнаго, что крайніе украинофилы знать не хотѣли, что съ того же XVIII-го вѣка народились и *русскіе* въ Малороссіи, которые преудобно могутъ быть русскими, не переставая быть малороссами. Признать же XVIII-й вѣкъ органическимъ явленіемъ въ русской исторіи, признать Россійскую имперію,—съ ея не только Малою и Бѣлою Русью, но и Литвой и Польшей, балтійскимъ краемъ и Финляндіей, съ уніатствомъ, католицизмомъ, протестантствомъ всѣхъ толковъ и еврействомъ, высшею формою государства, чѣмъ московское царство, знавшее только великоруссовъ и инородцевъ, православныхъ и бусурманъ... это значило бы отречься отъ самыхъ завѣтныхъ ученій московскаго славянофильства. Правда, что это значило стать на такую высоту, съ которой только и можно побивать на голову всѣ сепаратизмы и съ полной вѣрой въ успѣхъ звать Россію къ исполненію ея призванія среди славянскихъ и неславянскихъ, разнонарѣчныхъ, разноязычныхъ и разновѣрныхъ племенъ отъ Адріатики и до Кавказа,—призванія, о коемъ такъ много говорили и московскіе славянофилы. Но вышедши съ кличемъ объ этомъ призваніи и имѣя идеалы позади себя и въ одной русской области, московскіе славянофилы сами же всегда боялись призываемаго ими будущаго.

При своемъ «московскомъ сепаратизмѣ», при свой «велико-

русской хлопоманіи» они, понятно, не могли съ должнымъ безпристрастіемъ и широтою мысли побивать увлеченія украинофильства и отстаивать спокойно общерусскіе интересы. Разъ потерявши самообладаніе, славянофилы (если судить по словамъ печатнаго ихъ органа) не выдержали и своего прежняго отношенія къ дѣятельности украинофиловъ и къ малороссійской словесности, навлекшаго на нихъ укоры «Московскихъ Вѣдомостей» въ томъ, что «у этихъ господъ двоится въ глазахъ». Мало-помалу и они присоединились къ голосу тѣхъ, кто утверждалъ, что все украинское движеніе и у насъ и въ Галиціи есть дѣло «польской интриги». Въ такомъ духѣ по крайней мѣрѣ уже высказывалась «Москва». Что касается до Галиціи, то, какъ мы видѣли, такимъ отношеніемъ къ дѣлу выдающихся людей національной русской партіи дѣйствительно воспользовалась отчасти польская интрига. Нетерпимость и обвиненія, посылаемыя изъ Москвы галицкимъ «народовцамъ», повредили отчасти нашему славянофильству и у другихъ славянъ, особенно у молодой сербской партіи, представляемой Омладиной. Что касается до Россіи, то и тутъ произошло замедленіе въ народномъ образованіи, черезъ дискредитированіе предпріятія г. Костомарова; въ западномъ краѣ реакція полонизму не приняла болѣе живыхъ, народныхъ формъ; много скромныхъ дѣятелей были тоже лишены довѣрія, много интригановъ пользовались обвиненіемъ въ сепаратизмѣ для нечистыхъ цѣлей, накладывая на людей, которые виноваты были только въ любви къ своей родинѣ и народу, черные оттѣнки отъ «малороссофила» до «сепаратиста», многіе патріоты задавались работой чистить и русить русское отъ временъ Кія, Щека и Хорева... Словомъ, много учинилось путаницы, потери силъ и промедленія въ юго-западной Руси,—и «польская интрига» дѣйствительно могла торжествовать при видѣ того, какъ русскія силы поѣдали другъ друга.

Говоримъ все это вовсе не въ судъ и не во осужденіе кого-либо лично. Всѣ грѣшны были по немногу. Да, должно быть, иначе не могло быть, какъ было!

Впрочемъ, въ своихъ отношеніяхъ къ польско-католическимъ кругамъ западнаго края и къ полякамъ въ Польшѣ, московское славянофильство, при всемъ своемъ увлеченіи, оказалось однако далеко не безъ заслугъ передъ русскимъ обществомъ въ разъясненіи вопроса о западномъ краѣ и Польшѣ и высказало немало здравыхъ мыслей, которыя, слѣдуетъ думать, упали не совсѣмъ на каменистую почву. Если наша статья попадетъ въ руки и поляку, то мы сочтемъ и ее не безполезной, такъ какъ въ ней полякъ найдетъ слова, которыя мы извлечемъ изъ старой уже

теперь газеты, слова, изъ которыхъ полякъ увидитъ, что и люди крайней русско-національной партіи вовсе не объявляли войны quand-même польской народности, а старались, елико можно было, отнестись терпимѣе даже къ крайнимъ польскимъ требованіямъ, и въ трудную минуту народнаго раздраженія находили въ душѣ своей слова въ защиту тѣхъ правъ польскаго народа, которыя казались имъ неотъемлемыми.

Написавъ на знамени своемъ «славянство», «народность», московскіе славянофилы не могли конечно не признавать и за поляками права на народное развитіе. Будучи удалены отъ Польши и, подобно всѣмъ русскимъ, плохо зная ходъ дѣлъ въ Польшѣ, намѣренія и составъ революціонныхъ польскихъ партій, славянофилы сначала относились вовсе не враждебно даже и къ польскимъ революціонерамъ, подобно многимъ русскимъ людямъ, особенно жителямъ столицъ. Есть люди, которые теперь во всякомъ, кто не кричалъ и не кричитъ о враждѣ къ полякамъ, видятъ «овцу панургова стада» или злостнаго врага Россіи, — и какъ часто именно эти-то крикуны и оказываются тѣми же самыми лицами, которые когда-то кричали и за поляковъ или служили тѣмъ интересамъ, которые могли быть на руку только полякамъ и притомъ самой именно «шляхто-іезуитской» партіи! Теперь конечно яснѣе видно значеніе послѣдняго польскаго возстанія,—хотя многіе ли ясно понимаютъ его! Теперь, наприм., будь я полякъ и крайній польскій патріотъ, только хладнокровно смотрящій на вещи, — я бы благословлялъ небо, что послѣднее возстаніе не удалось и въ то же время помѣшало (какъ видно и изъ отвѣтныхъ депешъ нашего канцлера) завершенію системы М. Велепольскаго конституціей для царства польскаго. И въ томъ и въ другомъ случаѣ Польша могла бы оказаться представительнымъ государствомъ,—въ соединеніи ли съ Россіей, или безъ того, но съ преобладаніемъ въ представительствѣ аристократіи, которая, чтобы тамъ ни говорили въ своихъ прокламаціяхъ демократы à la Мѣрославскій, никогда бы ни потерпѣла ничего подобнаго тому устройству сельскаго сословія въ Польшѣ, которое введено было въ 1864-мъ году «московскимъ» правительствомъ. А обезпеченіе массъ народа это такое пріобрѣтеніе для страны и народности, ради котораго стбитъ и много пострадать.

Но въ 1860—61 гг. къ начинавшемуся польскому движенію многіе относились въ Россіи не такъ, какъ послѣ. Тому помогала и самая сложность польскаго движенія, въ коемъ нѣкоторыя стороны были общи съ тогдашнимъ направленіемъ и русскаго общества. Теперь чаще всего встрѣчаешься съ мнѣніемъ,

что польское движеніе было исключительно аристократическимъ и даже было вызвано неудовольствіемъ пановъ западнаго края эманципаціей крестьянъ и опасеніемъ пановъ въ царствѣ польскомъ, какъ бы принципы этой эманципаціи не перешли въ царство, т.-е. какъ бы русское правительство не озаботилось и тамъ введеніемъ крестьянскаго надѣла. Въ такомъ мнѣніи есть доля правды; еще болѣе вѣрно,—впрочемъ предположеніе, что при успѣхѣ возстанія главная правительственная сила попала бы въ Польшѣ въ руки пановъ, или, если демократіи, то въ родѣ той, которая заявила свои политическіе таланты въ парижской коммунѣ. Но нельзя же отрицать, что была въ польскомъ движеніи и не-аристократическая сторона. Наконецъ,—независимо отъ чисто національной стороны,—въ польскомъ движеніи была политическая, т.-е. что̀ отразилось тогда и на русскомъ обществѣ и нашло себѣ выраженіе даже въ патріотическихъ адрессахъ, которые стали подаваться у насъ послѣ вмѣшательства европейскихъ кабинетовъ въ польскій вопросъ, и въ статьяхъ журналовъ по поводу этихъ адресовъ, какъ, напримѣръ, «Русскомъ Вѣстникѣ», который въ статьѣ «Что̀ намъ дѣлать съ Польшей?» совѣтовалъ потопить польскую оппозицію въ земскомъ соборѣ всей россійской имперіи, хотя и имѣющемъ только совѣщательное значеніе, какъ и соборы въ древней Руси.

Этимъ объясняется, почему въ свое время многіе въ Россіи относились далеко не враждебно къ польскому движенію, преимущественно тѣ, которые были удалены отъ западнаго края разстояніемъ и малымъ знакомствомъ съ нимъ. Къ числу такихъ, по меньшей мѣрѣ не враждебныхъ сначала къ польскому движенію, надо отнести и московскихъ славянофиловъ. Болѣе рѣзко, чѣмъ вначалѣ заявленныя притязанія поляковъ и на западный край, особенно на Кіевъ, вызвали національную реакцію, на которую, конечно, откликнулись и славянофилы и конечно болѣе чутко, чѣмъ другія направленія въ литературныхъ и общественныхъ кругахъ внутренней Россіи и столицъ. Вотъ нѣсколько словъ изъ обращенія «Дня» къ полякамъ по поводу состоявшейся въ Городнѣ демонстраціи, долженствовавшей свидѣтельствовать о возобновленіи уніи Литвы и Руси (съ Смоленскомъ и Черниговомъ) съ Польшей: «Кіевъ, Волынь, Черниговъ, Смоленскъ!!!» восклицаетъ московская газета. «Безумные поляки! Какъ спѣшите вы проиграть ваше дѣло! какъ торопитесь вы затушить всякую *искру сочувствія, которую могла бы зажечь въ единоплеменныхъ вамъ братьяхъ ваша любовь къ родинѣ!... Мы оставались чужды доселѣ вашей тяжбѣ съ правительствами,* но вы хотите возобновить международную тяжбу

и воскресить вражду, которую *состраданіе къ вамъ* начинало изглаживать въ сердцахъ нашихъ! Несчастные, несчастные, безумiемъ, какъ божьей карой, пораженные поляки!..» [1]).

Въ то время, когда началась уже литературная полемика по вопросу о западномъ краѣ, когда уже въ Варшавѣ и очень запахло революціоннымъ духомъ, «День» помѣстилъ статью о значеніи той медленности, какую наше правительство выказываетъ въ подавленіи польскихъ манифестацій и той малой настойчивости, которую обнаруживаетъ наше общественное мнѣніе въ требованіи со стороны правительства строгихъ репрессалій. «Нѣмецкія газеты, говорилъ «День», исполнены самыхъ рѣзкихъ выходокъ противъ Россіи за слабость ея дѣйствій относительно Польши. Онѣ требуютъ отъ насъ той неразборчивой *энергіи*, которую проявилъ бы, безъ сомнѣнія, нѣмецъ, еслибъ находился на нашемъ мѣстѣ. Къ энергіи зла Россія неспособна. Но этого еще мало: еслибъ мы и вздумали ее проявить, она, къ счастію, никогда не принесла бы намъ тѣхъ вкусныхъ плодовъ, какіе приноситъ другимъ: *вкушать* ихъ не даетъ намъ наша собственная общественная совѣсть. Не мало у насъ силы матеріальной: предъ могуществомъ, опирающимся на 60 милліоновъ народонаселенія, безсиленъ 5-ти милліонный народъ; но такова важность нравственнаго начала справедливости для такого нравственнаго народа, каковъ русскій, что для этой матеріальной силы, при всемъ ея могуществѣ, *необходимо сознаніе безусловной своей нравственной правоты*.... Въ Пруссіи едвали найдете хоть одного пруссака, котораго совѣсть сколько бы нибудь смущалась отношеніями Пруссіи къ Познани, въ которой германизація, по свидѣтельству самихъ поляковъ, съ искусствомъ необыкновеннымъ, *не русскимъ*, почти пересилила польскую народность... Если австріецъ и пруссакъ не надѣлены совѣстью довольно чуткою, чтобъ съ нравственной точки зрѣнія вполнѣ вѣрно оцѣнить: въ какомъ отношеніи къ нимъ находится польская народность,—то мы можемъ похвалиться особенною милостію божіею въ томъ смыслѣ, что намъ дано чувствовать всякую малѣйшую неправду и, слѣдовательно, ту ея долю, какую историческій жребій могъ присудить намъ въ отношеніи къ Польшѣ..»

Разсматривая вопросъ польскій съ точки зрѣнія «правды воли народной», славянофильскій журналъ находитъ претензіи поляковъ на землю малоруссовъ, червонноруссовъ, бѣлоруссовъ противными нравственному праву, — правамъ и обязанностямъ народа русскаго. Но «тѣ же нравственныя основы», говоритъ

[1]) 1861-й г. № 2-й.

онъ, «права и обязанности существуютъ, разумѣется, и для грека по отношенію къ Іоническимъ островамъ, и *для поляка* по отношенію къ тѣмъ польскимъ областямъ, гдѣ народъ польскаго происхожденія, или говоритъ по-польски, исповѣдуетъ католическую религію и вообще не отдѣляетъ себя и своей исторической судьбы отъ своихъ польскихъ братій. Осуждая со всею рѣзкостью правды притязанія поляковъ на Смоленскъ и Кіевъ, мы погрѣшили бы противъ логическаго смысла, еслибъ стали осуждать законность ихъ патріотизма въ отношеніи къ Познани, Кракову и Варшавѣ». Въ силу такихъ убѣжденій, славянофильскій журналъ почиталъ за главное дѣло «добиться правды отъ поляковъ», узнать, чего они хотятъ, и посредствомъ братскаго обмѣна мыслей сойтись на общемъ, взаимныя права гарантирующемъ рѣшеніи. Вѣруя въ то, что непреложный ходъ исторіи приведетъ къ полнѣйшему и тѣснѣйшему, искренному соединенію славянской Польши съ славянской же Россіей, «День» спрашивалъ: «не лучше ли, въ виду такого неизбѣжнаго историческаго рѣшенія, предупредить все, что̀ грозитъ намъ бѣдой, враждой и раздоромъ, и добровольно, сознательно, *покаясь взаимно въ историческихъ грѣхахъ своихъ*, соединиться вмѣстѣ братскимъ, тѣснымъ союзомъ противъ *общихъ* враговъ—нашихъ и всего славянства» [1])?

Высказанныхъ въ этихъ словахъ началъ «День» держался и во время польскаго возстанія и тотчасъ послѣ его усмиренія, несмотря на то, что, исключая присланнаго однимъ полякомъ стихотворенія о славянскомъ братствѣ, на его миролюбивыя слова не послѣдовало со стороны поляковъ ни одного симпатическаго звука и въ то же время ни слова, которое бы знаменовало уступку по вопросу о западномъ краѣ. Вся разница того, что «День» говорилъ послѣ начала кровопролитій и до него, заключалась лишь въ томъ, что теперь «День» требовалъ прежде всего усмиренія мятежа,—но все-таки настаивалъ на необходимости узнать мнѣніе польскаго народа и отрицалъ всякое покушеніе на польскую народность въ чисто-польскомъ краѣ, требуя тамъ свободной арены для ея развитія, между прочимъ для того, чтобъ было куда удалиться упрямому полонизму и изъ западнаго края, словомъ, указывалъ необходимость для Россіи иного рѣшенія польскаго вопроса, чѣмъ въ Австріи и Пруссіи [2]).

Когда напоръ депешъ западно-европейскихъ державъ былъ съ успѣхомъ отраженъ нашимъ канцлеромъ, когда сдѣлалось яв-

---

[1]) «День», 1862, № 6.

[2]) Тоже, 1862, №№ 6, 27; 1863, 17, 18, 19, 29, 32, 34, 35, 36; 1864, 13.

нымъ, что войны изъ-за Польши не будетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало ослабѣвать и возстаніе, «День», повторяя свои мысли о неприкосновенности польской народности на польской землѣ и о сохраненіи автономіи этой земли, прибавилъ и новую мысль о необходимости «выдвинуть въ Польшѣ и новую историческую идею: значеніе и участіе въ общей жизни народнаго организма —простого народа, крестьянскаго населенія» (№ 29), или, какъ объяснилъ нѣсколько спустя «День»,—«надѣлить польское крестьянство политическими правами» (№ 36). Такой-то, пополненный народомъ, Польши «День» и желалъ услышать голосъ, вмѣстѣ съ голосомъ собора земли русской по вопрбсу о томъ, «что̀ намъ дѣлать съ Польшей?»

Что касается западнаго края, то здѣсь, начиная еще съ статьи г. Елагина, славянофильскій органъ призналъ неумѣстность польскихъ притязаній и вредъ польскаго преобладанія, допущеннаго Россіей со времени присоединенія края. Славянофилы взывали къ обществу русскому, а не къ правительству, для нравственной реакціи полонизму. «День» даже выразился, что нѣтъ врага опаснѣе чиновническаго усердія (1862, № 22). «День» обращался и къ самимъ польскимъ слоямъ западно-русскаго общества, напоминая имъ, чѣмъ были ихъ отцы, указывая и имъ на необходимость обратиться къ народу и искупить ту историческую неправду, которую совершали цѣлыя поколѣнія оторвавшихся отъ народа и давившихъ его пановъ.

Очевидно, что «День» затрогивалъ такого рода струны, которыя могли находить отзывъ хоть въ немногихъ свѣжихъ головахъ и послѣдовательно благородныхъ сердцахъ польскаго общества въ Польшѣ и въ западномъ краѣ. И однакожъ отзывъ этотъ былъ весьма незначителенъ, почти ничтоженъ. Тому причиной было, конечно, прежде всего ослѣпленіе польскихъ руководящихъ слоевъ и ихъ невниманіе и незнаніе того, что̀ говоритъ и чѣмъ живетъ русское общество; но тому причиной былъ и органическій порокъ московскаго славянофильства. Поставивъ себѣ идеалъ назади, въ московскомъ государствѣ XVII-го в., славянофилы отождествили понятіе *русскій* съ понятіемъ *православный*, а потому полякъ и для нихъ сталъ однозначнымъ съ католикомъ, а католицизмъ однозначнымъ съ іезуитизмомъ. «Не можетъ быть мира между русскимъ народомъ, русскимъ государствомъ—и латинствомъ!» восклицала не разъ партія, которая въ «Посланіи къ Сербамъ» увѣщевала ихъ считать католика отступникомъ отъ славянства.

Могли ли послѣ этого находить отзывъ клики изъ Москвы о братствѣ славянъ въ душѣ хотя бы самаго умѣреннаго по-

ляка, который однакожъ былъ такимъ же искреннимъ католикомъ, какъ московскіе славянофилы православными? Не могли ли, наоборотъ, клики и фразы славянофильства, будучи вырваны изъ его органа враждебною намъ партіей въ польскомъ обществѣ и именно революціонной и іезуитской партіей, служить доказательствомъ, что между «Москвою» и полякомъ не можетъ быть мира и союза? Не мало вредило миру и фатальное заблужденіе славянофильства, что цивилизація Запада гнила и противна русскому народу, фатальное раздѣленіе цивилизаціи на западную и восточную, тогда какъ на самомъ дѣлѣ существуетъ одна цивилизація, которая, конечно, принимаетъ оболочки отъ мѣста и народа (а еще болѣе отъ времени и историческаго возраста народовъ) и является въ видѣ англійской, нѣмецкой, французской, русской, греческой, но отнюдь не западной, или восточной. «Польша отпала въ латинство! Польша звено Запада, а не славянскаго востока,—Польша отравлена, Польша ядъ!» — вотъ какъ crescendo шли славянофилы, которые даже необходимость сохраненія автономіи Польши доказывали оригинальнымъ образомъ, говоря, что «слить Польшу съ Россіей—значитъ принять *ядъ* внутрь, отравиться Польшей». И это выраженіе, названное редакціей «Дня» счастливымъ, принадлежитъ еще тому самому публицисту, В. А. Елагину, который такъ недавно спрашивалъ М. Грабовскаго: «неужели невозможно братское сожительство поляковъ и русскихъ даже въ Литвѣ и Бѣлоруссіи?»

Если принципіальное смѣшеніе понятія *славянинъ* и *православный*, *католицизмъ* и *ультрамонтанство* и *іезуитизмъ* было вредно по отношенію къ Польшѣ, то по отношенію къ западному краю эта синонимика, усиленная еще смѣшеніемъ понятія *русскій* и *православный*, еще болѣе принесла гибельныхъ послѣдствій. Нѣтъ спора, что de facto тамъ было дѣло такъ: русскаго въ послѣднее время тамъ только и осталось, что православные да уніаты, да и то даже послѣдніе стали полячиться, но именно это и произошло отъ долговременнаго господства бюрократической системы религіозной жизни и именно понятія, дѣлавшаго *русскій* синонимомъ православнаго. Благодаря именно этому смѣшенію понятій и этой системѣ и вышло странное явленіе, что существовавшіе и во время польскаго господства надъ Литвою зародыши русскаго католицизма и русскаго протестантизма заглохли подъ владычествомъ русскаго государства, и именно въ послѣднее время въ западной Россіи католикъ, кальвинистъ стали синонимами поляка, и нѣкогда дѣйствовавшіе за одно съ православными диссиденты стали польскими патріотами и врагами русскаго государства. А славянофилы возводили такой пе-

чальный фактъ въ принципѣ! Въ странный кругъ мыслей попали славянофилы въ «Днѣ» и потомъ въ «Москвѣ», когда начали ратовать противъ бюрократической регламентаціи церковной жизни и въ пользу раздѣленія области церкви и государства и возводили въ принципъ послѣдствіе этой регламентаціи, послѣдствіе самаго свирѣпаго смѣшенія понятій о вѣрѣ и государствѣ и народности. Провозглашая «свободу духа», славянофилы заявляли, что еврей не можетъ считаться братомъ русскаго (а гражданскія права еще, скрѣпя сердце, славянофилы соглашались признать за евреями), смѣясь надъ тѣмъ, что у насъ государство заботится не только о томъ, правовѣрно ли кто вѣруетъ во Христа, но и правовѣрно ли кто отрицается отъ Христа, славянофилы все-таки доказывали, что на челѣ даже католика лежитъ знакъ, свидѣтельствующій о томъ, что онъ не братъ русскому. Православный, русскій, по ихъ словамъ, не долженъ гнать католиковъ и вообще иновѣрцевъ, но пусть и послѣдніе знаютъ, что на нихъ лежитъ печать отверженія отъ народа русскаго. Такія мысли высказывались въ «Днѣ» и въ «Москвѣ», когда поднялся вопросъ объ «обрусеніи», или по крайней мѣрѣ о «располяченіи» католицизма, и разнѣмечиваніи протестантизма и еврейства въ западномъ краѣ.

Еще можно было понять, какъ эти мысли совмѣщаются съ проповѣдью «свободной жизни духа» и «духа свободной жизни», пока славянофилы говорили о предоставленіи усвоенія католиками, протестантами и евреями русской рѣчи, какъ признака принадлежности къ русской народности и полнаго отреченія отъ сепаративныхъ стремленій въ русскомъ государствѣ,— на волю самимъ иновѣрцамъ, не возлагая этой трудной жизненной реформы на моментальныя бюрократическія мѣропріятія;— но главный тормозъ обрусенію иновѣрія и были именно бюрократическія мѣропріятія: запрещали иновѣрнымъ священникамъ проповѣдь на русскомъ языкѣ, удерживали 10 лѣтъ отъ ввоза изъ-за границы еврейскій переводъ Пятикнижія на русскій языкъ и даже (incredibile memoratu!) подвергали его цензурѣ святѣйшаго синода. Но когда «Москва» говорила: «не снимайте съ католицизма польской оболочки! не дѣлайте его русскимъ, не давайте ему проскользнуть въ русское общество въ псевдорусской оболочкѣ! Не гоните католиковъ въ западномъ краѣ, но не снимайте съ нихъ печати отверженія отъ русскаго народа!»—то просвѣщенный человѣкъ, особенно изъ иновѣрцевъ, могъ только пожать плечами въ знакъ недоумѣнія. Да и это недоумѣніе могло переходить просто въ смѣхъ или негодованіе, когда встрѣчалось въ славянофильскомъ органѣ пренаивное мнѣ-

ніе, что «еслибъ всѣ евреи приняли христіанство, — тогда-бъ и еврейскаго вопроса не было!» Всеконечно! Да въ томъ-то все и дѣло, что у насъ есть еврейскій, католическій, протестантскій и вообще вопросъ объ иновѣріяхъ, да еще въ томъ, что у насъ въ западномъ краѣ католикъ говоритъ по-польски, а еврей и протестантъ по-нѣмецки, — въ то время, какъ православный народъ говоритъ по-русски и государство наше—русское.

Въ такіе-то глухіе концы попадали московскіе славянофилы по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ вопросомъ о Польшѣ и западѣ Россіи, въ силу своего старовѣрства. Но все-таки они изъ первыхъ и чутко откликивались на всѣ жизненные вопросы о тамошнемъ строѣ, и, что особенно важно, несмотря на ихъ ошибки и односторонности, на ихъ идеализмъ и туманность многихъ совѣтовъ, ни одинъ живой интересъ русскаго народа и государства не былъ ими упущенъ, и не потерпѣлъ бы существенно, если бы общество довѣрилось ихъ руководству. То же надо сказать и объ украинофильствѣ и бѣлоруссофильствѣ, которые имѣютъ сильныя и слабыя стороны общія съ славянофильствомъ.

Мы нарочно остановились на этихъ русскихъ народныхъ направленіяхъ по отношенію къ полякамъ и Польшѣ, потому что общество наше успѣло уже подзабыть недавно-прошлое и, главное, слишкомъ наслушалось историіографовъ и публицистовъ новѣйшей формаціи, создавшихъ миѳъ о безмѣрно-глупомъ «панурговомъ стадѣ» съ одной стороны, т.-е. всей русской интеллигенціи, исключая самихъ историіографовъ и публицистовъ, разрабатывающихъ этотъ миѳъ, и благоговѣйно внемлющихъ имъ, — и о всесильной «польско-іезуитской интригѣ» съ другой стороны, которая можетъ опутать всѣхъ и вся, кромѣ опять-таки прозорливыхъ историіографовъ и публицистовъ новѣйшей формаціи и пасомаго ими догадливаго стада. Этотъ миѳъ о панурговомъ стадѣ и польской интригѣ имѣетъ огромныя практическія послѣдствія: если наше общество заявило себя только какъ стадо, а польская интрига точно всесильна, тогда польско-русскій вопросъ представляетъ нѣчто дѣйствительно страшное, требующее вѣчныхъ репрессалій, направленныхъ въ сторону польской интриги и вѣчнаго руководительства въ сторону панургова стада, словомъ, мѣръ чрезвычайныхъ и въ то же время постоянныхъ.

Неутѣшительность подобной перспективы еще увеличивается отъ простого вопроса: если мы показали только свойства панургова стада, а поляки засвидѣтельствовали таланты интриги, то кто же поручится за то, что и сами прозорливые руководители наши и энергическіе охранители не попадутъ въ число тонкорунныхъ овецъ панургова стада и интрига не извле-

четъ изъ нихъ тѣмъ большей для себя выгоды, что руководители облечены репутаціей прозорливости, а охранители вооружены энергіею и широкими полномочіями для ея приложенія? Да,—вопрошаетъ испуганный читатель,—sed quis custodiet ipsos custodes?—но кто же охранитъ самихъ охранителей?

Вѣрно и несомнѣнно одно, что вся эта сказка о панурговомъ стадѣ и польской интригѣ имѣла и имѣетъ важныя для насъ практическія послѣдствія: изъ-за этого мнѳа наше общественное развитіе потерпѣло и потерпитъ остановку; мы дожили до того, что приходилось спрашивать: да кто-жъ, помилуйте, наконецъ, не «сознательное, или безсознательное орудіе польской интриги»? Эта «интрига» примѣшивается у насъ всюду: и къ вопросу о желѣзныхъ дорогахъ и даже къ спору о классическомъ и реальномъ образованіи; мы не можемъ ввести земства, новаго суда, открыть поземельнаго банка, словомъ, шагу ступить, безъ того, чтобъ не спросить боязливо: а что, какъ этимъ всѣмъ да завладѣетъ польская интрига? Мы дожили наконецъ до того, что вотъ теперь дѣйствительная, да еще заграничная интрига спекулируетъ на нашу боязнь, что тѣ же самые нѣмецкіе политики и публицисты, которые упрекали насъ за слабость къ польской интригѣ, а потомъ обзывали варварами за строгость, теперь думаютъ употребить нашу боязнь, какъ орудіе противъ ненавистнаго имъ австрійскаго федерализма, который намъ можетъ быть только полезенъ. И чтобъ быть послѣдовательными (да кстати, чтобъ оправдать нами же на себя взведенную репутацію барановъ), намъ остается только подставить свою шею и подъ это новое руководительство и постараться поддержать предпринятое гр. Бейстомъ и кн. Бисмаркомъ прижатіе къ стѣнѣ нашихъ соплеменниковъ.

И что же, если оказывается, что сказаніе о панурговомъ стадѣ есть только миѳъ, пузырь, раздутый въ гору людьми частью своекорыстными, частью самообольщенными? Тогда, во-первыхъ, выйдетъ, что для пораженія польской интриги не требуется особенныхъ ухищреній, а только предоставленіе общества и народа естественному ходу развитія впередъ; тогда руководительство, вмѣсто своего направленія на подавленіе интриги и спасеніе отъ сѣтей ея и самихъ руководителей, обращается ни къ чему другому, какъ къ помощи естественному и самостоятельному развитію народа и общества: вмѣсто военнаго положенія, контрибуцій, обязательныхъ продажъ имѣній, усиленныхъ высылокъ изъ края, сокращенія числа слушателей въ университетахъ, разгона цѣлыхъ десятковъ учениковъ въ гимназіяхъ, усиленной передѣлки народнаго языка и быта, субсидій и цен-

зуры для журналовъ, замедленія и искаженій во введеніи земства, суда и пр. и пр. понадобится только поднятіе благосостоянія массъ, поднятіе ихъ, а равно и выше стоящихъ, въ просвѣщеніи, улучшеніе матеріальнаго богатства края, свобода печати, возможно широкое раскрытіе дверей школъ, довѣріе къ общественной и личной иниціативѣ, скорѣйшее введеніе полезныхъ реформъ и пр. и пр. Словомъ, разъ когда падетъ миѳъ о панурговомъ стадѣ и разъяснится, что польская интрига и есть не что иное, какъ порядокъ, задерживающій развитіе народа и краевъ, естественно предназначенныхъ къ единству и союзу съ Россіей, то окажется, что спасеніе единства государства вовсе не требуетъ тѣхъ чрезвычайныхъ мѣръ, ни такой трудной работы, какъ уничтоженія цѣлой народности, — а достигается не чѣмъ инымъ, какъ только внесеніемъ свободы свѣта и благосостоянія въ жизнь тѣхъ краевъ, за сепаратизмъ которыхъ мы такъ боимся.

VIII.

Мы остановились на украинофильствѣ, бѣлоруссофильствѣ и московскомъ славянофильствѣ, именно потому, что эти направленія, такъ сказать, стихійныя, а потому и естественныя, что они вытекаютъ изъ непосредственнаго чувства болѣе, чѣмъ изъ холоднаго разсчета. И если,—что, мы надѣемся, подтверждается сдѣланными выписками,—эти направленія заранѣе уже, а особенно въ 1860 — 1862 гг. разоблачили польскія притязанія на западно-русскій край, побили ихъ логически на томъ же полѣ, на которомъ опирали и поляки свои патріотическія стремленія, т.-е. на полѣ исторіи и правъ народа и народностей; если, несмотря на увлеченія и односторонности, эти стихійныя направленія не пошли противъ ни одного существеннаго интереса русскаго народа и государства, не уступили ни пяди русской земли враждебнымъ стремленіямъ; если два изъ этихъ направленій, наиболѣе рано и энергически выступили противъ польскихъ притязаній и притомъ такъ, что поляки, для борьбы съ ними, не нашли другого средства, какъ прибѣгнуть подъ защиту русской же администраціи, — то это всего нагляднѣе показываетъ всю несостоятельность миѳа о панурговомъ стадѣ и слабость матеріальную и нравственную полонизма въ западномъ краѣ, предоставленнаго собственнымъ силамъ. Эти обстоятельства даютъ намъ полное право предполагать, что еслибъ теперь же край этотъ былъ признанъ совершенно находящимся въ нормальномъ

положеніи, еслибъ въ немъ было введено земство, гласный судъ, безцензурная печать, — то полонизмъ былъ бы тѣмъ скорѣе подавленъ, и во всякомъ случаѣ не могъ бы произвести ничего опаснаго, а только бы еще болѣе убѣдился въ своей несостоятельности. Предположеніе это мы дѣлаемъ на основаніи только отношеній мѣстныхъ, болѣе стихійныхъ направленій къ полонизму и фактовъ изъ времени 1860—63 гг. Нужно же имѣть въ виду, что съ тѣхъ поръ много измѣнилось именно въ интересахъ русскаго народа и его единства, — и это измѣненіе произошло частью и потому, что многое, задѣтое только въ общихъ чертахъ вышеупомянутыми народными направленіями, въ силу дальнѣйшихъ обстоятельствъ развито было полнѣе, другое же, что больше входило въ область иллюзіи, было разбито жизнью.

Придавая немаловажное историческое значеніе тому, что на защиту русскихъ интересовъ въ западномъ краѣ выступили народныя направленія, какъ украинофильство, бѣлоруссофильство и московское славянофильство или великоруссофильство, мы не станемъ однако преувеличивать ихъ значеніе, даже въ прошломъ. Это были все-таки главнымъ образомъ учено-литературныя направленія. Г. Антоновичъ, отвѣчая на намекъ г. Падалицы о затѣваемой украинофилами коліівщинѣ, выражался, что настоящій Гонта будетъ вооруженъ не ножемъ, а перомъ, или рѣчью на трибунѣ; г. Аксаковъ думалъ предупредить взрывъ польской революціи и остановить начавшіяся манифестаціи литературнымъ обмѣномъ мыслей съ польскими учеными и публицистами. Какъ начало культурной борьбы съ поляками, эти направленія были очень важны и могли особенно принести пользу именно въ сферѣ дѣйствія литературы и науки, въ школѣ, въ университетѣ. Общественная же и политическая сторона вопроса двигаема была этими литературными направленіями мало и затронута была лишь въ общихъ чертахъ. Къ тому же украинофилы и бѣлоруссофилы были, что называется, «люди маленькіе»; первые вдобавокъ и замолкли и сошли со сцены въ самую горячую пору, заподозрѣнные въ служеніи полякамъ, — вторые же были еще малочисленнѣе и если высказывались, то болѣе подъ покровительствомъ великоруссофиловъ. Послѣдніе держались долго и говорили громко, — но не могли попасть на практическую почву.

Уже когда ясны стали стремленія польскихъ слоевъ населенія въ западномъ краѣ и польскихъ революціонеровъ въ царствѣ, московскіе славянофилы все еще толковали: «неудивительно, что поляки отрицаютъ русскую народность, если и у насъ слабо чувство народности» и т. д., съ обычными воскли-

ціями противъ петровской реформы и западничества. Если они и предлагали мѣры, то тоже въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ и формахъ. Таково, напр., выраженіе: «надо узнать голосъ самой Польши, польскаго народа», — и самое предложеніе: «призвать къ политической жизни польскій народъ». Значило ли это необходимость созвать чины, парламентъ польскій, произвести ли поголовную подачу голосовъ въ Польшѣ по вопросу, какую форму политическаго быта она желаетъ имѣть? Что плебисцитъ есть самаго дурного тона комедія, изъ изобрѣтенныхъ на «гниломъ Западѣ», противъ этого, конечно, славянофилы спорить не станутъ; что при степени образованія, на которомъ стоитъ, а особенно стояла тогда масса польскаго народа, эта комедія была бы еще глупѣе въ Польшѣ, чѣмъ въ Савойѣ и Ниццѣ, — это тоже болѣе, чѣмъ вѣрно. Въ то же время все похожее на польскій парламентъ въ 1863-мъ году выразило бы только мнѣніе революціонныхъ элементовъ въ Польшѣ, а никакъ не всего народа, а особенно не представляло бы его интересовъ, это тоже какъ нельзя болѣе вѣроятно.

Поэтому, совѣты славянофиловъ во многомъ оказывались непрактичны, даже если оставить въ сторонѣ, что обращеніе къ чему-либо похожему на suffrage universel вовсе не въ нашихъ нравахъ. Да, главное, что эти совѣты и были весьма неясны. А между тѣмъ возстаніе шло и надо было дѣйствовать. Передъ большинствомъ общества было въ преданіи одно средство: военная диктатура. О ней-то и стали кричать, особенно съ тѣхъ поръ какъ показалось, что другая система, испробованная въ Польшѣ послѣ смерти Паскевича, не вела ни къ чему доброму. Собственно это была вовсе не система дѣйствій, а просто отступленіе. Мы, т.-е. диктатура все отступала,—а на мѣсто ея становилось то, что было въ Польшѣ и западномъ краѣ на верху,—а на верху была аристократія да революціонеры; — и край, конечно, не умиротворялся, и притязанія революціонеровъ все росли въ ущербъ народу русскому и безъ всякой перспективы выгоды народу польскому. Эту систему почему-то принято въ нашей печати называть системой «либерализма и гуманности» и выводить на семъ основаніи несовмѣстимость «либерализма и гуманности»,— или какъ нѣкоторые патріотическіе публицисты выражались для вящшей силы,—«перезрѣлаго гуманизма и недозрѣлаго либерализма»,—въ нашей политикѣ въ Польшѣ и западномъ краѣ.

Собственно говоря, мы еще ни разу не попробовали ни въ западномъ краѣ, ни въ Польшѣ *системы* либерализма и гуманности, ибо тамъ еще ни разу не были собраны представители

всѣхъ слоевъ населенія для рѣшенія мѣстныхъ земскихъ дѣлъ, не введенъ былъ гласный судъ съ присяжными, не была освобождена печать, гарантирована частная дѣятельность отъ произвола, а подобныя мѣры только и составляютъ признаки системы гуманнаго либерализма. Въ Польшѣ и западномъ краѣ только и была принята одна *мѣра* либеральнаго свойства, а именно освобожденіе крестьянъ съ надѣломъ,—и нельзя сказать, чтобъ она принесла дурные политическіе результаты. То же, что при маркизѣ Велепольскомъ въ царствѣ, или въ 1860—63 гг. въ западномъ краѣ, всѣ почти служебныя мѣста были заняты поляками, да что панамъ въ западномъ краѣ дозволялось отнимать у крестьянъ земли, досѣкать ихъ до яко бы добровольнаго соглашенія, а въ царствѣ интриговать противъ распространенія на него принциповъ Положенія 19-го февраля 1861-го года даже и въ такой несовершенной формѣ, какъ въ западномъ краѣ, — да повсюду возбуждать преслѣдованія администраціи противъ лицъ, идущихъ въ разрѣзъ съ олигархическими интересами, — все это, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ либерализмомъ и гуманностью. Это тоже система диктатуры и бюрократіи, только отданной на службу польскимъ революціонерамъ бѣлой партіи. А между тѣмъ у насъ прежде только и знали (да многіе ли знаютъ иное и теперь?), что эти два вида диктатуры и бюрократіи: одна давила все, и свое и чужое, другая позволяла и помогала давить свое и могущее стать своимъ. Понятно, что люди, какъ славянофилы, гнушались однимъ, видѣли вредъ другого. А къ чему прибѣгнуть, — хорошенько не сознавали, отчего и дали обогнать себя и выхватить предводительство въ общественномъ мнѣніи тѣмъ, кто пришелъ хоть и позже, да за то выкликнулъ безъ дальней думы и покрѣпче нехитрый, но удобопонятный принципъ, выраженный словами: «чтобъ словъ не тратить попустому, гдѣ нужно власть употребить»....

Все дѣло могло бы кончиться просто усмиреніемъ, казнями, ссылками и военнымъ положеніемъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Надо сказать, что «бѣлому жонду» такой исходъ не былъ бы очень и противенъ. Ему не очень-то были любезны фанатическіе мѣщане, стрѣлявшіе въ нашихъ намѣстниковъ, ни повстанцы, рыскавшіе по лѣсамъ, — ни демократствующій Мѣрославскій съ Гарибальди въ перспективѣ; всѣмъ этимъ бѣлые пользовались только какъ средствомъ запугать правительство да и получить себѣ побольше уступокъ. Серьезнаго же возстанія, да еще подъ предводительствомъ красныхъ, «бѣлые» могли даже бояться самымъ серьезнымъ образомъ.

Когда возстаніе, благодаря нетерпѣнію красныхъ, таки-вспыхнуло сильнѣе и было подавлено, — «бѣлымъ» было совершенно безразлично, сколько повстанцевъ сошлютъ, или повѣсятъ — лишь бы соціальное положеніе края осталось прежнее. А временную диктатуру, конечно, надо было перетерпѣть, а потомъ постараться прибрать въ руки: «бѣлымъ» же всегда первое и второе удается легче. Что новая эра диктатуры не только не принесла бы пользы ни народу, ни государству, а только усилила бы вредъ, нанесенный прежнею, что, при сохраненіи реальной силы у «бѣлыхъ», только увеличились бы сепаратистическія стремленія въ царствѣ и прогрессивная полонизація западнаго края, въ этомъ мы, судя по примѣрамъ прошлаго, не имѣемъ основанія сомнѣваться.

Къ счастію — и вотъ еще одно доказательство, до чего не хитрая вещь польскій вопросъ у насъ,—за насъ работаетъ сама исторія, даже когда мы вовсе не имѣемъ опредѣленной системы дѣйствій. Самъ ходъ событій толкнулъ насъ на новую дорогу къ разрѣшенію польскаго вопроса, а помогло перейти на эту дорогу въ значительной степени то, что̀ патріотическими исторіографами нашими выставлено за одно изъ явныхъ проявленій руководительства въ нашемъ обществѣ польской интриги и что̀ дѣйствительно оказалось не безъ грѣха. Сразу покажется парадоксомъ, а при внимательномъ всматриваніи въ дѣло оказывается дѣйствительнымъ то, что если извѣстная часть русскаго общества пристала дѣятельно къ союзу съ польской революціей, то это послужило къ лучшему исходу мѣропріятій, послѣдовавшихъ за мятежемъ. Постараемся объяснить это положеніе, насколько возможно. И если намъ удастся доказать, что даже при патологическихъ отклоненіяхъ русской общественной мысли и иниціативы, она не только не послужила къ существенному ущербу интересовъ народа и государства, но въ пользу ихъ, хотя бы нѣсколько и косвенно,—то тѣмъ паче окажется, что успѣшное разрѣшеніе трудностей польскаго вопроса можетъ быть почитаемо вполнѣ не труднымъ и предоставлено естественному ходу развитія русской мысли и общества.

Замѣчательно, что самая дѣйствительная и самая важная изъ мѣръ, принятыхъ въ послѣднее время къ скрѣпленію единства нашихъ западныхъ окраинъ, — исключая Остзейской, — съ государствомъ есть въ то же время мѣра, которая связана съ самымъ существеннымъ изъ всѣхъ вопросовъ, занимавшихъ въ настоящее царствованіе наше правительство и общество,—а именно освобожденіе крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ и съ общиннымъ самоуправленіемъ. Эти основныя начала Положенія 19-го февраля

составляютъ тотъ пунктъ, около коего группируются всѣ наши общественныя направленія съ самаго 1858 г., когда способы устройства сельскаго состоянія стали у насъ предметомъ разработки, когда отношеніями къ этимъ началамъ опредѣлились всѣ симпатіи и антипатіи въ нашемъ обществѣ; около этихъ пунктовъ сосредоточивалась и сосредоточивается вся серьезная сторона борьбы за «обрусеніе» въ западномъ краѣ съ самаго времени составленія инвентарей и до сихъ поръ.

Различія въ отношеніяхъ разныхъ направленій нашего общества къ этому вопросу сказались еще тогда, когда еще не было произнесено не только слово «освобожденіе» крестьянъ, но и «улучшеніе быта», и проявились повидимому по поводу чисто историческаго и даже археологическаго вопроса въ спорѣ о сельской общинѣ въ Россіи; приэтомъ славянофилы съ своей «Русской Бесѣдой» взяли сторону общины, и тогдашній органъ тогдашнихъ западниковъ «Русскій Вѣстникъ» сталъ противъ признанія общины естественно возникшимъ и соотвѣтственнымъ нуждамъ русскаго народа учрежденіемъ. Уже съ самаго начала видно было, что подъ общиной обѣ стороны разумѣютъ даже не общинное только владѣніе землей, а вообще экономическую и полицейскую самостоятельность крестьянскаго міра—громады [1]).

Достойно вниманія, что голосъ изъ югозападной Руси,—которую сами славянофилы готовы были считать не чисто русской, и гдѣ дѣйствительно община давно уже не существуетъ въ видѣ общиннаго землевладѣнія,—получилъ тогда рѣшающее значеніе въ спорѣ объ историческомъ происхожденіи экономической и полицейско-судебной независимости нашей сельской общины; а также и то, что сторону славянофиловъ принялъ, сводя вопросъ еще болѣе съ археологической почвы на современную экономическую, журналъ, который потомъ представлялъ въ себѣ наиболѣе рѣзкую форму западничества,—если только прилично теперь употреблять это обветшалое и всегда имѣвшее мало смысла выраженіе,—журналъ, который, по словамъ виленскихъ исторіографовъ и московскихъ публицистовъ, сталъ самымъ послушнымъ и явнымъ орудіемъ польской интриги, а именно «Современникъ». Когда вопросъ о надѣлѣ крестьянъ землею и объ устройствѣ сельскаго управленія,—съ сохраненіемъ ли въ какомъ бы то ни было видѣ вотчиной полиціи за помѣщиками, или съ организаціей самостоятельной крестьянской общины,—сталъ предметомъ разсужденій въ редакціонныхъ по крестьянскому дѣлу комитетахъ и въ

---

[1]) См. особенно статью г. Иванишева, чл. Кіев. археограф. ком., въ «Русской Бесѣдѣ,» 1857, о древней общинѣ въ югозападной Руси.

печати, разница въ направленіяхъ нашихъ въ обществѣ и печати стала еще рѣзче. Отселѣ и всѣ раздоры, не затихшіе и до сихъ поръ и объемлющіе всѣ послѣдующіе. «Русская Бесѣда» съ «Сельскимъ благоустройствомъ» и потомъ «День», «Современникъ»— стали за надѣлъ крестьянъ землею и противъ вотчинной полиціи помѣщиковъ,—«Русскій Вѣстникъ» съ «Современной Лѣтописью» и потомъ «Московскія Вѣдомости» съ своими учеными и публицистами (гг. Ржевскій, Бланкъ, Безобразовъ, Скаратинъ и т. д.) ратовали «за освобожденіе крестьянъ отъ прикрѣпленія къ землѣ и отъ палки пьянаго волостного старшины». До какой степени стремленія этой послѣдней нашей общественной партіи сходились съ польскими, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго сопоставленія.

Въ центральномъ редакціонномъ комитетѣ депутаты отъ западныхъ губерній, поддерживаемые и нѣкоторыми русскими, подали слѣдующее заявленіе (24 марта 1860 г.): «Мы съ трудомъ можемъ себѣ вообразить нынѣшнее крѣпостное населеніе въ Россіи, распредѣленное на десять тысячъ какихъ-то республикъ съ избраннымъ отъ сохи начальствомъ, которое вступаетъ въ отправленіе должностей по волѣ народа, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи, и которое между тѣмъ не въ состояніи отвѣчать за сохраненіе общественнаго порядка, потому что краткость служебныхъ сроковъ и право публичнаго обвиненія на сходкѣ, предоставленное членамъ волости, поддерживаетъ и развиваетъ между послѣдними коллективную оппозицію противъ должностныхъ лицъ. Мы опасаемся, что устраненіе консервативнаго элемента частной собственности и соединеннаго съ нею умственнаго развитія введетъ въ русскую жизнь такой крайній демократическій принципъ, который несовмѣстенъ съ сильною правительственною властью и отъ котораго могутъ пострадать общественный порядокъ и спокойствіе въ государствѣ», и т. д.

Выше мы привели нѣсколько строкъ въ такомъ же духѣ изъ «Московскихъ Вѣдомостей», — а вотъ что́ писала та же газета уже въ 1864 г., т.-е. послѣ польскаго возстанія, во время котораго она стяжала себѣ славу единственнаго патріотическаго изданія и спасителя отечества: «Землевладѣльцы — естественные защитники свободнаго сельскаго люда, представители его интересовъ, надежные хранители земскаго мира. А есть либералы, которые все еще думаютъ, что крестьянамъ лучше оставаться подъ палкою выборнаго старшины или старосты, подъ расправою мірской сходки или подъ филантропическою опекою наѣзжаго (ср. польское выраженіе najazd для означенія мирового института) оффиціала..... Наши прогрессисты, изъ нелѣпыхъ опа-

сеній вторичнаго пришествія крѣпостного права, и подъ вліяніемъ смутныхъ идей демократическаго соціализма, рады навѣки закрѣпостить крестьянъ въ общинномъ землевладѣніи, въ круговой порукѣ, подъ деспотизмомъ мірской сходки и такъ-называемаго крестьянскаго самоуправленія» [1]). Если бы тутъ шла рѣчь только о такой или иной формѣ организаціи крестьянскаго землевладѣнія и самоуправленія,—то былъ бы другой вопросъ, но проповѣдь противъ самаго принципа крестьянской общины, заявленія въ пользу вотчинной полиціи помѣщиковъ, агитація въ пользу освобожденія крестьянъ, на англійскій (или что́ то же на остзейскій и польскій) манеръ, какъ нельзя болѣе совпадала съ цѣлями польскихъ пановъ свергнуть съ себя иго инвентарей, рѣшить вопросъ о надѣлѣ крестьянъ по добровольному будто бы соглашенію, т.-е. дать какъ можно меньшій надѣлъ, или вовсе не дать, наконецъ удержать административную власть надъ крестьянами [2]).

---

[1]) Москов. Вѣд, 1864, № 51.

[2]) До чего нехитрая вещь весь вопросъ о нашихъ окраинахъ и въ чемъ собственно состоитъ вся суть «польской» и нѣмецкой интриги,—можно видѣть и изъ того, что уже давно и нѣмецкими политиками выражалось неудовольствіе противъ основныхъ началъ нашей крестьянской реформы. Такъ еще въ декабрѣ 1857 г., т.-е. при первой вѣсти о рескриптахъ 20 ноября 1857 г., открывшихъ въ Россіи работы по крестьянскому вопросу, Кёльнская газета въ передовой статьѣ подъ заглавіемъ «Russland und Deutschland» говорила: «Вникая въ духъ и стремленіе русскихъ публицистовъ въ послѣднее время, мы убѣждаемся, что ихъ главная особенность состоитъ въ возмущеніи славянскаго высокомѣрія (slavische Uebermuth) противъ умственнаго превосходства нѣмцевъ. Изъ всѣхъ племенъ, составляющихъ яфетическое человѣчество, ни одно не лишено такъ вполнѣ всякаго смысла политическаго устройства, переходящаго за предѣлы тихой общинной жизни, какъ славяне. Ихъ государственный строй сохранялся только благотворнымъ вліяніемъ германизма. Безъ нѣмецкой партіи, т.-е. *безъ тѣхъ значительныхъ* людей, которые прикладываютъ къ русскимъ дѣламъ мѣрило германскаго образованія, Россія потерялась бы въ безконечной путаницѣ. А потому вы, гг. русскіе, не очень торопитесь изгнаніемъ нѣмецкихъ элементовъ, какъ бы не пришлось потомъ горько раскаяваться въ этомъ, подобно той шведской журнальной черни, говорившей, что нѣмцы годны только въ дворники, кельнеры и слуги. Если теперь сбудется освобожденіе крестьянъ, то оно только и можетъ совершиться на *нѣмецкихъ* основаніяхъ и съ той осторожностью, съ которой Александръ I привелъ въ дѣйствіе свой проектъ въ остзейскихъ губерніяхъ.» Читая такіе совѣты, и понимаешь вѣрность словъ, сказанныхъ «Times» въ 1863 г., что «*старо-русская* партія въ Россіи и *нѣмецкая* все равно,» хотъ теперь и кричатъ такъ много въ Европѣ о томъ, что «старорусская партія» хочетъ уничтожить все нѣмецкое и польское, не гнушаясь для этого и соціализмомъ «молодой русской партіи». И вообще въ западно-европейской печати теперь сложился миѳъ о «русской» партіи, которой приписываются самыя противуположныя черты. Миѳъ этотъ отражается и въ Россіи и соотвѣтствуетъ той неопредѣленности общественныхъ понятій, которая произошла вслѣдствіе неосвѣщаемаго историческимъ изученіемъ и критикой напластованія одно на одно нашихъ общественныхъ направленій. При историческомъ же и критическомъ пересмотрѣ на-

Партія, защищавшая принципъ поземельнаго надѣла крестьянъ, имѣла различные оттѣнки до самаго радикальнаго, который почиталъ необходимымъ дать надѣлъ безплатно, — хотя вполнѣ отчетливо эта послѣдняя идея и не была высказана кѣмъ-либо изъ болѣе извѣстныхъ въ литературѣ и обществѣ лицъ. Во главѣ наиболѣе радикальныхъ и страстныхъ поборниковъ идеи крестьянскаго надѣла стоялъ А. Герценъ. Когда обнародовано было Положеніе 19-го февраля, имъ остались недовольны и многіе изъ рѣшительныхъ враговъ крестьянскаго надѣла и поклонниковъ англійскаго и остзейскаго способа освобожденія крестьянъ, равно какъ многіе изъ поборниковъ идеи крестьянскаго надѣла елико возможно на болѣе легкихъ для крестьянъ условіяхъ. Крестьяне въ свою очередь, исходя изъ начала: «мы ваши, а земля наша», недовѣрчиво смотрѣли на объявляемую волю, дожидая «новой воли» «слушного часу» и т. п. Изъ желанія однихъ какъ можно меньше дать земли и какъ можно подороже, изъ недовѣрія другихъ вытекали недоразумѣнія,—въ особенности естественныя при новизнѣ дѣла; а при томъ страхѣ, который у насъ тогда питали къ «пробужденію льва», т.-е. освобожденію милліоновъ закрѣпленныхъ крестьянъ, эти недоразумѣнія вели за собою иногда кровавыя послѣдствія. Разумѣется, что болѣе крайніе послѣдователи идеи надѣла крестьянъ землею видѣли въ жертвахъ этихъ недоразумѣній мучениковъ симпатичной имъ идеи и, увлекаясь чувствомъ негодованія, допускали срываться съ устъ своихъ фразы гнѣва и угрозы, или лучше сказать вѣры въ грядущее «народное отмщеніе». Къ этому неудовольствію присоединялось уже упомянутое, довольно распространенное тогда движеніе къ представительнымъ политическимъ формамъ, раздѣляемое тогда и многими поборниками безземельнаго освобожденія крестьянъ, недовольными Положеніемъ 19-го февраля съ «бѣлой» точки зрѣнія. Конечно, каждая изъ

шей общественной жизни за 10—12 лѣтъ и оказывается, что именно «старо-русская» партія, если разумѣть подъ этимъ терминомъ, что и слѣдуетъ, партію, желающую замедленія и урѣзыванія широты реформъ настоящаго царствованія, есть конечно въ то же время и «нѣмецкая и польская партія»,—выводъ историческій, поучительный въ то же время и для настоящаго и будущаго. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ часть публицистовъ нашего такъ-называемаго охранительнаго (что и есть дословно—стараго) направленія выдѣлилась изъ «Московскихъ Вѣдомостей» въ такъ-называемую «партію» «Вѣсти», выводъ этотъ сталъ самъ собою напрашиваться въ головахъ мыслящихъ людей и произвелъ благотворное вліяніе и на самыя «Московскія Вѣдомости». Дальнѣйшій ходъ событій, а особенно историческое изученіе недавно-прошедшаго, долженъ повести еще къ нѣсколько иному распредѣленію общественныхъ партій, — и, быть можетъ, предохранитъ насъ отъ множества недоразумѣній, въ коихъ «своя своихъ не познаша.»

недовольныхъ сторонъ думала, что представительное правленіе послужитъ въ пользу ея идей, хотя, конечно, наиболѣе шансовъ успѣха при немъ было бы на сторонѣ «бѣлыхъ».

Такимъ образомъ явилась идея о возможности переворота въ Россіи, или по крайней мѣрѣ о необходимости агитаціи къ тому, породившая прокламаціи «Великоруссъ», начало общества «Земля и воля» и т. п. Было совершенно естественно, что польскіе революціонеры обратили вниманіе на эти революціонные элементы въ Россіи, а эти послѣдніе на поляковъ. Общность предмета неудовольствія напередъ связала оба элемента. Наши красные были въ существѣ дѣла болѣе соціальной, чѣмъ политической партіей, и субъективно считали такими же и польскихъ дѣятелей, чему много помогало, конечно, отсутствіе гласности и темность польскихъ требованій. Правда, и самыхъ усердныхъ между нашими красными смущалъ вопросъ о западномъ краѣ, но какъ они почти исключительно были именно великоруссы и притомъ жители столицъ, то объ этомъ краѣ имѣли смутныя свѣдѣнія, подобно впрочемъ большинству тогдашняго великорусскаго и столичнаго общества, а потому и успокоивались резономъ, что населенію западнаго края слѣдуетъ предоставить самому рѣшить свою судьбу.

Такими-то обстоятельствами и соображеніями объясняется, почему нѣсколько студентовъ и молодыхъ офицеровъ совмѣстно съ поляками издавали летучіе листки, почему нѣкоторые рѣшались подговаривать солдатъ не стрѣлять въ повстанцевъ, а два-три человѣка рѣшились и присоединиться къ повстанцамъ. Вотъ собственно реальное основаніе для мнѣа о панургомъ стадѣ. Собственно число дѣйствительныхъ союзниковъ польскаго возстанія въ нашемъ обществѣ было до того ничтожно, что придавать этимъ единицамъ какое бы то ни было серьезное значеніе было бы явной натяжкой. Серьезнаго во всей этой исторіи союза польскихъ революціонеровъ съ нашими только и есть, что, такъ какъ наши «красные» были только крайнимъ побѣгомъ дѣйствительно серьезнаго направленія въ нашемъ обществѣ, а именно стремленія къ надѣлу крестьянъ землею,—то и польскіе революціонеры,—красные болѣе или менѣе искренно, а бѣлые, конечно, съ задней мыслью,—поставлены были въ необходимость, чтобъ привлечь къ себѣ хоть нѣсколько человѣкъ изъ русскаго общества, заявить, что и они признаютъ русскій принципъ надѣленія крестьянъ землею. Вотъ чѣмъ объясняется происхожденіе золотыхъ грамотъ. А такъ какъ суть всего дѣла о западномъ краѣ и Польшѣ именно и заключается въ надѣлахъ крестьянъ землею и полномъ освобожденіи ихъ отъ помѣщиковъ,

такъ какъ поляки, даже демократы всегда имѣли въ виду болѣе политическую и національную цѣль, чѣмъ соціальную и экономическую, всегда забывали въ своихъ либеральныхъ мечтаніяхъ народъ,—то едва ли не вѣрнѣе будетъ сказать, что не столько наши красные попались на удочку польской интриги, сколько эта послѣдняя зацѣпилась за крайній уголъ направленія, которое привело къ самой существенной изъ реформъ, усилившихъ Россію, и къ самой дѣйствительной мѣрѣ къ скрѣпленію ея связи съ окраинами.

Мы даже рѣшаемся сказать, что наши красные, которые подавали руку союза польскимъ революціонерамъ, оказывались гораздо менѣе вредными, чѣмъ наши бѣлые, агитировавшіе за одно съ поляками противъ надѣла крестьянъ землею и въ пользу вотчинной полиціи помѣщиковъ: въ первомъ случаѣ оболочка факта, участіе въ революціи или въ ея приготовленіи, была, конечно, преступна, но преступленіе это объясняется только ошибкой и незнаніемъ, идея же, лежавшая подъ преступной и революціонной оболочкой была самая охранительная, самая сообразная съ дѣйствительными интересами русскаго государства. Во второмъ случаѣ, цѣль была повидимому самая благонамѣренная, самая охранительная, но, если бы она была достигнута, русскій народъ и государство въ западномъ краѣ поставлены бы были въ самое невыгодное положеніе. При этомъ все-таки не мѣшаетъ имѣть въ виду и то смягчающее обстоятельство, что самые красные изъ русскихъ, сочувствовавшихъ полякамъ, въ существѣ дѣла не уступали ни пяди русской земли послѣднимъ, такъ какъ они предоставляли рѣшеніе вопроса о принадлежности западнаго края населенію. Населеніе и рѣшило этотъ вопросъ, правда не такъ, какъ наивно думали наши красные и какъ имъ обѣщали устроить рѣшеніе поляки, т.-е. не посредствомъ suffrage universel на французскій манеръ, а тѣмъ, что стали вязать повстанцевъ и доставлять ихъ властямъ со всѣми ихъ золотыми граматами, черезъ что рѣшеніе не измѣнило ни своей сущности, ни убѣдительности. А благодаря именно этому рѣшенію на будущее время не предвидится въ нашей молодежи и обществѣ Великой Руси и столицъ (о мѣстной западнорусской и говорить нечего) повтореніе того соучастія русскихъ, сознававшихъ себя демократами, въ столь олигархическомъ дѣлѣ, какъ польское дѣло въ западномъ краѣ, даже и въ томъ скромномъ размѣрѣ, въ какомъ это соучастіе проявилось въ 1862 — 63 гг. Вовсе не рѣдкость, что люди, которые въ прежнее время, по ошибочному помѣщенію симпатій, относились съ сочувствіемъ къ польскому возстанію, потомъ,

когда дѣло разъяснилось, стали тѣмъ болѣе усердными дѣятелями на западѣ Россіи по крестьянскому дѣлу, народному образованію и т. п. И если что-либо вызываетъ нерасположеніе въ нѣкоторыхъ русскихъ кругахъ къ такъ-называемому «обрусенію», такъ это мелочныя репрессаліи, направленныя въ сферу личной жизни, т.-е. вещи совершенно ненужныя для сущности дѣла, да перенесеніе «обрусенія» въ области вовсе не русскія, т.-е. такія, гдѣ оно и не имѣетъ шансовъ успѣха. Такимъ образомъ и тутъ миѳъ о панурговомъ стадѣ и о всемогущей польской интригѣ оказывается преувеличеннымъ и ложно представляющимъ дѣло и его значеніе, а страхи, сопряженные съ этимъ миѳомъ, неосновательными.

IX.

То, что происходило въ меньшихъ размѣрахъ и менѣе ясныхъ формахъ въ отношеніяхъ между польскими агитаторами и разными кружками и лицами въ Россіи, проявилось нагляднѣе съ кружкомъ нашихъ эмигрантовъ за границей, особенно съ самою выдающеюся между ними личностью, Герценомъ. Теперь пора бы уже, кажется, наступить спокойной и безпристрастной оцѣнкѣ его роли въ исторіи нашего общества за послѣднее пятнадцатилѣтіе, — и въ томъ числѣ его отношеній къ польскому вопросу, для чего его собственные мемуары и статьи доставляютъ значительное количество матеріала. Конечно, въ настоящей статьѣ мы не возьмемъ на себя ни оцѣнку дѣятельности Герцена вообще, ни сколько-нибудь подробный очеркъ его участія въ польскомъ возстаніи. Мы только коснемся отношеній Герцена и его теорій къ вопросу о западномъ краѣ, Польшѣ, славянству и Германіи, составляющему главный предметъ нашей статьи.

Мы уже потому не можемъ миновать Герцена, что въ толкахъ нѣмецкой печати его имя постоянно приводится, какъ имя одного изъ отцовъ той ужасной, по понятіямъ этой печати, партіи, «русской» партіи, которая угрожаетъ полякамъ и нѣмцамъ и всей европейской культурѣ. Еще при жизни своей Герценъ былъ предметомъ ожесточенной ненависти нѣмецкой печати отъ Kreuz-Zeitung и Allgemeine-Zeitung до листковъ Карла Маркса и другихъ нѣмецкихъ эмигрантовъ демократической и соціальной партіи, которые даже заявляли, что Герценъ агентъ русскаго правительства. И нужно сказать, что и злое перо Герцена ничто и никого не рисовало съ такою безпощадною ѣдкостью,

какъ нѣмецкія противурѣчія, нѣмецкую исключительность, нѣмецкихъ Umwälzungsmänner.

Нѣмецкія отношенія къ другимъ народамъ и особенно къ Россіи и славянству Герценъ изображалъ въ слѣдующемъ видѣ: «Страшное противурѣчіе въ характерѣ нѣмцевъ: всѣ они на словахъ, въ теоріи космополиты и, въ то же время, отъ безвыходно-жалкаго положенія ихъ отечества что ли, исполнены самымъ раздражительнымъ, самымъ исключительнымъ и худо скрывающимъ свои притязанія патріотизмомъ. Они готовы принять всемірную республику, стереть границы междугосударственныя, но чтобъ Тріестъ и Данцигъ принадлежали Германіи. Развѣ воинственный конвентъ, собиравшійся въ павловской церкви во Франкфуртѣ и состоявшій изъ добрыхъ и мирныхъ профессоровъ, лекарей, теологовъ, фармацевтовъ и философовъ, не рукоплескалъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ членовъ) австрійскимъ солдатамъ въ Ломбардіи; развѣ онъ хотѣлъ дать ходъ рекламаціямъ познанскихъ поляковъ? Въ Инспрукѣ есть итальянская пушка, ее городу подарили студенты, ходившіе волонтерами бить Ломбардовъ, и завоевавшіе этотъ трофей подъ начальствомъ своего профессора. Старикъ Арндтъ писалъ стихи въ альбомъ Радецкаго. Первое свободное слово, сказанное послѣ вѣковъ политическаго молчанія, въ революціонной Германіи 1848-го года было не въ пользу, а противъ притѣсненныхъ и слабыхъ народностей. И не замѣчательно ли, что умѣренно-чопорная «Аусбургская Газета» перещеголяла дикій языкъ «Теймса» требовавшаго крови и убійствъ въ Индіи,—хладнокровно говоря, что это не люди, что индѣйцевъ надобно истреблять гуртомъ, «для того чтобъ поколѣнія и поколѣнія помнили и разсказывали бы съ ужасомъ дѣтямъ, что значитъ не принимать образованія»... Есть ограниченные умы и узкія народныя ненависти: они ненавидятъ, не разсуждая. Возьмите,—писалъ Герценъ одному поляку, возьмите (чтобъ не говорить о своихъ) статьи нѣмецкихъ демократовъ, кичащихся своимъ космополитизмомъ и вглядитесь въ ихъ злую ненависть не только ко всему русскому, но ко всему славянскому... Еслибъ эта ненависть была сопряжена съ какимъ-нибудь желаніемъ... я бы это понялъ. Совсѣмъ не то. Такъ какъ средневѣковые люди ненавидѣли евреевъ, не хотѣли вовсе ихъ совершенствованія, такъ всякій успѣхъ нашъ только удвоиваетъ ненависть этихъ ограниченныхъ, заклепанныхъ умовъ. По счастію на этотъ разъ они имѣютъ дѣло не съ разсѣяннымъ и бѣднымъ племенемъ, а съ частью свѣта». Кто слѣдилъ за нѣмецкими голосами въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ Германіи изъ безвыходно-жалкаго

политическаго состоянія поднялась на высоту давно неслыханнаго военнаго могущества, тотъ не можетъ не согласиться, что характеристика Герцена не потеряла своей вѣрности: теперь нѣмецкіе публицисты еще болѣе неумолимы къ племенамъ, которые «не хотятъ принимать образованія», т.-е. эксплуатаціи ихъ культуртрегерами, хотя бы и въ видѣ Струсберга, еще болѣе ненавидятъ Россію, которая представляется имъ въ одно время и Alt-Russland и Jung-Russland... По смерти Герцена вѣнская «Presse» говорила о немъ: «его сочиненія были книгою откровенія для московскихъ фанатиковъ, для староруссовъ (Altrussen), которые вмѣстѣ съ Аксаковымъ и Фадѣевымъ (генералу этому видимо везетъ на извѣстность въ Австріи и Германіи больше, чѣмъ въ Россіи) хотятъ подчинить Европу игу славянства, а также и для молодоруссовъ (Jungrussen), которые смотрятъ на коммунизмъ славянской сельской общины, какъ на исходный пунктъ великой соціальной революціи въ будущемъ».

Самъ Герценъ говорилъ, что онъ сталъ ближе къ славянофиламъ, чѣмъ къ западникамъ, — особенно тѣмъ московскимъ западникамъ, которыхъ онъ называлъ «нѣмецкими русскими» и изъ круга которыхъ вышло изданіе, называемое въ Европѣ, особенно въ Германіи, органомъ старорусской партіи. Онъ былъ не только славянофилъ, но и панславистъ. Не представляя непремѣнно той или другой формы всеславянскаго союза, хотя и отдавая предпочтеніе федераціи, Герценъ вѣровалъ въ этотъ союзъ и желалъ союза славянъ съ Россіей, главнымъ образомъ «для *нерусскаго* славянскаго міра», для того, чтобъ когда гроза, которую никакая мощь въ мірѣ не остановитъ, грянетъ, они не были бы взяты въ расплохъ. На свой оригинальный ладъ Герценъ тоже писалъ о гнилости «Стараго міра», въ которомъ крѣпкимъ считалъ только духъ сомнѣнія и критики, и о томъ, что Россія и Америка, двѣ молодыя части свѣта, могутъ, если не обновить старый міръ, какъ нѣкогда обновили романскую древность германцы, то по крайней мѣрѣ, благодаря реальному направленію характеровъ своего населенія, благодаря огромнымъ пространствамъ земли, могутъ иначе и лучше разрѣшить труднѣйшую изъ всѣхъ общественныхъ задачъ, экономическое устройство массъ, — эту основу и всякаго спокойнаго прогрессивнаго развитія политическаго и культурнаго.

Вотъ почему Герценъ придавалъ такое большое значеніе великорусской сельской общинѣ, о коей разсказывалъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, въ множествѣ брошюръ и статей. Главная идея, которой онъ фанатически былъ преданъ, это была идея надѣла крестьянъ землею. Сравнительно съ этой темой онъ

считалъ всѣ прочіе политическіе вопросы, особенно для русскаго, только за такіе, о коихъ интересно послушать, но отъ которыхъ все-таки надо идти къ «своимъ дѣламъ», т.-е. «къ освобожденію крестьянъ съ землею». Изъ собственно политическихъ вопросовъ, Герценъ ставилъ рядомъ съ этимъ только свободу печати. Такимъ образомъ, несмотря на свою страстность и свой соціалистическій идеализмъ, Герценъ, въ отношеніяхъ къ практическимъ требованіямъ отъ русской жизни, былъ весьма умѣренный человѣкъ. При всей своей рѣзкости въ выраженіяхъ, Герценъ собственно былъ весьма мало похожъ на практическаго революціонера. Никто болѣе ѣдко, чѣмъ онъ, не изображалъ всей пустоты и формалистики европейскихъ революціонныхъ круговъ, кромѣ итальянскихъ, — никто такъ зло не смѣялся надъ «столбниками 1793-го года», какъ Герценъ. Когда дошла до Лондона вѣсть о надѣлавшей столько переполоху у насъ «Молодой Россіи», Герценъ увидѣлъ въ ней только юношеское произведеніе и выражался такъ: «Молодая Россія» кажется намъ двойной ошибкой. Во-первыхъ *она вовсе не русская*; это одна изъ варіацій на тему западнаго соціализма, метафизика французской революціи, политическо-соціальная desiderata, которымъ придана форма вызова къ оружію.... Русское земское дѣло началось. Каждое дѣло идетъ не по законамъ отвлеченной мысли, а сложнымъ процессомъ эмбріологіи. Въ помощь нашему дѣлу нужна мысль Запада и нуженъ его опытъ. Но намъ столько же не нужна его революціонная декламація, какъ французамъ не нужна была римско-спартанская риторика, которою они говорили въ концѣ прошлаго вѣка. Говорить чужими образами, звать чужимъ кличемъ, — это не понимать ни дѣла, ни народа, это неуваженіе ни къ нему, ни къ народу. Ну есть ли тѣнь вѣроятія, чтобы народъ русскій возсталъ во имя соціализма Бланки, оглашая воздухъ кликомъ изъ четырехъ словъ, въ числѣ которыхъ три длинныхъ для него непонятны?»

Такимъ образомъ, по основнымъ своимъ идеямъ, Герценъ всего менѣе имѣлъ общаго съ польскимъ революціонизмомъ. Съ Польшей его связывало славянофильство: т.-е. Польшѣ онъ желалъ такого же возрожденія «хлопства», въ возможность котораго онъ вѣрилъ для Россіи. Собственно всѣ отношенія его къ полякамъ до 1861-го года были случайны и приводили его, при всѣхъ личныхъ симпатіяхъ, напримѣръ, къ Ворцелю, только къ сознанію разности его началъ, которыя ему казались русскими, съ польскими. Популярность, которую онъ пріобрѣлъ своей агитаціей именно въ предѣлахъ тѣхъ началъ, которыя считалъ

Герценъ наиболѣе существенными для Россіи, разумѣется, обратила на него вниманіе и поляковъ.

Въ 1859-мъ году, по поводу вышедшей въ Парижѣ брошюры «Alexander Herzen i Wolna Rossijska Drukarnia w Londynie», Герценъ написалъ рядъ писемъ подъ заглавіемъ: «Россія и Польша». Въ этихъ письмахъ русскій эмигрантъ напоминаетъ полякамъ объ историческихъ заслугахъ Россіи, о которыхъ никто не хочетъ знать на Западѣ, указываетъ на самое существенное дѣло русское — т.-е. освобожденіе крестьянъ съ землею, смѣется надъ «религіей демократіи», по коей надо непремѣнно презирать монархію, хотя бы она и дѣлала доброе дѣло, и переходитъ потомъ къ Польшѣ. Выразивъ убѣжденіе, что Польша должна быть свободна, онъ въ то же время полагаетъ, что и для своей и для всеславянской выгоды, болѣе чѣмъ для Россіи, лучше было бы Польшѣ оставаться въ союзѣ съ Россіей, что̀ впрочемъ раньше или позже и наступило бы, еслибы Польша теперь и отдѣлилась бы временно отъ Россіи. Самый трудный вопросъ между Россіей и Польшей при соединеніи ли ихъ, или раздѣленіи—это, по Герцену, вопросъ о границахъ. «Русскій языкъ, крестьянскій бытъ и православная вѣра»,—вотъ по его мнѣнію признаки, по которымъ опредѣляется граница польскаго отъ русскаго. А впрочемъ онъ этотъ вопросъ предоставляетъ на рѣшеніе самому населенію Литвы, Бѣлоруссіи и Украины и, судя по примѣрамъ прошлаго, полагаетъ, что выборъ населенія скорѣе упадетъ на сторону Россіи, особенно если Россія освободитъ крестьянъ съ землею. Такова сущность писемъ Герцена,—которыя кромѣ того отличались и другими обычными этому писателю мыслями и особенностями. Письма эти вызвали полемическіе отвѣты въ видѣ статей и писемъ и эмигрантовъ и проживающихъ на родинѣ поляковъ. Отвѣты были довольно рѣзки, такъ что Герценъ и не печаталъ ихъ. Эти отвѣты и еще нѣсколько статей дали поводъ къ новымъ статьямъ о томъ же сюжетѣ.

Сказать по правдѣ, перечитывая письма Герцена и сравнивая его слова съ приводимыми по мѣстамъ выдержками изъ писемъ его корреспондентовъ, невольно улыбаешься. Онъ имъ говоритъ свои любимыя темы о Западѣ и Россіи и Америкѣ, о надѣлѣ крестьянъ землею, о самоопредѣленіи народовъ и народа, — а они твердятъ о преимущественныхъ заслугахъ католицизма для цивилизаціи передъ православіемъ; о томъ, что коли дворянство католическое и польское, то и край долженъ считаться польскимъ; о томъ, что и вопросъ объ освобожденіи крестьянъ вовсе не такая важная вещь, какъ думаетъ Герценъ, а только шагъ экономическій — не болѣе; что русскіе — смѣсь

туранцевъ и славянъ, должны оставить старославянскіе элементы въ союзѣ съ Польшей, и т. п. Герценъ имѣлъ терпѣніе отвѣчать на всѣ эти аргументы, — и, надо сознаться, не оставилъ ни одного изъ нихъ безъ возраженія, указавъ даже на то, что поляки весьма мало думали о западномъ славянствѣ сравнительно съ «туранскими» русскими. Ладу, такимъ образомъ, у Герцена съ польскими дѣятелями и корреспондентами было мало. Даже во время польскаго возстанія, Герценъ писалъ, что поляки требуютъ много, что Кіевъ такой же русскій городъ, какъ и Москва и т. п.

И однакожъ Герценъ, когда начались польскія манифестаціи, началъ открыто выражать имъ сочувствіе и поощрялъ офицерскій кружокъ въ Польшѣ, желавшій присоединиться къ полякамъ, и даже призналъ законнымъ польское движеніе въ западномъ краѣ. Такое поведеніе, послѣ того, что̀ писалъ Герценъ, кажется тѣмъ болѣе непростительнымъ, что онъ же самъ, говоря о смерти офицера Потебни, приставшаго къ полякамъ, замѣтилъ, что юноша этотъ самъ чувствовалъ «рознь въ постановкѣ общественныхъ вопросовъ», что Герценъ неоднократно высказывалъ недовѣріе къ европейской дипломатіи, которая только подстрекаетъ поляковъ, а вовсе не думаетъ дѣятельно помогать имъ. Въ своихъ посмертныхъ запискахъ, Герценъ самъ спрашиваетъ себя: зачѣмъ онъ участвовалъ въ дѣлѣ, въ успѣхъ котораго заранѣе не вѣрилъ? Такъ какъ характеристика Герцена не составляетъ предмета настоящей статьи, то мы и не займемся рѣшеніемъ этого вопроса, а обратимъ вниманіе на тѣ условія, которыя должны были предложить нашей эмиграціи польскіе революціонеры и которыя находятся въ полной противоположности съ тѣмъ, что̀ писали поляки въ нашихъ газетахъ, во французскихъ, въ прежнихъ письмахъ къ самому Герцену.

Центральный польскій комитетъ въ Варшавѣ писалъ Герцену, что «основная мысль, съ которой Польша возстаетъ теперь, совершенно признаетъ право крестьянъ на землю, обработываемую ими и полную самоправность всякаго народа располагать своею судьбою». Комитетъ обѣщалъ крестьянамъ надѣлъ за выкупъ, который внесетъ помѣщикамъ народное правительство по окончаніи возстанія. Касательно Литвы и Украины, польскій комитетъ, провозглашая возстановленіе Польши въ прежнихъ ея границахъ, «оставлялъ народамъ въ нихъ обитающимъ, т.-е. литвинамъ и руссинамъ, полную свободу остаться въ союзѣ съ Польшею или распорядиться собою согласно ихъ собственной волѣ». Поднятіе же возстанія и въ приднѣпровскихъ областяхъ, комитетъ объяснялъ только протестомъ противъ произвольнаго раздѣла Польши.

Наивность и софистика этихъ аргументовъ теперь очевидны. Мы думаемъ, что Герценъ и его русскіе единомышленники не замѣтили ея только потому, что не имѣли никакихъ свѣдѣній о ходѣ дѣлъ въ западномъ краѣ [1]), и все-таки не отрѣшились отъ той революціонной фразеологіи и мистики, надъ которой такъ смѣялся Герценъ. Что народъ въ западномъ краѣ не пошелъ за комитетомъ, хотя тотъ и предлагалъ ему землю будто бы даромъ, — вышло совершенно естественно: народъ видѣлъ, что этотъ подарокъ находится въ полномъ противурѣчіи съ ежедневнымъ поведеніемъ помѣщиковъ; наконецъ, не трудно было сообразить, что подарки отъ невѣдомаго и слабаго комитета не имѣютъ прочности. Народъ предпочелъ или «завоевать себѣ землю», какъ говорили крестьяне въ юго-западномъ краѣ, или получить ее отъ такого правительства, сила котораго не подлежала сомнѣнію. Еще болѣе наивно было предоставленіе народамъ, населяющимъ западный край, опредѣлить свою судьбу. И тутъ это опредѣленіе состоялось не въ той формѣ, въ какой думали увидѣть это рѣшеніе польскіе демократы и Герценъ, но все-таки состоялось въ духѣ, согласномъ съ естественными условіями дѣла, которыя понималъ, какъ видно, очень хорошо и Герценъ, когда писалъ свои первыя письма о Россіи и Польшѣ: народъ не пошелъ за поляками, а противъ, потому что знать не зналъ всей революціонной и политической формалистики, не понималъ ничего въ вопросахъ о федераціи, — а зналъ свое дѣло, свою крестьянскую нужду, и не видѣлъ никогда отъ поляковъ ничего, кромѣ утѣсненія, и пошелъ не за нихъ, а противъ нихъ. Въ самой Польшѣ народъ какъ былъ пассивенъ, такъ и остался. Словомъ, коли хотите, произошло тоже, чего хотѣлъ и Герценъ и комитетъ: произошелъ suffrage universel, — только безъ урнъ, а сообразно естественнымъ (эмбріоническимъ) условіямъ, въ какихъ было дѣло: подача голосовъ совершилась организаціей сельской стражи въ западномъ краѣ, пассивностью народа въ Польшѣ, пускай даже кое-гдѣ и грабежомъ: вѣдь и пассивность и самый грабежъ и даже подкупъ, — тоже дѣйствія подачи голосовъ, — за *statu quo*.

Мы думаемъ поэтому, что польское возстаніе было закончено

---

[1]) Вотъ курьезный образчикъ, въ какомъ видѣ доходили изъ этого края извѣстія до Лондона: «Колоколъ» спрашивалъ: правда ли, что братья Рыльскіе, студенты кіевскаго университета, сосланы въ Казань, по доносу Васильчикова, что они обращаются *по-братски* съ своими крестьянами? — Ср. выше жалобы г. Падалицы и Грабовскаго на то, что русское правительство терпитъ, какъ кіевская молодежь проповѣдуетъ коммунизмъ и демократическія идеи крестьянамъ, и показанія галицко-польскихъ газетъ, что Рыльскій, въ числѣ другихъ измѣнниковъ польской идеѣ, агитируетъ подъ покровительствомъ московскаго правительства въ пользу гайдамачины.

самымъ наилучшимъ образомъ, какимъ могло кончиться при тѣхъ условіяхъ, при какихъ оно происходило, — ибо, еслибы, напр., вмѣшались европейскія державы, то при слабости политическаго развитія народа въ Польшѣ, и при враждебности къ полякамъ населенія въ западномъ краѣ, особенно въ юго-западномъ, дѣло могло кончиться гораздо хуже. При томъ образѣ мыслей объ устройствѣ крестьянскаго населенія, какой заявили на практикѣ и въ проектахъ польскіе помѣщики, — въ случаѣ успѣха польскаго возстанія могла произойти или ужасная гражданская война, или новое притѣсненіе крестьянъ, которое стало бы ничуть не легкимъ отъ того, что оно было бы установлено конституціоннымъ польскимъ сеймомъ. Словомъ, и польскіе революціонеры и Герценъ съ его единомышленниками одинаково ошиблись и одинаково запутали другъ друга, — съ тою разницей, что поляки запутали Герцена въ свою форму, а сами зацѣпились за его идею. Идея же эта, которой Герценъ былъ хоть и крайній, но искренній служитель, была идея не искусственная, и не чужая, а выработанная русскимъ обществомъ, хотя и не безъ вліяній европейскихъ, но изъ естественныхъ условій русской земли, — а именно *идея о надѣлѣ крестьянъ землею и объ опредѣленіи національности территорій по характеру большинства (сельскаго) народонаселенія.*

Такимъ образомъ и въ самомъ фактѣ союза русскихъ эмигрантовъ и агитаторовъ съ польскими мы позволяемъ себѣ видѣть, что русское общество далеко не проявило исключительно уступчивости и «бараньей» покорности, — а скорѣе наоборотъ, больше устойчивости, чѣмъ польское, конечно, если смотрѣть на сущность дѣла, а не на формы. Весьма важно, что рѣшительный наклонъ въ русскую сторону, указаніе практическаго выхода изъ польскаго вопроса, — при тѣхъ затрудненіяхъ, колебаніяхъ, противурѣчіяхъ, которыя тогда были видны не только въ сужденіяхъ общества, но и актахъ правительства, данъ былъ опять-таки естественной русской силой, т.-е. русскимъ народомъ западнаго края. Такъ какъ приготовленія поляковъ къ возстанію совпали со введеніемъ уставныхъ грамотъ, причемъ помѣщики западнаго края старались, елико возможно, урѣзать количество надѣла крестьянскаго, — то крестьяне, по своей логикѣ, свели вмѣстѣ и недовольство помѣщиковъ крестьянской свободой и приготовленія къ возстанію. Кто лучше помнилъ возстаніе 30-го года и былъ поэнергичнѣе, тѣ рѣшились связать знаменитый *слушный часъ* съ возстаніемъ и стали готовиться такъ сказать къ контр-революціи.

Это особенно имѣло мѣсто въ юго-западномъ краѣ, гдѣ съ конца 1862-го года участились жалобы польскихъ помѣщиковъ

и писателей на неповиновеніе крестьянъ и на происки будто бы бунтующей ихъ украинофильской партіи и гдѣ администрація открывала даже слѣды заготовленія крестьянами пикъ. Жалобы эти имѣли послѣдствіемъ между прочимъ то, что, напр., въ Кіевской губерніи какъ разъ въ концѣ апрѣля, наканунѣ взрыва возстанія, былъ командированъ членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія для объѣзда волостей и для внушенія крестьянамъ духа повиновенія мировымъ посредникамъ-полякамъ, съ правомъ требовать въ случаѣ надобности вооруженную силу, — т.-е. отвлекать ее отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ будутъ собираться повстанцы, и употреблять ее на наказаніе тѣхъ крестьянъ, которые перевяжутъ повстанцевъ. Среди менѣе активнаго населенія сѣверо-западнаго края и духъ реакціи народа революціонерамъ былъ слабѣе, но все-таки проявлялся.

Среди такихъ обстоятельствъ назначенъ былъ въ Вильну ген. Муравьевъ. Судя по напутствовавшимъ его толкамъ, можно думать, что ген. Муравьевъ сначала не имѣлъ въ виду другой системы дѣйствій, кромѣ репрессалій. Ген. Муравьевъ, какъ извѣстно, былъ далекъ отъ мысли объ уступкахъ крестьянству и напротивъ былъ всегда противникъ идеи надѣла крестьянъ землею. Вотъ потому-то именно и важно, что и такой человѣкъ увидѣлъ недостаточность однихъ репрессалій, производимыхъ полиціей и войскомъ, какъ бы они свирѣпы ни были, а обратилъ вниманіе на настроеніе народа: «крестьянскій надѣлъ — крестьянамъ» вотъ былъ лозунгъ тогда носившійся надъ краемъ, лозунгъ, который обстоятельства и настроеніе народа декретировали даже и польскому подземному правительству и которому должны были показывать готовность уступить и польскіе паны, такъ интриговавшіе противъ инвентарныхъ правилъ. Ген. Муравьеву достаточно было только быть умнымъ человѣкомъ, чтобъ понять необходимость опереться на народъ. Мѣры, какъ образованіе сельской стражи, прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и обязательный выкупъ, перемѣна состава мировыхъ посредниковъ, повѣрка прежнихъ уставныхъ граматъ — слѣдовали одна за другою, увлекая одна другую.

Что касается до юго-западнаго края, то здѣсь администрація не только не помогала народной реакціи, но даже всѣми мѣрами сдерживала ее, — опасаясь, съ голоса поляковъ, повторенія казачины и гайдамачины. Весьма любопытно, что самъ г. Кояловичъ въ статьѣ по поводу указа объ учрежденіи сельской стражи, не безъ опасеній смотрѣлъ на юго-западный край, хотя онъ постоянно и говорилъ, что энергія малорусской части западной Россіи всегда оживляла и болѣе пассивную Бѣлоруссію и спасала русское дѣло во всей западной Руси. Но стража

была учреждена и здѣсь. Слабое и кратковременное польское возстаніе было усмирено гораздо больше крестьянами, чѣмъ войсками. Изданная кіевскими профессорами брошюра «Возстаніе поляковъ въ юго-западной Россіи» говоритъ, что «дѣятельность войскъ во время возстанія состояла главнымъ образомъ въ охраненіи поляковъ отъ народа». «Скажите только слово,— говорилъ одинъ крестьянинъ кіевскому губернатору, представляя плѣнныхъ повстанцевъ—и черезъ неділлю и за 1000 карбованцівъ ні одного ляха не найдете». — «А! каково хлопы-то расходились!» — говорили послѣ усмиренія возстанія поляки и не-поляки извѣстнаго закала преимущественно лицамъ власть имѣющимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попробовали даже арестовывать крестьянъ, обвиняя ихъ въ неповиновеніи помѣщикамъ и мировымъ посредникамъ, за то что они арестовывали повстанцевъ. Кіевская администрація хотѣла вести дѣло по старому—т.-е. наказать участвовавшихъ въ мятежѣ: кого слѣдуетъ, сослать, другихъ повѣсить, но отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ оставить безъ перемѣны. Виленскія мѣры, какъ прекращеніе обязательныхъ отношеній, обязательный выкупъ, пересмотръ грамотъ, въ юго-западномъ краѣ долго не вводились. Администрація выставляла на видъ опасность этихъ мѣръ въ виду настроенія народа, — и какъ мы говорили, указывала на этотъ народъ и на руководящихъ будто бы его украинофиловъ, какъ на гораздо болѣе опасный революціонный элементъ, чѣмъ поляки. Но въ виду принятыхъ въ Вильнѣ мѣръ и въ виду настроенія народа, говорившаго тамъ и сямъ: «мы себѣ землю завоевали»,—странное положеніе, придуманное генераломъ Анненковымъ вмѣстѣ съ польскими предводителями дворянства, не могло удержаться, — и виленскія мѣры стали вводиться и въ Кіевѣ.

Такимъ образомъ указанъ былъ путь къ выходу изъ польскаго вопроса. Едва опредѣлилось настроеніе народа въ западномъ краѣ,—и печати и администраціи дѣло стало яснѣе, — и конечно, болѣе образованные элементы общества могли развить въ цѣлую систему то, что только какъ желаніе и общее положеніе высказываемо было народомъ. Создать эту систему было нетрудно, такъ какъ въ обществѣ была уже въ ходу основная идея: устройство сельскаго состоянія съ признаніемъ крестьянской земли собственностью крестьянъ и съ общиннымъ самоуправленіемъ.

Нужно отдать честь бѣлоруссофиламъ и славянофиламъ, что они энергичнѣе другихъ ухватились за эту мысль въ примѣненіи къ польскому вопросу и такимъ образомъ дали реальную оболочку прежнимъ болѣе туманнымъ разглагольствіямъ о при-

званіи «къ политической жизни» народа въ Польшѣ и западномъ краѣ. Г. Кояловичъ, г. Аксаковъ стали писать въ пользу освобожденія народа въ западномъ краѣ отъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, указывать на несправедливости въ дѣятельности польскаго состава мировыхъ учрежденій, доказывать необходимость распространенія мѣръ по крестьянскому дѣлу, принятыхъ въ сѣверозападномъ краѣ, и на юго-западный край. Г. Гильфердингъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» развивалъ мысль о необходимости противудѣйствовать польскимъ революціонерамъ неуклоннымъ примѣненіемъ къ западному краю и Польшѣ принципа, на который неправильно ссылаются сами революціонеры: принципа народности и народа. Система «усмиренія мятежа» замѣнялась такимъ образомъ системою «освобожденія народа литовскаго и русскаго отъ польской аристократіи» и «созданія народа въ Польшѣ, издавна подавленнаго аристократіей». Надо впрочемъ сознаться, что и прежняя система «усмиренія» шла и принимала размѣры довольно грозные и широкіе, доходя, напр., до запрещенія говорить на улицахъ въ западномъ краѣ по-польски. Бѣлоруссофиламъ и славянофиламъ можно сдѣлать упрекъ, что они, указывая на правую, гуманную сторону политики въ западномъ краѣ и Польшѣ, мало обращали вниманія на развитіе рядомъ съ нею и совершенно несущественныхъ, однакожъ довольно насильственныхъ мѣропріятій,—и мало того, еще усложняли дѣло реорганизаціи края примѣсью религіозной нетерпимости и тѣмъ смѣшеніемъ понятій о религіи и національности, о которомъ мы говорили выше. Эта-то примѣсь насилія и религіозной нетерпимости, проявлявшаяся сначала преимущественно въ Вильнѣ, а оттуда вмѣстѣ и съ полезными мѣрами, все больше и больше распространявшаяся и въ Кіевъ и даже въ Варшаву, и была причиною, почему многіе изъ элементовъ русскаго общества относились не только безъ симпатіи, но и безъ должнаго пониманія къ значенію политики нашей въ западномъ краѣ и Польшѣ, а также почему въ составъ дѣятелей въ этихъ краяхъ проскочило такое значительное число «ташкентцевъ» и членовъ «мрачнаго сонмища». Все это чрезвычайно печально,—но все это результатъ условій и нашего прошлаго и положенія нашей печати и общества.

Во всякомъ случаѣ хорошо и то, что періодъ нашего общественнаго движенія съ 1856 г. и до 1863-го года, тотъ именно періодъ, который догадливые виленскіе исторіографы и московскіе миѳологи, публицисты и романисты такъ предупредительно называютъ періодомъ господства «польской интриги», временемъ «панургова стада», «потѣшнымъ временемъ на Руси» и т. п.—этотъ именно періодъ создалъ идеи, которыя могли быть при-

мѣнены и къ охраненію единства государства, идеи, какихъ не имѣли прежніе усмирители, какъ Новосильцовъ, Паскевичъ, — какія проявлялись изъ-подъ тяжести военно-полицейскаго диктаторства у ген. Бибикова, но не могли создать ничего прочнѣе и лучше, какъ инвентарныя правила, оказавшіяся годными только какъ подкладка для позднѣйшаго. Эти то идеи, — народа и народности, — не только помогли сохранить единство государства во время польскаго революціоннаго движенія, но и совмѣстить это сохраненіе съ поступомъ его впередъ. И даже, — странное на первый разъ дѣло!—этотъ поступъ впередъ шелъ послѣ 1863 года подъ давленіемъ военной диктатуры въ западномъ краѣ и Польшѣ гораздо скорѣе и сильнѣе, чѣмъ въ остальной, «коренной» Россіи, въ которой завладѣли кормиломъ умовъ миѳологи-охранители, начавшіе свое спасеніе Россіи съ защиты «англійскаго» способа освобожденія крестьянъ и вотчинной полиціи на остзейскій манеръ. Несмотря на то, что польское возстаніе еще болѣе усилило значеніе «охранителей», и что идеи ихъ теоретически господствовали и въ западномъ краѣ и въ Польшѣ, практическая сила обстоятельствъ требовала здѣсь не реакціи, а движенія впередъ, — и оно шло, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, часто подъ самой непривлекательной оболочкой, а еще чаще въ самомъ непривлекательномъ сосѣдствѣ, но шло! И притомъ тѣ начала политики, какія были провозглашены въ 1863—1864-го годахъ относительно западнаго края и Польши,— а именно освобожденіе русскаго и литовскаго народа отъ несправедливаго преобладанія польскаго меньшинства и призваніе къ жизни издавна задавленнаго польскаго народа, могли дѣйствительно одушевлять многихъ русскихъ и привлечь ихъ въ чужой край не ради только увеличенныхъ окладовъ жалованья и служебныхъ привилегій. Лицу, которое руководило преобразовательною дѣятельностію въ Польшѣ, приписываютъ слова: «Поступайте такъ, чтобы черезъ много лѣтъ, когда бы даже и не было русскихъ въ Польшѣ, у здѣшняго народа сохранилась память о томъ, что когда-то русскій царь прислалъ въ Польшу русскихъ людей и съ ними свободу и благосостояніе народа.» О русскихъ областяхъ западнаго края—и говорить нечего: болѣе благородной задачи русскій патріотъ не могъ найти себѣ, какъ работать на освобожденіе здѣсь русскаго народа. Рядомъ съ тѣми понятными и высокими цѣлями, которыя заданы были русскимъ реорганизаторамъ въ Польшѣ и западномъ краѣ, всѣ репрессаліи могли казаться временными и несущественными контръ-респрессаліями, которыя по рутинѣ повторяются неизбѣжно при всякомъ возстаніи, но которыя остаются въ сторонѣ отъ главной сути дѣла.

Апогеемъ этого новаго отношенія русскаго общества къ дѣламъ не только западнаго края, но и Польши, были мѣры, изданныя для Польши 19-го февраля 1864-го года, по устройству поземельныхъ отношеній крестьянъ и сельскому устройству, и скоро послѣдовавшій — рескриптъ объ организаціи учебнаго дѣла въ Польшѣ. Послѣднее дѣло наиближе касается національнаго чувства и вообще духовной жизни народа, а потому на немъ всего яснѣе и отражается нравственная сторона отношеній правительства къ населенію. Исходныя начала рескрипта 1864 года заключаются въ слѣдующихъ словахъ: «Задача Россіи по отношенію къ царству польскому должна заключаться въ полномъ безпристрастіи ко всѣмъ составнымъ стихіямъ тамошняго населенія»... «Не позволяя *ни себѣ, ни кому бы то ни было*, говорилъ 3-й пунктъ рескрипта,—превращать разсадники науки для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію, постоянно улучшая систему общественнаго воспитанія въ царствѣ и возвышая въ немъ уровень преподаванія.» Въ силу этихъ началъ рескриптъ предоставлялъ польскому юношеству возможность учиться на польскомъ языкѣ, но въ то же время полагалъ, что какъ «населеніе царства состоитъ изъ лицъ, принадлежащихъ разнымъ племенамъ и вѣроисповѣданіямъ»,—то «каждое изъ нихъ должно быть ограждено отъ всякаго насильственнаго посягательства», и каждой народности предоставлено право на свои отдѣльныя училища. «Въ школахъ общихъ, особенно низшихъ, обученіе, по словамъ рескрипта, должно быть производимо на природномъ языкѣ большинства населенія, т.-е. или на польскомъ, или на русскомъ, или на нѣмецкомъ, или на литовскомъ, смотря по мѣстности и происхожденію жителей».

Какъ отнеслись ко всему этому новому положенію вещей «московскіе» славянофилы?

М. Т—овъ.

ТЯЖЕЛАЯ МИНУТА

Гдѣ вы источники вѣчной любви—
Жажда всѣхъ видѣть счастливыми—
Кладъ дорогой, скрытый въ нервахъ, въ крови,
Въ пламенномъ сердцѣ съ порывами?
Гдѣ та великая вѣра въ людей—
Въ славу всего человѣчества?
Или хоть въ смѣлую правду друзей,
Шедшихъ страдать за отечество?...
Гдѣ та заря, что вставала?—скажи:
Гдѣ та душа, что проснулася?
Или земля—это скопище лжи—
Въ грозныя тучи замкнулася?
Или опять племенная вражда
Въ каждый народъ протѣснилася,
И какъ осенняя, съ грязью, вода
Въ сердце мое проточилася?
Или въ умы замѣшался хаосъ?—
Или опять первобытная
Дичь разростается—крови и слезъ
Требуетъ власть ненасытная?—

Если погаснетъ священный огонь,—
Что впереди? — тьма бездонная....
Милая! въ эту минуту не тронь
Сердце мое омраченное...
Можетъ быть, эта минута пройдетъ,
Можетъ быть, завтра-жъ попутная
Звѣздочка лучъ свой уронитъ. — Сойдетъ
Въ душу хоть радость минутная.
Радъ буду встрѣтить я гостью-мечту,
И принести ей раскаянье
За ненавистную мнѣ слѣпоту
И за минуту отчаянья...

Я. Полонскій.

КАЛИКИ ПЕРЕХОЖІЕ

и

БОГОМИЛЬСКІЕ СТРАННИКИ.

Духовные стихи, достояніе нашихъ каликъ перехожихъ, не даромъ обратили на себя вниманіе изслѣдователей. Въ литературѣ народно-религіозной пѣсни эти стихи занимаютъ особое мѣсто по характерности своего состава, и по богатству отреченнаго содержанія. Въ послѣднемъ отношеніи, труды гг. Пыпина и Тихонравова пролили много свѣта на спорный вопросъ, и теперь едва ли придетъ кому въ голову непосредственно отрывать черты народнаго миѳа въ памятникахъ, самое свойство которыхъ обязываетъ къ иному почину изслѣдованія. Духовные стихи разработываютъ сюжеты легендъ, евангельской и библейской исторіи, преимущественно апокрифической; все это приходило къ намъ историческимъ путемъ, въ исторически опредѣлившихся памятникахъ; ясно, стало быть, что если въ духовныхъ стихахъ та или другая черта остановитъ насъ своею особенностью или даже quasi-народнымъ складомъ, мы принуждены обратиться за объясненіемъ прежде всего къ тѣмъ же самымъ памятникамъ. Только разсчитавшись съ исторіей, вычтя изъ народнаго стиха что въ немъ принадлежитъ литературному преданію, мы можемъ позволить себѣ судить объ остаткѣ: отнести ли его, напримѣръ, на счетъ народнаго миѳа и тѣхъ коренныхъ космогоническихъ представленій, которыя народъ безсознательно вводилъ въ формы чуждаго ему сказанія?

Такимъ образомъ, остается собственно идти по старому пути,

указанному давно. Между тѣмъ новые вопросы представляются на первыхъ же порахъ. Матеріалъ легендъ и въ особенности апокрифовъ, изъ которыхъ почерпали духовные стихи, извѣстенъ былъ на Руси въ очень давнее время, можетъ быть, съ первой поры введенія христіанства. Эпизоды житія Варлаама и Іосафата, любимой темы нашихъ каликъ, встрѣчаются въ прологахъ XII-го вѣка; въ XIV-мъ в. новгородскій архіепископъ Василій въ посланіи къ тверскому епископу Ѳедору приводитъ дословно первые стихи калічейскаго «Адамова плача». Это позволяетъ заключить, что первообразы нашихъ духовныхъ стиховъ могли быть очень древними; что они долгое время существовали въ народѣ, какъ особенный пѣсенный циклъ рядомъ съ былинами или тѣмъ, что мы могли бы назвать нашимъ свѣтскимъ эпосомъ. Такое совмѣстное существованіе не могло обойтись безъ взаимныхъ вліяній: духовный стихъ проникалъ въ былину нѣкоторыми символическими подробностями, объяснимыми лишь изъ его источниковъ, иными фантастическими образами, которые, обнароднѣвъ и исказившись, путаютъ насъ теперь призраками чего-то народнаго, самобытнаго. Отчего бы не могъ этотъ стихъ приносить еще болѣе и давать сюжеты сказителю былинъ? Вопросъ становился такимъ образомъ еще шире. Если духовные стихи разработываютъ съ такою любовью апокрифическіе сюжеты, то апокрифы, какъ выраженіе извѣстнаго иновѣрія въ христіанскомъ смыслѣ, развивались преимущественно въ кругу ересей и распространялись вмѣстѣ съ ними, когда въ нихъ было сильно стремленіе къ пропагандѣ. И въ догматической части, и въ легендарномъ содержаніи, эти апокрифы должны были отразить тѣ существенныя стороны иновѣрія, въ которыхъ оно расходилось съ христіанствомъ: философскія попытки объяснить тайны откровенія или внѣшнюю примѣсь какихъ-нибудь иныхъ религіозныхъ представленій. Такъ, напримѣръ, манихейская ересь приняла въ себя многое изъ ученій Ирана и Индіи; позднѣе, такъ-называемые новоманихейскіе толки богомиловъ и катаровъ распространили эти ученія, видоизмѣняя ихъ, по всей средневѣковой Европѣ. У нихъ были свои апокрифы и легенды, преданіе которыхъ могло восходить до той далекой среды, отвуда заимствовано и самое ученіе. Эти апокрифы и легенды они приносили съ Востока на Западъ, являясь, такимъ образомъ, посредниками между тѣмъ и другимъ, не только въ религіозномъ, но и въ литературномъ отношеніи.

Въ существованіи послѣдней связи, въ сильномъ вліяніи восточной фантазіи на произведенія средневѣковой литературы, никто болѣе не сомнѣвается; но пути этого вліянія еще не до-

статочно обслѣдованы, и что сдѣлано въ этомъ отношеніи не выводитъ насъ изъ области гипотезъ и крайнихъ взглядовъ. Къ такимъ крайностямъ слѣдуетъ, можетъ быть, отнести и извѣстную монгольскую гипотезу Бенфея. Я не намѣренъ противопоставить ей другую, столь же одностороннюю теорію; замѣчу только слѣдующее: небольшое знакомство съ ученіями тѣхъ еретическихъ сектъ, которыя всего болѣе познакомили Европу съ религіозными воззрѣніями Востока, убѣдило меня, что многочисленныя черты народнаго европейскаго суевѣрія, мотивы сказокъ и литературныхъ повѣстей объясняются удовлетворительно изъ посредствующей формы апокрифовъ и отреченныхъ легендъ, распространеніе которыхъ можетъ быть приписано еретической пропагандѣ. Такъ, напримѣръ, существуетъ въ европейскихъ литературахъ цѣлый романтическій циклъ, въ народномъ характерѣ котораго никто никогда не сомнѣвался; между тѣмъ источникъ его раскрывается несомнѣнно въ одномъ изъ подобныхъ апокрифовъ. То же можно доказать относительно по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нашихъ былинъ. Чтобы привести одинъ доступный примѣръ, укажу на былину о Васильѣ Окульевичѣ, которая не что иное, какъ народная перелицовка апокрифической повѣсти о Соломонѣ и Китоврасѣ. Былина черпала, стало быть, изъ того же источника, изъ котораго питались и наши духовные стихи. Потому изученіе ихъ въ связи съ апокрифами и ересями становится дѣломъ далеко не безъинтереснымъ, тѣмъ болѣе, что не утративъ религіознаго колорита, они представляютъ собою во многихъ случаяхъ первую ступень перехода отъ апокрифа къ народной повѣсти и, можетъ быть, былинѣ, которая, подставляя новыя имена и вводя новыя отношенія, настолько измѣняетъ чуждый мотивъ, что встрѣтившись съ нимъ, изслѣдователь готовъ принять его за продуктъ самобытнаго народнаго измышленія. Хорошій образчикъ такой перелицовки представляетъ русское преданіе о горѣ Судомѣ, перенесшее подъ Псковъ одно изъ апокрифическихъ судовъ Соломона.

Сдѣлаемъ именно такой опытъ изслѣдованія нашихъ духовныхъ стиховъ и нѣкоторыхъ вопросовъ, съ ними тѣсно связанныхъ.

I.

Однимъ изъ интересныхъ эпизодовъ въ исторіи религіознаго общенія Востока и Запада было появленіе въ эпоху Сассанидовъ синкретическихъ ересей. Извѣстна въ этомъ отношеніи система манихейства: она заимствовала у буддистовъ не только ихъ нравственный кодексъ, ихъ аскезу, но ученіе о метемпсихозѣ, о противуположности духа и матеріи; ея основной дуалистическій принципъ отразилъ на себѣ несомнѣнное вліяніе парсизма; евреи и христіане внесли въ нее свой контингентъ разсказовъ и вѣрованій. Такъ создалась ересь, названная по имени ея основателя, Мани: смѣсь разнообразныхъ элементовъ, въ которой отъ христіанскаго кодекса остались лишь имена и общіе очерки событій,—до такой степени измѣнилось въ ней подъ вліяніемъ чуждаго космогоническаго начала самое пониманіе божества и его проявленія въ исторіи.

Между тѣмъ ни одной ереси не суждено было играть столь значительной роли въ исторіи христіанства, какъ именно манихейству. Она слишкомъ увѣренно обѣщала отвѣтить на такіе тонкіе вопросы догмата и эсхатологіи, надъ которыми въ трепетѣ останавливались христіанскіе мудрецы. Оттого она привлекала къ себѣ лучшіе умы: извѣстно, что блаженный Августинъ былъ одно время ей преданъ. Насильственная смерть Мани († 274 или 275) при Сассанидѣ Бахрамѣ нисколько не повліяла на успѣхъ его ученія, которое скоро распространилось; средніе вѣка одержимы страхомъ манихейства, папы издаютъ противъ него поставленія, начиная съ Геласія (492—496); по его слѣдамъ и подъ его вліяніемъ создаются новые дуалистическіе толки. Такъ въ Испаніи и Аквитаніи утверждается ересь Присцилліана; секта Павликіанъ, появившаяся въ Арменіи въ 600 — 666-мъ году, проникаетъ на югъ Франціи и, съ другой стороны, утверждается во Ѳракіи (въ VIII-мъ вѣкѣ) и самомъ Царьградѣ, гдѣ въ 810-мъ году императоръ Никифоръ даетъ ея послѣдователямъ права гражданства. Къ концу X-го вѣка населеніе христіанской, особенно южной Европы, было настолько насыщено манихейскими элементами, что становится понятнымъ быстрое распространеніе такъ-называемой ново-манихейской ереси, вышедшей съ Балканскаго полуострова, гдѣ она сложилась подъ несомнѣннымъ вліяніемъ павликіанскихъ ученій. Начальникомъ ея былъ болгарскій попъ Іеремія, прозвавшій себя — по обычаю Павликіанъ, старѣйшины которыхъ принимали имена учениковъ ап. Павла—Богомиломъ, отъ имени апостольскаго ученика Ѳеофила.

Онъ жилъ при болгарскомъ царѣ Петрѣ (927—68) и его проповѣдь относится къ началу десятаго столѣтія (920—950 г.). Центрами новаго ученія были Болгарія и область македонскихъ Дреговичей; но уже въ концѣ X-го и началѣ XI-го вѣка мы встрѣчаемъ его у Дрима, Морачи и Адріатики, въ княжествѣ Дукляпскомъ; въ концѣ XI-го и началѣ XII-го вѣка—во Оракіи и у Чернаго моря, гдѣ основаны церковныя общины въ Пловдивѣ и Цареградѣ; въ послѣднемъ городѣ сожженъ при Алексѣѣ Комненѣ еретическій епископъ Василій. Къ тому же XII-му вѣку относится разсѣяніе ереси по другимъ славянскимъ землямъ: въ Сербіи и Босніи; въ XIII-мъ вѣкѣ—въ Далмаціи и Славоніи. Еще позже она появляется на Аѳонѣ; есть основаніе заподозрить въ дитеизмѣ, недалекомъ отъ богомильскаго, толкъ ἡσυχασταὶ или ἡσυχάζοντες (XIV-го вѣка), съ его ученіемъ о несозданномъ свѣтѣ, просіявшемъ на Ѳаворѣ, и пріемами чисто буддической созерцательности, давшими поводъ монаху Варлааму назвать его послѣдователей — ὀμφαλόψυχοι. Изъ славянскихъ земель или съ Аѳона, этого разсадника православной образованности, болгарскіе сектаторы могли приходить и въ Россію, какъ приходили богомильскіе апокрифы и болгарскія басни. Предполагаютъ, что еретикъ Дмитръ, появившійся на Руси въ 1123-мъ году, былъ изъ секты богомиловъ; трудно рѣшить, насколько принадлежали къ ней новгородскіе стригольники (XIV в.); несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что признаки богомильской ереси въ нашихъ позднѣйшихъ раскольничьихъ толкахъ ведутъ свое начало издавна.

Таковы были пути на востокъ. Одновременно они открылись и на западъ, можетъ быть уже въ X-мъ и XI-мъ вѣкахъ. Здѣсь переходную почву представляла Италія, въ особенности долина Ломбардіи, откуда ересь проникала далѣе въ глубь страны и переходила далѣе, за Альпы. Въ пору ея процвѣтанія въ Италіи мы находимъ ее въ Мантуѣ, Веронѣ, Тревизо, Бергамо, Миланѣ, Пьяченцѣ, Феррарѣ, въ Болоньѣ, Флоренціи, Фаэнцѣ, Орвіето; во Франціи она сосредоточена по преимуществу въ южныхъ областяхъ, гдѣ дуалисты составляютъ главный оплотъ альбигойскаго движенія, но у нихъ были также общины въ Парижѣ, Орлеанѣ и Реймсѣ; въ Шампани, Бретани; въ городахъ Бельгіи и Нидерландовъ; въ Мецѣ, Страсбургѣ, Кёльнѣ, Боннѣ, Трирѣ и Госларѣ. Изъ письма папы Иннокентія IV, отъ 1244-го года, видно, что они проникли въ Чехію; уже въ XII-мъ вѣкѣ Генрихъ II собиралъ въ Оксфордѣ соборъ на еретиковъ, успѣвшихъ осѣсться въ центрахъ Англіи — Лондонѣ и Йоркѣ. Съ другой стороны, когда по взятіи Константинополя латинянами,

столица византійской имперіи и церкви перенесена была въ Нивею, ересь показывается въ Малой Азіи.

Мы познакомились съ ея областью въ пору ея процвѣтанія: она обнимала широкую береговую полосу, начинавшуюся у малоазіатскаго берега и проходившую по южнымъ окраинамъ Европы до береговъ Англіи. На этомъ громадномъ пространствѣ еретики, называвшіе себя въ укоръ господствовавшей церкви попросту *христіанами*, *добрыми христіанами* (christiani, boni christiani, bos crestias, крьстинани, христинами), или *добрыми людьми* (boni homines, bos hommes), получили отъ своихъ противниковъ разныя названія: въ Болгаріи ихъ звали *богомилами*; *патаренами* въ Италіи и восточныхъ областяхъ, стоявшихъ съ ней въ церковномъ единствѣ; въ Германіи и Франціи преимущественно *катарами*. Ихъ звали также манихеями, павликіянами; были и другія клички болѣе частнаго и мѣстнаго характера. Названіе *катаровъ* (отъ греч. *καθαρος*—чистый) и *болгаръ* (Burgari, Bulgari, Bulgri, Bugares, Bugre, Bogri)—послѣднее особенно во Франціи — продолжало указывать на Грецію и Болгарію. Какъ далеко ни подвигалась секта на западъ, она постоянно хранила память о своемъ происхожденіи съ Востока: переводъ священнаго писанія, принятый еретиками, и нѣкоторія отличія въ текстѣ молитвы Господней, служатъ яснымъ доказательствомъ, что въ томъ и другомъ случаѣ оригиналъ былъ греческій. На болгарскую церковь западные еретики долгое время продолжали смотрѣть, какъ на начальницу своего ученія, въ которой это ученіе всего чище сохранилось. Изъ такого признанія главенства, католики заключали, что у еретиковъ есть свой таинственный, никому невѣдомый папа. Всякое недоразумѣніе, всякій расколъ въ толкѣ, поднимавшійся на Востокѣ, отражался и въ средѣ западныхъ единовѣрцевъ. По такому дѣлу пріѣзжалъ во Францію епископъ цареградскихъ богомоловъ, наслѣдникъ замученнаго Василія: въ 1167-мъ году онъ созвалъ близъ Тулузы, въ St. Felix de Caraman, соборъ французскихъ катаровъ. Нѣсколько позже является въ Ломбардіи, вызванный тѣмъ же вопросомъ раскола, какой-то Petracus (Petrač?): онъ приходитъ изъ-за моря, des parties d'outremer, вѣроятно изъ Болгаріи. Наконецъ, одна изъ главныхъ книгъ богомильскаго вѣроученія, такъ-называемые «Вопросы Іоанна Богослова», завѣдомо принесены были въ сѣверную Италію, къ еретикамъ Concorezzo, изъ Болгаріи, вѣроятно въ концѣ XII-го вѣка: «hoc est secretum hereticorum de Concorezio, *portatum de Bulgaria* Nazario suo episcopo, plenum erroribus».

Въ исторіи дуалистическихъ ученій славянскіе народы, въ

первый разъ до появленія Гуса, вносятъ въ общеевропейскую жизнь свой интеллектуальный вкладъ, оставившій прочные слѣды на всемъ развитіи средневѣковой культуры. На этотъ вкладъ слишкомъ мало обращали вниманія. Изучая XI—XIII-ый вѣка, общественные вопросы, ими поставленные, ихъ религіозные идеалы и отраженіе тѣхъ и другихъ въ литературѣ, слишкомъ часто исходили изъ какихъ-то общихъ христіанскихъ принциповъ, которымъ жизнь должна была дать выраженіе, хотя въ дѣйствительности ничто имъ не отвѣчало; въ крайнихъ случаяхъ останавливались на такихъ широкихъ дѣленіяхъ, какъ византійское православіе и романское католичество, чтобъ изъ двойственности источниковъ объяснить отличія культурныхъ проявленій. Между тѣмъ, помимо той и другой области, на которыя полюбовно подѣлили средневѣковую исторію, существовала еще третья область, вполнѣ самостоятельная, насколько можно было подъ гнётомъ господствующихъ церквей; во всякомъ случаѣ уклонившаяся отъ ихъ вліянія и отъ всего, что можно бы назвать каноническимъ христіанствомъ. Это была область народныхъ ересей, проникавшихъ въ Европу почти одновременно съ тѣмъ обратнымъ движеніемъ крестовыхъ походовъ, которое назначено было пересадить на Востокъ чистыя сѣмена христіанскаго ученія.

Между такими ересями богомильская и катарская занимали первое мѣсто. Мы видѣли, что она пустила корни въ самыхъ культурныхъ странахъ Европы: въ городахъ сѣверной Италіи и Лангедока ею заразилась буржуазія; она нашла себѣ приверженцевъ въ членахъ южнославянскихъ владѣтельныхъ домовъ, въ людяхъ науки; есть основаніе думать, что лжеученія, въ которыхъ обвиняли рыцарей-храма, отличались сильнымъ богомильскимъ оттѣнкомъ, если не были на самомъ дѣлѣ богомильствомъ, вывезеннымъ съ Востока. Но самую благодарную почву для распространенія ереси представлялъ народъ; самое имя *tisserands*, texerants (textores), какъ назывались катары въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, показываетъ популярность ихъ ученія именно въ рабочемъ, крестьянскомъ классѣ. Причины понятны; народъ всего болѣе терпѣлъ отъ неурядицъ и произвола феодаловъ, отъ массы зла, которая обрушивалась на него ни вѣсть откуда, въ видѣ голода, неурожаевъ и непріятельскихъ погромовъ. Онъ привыкъ къ этой случайности, фатализму, и заключалъ отсюда къ какому-то особому принципу зла, самостоятельно владѣющему міромъ. Дуалистическая доктрина объясняла ему въ образахъ, доступныхъ его фантазіи, происхожденіе зла на землѣ, тогда какъ богословы церкви ставили вопросъ слиш-

комъ отвлеченно, требуя извѣстнаго усилія мысли, чтобы помирить съ понятіемъ единаго Бога, источника всякаго блага, понятіе зла, какъ чего-то подвластнаго ему. Той же фантазіи народа, еще не отвыкшаго отъ миѳической дѣятельности мысли, выражавшейся въ обрядахъ и повѣрьяхъ, дуалисты отвѣчали своей причудливой космогоніей, баснословными разсказами о началѣ міра, своей эсхатологіей. Оттого ихъ ученія скоро принимались народомъ, переходили въ его пѣсни и сказки, какъ съ другой стороны нѣкоторыя подробности этихъ ученій могли опираться на живущее преданіе. Въ демонологіи XV—XVI-го вѣковъ, въ заразительной быстротѣ, съ какой распространяется тогда во всѣхъ классахъ общества вѣра въ колдовство, въ какія-то таинственныя ночныя сходбища, на которыхъ посвященные будто бы покланяются злому духу—во всемъ этомъ выразился не только протестъ народнаго язычества противъ политической централизаціи церкви, но и протестъ, прошедшій сквозь призму дуалистической ереси, вѣровавшей въ самостоятельность злого начала. Преслѣдуя демономанію, церковь встрѣчалась съ прежней вражьей силой, съ которой думала покончить два столѣтія тому назадъ: въ альбигойскихъ войнахъ, въ крестовыхъ походахъ противъ еретиковъ Босніи.

Въ народѣ, наконецъ, должно было явиться желаніе освободиться отъ частицы того зла, которымъ такъ щедро одѣляли его средневѣковые порядки. И этому понятному желанію протеста богомилы подавали руку помощи со своей теоріей дуализма, водворявшей борьбу въ жизни. Эту борьбу добраго начала противъ злого они сами выносили: ихъ также преслѣдовала господствующая церковь и союзныя съ нею власти; оттого они учили не покоряться властителямъ, епископамъ, священникамъ, а только Богу, которому противны служащіе господамъ или работающіе на нихъ. Это демократическое ученіе еще болѣе связывало ихъ съ народомъ.

Главное основаніе этого ученія, безъ различія крайнихъ и умѣренныхъ толковъ, состоитъ въ признаніи двухъ космическихъ началъ, двухъ божествъ, добраго и злого, свѣтлаго и тёмнаго (Satanaël). Первый—творецъ невидимаго, духовнаго міра; второй—всего видимаго, плотскаго, осязательнаго: земли съ ея растеніями, неба съ свѣтилами, человѣческой плоти. Онъ—царь видимаго міра, властелинъ природы; до пришествія Спасителя онъ исключительно владѣлъ и человѣчествомъ; онъ тождественъ съ библейскимъ Богомъ; отчего богомилы не признавали Ветхій завѣтъ. Оба начала представляются въ постоянной противоположности другъ съ другомъ, въ борьбѣ. Она ведется изъ-за че-

ловѣка, въ которомъ оба начала подѣлились: душа принадлежитъ богу свѣта, но демонъ заключилъ ее въ тѣло, которое есть его произведеніе. Такимъ образомъ, въ человѣческомъ микрокосмѣ повторяется тотъ же дуализмъ, какъ противоположность духа и матеріи, и происходитъ та же борьба, потому что душа неустанно стремится превозмочь связывающія ея тѣлесныя узы, чтобы соединиться съ своимъ божественнымъ началомъ. Земное явленіе Спасителя богомилы толковали въ томъ смыслѣ, что онъ наставилъ людей, какъ совершить дѣло своего освобожденія. Эти наставленія сохранила въ чистотѣ одна богомильская церковь. Человѣка, не пожелавшаго вступить въ нее, ожидала впереди длинная лѣствица превращеній (метемпсихоза); его душа переходила изъ тѣла одного животнаго въ другое, пока, очистившись покаяніемъ, снова не вселялась въ тѣло человѣка, болѣе открытаго богомильской проповѣди и строгому искусу, который она предлагала, какъ средство спасенія. Правила этой аскезы, напоминающей завѣты буддистовъ, опредѣлялись главнымъ образомъ его цѣлью. Надо было покорить плоть, противодѣйствовать захватамъ матеріи и грѣшнымъ требованіямъ естества. Оттого отъ желавшихъ достигнуть высшаго совершенства требовалось безусловное воздержаніе отъ плотскаго общенія съ другимъ поломъ; они не могли есть мяса, потому что оно было продуктомъ матеріи и грѣха; исключеніе составляли рыбы, по средневѣковому повѣрью рождавшіяся безъ плотскаго акта. Слѣдствіемъ этого завѣта было запрещеніе убивать какое бы то ни было животное, кромѣ гадовъ, въ которыхъ селились демоны, порожденіе духа злобы; наконецъ, убивая животное, можно было помѣшать покаянію души, заключенной въ данный моментъ въ его тѣлѣ. Тѣмъ болѣе воспрещалось убійство человѣка, всякое насиліе, въ родѣ войны, даже оборонительной, преслѣдованія и т. п. Необходимо было отказаться отъ міра и его благъ, отъ людей къ нему привязанныхъ, не принадлежащихъ къ сектѣ, съ которыми слѣдовало общаться только съ цѣлью ихъ обращенія. Смертнымъ грѣхомъ считалось отступничество отъ истины, стало быть, ложь вообще и тѣмъ болѣе выходъ изъ секты, считавшейся исключительной хранительницей религіозной истины. Отсюда требованіе всегда говорить правду, и безусловное запрещеніе клятвы и божбы, потому что она оставляетъ человѣка какъ будто въ подозрѣніи лжи, пока онъ не подтвердитъ свои слова клятвенно. Все это такъ далеко выходило за нормальный уровень общественной нравственности, что у противниковъ ереси естественно явилось подозрѣніе: не служитъ ли эта видимая чистота только прикрытіемъ безнравственнаго содержанія, сохра-

нявшагося въ тайнѣ, прятавшагося ночью? Еретики проповѣдывали безбрачіе—стало быть они удовлетворяли незаконнымъ путемъ естественныя требованія плоти; самостоятельность злого начала, о которомъ проповѣдывала ересь, обратилась въ глазахъ ихъ противниковъ въ какой-то культъ демона. Отсюда частыя обвиненія въ ночныхъ сходкахъ, гдѣ будто бы совершался свальный грѣхъ и приносилось поклоненіе творцу зла. Какъ извѣстно, тѣ же обвиненія поднимались противъ тампліеровъ и противъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ иновѣрческихъ толковъ.

Религіозный дуализмъ, переносившійся такимъ образомъ на пониманіе жизни и человѣческихъ отношеній, не могъ не отразиться и на отношеніи къ религіознымъ преданіямъ христіанства. Отождествляя ветхозавѣтнаго Бога съ своимъ принципомъ зла, богомилы отвергали законъ, данный Моисею, отметая или допуская остальныя ветхозавѣтныя книги въ различной мѣрѣ, смотря по частнымъ измѣненіямъ ереси. Новый завѣтъ они принимали, но къ тому и другому преданію относились съ своей дуалистической точки зрѣнія, не столько толкуя его, сколько стараясь истолковать имъ свой догматъ, раскрывая въ матеріальныхъ фактахъ присущій имъ духовный смыслъ, который отвѣтилъ бы на требованія теоріи. Это вело къ самому широкому примѣненію аллегоріи, и далѣе къ искаженію священныхъ текстовъ въ цѣляхъ открыть въ нихъ что-либо пригодное для еретическаго толка. Отсюда у всѣхъ дуалистовъ важная роль, какую играютъ апокрифы: ложныя книги, которыя, отправляясь отъ библейскихъ и евангельскихъ данныхъ, развиваютъ ихъ своеобразными сказочными мотивами, обличающими свое происхожденіе съ Востока, источника ереси. Эти книги назначены были объяснить полнѣе такія стороны новаго ученія, на которыя христіанскій канонъ отвѣчалъ лишь стороною и то путемъ насильственнаго истолкованія. Уже Мани былъ обвиняемъ въ пристрастіи къ бабьимъ сказкамъ, которыя онъ будто бы примѣшалъ къ переводу писаній Скиѳіана; Присциллянъ пользовался при объясненіи Новаго Завѣта апокрифами, въ родѣ записокъ апостольскихъ, гдѣ ученики Спасителя предлагаютъ ему рядъ вопросовъ. Но особенно значительное распространеніе получили отреченныя книги въ средѣ ново-манихейскихъ еретиковъ Востока и Запада. На главную изъ нихъ я уже имѣлъ случай указать: это такъ-называемый *Secretum*, принесенный къ итальянскимъ катарамъ изъ Болгаріи и вѣроятно переведенный съ греческаго на латинскій языкъ. Иначе онъ извѣстенъ подъ названіемъ: *Liber S. Ioannis* или *Interrogationes S. Ioannis et responsiones Christi Domini*. Содержаніе составляютъ вопросы ап.

Іоанна, обращенные къ Спасителю, о томъ, въ какой славѣ былъ Сатана прежде своего паденія, какъ онъ палъ вслѣдствіе своей гордыни, какъ сотворилъ міръ и человѣка; вопросы касаются перваго грѣхопаденія, воцаренія сатаны на этомъ свѣтѣ: его царство продолжается семь вѣковъ и выразилось въ Ветхомъ Завѣтѣ; Энохъ, Моисей и Илья, названный Іоанномъ Крестителемъ — посланники Сатаны, и, наоборотъ, Богородица названа ангеломъ. Подъ конецъ, апокрифъ переходитъ къ послѣднимъ судьбамъ міра и говоритъ о страшномъ судѣ. На всѣ эти вопросы ученика, Спаситель отвѣчаетъ въ смыслѣ богомильскаго вѣроученія. Роль совопросника, данная ап. Іоанну, отвѣчала высокому уваженію, какимъ богомильская церковь окружала любимаго ученика Спасителя. Они считали его какимъ-то небеснымъ существомъ, а его евангеліе, котораго мистическая созерцательность ихъ привлекала, самымъ чистымъ откровеніемъ о Богѣ и его Сынѣ. Отсюда особенно частое употребленіе евангелія отъ Іоанна въ богомильскомъ служебникѣ, въ ихъ таинствахъ и обрядахъ: на деревянномъ столѣ, накрытомъ бѣлою пеленою, который служилъ имъ жертвенникомъ—лежало его евангеліе, раскрытое на первой главѣ. Интересно, что и храмовники въ совершеніи литургіи отступали отъ римско-католическаго обихода, начиная обѣдню первыми словами Іоаннова евангелія.

Іоаннова книга была такимъ образомъ краткимъ изложеніемъ богомильской космогоніи и эсхатологіи, въ катехизической формѣ; нѣчто въ родѣ еретическаго катехизиса. Самое происхожденіе ея не имъ принадлежитъ: они только воспользовались болѣе древнимъ апокрифомъ, начало котораго относятъ къ V—IX-му вѣкамъ, такъ-называемымъ отреченнымъ апокалипсисомъ Іоанна, греческій текстъ котораго издали Birch и Tischendorf, а старославянскій переводъ г. Тихонравовъ. Богомильская редакція Secretum лишь немного измѣнила въ формѣ подлинника, но она дала еретическій оттѣнокъ вопросамъ и отвѣтамъ, которые распространила и на космогонію, на исторію грѣхопаденія и искупленія, и лишь затѣмъ обращалась къ кончинѣ міра, тогда какъ греческій апокалипсисъ и Вопросы, изданные г. Тихонравовымъ, ограничиваются одной эсхатологіей. Можно утверждать съ достаточной достовѣрностью, что подобная богомильская редакція извѣстна была и на славянскомъ югѣ, откуда распространилась и въ Россію. Я заключаю это не только изъ характера отреченныхъ статей, въ родѣ Бесѣды трехъ Святителей, Свитка божественныхъ книгъ и т. п., но изъ нашего стиха о Голубиной книгѣ, разборъ котораго приведетъ насъ къ убѣжде-

нію, что въ основѣ его лежала именно такая редакція, вѣрнѣе сохранившая исконную форму іоанновыхъ вопросовъ, чѣмъ западный Liber Ioannis. Въ послѣднемъ апостолъ вопрошаетъ Спасителя, возлежа на персяхъ его; въ первой дѣйствіе должно было происходить на горѣ Ѳаворѣ, какъ въ славянскихъ вопросахъ и греческомъ апокалипсисѣ.

Къ несомнѣнно богомильскимъ апокрифамъ относится также извѣстное *сказаніе о крестномъ древѣ*, имѣвшее большую популярность въ легендарной литературѣ среднихъ вѣковъ. Оно завѣдомо приписывается самому основателю ереси, Іереміи Богумилу: *о древѣ крѣстнѣмъ мано, то́ Ереміа попъ блъгарьскій сългалъ*; *о древѣ крестномъ Ереміи презвитера*; *въ лѣта благочьстиваго царю Петра въ земли блъгарстѣй бысть попъ именемъ Богумилъ... иже о крѣстѣ сице глаголетъ*. Если эти дружныя свидѣтельства, по нашему мнѣнію, ничего не рѣшаютъ въ пользу авторства болгарскаго ересіарха, они во всякомъ случаѣ позволяютъ заключить о распространенности ложнаго сказанія въ средѣ толка. Въ самомъ дѣлѣ, оно принято было въ составъ богомильскаго катехизиса, liber Ioannis; апокрифическое евангеліе Никодима посвящаетъ ему XX-ую главу. Муссафія разсмотрѣлъ недавно въ особой монографіи европейскіе пересказы легенды о крестномъ древѣ, не обращая впрочемъ вниманія на то обстоятельство, что онъ имѣлъ дѣло если не съ продуктомъ богомильской фантазіи, то все же съ памятникомъ, признаннымъ сектой. Въ исторіи распространенія легендарныхъ мотивовъ мы придаемъ этому обстоятельству особое значеніе.

Видѣніе Исайи (ὅρασις Ἡσαΐου, visio Isaiae; ἀναβατικὸν Ἡ., ascensio Is.)—апокрифъ принятый между богомилами, по свидѣтельству ихъ противниковъ, также не принадлежитъ измышленію секты. О немъ знаютъ уже Епифаній и Іеронимъ; его происхожденіе, стало быть, относится къ III-му вѣку. Распространенный между египетскими гностиками и присцилліанистами Испаніи и Лузитаніи, онъ перешелъ отъ нихъ къ манихеямъ и павликіанамъ, и новоманихейскія ереси приняли отъ нихъ старое наслѣдіе. Греческій текстъ апокрифа до сихъ поръ не найденъ; славянскій существуетъ въ рукописяхъ; извѣстна только латинская редакція въ старомъ переводѣ, очевидно сдѣланномъ въ Италіи, и эѳіопская, въ переводѣ Лауренса. Вообще отношенія этой отреченной книги къ ея восточнымъ источникамъ довольно смутны, а изученіе ихъ могло бы бросить много свѣта на то странное общеніе религій, какимъ ознаменовалась духовная жизнь Востока въ первые вѣка христіанства; оно позволило бы намъ вѣрнѣе оцѣнить достоинство восточныхъ элемен-

товъ, притекавшихъ къ намъ съ распространеніемъ ересей. Нѣсколько столѣтій спустя по возникновеніи разбираемаго апокрифа, явилась его передѣлка въ парсійскомъ смыслѣ, извѣстное Ardaï-vîrâf-nâmeh, гдѣ роль Исайи предоставлена Ardaï-Vîrâf'y, и видѣнія въ небѣ приспособлены къ понятіямъ парсійской космогоніи. Таково отношеніе между двумя легендами, принятое Spiegel'емъ и Haug'омъ; но ничто не мѣшаетъ предположить въ болѣе раннюю пору обратное отношеніе, которое могло отразиться на иныхъ подробностяхъ Видѣнія и облегчило его восточную передѣлку.

Вмѣстѣ съ Видѣніемъ Исайи, богомилы могли заимствовать отъ гностиковъ и манихеевъ другіе апокрифы, обращавшіеся въ кругу этихъ сектъ, въ родѣ гностическо-манихейскаго evangelium Thomae Israelitae, дѣяній апостольскихъ, авторомъ которыхъ считали манихейца Левкія, гностическихъ *παραδόσεις Ματθαίου, ἀναβατικὸν Παύλου* и т. п. Преимущество отдавалось, разумѣется, тѣмъ отреченнымъ сказаніямъ, которыя отвѣчали дуалистическимъ воззрѣніямъ ереси. Такимъ представляется мнѣ, между прочимъ, Contradictio Salomonis, препирательство или борьба Соломона, которую я сближаю съ нашимъ сказаніемъ о Соломонѣ и Китоврасѣ. Положительнаго свидѣтельства о принадлежности этого апокрифа богомильской сектѣ—мы не имѣли; но съ одной стороны борьба Соломона съ демономъ, составляющая главное содержаніе легенды, даетъ вполнѣ соотвѣтствующее выраженіе дуалистическому представленію о враждѣ добраго и злого принципа; оно даже выражено въ особомъ апологѣ о правдѣ и кривдѣ, вошедшемъ въ Соломоновскую легенду русскаго извода. Съ другой стороны, замѣтимъ, что папа Геласій, запрещавшій на римскомъ соборѣ 496-го г. Contradictio въ числѣ другихъ апокрифическихъ басенъ, издавалъ въ то же время постановленія противъ манихеевъ. Это ведетъ къ предположенію, что ново-манихейская ересь заимствовала апокрифъ отъ родственнаго ей стараго дуалистическаго толка.

Возстановить первоначальный составъ апокрифической Contradictio, которую мы переводимъ Преніемъ, Состязаніемъ, можно только путемъ цѣлаго ряда наведеній, причемъ матеріаломъ служатъ отреченныя статьи о Соломонѣ, отрывочнаго характера, нѣсколько легендъ, наконецъ, повѣсти и поэмы, утратившія колоритъ своего источника до забвенія именъ и ихъ историческаго пріуроченія. Производить всю эту работу на глазахъ читателя я не буду; скажу только, что точкой отправленія въ этой возстановительной работѣ должны служить талмудическія легенды о Соломонѣ, перешедшія также къ мусульманамъ, греческій

завѣтъ Соломона, отреченнаго характера разсказы славянской Палеи и связанныя съ ней повѣсти, существенно сходныя съ предыдущими, хотя источника ихъ слѣдуетъ, можетъ быть, искать не на талмудической почвѣ. На это указываетъ, между прочимъ, самое различіе именъ, которыя тамъ и здѣсь носитъ противникъ Соломона: въ Талмудѣ—это демонъ Асмодей, въ славянскихъ сказаніяхъ онъ названъ Китоврасомъ, т.-е. Кентавромъ, какъ объясняютъ наши подлинники и азбуковники. Такъ изображенъ онъ на новгородскихъ вратахъ, устроенныхъ въ началѣ XIV-го вѣка архіепископомъ Василіемъ; миніатюра одной старинной рукописи представляетъ его *инорогомъ*, вѣроятно, подъ вліяніемъ того же сравненія, которое дѣлаетъ и талмудическая легенда, говоря объ Асмодеѣ, что у него была сила *единорога*. Въ легендахъ средневѣковой Европы, внушенныхъ тѣмъ же апокрифическимъ текстомъ, онъ, наоборотъ, изображается *дракономъ*.

Содержаніе утраченнаго апокрифа я возстановляю себѣ такимъ образомъ. Готовясь построить святую святыхъ, Соломонъ ищетъ средства, которое дало бы ему возможность тесать камни безъ помощи желѣзныхъ орудій—потому что Господь заповѣдалъ ему употреблять лишь *каменіе недѣланое*. Но про это средство знаетъ одинъ-лишь князь демоновъ, Асмодей-Китоврасъ. Соломону удается залучить его въ свои руки слѣдующею хитростью: онъ велитъ наполнить виномъ колодезь, изъ котораго обыкновенно пилъ демонъ, и на опьянѣвшаго налагаетъ цѣпи и имя господне «съ запрещеніемъ». Противъ этой силы не можетъ устоять Асмодей. Попавъ во власть Соломона, онъ тотчасъ же обнаруживаетъ свое вѣщее знаніе рядомъ загадокъ, въ которыхъ древній человѣкъ [видѣлъ символическое выраженіе самой глубокой мудрости. И Соломонъ въ свою очередь пытаетъ демона; въ этомъ преніи, состязаніи въ мудрости вопросами и отвѣтами и состояло содержаніе утраченнаго Contradictio. Главная задача Соломона — вывѣдать у демона чудное средство, разрѣшающее камни—*шамиръ;* по указанію Асмодея-Китоврасa, онъ находитъ его въ гнѣздѣ одной птицы, которую талмудическая легенда называетъ *Nagar-tura* (глухарь или удодъ), а Палея—то *кокотомъ (Auerhahn, gallo* selvatico), то какимъ-то, очевидно искаженнымъ названіемъ: *ноготь, неготъ*, очень близко подходящимъ къ талмудическому. Замѣтимъ здѣсь же, что въ западно-европейскихъ памятникахъ, почему-то особенно излюбившихъ эту легенду о шамирѣ, птица вездѣ названа *страусомъ*. Такъ представляютъ ее Vincentius Bellovalensis, Гервасій изъ Tilbury, Альбертъ Великій, Historia scholastica Коместора, откуда она перешла

въ нѣмецкія историческія библіи и въ проповѣдь; наконецъ, романъ о Рейнфридѣ Брауншвейгскомъ. Кассель склоненъ объяснить эту замѣну именно тѣмъ обстоятельствомъ, что въ позднѣйшемъ еврейскомъ толкованіи, которымъ пользовались христіанскіе писатели, страусъ отождествлялся съ нагар-турой.

Средство найдено, и храмъ построенъ. Здѣсь мы переходимъ ко второму эпизоду апокрифа, который могли бы назвать «местью демона». Асмодей-Китоврасъ, котораго Соломонъ еще держитъ при себѣ, не можетъ простить ему своей неволи; улучивъ минуту грѣховнаго самозабвенія, онъ овладѣваетъ перстнемъ, съ которымъ связана была власть Соломона надъ духами, и тогда сила оставила царя. Демонъ принимаетъ его образъ и садится на его престолъ, а самого Соломона забрасываетъ далеко за предѣлы обѣтованной земли. Тамъ онъ осужденъ бродить въ нищемъ видѣ, никѣмъ не узнанный, пока не прошли годы его испытанія: тогда перстень возвращается къ нему чудеснымъ образомъ, и онъ изгоняетъ своего двойника-демона. Такъ въ разсказѣ Талмуда и въ отрывкахъ Палеи. Рядомъ съ этой существовала еще другая редакція этого эпизода о мести, сохраненная въ позднихъ русскихъ повѣстяхъ и въ нѣмецкой поэмѣ о Соломонѣ и Морольфѣ, но значительно болѣе древняя, потому что на нее есть указаніе въ одномъ старомъ французскомъ романѣ, первичный текстъ котораго относится по крайней мѣрѣ къ XII-му вѣку. По этой редакціи демонъ отмщаетъ Соломону похищеніемъ его жены, и Соломонъ долженъ странствовать за нею, подвергаясь опасности жизни, пока не выручилъ ее изъ рукъ насильника. И въ этомъ разсказѣ побѣда остается на сторонѣ Соломона. Имя его жены въ русскихъ повѣстяхъ и нѣмецкой поэмѣ — Соломея, Соломонида, естественно создалось подъ отраженіемъ имени мужа; отецъ ея названъ въ русскихъ легендахъ Волотомъ или Волотоманомъ, въ поэмѣ — Сургіап'омъ: очевидно, лица подставныя, точно также какъ Сатурнъ одного англосаксонскаго отрывка, къ дочери котораго Соломонъ состоялъ въ какихъ-то отношеніяхъ, ближе не опредѣленныхъ. Возстановить древнѣйшую общую форму имени нѣтъ никакой возможности. Замѣтимъ вообще, что, возобновляя первоначальный остовъ сказанія изъ такихъ отрывковъ и позднихъ пересказовъ, съ какими мы имѣемъ дѣло, нѣтъ ничего легче какъ принять за основную черту такую общую подробность, которая легко могла проявиться тамъ и здѣсь совершенно самостоятельно, вслѣдствіе естественныхъ законовъ народно-поэтической физіологіи, для установленія которыхъ еще не собрано достаточнаго количества данныхъ. Мы хорошо сознаемъ эту опасность увлеченія, которой не избѣгалъ

еще ни одинъ критикъ, и потому нашу реставрацію отреченнаго памятника ограничимъ лишь самыми общими чертами. Несомнѣнно, что древній соломоновскій апокрифъ говорилъ о враждебныхъ отношеніяхъ Соломона и демона, котораго царь залучилъ въ свою власть, потому что онъ надобенъ былъ ему для построенія храма. Эпизодъ съ шамиромъ, который достается изъ гнѣзда птицы,—черта слишкомъ общая всѣмъ пересказамъ, чтобы она не принадлежала древнѣйшей формѣ апокрифа. Слѣдовала затѣмъ месть демона: онъ либо удалялъ самого Соломона и занималъ его мѣсто, либо похищалъ его жену. Въ томъ и другомъ случаѣ окончательно торжествовалъ Соломонъ.

II.

Я особенно долго остановился на соломоновскомъ апокрифѣ, возстановляя его составъ, потому что мнѣ важно было выяснить его дуалистическій характеръ и такимъ образомъ пріобрѣсть себѣ право отнести его къ литературѣ богомильскихъ отреченныхъ книгъ, содержаніе которыхъ передано выше. Рядомъ съ этими апокрифами, отвѣчавшими коренному ученію секты, принимались и другіе, вовсе не дуалистическаго характера. Они служили объясненіемъ и дополненіемъ священныхъ книгъ, признанныхъ богомилами, или отвѣчали цѣлямъ проповѣди, наставленія. Изъ рукописи еретика Хвала мы узнаемъ между прочимъ, что боснійскимъ патаренамъ извѣстно было: *рядомъ съ обхожденіемъ Павла апостола* (*περίοδα Παύλου*), *сказаніе епипана епископа коупранына о светыхъ апостолыхъ* и др., стало быть, апокрифъ, составленный въ средѣ восточной церкви. Въ старо-провансальской литературѣ, развивавшейся въ непосредственной связи съ катарскимъ движеніемъ, существовали переводы богомильскаго сказанія о крестномъ древѣ, Никодимова евангелія, куда вошла эпизодомъ предыдущая легенда, почему мы не прочь предположить, что и самое евангеліе обращалось въ еретическомъ кружкѣ. Наравнѣ съ этими произведеніями, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одно носитъ на себѣ очень опредѣленный отпечатокъ иновѣрія, ходило въ старыхъ провансальскихъ пересказахъ евангеліе дѣтства Христова и видѣніе ап. Павла. Мы вообще склонны приписать вліянію богомиловъ большинство отреченныхъ книгъ, обращавшихся въ средніе вѣка, преимущественно переводныхъ. Эти еретики были всѣхъ болѣе распространены и глубже другихъ повліяли на средневѣковое общество. Они были рьяные пропагандисты, проповѣдь вѣры была ихъ

призваніемъ, требовалась самою сущностью ереси; мы видѣли, что даже сходиться съ мірскими людьми строгимъ богомиламъ позволено было лишь подъ условіемъ — обратить ихъ въ свою вѣру. Хорошо сознавая убѣдительную силу народнаго слова, они на перекоръ католикамъ твердили, что латинская молитва мірянамъ не помогаетъ, и потому въ своемъ богослуженіи употребляли св. писаніе въ переводѣ на народный языкъ, противъ чего католическая церковь всегда возставала. Вмѣстѣ съ каноническими книгами переводились и апокрифы, распространяясь въ массахъ, благодаря своему фантастическому содержанію и тамъ же искажаясь подъ вліяніемъ правовѣрной среды, куда они заходили. Средства, къ которымъ обыкновенно прибѣгали странствующіе проповѣдники богомиловъ, были самыя популярныя, и разсчитаны на вѣрный успѣхъ: они дѣйствовали притчами, иносказаніями, апологами; ихъ пристрастіе къ подобной литературной формѣ оставило въ нашей древней литературѣ названіе *болгарскихъ*, т.-е. богомильскихъ *басенъ*. О западныхъ катарахъ извѣстно, что они слагали еретическія пѣсни для распространенія ихъ въ народѣ, вѣроятно не столько наставительнаго содержанія, сколько легендарнаго, въ смыслѣ ереси, что-нибудь въ родѣ нашихъ духовныхъ стиховъ. Матеріалъ давало богатое содержаніе апокрифовъ и другія повѣсти, легко поддававшіяся иновѣрческому толкованію; повѣсти, принесенныя сектою съ дальняго востока, съ которымъ связи должны были поддерживаться при дѣятельномъ посредничествѣ Болгаріи и Византіи. Райнерio Саккони, производившій слѣдствіе надъ еретиками западной отрасли, сообщаетъ намъ въ этомъ отношеніи любопытныя свѣденія. Онъ говоритъ объ ихъ проповѣдникахъ, что они стараются войти въ пріязнь къ вельможамъ и знатнымъ дамамъ и, являясь къ нимъ подъ видомъ купцовъ, предлагаютъ имъ на продажу разныя драгоцѣнности, перстни и шелковыя ткани. Когда ихъ спрашиваютъ, нѣтъ ли у нихъ чего другого, они отвѣчаютъ, есть-де у нихъ товары болѣе цѣнные, которые они готовы уступить, если имъ напередъ обѣщаютъ, что не выдадутъ ихъ священникамъ. Заручившись обѣщаніемъ, проповѣдникъ продолжаетъ: Есть у меня драгоцѣнный камень столь свѣтлый, что человѣкъ сквозь него видитъ Бога; другой — такой ясный, что онъ воспламеняетъ любовью къ Богу—и такъ далѣе, называя особо каждый камень, затѣмъ переходя къ его аллегорическому толкованію, цитуя евангельскіе тексты и такимъ образомъ приготовляя почву для своей проповѣди. Всякому этотъ наивный пріемъ напомнитъ извѣстное введеніе въ исторію Варлаама и Іосафата, гдѣ также мудрый пустынникъ Варлаамъ обращаетъ

въ христіанство индѣйскаго царевича, явившись къ нему подъ видомъ купца, продающаго драгоцѣнный камень. Ему нѣтъ подобнаго, онъ даруетъ свѣтъ мудрости ослѣпленному въ сердцѣ своемъ, разрѣшаетъ уши глухимъ и языкъ нѣмымъ; даетъ здоровье больному, наставляетъ неразумнаго и прогоняетъ злыхъ духовъ. Видѣть его можетъ лишь человѣкъ, обладающій сильнымъ здоровымъ зрѣніемъ и дѣвственнымъ тѣломъ. Все это должно быть понято иносказательно, и самый камень изображаетъ царство небесное. Либрехтъ доказалъ, что оригиналъ этой исторіи, столь любимой въ средніе вѣка, былъ буддистскій, главнымъ образомъ легендарное житіе Будды. И въ самомъ дѣлѣ: сказаніе объ Іосафатѣ не только сохраняетъ его общія очертанія и весь характеръ, но и въ тѣхъ подробностяхъ, гдѣ удаляется отъ него, пользуется буддистскимъ матеріаломъ: такъ во вставныхъ апологахъ или въ той вступительной сценѣ: гдѣ Варлаамъ приходитъ къ царевичу въ образѣ купца; въ одной буддистской легендѣ, на которую указываетъ мнѣ г. Минаевъ, подобное разсказывается о какомъ-то Ясодѣ (Іосафатъ) — не достаетъ только драгоцѣннаго камня. Пересказанная по-гречески, въ VII—VIII вв., легенда о Варлаамѣ и Іосафатѣ вскорѣ проникла въ народныя литературы Запада и славянства, и мы можемъ спросить себя: не были ли ея распространителями богомильскіе проповѣдники, которымъ могла быть знакома, наравнѣ съ ученіемъ, и традиціонная литература буддизма? Типъ царевича Іосафата, достигающаго царства небеснаго аскезой и молитвой, слишкомъ близко отвѣчалъ ихъ идеалу религіознаго совершенства. Интересно, что отдѣльныя притчи изъ повѣсти, часто встрѣчающіяся въ русскихъ рукописяхъ, выдаются намъ за *болгарскія* — общій эпитетъ богомильскихъ басенъ и апокрифовъ, приходившихъ къ намъ изъ Болгаріи. Такъ *притча о богатыхъ* изъ *болгарскихъ книгъ*, притча *объ единорогѣ* «отъ *болгарскихъ книгъ* избранно». На вратахъ Софійскаго собора, на которыхъ находится изображеніе изъ апокрифа о Соломонѣ и Китоврасѣ, помѣщено въ ряду другихъ священныхъ сюжетовъ и притча объ единорогѣ, давшая содержаніе одному рельефу на вратахъ Пармскаго баптистерія (1196—1283 гг.). Сказаніе о Варлаамѣ и Іосафатѣ относилось, стало быть, въ число апокрифовъ религіознаго характера, какъ съ другой стороны въ спискахъ отреченныхъ книгъ, мы встрѣчаемъ повѣсть объ Акирѣ премудромъ.

Можно бы написать очень интересную страницу литературной исторіи, еслибы избрать сюжетомъ литературное вліяніе средневѣковыхъ ересей. Вопросъ о передачѣ повѣствовательныхъ

мотивовъ съ Востока на Западъ, лишь недавно поставленный научнымъ образомъ, разрѣшался въ разныя стороны: теперь говорятъ о вліяніи арабовъ черезъ Испанію, о монголахъ и посредствѣ славянскихъ земель, какъ въ былое время говорили о вліяніи крестовыхъ походовъ и разсказахъ паломниковъ. При этомъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ мало придавали значенія Византіи и ея культурной ролѣ на рубежѣ Европы и Азіи, и не обращено должнаго вниманія на пропаганду дуалистическихъ ересей, приносившихъ съ Востока свое ученіе и отголоски религіозныхъ легендъ Ирана и Индіи. Пропаганда эта тѣмъ важнѣе, что, выражаясь въ цѣломъ рядѣ литературныхъ памятниковъ, преслѣдуя сознательныя цѣли, она была устойчивѣе, чѣмъ, напр., вліяніе монголовъ, поневолѣ ограниченное областью устнаго разсказа. Нѣсколько столѣтій массы городского и сельскаго населенія на югѣ и востокѣ Европы находились подъ вліяніемъ богомильской проповѣди; она оставила слѣдъ въ его сказкахъ, въ его космогоническихъ легендахъ, которыя трудно помирить съ миѳическими представленіями, завѣщанными его языческой стариною.

Таковы повѣсти «о правдѣ и кривдѣ», «о неравномъ дѣлежѣ» и т. д., ходящія въ народномъ пересказѣ и перешедшія въ сборники новеллъ; сказка о дикомъ человѣкѣ, котораго пастухъ поймалъ, опоивъ его виномъ, налитымъ въ молочные горшки, послѣ чего плѣнникъ научаетъ его разнымъ премудростямъ,— напоминаетъ извѣстный эпизодъ о Соломонѣ и Асмодеѣ. Развитіе народной литературы въ Италіи XIII-го вѣка, слишкомъ мало изученное по отношенію къ ея сѣвернымъ окраинамъ, совпало въ послѣдней области съ обратнымъ движеніемъ французскихъ катаровъ, спасавшихся отъ альбигойскаго погрома. Подъ этимъ совокупнымъ вліяніемъ могли состояться тогда же переводы любимыхъ у катаровъ легендъ, часто попадающіяся въ рукописяхъ: легенды о крестномъ древѣ, Никодимово евангеліе, Павлово видѣніе. Послѣднее вмѣстѣ съ апокрифической книгой Исайи, переведенной на латинскій языкъ какимъ-нибудь итальянцемъ (honorantia-onoranza), могли быть памятны Данте, когда онъ строилъ планъ своего ада и послѣдовательность небесъ. Въ XII-й пѣснѣ Ада (Inferno, XII v. 31—45) онъ показываетъ знакомство съ Никодимовымъ евангеліемъ, точно также, какъ легенда о Крестномъ древѣ дала ему краски для извѣстнаго видѣнія въ XXXII-й пѣснѣ Чистилища:

37. Io sentii mormorare a tutti: *Adamo!*
Poi cerchiaro una pianta dispogliata
Di fiori e d'altra fronda in ciascun ramo.
. . . . . .

43. Beato sei, grifon, che non discindi
Col becco d'esto legno dolce al gusto,
Posciachè mal si torce il ventre quindi.
Cosi d'intorno all'arbore robusto
Gridaron gli altri; e l'animal binato
Sì si conserva il seme d'ogni giusto,
E volto al temo ch'egli avea tirato,
Trasselo al piè della vedova frasca
E quel di lei a lei lasciò legato.

То же самое явленіе должно было повторяться и въ тѣхъ славянскихъ земляхъ, куда проникала богомильская проповѣдь и вмѣстѣ съ ней отреченныя книги. Въ томъ и другомъ случаѣ результаты должны были оказаться одинаковы, потому что изъ литературы иновѣрческія легенды проходили въ народъ, фантастическому складу котораго онѣ отвѣчали, и далѣе продолжали дѣйствовать путемъ устнаго слова. Когда выдержки изъ отреченныхъ книгъ встрѣчаются уже въ исповѣданіи христіанской вѣры, будто бы представленномъ великому князю Владиміру, въ лѣтописи Нестора, въ хожденіи Даніила Паломника, мы поймемъ подъ какимъ вліяніемъ произошли космогоническія сказки въ духѣ богомильства, въ которыхъ сотвореніе міра приписывается совокупному творчеству Бога и дьявола. Такія сказки недавно были записаны въ Россіи, Сербіи и Болгаріи. Мы поймемъ также какимъ путемъ проходила въ нашъ былевой эпосъ значительная часть мотивовъ и даже именъ первоначально чуждыхъ ему: въ родѣ рѣкъ Сафата и Израя, съ библейскимъ колоритомъ, и *Амелфы* Тимоѳѣевны, передѣланной изъ *Амемефріи*, *Амемфріи* (Амемфія, Мемфія) апокрифическихъ завѣтовъ XII патріарховъ. Необходимо предположить очень долгое и невозбранное обращеніе въ средѣ русскаго народа ложныхъ сказаній и воззрѣній, чтобы объяснить себѣ богатство апокрифическаго, преимущественно богомильскаго матеріала, наполняющаго наши заговоры и суевѣрія, нравоучительные трактаты въ родѣ *Слова о злыхъ женахъ* и *Сказанія о происхожденіи винокуренія;* наконецъ, наши духовные стихи. Извѣстно, что одна изъ ихъ любимыхъ темъ составляетъ легенда о Варлаамѣ и Іосафатѣ, апологами которой охотно пользовались проповѣдники западныхъ катаровъ; но и старшій основной стихъ нашихъ каликъ не только коренится въ представленіяхъ дуалистической ереси, но и опредѣляется составомъ ея главной, учительной книги, содержаніе которой онъ сохранилъ иногда вѣрнѣе дошедшихъ до насъ русскихъ текстовъ апокрифа. Я говорю о такъ-называемой *Глубинной* (не голубиной) *книгѣ*. Источникомъ этого стиха не была *Бесѣда трехъ святителей*, поздній апокрифъ

создавшійся по образцу вопросовъ Іоанна; тѣмъ менѣе *Повѣсть града Іерусалима*, иначе *Бесѣда Іерусалимская* и т. п., которая, по нашему мнѣнію, не что иное, какъ видоизмѣненіе той же Глубинной книги, еще теперь сохранившееся въ формѣ духовнаго стиха и записанное старинными грамотѣями въ прозаическомъ пересказѣ рукописей. Источникъ Глубинной книги я нахожу въ апокрифическихъ «вопросахъ Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской» и въ извѣстномъ Secretum западныхъ патаровъ.

Вопросы, начинаются такимъ образомъ: «По вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа, азъ Іоаннъ, вшедшу ми на гору Фаворскую, на нейже пречистое тѣло свое и божество свое показа намъ, и не могущее зрѣти, падохомъ на землю ницъ. Пришедшу же ми на мѣсто то и возрѣвъ на небо очима, и руцѣ свои воздвигохъ и помолихся къ Богу: Господи Іисусе Христе, сыне Божій, сподоби мя раба твоего быти; о услыши гласъ мой и научи мя о пришествіи твоемъ: егда хощеши пріити на землю, что хощетъ быти солнце и луна и звѣзды? Открый ми, вѣды бо, яко послушаеши раба твоего. И сотворахъ дній 7 молясь; и по семъ облакъ свѣтелъ восхити мя отъ горы, и постави мя предъ лицемъ небеснымъ, и слышахъ гласъ глаголющь ми: Воззри, праведный Іоане, рабе Господень, и разумѣй. И воззрѣхъ и видѣхъ небо отверсто и исхожаше изуспрь воня и граматы съ небесе, и благоуханія многа, и видѣнія свѣтлость многа зѣло, паче солнца свѣтлѣе. И паки слышалъ гласъ глаголющь ми: воззри, праведный Іоане. *И возрѣвъ очима своима и видѣхъ книги лежаща, яко мню, равно 7 горъ толщина ихъ, долгота же ихъ умъ человѣчь не можетъ разумѣти, имуще печатей семь. И рѣхъ: услыши, Господи, раба твоего гласъ, и открой ми, что суть писано въ книгахъ сихъ? И слышахъ гласъ, глаголющь ми: Слыши праведный Іоане: книги, яже видиши нынѣ, и то суть писано, еже на небесѣхъ и въ безднахъ, и въ всякой вещи человѣчьстей (и всякому дыханію небесному и земному правда и кривда).* И рѣхъ: Господи, когда хощетъ быти время то? И слышахъ гласъ, глаголющь ми: Слыши, праведный Іоане и т. д. И паки азъ рѣхъ Іоаннъ къ Господу Богу: а потомъ, что хощеши сотворити? И слышахъ гласъ, глаголющь ми и т. д.».

Вопросы и отвѣты между І. Христомъ и ап. Іоанномъ продолжаются въ этомъ родѣ до конца апокрифа, безъ всякаго отношенія къ книгѣ, упомянутой въ началѣ видѣнія. Я уже имѣлъ случай указать, какъ представляются мнѣ отношенія этихъ вопросовъ къ ихъ богомильской редакціи, къ сожалѣнію, утраченной. Обратимся теперь къ стиху о Глубинной, или по народной передѣлкѣ—

Голубиной (голубиная-лебединая) книгѣ. Она выпадаетъ изъ тучи посреди поля Сарачинскаго «по стороны святаго града Іерусалима на *Ѳаворскую* гору (иногда Сорочинскую, Кал. II № 90) при царѣ Давидѣ, при его сынѣ Соломонѣ». Сравните съ этимъ, что говорится далѣе о Ѳаворѣ: что она всѣмъ горамъ мати, потому что на ней преобразился І. Христосъ, показалъ славу ученикамъ своимъ:

Показалъ Господь, *кому мука, кому рай будетъ*,
По чомъ рай будетъ, чѣмъ душу спасать
(ib. ibid. стихъ, стр. 364).

Опять, какъ будто, указаніе на эсхатологію Іоанновыхъ вопросовъ. Книга эта зовется евангельской, божественной, божіей; писалъ ее самъ І. Христосъ (или Исайя пророкъ св. сп.), читалъ ее самъ Исай пророкъ (или *Иванъ Богословъ* св. сп.),. или *писалъ эту книгу Богословъ Иванъ, читалъ эту книгу Исай пророкъ:* знаменательныя указанія на ап. Іоанна и на Исайю, апокрифическое видѣніе котораго читалось богомилами; въ одной редакціи стиха онъ даже попадаетъ въ число «царей набольшихъ» съѣхавшихся къ Глубинной книгѣ: Исай царь. Величина книги представляется такъ же необъятной, какъ и въ апокрифѣ, только выражена она болѣе реальными чертами: долины книга сороку (тридцати) сажонъ (локоть), въ ширину двадцати сажонъ (локоть); ее въ рукахъ не сдержать, на престолъ не возложить, читать ее не вычитать и т. д. Съѣзжалися, сходилися сорокъ царей со царевичамъ, сорокъ князей со князевичамъ; съ ними премудрый царь Давидъ Іесеевичъ и его совопросникъ Волотъ (Волотоманъ, Волонтоманъ, Молотоминъ, Владиміръ) Волотовичъ; говоритъ онъ царю Давиду Іесеевичу:

Ой ты гой еси, нашъ премудрый царь,
Премудрый царь, Давидъ Ессеевичъ!
Прочти сударь книгу Божію,
Объяви, сударь, дѣла Божіи,
Про наше житіе про свято-руское,
Про наше житіе свѣту вольнаго
Отъ чего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ?
Отъ чего у насъ солнце красное?
Отъ чего у насъ младъ свѣтелъ мѣсяцъ?

И далѣе въ томъ же родѣ: откуда у насъ звѣзды, ночи, зори, вѣтры, дождикъ? Отчего у насъ умъ-разумъ, наши помыслы, міръ-народъ; отчего у насъ кости крѣпкія, отъ чего тѣлеса наши, отъ чего кровь-руда наша? Отъ космогоническаго міросозерцанія вопросы переходятъ потомъ въ область историческихъ житейскихъ отношеній:

Премудрый царь, Давидъ Ессеевичъ!
Скажи ты намъ, проповѣдай:
Который царь надъ царями царь?
Который городъ городамъ отецъ?
Кая церковь всѣмъ церквамъ мати?
Кая рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?
Кая гора всѣмъ горамъ мати?
Кое древо всѣмъ древамъ мати и т. д.

Давидъ не берется прочесть таинственной книги: читать ее некому—

Не могу я прочесть книгу Божію,
Ужь мнѣ честь книгу,—не прочесть Божью:
. . . . . .
Я по старой по своей по памяти
Разскажу вамъ, какъ по грамотѣ.

И здѣсь, какъ въ апокрифѣ, книга забыта; дальнѣйшее чередованіе вопросовъ и отвѣтовъ идетъ между Волотомъ или Владиміромъ и Давидомъ, который говоритъ отъ себя, по памяти. Содержаніе его отвѣтовъ обнаруживаетъ позднѣйшее наслоеніе православныхъ понятій на первоначальную еретическую основу; къ ней примѣшались, по естественному сродству, многія представленія языческой старины; но какое бы мѣсто мы ни удѣляли этой примѣси, особенно въ космогонической части отвѣтовъ, въ нихъ-то всего яснѣе видна апокрифическая канва, по которой народное суевѣріе вытkало свое узорочье. На загадки, откуда у насъ солнце, мѣсяцъ, изъ чего созданы наше тѣло и кровь — пріучили отвѣчать апокрифы въ родѣ «Вопросовъ, отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ», «Бесѣды трехъ Святителей» и тому подобныя отреченныя статьи, нашедшія мѣсто въ отрывкахъ Соломона и Сатурна, англосаксонской передѣлки древняго Contradictio Solomonis, и въ «Свиткѣ божественныхъ книгъ», сохранившемъ полнѣе другихъ славянскихъ пересказовъ первоначальное богомильское содержаніе Іоанновой книги. Другіе отвѣты Давида обличаютъ такой же апокрифическій, и даже богомильскій источникъ. На вопросъ: какое древо всѣмъ древамъ мати? Давидъ объясняетъ, что—кипарисъ:

На тѣмъ древѣ на кипарисѣ
Объявился нашъ животворящій крестъ,
На тѣмъ на крестѣ на животворящемъ
Распятъ былъ самъ Исусъ Христосъ.

Другой пересказъ еще опредѣленнѣе:

А древо древамъ мати кипарисъ, певга (=ель) *и кидръ* (кедръ):
Потому что когда дѣлали церковь Святая Святыхъ,
И на тѣлы то древо не годилось,
И лежало въ типерти церковной,

То оно и пригодилось самому Христу
На крестъ и распятіе.

Объясненіе заимствовано изъ Сказанія о Крестномъ древѣ, еретическая редакція котораго издавна приписана была попу Богумилу и нашла себѣ мѣсто въ Іоанновой книгѣ западныхъ катаровъ. На этомъ сказаніи стоитъ остановиться: оно объяснитъ намъ, почему *три* дерева, которыя стихъ, вѣрный преданію, представляетъ себѣ *однимъ*, негодились на тябла. Райское дерево познанія выростало въ *три* ствола: одинъ стволъ — Адамъ, другой — Евва, а средній — символъ самого Господа. Когда прародители согрѣшили, тогда адамова часть пала въ рѣку Тигръ, часть Еввы вынесли изъ рая воды потопа, и когда сошли, оставили ее на морскомъ берегу; а господня часть осталась въ раю. Судьбы каждой изъ нихъ различныя: когда Сиѳъ хочетъ помянуть отца своего Адама, ангелъ указываетъ ему на дерево, упавшее въ Тигръ; Сиѳъ сжигаетъ его, творя тризну по отцѣ; оно будетъ горѣть тамъ до вѣка, говоритъ ему ангелъ. Впослѣдствіи, когда Лотъ согрѣшилъ и пришелъ къ Аврааму на покаяніе, тотъ, ужаснувшись его грѣховности, велитъ ему идти къ рѣкѣ и принести оттуда головню. Онъ посылалъ его на вѣрную смерть, потому что лютые звѣри стерегли огонь. Между тѣмъ Лотъ нашелъ ихъ спящими и принесъ требуемое. Подивился Авраамъ и даетъ Лоту другую задачу: пусть посадитъ головню на горнемъ мѣстѣ и поливаетъ ее водою—а вода была далеко. Если головня дастъ ростки, тогда и грѣхъ съ тебя снимется, говоритъ онъ. И она дѣйствительно проросла, и изъ нея вышло прекрасное дерево.

Другую часть райскаго древа, которую вынесъ изъ рая потопъ, находитъ Моисей въ пустынѣ. Онъ пришелъ съ Израильтянами къ горькимъ водамъ; ихъ нельзя было пить, пока Моисей, по указанію ангела, не посадилъ въ нихъ найденный имъ стволъ, лежавшій вершиной внизъ. И изъ него также выросло высокое, чудное дерево.

Еще одна часть дерева оставалась въ раю. И вотъ, когда Адамъ лежалъ въ тяжкой немощи, постоянно памятуя объ утраченномъ блаженствѣ и своемъ прегрѣшеніи, сынъ его Сиѳъ хочетъ утѣшить его въ горѣ: идетъ ко вратамъ Эдема, гдѣ архангелъ вручаетъ ему третью часть дерева. Адамъ тотчасъ же призналъ его, свилъ изъ него себѣ вѣнокъ, въ которомъ его и погребли. Изъ этого вѣнка, обвившаго адамову голову, выросло третье дерево: оно было выше всѣхъ и развѣтвилось на *три* части.

Затѣмъ легенда переноситъ насъ уже ко временамъ Соло-

мона, которому Господь далъ чудный перстень и съ нимъ — власть надъ демонами. Соломонъ строитъ Святая Святыхъ и ищетъ дерева, чтобы покрыть зданіе. Ему привозятъ послѣдовательно дерево, выросшее изъ головни, и другое, насажденное Моисеемъ; но ни то ни другое не пришлось къ постройкѣ, «на тѣбли не годилось». Ихъ такъ и оставили, прислонивъ къ храму. Тогда царь обращается съ вопросомъ къ служебнымъ духамъ: не укажутъ ли они ему другого подходящаго дерева? Знаемъ мы такое, отвѣчаютъ они: оно стоитъ въ Эдемѣ, великое и чудное, но намъ страшно о немъ говорить. Соломонъ принуждаетъ ихъ идти силою своего перстня, и они приносятъ ему дерево — съ корнемъ, а съ корнемъ вырвали и адамову голову. Примѣрили стволъ: пока на землѣ, оно оказывалось достаточной величины, а когда хотѣли его ладить въ постройку, всякій разъ мѣра была другая. И оно оказалось негоднымъ и по примѣру прежнихъ прислонено было къ храму.

Такъ излагается все это въ славянскихъ сказаніяхъ о Крестѣ. Роль, какую играютъ тамъ демоны, обличаетъ полузабытую богомильскую редакцію. Демоны доставляютъ Соломону дерево, на которомъ впослѣдствіи будетъ распятъ Христосъ — а извѣстно, что богомилы потому и не уважали крестъ, что считали его орудіемъ вражьей силы, измыслившей его для смерти Спасителя. Въ многочисленныхъ западныхъ легендахъ этого цикла этой подробности мы не встрѣтили; всѣ онѣ согласно говорятъ о *трехъ* крестныхъ древахъ: *кедрѣ*, *кипарисѣ* и *соснѣ*, вмѣсто которой является иной разъ *пальма*, или *олива* (*елея*, т.-е. олея въ русской легендѣ о древѣ спасенаго креста, приписанной Севериану, епископу Авасильскому); или объ *ели*, *пальмѣ* и *кипарисѣ*, какъ нашъ духовный стихъ поминаетъ про *кипарисъ*, *ель* и *кедръ*. Онѣ представляютъ, наконецъ, особенности, еще незамѣченныя въ славяно-русскихъ крестныхъ сказаніяхъ, но несомнѣнно знакомыя нашей литературной старинѣ, насколько позволено заключить изъ указаній нашихъ духовныхъ стиховъ и былинъ. Такъ, напр., у Готфрида изъ Витербо, въ Legenda aurea и др., послѣднее изъ райскихъ деревьевъ найдено не въ Эдемѣ, а на Ливанѣ; оттого его могли назвать выросшимъ на Ливанѣ, *ливанскимъ*, *λιβανῖτις* = *леванитовымъ*. Это и есть *Леванитовъ крестъ*; по общему повѣрью на этомъ именно деревѣ распяли Христа: «и распеше Христа на древѣ, иже отъ главы адамовы израсте», что объясняетъ извѣстную символику распятія, у подножія котораго помѣщаютъ обыкновенно мертвую голову.

Средневѣковая фантазія вносила такимъ образомъ въ исторію своеобразную идею единства, связывая исторію грѣхопаде-

нія съ исторіею искупленія, Эдемъ съ Голгоѳой, дѣлая изъ дерева, которое было поводомъ къ грѣху перваго человѣка, орудіе его спасенія. Глубинный стихъ, или лучше, апокрифическій текстъ, легшій въ его основу, вводитъ въ эту связь новый моментъ, очевидно подъ вліяніемъ тѣхъ иновѣрныхъ представленій, которыя мы изучаемъ: образъ райскаго дерева, ставшаго крестомъ, онъ переноситъ съ Голгоѳы на *Ѳаворъ*: на нее (иначе Сорочинскую гору) выпадаетъ Глубинная книга, «*ко честной главѣ ко адамовой*», «*у чуднаго креста Леванитова*»; въ былинахъ о смерти Василья Буслаева «пуста-голова, человѣчья-кость», лежащая на *Ѳаворѣ-горѣ* (или Сорочинской)—та же адамова голова, и весь разсказъ о смерти внушенъ заключеніемъ русскаго апокрифа о крестномъ древѣ, гдѣ говорится, что Соломонъ нашелъ адамову *голову*, которую, по громадной величинѣ, отрочь его принялъ за *камень* или пещеру. Василій Буслаевъ, встрѣтивъ на дорогѣ пустую голову, пнулъ ее прочь: она провѣщилась человѣчьимъ голосомъ и напророчила смерть, которую онъ и находитъ, скача вдоль черезъ высокій *камень*, очутившійся на мѣстѣ *головы* (Рыбн. I, 60; II, 33; III, 40; Кир. вып. 5, 4).

Всего характернѣе это смѣшеніе Голгоѳы съ Ѳаворомъ въ бѣлорусской редакціи стиха о Глубинной книгѣ: I. Христосъ не только преобразился на Ѳаворѣ, но и «на распятьи былъ»—

И текла руда на коренійцу
Со яво руды *кора* выросла,
И брали кору по всимъ попамъ,
По всимъ попамъ по поповичамъ,
По всимъ церквамъ по церковичкамъ (Вар. 233).

Это опять тотъ же символизмъ, привязавшійся къ легендѣ о крестномъ древѣ уже въ понятіяхъ Тертулліана (Carm. contra Marcion. l. II, c. IV) и бл. Августина (Serm. 71: de tempore): кровь Спасителя не только искупляла человѣчество, но и образно смывала грѣхъ прародителя, капая на его голову, которая представлялась лежащею у подножія креста. Остается непонятнымъ только загадочное растеніе, выростающее отъ божественной крови. *Кора* духовнаго стиха, очевидно, испорчено, либо замѣнило какое-нибудь другое названіе. Въ одной греческой легендѣ о нахожденіи честнаго креста, разсказывается, что на мѣстѣ гдѣ евреи умышленно закопали крестъ Спасителя, выросла трава, пахучая и врачующая: врачи зовутъ ее *ὠφέλιμον*, а народъ — *βασιλικόν*. Этотъ ocimum basilicum — нашъ *базиликъ*, душки, малороссійскіе *васильки*, которые въ народной русской обрядности до сихъ поръ связаны съ культомъ креста: ихъ кладутъ въ церквахъ подъ распятіе, дѣлаютъ изъ нихъ кро-

пило, откуда можетъ быть и самое названіе кропила—василокъ. Ихъ въ самомъ дѣлѣ берутъ «по попамъ по поповичамъ, по церквамъ по церковичкамъ». Это—одинъ изъ хорошихъ образчиковъ того, какъ литературное содержаніе легенды можетъ не только переходить въ обрядъ, но и становиться неотъемлемою принадлежностью народно-поэтическихъ воззрѣній.

Другая сторона народнаго творчества раскрывается намъ въ судьбахъ Леванитова креста: я говорю о томъ явленіи, что чѣмъ долѣе въ обращеніи, тѣмъ болѣе обезличивается первоначально конкретный образъ, исчезаетъ его историческое и мѣстное пріуроченіе, онъ становится общимъ мѣстомъ, изъ собственнаго имени — нарицательнымъ. Въ Глубинной книгѣ, въ намекахъ былины о Васильѣ Буслаевѣ, отношенія Леванитова креста къ Ѳавору и крестной легендѣ еще ясны; въ отрывкахъ не то былины, не то духовнаго стиха, напечатанныхъ въ сборникѣ Киршы Данилова (стр. 387) «чуденъ крестъ Леванидовскій» является какъ нѣчто опредѣленное, рядомъ съ глубокими омутами днѣпровскими и высокими горами *Сорочинскими*. На Сорочинской же горѣ (т.-е. Ѳаворѣ) находится онъ и въ былинѣ о Михаилѣ Потыкѣ (Рыбн. IV, № 12 стр. 61—62). Но уже въ стихѣ о сорока каликахъ со каликою (Безсон. Кал. I, № 4, стр. 17) онъ очутился подъ Кіевомъ, кругомъ него становятся калики; съ переходомъ его изъ духовныхъ стиховъ въ былины онъ показывается на всѣхъ богатырскихъ розстаняхъ (Рыбн. I стр. 47, 55; II 39, 72, 185, 352 и др.); около него на Почай рѣкѣ стоятъ терема Чурилы Опленковича (ib. I № 45 стр. 266, III № 24 стр. 122); самое значеніе эпитета до того забыто, что являются даже луга Леванидовы (Кир. вып. III, стр. 34, 36, 37) и книга Леванидова (Рыбн. I № 29 стр. 174, сл. III № 30, стр. 222: евангеліе): Леванидовъ крестъ утратилъ всякое спеціальное значеніе и сталъ просто синонимомъ креста вообще, распятія. Такимъ является онъ, напр., въ житіи Филиппа Иранскаго. Разсказывается про святаго, что ѣхалъ онъ по рѣкѣ Волгѣ, и, сойдя съ плота, «пошелъ въ гору, гдѣ ему ангелъ Господень исповѣдалъ и благовѣстилъ, къ *Леванидову кресту* надъ Лужаномъ озеромъ... И створилъ пришествіе къ кресту къ *Леванидову*, и начася Христу молити подъ крестомъ *Леванидовымъ* по благовѣствованію ангела Господня, и преклонь колѣни, и начася молити Христу»[1]). Разумѣется, вѣроятно, простое распятіе, можетъ быть, съ адамовой головой у подножья, заимствованной изъ легенды о райскомъ древѣ.

[1]) Ключевскій, Древнерусскія житія святыхъ. Москва. 1871, стр. 274, прим. 2.

Перейдемъ теперь къ слѣдующимъ вопросамъ и отвѣтамъ духовнаго стиха: они вводятъ насъ цѣликомъ въ область соломоновскаго апокрифа.

— Которая птица птицамъ мати? спрашиваетъ собесѣдникъ царя Давида. Онъ отвѣчаетъ, что *Страѳиль* (естрафиль, стреѳиль, страфель, стрефелъ, стратимъ и т. п.). Она живетъ на синемъ-морѣ, тамъ ѣстъ и пьетъ и плодъ плодитъ. Когда она встрепенется, всѣ синее море всколебнется, топитъ корабли гостиные; она такъ велика, что держитъ бѣлый свѣтъ подъ правымъ крыломъ. Отреченная статья «о всей твари» представляетъ подобный же образъ: «Глаголетъ писаніе: есть *куръ*, ему же глава до небеси, а море до колѣна; егдаже солнце омывается въ (о)кіянѣ, тогда акіянъ всколебается, и начнутъ волны кура бити по перью; онъ же, очутивъ волны, и речетъ: кокореку; протолкуется: свѣтодавче Господи, дай же свѣтъ мирови. Егда же то воспоетъ, и тогда всѣ куры воспоютъ во одинъ годъ по всей вселеннѣй». Это напоминаетъ другую птицу талмудическихъ сказокъ, которая стоитъ въ морѣ по колѣно, голова до неба, а вода въ томъ мѣстѣ такъ глубока, что опущенный въ нее топоръ черезъ семь лѣтъ еще не дошелъ до дна. Легко, впрочемъ предположить, что чудовищный образъ страѳиля, какимъ онъ представляется въ современномъ духовномъ стихѣ, принадлежитъ области позднѣйшихъ искаженій и что надъ нимъ вдоволь поработала народная фантазія. Настоящее значеніе раскрывается изъ разбора имени: Страѳилъ, Естрафиль и т. п. Это, очевидно, греческое *στροῦθος*—всякая небольшая птица; но *ὴστροῦθος*—страусъ. Она играетъ роль и въ духовныхъ стихахъ о Егоріи Храбромъ: *Острафиль*, птица *острафильская*, стратимъ; но тамъ чаще стоитъ другое имя, съ его искаженіями, и птица зовется *Нага*, *Нога*, *Ногайщина*, *Чер-ногаръ*, *Чер-ногонъ*. Иногда оба имени соединяются въ такомъ видѣ: *Нага-Астрахтиръ*, *Нага-Страхтиръ*; они, стало быть, предполагаются тождественными. Дѣйствительно, сербское *ној*, отвѣчающее нашему *нага*, *нога*, значитъ *страусъ*. Съ той и другой стороны мы незамѣтно подошли къ соломоновскому апокрифу: птица *нага*, *нога* — это *ноготь*, *неготъ* Палеи, талмудическое *нагартура*; а *страусъ*—*страѳиль* явился ему замѣной подъ вліяніемъ тѣхъ же соображеній, которыя вызвали одинаковое явленіе въ западныхъ легендахъ о Соломонѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, птица вездѣ названа страусомъ.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ подробностяхъ о страѳилѣ. Духовный стихъ поетъ объ немъ:

Когда стреѳиль вострепещется
Во второмъ часу послѣ полуночи,
Тогда запоютъ всѣ *пѣтухи* по всей земли.

Я готовъ вспомнить по этому поводу, что птица *ноготь* названа въ Палеѣ также *кокотомъ* (*куръ* въ статьѣ «о всей твари»). Въ одной редакціи духовнаго стиха, доставленной изъ симбирской губерніи, страѳиля замѣнила «финиксъ птица» по смѣшенію очень попятному въ произведеніяхъ, которыя такъ всецѣло опредѣлялись своими книжными источниками, какъ наши духовные стихи. Интереснѣе всего, что эта птица —

Роняетъ перья, которыя крѣпче стали и булату
И ржутъ ими кости и камни;
А когда за море гости пріѣзжаютъ,
Перья покупаютъ
И кроятъ ими бархаты и атласы.

Это несомнѣнно старая легенда о шамирѣ, раздробляющемъ самые твердые камни, хранителемъ котораго является *ногошь* соломоновскаго апокрифа. И съ слѣдующимъ сближеніемъ мы не покидаемъ почвы богомильскихъ отреченныхъ сказаній: когда страфиль птица востряпéхнитца, говорится въ одномъ разнорѣчіи Глубинной книги —

Вся сина море восколыхнитца,
Тады будя время опослѣдняя.

Сличите съ этимъ представленіе «послѣдняго времени» въ отреченномъ Апокалипсисѣ Іоанна, по греческому тексту у Тишендорфа: «*καί ἀπὸ τὴν φωνὴν τοῦ στρουθίον ἀναστήσεται πᾶσα βοτάνη, τοντέστιν ὑπὸ τὴν φωνὴν ἀρχαγγέλου ἀναστήσεται πᾶσα φύσις ἀνθρωπίνη*».

Гораздо болѣе запутанныхъ и полузабытыхъ чертъ представляетъ преданіе духовнаго стиха о звѣрѣ, который всѣмъ звѣрямъ отецъ. Это *единорогъ*: *единрогъ*, *индрикъ* (отъ инорогъ, инрогъ съ благозвучнымъ вставнымъ *д*, какъ нравъ и ндравъ), *индра* и т. п. Онъ живетъ за моремъ, на святой горѣ *Ѳаворѣ*, излюбленной богомильскимъ апокрифомъ; тамъ онъ ходитъ по подземелью, прочищаетъ ручьи и проточины, пропущаетъ рѣки, кладязи студеные. Слѣдующій отрывокъ изъ отреченной «Бесѣды трехъ святителей» объясняетъ полнѣе это, иначе непонятное отношеніе инорога къ источникамъ. «А звѣрь звѣрямъ мать — единорогъ; коли на землѣ была засуха и въ тѣ поры дождя на землю не было, тогда въ рѣкахъ и озерахъ воды не было, только въ единомъ озерѣ вода была; и лежалъ великій змій и

не давалъ людямъ воды пить, и никакому потекучему звѣрю, ни птицѣ полетучей. А коли побѣжитъ единорогъ воды пить, и змій лютый заслышитъ и побѣжитъ отъ звѣря того за три дни; и въ ту пору запасаются водою люди».

Мнѣ кажется, что и въ этомъ пересказѣ мы имѣемъ дѣло съ преданіемъ, подвергшимся значительному искаженію, источникомъ котораго могъ быть средневѣковый физіологъ, въ родѣ греческаго, изданнаго кардиналомъ Питрà, многочисленныя латинскія и народныя передѣлки котораго извѣстны подъ названіемъ Бестіаріевъ. Изъ такого же сборника заимствована и птица фениксъ, замѣнившая нашего страѳиля, какъ съ другой стороны загадочные *алатырь* (ἤλεκτρον?) и *антавентъ* (ἀδαμαντ) перешли въ наши духовные стихи и заговоры изъ какого-нибудь Лапидарія. Мистическое толкованіе инорога (символъ І. Христа), обыкновенное въ сочиненіяхъ этого рода отразилось на характерѣ звѣря въ Глубинной книгѣ: онъ и Богу молитъ за святу гору, а хвалу произноситъ самому Христу. Съ другой стороны я считаю вѣроятнымъ, что встрѣчающійся тамъ же разсказъ о враждѣ *гидры* (ydros, ydra въ «Buch der Natur» Конрада von Megenberg) съ крокодиломъ повліяло на легенду Бесѣды трехъ святителей и на самое видоизмѣненіе имени: инрогъ, индрикъ —*индра*. Первоначальная форма имени поможетъ намъ возстановить древній составъ легенды. Я сказалъ выше, что Китоврасъ, котораго Соломонъ опоилъ виномъ въ колодцѣ, представлялся иногда у насъ въ образѣ *единорога*; и что, наоборотъ, въ западныхъ повѣстяхъ, основанныхъ на соломоновскомъ апокрифѣ, его изображаютъ *драконом*ъ или *змѣем*ъ. Въ одной нѣмецкой стихотворной обработкѣ библейскихъ исторій, изданной Димеромъ, есть эпизодъ, восходящій, можетъ быть, еще къ XI му вѣку, въ которомъ о построеніи соломонова храма разсказано слѣдующее. Въ Іерусалимѣ завелся змѣй и выпивалъ всѣ колодцы и цистерны въ городѣ. Жители были въ сильной нуждѣ. Тогда Соломонъ велѣлъ наполнить одну цистерну виномъ и медомъ; змѣй напился по обыкновенію и, охмѣлевъ, заснулъ. Будучи связанъ, онъ проситъ Соломона отпустить его на свободу; за это онъ обѣщаетъ ему указать средство, при помощи котораго можно будетъ скорѣе кончить начатую постройку храма: въ ливанскихъ горахъ, говоритъ онъ, водится звѣрь; вели его поймать и принести къ сѳбѣ его жилы; изъ нихъ я научу тебя сдѣлать такой снурокъ (eini snuir), что имъ легко будетъ рѣзать мраморъ. Соломонъ велитъ снять оковы съ плѣнника, который самъ идетъ охотиться на звѣря и черезъ три дня находитъ его. Изъ его жилъ онъ устраиваетъ обѣщанное средство;

такимъ образомъ, храмъ могъ быть совершенъ безъ употребленія желѣзныхъ орудій. Это, очевидно, апокрифическая легенда объ Асмодеѣ и шамирѣ, въ которой шамиръ замѣненъ жилами какого-то диковиннаго звѣря, Асмодей обратился въ дракона. Замѣните въ ней дракона единорогомъ и вы получите ту редакцію отреченной легенды, которую Бесѣда переработала согласно съ новыми данными, принесенными ей Бестіаріемъ; что до стиха о Глубинной книгѣ, то онъ забылъ ее совершенно, сохранивъ только смутную память о какой-то связи единорога съ «кладязями студеными».

Но мы не можемъ оставить редакціи этой сказки въ Бесѣдѣ трехъ святителей, не обративъ еще разъ вниманія на змѣя, сторожащаго воды. Мы встрѣчаемъ его еще въ другомъ отреченномъ памятникѣ: въ житіи Ѳедора Тирона, давшемъ содержаніе духовному стиху того же имени. При сильномъ вліяніи, какое имѣла литература апокрифовъ на народную словесность вообще, мы едва ли не вправѣ задаться вопросомъ: насколько миѳологическаго элемента представляютъ змѣи-Горыничи, съ которыми борятся витязи нашихъ былинъ, и насколько они могутъ быть признаны отголосками отреченныхъ сказаній?

III.

Намъ еще остается обратиться къ содержанію вѣщихъ сновъ, вставленныхъ въ бо́льшую часть редакцій Глубинной книги. Ихъ источникъ мы найдемъ въ томъ же отреченномъ сказаніи о Соломонѣ.

1. Сонъ о Правдѣ и Кривдѣ.

Возговорилъ Володиміръ князь,
Володиміръ князь Володимірович:
«Ой ты гой еси премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичъ!
Мнѣ ночесь, сударь, мало спалось,
Мнѣ во снѣ много видѣлось:
Кабы съ той стороны со восточной,
А съ другой стороны съ полуденной,
Кабы два звѣря собиралися
Кабы два лютые собѣгалися,
Промежъ собой дрались-билися,
Одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ».
Возговоритъ премудрый царь
Премудрый царь Давыдъ Ессеевичъ:
— Это не два звѣря собиралися,
Не два лютые собѣгалися:

Это Кривда въ Правдой соходилися,
Промежду собой билисъ-дралисъ;
Кривда Правду одолѣть хочетъ;
Кривда Правду переспорила.
Правда пошла на небеса
Къ самому Христу, Царю небесному;
А Кривда пошла у насъ вся по всей землѣ,
По всей землѣ по Свято-Руской,
По всему народу христіанскому.
Отъ Кривды земля всколебалася.

Въ иныхъ стихахъ звѣри являются *бѣлымъ и сѣрымъ зайцемъ*:

Кабы бѣлъ заецъ, кабы сѣръ заяцъ,
Кабы бѣлой заецъ одолѣть хочетъ?
Кабы сѣрой бѣлаго приодолѣлъ;
Бѣлъ пошелъ въ чисто поле,
А сѣръ пошелъ въ темны лѣса.

Или вмѣсто нихъ выступаютъ *два юноши* — толкованіе во всѣхъ случаяхъ одно и то же; иногда аллегорическіе образы отсутствуютъ, и во снѣ представляются:

Будто Кривда съ Правдой побивалася,
Будто Кривда Правду одолѣть хочетъ.

Въ легендахъ Палеи о Соломонѣ разсказывается, что Дарій, царь персидскій, прислалъ ему загадку такого содержанія: «стоитъ щитъ, а на щитѣ *заецъ*; и прилетѣвъ соколъ взялъ заецъ, и ту седѣ сова». И рече: сия отгонеши, дамъ ти три кади сребра. Соломонъ же прочте писаніе и созва бѣсы, иже ему служаху, и рече имъ: аще кто отгонетъ сію загадку, дамъ ему третину сребра, иже ми обѣща царь Дарій. И рече бѣсъ объ одномъ оцѣ: щитъ—земля, а на щитѣ *заецъ—правда*, а иже взялъ соколъ заецъ, то взялъ ангелъ правду на небо, и ту седѣ *сова*, сирѣчь *кривда; правда же бысть взята на небо, а на земли осталася кривда.* И носла царь Соломонъ грамату къ Дарію, царю Перскому, а въ ней загадки истолкована, и рече: пришли сребро, иже ми еси обѣщалъ. Не по мнозѣ же времени привезоша отъ Дарія царя три кади сребра. И насыпаша царю двѣ кади. И повелѣ царь обратити кадь верхоу дномъ, и повелѣ насыпати бѣсу верхъ. И рече бѣсъ царю: Чемоу криво дѣлаешь, а правды не держишь? И рече царь: *кривый бысе*, самъ себе осудилъ еси: правда взята бысть на небо, и здѣ осталася кривда». Въ «Бесѣдѣ трехъ святителей», составленной по подобію вопросовъ Іоанна, весь этотъ разсказъ принялъ форму коротвихъ вопроса и отвѣта: «Вопросъ: что есть бѣлъ щитъ, а на бѣлѣ щитѣ заецъ бѣлъ и прилетѣ сова и взя зайца, а сама ту

сяде? Отвѣтъ: Бѣлъ щитъ есть свѣтъ, а *заяцъ — правда*, а *сова — кривда*». Въ томъ и другомъ видѣ связь съ сновидѣніемъ духовнаго стиха кажется мнѣ несомнѣнной.

Остановимся на содержаніи аполога, какъ передаетъ его Палея и дополняетъ духовный стихъ. Онъ представляетъ два мотива, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ. Сначала противупоставлены *Правда* и *Кривда*, онѣ борятся, одна хочетъ одолѣть другую, пока не побѣдила вконецъ Кривда. Затѣмъ идетъ непосредственно разсказъ *о неравномъ дѣлежѣ*. Всякому, кто когда-либо заглянулъ въ область народно-поэтической литературы, тотъ или другой мотивъ долженъ былъ встрѣтиться въ формѣ сказки или нравоучительной повѣсти. Обыкновенно они разработаны отдѣльно; въ немногихъ случаяхъ, гдѣ они являются въ соединеніи, слѣдуетъ предположить или случайную полноту преданія, или близость къ книжному источнику. Такъ, напримѣръ, существуетъ цѣлый рядъ русскихъ сказокъ о *Правдѣ и Кривдѣ*, гдѣ только поднятъ вопросъ о практическомъ преимуществѣ нравственныхъ поступковъ передъ безнравственными; и есть еще другой рядъ сказокъ о *неравномъ дѣлежѣ*, въ которыхъ, наоборотъ, идея правды и кривды заслонена совершенно. Въ послѣднихъ разсказывается, напримѣръ, что лиса и медвѣдь сговорились сообща воздѣлать и засѣять поле, и жатву раздѣлить. Лиса напередъ выбрала себѣ верхушки, а медвѣдь корни; засѣяли жито, но когда оно поспѣло, то оказался одѣленнымъ медвѣдь. На другой разъ онъ хочетъ быть осторожнѣе и выговариваетъ верхушки себѣ; но посѣяна рѣпа, и выгода опять на сторонѣ лисы.

Подобный разсказъ проникъ въ одну branche средневѣковаго Roman du Renard, сохранившуюся впрочемъ лишь въ старо-итальянской редакціи, недавно изданной Тедзой. Какъ здѣсь роль одѣленной играетъ коза, такъ въ тирольской сказкѣ у Шнеллера весь споръ перенесенъ изъ міра животныхъ на лица христіанской миѳологіи, и спорящими о жатвѣ являются дьяволъ и св. Іоаннъ. Ближе всего къ разсказу Палеи 26-я повѣсть въ Conde Lucanor, потому что въ ней мотивъ неравнаго дѣлежа снова соединенъ съ идеями Правды и Кривды, moralisatio въ концѣ и вся развязка очевидно внушена учительными цѣлями собирателя. Разсказывается, что Правда и Кривда посадили вмѣстѣ дерево, чтобы вмѣстѣ владѣть имъ, когда оно выростетъ. Кривда и убѣдила Правду взять на свою долю корни, какъ самую важную и вѣрную часть; сама готова она удовольствоваться вѣтвями, хотя онѣ-то всего болѣе подвержены опасности со стороны людей и животныхъ, жара и холода. Правда наивно повѣрила лож-

нымъ словамъ и пріютилась въ землѣ подъ корнями; кривда же поселилась въ вѣтвяхъ, и когда дерево выросло и люди стали собираться подъ его тѣнь, она гостепріимно ихъ встрѣчала, ласкала ихъ, нашептывая хитрые совѣты, учила разнымъ уловкамъ. Всѣ полюбили ее, и всѣмъ жилось хорошо, и кто болѣе отъ нея научился, пользовался бо́льшимъ почетомъ. А правда лежала себѣ въ землѣ, и никто о ней не вѣдалъ; но такъ какъ ей нечего было ѣсть, она грызла постоянно корни, пока дереву нечѣмъ было болѣе держаться, и оно рухнуло отъ порыва вѣтра. Оттого погибла Кривда и ея клевреты, а правда вышла наружу.

Разсказъ испанскаго сборника непосредственно заимствованъ, какъ многое въ немъ, изъ какого-нибудь восточнаго, книжнаго источника. Такой же источникъ я склоненъ предположить и для всѣхъ подобныхъ разсказовъ, до сихъ поръ сохраняющихся въ европейскомъ простонародьи; только на этотъ разъ придется допустить посредство одного изъ тѣхъ дуалистическихъ, т.-е. богомильскихъ апокрифовъ, которые такъ много способствовали обращенію въ христіанскомъ обществѣ восточныхъ идей и образовъ. Къ такимъ апокрифамъ я причисляю и Соломоновскій. Меня, по крайней мѣрѣ, апологъ о Правдѣ и Кривдѣ поразилъ своимъ богомильскимъ колоритомъ — и не въ одномъ только отношеніи. Вспомнимъ, какъ настоятельно проповѣдывали богомилы служеніе истинѣ, какимъ грѣховнымъ представлялось имъ одно предположеніе лжи, выражающееся клятвой. Безусловное требованіе правды, соблюденія договоровъ — чисто иранское, одинъ изъ самыхъ существенныхъ параграфовъ иранскаго религіознаго кодекса. Отсюда заимствовали его богомилы вмѣстѣ со всѣмъ ученіемъ дуализма. За одно *ложное, кривое слово*, которое позволитъ себѣ Джеммидъ, правда удаляется отъ него на небо въ образѣ птицы, а кривда остается на землѣ въ образѣ змѣя, демона Зохака. Это напоминаетъ нѣкоторыя черты въ апологѣ Палеи. Не надо забывать, съ другой стороны, что какъ въ послѣдней, такъ и въ пересказѣ духовнаго стиха, Правда и Кривда не отвлеченныя понятія добродѣтели и порока: онѣ имѣютъ вполнѣ реальное существованіе; только въ такомъ смыслѣ онѣ сходятся и борятся. Борется, собственно, царство правды съ царствомъ лжи, царство свѣта съ тьмою; праведный богъ съ духомъ лжи, съ демономъ Кривды (кривой бѣсъ). Это — старое иранское представленіе о враждѣ космическихъ началъ, Ормузда и Аримана; впрочемъ съ богомильскимъ оттѣнкомъ, который тотчасъ же выступаетъ. Побѣждаетъ грѣховная сила Кривды, она выиграла въ неравномъ дѣлежѣ и остается царить на землѣ, потому что по

ученію богомиловъ земля и все на ней находящееся во власти демона; правда обдѣлена, она пошла на небо, въ царство добраго бога. Понятно, что съ православной точки зрѣнія и въ той средѣ, въ которой вращался позднѣе стихъ о Глубинной книгѣ, первоначально дуалистическій смыслъ этого аполога былъ понятъ иначе; вознесеніе правды на небо «къ самому Христу, царю небесному» представляется ея торжествомъ; въ старинныхъ русскихъ изображеніяхъ страшнаго суда можно видѣть, какъ «Правда Кривду стрѣляетъ, и Кривда пала со страхомъ». Въ апологѣ Палеи такое толкованіе еще не замѣтно.

2. *Сонъ о деревѣ.*

Говоритъ царь Волонтоманъ (Владиміръ, Волотъ и т. п.) Давиду:
Мнѣ царю Волонтоману
Мало спалось, много во снѣ видѣлось:
Какъ въ моемъ ли было зеленомъ саду
Выростало деревцо сахарное;
Изъ далека изъ чиста поля
Прилетала пташечка малешечка,
Садилась на деревцо сахарное,
Распущала перья до сырой земли:
Ужь ты можешь-ли царь, про то вѣдати?
. . . . . .
Имъ отвѣтъ держалъ премудрый царь:
Какъ тебѣ царю Волонтоману
Мало спалось, грозно во снѣ видѣлось,
Во твоемъ ли было зеленомъ саду
Выростало деревцо сахарное:
У твоей царицы благовѣрныя
Народится дочь *Саламидія* (Соломонида, Саламанида, Соломонидія)
Изъ далеча, изъ чиста поля
Прилетала пташечка малешечка,
Садилась на деревцо сахарное,
Распущала перья до сырой земли:
Какъ моя царица благовѣрная
Родитъ сына *Соломона*,
А этому сыну моему
На твоей дочери женату быть.

«Іерусалимская бесѣда», прозаическій пересказъ особой редакціи стиха о Глубинной книгѣ, дополняетъ и вмѣстѣ толкуетъ это сновидѣніе: древо кипарисъ, серебряное кореніе — это соборная и апостольская церковь Софіи Премудрости Божія; поверхъ того древа сидитъ птица кречетъ бѣлый—то у меня будетъ сынъ Соломонъ премудрый; а что на ногахъ у него колокольчикъ золотой—то у твоей царицы родится дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери жениться и

твоимъ царствомъ ему владѣть будетъ. Это сновидѣніе Волота обличаетъ близкое знакомство съ соломоновской сагой. Въ русскихъ повѣстяхъ о Соломонѣ, Давидъ предлагаетъ своему, еще неузнанному, сыну такую загадку о деревѣ: что есть въ моемъ государствѣ, среди моего града Іерусалима стоитъ древо златолиственное; на томъ древѣ было яблоко златомъ украшенно, а верхъ у того древа аки солнце сіяетъ, а по сучьямъ цвѣты и каменіе самоцвѣтное; кругомъ древа выросла пшеница бѣлоярая, а кругъ того града Іерусалима выросла рожь въ поле сильна? Соломонъ толкуетъ: древо златолиственное — это Іерусалимъ; а что верхъ сіяетъ паче солнца—это самъ царь; каменіе самоцвѣтное—бояре вѣрные, пшеница бѣлоярая—то градскіе жители и т. д. Интереснѣе указаніе на Соломонію: она является дочерью Волота, будущей супругой Соломона; въ русскихъ повѣстяхъ объ увозѣ соломоновой жены и въ нѣмецкомъ Морольфѣ она носитъ то же имя Соломонія, Соломея, и, въ добавокъ, русскій пересказъ называетъ ее дочерью Волотомана. Если русскія и нѣмецкія повѣсти о Соломонѣ равно заимствованы изъ одного и того же апокрифическаго источника; такъ что мы могли воспользоваться ими для его возстановленія, — то послѣднія указанія духовнаго стиха только расширяютъ область его заимствованій изъ утраченнаго нынѣ Contradictio Solomonis.

Мы ограничились по необходимости лишь краткимъ разборомъ стиха о Глубинной книгѣ; но и такое поверхностное знакомство съ его составомъ могло убѣдить насъ, что не только въ его содержаніе вошло много богомильскихъ апокрифовъ (*Іоаннова книга, Сказаніе о Крестномъ древѣ, о Соломонѣ и Китоврасѣ, Видѣніе Исайи* и т. п.), но что и весь замыселъ и расположеніе частей отразили на себѣ древнюю книгу Іоанна, столь любимую богомилами. Послѣ этого мы можемъ спросить себя: не были ли *еретическія глубинныя книги*, въ чтеніи которыхъ духовенство обвиняло Авраамія Смоленскаго—знаменитымъ апокрифомъ, извѣстнымъ у западныхъ катаровъ *Secretum?* Отреченная книга *Глубина*, цитуемая г. Пыпинымъ, представляетъ, можетъ быть, только другое названіе для того же памятника. Знакомство Авраамія съ матеріаломъ отреченныхъ сказаній засвидѣтельствовано его пристрастіемъ къ извѣстнымъ иконописнымъ сюжетамъ, въ родѣ Воздушныхъ мытарствъ, изображенія страшнаго суда и т. п. Если такъ, то извѣстность на Руси богомильской Іоанновой книги придется отнести къ довольно раннему времени, во всякомъ случаѣ ранѣе XIII-го вѣка, когда жилъ и дѣйствовалъ Авраамій († около 1220). Надо только помнить промежутокъ пяти—шести столѣтій и видоизмѣняющее дѣйствіе

народнаго пересказа, чтобы понять, какимъ образомъ Глубинная книга могла преобразиться въ нынѣшній народный стихъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ прослѣдить съ достаточной достовѣрностью пути этого перехода; рядомъ съ вліяніемъ грамотѣевъ необходимо, кажется, допустить и болѣе живую устную передачу. Наши калики перехожіе, главные носители духовныхъ стиховъ, такъ странно напоминаютъ богомильскихъ странствующихъ проповѣдниковъ. Мы знаемъ, въ какомъ почетѣ былъ у послѣднихъ апостолъ Іоаннъ; калики ведутъ отъ него свое начало, со дня *Вознесенія*, что̀ опять напоминаетъ первыя строки Вопросовъ Іоанна:

Какъ вознесся Христосъ на небеса,
Расплакалась нищая братья,
Расплакались бѣдные убогіе, слѣпые и хромые:
Ужъ ты истинный Христосъ, царь небесный!
Чѣмъ мы будемъ, бѣдные, питаться?
Чѣмъ мы будемъ, бѣдные, одѣваться, обуваться?

Христосъ сулитъ имъ золотую гору, медвяную рѣку, но *Иванъ Богословъ* (позднѣе, по естественному смѣшенію: Іоаннъ Предтеча, Іоаннъ Златоустый, Иванъ Архіепископъ) уговариваетъ его не дѣлать этого: все это у нихъ—

Сильные-богатые отнимутъ:
Ты дай имъ свое святое имя:
Тебя будутъ поминати,
Тебя будутъ величати,—
Будутъ они сыты, да и пьяны,
Будутъ и обуты и одѣты.

Какъ теперь съ обращеніемъ нашихъ каликъ въ настоящихъ нищихъ, сытые и пьяные понимаются въ реальномъ значеніи слова, такъ отвлеченно понимались они въ началѣ: дѣло идетъ о питаніи словомъ Божіимъ, *именемъ Христовымъ*. Заповѣди нашихъ каликъ, наприм.:

А въ томъ вѣдь заповѣдь положена,—
Кто украдетъ, или кто солжетъ,
Али кто пустится на женскій блудъ и т. п.

отвѣчаютъ главнымъ завѣтамъ богомильскихъ «совершенныхъ» людей, съ содержаніемъ которыхъ мы уже познакомились. Этими тремя заповѣдями опредѣляются по нашему мнѣнію и темы старшихъ, основныхъ стиховъ: Іосифъ прекрасный былъ символомъ плотскаго воздержанія, Іосифъ царевичъ — добровольнаго нищенства и т. д. Позднѣе къ нимъ присоединились другіе сюжеты легендарнаго характера, менѣе отвѣчавшіе основному направленію каличьяго стиха и болѣе складу народныхъ былинъ: такъ начали пѣть о Егоріи Храбромъ, о Ѳедорѣ Тиронѣ.

Но мы еще не кончили сближенія: богомильскіе *совершители, perfecti,* отказывались отъ мірскихъ благъ, называя себя христовыми убогими; ихъ жалкій видъ поражалъ современниковъ:

Est Patharistis
Visio tristis,
Vox lacrimosa.

Постоянный эпитетъ нашихъ каликъ: *нищая братія, убогіе люди, бѣдные убогіе.* Калики странствуютъ вмѣстѣ, толпами; богомильскіе странники ходятъ всегда вдвоемъ, а иногда и болѣе: въ началѣ XII-го вѣка, при епископѣ Василіѣ богомильская церковь въ Константинополѣ считала двѣнадцать старшинъ, называвшихъ себя *апостолами*; объ австрійскихъ катарахъ начала XIV-го вѣка мы знаемъ, что у нихъ также было двѣнадцать *апостоловъ,* обходившихъ каждый годъ Германію и распространявшихъ въ народѣ свою ересь; они избирали изъ себя двухъ старшихъ, нàбольшихъ (duos seniores): разсказывали, что они разъ въ году бываютъ въ раю, гдѣ бесѣдуютъ съ Энохомъ и Ильей. Это, вѣроятно, одна изъ обычныхъ богомильскихъ басенъ, которую я привожу въ связь съ извѣстнымъ апокрифомъ «обиходовъ апостольскихъ». Можно предложить, что онъ распространялся по слѣдамъ ереси и главнымъ образомъ далъ сюжетъ многочисленнымъ народнымъ легендамъ о земномъ хожденіи Спасителя и его учениковъ. Наши калики, отправляясь въ путь, также выбираютъ изъ себя «большаго атамана», а каликъ, посѣтившихъ сидня Илью, нѣкоторыя редакціи былины прямо называютъ Христомъ и двумя *апостолами.* Еретическія пѣсни, приписываемыя западнымъ катарамъ, которымъ они научали даже дѣтей, напоминаютъ намъ стихи, полные отреченнаго содержанія. Сходство распространяется наконецъ и на внѣшній обликъ: кожаной сумѣ, всегда висѣвшей черезъ плечо богомильскаго съ евангеліемъ внутри—отвуда пошло одно изъ названій секты: *φουνδαίται, φουνδαγιαγίται* (отъ funda = crumena, ventrale, torba) — отвѣчаетъ извѣстная сумка нашихъ каликъ и книга, которую вынимаетъ изъ нея Касьянъ сынъ Михайловичъ:

Втапоры молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Вынималъ изъ *сумы книжку* свою;

Подъ вліяніемъ яркаго былиннаго стиля, нежалѣющаго красокъ, сумочки стали «рыта бархата» или «хущатой камки», точно также какъ аллегорическій камень вѣры, спасающій Іосафа царевича, обратился въ дивовинный камень *самосѣтъ,* который мы встрѣчаемъ въ этомъ значеніи и въ повѣстяхъ о Соломонѣ въ Александріи, и въ сказкѣ объ Акирѣ премудромъ.

Они дни идутъ по красному по солнышку,
А въ ночь идутъ по самосвѣтному по камешку—

или «по камешку антавенту»; иногда онъ даже вплетенъ въ ихъ лапотики. Былинный эпосъ отразился также на богатырской силѣ каликъ, на ихъ зычномъ голосѣ, отъ котораго дрожитъ мать сыра земля, съ деревъ вершины попадали. Они зовутся «дородными», «удалыми, добрыми молодцами». Но это уже позднее перерожденье, которое началось не позже XIV-го вѣка, если судить по договорной грамотѣ Михаила Тверскаго (1316 г.), гдѣ калика Юрій является въ числѣ заложниковъ, и по разсказу псковскаго лѣтописца подъ 1341-мъ годомъ, о томъ, какъ калика Карпъ Даниловичъ повелъ на нѣмцевъ молодыхъ псковичей. Въ XII-мъ вѣкѣ въ запискахъ игумена Даніила (около 1114-го года) калики еще являются въ старомъ значеніи *странниковъ, пришельцевъ*.

Новгородскій архіепископъ Василій носилъ въ міру имя Григорія *Калики*, т.-е. паломника: онъ ходилъ въ Палестину, былъ на берегахъ Іордана, видѣлъ финиковыя пальмы, насажденныя І. Христомъ, и врата Іерусалима, не разверзающіяся съ той поры, какъ затворилъ ихъ Спаситель. Ставъ архіепископомъ, онъ сохраняетъ то же пристрастіе къ отреченнымъ легендамъ въ своемъ посланіи къ тверскому епископу Ѳедору «о земномъ раѣ», и въ апокрифическихъ изображеніяхъ на вратахъ софійскаго собора. Духовные стихи отразили въ себѣ и это представленіе каликъ — *странниками къ святымъ мѣстамъ*; но это представленіе также позднѣйшее; первые калики приходили къ намъ съ византійско-болгарскаго юга, центра богомильской проповѣди. На это указываютъ не только *шляпки земли греческой*, но и тотъ чудовищный *колпакъ-колоколъ* на головѣ старчища-*пилигримища* (Пилигримище), который мѣряется въ Новгородѣ съ Василіемъ Буслаевымъ и оживляетъ Михаила Потыка. И. И. Срезневскій сближалъ этотъ загадочный колоколъ съ cloca, капой западныхъ пилигримовъ: «Это-то слово cloca въ передѣлкѣ на русскій ладъ колоколъ, соотвѣтствующей чешской передѣлкѣ klakol въ значеніи верхней неразрѣзной одежды, есть тотъ колоколъ, о которомъ говорятъ перескащики былины о Васильѣ Буслаевичѣ, какъ о колоколѣ звенящемъ. Употребленіе этого слова въ былинѣ, хотя и неправильное, доказываетъ, что когда-то оно было у насъ употребляемо и въ значеніи одежды. Вѣроятно, оно зашло и къ намъ, также какъ къ Чехамъ, съ сѣвера и, судя потому, что въ пересказахъ былины оторвано отъ своего настоящаго смысла, употребляемо было только въ древности и, можетъ быть, недолго». Сближеніе нашихъ каликъ съ кали-

гами, сандаліями (caligae, calicae) западныхъ богомильцевъ должно вести къ тому же заключенію, что крута нашихъ древнихъ каликъ «была не чисто русская, а общая западно-европейская». Противъ этого можно замѣтить, что *калига*, *калика*, встрѣчающееся въ значеніи обуви уже у игумена Даніила, и у него же въ смыслѣ странника, могло пройти къ намъ отъ латинскаго caliga при посредствѣ Византіи, гдѣ оно дало цѣлый рядъ словопроизведеній: *καλίγιον*, *καλίγιν*, *καλῆγιον*, *καλῆχιον*, *καλίχιος*, *καλλίγα*, *καλγᾶτος*. Что до каппы-колокола, то необходимо замѣтить, что она выродилась изъ древне-римскаго cucullus или cucullio, откуда пошло съ одной стороны cucullum западныхъ монашествующихъ орденовъ, съ другой среднегреческое *κουκοῦλιον*, которое Анна Комнена считаетъ особымъ отличіемъ византійскихъ богомиловъ: *κέκρυπται δὲ τὸ κακὸν ὑπὸ τὸν μανδύαν καί τὸ κουκοῦλιον*. Я полагаю, что это и есть колоколъ, иначе, шляпа земли греческой, или колпакъ нашихъ каликъ.

Вмѣстѣ съ платьемъ византійскаго покроя и еретическими ученіями юга, они приносили съ собою и память о путяхъ, которыми приходили они въ Россію. На Черномъ морѣ они могли слышать легенду о св. Климентѣ, какъ онъ былъ ввержонъ въ море съ камнемъ на шеѣ, и какъ на томъ самомъ мѣстѣ посреди водъ чудеснымъ образомъ явилась его гробница. Эту легенду они внесли въ свой стихъ о Глубинной книгѣ, гдѣ окіянъ всѣмъ морямъ мати, потому что изъ него выходила церковь соборная, богомольная, самого Климента, папы римскаго:

Что въ той церкви во соборныя
Стоитъ гробница на воздухахъ бѣлокаменна,
Въ той гробницѣ бѣлокаменной
Почиваютъ мощи папа римскаго,
Папа римскаго, слава—Клементьева.

Внесеніе этой подробности, можетъ быть, позднѣе и выходитъ изъ сферы богомильскаго міросозерцанія. Интересно, во всякомъ случаѣ, что въ недавно открытой базиликѣ св. Климента въ Римѣ недалеко отъ фрески, изображающей надводную гробницу святаго, помѣщена другая, содержаніе которой заимствовано изъ житія Алексѣя божія человѣка, столь популярнаго въ средѣ нашихъ духовныхъ пѣвцовъ.

Я не отрицаю, чтобы рядомъ съ этими вліяніями, направленіе которыхъ я старался указать, не было и другихъ, однородныхъ съ ними, приходившихъ къ намъ съ Запада. Новгородъ издавна съ нимъ связанъ. Старчище-*Пилигримище* новгородскихъ былинъ не только непосредственно привязывается къ нѣмецкой формѣ *pilgerim*, но и напоминаетъ своею богатырскою мощью

и легкимъ наплывомъ комизма, богатырскаго монаха Ильзана въ Rosengarten'ѣ, Guillaume d'Orange и Вальтера Аквитанскаго —хроники Новаледскаго монастыря. Сличите съ этимъ то обстоятельство, что когда смоленское духовенство обвиняло Авраамія въ еретичествѣ и колдовствѣ, между прочимъ въ чтеніи богомильской Глубинной книги, онъ нашелъ между монашествующими сочувствіе лишь въ одномъ человѣкѣ, прозваніе котораго обличаетъ въ немъ западное происхожденіе, именно въ Лукѣ *Прусинѣ*.

У нашихъ каликъ перехожихъ есть, такимъ образомъ, своя длинная, поэтическая исторія, въ которой иногда трудно разграничить области дѣйствительности и вымысла, Wahrheit und Dichtung. Сначала пришельцы съ славяно-византійскаго юга, они водворили у насъ живыя воспоминанія о немъ, и вмѣстѣ съ дуалистической ересью богомиловъ цвѣтущіе апологи востока и буддійскія сказки. Позднѣе наши богомольные странники къ святымъ мѣстамъ увидѣли ихъ толпы на берегахъ Іордана, у гроба Господня, и отождествили ихъ съ паломниками. Былина сдѣлала ихъ дородными молодцами, могучими русскими богатырями. Теперь они обратились въ калѣкъ, сидятъ на распутіяхъ, у церковныхъ дверей, распѣвая старинные стихи и понимая въ насущномъ смыслѣ, что̀ въ нихъ говорилось о благодатномъ питаніи словомъ Божіимъ:

Ты дай имъ свое святое имя:
. . . . . .
Будутъ они сыты да и пьяны.

Александръ Весѣловскій.

ЗАПИСКИ ЖАНДАРМА

Воспоминанія

съ 1837-го по 1843-й годъ.

ЧАСТЬ II *).

I.

ВИЛЕНСКАЯ ДРАМА.

Мятежъ 1831-го года былъ подавленъ, но съ того времени и по 1840-й годъ включительно, въ Варшавѣ, Кіевѣ и Вильнѣ не прекращались такъ-называемыя политическія слѣдствія какъ надъ недовольными новымъ складомъ вещей мѣстными агитаторами, такъ и проникавшими въ край заграничными эмигрантами, задачею которыхъ было — распространеніе въ массѣ народа, и особенно въ воспріимчивой и доброй по природѣ молодежи, либеральныхъ идей, привитіе туземцамъ непримиримой ненависти къ правительству русскому и усиленная поддержка завѣтной и страстно любимой поляками мысли о возможности возстановленія самобытнаго существованія Польши въ соединеніи съ искусственно ополяченною Литвою.

Послѣднимъ изъ выходцевъ этого рода, изъ агитаторовъ заграничной пропаганды, былъ долго скрывавшійся въ Подоліи и у помѣщика Пинскаго уѣзда Родзевича, извѣстный эмиссаръ Симонъ Канарскій, казненный въ Вильнѣ 15-го февраля 1839-го года.

---

*) См. выше: мар. 242 стр.

Еще мѣстныя власти не успѣли покончить съ сообщниками Канарскаго и многочисленными его послѣдователями; еще монастыри виленскіе, обращенные въ тюрьмы, наполнены были политическими арестантами разныхъ оттѣнковъ, какъ въ Вильну, на смѣну князю Долгорукову, этому строгому и искусному администратору, переведенному въ Харьковъ, прибылъ (въ мартѣ 1840-го года) новый генералъ-губернаторъ генералъ-лейтенантъ Мирковичъ, а чрезъ пять недѣль (1-го мая 1840-го года) доставлены къ нему бѣжавшіе изъ Вильны и намѣревавшіеся пробраться въ Пруссію, но задержанные около Юрбурга, два студента и гимназистъ, надѣлавшіе большую тревогу, особенно, когда при одномъ изъ этихъ студентовъ, какъ уже извѣстно читателю, найдена была рукопись его сочиненія, наполненная поэтическими бреднями о вольности и дерзкими, преступными выраженіями противъ священной особы покойнаго государя и его августѣйшаго семейства.

Въ тотъ же день назначена слѣдственная коммиссія изъ чиновниковъ, хотя и неизвѣстныхъ новому начальнику края, но рекомендованныхъ ему за людей, особенно дѣльныхъ, опытныхъ, бывалыхъ.

Закипѣло шумное дѣло. Начались новые аресты, поднялась страшная суета, зазвенѣли колокольчики, поскакали жандармы, полетѣли эстафеты, возобновились старые, давно знакомые слѣдователямъ, вопросы, смѣшались и перепутались съ новыми—и ровно черезъ 8 мѣсяцевъ, когда дѣло, повидимому, округлилось, разъяснилось и приближалось уже къ развязкѣ, когда, къ чести искусныхъ и торжествующихъ слѣдователей, новый, страшный заговоръ обнаруженъ былъ вполнѣ, виновные схвачены, несомнѣнныя улики преступленія найдены, недоставало только собственнаго сознанія главнѣйшихъ заговорщиковъ (въ которомъ при существованіи уликъ не было особой нужды)—въ это время (ноября 1840-го года) прибылъ въ Вильну назначенный по высочайшему повелѣнію предсѣдателемъ этой коммиссіи флигель-адъютантъ полковникъ Назимовъ, который, познакомясь поверхностно съ результатами 8-ми-мѣсячныхъ трудовъ коммиссіи, обратилъ особенное вниманіе на неимовѣрный хаосъ, запутанность и безпорядокъ собственно по канцелярской части коммиссіи, и, доведя объ этомъ до свѣдѣнія генералъ-губернатора, просилъ о немедленномъ командированіи въ составъ ввѣренной ему коммиссіи опытнаго оберъ-секретаря Сената, взамѣнъ чего ему обѣщано было прибавить еще одного члена. Этотъ послѣдній выборъ палъ на меня, и я получилъ съ эстафетою предписаніе немедленно явиться въ Вильну.

Предписаніе это застало меня положительно врасплохъ. Внезапная потеря одного малютки, который лежалъ на столѣ, и ожиданіе появленія на свѣтъ другого, при страшномъ безденежьи, дѣлали отъѣздъ мой почти невозможнымъ, особенно если принять въ соображеніе, что въ то время не было обыкновенія, при командировкахъ подобнаго рода, давать, какъ теперь, подъемныя, или суточныя деньги.

Въ этомъ крайне стѣсненномъ положеніи я рѣшился просить моего окружнаго генерала назначить вмѣсто меня могилевскаго штабъ-офицера, которому, какъ человѣку холостому, перемѣщеніе это не могло причинить такого разстройства, какъ мнѣ. Петръ Ивановичъ Фрейгангъ отвѣчалъ, что «познанія, способности и опытность служащаго не тогда дороги правительству, когда можно безъ нихъ обойтись, но когда они должны быть употреблены въ дѣло, и что затѣмъ замѣнить меня могилевскимъ, или другимъ штабъ-офицеромъ, онъ признаетъ неудобнымъ [1]), добавя однако-жъ, что по уваженію къ настоящему положенію жены моей, командировка моя отсрочивается на мѣсяцъ».

Отсрочка эта была для меня истиннымъ благодѣяніемъ. Я успѣлъ по крайней мѣрѣ осмотрѣться и сообразить, что̀ сноснѣе для моего пустого кармана—жить въ Вильнѣ одному и терзаться неизвѣстностью, что̀ дѣлается дома, или увеличить мои долги на переселеніе туда со всѣмъ семействомъ? Изъ двухъ золъ, послѣднее признано было болѣе сноснымъ и потому рѣшено, что я поѣду одинъ и приготовлю помѣщеніе для семейства. Простясь съ Минскомъ, часовъ черезъ 15 я очутился въ Вильнѣ, гдѣ, къ счастію моему, мнѣ приготовлена была отъ города удобная и прилично меблированная квартира—весь бель-этажъ дома Кунца, противъ собора св. Николая, о чемъ я и увѣдомилъ жену, которая не замедлила пріѣхать въ Вильну.

Предсѣдателя коммиссіи, флигель-адъютанта Назимова, я незасталъ въ Вильнѣ, а генералъ-губернаторъ, Ѳедоръ Яковлевичъ Мирковичъ, и мой окружный генералъ приняли меня чрезвычайно благосклонно. Оба они увѣрили меня, что порученное слѣдственной коммиссіи *дѣло* государственной важности *приближается къ концу*, но что оно требуетъ приведенія его въ систему посредствомъ внимательнаго разбора неисполненныхъ бумагъ и захваченной у арестантовъ переписки. При этомъ Ѳе-

---

[1]) Ровно черезъ 15 лѣтъ мнѣ пришлось съ могилевскимъ товарищемъ встрѣтиться въ К., гдѣ онъ былъ губернаторомъ, а я предсѣдателемъ Казенной Палаты. Роли наши измѣнились.

доръ Яковлевичъ упомянулъ, что дѣлопроизводитель коммиссіи (и вмѣстѣ секретарь моего окружнаго начальника) Стратановичъ до того лѣнивъ, что какъ-бы изъ милости занимается въ коммиссіи, и слегка намекнулъ на то, что считалъ бы особенно полезнымъ для успѣха дѣла, еслибъ вмѣстѣ съ званіемъ члена, я согласился принять на себя и обязанность дѣлопроизводителя коммиссіи.

Незнакомый съ дѣломъ и напуганный ожидавшими меня въ коммиссіи безпорядками и упущеніями, я уклонился отъ косвенно предложеннаго мнѣ назначенія, по крайней мѣрѣ на первое время, но обѣщалъ всмотрѣться въ дѣло, не думать чужою головой и работать столько, сколько позволятъ мнѣ физическія и нравственныя силы мои.

На другой день, отправляясь въ коммиссію, зашелъ я въ Никольскій соборъ. Какое-то безотчетно тяжелое чувство давило сердце мое, когда я переступалъ за порогъ монастыря, обращеннаго во временную тюрьму политическихъ преступниковъ. Если замыслы ихъ обнаружены, если степень участія въ нихъ приведена въ извѣстность, то къ чему послужитъ тутъ мое присутствіе, подумалъ я? Смотритель и жандармы темными коридорами провели меня въ бывшія келіи настоятеля, въ которыхъ помѣщалось присутствіе коммиссіи. Въ двухъ первыхъ комнатахъ не нашелъ я никого, кромѣ писарей, а въ третьей меня ожидало самое возмутительное зрѣлище! Два господина въ вицъ-мундирахъ, одинъ пожилой, съ сѣдиною, орденомъ на шеѣ и большими черными глазами, въ которыхъ выражалось что-то слишкомъ черствое, злое, а другой молодой, приглаженный, съ веселымъ, открытымъ и глуповатымъ лицомъ, стояли рядомъ, безпрестанно понукая какого-то смазливаго и чисто-одѣтаго мальчишку уличать въ чемъ-то стоявшаго къ нему лицомъ и закованнаго въ кандалы молодого человѣка, въ которомъ я скоро узналъ бывшаго ученика Минской гимназіи Рокицкаго [1]).

Поклонясь слегка гг. членамъ, изъ которыхъ старшій, какъ оказалось, былъ совѣтникъ губернскаго правленія Анисимовъ, а младшій, чиновникъ Покровскій, привезенный генералъ-губернаторомъ изъ Петербурга, я остановился и принялся наблюдать

[1]) Этотъ Рокицкій потому замѣченъ былъ мною на одномъ изъ гимназическихъ экзаменовъ въ Минскѣ, что превосходно нарисовалъ географическія карты на изданныхъ мною въ 1835 г. сѣтяхъ, которыя, въ свое время, признаны были полезнымъ учебнымъ пособіемъ для занимающихся географіей и, съ высочайшаго соизволенія, были лично поднесены и объяснены мною Его Императорскому Высочеству, нынѣшнему предсѣдателю Географическаго общества.

за тѣмъ, что̀ тутъ происходило. Смазливый мальчикъ съ полуулыбкой, какъ-бы по заказу, толковалъ о чемъ-то Рокицкому и какъ-бы уличалъ его, а этотъ, съ выраженіемъ глубочайшаго презрѣнія смотрѣлъ изподлобья и упорно молчалъ. Такъ прошло минуты двѣ или три. «Почему, Рокицкій, вы ничего не отвѣчаете, спросилъ я его? — «Да помилуйте, полковникъ, сказалъ онъ: что̀ буду я отвѣчать, если меня спрашиваютъ о какомъто заговорѣ или тайномъ обществѣ, когда я объ нихъ не имѣю ни малѣйшаго понятія и скорѣе соглашусь идти на плаху, чѣмъ лгать? Я разсказалъ уже откровенно, прибавилъ Рокицкій, обо всемъ, что̀ понудило меня разстаться съ родиной и рѣшиться на побѣгъ за границу. При этомъ я сдѣлалъ письменно такія признанія, которыхъ слишкомъ достаточно для того, чтобы приговорить меня, какъ преступника, къ висѣлицѣ, а отъ меня, не довольствуясь этимъ, давно уже добиваются признанія въ такихъ вещахъ, которыхъ я и во снѣ не видалъ. Кромѣ того, добавилъ онъ съ горькою улыбкой, не угодно ли посмотрѣть, какъ со мной обходятся, какъ меня спрашиваютъ? за двѣ минуты до вашего появленія, г. Анисимовъ, схвативъ меня за волосы, толкнулъ головою въ стѣну и обозвавъ неприличными словами, плюнулъ мнѣ въ лицо!... Неужели это не пытка? Неужели законы русскіе позволяютъ такимъ образомъ издѣваться надъ беззащитнымъ и вымогать у него признаніе въ небываломъ преступленіи?!!.. Скорѣе бы—одинъ конецъ,» заключилъ Рокицкій, и утеръ рукавомъ слезы!...

Пробормотавъ что-то въ отвѣтъ Рокицкому, чтобы сколько-нибудь скрыть отъ него взрывъ негодованія, произведенный на меня его разсказомъ, *на который никто не возразилъ*, я отворилъ двери въ слѣдующую комнату и учтиво пригласилъ гг. членовъ пожаловать за мной. Когда мы остались втроемъ, я признался моимъ новымъ товарищамъ, что никакъ не ожидалъ на первомъ же шагу наткнуться на подобную сцену и услышать жалобы въ родѣ тѣхъ, какая заявлена Рокицкимъ и, къ удивленію моему, *не вызвала съ ихъ стороны никакихъ возраженій!* На это г. Анисимовъ, принявъ важную позу, съ насмѣшливою улыбкою отвѣчалъ мнѣ, что я, какъ новичокъ въ дѣлахъ этого рода, не долженъ забывать, что здѣсь производится слѣдствіе не о публичномъ скандалѣ, не о карманщикѣ, пойманномъ съ поличнымъ и не объ украденной коровѣ, которою, быть можетъ, разговѣлись голодные солдатики, но о событіи чрезвычайномъ, угрожающемъ неминуемою опасностью всему государству, и что затѣмъ онъ, какъ человѣкъ слишкомъ опытный въ дѣлахъ политическихъ, проситъ меня уволить ихъ отъ непужныхъ замѣ-

чаній и наставленій, какимъ образомъ должны они дѣйствовать для требуемаго отъ нихъ г. генералъ-губернаторомъ раскрытія всѣхъ нитей огромнаго заговора, слишкомъ далеко пустившаго свои ядовитые корни и проникнувшаго даже въ войска!—Этимъ категорическимъ отвѣтомъ г. Анисимовъ видимо надѣялся вдругъ осадить и образумить меня, и тотчасъ же озаботился задобрить меня увѣреніемъ, что хотя порученное коммиссіи дѣло приведено уже къ окончанію и, стало быть, я пріѣхалъ что̀ называется къ шапочному разбору, но и меня, наравнѣ съ другими, ожидаетъ награда.

Тутъ мнѣ пришлось увѣрять моихъ товарищей, что я вполнѣ понимаю ихъ патріотическія стремленія, высоко цѣню ихъ, но слишкомъ далекъ отъ желанія пользоваться незаслуженными наградами и не только не искалъ чести быть членовъ политической коммиссіи, но всѣми мѣрами старался отдѣлаться отъ этого назначенія, а если, къ сожалѣнію, не успѣлъ въ этомъ, то пусть винятъ не меня, а мое начальство. Пусть, если угодно, уволятъ меня хоть сейчасъ; но пока я буду носить званіе члена, никому и ни въ какомъ случаѣ, не позволю въ моемъ присутствіи не только безчеловѣчнаго, грубаго, но и неучтиваго обращенія съ арестантами, хотя бы они упорнымъ запирательствомъ своимъ и дѣйствительно тормозили успѣхъ столь важнаго государственнаго дѣла. Въ противномъ случаѣ буду просить объ увольненіи меня отъ обязанности члена коммиссіи и непремѣнно доведу до свѣдѣнія г. шефа жандармовъ о причинѣ, заставившей меня искать увольненія, въ полномъ убѣжденіи, что государю чрезвычайно прискорбно было бы узнать, какъ безчеловѣчно обходятся здѣсь съ обвиняемыми, но еще не обвиненными арестантами!

Разговоръ мой, довольно долго продолжавшійся на эту тему, былъ конечно переданъ въ тотъ же день генералъ-губернатору его домашнимъ человѣкомъ Покровскимъ и по всей вѣроятности въ искаженномъ смыслѣ, потому что какъ Ѳедоръ Яковлевичъ, такъ и генералъ Фрейгангъ, при первомъ удобномъ случаѣ, дали мнѣ понять, чтобы я не слишкомъ увлекался чувствомъ неумѣстнаго состраданія къ преступникамъ и остерегался дѣйствовать односторонно. При всемъ благородствѣ правилъ моего окружнаго начальника, онъ, какъ вскорѣ убѣдился я, довольно снисходительно смотрѣлъ на предосудительный образъ дѣйствій Анисимова, котораго считалъ особенно искуснымъ знатокомъ дѣла и пламеннымъ патріотомъ, и въ разговорѣ со мною, хотя и въ шутку, но сказалъ мнѣ однажды: «объясните, пожалуйста, Асинкритъ Ивановичъ, что вы за адвокатъ поля-

ковъ?» «Я не адвокатъ поляковъ, было отвѣтомъ, но защитникъ невиннаго, кто бы онъ ни былъ, и такой защитникъ, который не способенъ скрыть преступленіе родного брата своего [1]).»

Какъ бы то ни было, но не только главный двигатель дѣла, г. Анисимовъ, и рабски подражавшій ему г. Покровскій, въ которомъ сквозь напускной лоскъ свѣтскости ясно проглядывали угловатые бурсацкіе пріемы, но и остальные члены коммиссіи не совсѣмъ дружелюбно относились ко мнѣ, какъ къ особѣ, такъ смѣло посягнувшей на порицаніе принятаго ими метода дѣйствій, особенно полковникъ Н. и дѣлопроизводитель Стратоновичъ, съ которыми читатель познакомится позднѣе, а остальной членъ коммиссіи, армейскій подполковникъ К., игралъ роль нейтральную, никогда и ничему не удивлялся, всему вѣрилъ, не вмѣшивался въ спорные вопросы и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія ни на ходъ дѣла, ни на веселые разсказы Покровскаго о вчерашнемъ преферансѣ и долго задержавшихъ его сегодня генералъ-губернаторскихъ блинахъ съ только-что привезенною съ Урала свѣжею икрою. Этотъ К., съ невозмутимымъ спокойствіемъ, прочитывалъ бывало журналы и протоколы коммиссіи и наставивъ на удачу нѣсколько лишнихъ запятыхъ, очень бойко и красиво подписывалъ свой чинъ и фамилію въ томъ мѣстѣ, которое неоспоримо принадлежало ему по табели о рангахъ. Этотъ почтенный, скромный, пожилой, но красивый, а можетъ быть, и очень храбрый, военный человѣкъ никогда не отказывался присутствовать при допускавшихся, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, свиданіяхъ больныхъ арестантовъ съ ихъ женами и дѣтьми, хотя правду сказать, что при немъ не только на польскомъ или французскомъ, но и на родномъ русскомъ языкѣ, можно было мѣняться мыслями такъ, чтобы онъ ничего не понялъ.

Таковы были отношенія мои съ новыми сотрудниками и такъ обрисовалась неожиданно принятая мною роль строгаго критика дѣйствій моихъ товарищей.

II.

Между тѣмъ, желая до возвращенія изъ Петербурга предсѣдателя коммиссіи ознакомиться сколько-нибудь съ тѣмъ положеніемъ дѣла, въ которомъ застало его мое появленіе, я про-

[1]) Изъ рапорта подполковника Ломачевскаго генералу Фрейгангу, отъ 18-го іюня 1841 года, за № 45.

силъ моихъ товарищей сказать мнѣ, за что́ именно прежде всего долженъ я взяться, чтобы скорѣе изучить смыслъ и положеніе дѣла?—Вамъ стóитъ только, отвѣчали они, взглянуть на дерзкія лица главнѣйшихъ государственныхъ преступниковъ и со вниманіемъ прочитать сперва отпускъ съ увезеннаго въ Петербургъ предсѣдателемъ Назимовымъ краткаго обзора трудовъ и открытій коммиссій, а потомъ подлинныя показанія раскаявшихся молодыхъ людей Павловскаго и Заливаки и стараго слуги профессора Мяновскаго, Пашковскаго, и вы удостовѣритесь, что коммиссія сдѣлала большую услугу правительству. Вы тотчасъ увидите, какъ въ зеркалѣ, всѣ низкія продѣлки этихъ безсовѣстныхъ, этихъ закоренѣлыхъ крамольниковъ, и несомнѣнныя доказательства существованія затѣяннаго ими огромнаго заговора, глубоко и неимовѣрно далеко пустившаго свои корни и угрожающаго опасностью престолу русскаго монарха!

Послушавшись добраго совѣта, я прочиталъ съ большимъ вниманіемъ сперва мастерски изложенный общій обзоръ дѣла, а потомъ и разновременно данныя показанія какъ раскаявшихся, такъ и ни въ чемъ не сознавшихся преступниковъ и позволилъ себѣ заявить мое недоумѣніе о томъ, какимъ образомъ произошло, что нѣкоторыя изъ собственноручныхъ показаній молодыхъ людей, мало знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, и даже объясненія безграмотнаго слуги профессора Мяновскаго, написаны хорошимъ слогомъ, съ употребленіемъ такихъ выраженій, точный смыслъ которыхъ недоступенъ мальчикамъ, а тѣмъ болѣе невѣждѣ Пашковскому, а остальныя ихъ же показанія изложены безтолково, несвязно, сбивчиво и вполнѣ по-дѣтски? На это отвѣчалъ мнѣ г. Анисимовъ, что члены коммиссіи, при допросахъ арестантовъ, гнались только за сущностью показаній, а отнюдь не за слогомъ, который въ болѣе важныхъ показаніяхъ исправляли сами и давали потомъ переписывать арестантамъ. На это я не возражалъ и не говорилъ моимъ товарищамъ о впечатлѣніи, произведенномъ на меня обходомъ арестантскихъ камеръ и выслушаніемъ жалобъ, которыми меня засыпали. Притомъ, я не прежде рѣшился взглянуть на физіономіи арестантовъ, какъ ознакомясь предварительно съ падающими на нихъ обвиненіями и объясненіями, данными на предложенные имъ вопросы. Мнѣ нельзя было не предвидѣть, что при появленіи новаго члена коммиссіи каждый изъ арестованныхъ непремѣнно пожелаетъ говорить со мною и вывѣдать мой взглядъ на дѣло, и потому я приготовился уклоняться отъ всякихъ объясненій. Помню только, что всѣ вообще арестованныя лица показались мнѣ болѣе раздраженными, а особенно полковникъ Богдановичъ, про-

фессоры Мяновскій [1]), Велькъ, русскій чиновникъ Чигаревъ и военные офицеры. Богдановичъ, напримѣръ, жаловался, что, не взирая на пролитую имъ за отечество кровь и взятый съ бою георгіевскій крестъ, его давно мучатъ, держатъ въ казематѣ по безсмысленному и совершенно бездоказательному оговору какимъ-то уличнымъ мальчишкою въ принадлежаніи къ преступному заговору. Сосѣдъ Богдановича, изнуренный болѣзнію и тяжкой разлукой съ восемнадцати-лѣтнею женой, профессоръ Велькъ съ запальчивостью требовалъ объявить ему, долго ли еще продлятся ничѣмъ не заслуженныя его страданія? Обросшій бородою и длинными ногтями Мяновскій показался мнѣ если не сумасшедшимъ, то близкимъ къ помѣшательству: онъ быстрыми шагами прохаживался по своей камерѣ, иногда что-то бормоталъ и часто останавливался для перекладыванія съ одного мѣста на другое сотни булокъ, симметрически расположенныхъ по деревяннымъ перекладинамъ окна, замѣнявшимъ желѣзную рѣшетку. Потомъ, какъ-бы очнувшись, вперилъ въ меня глаза и наморщивъ брови, спросилъ: «вы, вмѣстѣ съ палачомъ Анисимовымъ, считаете меня виновнымъ?» На отвѣтъ: «къ сожалѣнію, не сомнѣваюсь въ этомъ», — онъ горько захохоталъ и еще быстрѣе сталъ бѣгать изъ угла въ уголъ! Не говорю о Чигаревѣ, арестованныхъ Кусковскимъ студентахъ и военныхъ офицерахъ: всѣ они умоляли не о пощадѣ, но о добросовѣстномъ и безотлагательномъ разрѣшеніи ихъ жалкой участи. Но когда я познакомился съ содержаніемъ обвиненій и съ данными на нихъ отвѣтами, я замѣтилъ своимъ товарищамъ по коммиссіи, что въ показаніяхъ Заливаки, относительно пребыванія въ Вильнѣ эмиссара Залѣсскаго, какъ несомнѣннаго факта, на который опираются всѣ доказательства дѣйствительнаго существованія заговора, видна непостижимая несообразность и натяжка: сперва сказано, что *онъ, Заливака, припоминаетъ о слухѣ*, будто эмиссаръ Адольфъ Залѣсскій жилъ въ Вильнѣ и во время казни Канарскаго былъ *на лобномъ мѣстѣ*, подходилъ къ нему и даже шептался съ нимъ. Позднѣе, тотъ же Заливака разсказывалъ, что ему самому случалось иногда встрѣчать Залѣсскаго въ квартирѣ Возняковскаго (почему же онъ не началъ съ этого? почему упомянулъ о слухахъ?); наконецъ онъ же увѣрялъ, что Залѣсскій не только былъ знакомъ съ Возняковскимъ, но даже жилъ у него нѣсколько дней, а какъ Заливака, въ свою очередь, постоянно квартировалъ вмѣстѣ съ Возняковскимъ въ Базиліанскомъ монастырѣ, то ему нечего было *припоминать* о слухахъ насчетъ

[1]) Извѣстный впослѣдствіи докторъ въ Петербургѣ.

пребыванія въ Вильнѣ Адольфа Залѣсскаго, если онъ квартировалъ съ нимъ вмѣстѣ.

Члены коммиссіи, нисколько не отрицая отсутствія смысла въ этихъ важныхъ показаніяхъ Заливаки, возразили мнѣ однако-жъ, что если я вздумаю требовать подобныхъ этому разъясненій отъ раскаявшихся преступниковъ, то рискую *испортить* все дѣло, стоившее имъ неимовѣрныхъ трудовъ и усилій въ продолженіи почти цѣлаго года. Я отвѣчалъ, что не могу дать полной вѣры такимъ показаніямъ, которыя противурѣчатъ здравому смыслу и ничѣмъ не подкрѣпляются.—Да развѣ лучше, отвѣчали мнѣ, если замѣчаніями вашими вы собьете съ толку сознавшихся арестантовъ и заставите ихъ отпереться отъ всѣхъ сдѣланныхъ ими показаній?—Если сознаніе преступниковъ искренне, отвѣчалъ я, если они чистосердечно раскаялись и желаютъ сколько-нибудь загладить вину свою откровеннымъ признаніемъ, то требованіе дополнительныхъ разъясненій не можетъ и не должно испугать ихъ и испортить дѣло, но если, паче чаянія, они почему-либо лгали, то признаніе ихъ можетъ еще спасти не основательно вовлеченныхъ въ дѣло лицъ, которыя безвинно томятся въ строгомъ заключеніи. Въ этомъ случаѣ — чѣмъ скорѣе послѣдуетъ это признаніе, тѣмъ лучше.

— Читайте дальше, отвѣчалъ мнѣ г. Анисимовъ, и вы сами убѣдитесь, что требованіе дополнительныхъ объясненій вовсе не нужно; что существованіе открытаго нами заговора и тайнаго общества и безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Неужели вы думаете, продолжалъ онъ, что нашъ генералъ-губернаторъ, безъ разрѣшенія котораго никто нами арестованъ не былъ, менѣе васъ справедливъ и не умѣетъ постоянно и зорко слѣдить за ходомъ производимаго нами дѣла, за которое и вы, повторилъ онъ, получите награду, хотя подоспѣли къ самому концу его?

Тщетно повторялъ я мои возраженія, что отнюдь не думаю о незаслуженной наградѣ, но если добиваюсь разъясненія того, что̀ нахожу неяснымъ, непонятнымъ, а иногда и вовсе безсмысленнымъ, то единственно изъ опасенія, чтобы вмѣстѣ съ виновными не пострадали невинные, и дѣлаю это въ полномъ убѣжденіи, что государю не нужны жертвы, нужна одна правда; что подозрѣніе, не подкрѣпленное фактами, ни въ какомъ случаѣ не должно служить основаніемъ къ принятію строгихъ мѣръ, а тѣмъ болѣе къ лишенію свободы лицъ по одному лишь сомнѣнію въ ихъ неблагонамѣренности къ правительству; что для блага общаго столько же полезно безпощадно преслѣдовать виновныхъ, сколько вредно неосновательно обвинять невинныхъ.

Мнѣ отвѣчали на это новымъ намекомъ на мою неопытность и совѣтывали принять въ соображеніе, что чѣмъ выше преступленіе и чѣмъ ужаснѣе ожидаемая за него отвѣтственность, тѣмъ искуснѣе оно прикрывается и тѣмъ труднѣе человѣку неопытному склонить преступниковъ къ сознанію, безъ котораго, впрочемъ, можно обойтись, когда существуютъ улики.

— Поэтому-то, объясняли члены коммиссіи, не совѣтуемъ вамъ портить дѣло, добиваясь ненужныхъ разъясненій. Если только дать малѣйшій поводъ думать сознавшимся преступникамъ, что заговоръ, въ принадлежаніи къ которому они сознались, могъ и не существовать вовсе, они обрадуются случаю, избавляющему ихъ отъ тяжкой обязанности уличать другихъ, охотно отопрутся отъ своихъ показаній, и тогда правительству нашему угрожаетъ величайшая опасность, а враги его, на погибель русскимъ, восторжествуютъ. Наконецъ — если всѣ открытія, сдѣланныя коммиссіей и основанныя на чистосердечныхъ сознаніяхъ раскаявшихся преступниковъ, недостаточны для того, чтобы убѣдиться въ существованіи заговора, стоитъ только, заключилъ г. Анисимовъ, взглянуть на дѣйствія Тьера и египетскаго паши, прочитать издаваемый въ Парижѣ журналъ 3-го мая и брошюру «Юная Польша», и тогда будетъ ясно, что заговоръ охватилъ не одну Россію, но и всю Европу и даже Египетъ. Не надо забывать, что это говорилось въ 1841-мъ году, когда о политикѣ судить было трудно.

На подобныя этимъ фразы, которыми любилъ щеголять г. Анисимовъ, отвѣчать было не трудно, но по обстоятельствамъ видно было, что эти споры и мои возраженія постоянно передавались генералъ-губернатору и, всего вѣроятнѣе, въ самомъ искаженномъ видѣ и односторонно. Много основанія предполагать, что и возвратившемуся изъ Петербурга флигель-адъютанту Назимому, по происканъ тѣхъ же моихъ товарищей, я былъ рекомендованъ за человѣка, который для того только, чтобы выставиться, порисоваться передъ другими, готовъ кассировать все, что сдѣлано до его появленія въ коммиссіи и потому только, что оно сдѣлано безъ его участія.

При первомъ свиданіи моемъ съ Назимовымъ, я услышалъ отъ него комплименты и увѣренія, что, по общему убѣжденію главнаго начальника края и его собственному, содѣйствіе мое въ трудахъ коммиссіи принесетъ существенную пользу. Къ этому полковникъ Назимовъ прибавилъ, что шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ, отпуская его изъ С.-Петербурга, увѣрилъ, что съ прибытіемъ моимъ въ коммиссію, окончательно устранится надобность въ командированіи въ составъ ея опытнаго сенат-

скаго оберъ-секретаря, чего, какъ я уже сказалъ, добивался флигель-адъютантъ Назимовъ. Я, съ своей стороны, разсказалъ ему обо всемъ, что̀ успѣлъ замѣтить въ дѣйствіяхъ коммиссіи и въ чемъ могъ убѣдиться изъ первоначальнаго и конечно поверхностнаго обзора главнѣйшихъ отраслей порученнаго ей дѣла. Назимовъ, выслушавъ замѣчанія мои, благодарилъ меня за ту осторожность, съ которою я отношусь къ дѣлу, совершенно для меня новому. Мы разстались. Но на другой день, при свиданіи съ Владиміромъ Ивановичемъ, я замѣтилъ въ немъ легкій оттѣнокъ перемѣны. Онъ сдѣлался со мною довольно сухъ, видимо присматривался ко мнѣ и осторожно взвѣшивалъ всѣ мои замѣчанія. Это однако-жъ не остановило меня подать ему рапортъ о необходимости воздержаться дальнѣйшими допросами арестантовъ и производствомъ заведенныхъ коммиссіею особыхъ дѣлъ до разъясненія найденныхъ мною противурѣчій и несообразностей и до приведенія въ порядокъ и положительную извѣстность множества неисполненныхъ предписаній начальства и разбора захваченныхъ при арестованіи нѣкоторыхъ лицъ принадлежащихъ имъ бумагъ, писемъ и книгъ. Предсѣдатель вполнѣ одобрилъ мое предложеніе и на другой же день поручилъ всѣмъ наличнымъ членамъ общими силами заняться разборомъ и распредѣленіемъ бумагъ, причемъ въ валявшихся на полу узлахъ съ бѣльемъ, книгами и платьемъ арестантовъ и между разложенными на полкахъ шкафовъ кипами исполненныхъ и неисполненныхъ оффиціальныхъ бумагъ найдены были принадлежащія арестантамъ деньги въ количествѣ болѣе 200 рублей, пистолетныя пули, разбитые серебряные часы и т. п.

Мало-по-малу бумаги приведены были въ нѣкоторый порядокъ, дополнены входящій и исходящій журналы, заведенъ настольный реестръ и составлены списки арестантовъ по категоріямъ, сдѣлана также опись производимыхъ коммиссіею дѣлъ, а дѣлопроизводителю Стратановичу, по настоятельной просьбѣ предсѣдателя, присланъ былъ усердный и трудолюбивый помощникъ, г. Лукьяновъ; для перевода же съ польскаго на русскій языкъ чѣмъ-либо замѣчательныхъ бумагъ учрежденъ особый комитетъ изъ лицъ, на благонадежность которыхъ можно было вполнѣ положиться. Такимъ образомъ, исправленъ былъ собственно канцелярскій порядокъ. Оставалось повѣрить, какъ велись самыя дѣла.

III.

По приведеніи дѣла въ порядокъ, г. предсѣдатель пожертвовалъ по моей просьбѣ еще нѣсколькими днями на чтеніе, въ общемъ присутствіи, и критическій разборъ какъ главнѣйшихъ показаній сознавшихся въ преступленіяхъ арестантовъ и возраженій оговоренныхъ ими лицъ, такъ и всѣхъ предписаній, данныхъ начальствомъ въ руководство коммиссіи.

При чтеніи этомъ, которое было вмѣстѣ и разборомъ прежнихъ дѣйствій коммиссіи, мнѣ поручено было записывать замѣчанія относительно всего, что было упущено изъ виду и касалось неразъясненныхъ обстоятельствъ, разнорѣчій въ показаніяхъ и вообще того, что предсѣдателемъ или кѣмъ-либо изъ гг. членовъ признавалось заслуживающимъ вниманія и требующимъ дальнѣйшаго объясненія. Когда при этомъ чтеніи дошла очередь до оговора профессора Велька въ принадлежаніи его къ заговору и въ присылкѣ имъ пищи содержавшемуся въ полиціи эмиссару Адольфу Залѣсскому, г. предсѣдатель возбудилъ чрезвычайно интересный и мѣткій вопросъ о томъ, если Вельвъ дѣйствительно зналъ что-либо о заговорѣ, или могъ опасаться быть привлеченнымъ къ слѣдствію, то чѣмъ объяснить его непростительную неосторожность, заключающуюся въ томъ, что будучи уволенъ въ заграничный отпускъ и, выѣхавъ съ молодою женой изъ Вильны послѣ начала слѣдствія, онъ возвратился на родину ранѣе окончанія срока даннаго ему отпуска? Кромѣ того флигель-адъютантъ Назимовъ замѣтилъ: неужели Вельвъ, въ виду угрожавшей ему опасности, не распорядился бы заблаговременно продать принадлежащій ему каменный домъ въ центрѣ Вильны и не взялъ бы обратно хранившагося въ опекунскомъ совѣтѣ въ именныхъ билетахъ значительнаго капитала? На это всѣ прежніе члены единогласно возразили Владиміру Ивановичу, что въ этомъ-то и заключается тонкая хитрость опытнаго заговорщика. Вельвъ, по ихъ мнѣнію, не продалъ дома и не вынулъ капитала именно для того, чтобы въ случаѣ нужды можно было прикинуться невиннымъ, сославшись на непринятіе мѣръ къ своему матеріальному обезпеченію. Искренно ли было ихъ убѣжденіе и насколько оно было логично, вопросъ этотъ остался тогда неразрѣшеннымъ.

Чтеніе наше продолжалось съ недѣлю и послужило къ окончательному ознакомленію моему съ сущностію и взаимной связью всѣхъ отраслей дѣла и къ освѣженію въ памяти прочихъ членовъ тѣхъ подобныхъ обстоятельствъ и подробностей, на кото-

рыя прежде не было обращено ими должнаго вниманія. Безъ этой подготовки мнѣ невозможно было идти впередъ и дѣйствовать самостоятельно.

И вотъ, въ какомъ видѣ представилось намъ главное дѣло, возбужденное поимкою въ Юрбургѣ двухъ студентовъ и одного гимназиста, намѣревавшихся уйти за границу: въ первоначальныхъ показаніяхъ Возняковскаго, Рокицкаго и Павловскаго (данныхъ 2-го и 3-го мая 1840-го года) объяснялось, что всѣ они рѣшились на побѣгъ безъ всякой опредѣленной и обдуманной цѣли, въ надеждѣ встрѣтить участіе къ нимъ въ землякахъ, подобно имъ оставившихъ родину и съ помощью ихъ найти средства къ жизни. Намѣреніе свое они тщательно скрывали, никому о немъ не объявляя, изъ опасенія огласки. Изъ нихъ Возняковскій, сознаваясь вполнѣ въ непреодолимой ненависти его къ русскимъ вообще и къ нашему правительству въ особенности, объяснялъ, что главнѣйшею приманкою его бѣжать за границу была надежда напечатать тамъ свое твореніе «Вильянку» и тѣмъ стяжать себѣ громкую извѣстность между поляками, подобно ему, ненавидящими русскихъ. Онъ признался также, что, опасаясь бѣжать одинъ, успѣлъ склонить къ побѣгу двухъ остальныхъ товарищей. Рокицкій, не менѣе Возняковскаго ожлобленный на правительство и подобно ему возстававшій противъ деспотической власти, причину своего побѣга объяснялъ тѣми же мотивами, какъ и Возняковскій, а третій товарищъ ихъ, ученикъ гимназіи Павловскій, побѣгъ свой приписывалъ излишней строгости гимназическаго начальства и невозможности удовлетворять превышавшія силы его требованія преподавателей. Первымъ дѣйствіемъ слѣдственной коммиссіи было, какъ показало дѣло, немедленно арестовать тѣхъ изъ товарищей Возняковскаго, которымъ, по словамъ его, случалось читать поэму Вильянку, или которые помѣщались съ нимъ въ одной камерѣ и потому были знакомы съ образомъ мыслей его.

При строжайшихъ обыскахъ, которыми сопровождалось арестованіе товарищей Возняковскаго и Рокицкаго, у нихъ отбирали частныя письма знакомой имъ молодежи. Между этими письмами оказывались и такія, которыя изобличали корреспондентовъ въ предосудительномъ и особенно вредномъ образѣ мыслей. Такъ у студента Петкевича было найдено письмо изъ дворянъ рядового костромскаго егерскаго полка Побаевскаго, изобличавшее его въ преступномъ настроеніи противъ особы Государя Императора. Побаевскій, тотчасъ же по арестованіи его, признавъ найденное у Петкевича письмо за свое, показалъ что юнкеръ симбирскаго егерскаго полка, Гасманъ, и рядовые ко-

стромскаго полка Андржейковичъ и Дмуховскій болѣе или менѣе раздѣляли образъ мыслей его. Оговоренные Побаевскимъ молодые люди, послѣ обыска и доставленія въ Вильну, подвергнуты были аресту.

Въ захваченныхъ у нихъ бумагахъ находили, въ свою очередь, имена другихъ личностей, у которыхъ, по требованію коммиссіи, также производились строгіе обыски и если при этомъ случалось находить у нихъ запрещенныя книги, или двусмысленное выраженіе въ письмѣ, ихъ хватали и, по привозѣ въ Вильну, подвергали сперва аресту, а потомъ строжайшему допросу о связяхъ *съ злоумышленниками и о какомъ-то заговорѣ*. Послѣ отобранія первоначальныхъ отвѣтовъ привлеченные къ дѣлу, но ни въ чемъ не обличаемые, вмѣсто освобожденія сажались въ отдѣльные казематы съ тою цѣлью, *чтобы преждевременнымъ* (по словамъ членовъ коммиссіи) *освобожденіемъ не повредить дальнѣйшему успѣху дѣла*, а показанія ихъ пріобщались къ прочимъ.

Можно представить себѣ, какъ быстро разнеслась повсюду вѣсть о новыхъ арестахъ въ Вильнѣ, куда ежедневно подвозились съ жандармами новыя лица и запирались въ казематы, надъ дверьми которыхъ вывѣшивалась обыкновенно черная доска съ громкою надписью: *государственный преступникъ такой-то*.

Около этого времени, и именно 7-го мая, ректоръ виленской медико-хирургической академіи Кучковскій, вошелъ съ представленіемъ къ генералъ-губернатору, въ которомъ, *оправдываясь противъ принесенныхъ на него жалобъ* на дурное содержаніе воспитанниковъ, увѣрялъ его, *что подписавшіеся на прошеніи студенты самаго возмутительнаго духа* и что у особенно подозрительныхъ онъ счелъ нужнымъ сдѣлать *повальный обыскъ*, при которомъ хотя не найдено явныхъ доказательствъ тайнаго заговора, но у многихъ оказались бумаги, *исполненныя* вольнодумствомъ и воспоминаніями бывшаго мятежа, навлекающія на нихъ подозрѣніе въ принадлежаніи къ тайному обществу, *можетъ быть* (!!!), внѣ академіи существующему, и сверхъ того, въ бумагахъ одного изъ нихъ, Машевскаго, найдено было при обыскѣ особенно подозрительное выраженіе: *бунтъ ночи*. Къ донесенію этому Кучковскій приложилъ списокъ 17-ти неблагонадежныхъ студентовъ, убѣдительно требуя ихъ ареста и въ списокъ этотъ добавилъ бѣглецовъ Возняковскаго и Рокицкаго.

Всѣ эти молодые люди, на первоначальномъ допросѣ показали, что знали Возняковскаго и Рокицкаго, какъ товарищей по академіи, а нѣкоторые изъ нихъ добавили, что слышали о его Вильянкѣ, но ни къ заговору, ни къ тайному обществу

никогда не принадлежали и о существованіи ихъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, а между тѣмъ, изъ предписанія генералъ-губернатора, при которомъ присланы были въ коммиссію захваченныя у нихъ бумаги, сказано было начальникомъ края «что онъ, *подозрѣвая, что духъ академіи въ какой-либо связи съ дѣломъ о побѣгѣ 3-хъ студентовъ, поставляетъ въ обязанность коммиссіи изслѣдовать источникъ возмутительнаго духа, поселившагося между воспитанниками академіи и раскрыть всѣ отрасли подозрѣваемыхъ тайныхъ обществъ*» [1]).

Въ виду такого убѣжденія генералъ-губернатора, коммиссія конечно не могла повѣрить вновь арестованнымъ молодымъ людямъ на слово, что они невинны, не могла также не уважить засвидѣтельствованія ближайшаго начальника ихъ Кучковскаго, но при всемъ томъ не сочла себя вправѣ, оставя въ сторону всѣ прочія отрасли дѣла, заняться исключительно новыми 17-ю арестантами (изъ которыхъ впрочемъ пятерыхъ вскорѣ освободила), а потому ограничилась первоначальными ихъ объясненіями и неуспѣвъ далѣе разобрать захваченныхъ у нихъ бумагъ, отложила трудъ этотъ до болѣе удобнаго времени, а молодыхъ людей, для отнятія возможности къ стачкѣ, разсадили по отдѣльнымъ казематамъ.

Такимъ образомъ, переписка распложалась, — число арестованныхъ возрастало съ каждымъ днемъ и пополняло стѣны бывшаго базиліанскаго монастыря, но самое дѣло нисколько не подвигалось впередъ, нисколько не уяснялось и все еще не оправдывало возбужденныхъ доносомъ Кучковскаго догадокъ и подозрѣній начальства о существованіи заговора, потому что общій смыслъ показаній большей части арестованныхъ лицъ ничего иного не доказывалъ, какъ только давно извѣстную правительству и высосанную съ молокомъ матери болѣзнь края — ненависть поляковъ къ русскимъ, ненависть побѣжденныхъ къ побѣдителямъ и болѣе или менѣе основательныя жалобы молодыхъ людей на претерпѣваемыя ими за то только, что они католики, лишенія, стѣсненія и несправедливости, допущеніе которыхъ, по ихъ неопытности, они приписывали иниціативѣ самого государя.

Всѣ труды, всѣ усилія слѣдователей и то напряженное вниманіе, съ какимъ взвѣшивалось каждое, сколько-нибудь подозрительное выраженіе, каждое двусмысленное слово, находимое въ бумагахъ главнѣйшихъ арестантовъ, оказывались тщетными

---

[1]) Подлинныя слова генералъ-губернатора въ донесеніи военному министру, отъ 21 мая 1840 года, за № 319.

и ничего новаго не обнаруживали. Судя по ходу дѣла, видно, что члены коммиссіи, за исключеніемъ главнаго руководителя слѣдствія Анисимова, который съ увлеченіемъ занимался исключительно допросами, до того растерялись, что убивая безполезно время, рѣшительно не знали, за что имъ приняться для выполненія категорически предложенной задачи объ изслѣдованіи источника возмутительнаго духа, поселившагося между воспитанниками академіи, и раскрытіи всѣхъ отраслей тайныхъ обществъ. Въ воображеніи слѣдователей сложилось однако-жъ то глубокое убѣжденіе, что поимкою бѣглыхъ студентовъ и арестомъ указанныхъ Кучковскимъ 17-ти товарищей ихъ, они непремѣнно напали на твердый слѣдъ громаднаго заговора, который такъ или иначе, но непремѣнно откроется, и что пойманные на границѣ молодые люди, безъ всякаго сомнѣнія, были посланы мѣстными заговорщиками въ Парижъ, для извѣщенія знаменитыхъ эмигрантовъ Лелевеля и Чарторыжскаго о совершенной готовности края къ новому возстанію. Мысли эти, эти убѣжденія, какъ мы сейчасъ видѣли, вполнѣ раздѣляли тогда мѣстныя власти и въ этомъ анормальномъ настроеніи ни кѣмъ не признавалось за нужное стѣсняться въ выборѣ мѣръ къ открытію, во что бы то ни стало, заговора или тайнаго общества. Вотъ чѣмъ объяснилась мнѣ возмутительная сцена, на которую я наткнулся при допросѣ Рокицкаго. Но догадки оставались догадками; время уходило, и арестованные томились безъ всякой пользы. Такъ прошло почти три мѣсяца, какъ вдругъ, совершенно неожиданный случай ввелъ въ дѣло новое лицо, которому суждено было содѣлаться орудіемъ замѣчательнаго переворота въ положеніи слѣдствія и разыграть одну изъ самыхъ выдающихся ролей въ виленской драмѣ.

IV.

Такъ какъ князь Паскевичъ принималъ участіе въ ходѣ слѣдствія потому, что много офицеровъ и юнкеровъ его арміи, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ политическими преступниками категоріи Канарскаго, съ давняго времени содержались подъ арестомъ, и военно-судное дѣло о нихъ передано было въ виленскую коммиссію для соображенія, не откроется ли въ немъ какой-либо связи съ цѣлью побѣга студентовъ, — то отъ намѣстника варшавскаго, 20-го іюля, получено было секретное свѣдѣніе о томъ, что студентъ Возняковскій, находясь еще на свободѣ, читалъ богатому помѣщику Одынцу воззваніе къ ли-

товцамъ Канарскаго и другія сочиненія въ возмутительномъ духѣ.

Спрошенный объ этомъ Возняковскій, подтвердилъ справедливость этого слуха, сказавъ, что воззваніе къ литовцамъ досталъ онъ отъ помѣщика Подберезскаго, а потомъ, чрезъ два дня, признался, что не отъ Подберезскаго досталъ эти бумаги, а отъ жившаго съ нимъ вмѣстѣ, въ базиліанскомъ монастырѣ, учителя Хрулькевича, ученика Серафима Заливаки; на Подберезскаго же сложилъ эту вину, полагая его уже умершимъ.

На основаніи этого показанія, кромѣ Одынца, Подберезскаго и даже Хрулькевича, коммиссія нашла необходимымъ отыскать и арестовать Заливаку. Его привезли.

При первомъ допросѣ (4-го августа 1840 г.), Заливака откровенно разсказалъ все, что только зналъ о связяхъ и образѣ мыслей Возняковскаго, разсказалъ также о спорахъ и толкахъ, часто случавшихся при немъ у Возняковскаго съ другими молодыми людьми, и что любимымъ предметомъ разговора Возняковскаго было порицать правительство наше, читать запрещенныя сочиненія и увѣрять неопытныхъ товарищей его въ возможности возстановленія Польши и Литвы. *Этого-то мы и добиваемся давно; это-то и называется тайнымъ обществомъ*, объяснилъ ему допрашивавшій его членъ коммиссіи Анисимовъ. «Къ тому же члены заговора обыкновенно присвоиваютъ себѣ, кромѣ собственныхъ, условныя имена, добавилъ г. Анисимовъ, а Возняковскій всегда подписывался подъ своими сочиненіями Крестителемъ.» Тщетно призванный къ новому допросу, Возняковскій оправдывался тѣмъ, что Крестителемъ подписывался по той причинѣ, что называется Иваномъ, празднуемымъ въ день св. Іоанна Крестителя. Ему не вѣрили и объяснили Заливакѣ, что правила, проповѣдуемыя Возняковскимъ, суть не что иное, какъ организація тайнаго общества.

Послѣ этого обласканный за откровенность и повѣрившій г. Анисимову, Заливака далъ письменное показаніе о существованіи какого-то тайнаго общества, основаннаго студентомъ Возняковскимъ и знакомымъ ему молодымъ человѣкомъ Подберезскимъ [1]), но ни о цѣли, ни о членахъ этого общества ничего объяснить не могъ, давъ однако-жъ слово (какъ сказано въ показаніи 4-го августа) объявить коммиссіи впослѣдствіи, *если припомнитъ* что-либо такое, что тогда, т.-е. 4-го августа, *ускользнуло изъ его памяти.*

---

[1]) Надобно замѣтить, что имя Подберезскаго потому только и появилось на сценѣ, что намѣстникъ варшавскій сообщилъ объ Одынцѣ, а Заливака, прежде ареста, никогда не слышалъ фамиліи Подберезскаго.

Г. Анисимовъ и другіе члены, обрадованные этимъ первымъ успѣхомъ, оставя всѣ другія дѣла, занялись исключительно ежедневными разспросами смѣтливаго мальчика, котораго, за отличіе, надѣляли книгами, табакомъ, поили чаемъ и посадили въ чистую комнату, снабдивъ всѣмъ нужнымъ, но при всемъ ихъ усиліи въ продолженіи 23-хъ дней, готовый къ услугамъ и благодарный за милости Заливака не высказалъ ничего особенно замѣчательнаго до 27-го августа, а въ этотъ день *вспомнилъ*, что ускользнуло изъ его памяти и объявилъ, что въ Вильнѣ, въ февралѣ 1839-го года, во время казни эмиссара Симона Канарскаго, былъ на лобномъ мѣстѣ другой эмиссаръ Адольфъ Залѣсскій, *о чемъ* ему, Заливакѣ, *положительно извѣстно, какъ изъ разсказовъ Возняковскаго, такъ и изъ общихъ слуховъ, ходившихъ въ то время въ городѣ.*

Для большаго убѣжденія въ своемъ чистосердечномъ признаніи Заливака въ тотъ же день добавилъ,—сперва, что эмиссара Адольфа Залѣсскаго онъ часто самъ встрѣчалъ въ Вильнѣ, — а потомъ, что Залѣсскій, за два дня до казни Канарскаго, (13 февраля 1839 года) перешелъ на квартиру Возняковскаго въ базиліанскомъ монастырѣ, гдѣ и онъ жилъ вмѣстѣ съ Возняковскимъ!!! [1]).

Хотя члены коммиссіи не могли не замѣтить въ этомъ послѣднемъ показаніи отсутствія здраваго смысла, не могли повѣрить, чтобы такое важное обстоятельство могло ускользнуть изъ памяти откровеннаго мальчика, но они не могли также не восхищаться успѣху и не сочувствовать восторгу орудовавшаго всѣмъ дѣломъ г. Анисимова, который вообще считался экспертомъ въ дѣлахъ этого рода и незадолго передъ тѣмъ, вмѣстѣ съ дежурнымъ штабъ-офицеромъ генералъ-губернатора, полковникомъ Ю., производилъ слѣдствіе по доносу арестованнаго подпоручика Григорьева, о существованіи другого тайнаго общества между офицерами квартировавшаго въ Вильнѣ эстляндскаго егерскаго полка. По настоянію г. Анисимова тотчасъ же вытребованы были, для совокупнаго соображенія съ показаніями Заливаки, слѣдующія дѣла:

1) Часть слѣдственнаго дѣла объ эмиссарѣ Канарскомъ.

2) Два дѣла о выходцѣ изъ эмиграціи Мошинскомъ и Дерптскомъ студентѣ Гильдебрантѣ, уже разсмотрѣнныя военно-судною коммиссіей и рѣшенныя, но пріостановленныя по случаю доноса

---

[1]) Непостижимо, почему Анисимовъ не распорядился осмыслить этого показанія, если отнюдь не скрывалъ, что члены коммиссіи сами исправляли важнѣйшіе извѣты и давали потомъ переписывать ихъ набѣло *раскаявшимся преступникамъ.*

подпоручика Григорьева объ учрежденномъ будто бы ими новомъ тайномъ обществѣ «l'Humanité.»

3) Дѣло о подпоручикѣ Кузьминѣ-Короваевѣ, обвиняемомъ въ связяхъ съ преступниками Гильдебрантомъ и Мошинскимъ и помѣщицею Снядецкою, которая раздавала кольцы, сдѣланныя будто бы изъ цѣпей Канарскаго.

4) Дѣло объ арестованныхъ въ апрѣлѣ 1839-го года офицерахъ эстляндскаго егерскаго полка, возникшее по доносу того же подпоручика Григорьева о принадлежаніи прапорщика де-Люсине къ тайному обществу, и—

5) Всю переписку о 14-ти арестованныхъ дерптскихъ студентахъ, членахъ тайнаго общества, основаннаго Гильдебрантомъ.

Прежде чѣмъ коммиссія успѣла разсмотрѣть всѣ эти разнохарактерныя дѣла съ цѣлью доискаться въ нихъ какой-либо хотя отдаленной связи съ обстоятельствами побѣга Возняковскаго, Рокицкаго и Павловскаго, она неожиданно отвлечена была присылкою изъ Ставрополя юнкера Эриванскаго карабинернаго полка Чесновскаго, вмѣстѣ съ произведеннымъ о немъ на мѣстѣ слѣдственнымъ дѣломъ, къ которому подшито было найденное при обыскѣ оговореннаго Чесновскимъ рядового изъ дворянъ Ропчинскаго, письмо лекаря Ловицкаго, содержаніе котораго обнаруживало въ послѣднемъ дѣятельнѣйшаго послѣдователя ученія Канарскаго.

О содержаніи бумагъ, найденныхъ при обыскѣ у Ловицкаго [1]) и также доставленныхъ въ коммиссію, доведено было до свѣдѣнія покойнаго государя, вслѣдствіе чего и состоялось высочайшее повелѣніе о внезапномъ обыскѣ всѣхъ медиковъ, по воспитанію современныхъ Ловицкому.

Всюду полетѣли эстафеты съ требованіемъ немедленнаго обыска молодыхъ врачей. По письму, найденному въ Пензѣ у лекаря Микулича, открытъ студентъ казанскаго университета Вейштортъ, переведенный туда въ 1840-мъ году изъ виленской академіи. Изъ письма его къ Микуличу, между прочимъ, оказалось, что родной братъ Вейшторта тайно принялъ на Кавказѣ католическую вѣру, и самъ онъ, разсуждая о русскихъ студентахъ, говорилъ: «ихъ сердце—бѣлый листъ бумаги; но я начинаю вписывать туда мои молитвы.» Вейштортъ также привезенъ въ Вильну и арестованъ.

Хотя вся масса скопившихся въ коммиссіи свѣдѣній въ совокупности все еще сводилась къ тому только, что польская

---

[1]) Между ними особенно замѣчательно сочиненіе Ловицкаго: «Очеркъ духа виленской академіи».

молодежь, разбросанная по всему пространству Россіи, сильно воспламенена воспоминаніями о мятежѣ и ученіемъ Канарскаго, но члены коммиссіи, задавшись убѣжденіемъ въ дѣйствительномъ существованіи прочно организованнаго, огромнаго заговора, сочли излишнимъ немедленное разслѣдованіе степени виновности каждаго изъ вновь оговоренныхъ и арестованныхъ молодыхъ людей. Они все свое вниманіе исключительно устремили на бѣглыхъ студентовъ Возняковскаго, Рокицкаго и гимназиста Павловскаго, настоятельно добиваясь сознанія ихъ въ заговорѣ, но изъ сущности отбираемыхъ отъ нихъ показаній можно было вывести точно то же заключеніе, что и они, какъ истые поляки, ненавидятъ русскихъ вообще и наше правительство въ особенности.

Выводъ этотъ,—какъ вещь вообще не новая, нисколько не оправдывалъ предвзятаго убѣжденія членовъ коммиссіи, что они имѣютъ дѣло съ заговорщиками, желающими, изъ страха наказанія, скрыть свое преступленіе, и потому слѣдователи съ усиленною настойчивостью добивались сознанія каждаго изъ арестованныхъ молодыхъ людей въ принадлежаніи къ тайному обществу; но за исключеніемъ Заливаки никого не могли склонить къ подобному сознанію. Но чего не могли достигнуть остальные члены коммиссіи, то вполнѣ удалось наконецъ искусному и неутомимому товарищу ихъ г. Анисимову. Подѣйствовавъ на Заливаку ласками и убѣжденіями, онъ употребилъ точно такую же мѣру и въ отношеніи къ другому мальчику, гимназисту Павловскому, который также повѣрилъ, наконецъ, что его сообщество съ бѣжавшими студентами и ихъ общая цѣль проникнуть за границу, есть не что иное, какъ замаскированный отъ него заговоръ и потому скоро призналъ себя заговорщикомъ. Это признаніе, въ свою очередь, еще болѣе удостовѣрило мѣстныя власти въ совершенной безошибочности ихъ завѣтной мысли, ихъ догадокъ. Онѣ торжествовали. Анисимовъ достигъ апогеи своего величія. Сотрудники благоговѣйно довѣрились ему!

Между тѣмъ показанія Заливаки часъ-отъ-часу становились важнѣе и грандіознѣе и дошли до того, что наконецъ всѣ догадки, всѣ предположенія коммиссіи, или вѣрнѣе сказать Анисимова, о существованіи въ Вильнѣ тайнаго общества между студентами и знакомыми Возняковскому молодыми людьми, Заливака, а за нимъ и Павловскій разновременно подтвердили въ собственноручныхъ показаніяхъ, о содержаніи которыхъ каждый разъ доводимо было чрезъ генералъ-губернатора до высочайшаго свѣдѣнія.

Въ это время, и именно въ половинѣ августа 1840-го года, виленскій гражданскій губернаторъ Гр. Гавр. Доппельмайеръ,

по случаю отъѣзда генералъ-губернатора на маневры въ Пруссію, вступилъ въ завѣдываніе дѣлами края, посѣтилъ коммиссію и, желая ближе ознакомиться съ положеніемъ слѣдствія, сдѣлалъ нѣкоторые, весьма мѣткіе вопросы арестантамъ, сличилъ всѣ прежнія ихъ показанія и, послѣ продолжительнаго и внимательнаго совѣщанія съ членами коммиссіи, выразилъ сильное сомнѣніе въ справедливости бездоказательныхъ показаній Заливаки и Павловскаго. Сомнѣніе это губернаторъ Доппельмайеръ основывалъ на томъ, что въ показаніяхъ обоихъ этихъ мальчиковъ-арестантовъ замѣчена имъ взаимная подражательность и нерѣдко сбивчивость [1]).

Этотъ взглядъ умнаго, честнаго, опытнаго, осторожнаго и высоко-образованнаго человѣка долженъ бы, казалось, вызвать по меньшей мѣрѣ повѣрку тѣхъ показаній, въ которыхъ г. Доппельмайеръ, смотря на дѣло безъ предвзятыхъ убѣжденій, замѣтилъ сбивчивость, но это столько же полезное, сколько и безпристрастное замѣчаніе не только оставлено было безъ послѣдствій, но даже вызвало неудовольствіе къ нему начальника края.

Вскорѣ новыя показанія Заливаки и Павловскаго заставили коммиссію обратить строгое вниманіе на распространившуюся молву объ арестованномъ виленскою полиціею неизвѣстномъ и чрезвычайно подозрительномъ человѣкѣ, освобожденномъ безъ всякаго допроса, вслѣдствіе посторонняго ходатайства. Упомянутая молва проистекала изъ слѣдующаго источника. Послѣ поимки и казни выходца изъ эмиграціи Канарскаго, виленскою полиціею часто производилась повѣрка обывателей по домамъ и внезапный осмотръ ихъ видовъ. Такія дѣйствія полиціи простолюдины объясняли себѣ тѣмъ, что полиція непремѣнно ищетъ какого-либо эмиссара, подобнаго Канарскому. Къ этому присоединились и другіе толки, будто бы эмиссары открыто ходятъ по улицамъ и дѣлаютъ разныя буйства, для воспламененія умовъ жителей. Такъ какъ Заливака оговорилъ профессора Мяновскаго, между прочимъ, въ знаніи о побѣгѣ студентовъ, въ прощаньи съ ними и въ ходатайствѣ его объ освобожденіи эмиссара Адольфа Залѣсскаго изъ-подъ ареста въ полиціи, то обстоятельство это послужило поводомъ для коммиссіи требовать особаго слѣдствія надъ виленской полиціей и немедленнаго ареста профессоровъ Велька и Мяновскаго, перваго за то, будто онъ присылалъ въ полицію пищу эмиссару, а второго — за ходатайство о его

---

[1]) Донесеніе объ этомъ г. Доппельмайера, полученное въ Петербургѣ 31 августа 1840 г., я нашелъ въ дѣлахъ канцеляріи военнаго министерства въ октябрѣ 1861 г., когда мнѣ разрѣшено было дѣлать нужныя изъ виленскаго дѣла выписки.

освобожденіи, и настояла какъ о безотлагательномъ удаленіи отъ должности полиціймейстера подполковника Серебрякова, такъ и о заключеніи въ казематъ слѣдственнаго пристава Эленскаго и виленскаго плацъ-маіора полковника Богдановича, оговореннаго въ сочувствіи къ преступникамъ, знаніи о тайномъ обществѣ и потворствѣ арестованнымъ.

Коммиссія при этомъ случаѣ приняла самыя дѣятельныя мѣры къ изобличенію начальствующихъ лицъ виленской полиціи въ сознательномъ освобожденіи эмиссара Залѣсскаго, содержавшагося подъ именемъ слуги Мяновскаго. Слѣдствіе это, подъ наблюденіемъ коммиссіи, поручено было чиновнику особыхъ порученій генералъ-губернатора, Вашклевичу. Вскорѣ коммиссія напала и на другой слѣдъ преступленія виленской полиціи, обнаруживъ, что 13-го іюля 1840-го года приведенъ былъ съ главной гауптвахты въ полицію человѣкъ, взятый за то, что, идучи по тротуару съ кувшиномъ воды отъ площади св. Яна, толкнулъ часового, стоявшаго на углу дома, называемаго кардиналіей. Человѣкъ этотъ, подъ именемъ Андрея Кобецкаго, былъ освобожденъ изъ-подъ ареста. При дальнѣйшемъ развитіи дѣла этого, Заливака показалъ, что эмиссаръ Залѣсскій былъ освобожденъ изъ полиціи по ходатайству графини Забѣлло, и въ подтвержденіе этого показанія, коммиссія обнаружила, что дѣйствительно взятъ былъ въ полицію неизвѣстный человѣкъ за неприличные поступки на улицѣ, но по ходатайству какой-то знатной дамы его освободили. Оба упомянутые случая послужили достаточнымъ для коммиссіи основаніемъ къ заключенію, что тотъ или другой неизвѣстный человѣкъ, освобожденный полиціей безъ всякихъ формальностей, былъ не кто иной, какъ давно отыскиваемый эмиссаръ Адольфъ Залѣсскій.

Дѣло еще болѣе запуталось, когда явилось новое показаніе Заливаки, что эмиссаръ Адольфъ Залѣсскій путешествовалъ иногда и проживалъ у своихъ единомышленниковъ съ паспортомъ коновала Антонія Карпюка, чтобы удобнѣе было наблюдать за духомъ въ войскахъ и разсѣявать между военно-служащими идеи вольнодумства.

При такомъ стеченіи обстоятельствъ, дѣло о заговорѣ все болѣе и болѣе развѣтвлялось и приняло огромные размѣры, а мѣстныя власти сочли необходимымъ принять самыя дѣятельныя мѣры къ подавленію на первомъ шагу могущаго вспыхнуть возстанія. Каждое показаніе Заливаки, каждый отвѣтъ Павловскаго убѣждали, что опасность слишкомъ близка, что заговоръ существуетъ, что освобожденный изъ виленской полиціи эмиссаръ неутомимо дѣйствуетъ во главѣ заговорщиковъ. Всѣ ожидали тре-

воги. Войска были всегда на-готовѣ. Былъ пущенъ слухъ, что подъ р. Вилiей, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ день св. Крещенiя, 6-го января 1841-го года, устроена была на льду Iордань, приготовленъ громадный фугасъ, долженствовавшiй поднять на воздухъ всѣхъ присутствовавшихъ на церковной церемонiи!

Въ виду такой опасности, сомнѣнiя гражданскаго губернатора Доппельмайера, относительно неправдоподобiя показанiй раскаявшихся преступниковъ Заливаки и Павловскаго, уничтожались сами собою, и генералъ-губернаторъ, возвратясь въ Вильно, обратилъ главное вниманiе коммиссiи на необходимость изобличить виновныхъ въ освобожденiи эмиссара Залѣсскаго, столь опаснаго врага государственнаго спокойствiя.

Въ то время, какъ члены слѣдственной коммиссiи и главный начальникъ виленскаго края были уже вполнѣ увѣрены, что опаснѣйшiй, послѣ Канарскаго, эмиссаръ скрывается въ предѣлахъ нашего государства и воспламеняетъ умы народа съ цѣлiю ниспровергнуть существующiй порядокъ, явилось еще новое, самое сильнѣйшее доказательство заговора и надежное средство къ преслѣдованiю и уликѣ несознающихся преступниковъ. У Заливаки найденъ былъ зашитый въ воротникѣ шинели списокъ заговорщиковъ, написанный кровью и наоборотѣ этого списка сдѣлана была надпись рукою Заливаки: «*до смерти никому не покажу.*—Серафимъ Заливако [1])».

Списокъ этотъ представленъ былъ въ подлинникѣ на высочайшее воззрѣнiе и послужилъ къ окончательному убѣжденiю въ несомнѣнности существованiя открытаго коммиссiею громаднаго заговора, къ числу членовъ котораго принадлежала и супруга бывшаго генералъ-губернатора князя Долгорукова, по первому мужу, графиня Забѣлло.

Прозорливые члены коммиссiи и въ числѣ ихъ главнѣйшiй двигатель дѣла, Анисимовъ, торжествовали, пріобрѣтя конечно неограниченное довѣрiе тогдашняго начальника края Мирковича.

Черезъ три недѣли послѣ выдачи Заливакою списка, прибылъ въ Вильну (10-го ноября) назначенный по высочайшему повелѣнiю предсѣдателемъ слѣдственной коммиссiи флигель-адъютантъ полковникъ В. И. Назимовъ. Назначенiе это было слѣдствiемъ ходатайства самого генерала Мирковича, который безъ

---

[1]) Изъ объясненiй, данныхъ Заливакою по поводу этого списка, между прочимъ видно (рапортъ Марковича, отъ 25-го октября 1840-го года, № 857), что срокъ поголовнаго возстанiя назначенъ 23-го марта 1841-го года, одновременно въ Познани, Кiевѣ, Москвѣ, Вильнѣ, Варшавѣ и Краковѣ.

сомнѣнія былъ убѣжденъ, что избранный Государемъ человѣкъ будетъ вполнѣ солидаренъ съ нимъ во взглядѣ на важныя открытія, сдѣланныя коммиссіей подъ личнымъ его руководствомъ; что онъ оцѣнитъ ихъ и убѣдится въ безпристрастіи, которымъ руководилась виленская коммиссія въ арестованіи оговоренныхъ въ преступленіяхъ лицъ, безъ различія званій, состояній и вѣроисповѣданія и что наконецъ аккредитованное самимъ Императоромъ лицо на мѣстѣ убѣдится, въ какомъ жалкомъ и разстроенномъ положеніи достался ему край послѣ 9-ти-лѣтняго управленія имъ его предмѣстникомъ, княземъ Н. А. Долгоруковымъ, при которомъ распущенность въ надзорѣ очевидно дошла до самыхъ крайнихъ предѣловъ, если, какъ оказывается, эмиссары открыто разгуливали по улицамъ Вильны и дѣлали безчинства для воспламененія умовъ молодежи; если къ политическимъ преступникамъ былъ свободный во всякое время доступъ; если они изъ-подъ военнаго караула могли свободно отлучаться въ отдаленныя захолустья къ своимъ любовницамъ (коханкамъ); если эти свободные арестанты потому только не бѣжали изъ казематъ, что жили въ нихъ комфортабельно и надѣялись выдти изъ-подъ ареста также комфортабельно; если у одного изъ нихъ, Мошинскаго, въ первый день Пасхи 1839-го года, былъ великолѣпный завтракъ (свенцоное), на которомъ присутствовало до 80-ти городскихъ посѣтителей [1]) обоего пола и высшаго полета и подписывались кровію на 4-хъ экземплярахъ организаціи, тутъ же розданной эмиссаромъ Адольфомъ Залѣсскимъ [2]).

Но для избѣжанія повтореній я не буду болѣе утомлять вниманіе читателя разсказами такихъ вещей, о которыхъ по необходимости придется упомянуть позднѣе. Ограничусь описаніемъ тѣхъ остальныхъ обстоятельствъ, на которыя указывали мнѣ члены коммиссій, какъ на явные признаки открытаго ими политическаго заговора.

V.

Возвращаюсь къ чтенію дѣла. Мнѣ остается сказать, что въ продолженіи цѣлой недѣли, употребленной на разборъ всего производства дѣла, всякое осмысленное замѣчаніе мое насчетъ

[1]) Въ комнатѣ, имѣющей пространства до 4-хъ кв. саженъ!!!

[2]) Все это великолѣпно описано въ 1-й и 2-й книжкахъ «Русскаго Архива» 1870-го года и заимствовано изъ такихъ матеріаловъ, положительная несостоятельность которыхъ неопровержимо доказана слѣдствіемъ, произведеннымъ особою коммиссіей, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта А. А. Кавелина.

разнорѣчій, неестественности, неопредѣленности или сбивчивости доводовъ къ убѣжденію въ существованіи преступныхъ замысловъ противъ правительства и положительной недостаточности уликъ къ обвиненію того или другого изъ арестованныхъ коммиссіею лицъ (съ чѣмъ въ большинствѣ случаевъ соглашался со мною и г. предсѣдатель) вызывало обыкновенно не прямое, дѣльное и спокойное возраженіе со стороны членовъ, но пустыя фразы и указаніе на какіе-либо отвлеченные признаки таинственности между заключенными, доказывающіе будто бы несомнѣнность существованія заговора.

Такъ, въ защиту непогрѣшимости этого убѣжденія, г. Анисимовъ не разъ ссылался на то, что большая часть заключенныхъ въ отдѣльныхъ камерахъ арестантовъ, постоянно разговаривала съ сидѣвшими въ сосѣднихъ нумерахъ товарищами или чрезъ окна (для чего прислоняли головы плотно къ желѣзнымъ рѣшоткамъ), или чрезъ печныя трубы, или — наконецъ, посредствомъ телеграфическихъ сигналовъ. Хотя это явленіе вовсе не новость, потому что желаніе арестанта знать, кто заключенъ въ сосѣдствѣ съ нимъ, что́ онъ думаетъ и что́ съ нимъ дѣлаютъ, очень естественно, очень понятно, но оно также нисколько не доказываетъ, даже и при дѣйствительномъ существованіи заговора, что сосѣди эти прикосновенны къ заговору; но при всемъ томъ, указываемый г. Анисимовымъ телеграфическій способъ разговора заслужилъ вниманія слѣдователей въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, гдѣ успѣхъ открытій зависитъ преимущественно отъ отнятія возможности у грамотныхъ арестантовъ сговариваться между собою. Нужда всему научитъ и придуманный арестантами способъ весьма простъ и заключается въ постукиваніи въ стѣну, раздѣляющую двухъ одиночно заключенныхъ арестантовъ. Желающій начать разговоръ съ сосѣдомъ подаетъ ему сигналъ, ударяя пальцемъ нѣсколько разъ въ капитальную стѣну. Если сосѣдъ въ это время не спитъ, чуткое ухо его услышитъ сигналъ и сосѣдъ отвѣчаетъ ему тою же дробью, замѣняющею отвѣтъ: слушаю. Послѣ этого бесѣда начинается выстукиваніемъ съ интервалами желаемаго числа ударовъ, означающихъ буквы, напримѣръ — сперва 8, потомъ 11, 4, 23, 7, 1 и т. д. Не трудно сосѣду догадаться, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и получить намекъ чрезъ сторожа, какъ должно понимать число ударовъ. Естественно, что если этимъ способомъ можно телеграфироваться съ сосѣдомъ, то легко говорить, при его посредствѣ, и съ сосѣдомъ сосѣда и получить желаемый отвѣтъ отъ арестанта, сидящаго въ отдаленіи, съ тѣмъ только условіемъ, если всѣ отдѣльные казематы до его комнаты заняты грамот-

ными арестантами и если между двухъ стѣнъ нѣтъ интервала, или никѣмъ не занятой комнаты.

На этомъ основаніи нѣкоторые изъ арестованныхъ молодыхъ людей признавались, что не только имѣютъ возможность знать, кто именно ихъ сосѣди, за что́ и когда арестованы, но даже и то, о чемъ были спрашиваемы и что показали на допросахъ.

Соглашаясь вполнѣ съ существенною пользою сдѣланнаго коммиссіей открытія, я доказывалъ однако-жъ, что оно нисколько не разъясняетъ занимающаго правительство темнаго вопроса о существованіи или несуществованіи заговора, но можетъ быть употреблено, въ видѣ опыта, какъ косвенное средство къ приблизительному только разрѣшенію этого вопроса.

Съ этою цѣлію флигель-адъютантъ Назимовъ согласился на предложеніе мое прибѣгнуть къ слѣдующему способу испытаній: неожиданно перевести Заливаку или Павловскаго изъ настоящаго помѣщенія въ камеру, сосѣднюю съ той, въ которой помѣщался арестантъ, не сознающійся въ существованіи заговора. Вмѣстѣ съ Заливакою посадить расторопнаго, благонадежнаго и вполнѣ понимающаго описанный способъ жандарма, въ присутствіи котораго велѣть Заливакѣ просить у сосѣда отвѣтовъ на придуманные слѣдователями вопросы. Сосѣдъ, не зная цѣли разговора, даетъ положительный или отрицательный отвѣтъ, который, для свѣдѣнія и соображенія, записывать въ протоколъ. Замѣчательно однако-жъ, что и при повтореніи подобныхъ опытовъ, никто изъ арестантовъ и въ этомъ тайномъ разговорѣ, не только не подтвердилъ увѣреній Заливаки и Павловскаго о существованіи заговора, но отвергалъ и самую мысль о немъ, при чемъ большею частію безпощадно бранилъ членовъ Анисимова или Покровскаго, сообразно тому, кѣмъ изъ нихъ былъ допрашиваемъ и склоняемъ къ признанію въ какомъ-то заговорѣ.

Казалось бы, что для безпристрастнаго и ни чѣмъ не связаннаго слѣдователя одного этого обстоятельства достаточно было, чтобы какъ можно осторожнѣе относиться къ извѣтамъ Заливаки и Павловскаго и не вѣрить имъ безусловно, но коммиссія, разъ задавшись мыслію, что заговоръ есть и что ей *велѣно* раскрыть всѣ нити подозрѣваемыхъ тайныхъ обществъ, дѣйствовала иначе, хотя постоянно видѣла въ показаніяхъ мальчиковъ взаимную подражательность, и ей притомъ хорошо извѣстна была привычка ихъ знать, что́ именно показалъ его товарищъ насчетъ обстоятельства, о которомъ былъ спрашиваемъ.

Такъ въ виду коммиссій былъ замѣчательный случай, о которомъ нельзя умолчать здѣсь. Въ письмѣ одного удаленнаго изъ края лица къ женѣ его, въ Вильну, найденъ былъ вѣнокъ изъ ржаныхъ колосьевъ. Генералъ-губернаторъ, препроводивъ его въ коммиссію, предписалъ спросить Заливаку и Павловскаго, не могутъ ли они объяснить значенія этого вѣнка? Всезнающій заговорщикъ Павловскій тотчасъ придумалъ и написалъ условное, и ужъ конечно принаровленное къ мысли о заговорѣ значеніе этого вѣнка, а сидѣвшій съ перомъ въ рукѣ въ сосѣдней комнатѣ Заливака, при всемъ его усердіи, ничего на этотъ разъ придумать не могъ и наконецъ, безъ церемоніи, спросилъ члена Стратоновича: «а что́ показываетъ Павловскій объ этомъ вѣнкѣ?» Желая испытать Заливаку, Стратоновичъ объявилъ ему объясненіе Павловскаго совершенно въ иномъ смыслѣ, и Заливака, нисколько не затрудняясь, тотчасъ же написалъ: «я слышалъ отъ самого эмиссара Адольфа Залѣсскаго» — тутъ онъ помѣстилъ цѣликомъ слова Стратоновича [1]).

При докладѣ объ этомъ г. Стратоновичемъ присутствію коммиссіи, г. Анисимовъ, съ видимымъ неудовольствіемъ, отозвался, что такъ сбивать откровеннаго арестанта не годится и что случай этотъ нисколько не долженъ ослаблять довѣрія къ прочимъ показаніямъ Заливаки. Это же убѣжденіе повторилъ онъ и при повѣрочномъ чтеніи дѣла. Мнѣніе его вполнѣ раздѣлялъ и сильно поддерживалъ г. Покровскій и частію полковникъ Но—цкій, который ложь эту приписывалъ извинительному желанію Заливаки не уступать въ усердіи Павловскому! А г. Анисимовъ, не остановясь на этомъ, жаловался на Стратоновича начальнику его, Фрейгангу, увѣряя, что онъ мѣшаетъ успѣху дѣла своими неумѣстными замѣчаніями.

Часто повторявшіяся въ коммиссіи, подобныя этому, неосновательныя сужденія заставили Владиміра Ивановича обратиться однажды къ полковнику Н. съ слѣдующимъ вопросомъ: «Скажите, полковникъ, что́ по вашему мнѣнію лучше для Государя, не раскрыть вполнѣ преступленія, или, напутавъ небылицъ, обвинить невиннаго?» Н. отвѣчалъ рѣшительно: «Лучше обвинить невиннаго, потому что они здѣсь всѣ виноваты, ракаліи!»

Этотъ замѣчательный отвѣтъ на вопросъ предсѣдателя, по настоянію моему, тогда же записанъ былъ въ журналъ засѣданія [2]).

Вотъ, съ какими убѣжденіями принужденъ былъ постоянно

---

[1]) Рапортъ мой генералу Фрейгангу, отъ 18-го іюня 1841-го года, за № 45.

[2]) Рапортъ мой генералу Фрейгангу, отъ 18-го іюня 1841-го года, за № 45.

бороться г. предсѣдатель, съ заключеніями котораго я почти всегда соглашался; исключенія бывали, но они никогда не имѣли характера безотчетной упорности, потому что сопровождались всегда легальными причинами.

Но и въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, всѣхъ несообразностей, встрѣченныхъ въ производствѣ дѣла, мнѣ никогда не приходило въ голову подозрѣніе, чтобы Заливака и Павловскій постоянно лгали. Мнѣ казалось, напротивъ, что эти неопытные мальчики не вполнѣ понимали козни заговорщиковъ, которымъ они принесли себя въ жертву, и потому иногда увлекались въ своихъ разсказахъ. Вотъ почему, независимо отъ ихъ извѣтовъ, я постоянно напрягалъ всѣ мои усилія къ обнаруженію истины побочными путями.

Въ этихъ видахъ, съ разрѣшенія предсѣдателя, я распорядился, чтобы смотритель тюрьмы постоянно докладывалъ мнѣ, когда Богдановичу, Мяновскому или Вельку приносили изъ города пищу, и тщательно наблюдалъ, не попадаетъ ли какъ-нибудь письмо или записка, содержаніе которыхъ могло бы пролить новый свѣтъ на дѣло, или послужить ключемъ къ полезнымъ открытіямъ?

Черезъ нѣсколько дней найдено было въ рыльцѣ кофейника, вынесеннаго изъ каземата Мяновскаго, записочка на французскомъ языкѣ, свернутая на подобіе обыкновенной бумажной пробки. Записка эта, написанная вмѣсто пера ногтемъ, при пособіи разведенной сажи, заключала просьбу Мяновскаго къ матери его покойной жены, m-me Бекю, чтобы она, чрезъ князя Витгенштейна, просила генералъ-губернатора о скорѣйшемъ окончаніи дѣла и обнаруженіи причинъ не заслуженныхъ страданій Мяновскаго, который, при этомъ случаѣ, приписывая причину своего несчастія единственно злобѣ на него г. Анисимова, называлъ его *убійцею* и *палачомъ*.

Вотъ буквально переведенное съ французскаго языка объясненіе профессора Мяновскаго на вопросъ коммиссіи, возбужденный содержаніемъ перехваченной записки.

«14-го февраля 1841-го года.

«Я употребилъ слова: убійца и палачъ, и отъ нихъ не отпираюсь, потому что если называютъ убійцею того, который убиваетъ человѣка и скрывается потомъ отъ закона, котораго онъ не уважаетъ, но по крайней мѣрѣ боится, то это слово недовольно выразительно, когда дѣло идетъ о такомъ человѣкѣ, который, единственно для утоленія своей личной ненависти, не

убиваетъ другого однимъ ударомъ, чтобы кончить все разомъ, но который обманываетъ правительство, употребляетъ во зло врученную ему власть и тотъ самый законъ, который долженъ защищать невиннаго человѣка, онъ употребляетъ на то, чтобы отнять у него свободу и плоды трудовъ всей его жизни; чтобы разрушить его счастіе и его надежды, а вмѣсто будущности оставить одно отчаяніе и безчестіе!... Всѣмъ этимъ, всѣмъ я обязанъ личной ненависти г. Анисимова и я ожидаю минуты сказать ему это въ глаза предъ цѣлою коммиссіей, сказать ему, что онъ совершилъ надо мною преступленіе, котораго устыдился бы и убійца; преступленіе, котораго свѣтъ (еслибы онъ могъ видѣть всю истину) ужаснулся бы, не въ разсужденіи моего несчастія; желаніе, чтобы кто-нибудь въ мірѣ принялъ участіе въ моемъ бѣдствіи, было бы болѣе, чѣмъ смѣшно и оно далеко отъ моей мысли, но свѣтъ ужаснулся бы этого преступленія по его нравственному дѣйствію, потому что если въ образованномъ государствѣ, въ глазахъ правительства, въ присутствіи того закона, который обѣщаетъ защиту невинности, злой человѣкъ можетъ спокойную жизнь, которую никакое подозрѣніе не должно бы возмутить, довести до того, до чего онъ довелъ мою жизнь — это что-то ужасное, наносящее печаль и скорбь въ сердце каждаго человѣка, имѣющаго сердце, способнаго мыслить и разсуждать, если только онъ достигнетъ до того, чтобы видѣть и различить истину. А если спросятъ: за что? Въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка въ 1839-мъ году, въ коммиссіи, предсѣдателемъ которой былъ князь Трубецкой, куда позвали меня для спроса: какія деньги одна дама давала студентамъ, отсылаемымъ на Кавказъ? Послѣ того, онъ встрѣчалъ меня на довольно частыхъ представленіяхъ князю Долгорукому, бывшему генералъ-губернатору, и видѣлъ меня всегда разговаривающимъ съ нѣкоторымъ г. Чигаревымъ, котораго я зналъ въ молодости моей и котораго онъ ненавидѣлъ, почитая его за величайшаго своего врага, разсѣявавшаго слухи, носившіеся въ городѣ на счетъ г. Анисимова. Онъ полагалъ, что я помогалъ ему въ распространеніи этихъ слуховъ (онъ самъ говорилъ мнѣ объ этомъ здѣсь; здѣсь въ коммиссіи онъ сказалъ мнѣ тоже, въ присутствіи своихъ сотрудниковъ, что онъ мнѣ врагъ, потому что почитаетъ меня за злонамѣреннаго для правительства человѣка). Такъ какъ онъ ничего не могъ сдѣлать Чигареву [1]),

[1]) Въ то время, къ которому относится настоящее объясненіе Мяновскаго, ни предсѣдатель, ни я не знали еще, правду говоритъ онъ, или маскируется, но то

онъ хотѣлъ излить месть свою на меня, пользуясь случаемъ, замѣшавшимъ мое имя въ политическое дѣло, бывшее въ его рукахъ. Онъ употреблялъ усилія еще во время первой коммиссіи, чтобы завлечь меня, но не успѣлъ въ томъ, потому что имѣлъ дѣло съ пожилыми людьми, въ которыхъ говорила совѣсть и которые не могли обвинить невиннаго человѣка. На этотъ разъ онъ встрѣтилъ между заключенными молодого ученика, который умѣлъ его понять и былъ готовъ замѣшать въ своемъ показаніи всякаго, кого бы ему ни захотѣли назвать. Въ этомъ несчастномъ расположеніи, когда одной искры было достаточно, чтобы вспыхнуло пламя, 5-го сентября, Анисимовъ, идучи въ коммиссію, встрѣтилъ меня разговаривающимъ съ Чигаревымъ. Онъ остановился для того, чтобы бросить на меня взглядъ, до такой степени свирѣпый и дикій, что не умѣя отдать себѣ въ томъ отчета, я прочелъ въ немъ несчастіе всей моей жизни! Этимъ взглядомъ, который онъ долго остановилъ на мнѣ, онъ хотѣлъ сказать: «Ты увидишь, чего тебѣ будетъ стоить эта связь!!!» Съ тѣхъ поръ я былъ какъ пораженный ударомъ, какъ убитый! Вечеромъ того же дня, я встрѣтилъ плацъ-маіора [1]); я почти слово въ слово разсказалъ ему то, что теперь написалъ, и я не ошибаюсь и клянусь въ томъ передъ евангеліемъ, что этотъ человѣкъ, взволнованный впечатлѣніемъ, возбужденнымъ этой встрѣчей, прямо пошелъ къ этому негодному школьнику (который конечно во время слѣдствія не одинъ разъ слышалъ и зналъ мое имя) и нашелъ средство заставить его рѣшиться вывести его на сцену: 9-го я уже былъ въ тюрьмѣ! Онъ зналъ, что дѣлаетъ преступленіе; онъ хотѣлъ бы скрыть его отъ Бога; ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ, какъ опытный человѣкъ, умѣлъ скрыть его отъ людей и умѣлъ уладить его такъ, что его товарищи, ничего не подозрѣвая, полагали, что я названъ потому, что дѣйствительно былъ виновенъ! Когда по несчастію слуга мой (Пашковскій) попалъ въ ихъ руки, они думали, что онъ скрываетъ истину, тогда какъ онъ защищалъ ее. Напирая на этого человѣка, они выходили изъ границъ справедливости и съ помощью увѣщаній, этого средства, которое въ рукахъ безсовѣстнаго человѣка не можетъ не достигнуть своей цѣли, когда онъ имѣетъ дѣло со

вѣрно, что Мяновскій не зналъ тогда, что и Чигаревъ давно уже содержится въ казематѣ, въ числѣ политическихъ преступниковъ.

[1]) Полковника Богдановича, который вскорѣ потомъ, по оговору Заливаки, лишился должности и попался въ казематъ.

школьникомъ или слугою, у него вырвали ложное признаніе! Тотчасъ послѣ того показали его генералъ-губернатору и коменданту, какъ одержанную ими важную побѣду.

«Если въ томъ, что я теперь сказалъ, есть хотя одно слово несправедливое, въ которомъ я не былъ бы убѣжденъ по совѣсти, я буду только жалкій трусъ, достойный одного презрѣнія! Но если говоря, какъ я теперь говорилъ, я былъ справедливъ и чистосердеченъ, то я ссылаюсь на людей безпристрастныхъ и правдолюбивыхъ и спрашиваю: имѣлъ ли я право, не упоминая уже о лицахъ, которыя хочу забыть, почитать ихъ моими убійцами и палачами?!!

«*Іосифъ Мяновскій.*

Еслибы Мяновскій осмѣлился говорить такимъ языкомъ прежде назначенія Назимова предсѣдателемъ, его непремѣнно засадили бы въ темную комнату, на хлѣбъ и на воду, какъ это было уже сдѣлано съ нимъ одинъ разъ членомъ Покровскимъ [1]), а можетъ быть и забили бы въ кандалы, но въ то время ни Назимовъ, ни я, не допустили бы подобной этому пытки, и потому, при докладѣ объясненія Мяновскаго, члены коммиссіи ограничились тѣмъ, что признали его пасквилемъ, не заслуживающимъ вниманія, и весьма понятною хитростью закоренѣлаго преступника, употребленною съ цѣлью избавиться отъ ожидающей его отвѣтственности, а оскорбленіе, сдѣланное при этомъ случаѣ члену Анисимову, заключено было имѣть въ виду при окончательномъ рѣшеніи дѣла Мяновскаго.

Такъ шли занятія коммиссіи; новыхъ показаній ни Заливака, ни Павловскій не дѣлали, густой, непроницаемый мракъ все еще покрывалъ затронутые, но ничѣмъ не разрѣшенные вопросы о заговорѣ и тайномъ обществѣ; оговоренныя въ преступленіяхъ лица не сознавались; Анисимовъ настоятельно увѣрялъ, что въ сознаніяхъ этихъ людей не предстояло никакой надобности, потому что трехъ свидѣтелей Заливаки, Павловскаго и Пашковскаго достаточно по закону, чтобы уличить упорныхъ преступниковъ; генералъ-губернаторъ не переставалъ настаивать какъ и при самомъ началѣ [2]), *чтобы коммиссія непремѣнно раскрыла*

---

[1]) Это видно изъ рапорта Назимова Мирковичу, отъ 2 августа, за № 144. Тамъ же упомянуто о жестокихъ истязаніяхъ, которыя претерпѣли Павловскій и Пашковскій прежде, чѣмъ рѣшились лгать.

[2]) Рапортъ Мирковича къ военному министру, отъ 21-го мая 1840-го года, за № 319.

всѣ отрасли подозрѣваемыхъ тайныхъ обществъ которыя, по его собственнымъ словамъ, *не осязаемы, хотя всѣ ихъ чувствуютъ;* дѣло нисколько не подвигалось впередъ, а заключенные не переставали жаловаться на незаслуженныя ничѣмъ страданія, а нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и профессоръ Велькъ, потерявъ терпѣніе, покушались даже на самоубійство!... [1]).

Въ этомъ безвыходномъ положеніи флигель-адъютантъ Назимовъ рѣшился испробовать еще одно средство. Онъ убѣдительно просилъ достойнѣйшаго изъ достойныхъ о. архимандрита Платона (нынѣшняго архіепископа новочеркасскаго), посѣтивъ въ казематахъ арестантовъ православнаго исповѣданія, подѣйствовать на нихъ силою религіи и уговорить, чтобы они, по случаю наступленія великаго поста, очистили свою совѣсть чистосердечнымъ признаніемъ во всемъ, что предпринималось ими къ нарушенію спокойствія и благоденствія, которыми наслаждалась тогда Россія. Но и эта мѣра не привела къ желанному разъясненію, не взирая на то, что Владиміръ Ивановичъ, собиравшійся отправиться на нѣсколько дней въ Петербургъ къ бракосочетанію нынѣ царствующаго государя [2]), обѣщалъ преступникамъ исходатайствовать при этомъ случаѣ помилованіе если только раскаяніемъ и откровеннымъ признаніемъ они окажутся достойными помилованія.

Но всѣ усилія, всѣ благородныя стремленія Назимова добиться правды не увѣнчались ни малѣйшимъ успѣхомъ. И Богдановичъ, и Мяновскій, и Велькъ, и всѣ офицеры, за исключеніемъ Кузьмина-Караваева и де-Люсине, со множествомъ оговоренныхъ Заливакою и Павловскимъ лицъ разнаго званія, клялись всѣмъ, что для нихъ свято, что не знаютъ никакого тайнаго общества, никакого заговора и страдаютъ совершенно невинно!

Между тѣмъ члены коммиссій начали болѣе и болѣе обращать вниманіе на осторожность Владиміра Ивановича, съ какою онъ относился ко всѣмъ открытіямъ коммиссіи, сдѣланнымъ до его пріѣзда въ Вильну, и происшедшую въ немъ перемѣну приписывали непосредственно моему вліянію и потому зорко слѣдили за мною и сильно заботились уронить меня въ мнѣніи главнаго начальника края.

---

[1]) Намѣреніе Велька повѣситься было замѣчено часовымъ и остановлено, а зарѣзавшійся студентъ Горничъ оставилъ письмо на имя государя, приписывая причину самоубійства невыносимому съ нимъ обращенію члена коммиссіи Ло—ри.

[2]) Которое совершилось 16 апрѣля 1841 года.

Удобный поводъ къ этому не замедлилъ представиться имъ. Утромъ, 24-го марта 1841-го года, приглашена была въ коммиссію молодая дама г-жа К., мужъ которой былъ сосланъ въ Устюгъ-Великій Вологодской губерніи и конечно зналъ, что его письма къ женѣ доставляются распечатанными. Въ письмѣ этомъ влюбленный въ жену супругъ описывалъ, какъ убиваетъ онъ скучное время въ разлукѣ съ нею и какъ ему отрадно было видѣть въ первый день Рождества Христова восторгъ приглашенныхъ имъ со всего города гостей — малютокъ, долго любовавшихся приготовленными имъ къ ёлкѣ подарками, заключавшимися въ шеколадныхъ и сахарныхъ лошадкахъ, козликахъ, собачкахъ, кошечкахъ, свинкахъ, коровкахъ, волахъ, ослахъ и т. п.

Даму К. коммиссія вытребовала для того, чтобы спросить объ условномъ значеніи всѣхъ поименованныхъ въ письмѣ мужа ея животныхъ. Блѣдная, какъ смерть, она облобызала письмо мужа, пробѣжала его на скоро и прочитавъ приготовленный ей вопросъ, горько улыбнулась и спросила: неужели и это простое описаніе ёлки съ козлами, свинками и ослами, можетъ кинуть новую тѣнь подозрѣнія на ея несчастнаго мужа? — Но прежде чѣмъ молодая красавица собралась съ силами взять въ руки перо, чтобы написать свое объясненіе, съ нею сдѣлался обморокъ и она чуть не упала. Подали воду, спиртъ, уксусъ и eau de Cologne. По приведеніи въ чувство, она спросила: «неужели меня отсюда не выпустятъ? — Когда ее успокоили, она написала свое объясненіе и поспѣшила уѣхать.

Въ тотъ же день, послѣ 11-ти часовъ вечера, въ присутствіи заблаговременно приглашеннаго мною члена Покровскаго, я отбиралъ отъ профессора Мяновскаго письменное объясненіе по дѣлу, относившемуся не до него собственно, но до другого арестанта, помѣщика Зенона Залѣсскаго (однофамильца эмиссара). Въ этотъ день, по случаю говѣнья, мнѣ довелось кромѣ утреннихъ занятій быть три раза на церковномъ, довольно продолжительномъ служеніи. Отъ усталости и изнеможенія я едва сидѣлъ и часто хватался за голову, которая сильно болѣла. Замѣтивъ это и видя передо мною принесенные утромъ для г-жи К. аттрибуты, Мяновскій боязливо спросилъ меня: «Что вы чувствуете, полковникъ? Не дурно ли вамъ?» — Не имѣя надобности въ его совѣтахъ, но и не желая оскорбить его отрывистымъ отвѣтомъ, я сказалъ, что страдаю съ нѣкотораго времени сильнымъ разстройствомъ нервъ и чувствую иногда что-то похожее на внутренній выстрѣлъ изъ желудка въ темя. Выслушавъ

отвѣтъ мой, профессоръ оторвалъ клочекъ бумаги и, написавъ на немъ слова: lapis infernalis и мѣру пріема, подалъ мнѣ клочекъ и просилъ, показавъ его какому-либо врачу въ городѣ, посовѣтоваться съ нимъ и принимать это лекарство. Я свернулъ эту бумажку и засунувъ за обшлагъ сюртука, забылъ о ней и скоро потерялъ гдѣ-то, потому что на леченіе положительно не имѣлъ времени.

Антагонисты мои обрадовались удобному случаю сдѣлать доносъ, что я, при снятіи допросовъ съ арестованнаго доктора Мяновскаго, позволяю себѣ пускаться съ нимъ въ разговоры, вовсе до дѣла не касающіеся, и совѣтуюсь съ нимъ о моемъ здоровьѣ. Генералъ-губернаторъ, сообщивъ объ этомъ флигель-адъютанту Назимову [1]) предписалъ потребовать отъ меня объясненіе, которое не удивило и нисколько не затруднило меня, а напротивъ дало надежду, что по происками моихъ товарищей буду скоро уволенъ изъ коммиссіи, чего я искренно желалъ, но судьбѣ угодно было распорядиться мною совершенно иначе.

А. Ломачевскій.

[1]) Поводъ къ доносу поданъ мною 24 марта, а предписаніе генерала Мирковича получено предсѣдателемъ 24 апрѣля. Должно полагать, что мысль о доносѣ этомъ пришла въ голову Покровскому послѣ сознанія Павловскаго, сдѣланнаго 7 апрѣля и описаннаго въ слѣдующей главѣ.

ИЗЪ

РУССКИХЪ БЫЛИНЪ

I.

Чурило Пленковичъ.

1.

Всталъ Чурило съ зарею,
Онъ водой ключевою
Умывается, кудерьки чешетъ,
Надѣваетъ на ножки
Онъ сафьянны сапожки;
Вышелъ въ городъ—красою всѣхъ тѣшитъ.

2.

Притаясь за оградкой,
Дѣвки смотрятъ украдкой
На Чурилу, а сердце, что стрепетъ,
Сѣтью словленный, бьется,
Звонъ въ ушахъ отдается,
Съ алыхъ устъ слышенъ ласковый лепетъ.

3.

А молодки, оконца
Пріоткрывъ да отъ солнца
Заслонясь бѣлой рученькой, взоромъ
За Чурилой поводятъ:

Только ходенемъ ходитъ
Бѣла грудь подъ сорочкой съ узоромъ.

4.

Даже старыя бабы
Завздыхали: «когда бы
Смолодѣть для Чурилы намъ снова!
И про насъ парни были,
Только вровень Чурилѣ
Чтобъ поставить—не помнимъ такова».

5.

А Чурилушка гладитъ
Лишь бородку да ладитъ
По широкой по улицѣ, скоро,
Въ золотыя палаты,
Въ красный теремъ Бермяты:
Звякнулъ тихо кольцомъ у запора...

6.

Не заждался Чурило:
Мигомъ тутъ выходила
Катерина Микулична къ дверямъ,
Молодца принимала,
Бѣлой ручкой ласкала
И вела въ златоверхій свой теремъ...

7.

Сѣнна дѣвка то дѣло
Промежъ ихъ подглядѣла,
Побѣжала съ доносомъ къ Бермятѣ:
—«Сударь-свѣтъ—взговорила—
Посмотритко, Чурило
Что творитъ у тебя во полатѣ.»

8.

Ликъ зардѣлъ у Бермяты:
— Охъ, неси мнѣ вина ты

Въ полтора ли ведра неси чару!...
Выпилъ чару онъ разомъ,
Помутился въ немъ разумъ,
Шумъ пошелъ въ головѣ, что съ угару.

9.

Онъ къ женѣ входитъ въ теремъ,
На жену смотритъ звѣремъ,
Озираетъ онъ зорко свѣтлицу...
— Чтой-то, сударь съ тобою,
Что не ласковъ съ женою?
Аль меня разлюбилъ, молодицу?

10.

По свѣтлицѣ онъ ходитъ,
Очи грозно поводитъ:
Видитъ шапка виситъ...—«Ну, хозяйка—
Молвитъ старый Бермята—
А съ кого это снято,
Передъ мужемъ теперь отвѣчай-ка?»

11.

— Что ты, сударь, помилуй,
Это батюшка милый
Далъ подарокъ на счастіе наше:
Имъ тебѣ угожу я
Имъ тебя снаряжу я —
Старый, будешь молоденькихъ краше!

12.

Ходитъ онъ по свѣтлицѣ,
Увидалъ рукавицы
На окошкѣ лежатъ...—«Ну, хозяйка—
Молвитъ старый Бермята—
А съ кого это снято:
Передъ мужемъ теперь отвѣчай-ка?»

13.

— Что ты, сударь, помилуй,
Мнѣ отъ матушки милой

Данъ подарокъ на счастіе наше:
Имъ тебѣ угожу я,
Имъ тебя снаряжу я—
Старый, будешь молоденькихъ краше!

14.

Ходитъ онъ по свѣтелкѣ,
Увидалъ онъ на полкѣ
Новъ-шелкòвый кафтанъ...—«Ну, хозяйка—
Молвитъ старый Бермята—
А съ кого это снято:
Передъ мужемъ теперь отвѣчай-ка?»

15.

— Что ты, сударь, помилуй,
Это братецъ мой милый
Далъ подарокъ на счастіе наше:
Имъ тебѣ угожу я,
Имъ тебя снаряжу я—
Старый, будешь молоденькихъ краше!

16.

По свѣтлицѣ онъ ходитъ,
Сапожки онъ находитъ
Подъ дубовой скамьей...—«Ну, хозяйка—
Молвитъ старый Бермята—
А съ кого это снято:
Передъ мужемъ теперь отвѣчай-ка?»

17.

— Что ты, сударь, помилуй,
Мнѣ сестрицею милой
Данъ подарокъ на счастіе наше:
Имъ тебѣ угожу я,
Имъ тебя снаряжу я—
Старый, будешь молоденькихъ краше!

18.

— «Ну, жена молодая,
Поклепалъ знать тебя я —
Молвитъ ласково онъ Катеринѣ—
Мнѣ почудилось было,
Что гоститъ тутъ Чурило—
А Чурилы то нѣтъ и въ поминѣ.»

19.

А Чурило тѣ рѣчи
Услыхалъ изъ-за печи,
Говоритъ про себя: «Эхъ, Бермята,
Поискалъ бы со свѣчкой,
Поглядѣлъ бы за печкой,
Можетъ, тутъ и нашелъ бы меня то...»

II.

Ссора Ильи-Муромца съ княземъ Владимиромъ.

1.

У князя Владиміра пиръ средь хоромъ:
Поютъ, заливаясь, гусляры,
Кипятъ золоченыя чаши виномъ,
Ликуютъ князья и бояры.

2.

Ликуетъ и вся богатырская рать,
Отводитъ веселіемъ душу.
Забылъ только князь къ себѣ въ гости позвать
Крестьянскаго сына Ильюшу.

3.

Обидѣлся старый Илья:—«Вѣкъ живу,
А князь меня пиромъ обходитъ»...
Беретъ онъ свой лукъ, натянулъ тетиву,
Стрѣлу каленую наводитъ.

4.

Стрѣляетъ по божьимъ церквамъ онъ стрѣлой,
По чуднымъ крестамъ съ позолотой,
Самъ къ голи кабацкой зоветъ:—«Кто со мной
Идти хочетъ, други, охотой?»

5.

—«Пойдемъ обирать божьи церкви, пойдемъ
Боярскія рушить хоромы,
Напьемся мы пьянымъ зеленымъ виномъ,
Богатое сыщемъ добро мы!»

6.

Сбѣжалась къ Ильюшѣ кабацкая голь,
Идти за Ильей она рада:
—«Отецъ ты нашъ, батюшка рóдный, изволь,
Порушимъ мы все, чтó те надо»!

7.

По Кіеву гулъ: расходился народъ,
Ничѣмъ не уймешь его блажи:
Съ церквей золоченыя главы деретъ,
Снимаетъ кресты для продажи.

8.

Князь видитъ: тутъ властію княжьей не взять,
Съ Ильей не приходится спорить,
На пиръ надо сына крестьянскаго звать,—
И дѣлаетъ пиръ онъ вдругорядь.

9.

Къ Ильѣ шлетъ Добрыню Никитича онъ
Ильюши крестоваго брата;
У нихъ былъ великій завѣтъ положенъ,
Хранили они его свято:

10.

Братъ меньшій — онъ старшаго слушалъ во всемъ,
Братъ старшій — онъ слушалъ меньшова.
Приходитъ Добрыня къ Ильюшѣ посломъ
И молвитъ такое онъ слово:

11.

— Мы слушать другъ друга клялися, Илья,
Завѣтъ положили мы честный:
Пришелъ я отъ князя, зову тебя я
На княжескій пиръ на почестный.

12.

— «Добрынюшка, помню я честный завѣтъ—
Илья отвѣчаетъ Добрынѣ—
Когда бы не ты, не пошелъ бы я, нѣтъ,
Въ хоромы къ Владиміру нынѣ.»

13.

Тутъ старый Илья снаряжался и шелъ
Въ столовую гридню онъ чинно.
Сажали на первое мѣсто за столъ
Ильюшу крестьянскаго сына.

14.

Несли ему чару зелена вина,
Другую-то меду хмѣльнова,
И медъ и вино испивалъ онъ до дна
И молвилъ ко князю онъ слово:

15.

— Владиміръ, князь кіевскій, зналъ ты кого
Заслать ко мнѣ съ ласковымъ словомъ:
Добрыня просилъ — я послушалъ его,
Не онъ, такъ бы худо пришлось вамъ!

16.

Ужъ было на сердцѣ положено мной:
Стянуть тетивою шелкóвой
Мой лукъ да тебя каленою стрѣлой
Убить среди гридни столовой.

17.

Обидѣть мужичью ты силушку могъ,
Забылъ о крестьянскомъ ты сынѣ,
Забылъ объ Ильюшѣ... Прости тебѣ Богъ
Вину ту великую нынѣ!

В. Бурнинъ.

НѢСКОЛЬКО ДНЕИ

ВЪ

ФИНЛЯНДІИ.

Изъ поѣздки въ Гельсингфорсъ.

I.

Отправляясь въ Финляндію, я твердо помнилъ, что ѣду въ страну „близкую къ полюсу, сосѣднюю Гиперборейскому морю". Но эта краснорѣчивая характеристика, казалось мнѣ, можетъ годиться не для одной Финляндіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ девятомъ часу утра, когда я ѣхалъ къ желѣзной дорогѣ на Выборгскую сторону, было 13 градусовъ и такой туманъ, что лошадь пугалась при встрѣчѣ съ себѣ подобными, должно быть, принимая ихъ за тѣни лошадей, а не за живыя лошадиныя личности. Данте говоритъ о страхѣ, что подъ вліяніемъ его видится звѣрь тамъ, гдѣ только тѣнь. Здѣсь быть можетъ происходило обратное. Какую же еще можно увидать страну болѣе гиперборейскую!

Но когда мы тронулись въ путь, скоро засіяло солнце, то блестящее зимнее солнце, которое не грѣетъ, а только сіяетъ, ничего не живитъ, а только играетъ со снѣгомъ и льдомъ, въ игру весьма ослѣпительную, но и весьма обманчивую, такъ какъ все это богатство разсыпаемыхъ имъ по деревьямъ и крышамъ домовъ алмазовъ argéa tout — только „сосульки": картина многихъ эпохъ, блестящихъ военной славою и пѣснопѣніями лирическихъ поэтовъ, картина впрочемъ не новая, какъ не новы и впечатлѣнія поѣздки по желѣзной дорогѣ

зимою. Въ противоположность солнцу, печка нашего вагона хотя не блеститъ, но грѣетъ—и годится въ аллегорію мирнаго, филистерскаго благополучія. Впрочемъ, грѣетъ она слишкомъ, и уже черезъ часъ я начинаю желать, чтобы печка нѣсколько отклонилась отъ своей утилитарной дѣятельности и занялась чѣмъ-нибудь инымъ, отдыхала бы, если блистать не можетъ. Но усердный финляндецъ аккуратно черезъ часъ является съ новыми „подтопками“. Въ городѣ дрова баснословно дороги, а лѣсъ идетъ на мостовую и на продовольствіе локомотивовъ. Правда, говорятъ, дрова растутъ въ цѣнѣ не столько потому, что лѣсъ выростать не успѣваетъ, сколько потому что растутъ всѣ цѣны вообще, то-есть растетъ количество бумажныхъ цѣнностей. Но въ такомъ случаѣ иной острякъ посовѣтуетъ: топить бумажками, которыя дешевѣютъ, вмѣсто дровъ, которыя дорожаютъ. Надѣюсь, что съ успѣхами въ нашихъ финансахъ, мы къ этому когда-нибудь и придемъ, и въ этомъ смыслѣ можно сказать что лучшее средство исправно отапливать Петербургъ это — топить почаще, и по-систематичнѣе, ту печку, которая стоитъ на открытомъ воздухѣ, на Садовой. Напримѣръ, такъ систематично, какъ нашъ аккуратный финнъ топитъ нашу чугунку въ вагонѣ.— „Не довольно ли? очень жарко.“ Знаки недоумѣнія со стороны финна. Мимическое изображеніе жары, съ нашей стороны. — „Ja, so!“ восклицаетъ финнъ; понялъ.

По обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги безконечныя простыни или скатерти, „снѣжной бѣлизны“ конечно; но не такія какъ снѣгъ на петербургскихъ улицахъ, или скатерти и простыни въ русскихъ трактирахъ и гостинницахъ. Въ какое молчаніе погружены эти мѣста лѣтняго пребыванія петербуржцевъ, Лѣсной, Поклонная гора, Парголово! Не скажемъ—въ унынie, потому что блескъ солнца и снѣга исключаетъ идею унынія. Въ Парголовѣ нѣсколько пассажировъ сходятъ, и мы долго ихъ видимъ, какъ они пробираются по снѣжной тропинкѣ, поднимаясь на знакомую горку, идутъ берегомъ озера, и наконецъ исчезаютъ среди двухъ холмовъ. Двѣ-три крестьянки, два-три неопредѣленныхъ пальто, и нѣсколько плотниковъ, съ топорами, пилами и мѣшками на спинѣ. Строить господамъ дачи, идутъ эти мужички въ январѣ, въ тринадцать градусовъ, заблаговременно. Когда эти новыя дачи поспѣютъ, въ нихъ поселятся барышни, глубоко сожалѣя о Павловскѣ, а папаши станутъ пріѣзжать туда на день въ недѣлю, каждый разъ глубоко иронизируя надъ тою fatalité, которая заставляетъ петербуржцевъ непремѣнно жить на дачѣ.

Но не такъ думаетъ тотъ естествоиспытатель и тѣ поэты, которые здѣсь, на этомъ парголовскомъ озерѣ, съ такимъ энтузіазмомъ неподвижности, удятъ хитрую, нерѣдко издѣвающуюся надъ ними рыбу. They know better, какъ говорятъ англичане, и прелести парголовскаго озера для нихъ не имѣютъ тайнъ. Теперь, впрочемъ, подобные восторги со-

всѣмъ кажутся невѣроятны: сугробы и посреди ихъ — пароходная пристань. Да тутъ кажется крѣпость можно построить, а не то что плавать пароходамъ и поэтамъ въ челнокахъ.

Миновали петербургскія окрестности, даже и самыя отдаленныя. На станціяхъ начинаетъ показываться иной народъ, не тѣ „чухны", которые такъ знакомы, малорослые, съ неопредѣленными чертами лица, „желтоглазые", по выраженію извощиковъ. Народъ рослый, съ чертами лица болѣе опредѣленными. Чѣмъ далѣе станція отъ Петербурга, тѣмъ черты лицъ принимаютъ болѣе опредѣленности. Въ Гельсингфорсѣ они уже совсѣмъ подходятъ къ германскому типу, такъ какъ мѣстное крестьянство—шведскаго происхожденія. Простонародная одежда, по мѣрѣ того какъ удаляешься отъ Петербурга, также измѣняется, приближаясь къ общей европейской. Вы спросите: развѣ есть общій европейскій типъ простонародной одежды? Нѣтъ, въ смыслѣ безусловномъ, но сравнительно съ нашимъ типомъ—есть. Гельсингфорскій дворникъ или рабочій въ своей сѣрой куртеѣ, или полушубкѣ, съ мѣховой низенькой шапкой, конечно не похожъ на неаполитанскаго лаззароне. Но одежда ихъ обоихъ имѣетъ нѣчто общее, что отличаетъ ее отъ нашего типа: она коротка. Длинополость обусловливается не климатомъ; это просто восточная идея, и осуществляется она одинаково на сѣверѣ и на югѣ — татариномъ и вотякомъ, туркомъ и арабомъ. Нашъ долгополый кафтанъ и длинная шуба—восточное преданіе. У чухны, нашего сосѣда, — вы его знаете—также длинная шуба, перевязана она узкимъ поясомъ, воротникъ торчитъ кверху, а голова украшена популярною „фуражкою" на ватѣ, въ которой вата сосредоточилась шарообразно надъ головою; эта вата обнаруживаетъ наклонность вылетать, и несмотря на то, что она постоянно удовлетворяетъ такой наклонности, вѣчно сыплется, шаръ на головѣ все-таки не худѣетъ; точно будто въ немъ неисчерпаемый источникъ, или нѣчто въ родѣ самозарожденія ваты. Именно этотъ азіатскій типъ „чухны" скоро исчезаетъ передъ вами на финляндской дорогѣ. Вмѣсто него является финнъ въ короткой шубейкѣ въ пол-колѣна, или въ такой же короткой сѣрой или синей куртеѣ. Шапка у него мѣховая низкая, то-есть околышъ мѣховой, а верхъ суконный. Одѣтъ онъ исправно и чисто, такъ что глядя на эту исправность можно усомниться въ бѣдности населенія. Но бѣдность эта весьма реальная, а исправность одежды зависитъ просто отъ того чувства порядочности, которое проявляется здѣсь во всемъ.

На станціяхъ не видно ни суетливости, ни споровъ, ни гиканья. Финны довольно разговорчивы, и говорятъ скоро, но тихимъ голосомъ. Посмотрите на этихъ двухъ „суомалайновъ" (финляндцевъ): одинъ стоитъ подлѣ своей лошади, другой подъѣхалъ къ этому мѣсту и задѣлъ его сани. Они обмѣниваются замѣчаніями, и въ заключеніе

оба улыбаются. Далеко, должно быть, отъ нашихъ мѣстъ? Нѣтъ, всего верстъ сто въ пространствѣ. Во многомъ другомъ, дѣйствительно, далеко!

По всей дорогѣ ничто меня такъ не занимало, какъ эта порядочность, скажу джентльменность народа. Несмотря на отсутствіе носовыхъ платковъ, замѣчаемое иногда, финнъ держитъ себя истиннымъ джентльменомъ. Онъ держитъ себя такъ и съ равнымъ, и съ Herr'омъ. Со своимъ братомъ онъ фамильяренъ, но безъ всякихъ „приправъ“ и „подкрѣпленій“; съ Herr'омъ, онъ скроменъ, но безъ всякаго заискиванья. Онъ не заискиваетъ даже улыбкой. Онъ свободенъ, свободенъ искони; онъ *имѣетъ правила;* онъ грамотенъ.

Безконечно тянутся бѣлыя простыни, съ рядами елей, тоже покрытыхъ снѣгомъ. Къ вечеру, мѣстность стала становиться немного холмистѣе; березы точно изъ пуху сдѣланы, и похожи болѣе всего на тѣ узорныя деревья, какія выводитъ на нашихъ стеклахъ морозъ. Та же тонкость рисунка, та же капризность формъ. Съ запада солнце могло уже освѣщать только верхнюю часть этихъ березъ, толпящихся по холмамъ, и ее оно дѣлало нѣжно-розоваго цвѣта, въ то время какъ подножіе ихъ темнѣло. Отъ этого пространство между ними становилось больше, какъ-бы углублялось, и все это начинало принимать нѣсколько-сказочный характеръ. Не знаю, можно ли вѣрно передать этотъ эффектъ освѣщенія на картинѣ, но стоило бы. Пальму среди аравійскихъ песковъ, и въ отдаленіи тѣ египетскія постройки, которыя болѣе всего напоминаютъ мостъ на Фонтанкѣ, во всякомъ случаѣ легче нарисовать, чѣмъ эту бѣло-розовую поэзію сѣвера.

За то когда солнце скрылось совсѣмъ, картина сдѣлалась самая простая, такая какую легко передать на черной школьной доскѣ, мѣломъ. Какъ мы пріѣхали ночью въ Гельсингфорсъ, полагаю нѣтъ нужды описывать. Лучше поговорить о той желѣзной дорогѣ, по которой мы ѣхали. Желѣзная дорога отъ Гельсингфорса до Тавастгуса, то-есть на сѣверъ, построена въ 1863-мъ году. Чтобы соединить Петербургъ съ Гельсингфорсомъ нужно было провесть желѣзную дорогу отъ Петербурга до встрѣчи съ гельсингфорско-тавастгусскою дорогой; пунктомъ соединенія избрана была станція Рихимяки, тавастгусской дороги.

Желѣзная дорога отъ Петербурга до Рихимяки была начата въ мартѣ 1868, и движеніе открыто по всей ея длинѣ 11-го сентября 1870 г.; длина ея 347 верстъ. Дешевизна ея постройки еще болѣе замѣчательна, чѣмъ быстрота: она обошлась среднимъ числомъ въ $19^3/_4$ тыс. металл. рублей версту, всего 6 милл. 881 тыс. металл. рублей. Мѣстность, по которой идетъ дорога, довольно ровная; подъемы есть, но не особенно значительные. Главное затрудненіе представляли болота и рѣчки. Близъ станціи Райволы есть деревянный мостъ въ одинъ пролетъ; рельсовый путь возвышается на 54 фута надъ уровнемъ воды. Недоѣзжая до

Выборга находится болото Маскола, которое сильно затрудняло работы. Устроить плотину для желѣзной дороги на трясинѣ было не легко; насыпь нѣсколько разъ осѣдала. Между Петербургомъ и Выборгомъ пришлось трудиться еще надъ многими болотами. Между Райвола и Новой Киркой пришлось осушить или спустить въ рѣчку Линтулу до 17-ти озерковъ, находившихся на болотѣ. Тутъ же недалеко, близъ станціи Новой Кирки находится самый высокій пунктъ дороги, именно 213 футовъ надъ морскимъ уровнемъ. На пространствѣ дороги между Выборгомъ и станціею Лахтисъ находится возвышенность, по которой желѣзная дорога проходитъ; на этомъ же участкѣ желѣзная дорога на протяженіи 3 тысячъ футовъ проходитъ по болоту, которое имѣетъ до 40 футовъ глубины. Засыпано это болото такимъ образомъ: на поверхность были положены бревна, на нихъ фашины въ $1^1/_2$ аршина толщины, на нихъ слой песку 2—3 фут. толщины, наконецъ еще на 2 фута дресвы, булыжника и песку. На этомъ участкѣ было еще нѣсколько болотъ; желѣзная дорога проходитъ здѣсь частью даже по засыпаннымъ озерамъ: Сеппеленъ-ярви, Пулса-ярви, Титтара-ярви. Примѣчательнѣйшія сооруженія на этомъ участкѣ,—желѣзный мостъ чрезъ рѣку Кюмень и поворотный мостъ у Выборга. Первый состоитъ изъ одного желѣзнаго пролета, длиною въ 215 футовъ, между двумя деревянными пролетами, длиною каждый въ 60 футовъ; быки утверждены на скалѣ. Другой, поворотный мостъ у Выборга, стоитъ на проливѣ. Вотъ устройство его механизма: мостъ своею серединой опирается на каменный столбъ; по срединѣ этого столба укрѣпленъ чугунный стержень, который завершается четырехъ-дюймовымъ стальнымъ шаромъ, составляющимъ центръ вращенія поворотнаго моста. На этомъ шарѣ мостъ виситъ при проходѣ судовъ. Но когда нужно, чтобы мостъ сомкнулъ рельсовый путь, тогда онъ приводится въ вращеніе зубчаткою, которая цѣпляется за зубья дуги, находящейся на каждой сторонѣ моста. Приведенный въ движеніе, онъ идетъ на двадцати стальныхъ шарахъ, служащихъ вальками.

Послѣдній участокъ дороги, т.-е. отъ Лахтиса до Рихимякъ представляетъ мѣстность довольно ровную; тутъ главная трудность состояла въ необходимости избѣгать частыхъ рѣчекъ и холмовъ, то-есть вести путь безпрестанными изгибами. Впрочемъ, къ Рихимякамъ оказалось все-таки неизбѣжнымъ прорѣзать скалистую возвышенность, что и было сдѣлано помощью пороховыхъ взрывовъ [1]). Дорога построена исключительно финляндскими инженерами. Желѣзныя части мостовъ и подвижной составъ заказывались въ Англіи и Германіи, но по проектамъ финляндскихъ строителей.

---

[1]) Свѣдѣнія о работахъ извлечены изъ отчета «Сооруженіе рихимяки-петербургской желѣзной дороги». 1871.

Дорога начала строиться въ бѣдственный по неурожаю 1868-й годъ. Постройка эта тотчасъ доставила населенію ощутительную пользу, такъ какъ уже въ 1868-мъ году издержано было на однѣ земляныя работы около $1^1/_2$ милл. марокъ, и на работы являлось ежедневно 10 и 11 тысячъ человѣкъ. Но голодъ уже произвелъ въ то время свое обычное послѣдствіе—болѣзни, преимущественно тифъ. Дирекція дороги приняла мѣры къ прекращенію болѣзней. Назначенъ былъ вычетъ изъ заработной платы по 4 пенни въ день (1 к. сер.), и этими деньгами покрыто было устройство и содержаніе 15-ти больницъ. Число больныхъ доходило въ апрѣлѣ 1868-го до 22% всего числа рабочихъ, но оно быстро уменьшилось вслѣдствіе принятыхъ мѣръ и лучшаго продовольствія, такъ что къ концу года больные составляли только 4%. Дирекція должна была озаботиться и продовольствіемъ рабочихъ, частью даже сама покупала муку и продавала ее рабочимъ въ разницу по оптовой цѣнѣ. Безпорядокъ между рабочими произошелъ только разъ, именно близъ Лахтиса, въ сентябрѣ 1868-го года. Тогда назначенъ былъ экстренный ленсманъ (становой) и въ помощь ему даны надежные люди изъ числа самихъ рабочихъ.

Казна имперіи участвовала въ постройкѣ петербурго-рихимякской дороги субсидіею въ $2^1/_2$ милл. руб., подъ условіемъ участія въ чистомъ доходѣ дороги въ размѣрѣ $^1/_3$.

II.

Гельсингфорсъ нужно видѣть лѣтомъ; онъ расположенъ на скалистомъ берегѣ, не очень высоко, но довольно круто поднимающемся отъ моря. Море врѣзывается въ него тремя заливами. Въ центрѣ города два бульвара, изъ которыхъ одинъ очень широкій, представляющій рядъ скверовъ. Городъ небольшой и лежащій на неровной мѣстности, такъ что отовсюду видна грань лѣса, которая его окаймляетъ. Впереди, на морѣ видно много острововъ, одна группа которыхъ составляетъ Свеаборгъ. Наконецъ, портъ бываетъ наполненъ судами. Такимъ образомъ, зимою Гельсингфорсъ лишенъ всѣхъ главныхъ своихъ красотъ. Остается одна—неровность мѣстности, которая даетъ чрезвычайно величественный видъ самому монументальному изъ его зданій—собору св. Николая. Если смотрѣть на городъ съ моря, то этотъ соборъ, стоящій на самомъ высокомъ мѣстѣ, подавляетъ собою весь Гельсингфорсъ. Зданія Гельсингфорса, за исключеніемъ собора и рыцарскаго дома, не имѣютъ ничего оригинальнаго. Столица Финляндіи похожа на Васильевскій островъ, при чемъ не слѣдуетъ забывать, что и на Васильевскомъ острову есть такія зданія какъ университетъ, обѣ академіи, бывшій домъ Меншикова и т. д., подобныя которымъ есть и въ Гельсингфорсѣ. Но видъ обыкновенныхъ домовъ,

какъ частныхъ, такъ и общественныхъ здѣсь — совершенно петербургскій. Та же постройка, то же расположеніе, та же краска. Сходство съ Петербургомъ еще увеличивается прямизною гельсингфорскихъ улицъ. Однимъ словомъ, еслибы вслѣдствіе какого-нибудь волканическаго феномена, Большой проспектъ Васильевскаго острова очутился на горѣ, то эта часть Петербурга давала бы совершенно ясное понятіе о Гельсингфорсѣ, за исключеніемъ его собора.

Сходство это объясняется тѣмъ фактомъ, что нынѣшній Гельсингфорсъ—городъ новый, отстроенный въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Правда, первоначальное основаніе Гельсингфорса относится къ XVI-му столѣтію, такъ какъ онъ былъ заложенъ Густавомъ-Вазой; но еще при шведскомъ владѣніи, городъ былъ перенесенъ за нѣсколько верстъ отъ прежняго мѣста (тамъ теперь селеніе Гаммальстадъ), къ болѣе глубокой, нынѣшней гавани. Это было въ 1642-мъ году, при королевѣ Христинѣ. Но такъ какъ финляндскій берегъ постоянно и досихъ поръ поднимается, а прибрежныя воды мелѣютъ, то нынѣшній гельсингфорскій портъ вѣроятно придется перенесть въ другой, болѣе глубокій изъ гельсингфорскихъ заливовъ, за островъ Скатуденъ. На этомъ островѣ имѣются единственные, весьма невзрачные остатки Гельсингфорса прошлаго вѣка. Въ 1809-мъ году почти весь городъ сгорѣлъ, и сталъ отстраиваться вновь уже съ 1819-го года, когда столица была перенесена изъ Або въ Гельсингфорсъ; затѣмъ при новой постройкѣ срыли и то, что́ еще оставалось отъ прежняго города. Такимъ образомъ, нынѣшній Гельсингфорсъ обязанъ своимъ происхожденіемъ соединенію съ Россіею и потому естественно, что зданія его имѣютъ именно петербургскую физіономію.

Лучшій пріемъ для скораго ознакомленія съ мѣстностью неизвѣстнаго города: избрать на планѣ двѣ главныя линіи, къ которымъ можно относить все остальное, и проѣхать по нимъ; затѣмъ ходить пѣшкомъ, не спрашивая дороги. Если городъ древній—достаточно проѣхать по кольцу бульваровъ и вдоль рѣки; если городъ новый—слѣдуетъ взять за основаніе крестъ изъ двухъ главныхъ, длиннѣйшихъ улицъ. Такъ, въ Парижѣ, Москвѣ, Вѣнѣ — объѣхавъ бульвары и по набережной—вы получите въ умѣ основу всей карты города; въ Берлинѣ и Петербургѣ, проѣхавъ вдоль „Липъ“ и Фридрихштрассе, Невскаго и Садовой—вы получите также основу карты. Одинъ Лондонъ, по громадности своей, не поддается этому упрощенному способу съемки на глазомѣръ. Переходя отъ большого къ малому, для полнаго ознакомленія съ Гельсингфорсомъ, какъ городомъ новымъ, достаточно объѣхать крестъ двухъ главныхъ его улицъ: „Эспланадской“ улицы и улицы „Соединенія“ (Unions-gatan). Если смотрѣть на городъ съ моря, то прежде всего видна гранитная набережная, и за нею площадь, по которой идетъ линія высокихъ каменныхъ домовъ. Это и есть площадь

Эспланады. Здѣсь находятся главные отели города: Societetshus и Hotel Kleine. Самое центральное мѣсто занимаетъ именно Societetshus, большой трехъэтажный домъ, стоящій отдѣльно между двумя переулками. На продолженіи этой площади къ востоку находятся дворецъ и русская каменная церковь, стоящая на гранитномъ утесѣ. Продолженіе же площади на западъ есть Эспланадская улица, на которой дома стоятъ уже по обѣимъ сторонамъ. По этой улицѣ и идетъ рядъ скверовъ, и на концѣ его стоитъ шведскій театръ. Затѣмъ возвращаемся опять на площадь Эспланады и ѣдемъ съ нея подъ прямымъ угломъ на югъ; останавливаемся у обсерваторіи, стоящей на возвышеніи: тутъ мы имѣемъ передъ собой море. Обернувшись же назадъ лицомъ къ сѣверу, то-есть къ городу, мы видимъ предъ собою длинную прямую линію, которая сперва спускается, потомъ опять идетъ вверхъ и наконецъ исчезаетъ опять въ морѣ, такъ какъ Гельсингфорсъ, стоящій на мысѣ, окруженъ моремъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверо-запада. Эта длинная линія, перпендикулярная къ линіи Эспланады и есть улица „Соединенія“, главная улица Гельсингфорса, идущая вдоль сенатской площади, то-есть самаго центра города. Въ четырехъ углахъ этого креста расположены прямоугольники, образующіе весь городъ. Итакъ, начертаніе Гельсингфорса еще болѣе правильное, чѣмъ Петербурга, такъ какъ не только улицы прямы, но прямы и углы ими образуемые; нѣтъ тѣхъ лучей, которыя представляются здѣсь тремя улицами, расходящимися съ Адмиралтейской площади. Если представить себѣ, вмѣсто Большой и Малой Невы море, то карта Васильевскаго острова можетъ дать близкое понятіе о картѣ финляндской столицы. Съ юга, востока и сѣвера — вода. Румянцовская площадь, вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ стоитъ академія художествъ, это площадь Эспланады (которая, впрочемъ, не такъ глубока). Четвертая линія въ такомъ случаѣ, будетъ Unions-gatan. Объѣхавъ двѣ главныя улицы начнемъ обходить, но прежде нѣсколько словъ о способѣ ѣзды. Пріѣзжаго въ Гельсингфорсѣ скоро поражаетъ то обстоятельство, что тамъ вовсе не видно каретъ. Можно прожить въ Гельсингфорсѣ недѣлю и не видать положительно ни одной кареты. А между тѣмъ городъ имѣетъ свыше 30-ти тысячъ жителей, и теперь какъ разъ время съѣзда, сеймовое время. Кареты, конечно, есть, хотя ихъ очень немного, но онѣ употребляются мало, какъ по близости разстояній, такъ и потому, что финляндцы не имѣютъ никакой ostentation, и ко всему похожему на это питаютъ отвращеніе. Вы можете увидѣть карету пріѣзжающую къ театру или клубу; но не увидите нигдѣ „съѣзда“ каретъ, потому что онѣ непремѣнно отсылаются домой. Днемъ же даже достаточныя семейства ѣздятъ въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, саняхъ совершенно въ родѣ тѣхъ, которые пріѣзжаютъ на масляницу въ Петербургъ, только съ двумя поперечными скамьями

и третьею для кучера, разумѣется чище сдѣланныхъ, крашенныхъ и покрытыхъ коврами. Цѣлое семейство весело и бойко катитъ себѣ въ этихъ саняхъ на крѣпкой, рысистой шведской лошадкѣ, съ бубенчиками, съ легкой дугой, или въ англійской упряжкѣ. Лошадка такая иногда, за которую охотно можно бы отдать пару нашихъ статныхъ, каретныхъ клячъ; бляхи на сбруѣ нерѣдко серебряныя, но форма саней такова, что любой нашъ франтоватый „заяцъ", изъ тѣхъ, что засѣдаютъ у Доминика, ужаснулся бы сѣсть въ столь простой экипажъ.

Извощики одѣты совершенно такъ, какъ ихъ петербургскіе собраты, только шапки носятъ мѣховыя, круглыя, отрицая ту увѣсистую четвероугольную перину подъ плисомъ, которою щеголяютъ наши кучера. Сани совершенно такія какъ у петербургскихъ извощиковъ, и упряжка по большей части тоже русская, иногда англійская. Это сходство извощиковъ соотвѣтствуетъ сходству домовъ и окончательно сближаетъ зимній Гельсингфорсъ съ Васильевскимъ островомъ, разумѣется, только на первый взглядъ. Между тѣмъ, эти извощики — даже не финны, а шведы, такъ какъ Гельсингфорсъ стоитъ въ центрѣ шведскаго населенія. Очень немногіе изъ нихъ понимаютъ по-русски и то очень немного. Но сходство все чисто-внѣшнее, и какъ только дѣло коснется смысла вещей, между Гельсингфорсомъ и Петербургомъ оказывается полнѣйшее несходство. Недалеко ходить — это сказывается хоть на тѣхъ же извощикахъ, одѣтыхъ по-петербургски и сидящихъ на такихъ же санкахъ. Никогда вы не найдете у извощика хромой лошади, никогда не увидите, чтобы онъ безпощадно стегалъ ее, никогда онъ не ругаетъ ни лошадь, ни встрѣчныхъ своихъ коллеговъ, хотя при быстрой ѣздѣ они нерѣдко едва не задѣваютъ другъ друга. Только раза два намъ случилось услыхать понятное слово „пе́ркеле"; но это было въ ночную пору, такъ что нельзя было разсмотрѣть, кто произносилъ его. Для извощиковъ въ Гельсингфорсѣ, какъ во всѣхъ нерусскихъ городахъ, существуетъ такса: 40 пенни (10 коп.) конецъ; ночью цѣна выше, кажется, вдвое. Извощики не запрашиваютъ и не навязываютъ своихъ услугъ; они ждутъ сѣдоковъ и ограничиваются вопросительнымъ взглядомъ на прохожихъ.

Итакъ, отправимся осматривать частности. Выходя изъ отеля утромъ, мы находимъ на площади Эспланады настоящій рынокъ, нѣчто въ родѣ Сѣнной. Значительная часть площади уставлена длинными санями, въ которыхъ подгородные жители привезли всякую всячину: дичь, окорока, масло, деревянную посуду и т. д. Между рядами этихъ саней расхаживаютъ закупающія хозяйки и кухарки. Нѣсколько подальше, на самомъ берегу, — такой же переносный рыбный рынокъ, гдѣ торгуютъ бабы. Рынокъ на площади происходитъ каждое утро, часовъ до 12-ти, потомъ исчезаетъ, и постояннымъ постояльцемъ на

площади остается только полицейскій съ поднятымъ воротникомъ, согнувшійся и свернувшійся отъ мороза, но съ висящею у бедра саблею въ желѣзныхъ ножнахъ, которая все-таки не придаетъ ему воинственнаго вида. Вообще, полиція въ Гельсингфорсѣ, хотя она по мундиру похожа на петербургскую (только синіе воротники и околыши), но не имѣетъ въ себѣ ничего начальственнаго; она такая же „добрая", какъ полиція въ добромъ городѣ Вѣнѣ, гдѣ полицейскій всегда улыбается, когда съ нимъ заговоришь. Мнѣ понадобился адресъ одного лица, которое я не могъ найти по указанію данному мнѣ въ Петербургѣ; я отправился въ полицейское управленіе и встрѣтилъ тамъ такую любезность, какую, быть можетъ, въ петербургскомъ участкѣ найдетъ русскій генералъ, но ужъ навѣрное не простой смертный, не умѣющій къ тому же и объяснить своего желанія. Тотчасъ нашелся человѣкъ, который послужилъ переводчикомъ, тотчасъ стали рыться въ книгахъ и рылись до такой степени, что мнѣ стало совѣстно, такъ какъ я зналъ только фамилію, а легко ли по одной фамиліи найти человѣка въ 30-ти-тысячномъ населеніи. Наконецъ, дали мнѣ въ провожатые полицейскаго, и при его помощи я, наконецъ, добылъ нужный мнѣ адресъ.

На восточномъ концѣ Эспланады находятся дворецъ, памятникъ и русская церковь. Дворецъ не замѣчателенъ. Это—трехъэтажный домъ, красивый, построенный, какъ мнѣ сказывалъ одинъ старожилъ, какимъ-то купцомъ, у котораго домъ этотъ былъ потомъ купленъ въ казну. Памятникъ, стоящій на берегу, имѣетъ видъ конуса, съ позолоченнымъ шаромъ на вершинѣ, на которомъ сидитъ орелъ; на немъ шведская надпись гласитъ, что поставленъ онъ въ память посѣщенія столицы Финляндіи императрицею Александрой Ѳедоровной въ 1833-мъ году. На крайней точкѣ этого конца Эспланады стоитъ на гранитномъ утесѣ православная церковь, построенная уже при нынѣшнемъ генералъ-губернаторѣ Финляндіи. Она построена въ томъ родѣ, какъ въ Петербургѣ егерьская церковь, у царскосельской желѣзной дороги и конногвардейская, что на бульварѣ. Съ одной стороны сдѣланъ подъемъ для въѣзда экипажей; съ другихъ сторонъ пьедесталъ ея — крутой утесъ. Внутренность церкви красива, и въ самомъ дѣлѣ замѣчательны въ ней необыкновенной толщины гранитныя колонны.

Возвращаясь назадъ, къ центру рынка на Эспланадѣ, пройдемъ нѣсколько саженъ по Эспланадской улицѣ, и тогда будемъ на углу улицы „Соединенія". На южномъ концѣ Unions-gatan, которая, какъ уже сказано, пересѣкаетъ Эспланадскую, видна, стоящая на возвышеніи, обсерваторія. Она замѣчательна по своимъ тремъ башнямъ. Но мы возьмемъ теперь по Уніонской улицѣ на сѣверъ; тутъ передъ нами самая знатная часть Гельсингфорса, а такъ какъ знатность въ странѣ демократическихъ нравовъ означаетъ общественность, то эта Unions-

gatan, съ ея магазинами предметовъ роскоши и приводитъ насъ къ той площади, на которой стоитъ великанъ—соборъ св. Николая, а по двумъ другимъ бокамъ, другъ противъ друга—финляндскій сенатъ и Александровскій университетъ. Сама по себѣ, то-есть независимо отъ прилегающихъ къ ней улицъ, эта площадь, Senats-torget, расположена такъ, какъ въ Петербургѣ петровская; сенатъ тамъ и стоитъ, гдѣ нашъ сенатъ, соборъ св. Николая тамъ, гдѣ соборъ св. Исаакія, а на мѣстѣ адмиралтейства стоитъ университетъ. Только представьте себѣ, что Исакіевскій соборъ пододвинулся бы ближе къ Петровской площади и сталъ на скалу. Петербуржцамъ можетъ быть и трудно представить себѣ въ воображеніи такой фактъ, такъ какъ народная молва приписываетъ Исаакію скорѣе намѣреніе центростремительное, чѣмъ центробѣжное. Но съ нѣкоторымъ усиліемъ, представить себѣ такое возвышеніе Исаакія все-таки можно. Тогда, для дополненія картины, останется только добавить, что позади сената и университета, тамъ гдѣ линія набережной Невы, идетъ третья, по важности въ Гельсингфорсѣ, Александровская улица, пересѣкающая улицу „Соединенія“. Итакъ, „Соединеніе“, „Александровская“ улица, „Александровскій“ университетъ, все здѣсь говоритъ объ одномъ фактѣ. Взглянувъ на красивыя, большія зданія университета и сената, вы тотчасъ замѣтите, что и они говорятъ о томъ же фактѣ; оба они украшены портиками, т.-е. принадлежатъ къ той самой архитектурѣ александровскаго періода, къ которой относятся и многія зданія въ Петербургѣ: адмиралтейство, сенатъ и синодъ, дома Лобанова, Румянцева и т. д. Финляндскій университетъ напоминаетъ отчасти наше военное министерство, только стоитъ выше, такъ что лѣстница къ нему въ полтора или два раза выше, чѣмъ къ Лобанову дому, и притомъ, онъ выкрашенъ бѣлой краской, что придаетъ ему болѣе легкости и изящества. Но что́ совершенно своеобразно, такъ это соборъ св. Николая. Представьте себѣ на гранитной скалѣ, высотою надъ уровнемъ площади (которая сама довольно высока относительно берега) сажени въ три, и шириною почти во всю площадь, огромное зданіе собора, съ пятью главами и портикомъ, а по обѣимъ сторонамъ его, совершенно отдѣльно, на двухъ углахъ скалы — высокіе и узкіе флигеля, заполняющіе собою мѣсто на верхней площади скалы, которая иначе представляла бы нѣкій плацпарадъ. Все это, вмѣстѣ взятое, не представляетъ, правда, опредѣленнаго стиля, но между тѣмъ сливается въ нѣчто цѣльное, очень красивое по пропорціональности, а по положенію своему на скалѣ, на центральномъ мѣстѣ города, необыкновенно величественное.

Скала по бокамъ своимъ здѣсь, какъ и подъ русской церковью, выравнена правильными кусками гранита. Со средины площади ведетъ къ церкви лѣстница шириной почти во всю скалу; этихъ громадныхъ по ширинѣ ступеней, высѣченныхъ въ гранитѣ, числомъ до пятиде-

сяти. Внутри, соборъ св. Николая изящепъ, но далеко не такъ величественъ, какъ снаружи, и производитъ даже нѣкоторое давящее впечатлѣніе. Происходитъ это оттого, что входя въ этотъ храмъ съ высокими куполами, вы ожидаете найти внутри ту же высоту, а между тѣмъ, внутри подъ куполомъ вы находите сводъ. Отъ этого и самый соборъ нѣсколько теменъ. Отдѣлка внутри очень проста, но изящна; все украшеніе заключается въ колоннахъ. На алтарѣ нѣтъ высокихъ свѣчъ, какія бываютъ въ католическихъ и въ нѣкоторыхъ лютеранскихъ церквахъ. Мужчины занимаютъ скамьи одной стороны, женщины другой, но это соблюдается не безусловно строго. При нашемъ посѣщеніи, въ церкви былъ такой кашель, что по временамъ почти не слышно было голоса проповѣдника. Съ лѣвой стороны собора, то-есть съ Уніонской улицы, сдѣланъ подъемъ для въѣзда на верхнюю площадь къ собору. Соборъ отстроенъ въ 1830-мъ году.

Въ соборѣ св. Николая происходитъ и богослуженіе при открытіи и закрытіи сессій сейма, и на этомъ богослуженіи присутствуютъ генералъ-губернаторъ, члены сейма и сената, церемоніймейстеры сейма и т. д. Возвѣщеніе объ открытіи сейма происходитъ тутъ же на сенатской площади, съ крыльца сената, при звукѣ трубъ, при чемъ финское войско, то-есть гвардейскій финскій стрѣлковый баталіонъ, стоящій въ Гельсингфорсѣ, строится на площади.

Уніонская улица, проходя мимо университета и собора значительно поднимается и затѣмъ представляетъ еще на полверсты ряды довольно большихъ домовъ; но какъ только свернете съ нея въ одну изъ боковыхъ улицъ, тотчасъ увидите деревянные дома, въ перемежку съ каменными. Александровская улица, которая пересѣкаетъ ее у университета и составляетъ параллель Эспланадской улицѣ, также обстроена высокими домами. Эти, вмѣстѣ съ Уніонской, самыя длинныя улицы въ Гельсингфорсѣ, а именно Unions-gatan отъ обсерваторіи до залива имѣетъ полторы версты, а Alexandra-gatan немного менѣе версты. Вообще, чтобы дать понятіе о величинѣ города, замѣтимъ, что самое дальнее разстояніе въ этомъ городѣ, напримѣръ, отъ заведенія водъ до крайняго пункта противоположнаго городского парка при заливѣ Тёлё, или между крайними пунктами на юго-западѣ и сѣверовостокѣ, не превосходитъ двухъ съ половиною верстъ, въ прямой линіи; а при правильности угловъ и линій улицъ, оно не далеко отъ этого и въ дѣйствительности. Мы уже сказали, что лошади у извощиковъ хорошія, ѣзда быстрая; итакъ, понятно, что минутъ въ 20 вы проѣдете Гельсингфорсъ изъ конца въ конецъ. Но зимою, когда нѣтъ нужды ѣздить ни на воды, ни въ паркъ, поѣздка ваша по большей части продолжается пять, много десять минутъ. У всѣхъ извощиковъ имѣется на упряжкѣ бубенчикъ, и это тихое звяканье бубенчиковъ вы слышите въ Гельсингфорсѣ цѣлый день.

Улицы Уніонская, Александровская и Эспландская представляютъ собой центръ дѣятельности и на нихъ группируются лучшіе магазины. Гуляютъ лѣтомъ въ скверахъ Эспланадской улицы, гдѣ устроенъ павильонъ, съ кофейнею, служащею купцамъ для переговоровъ о дѣлахъ, и на самой набережной Эспланады, на берегу моря. Сверхъ того, мѣста лѣтнихъ прогулокъ — парки: городской, у залива Тёлё, и заведеніе водъ, на морѣ, противъ Свеаборга. Зимою предъобѣденное гулянье сосредоточивается на Эспланадской улицѣ, вдоль скверовъ и на той аристократической части Уніонской улицы, которая заключается между Эспланадою и сенатской площадью. Въ это время, въ будніе дни гуляютъ собственно только женщины, въ особенности молодыя дѣвушки, такъ какъ для такого ежедневнаго гулянья дамъ съ кавалерами, какое мы видимъ въ предъобѣденное время на Невскомъ, въ столицѣ Финляндіи не имѣется достаточнаго числа ничѣмъ инымъ незанятыхъ кавалеровъ. На южной сторонѣ Эспланадской улицы замѣтимъ домъ, предъ которымъ ходитъ часовой съ ружьемъ: это домъ генералъ-губернатора, очень небольшой, двухъ-этажный. Въ томъ же центрѣ города, о которомъ мы теперь говоримъ, имѣется нѣсколько книжныхъ лавокъ—роскошь неизвѣстная во многихъ русскихъ городахъ съ равнымъ и даже болѣе многочисленнымъ населеніемъ.

Въ гельсингфорскихъ книжныхъ лавкахъ вы находите книги на разныхъ языкахъ, но всѣ выставленныя на показъ книги, въ окнахъ, на дверяхъ и въ самой лавкѣ—шведскія. Такъ и въ Societetshus вы находите кромѣ трехъ шведскихъ газетъ, выходящихъ въ Гельсингфорсѣ, еще нѣсколько стокгольмскихъ газетъ, а изъ иныхъ только Петербургскія вѣдомости и „Petersburger Zeitung“. Но въ клубахъ имѣются иностранныя газеты и кромѣ шведскихъ. Сколько мы замѣтили, только два магазина въ Гельсингфорсѣ имѣютъ зеркальныя окна. Главные магазины на Уніонской улицѣ, это — магазинъ матерій или тканей (что у насъ называется голландская лавка), магазинъ фруктовый (то-есть въ родѣ милютиныхъ лавокъ; онъ принадлежитъ русскому), книжные и табачные магазины. Американскій табакъ для трубки въ Гельсингфорсѣ очень хорошъ и дешевъ; это то финляндское издѣліе, которое въ Петербургѣ извѣстно подъ именемъ выборгскаго табаку. Табакъ и сигары продаются безъ бандеролей. Сигары можно найти порядочныя, но не дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ, т.-е. 50—60 марокъ; но здѣсь прежде чѣмъ купить, можно открыть ящикъ и закурить сигару, такъ какъ сигары продаются и по десяткамъ, и даже поштучно.

Дообѣденная прогулка — constitutional walk, какъ ее называютъ англичане — и здѣсь соединяется съ shopping, то-есть съ рысканьемъ по лавкамъ, для отысканія нужнаго, упражненіе, къ которому такъ пристрастны женщины. Въ лучшихъ магазинахъ говорятъ и по-нѣ-

мецки, иногда по-русски. Дообѣденное время въ Гельсингфорсѣ считается до двухъ, много до трехъ часовъ. Табльдотъ въ Societetshus въ половинѣ третьяго, то-есть въ три часа по нашимъ часамъ, такъ какъ гельсингфорскіе часы отстаютъ отъ нашихъ на 25 минутъ. Мы сказали выше, что по утрамъ на улицахъ видно много молодыхъ дѣвушекъ. Прибавимъ, что дѣвушка въ Финляндіи пользуется большею самостоятельностью, чѣмъ у насъ, въ томъ смыслѣ, что она выходитъ изъ дому безъ провожатаго, и даже нерѣдко возвращается вечеромъ изъ гостей одна, пѣшкомъ, что въ Петербургѣ уже окончательно немыслимо. Возможно это, разумѣется, только тамъ, гдѣ нѣтъ уличнаго торга проституціею, и гдѣ за женщину, въ случаѣ обиды, заступится единогласно вся улица. Вотъ почему дѣвушка въ Гельсингфорсѣ спокойно идетъ по улицѣ даже часу въ одиннадцатомъ вечера, несмотря на то что въ городѣ не мало солдатъ и офицеровъ, изъ которыхъ только небольшая часть принадлежитъ финскому войску, вполнѣ знакомому съ мѣстными нравами. Но страхъ, благородный страхъ передъ закономъ здѣсь дѣйствуетъ не на однихъ финляндцевъ. Финляндцы его знаютъ и уважаютъ; русскіе же опасаются его тѣмъ болѣе, что онъ написанъ по-шведски, и примѣняется финляндскими судьями.

Походя по улицамъ Гельсингфорса, и побывавъ въ его публичныхъ собраніяхъ, нельзя не замѣтить совершеннаго отсутствія „воинскаго шика“ даже и въ нашихъ русскихъ военныхъ. Должно быть воздухъ такой, или та причина, что тамъ, гдѣ нельзя произвесть впечатлѣнія волоча саблю по улицѣ и театру, не стоитъ и снимать ее съ крючка, но только наши военные держатъ себя въ Гельсингфорсѣ такъ, какъ будто всѣ они воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній.

На Уніонской улицѣ нерѣдко можно встрѣтить студентовъ, прохаживающихся группами. Студенты въ Гельсингфорсѣ имѣютъ немалое значеніе и это совершенно естественно. Гельсингфорскій университетъ, вѣдь это, можно сказать, умственное отечество всего многочисленнаго образованнаго класса Финляндіи. Онъ—его мысль, его духъ, его воспоминанія соединяютъ все это общество: и пасторовъ, и чиновниковъ всѣхъ степеней, и врачей, и многихъ купцовъ, и помѣщиковъ, и литераторовъ. Единство этого общества обусловлено не только мыслью о värt land, то-есть о маломъ, бѣдномъ, но любезномъ отечествѣ, а еще — равенствомъ правъ сословій, которыя представляютъ скорѣе профессіи, чѣмъ сословія, и наконецъ мыслью, воспоминаніемъ объ общей кормилицѣ, alma mater, о четырехъ стѣнахъ, всѣмъ имъ общихъ, всѣмъ равно дорогихъ.

Гельсингфоргскій университетъ возникъ не въ самомъ Гельсингфорсѣ; онъ существуетъ уже болѣе 200 лѣтъ, и въ Гельсингфорсъ перенесенъ былъ въ 1828-мъ году послѣ пожара, который разрушилъ зданія университета въ Або. Въ Або была основана въ царствованіе

Густава-Адольфа гимназія, которая въ 1640-мъ году и была обращена въ университетъ. Во время войнъ Карла XII съ Россіею, абоскій университетъ былъ закрытъ и открылся вновь только въ 1722-мъ году. Густавъ-Адольфъ IV заложилъ новое зданіе для университета въ Або, въ 1802-мъ году. По присоединеніи всей Финляндіи къ Россіи, императоръ Александръ значительно расширилъ и обогатилъ университетъ. Пожаръ 1827-го года истребилъ зданія и многія коллекціи университета. Затѣмъ, университетъ былъ перенесенъ въ Гельсингфорсъ, гдѣ для него и для библіотеки построены были обширныя зданія. Недавно выстроено особое, очень помѣстительное и можно сказать роскошное зданіе для университетской лабораторіи.

Посѣтивъ лабораторію, мы нашли тамъ много работающихъ студентовъ, гораздо больше, чѣмъ видывали въ свое время въ лабораторіи петербургскаго университета. На торжество по случаю юбилея епископа Франце́на, шведскаго поэта, финляндца, происходившее въ университетѣ мы не попали, но видѣли актовую залу съ ея юбилейнымъ убранствомъ; вокругъ изображенія поэта — ели, и вся зала убрана елями и гирляндами изъ сосновыхъ вѣтвей. Библіотека университета замѣчательна, какъ по богатству — въ ней около 100 тысячъ томовъ—такъ и по архитектурной красотѣ залъ. Три большихъ зала, съ колоннами, въ два свѣта; на верху галлерея, вдоль которой разставлены также стеклянные шкапы съ книгами. Формальностей для входа и занятій нѣтъ никакихъ, и нѣтъ примѣра кражи. Библіотека университета есть вмѣстѣ и публичная библіотека Гельсингфорса. Она, какъ мы слышали, особенно богата по отдѣлу естественныхъ наукъ.

Университетъ представляетъ душу Финляндіи; онъ извлекъ изъ пренебреженія природный языкъ, онъ собралъ все то, что́ финнъ знаетъ о своей національности, показавъ этому народу его долю въ исторіи, разработавъ самый языкъ; ему принадлежатъ всѣ тѣ мѣстныя знаменитости, которыми гордится Финляндія; наконецъ, онъ воспитываетъ мысль общественную и вмѣстѣ вырабатываетъ ея стремленія; самая церковь, по своему составу, не что иное, какъ отраженіе университета. Онъ, стало быть, въ нравственномъ отношеніи *все* для финляндца, онъ представитель самой національности финляндской. Еслибы онъ какимъ-либо земнымъ чудомъ исчезъ, хотя на время, то это было бы совсѣмъ не то, какъ еслибы исчезъ, напримѣръ, университетъ казанскій. Это было бы не исчезновеніе одного университа, а ударъ, нанесенный самой финской національности. Безъ своего университета, финляндецъ непремѣнно обратился бы въ шведа, потому что умственнымъ центромъ его сталъ бы Стокгольмъ, несмотря на то что въ Гельсингфорсѣ собирался бы финляндскій сеймъ, а въ Або жилъ бы архіепископъ. Вѣдь на сеймѣ и въ церкви говорили бы люди изъ шведскихъ университетовъ.

Великое значеніе университета для Финляндіи дѣлаетъ то, что каждый финляндецъ питаетъ особое сочувствіе къ студенту. Даже простой финляндецъ когда говоритъ о какомъ-нибудь молодомъ человѣкѣ, что онъ слушаетъ курсъ въ гельсингфорскомъ университетѣ, то принимаетъ нѣсколько важный видъ, и одобрительно киваетъ головой. Студенты это именно—filii patriae. Сословія въ Финляндіи сознаютъ важность университета въ равной степени, а отсюда естественно происходитъ, что большинство гельсингфорскихъ студентовъ—сыновья зажиточныхъ крестьянъ. При образованности женщинъ въ финляндскомъ обществѣ, понятно, что студентъ и въ обществѣ играетъ не послѣднюю роль. Въ сущности ему принадлежитъ первая роль послѣ какихъ-нибудь авторитетныхъ людей. Гельсингфорскіе студенты имѣютъ не только право собранія, но и свой домъ для собраній, студентскій домъ или клубъ, съ большою, прекрасною библіотекою. Домъ этотъ и библіотека устроены на деньги, собранныя студентами, которые съ этой цѣлью объѣзжали города Финляндіи, устроивая концерты, въ которыхъ сами участвовали. Само собою разумѣется, что касса и весь порядокъ въ клубѣ находятся въ ихъ распоряженіи. По временамъ, они даютъ въ своемъ клубѣ балы, которые по своей оживленности и порядочности безъ франтовства, привлекаютъ все гельсингфорское общество. Понятно, что какъ представители молодой интеллигенціи Финляндіи, студенты яснѣе чѣмъ кто-либо отражаютъ въ себѣ и общественныя стремленія. Такимъ образомъ, такъ-называемое финноманское движеніе нашло самыхъ дѣятельныхъ пропагандистовъ именно въ университетской молодежи. Въ послѣднее время, среди кружка студентовъ изъ Нюланда и Остроботніи, то-есть изъ шведскихъ колоній, возникло стремленіе, не скажемъ въ противуположномъ, но въ корректив номъ смыслѣ. Направленія противуположнаго финскому, которое есть національное, держатся только консерваторы, и то вовсе не по особенной симпатіи къ Швеціи, а просто изъ консерватизма, то-есть потому, что изстари общественнымъ языкомъ былъ шведскій, а то что́ было встарину было достаточно хорошо. Шведской партіи въ смыслѣ политической вовсе не существуетъ въ странѣ, даже въ средѣ наиболѣе способной къ увлеченію, т.-е. именно въ студенческой. Та же новая партія, о которой мы повели рѣчь по поводу нюландскихъ и остроботнійскихъ студентовъ, вовсе не отрицаетъ законности преобладанія языка финскаго, какъ языка огромнаго большинства народа, но стремится уже только охранить шведскій языкъ отъ угрожающаго ему со стороны финномановъ изгнанія или забвенія. Эти молодые финны—потомки шведовъ, не безъ основанія доказываютъ, что нельзя вдругъ совершенно устранить вѣковой фактъ; и въ защиту шведскаго языка, которымъ все-таки говоритъ пятая часть населенія, напоминаютъ о заслугахъ, оказанныхъ имъ Финляндіи, которая на немъ получила и христіанство и всю куль-

туру. Мы уже упомянули о Францѣнѣ; замѣтимъ, что и современные шведскіе поэты, пользующіеся наибо́льшею извѣстностью—Рунебергъ и Топеліусъ, оба—финляндцы.

Въ Гельсингфорсѣ мы видѣли три мѣстныя шведскія газеты, политическія: „Finlands Allmänna Tidning", „Morgonbladet", и „Dagbladet". Первая—оффиціальная, вторая—либеральная, третья—прогрессистская; мы извиняемся за употребленіе такихъ эпитетовъ, слишкомъ краткихъ для точнаго опредѣленія. Ими мы вовсе не хотимъ сказать, что „Allmänna Tidning" ведется въ реакціонномъ духѣ, а „Dagblad" —крайній органъ; употребленные нами эпитеты означаютъ только градацію въ тонѣ, и больше ничего. Всѣ три газеты—небольшіе листы, но имѣютъ всѣ обычные отдѣлы европейской печати: корреспонденціи изъ-заграницы, изъ Финляндіи, передовыя и литературныя статьи и т. д.

III.

Теперь пойдемъ на сеймъ. Четыре сословія финляндскаго сейма собираются каждое особо, въ отдѣльную палату. Двѣ изъ этихъ палатъ помѣщаются въ одномъ зданіи, это — дворянская и духовная; двѣ остальныя въ другихъ домахъ. Засѣданія палатъ публичны и для доступа въ палаты не требуется никакихъ формальностей. Въ другіе парламенты посторонніхъ обыкновенно пускаютъ только по билетамъ; въ Палату Общинъ нельзя попасть иначе какъ по знакомству съ однимъ изъ ея членовъ. Здѣсь ничего подобнаго. Обратившись къ извощику, мы сказали ему „Riddarhus", что́ значитъ рыцарскій домъ, и получивъ въ отвѣтъ ja, сѣли и черезъ пять минутъ очутились на площади передъ большимъ зданіемъ аристократическаго вида. Зданіе это построено недавно, но оно не похоже на другія гельсингфорскія зданія, и нисколько не напоминаетъ Петербурга. Оно напоминаетъ скорѣе Portland place въ Лондонѣ, гдѣ есть отели богачей въ этомъ родѣ, съ громаднымъ верхнимъ этажемъ, украшеннымъ итальянскими окнами, безъ штукатурки и краски, во всей солидности и нѣкоторой угрюмости кирпичной наготы. Riddarhus самый изящный домъ во всемъ Гельсингфорсѣ. По красотѣ и размѣрамъ, онъ совершенно соотвѣтствуетъ своему назначенію. Говорятъ, предполагалось купить его у дворянства и помѣстить въ немъ всѣ палаты. Не знаю, будетъ ли это признано возможнымъ, но этотъ домъ былъ бы вполнѣ достоинъ называться зданіемъ парламента. Поднимаемся на площадку лѣстницы и оставляемъ шубу на первой вѣшалкѣ, по здѣшнему обычаю, безъ всякаго нумера (къ чему? вѣдь каждый найдетъ свое платье). По боковой лѣстницѣ входимъ на хоры и видимъ великолѣпный залъ во всю ширину зданія, вышиною въ два этажа. Скамьи обращены спиною къ окнамъ, но

идутъ полукругомъ около возвышенія, на которомъ сидитъ президентъ. Высокій ландмаршальскій жезлъ или посохъ, который вручается президенту рыцарской палаты при открытіи сейма, стоитъ возлѣ президентскаго мѣста. Въ собраніи человѣкъ 50—60. Это единственная палата, въ которой является и военный элементъ. Самъ президентъ генералъ, и въ числѣ членовъ довольно много военныхъ, носящихъ одни мундиръ мѣстнаго войска (финскаго стрѣлковаго баталіона), другіе—мундиры русскихъ полковъ или частей. Но штатскихъ, конечно, гораздо больше. Стѣна позади президентскаго мѣста и противъ оконъ вся, отъ потолка до пола, покрыта гербами дворянскихъ родовъ Финляндіи, которые всѣ не умѣстились на ней, а перешли и на лѣвую отъ президента стѣну, и заняли ея половину. Потолокъ залы—дубовый рѣзной въ средневѣковомъ вкусѣ, и напоминаетъ потолокъ англійской палаты общинъ. Эти красивыя окна, этотъ потолокъ, обширность зала и эти двѣ стѣны раскрашенныхъ, вызолоченныхъ, посеребренныхъ щитовъ съ именами—представляютъ нѣчто оригинальное и можно сказать великолѣпное.

Разсматривая гербы и подписанныя при нихъ имена, замѣчаемъ, что имена по большей части соотвѣтствуютъ гербовымъ знакамъ. Такъ, напр., читаете „Эренстрёмъ“ и взглянувъ на щитъ находите три изогнутыя серебряныя полосы (ручьи). Это васъ наведетъ на мысль, что если финляндское рыцарство назвало себя производными именами, по знакамъ избраннымъ для гербовъ, то оно вѣроятно не имѣетъ феодальнаго происхожденія, такъ какъ иначе происхожденіе именъ было бы не геральдическое, а территоріальное. Оно такъ и есть. Происхожденіе финляндскаго дворянства одинаково съ происхожденіемъ дворянства шведскаго, а шведское дворянство имѣетъ происхожденіе *служилое*, а не феодальное. На первый взглядъ кажется страннымъ, какъ могло не быть феодализма въ той странѣ, изъ которой вышли готы, а впослѣдствіи норманны, эти энергическіе завоеватели и экспропріаторы. Но въ дѣйствительности фактъ это совершенно естественный, и не только не странный, но вполнѣ логическій. Въ томъ-то и дѣло, что страна смѣлыхъ завоевателей сама завоевана не была, а стало быть никакой экспропріаціи тамъ не могло и случиться.

Такъ, право поземельной собственности въ Швеціи, а за нею и въ Финляндіи, имѣетъ еще въ своемъ основаніи jus primi occupantis, а не надѣлъ королевской властью; оно вытекло изъ факта естественнаго занятія, а не изъ привилегіи въ дѣлежѣ добычи. Собственность на землю пріобрѣталъ тотъ, кто первый расчистилъ ее подъ пашню, и водворился на ней. Оттого имѣнія въ Швеціи и Финляндіи называются „гейматами“, словомъ буквально соотвѣтствующимъ нашему слову „вотчина“. Такимъ образомъ, въ древнія времена въ

Швеціи образовалось сословіе вольныхъ землевладѣльцевъ, которые хотя и платили подати королю, но платили ихъ не въ видѣ платы или оброка за наслѣдственное пользованіе землею, а въ видѣ добровольнаго взноса на государственныя потребности, откуда и истекаетъ прямо то послѣдствіе, что подати эти могли быть установляемы только самими же землевладѣльцами, то-есть мѣстными собраніями ихъ или сеймиками. Какъ бы то ни было, но съ теченіемъ времени понятіе о подати въ казну сдѣлалось, разумѣется, нераздѣльнымъ отъ понятія о самой поземельной собственности. Сверхъ того, сама казна объявивъ своей собственностью всѣ земли не занятыя или перешедшія къ ней по разнымъ случаямъ, могла предоставлять ихъ въ пользованіе частнымъ лицамъ, съ условіемъ платежа особаго арендnаго оброка. Такимъ образомъ, всѣ земли и оказались обложенными податью, а освобожденіе отъ такой подати само по себѣ должно было уже составить привилегію, которая могла быть предоставляема частнымъ лицамъ взамѣнъ иной повинности ихъ, а именно службы.

Отсюда и въ Финляндіи поземельная собственность до сихъ поръ раздѣляется на три рода: 1) полная собственность съ платежемъ подати (skatt) въ казну; 2) пользованіе землею принадлежащею казнѣ, съ платежемъ оброка, и исполненіемъ спеціальныхъ повинностей и условій; наконецъ 3) полная собственность освобожденная отъ подати, или *обѣльная*. Это освобожденіе отъ подати было именно предоставляемо за обязательство владѣльца отправлять военную службу лично или чрезъ намѣстника. Въ XIII-мъ столѣтіи король Магнусъ Ладулосъ предложилъ собственникамъ (т.-е. владѣльцамъ имѣній, платящихъ skatt) освобождаться отъ подати, по желанію каждаго, съ тѣмъ условіемъ, чтобы взамѣнъ платежа подати выставлять всадника въ случаѣ войны. Землевладѣлецъ, принявшій это условіе, назывался обѣльнымъ (frälseman), и вотъ сословіе этихъ землевладѣльцевъ, какъ пользующееся привилегіею отъ подати, и составило привилегированное сословіе (frälseståndet, adelsståndet) [1]). Такимъ образомъ и произошло дворянство. Итакъ, происхожденіе его было чисто-служилое, основанное на замѣнѣ подати повинностью конной службы въ милиціи. Оно вначалѣ имѣло въ себѣ такъ мало кастическаго характера, что каждый могъ сдѣлаться фрельсменомъ, изъявивъ желаніе ставить всадника со своего имѣнія и избавиться тѣмъ отъ должной подати, то-есть „обѣлить“ свое имѣніе; а тотъ, кто уже получилъ эту привилегію, но затѣмъ отказывался ставить всадника, тѣмъ самымъ обращалъ свое имѣніе въ прежнее, податное состояніе, и переставалъ быть фрельсменомъ. Стало быть, дворянство это сперва было не феодальное и не жалованное; привилегія давалась имѣніямъ, а не лицу. Но впо-

[1]) Руководство къ законамъ великаго княжества Финляндіи. Б. Лундаль. 1857.

слѣдствіи, дворянскій классъ все-таки замкнулся въ сословіе, и затѣмъ умноженіе его, особенно въ Финляндіи, зависѣло уже именно отъ возведенія въ дворянское достоинство за личныя заслуги, или за службу. Вотъ при такомъ-то возведеніи и избирался щитъ, а по знакамъ его получалась новая фамилія. Превращеніе фамиліи въ финскомъ родѣ случалось двукратно. Сынъ крестьянина, съ простымъ финскимъ прозвищемъ, окончивъ университетъ, прибавлялъ къ своему имени „ученое“ окончаніе us, какъ то дѣлалось и въ Швеціи, и въ Германіи. Отсюда такіе имена какъ Калоніусъ, знаменитый финляндскій юристъ. Потомъ сынъ этого латинскаго финна или внукъ, пріобрѣтая дворянство, уже оставлялъ свою латинско-финскую фамилію, и превращался въ какого-нибудь „....стрёма“, „....форса“, „....шерна“ и т. д. Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, что въ Финляндіи столько же дворянъ, какъ въ Россіи; гербы всѣхъ дворянскихъ родовъ въ Финляндіи помѣщаются на двухъ стѣнахъ рыцарской залы, а число всѣхъ лицъ дворянскаго сословія не доходитъ до трехъ тысячъ.

Сословіе духовенства—Prestaständet—засѣдаетъ въ одной изъ малыхъ залъ рыцарскаго дома. Здѣсь почти всѣ ораторы говорятъ пошведски. Перевода не требуется, такъ какъ каждый пасторъ долженъ знать финскій языкъ. Костюмъ духовныхъ представителей совершенно тотъ, какой носятъ англійскіе clergymen: весь черный, сюртукъ съ короткимъ стоячимъ воротникомъ, и выпущенными поверхъ жилета бѣлыми воротничками. За президентскимъ столомъ сидитъ архіепископъ абоскій. Одежда его такая же, но на немъ золотая цѣпь съ крестомъ, и звѣзда Бѣлаго Орла. На стѣнѣ противуположной окнамъ виситъ картина, изображающая открытіе сейма 1863-го года Государемъ. Всѣ представленныя здѣсь лица — портреты, и я узналъ въ числѣ ихъ, какъ нѣсколько правительственныхъ лицъ, такъ и самого архіепископа, сидѣвшаго за президентскимъ столомъ. Для публики здѣсь не больше мѣста, чѣмъ въ сельской палатѣ, а между тѣмъ публики здѣсь гораздо больше; многіе стоятъ въ дверяхъ. Не всѣ депутаты здѣсь — лица духовныя. Къ prestaständet принадлежатъ и представители ученаго сословія. Гельсингфорскій университетъ имѣетъ двоихъ депутатовъ, которые и сидятъ въ этой палатѣ.

Городское сословіе засѣдаетъ въ залѣ ратуши. Въ собраніи было человѣкъ 30—40. Въ публикѣ—нѣсколько дамъ. Зала ратуши имѣетъ уже нѣкоторыя притязанія на орнаментальность; она не такъ проста, какъ та, которая отводится духовной палатѣ въ рыцарскомъ домѣ. Само собраніе ничѣмъ не отличается отъ первыхъ. Такъ какъ въ городской палатѣ сидятъ люди совершенно независимые по положенію, и въ томъ числѣ представители такихъ городовъ какъ Гельсингфорсъ и Або, то эта палата и включаетъ въ себѣ наиболѣе либеральныхъ элементовъ. Городовъ въ Финляндіи—33; изъ нихъ только 5 имѣютъ

населеніе свыше 7-ми тысячъ душъ, именно, кромѣ Гельсингфорса, Або (до 20 т.), Выборгъ (до 13 т.), Улеоборгъ (болѣе 7½ т.) и Бьёрнеборгъ (менѣе 7½ т.)

Наиболѣе интересно мнѣ было взглянуть на крестьянскую палату. Она не имѣетъ постояннаго помѣщенія, и засѣдаетъ на этотъ разъ въ частномъ домѣ, нанятомъ на время сессіи. Наружность самая скромная. Деревянный домъ, съ довольно помѣстительнымъ заломъ. Въ передней депутаты оставили свою верхнюю одежду; тутъ же вѣшаютъ свои шубы посѣтители, и сами снимаютъ ее выходя, безъ всякаго надзора или охраненія. У оконъ, на платформѣ поставленъ длинный столъ; у средины его сидитъ президентъ (taleman); по лѣвой рукѣ отъ него секретарь палаты, по правой — переводчикъ. Напротивъ стола поставлены въ нѣсколько рядовъ стулья, на которыхъ сидятъ депутаты, по восьми въ каждомъ ряду, съ проходомъ по срединѣ, къ президенту. Нѣкоторые изъ членовъ одѣты въ черные сюртуки, также какъ президентъ, секретарь и переводчикъ. Но большинство носятъ сѣрые пиджаки, изъ толстаго сукна. Большая часть съ виду около сорока лѣтъ; есть нѣсколько стариковъ, есть и довольно молодые люди. По бо́льшей части, они не носятъ ни усовъ, ни бороды; у нѣкоторыхъ одна борода, безъ усовъ, на американскій манеръ.

Президентъ читаетъ проектъ очередного порядка; нѣкоторыя мѣста вызываютъ замѣчанія или возраженія. Желающій говорить встаетъ, и говоритъ съ мѣста. Никто его не перебиваетъ. Имѣющій прибавить что-либо или возразить, спокойно ожидаетъ конца предшествующей рѣчи. Ораторъ обращается не къ палатѣ, а къ президенту. Какъ только ораторъ сѣлъ, тотчасъ встаетъ транслаторъ и переводитъ сказанное имъ съ финскаго на шведскій или со шведскаго на финскій языкъ. По бо́льшей части, конечно, ему приходится переводить съ финскаго на шведскій языкъ, такъ какъ большинство ораторовъ употребляютъ языкъ финскій. Эта необходимость перевода каждой рѣчи и каждаго замѣчанія, разумѣется, весьма замедляетъ ходъ преній, почти удвоиваетъ ихъ продолжительность. Но она вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ съ какимъ глубокимъ уваженіемъ, съ какой искренней серьезностью эти люди относятся къ своему дѣлу. Они не хотятъ допустить, чтобы малѣйшее замѣчаніе осталось неизвѣстнымъ или невполнѣ понятнымъ кому-либо. Этотъ обычай устнаго перевода во время преній совершенно самобытный. Замѣтимъ, что на чешскомъ сеймѣ, гдѣ также встрѣчаются двѣ національности, каждый можетъ говорить на своемъ языкѣ, но рѣчи не переводятся, и многимъ нѣмцамъ рѣчи чеховъ такъ и остаются непонятны до того времени, когда они прочтутъ ихъ въ своихъ газетахъ, то-есть когда они уже подали свои голоса́.

Наши составители „замѣтокъ о Финляндіи“ или „путеводителей“ по этой странѣ, считаютъ долгомъ посвятить пол-страницы характе-

ристикѣ финна, котораго они всѣ согласно изображаютъ „угрюмымъ и мрачнымъ какъ его родина“, говорящимъ медленно и съ разстановкою и такъ далѣе. Должно быть, они не бывали въ крестьянской палатѣ финскаго парламента. Быстрота, съ какою говорятъ здѣсь ораторы изумительна, и можетъ сравниться только съ быстротою итальянскаго говора; французы, и тѣ говорятъ медленнѣе. Нѣкоторые ораторы употребляютъ жесты, конечно самого сдержаннаго свойства. Слушаютъ всѣ съ большимъ вниманіемъ; сидятъ непринужденно, но и не „опускаясь“; держатъ себя скромно, но съ достоинствомъ. При мнѣ, президентъ нѣсколько разъ спрашивалъ мнѣнія палаты относительно порядка обсужденія того или иного параграфа правительственныхъ предложеній. Вотированіе происходило par assis et levé, при чемъ иногда встававшіе говорили въ знакъ согласія ja. Это ja, проносящееся среди собранія, совершенно напоминаетъ англійскую палату общинъ.

Въ собраніи присутствовало человѣкъ около пятидесяти, и почти всѣ стулья были заняты. Позади рядовъ этихъ стульевъ, сдѣланъ деревянный барьеръ, съ широкимъ верхомъ, на которомъ можно писать. Этотъ барьеръ отдѣляетъ депутатовъ отъ публики. У барьера сидѣлъ одинъ джентльменъ, дѣлавшій замѣтки на бумагѣ, вѣроятно reporter какой-нибудь газеты. Для публики поставлены двѣ скамейки; при мнѣ посѣтителей было человѣкъ 15-ть или 20-ть, изъ нихъ нѣкоторые стояли, за недостаткомъ мѣста. Ни красивая зала ратуши, гдѣ засѣдаетъ сословіе горожанъ, ни великолѣпный залъ рыцарскаго собранія, съ его сотней блестящихъ гербовъ, не внушали мнѣ такого глубокаго чувства почтенія, какъ эта простая комната, въ деревянномъ домѣ, наполненная людьми въ сѣрыхъ костюмахъ, съ энергическимъ и вмѣстѣ сосредоточеннымъ выраженіемъ въ интеллигентныхъ лицахъ, добросовѣстныхъ и независимыхъ крестьянъ-законодателей, представителей трудолюбиваго, крѣпкаго и волею, и самосдержанностью, крестьянства Финляндіи, Bondeståndet.

Характеръ финна таковъ, что въ отношеніи къ нему всего менѣе можетъ быть необходимо прибѣгать къ рѣзкимъ, крутымъ мѣрамъ, и всего менѣе можно ожидать успѣха отъ такихъ мѣръ. Особенности этого народнаго характера хорошо извѣстны и русскимъ административнымъ властямъ. Въ одномъ оффиціальномъ изданіи [1]) мы находимъ очень хорошую характеристику финна, которую нелишне выписать. „Ранняя утрата независимости политической и 600-лѣтнее чужеплеменное владычество, хотя и заглушили въ народѣ мысль о самостоятельномъ существованіи, но не уничтожили въ немъ чувства національности и собственнаго достоинства, и финнъ съ обычнымъ (?) упор-

[1]) Матеріалы для статистики Финляндіи, изданные департаментомъ генеральнаго штаба, 1859.

ствомъ придерживается своего языка, своей вѣры и обычаевъ своихъ предковъ. Получивъ въ наслѣдство отъ шведовъ довольно развитое общественное и государственное устройство, основанное на равенствѣ всѣхъ сословій передъ закономъ, финскій крестьянинъ не раболѣпствуетъ передъ болѣе его образованнымъ господиномъ, но безпрекословно повинуется *законнымъ* требованіямъ правительства, и нѣтъ примѣра, чтобы для приведенія послѣднихъ въ исполненіе, когда-нибудь оказалось необходимымъ употребить вооруженную силу. Уважая права другихъ, финнъ требуетъ уваженія собственныхъ его правъ, и рѣдко простой крестьянинъ безнаказанно позволитъ сказать себѣ бранное слово. За малѣйшее притѣсненіе или несправедливость онъ ищетъ и находитъ удовлетвореніе передъ закономъ". Хорошо, что у насъ это знаютъ, но необходимо постоянно помнить это.

Законъ въ Финляндіи хотѣлъ устранить возможность произвола даже тамъ, гдѣ произволъ до нѣкоторой степени обусловливается самой сущностью дѣла, именно въ отношеніяхъ чиновниковъ высшихъ къ низшимъ, имъ подчиненнымъ. По смыслу финляндскаго закона чиновникъ не можетъ быть не только исключаемъ изъ службы, но даже и временно удаляемъ отъ должности безъ законнаго слѣдствія и суда; онъ не можетъ также быть переводимъ на другую должность безъ своего согласія. Исключенія изъ этого правила прямо указываются закономъ: онъ предоставляетъ генералъ-губернатору удалять чиновниковъ губернской администраціи, а губернаторамъ — чиновниковъ полицейскихъ просто въ порядкѣ дисциплинарнаго взысканія, а по таможенному вѣдомству допускаетъ перемѣщеніе на низшія должности въ томъ же порядкѣ. Эти исключенія не имѣли бы большого значенія; есть другое, болѣе важное по своимъ послѣдствіямъ. Само собою разумѣется, что финляндскій законъ, не допуская существующій въ русской администраціи принципъ, что начальникъ во всякое время можетъ уволить чиновника по своему убѣжденію въ его неспособности,—долженъ же былъ однако оговорить, что лица, назначаемыя въ нѣкоторыя должности по особому довѣрію верховной власти, увольняются той же властью, по ея усмотрѣнію, исключая конечно должностей судейскихъ. Но такъ какъ со введеніемъ въ Финляндіи табели о рангахъ, всѣ должности, начиная съ VIII-го класса, причислены именно къ „довѣреннымъ" (tromansbeffatningar), то отсюда и вышло, что чиновники выше маіорскаго ранга могутъ быть и назначаемы и удаляемы на общемъ, а не на весьма характеристическомъ *мѣстномъ* основаніи. Но низшія должности вполнѣ охранены и доселѣ особенностью финляндскаго закона, то-есть не могутъ быть отнимаемы безъ слѣдствія и суда. Точно также и назначеніе въ нихъ должно происходить согласно финляндскому закону посредствомъ вызова желающихъ, при открытіи вакансіи, и сравненія ихъ качествъ, причемъ подчиненное

мѣсто лучшихъ трехъ кандидатовъ представляетъ на утвержденіе сената, упомянувъ въ своемъ докладѣ и о другихъ соискателяхъ, а сенатъ и дѣлаетъ затѣмъ выборъ. Итакъ, по финляндскому закону, чиновники на низшія должности опредѣляются въ такомъ порядкѣ, какъ у насъ профессора для замѣщенія каѳедръ въ университетахъ. А такъ какъ въ Гельсингфорсѣ ежегодно человѣкъ 100 и болѣе оканчиваютъ курсъ университетскій и почти всѣ остаются въ Финляндіи, то и выходитъ, что низшія должности раздаются людямъ съ университетскимъ образованіемъ и то еще по конкурсу между ними. Мудрено ли при этомъ, что Финляндія имѣетъ превосходный административный составъ, что о взяткахъ тамъ никогда и слуху не было, а народъ совершенно довѣряетъ чиновнику.

И духовенство въ Финляндіи,—отчего оно пользуется уваженіемъ и довѣріемъ народа? Оттого, во-первыхъ, что оно духовенство съ высшимъ, т.-е. университетскимъ образованіемъ, а во-вторыхъ, оттого, что пасторъ избирается приходомъ. Избраніе это происходитъ такимъ образомъ: консисторія представляетъ трехъ кандидатовъ, а приходъ балотируетъ ихъ, и тотъ кто получилъ большее число голосовъ утверждается консисторіею. Даже епископы, и тѣ избираются самимъ духовенствомъ, но въ обратномъ порядкѣ: здѣсь духовенство избираетъ кандидатовъ, а изъ трехъ избранныхъ кандидатовъ, представленныхъ консисторіею, одинъ и утверждается верховной властью. Относительно назначенія пасторовъ слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что здѣсь въ нѣкоторыхъ пасторскихъ округахъ существуетъ нѣчто совершенно сходное съ англійскимъ учрежденіемъ патронатства. Такъ право утвержденія главнаго пастора (по-англійски rector) въ нѣкоторыхъ пасторатахъ принадлежитъ верховной власти, а въ нѣкоторыхъ пастора утверждаетъ владѣлецъ земли, на которой находится приходъ; но это исключеніе. Значеніе пастора въ Финляндіи увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ предсѣдательствуетъ на общинномъ, то-есть приходскомъ сходѣ.

Климатъ Финляндіи, по отношенію къ широтѣ, довольно умѣренный. Изотермная линія, представляющая среднюю годовую температуру, проходитъ въ Финляндіи за 66° широты, между тѣмъ, какъ въ восточной Россіи таже линія сходитъ до 60°, а въ Сибири мѣстами до 54°, наконецъ по Лабрадору проходитъ ниже 50° широты [1]). Земледѣліемъ въ Финляндіи занимаются даже подъ 68° широты, и нигдѣ оно не заходитъ такъ далеко на сѣверъ, за исключеніемъ одной Норвегіи. Статистическія свѣдѣнія о движеніи населенія имѣются въ Финляндіи за болѣе чѣмъ сто лѣтъ, такъ какъ уже съ 1748-го года

[1]) Renseignements sur la population de Finlande, par C. E. F. *Ignatius*, Helsingfors. 1869.

производились правильныя пятилѣтнія переписи. Гельсингфорсъ, который въ 1805-мъ году имѣлъ всего 4,202 жителей, имѣетъ ихъ теперь до 32-хъ тысячъ. Населеніе всей Финляндіи въ 1751-мъ году было менѣе полумиліона душъ, въ 1865-мъ году — милліонъ восемьсотъ слишкомъ тысячъ. Послѣ голода 1868-го года, оно уменьшилось. Въ городахъ живетъ менѣе одной десятой всего населенія (около 122 т.). Девять десятыхъ живутъ въ селеніяхъ. Финляндское селеніе состоитъ изъ домовъ иногда очень далеко, даже на нѣсколько верстъ отстоящихъ одинъ отъ другого — что, замѣтимъ мимоходомъ, составляетъ немаловажное затрудненіе для школъ. По сословіямъ и профессіямъ населеніе Финляндіи раздѣляется слѣдующимъ образомъ:

дворянъ	2,808
духовныхъ и учителей	6,930
другихъ либеральныхъ профессій . .	15,849
купцовъ и ремесленниковъ	20,609
крестьянъ	1.566,069
всѣхъ остальныхъ лицъ	189,983

Итакъ, крестьянство составляетъ въ Финляндіи почти 87% всего населенія. Бо́льшая часть земли принадлежитъ крестьянамъ. Есть впрочемъ и безземельные крестьяне-батраки (stattorpare); есть и нѣчто въ родѣ обязанныхъ крестьянъ, то-есть такіе фермеры, которые за участокъ взятый ими для себя въ аренду у помѣщика платятъ ему не оброкомъ, а поденною работою на его экономической землѣ. Но батраки или фермеры, всѣ они всегда были свободны и обязанности несли не иначе какъ на условіяхъ, заключенныхъ ими самими при наймѣ на работу или при снятіи аренды.

IV.

Быть въ Гельсингфорсѣ и не взглянуть на Свеаборгъ, нельзя; онъ постоянно передъ глазами. Свеаборгъ для Гельсингфорса — тоже, что для Петербурга Кронштадтъ, крѣпость охраняющая входъ въ заливъ. Но Свеаборгъ имѣетъ значеніе и независимо отъ Гельсингфорса. Онъ считается ключемъ Финляндіи. Хотя примѣръ восточной войны показываетъ, что непріятельскій флотъ можетъ подойти къ Кронштадту и минуя Свеаборгъ, но это возможно только при большомъ превосходствѣ силъ. Только при этомъ условіи, непріятель можетъ не опасаться русскихъ военныхъ судовъ, которыя укроются за Свеаборгомъ, съ цѣлью нападать оттуда на непріятельскіе транспорты. Сверхъ того, и въ сухопутной войнѣ со Швеціею, Свеаборгъ, до тѣхъ поръ, пока не былъ сильно укрѣпленъ Выборгъ, представлялъ единственный оплотъ противъ движенія чрезъ Финляндію на Петербургъ. Повидимому, и по мысли шведскаго фельдмаршала Эренсверда, построившаго Свеаборгъ-

скую крѣпость въ 1749-мъ году, главнымъ назначеніемъ ея предполагалось именно упрочить шведскимъ силамъ доступъ въ Финляндію. Укрѣпленія сооруженныя тамъ шведами обращены преимущественно къ сухому пути.

Съ „Эспланады“ Свеаборгъ видѣнъ; то-есть видна его церковь, построенная въ первомъ „тоновскомъ“ стилѣ, то-есть въ родѣ св. Екатерины, на Екатерингофскомъ проспектѣ. Переѣздъ въ Выборгъ по льду требуетъ всего минутъ 20-ть, и въ зимнюю пору свеаборгскіе жители свободно участвуютъ во всѣхъ гельсингфорскихъ увеселеніяхъ и получаютъ въ тотъ же день газеты. Но во время ледохода бываетъ такая пора, что всѣ сообщенія крѣпости съ городомъ совершенно прекращаются. Свеаборгъ состоитъ изъ нѣсколькихъ острововъ и островковъ, которые частью соединены между собою мостами. Центральное укрѣпленіе, съ доками и магазинами, называется Варгенъ; крайнее же укрѣпленіе или цитадель, защищающая входъ съ моря, называетъ Густавсвердъ. Старыя стѣны той самой постройки, какъ основанія (цоколи) старыхъ домовъ въ Гельсингфорсѣ; они сложены изъ обломковъ скалъ, камней самой разнообразной формы, связанныхъ цементомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такая стѣна или цоколь были построены не крѣпко, цементъ вывалился и стѣна представляетъ видъ груды камней какъ бы случайно набросанной, нѣчто въ родѣ каменной губки.

Когда взойдешь на одну изъ стѣнъ, открывается обширный видъ на острова крѣпости, на заливъ и Гельсингфорсъ, который со своими церквами, стоящими на гранитныхъ возвышеніяхъ, представляетъ отсюда величественный видъ. Когда Гельсингфорсъ окаймленъ зеленью и острова тоже зеленѣютъ среди этой обширной поверхности воды, видъ долженъ быть необыкновенно-живописный. Но теперь нельзя было любоваться красотами природы, когда зелень убрана и всѣ прочія красоты природы покрыты чехлами въ ожиданіи лѣта. Гарнизонъ Свеаборга состоитъ въ мирное время изъ около 3 т. чел.

Бродя по Варгену, я нашелъ и монументъ въ память строителя крѣпости, Эренсверда. Это гранитный параллелограмъ, стоящій на плитѣ. Съ двухъ концовъ параллелограма выдаются мѣдныя rostra. На камнѣ положены мѣдные шлемъ, латы, мечъ; на продольныхъ бокахъ мавзолея шведскія надписи: „здѣсь почіетъ графъ Августъ Эренсвердъ среди своихъ твореній“, и „воздвигнутъ по повелѣнію Густава III-го къ ободренію служенія на пользу отечества“ [1]). Возвратимся изъ крѣпости въ городъ.

Лучшіе отели въ Гельсингфорсѣ устроены совершенно на заграничный манеръ, какъ и въ Петербургѣ. Стóитъ сказать нѣсколько

[1]) Переводъ надписей въ соч. Ѳ. Ѳедорова, «Финляндія» 1855 года.

словъ о самомъ большомъ изъ нихъ, именно о Societetshus. Здѣсь въ первомъ этажѣ одна большая обѣденная зала и просторная газетная комната, то-есть та, которая въ лондонскихъ отеляхъ называется smoking room. Впрочемъ курятъ и въ столовой, и вообще насчетъ куренья табаку въ Гельсингфорсѣ нѣтъ никакихъ строгостей. Только въ театрѣ курить запрещено, подъ штрафомъ, за исключеніемъ въ буфетѣ. Два верхніе этажа Societetshus раздѣлены на нумера. Все содержится очень чисто. Въ столовой бѣлье безукоризненное, и на столахъ разставлены нѣкія растенія. Обѣдъ за табль-д'отъ очень дешевъ; сколько помнится всего 2 марки. Но такъ какъ многія финляндскія блюда совсѣмъ оригинальны и могутъ не удовлетворить пріѣзжаго, то для послѣдняго вѣрнѣе будетъ заказывать себѣ обѣдъ по картѣ. При этомъ способѣ, онъ однако заплатитъ то же, что въ Петербургѣ въ ресторанахъ средней руки; то-есть скромный обѣдъ, безъ вина, обойдется ему примѣрно въ 1 р. 25 к. Для гастронома въ Гельсингфорсѣ плохо; изысканнаго нѣтъ ничего, вино ординарное, даже говядина плоха: жесткая, не сочная, однимъ словомъ, нашъ 2-й сортъ. Телятина удовлетворительна. Кухня вообще патріархальнаго характера. Финляндцы передъ обѣдомъ и ужиномъ непремѣнно закусываютъ, по нашему, и этотъ обычай также распространенъ, какъ намъ сказывали, въ Швеціи. Закуска съ водками ставится на особомъ столѣ, и всякъ беретъ сколько хочетъ. Къ столу подается хлѣбъ бѣлый и черный и еще „кнэкебрé“, нѣчто въ родѣ тонкихъ сухарей изъ полубѣлаго тѣста. Пьютъ финляндцы вино и пиво съ разстановкой, то-есть, за одной рюмкой вина сидятъ полчаса, смачивая ею разговоръ. Разговоръ за столомъ въ гостинницѣ весьма оживленный, но никогда не переходитъ въ крикъ. Не замѣтно даже, чтобы разговоръ обращался въ споръ. Обѣдаютъ довольно скоро; видно, что обѣдъ считается еще дѣломъ, за которымъ предстоятъ другія дѣла. Но ужинъ, по окончаніи театровъ, то-есть часу въ одиннадцатомъ, длится болѣе и бываетъ болѣе оживленъ; тонъ менѣе серьезный, больше смѣху, хотя никто не хохочетъ. Интересно наблюдать за различіемъ этихъ типовъ и вмѣстѣ сходствомъ въ тонѣ, въ манерахъ, даже въ одеждѣ. Здѣсь есть и депутатъ, котораго вы слышали на сеймѣ, и финскій офицеръ, и профессоръ университета, и чиновникъ, который на завтракъ забѣгалъ въ виц-мундирѣ, но теперь облекся въ общій черный сюртукъ, и пріѣзжій помѣщикъ, и купецъ. Два „характера“ преобладаютъ, если можно такъ опредѣлить—старый и новый. Старый — безъ усовъ и бороды, съ волосами не слишкомъ коротко остриженными, иногда длинными, съ выраженіемъ сосредоточенности въ лицѣ, съ пріемами осторожными, даже немного застѣнчивыми, независимо отъ возраста. Новый—усы и борода подстриженная, соединяющаяся съ усами, но безъ бакенбардовъ; волосы совсѣмъ короткіе, иногда остриженные что́ называется

подъ гребень; въ лицѣ выраженіе смѣлости и откровенности, силы и добродушія; пріемы болѣе рѣзкіе. Расовые типы преобладающіе здѣсь два — финскій и шведскій. Финнъ съ довольно низкимъ лбомъ, съ нѣсколько выдающимися скулами, съ широкимъ разстояніемъ между носомъ и губой, носомъ узкимъ у корня и нѣсколько вздернутымъ на концѣ, съ подбородкомъ замѣчательно-широкимъ, къ которому ротъ нѣсколько опускается обоими концами, придавая физіономіи смыслъ какой-то затаенной, неопреодолимой рѣшимости, съ небольшими, проницательными глазами, въ которыхъ свѣтятъ вмѣстѣ и добродушіе, и хитрость, и еще нѣчто какъ будто говорящее: „ты меня еще не знаешь“. Особенно типиченъ онъ бываетъ, если носитъ волосы довольно длинныя, а усы и бакенбарды брѣетъ; одна борода, подъ подбородкомъ, не измѣняетъ этого типа, но усы значительно ослабляютъ его. Грудь впалая, но плечи широки; ростъ не составляетъ отличія, такъ какъ финны вовсе не мелкій народъ, какъ у насъ думаютъ.

Совсѣмъ другой типъ, это — шведъ, то-есть финляндецъ шведскаго происхожденія. Шведъ похожъ на германца, но не на пруссака, а на саксонца, только шведъ крупнѣе и бравѣе. Типъ лица германскій, весьма искаженный въ Пруссіи помѣсями, и здѣсь въ Финляндіи несовсѣмъ чистъ. Помѣсь и здѣсь сказывается, но въ меньшей степени, чѣмъ въ восточной Пруссіи. Она сказывается и въ говорѣ: шведскій акцентъ здѣсь уже не тотъ, что въ Швеціи; шведы финляндскіе не говорятъ на-распѣвъ, какъ трансботническіе ихъ одноплеменники. Высокій, съ широкой грудью, высокимъ лбомъ, правильнымъ германскимъ носомъ, шведъ смотритъ молодцомъ, и по пріемамъ напоминаетъ молодого англичанина, но безъ всякой morgue britannique. Если онъ носитъ усы и бороду, безъ бакенбардовъ, то онъ совсѣмъ типиченъ. Относительно цвѣта волосъ надо замѣтить, что финляндцы вовсе не всѣ блондины, какъ то вообще говорятъ. Темные, даже черные волосы встрѣчаются не рѣже, чѣмъ свѣтлые.

Относительно костюма и манеръ можно быть краткимъ. Въ Гельсингфорсѣ вообще одѣваются лучше, чѣмъ въ Петербургѣ, то-есть говоря точнѣе: большинство образованныхъ сословій и всего народа въ Гельсингфорсѣ одѣваются чище, старательнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Франтовства не существуетъ, но даже учитель съ жалованьемъ въ 600 руб., являясь въ общество, одѣтъ безукоризненно, то-есть все на немъ ново и чисто. Нѣтъ нашей чрезмѣрной фамильярности, но за то есть простота и мягкость; финляндцамъ нѣтъ нужды „напыживаться“, чтобы сохранять достоинство. Говорятъ люди въ собраніяхъ и на улицѣ тихо, вообще проявляется благовоспитанность.

Женщинъ красивыхъ мало; одѣваются дамы просто; на улицахъ носятъ только темные цвѣта; платья узкія по нынѣшнему, но безъ чрезмѣрныхъ paniers, узки равномѣрно. Шиньонъ здѣсь тотъ же са-

мый, который преобладаетъ на всемъ сѣверѣ, то-есть нѣкое уродство, навьюченное на голову чисто по обязанности, которую нельзя исполнять иначе, какъ со всевозможной добросовѣстностью. Этотъ шиньонъ одинаковъ въ Лондонѣ, Берлинѣ, Гельсингфорсѣ и *отчасти* въ Петербургѣ. Онъ — добросовѣстный уродъ, который помнитъ только, что ему слѣдуетъ быть какъ можно горообразнѣе. Онъ то же, что наши кивера сороковыхъ годовъ, которые забывали, что первоначально и они были придуманы тоже для красы, и считали единственнымъ своимъ долгомъ рости и расширяться вверхъ, независимо отъ всякихъ цѣлей, кромѣ добросовѣстнаго служенія однажды указанному идеалу. Совсѣмъ не то въ Парижѣ и въ Вѣнѣ, гдѣ природный вкусъ никогда не допуститъ чудовищности. Оттого шиньоны на самой родинѣ своей никогда и не были такъ непомѣрны, какъ на добросовѣстномъ и строго-логическомъ сѣверѣ.

Войдемъ въ Societetshus, когда тамъ концертъ. Въ этой гостинницѣ есть во-второмъ этажѣ особая зала для концертовъ, большая и очень красивая, больше и красивѣе, чѣмъ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ клубовъ. Вся зала уставлена чайными столиками, вокругъ которыхъ расположились дамы. Такъ онѣ и будутъ сидѣть весь вечеръ, т.-е. съ половины восьмого до десяти часовъ. Туалеты ихъ весьма просты; большинство въ шерстяныхъ платьяхъ, нѣкоторыя въ шелковыхъ. Только одна съ едва обнаженною грудью. На нѣкоторыхъ широкіе кружевные воротники, до плечъ, патріархальнаго характера. Мужчины во фракахъ и въ черныхъ сюртукахъ ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ нарядовъ, развѣ только меньшей изысканностью и вмѣстѣ бо́льшей безукоризненностью. Они ходятъ, потому что должны обойти знакомыхъ дамъ и завернуть въ курильную комнату, или въ буфетъ, который тутъ же, въ боковой части залы, построенной въ формѣ латинскаго t. Подходя къ дамамъ, они, какъ намъ кажется, исполняютъ долгъ; по крайней мѣрѣ, они тутъ болѣе застѣнчивы и менѣе оживлены, чѣмъ со своимъ братомъ. Какъ французъ дѣлается веселъ только съ женщинами, такъ финляндецъ, повидимому, наоборотъ. Не только строгость нравовъ, но и обычай разлученія половъ въ обществѣ дѣлаютъ отношенія какъ будто принужденными. Въ частныхъ собраніяхъ мужчины охотнѣе сидятъ въ одной комнатѣ, а женщины въ другой. Намъ сказываютъ, что теперь это уже измѣняется; что допускается болѣе свободы въ обращеніи; но однако замѣтно, что дѣвушка въ разговорѣ съ мужчиною думаетъ не столько о самомъ предметѣ разговора, сколько о томъ какъ бы не сказать какого-нибудь лишняго слова, не выказать слишкомъ живого участія или отвращенія къ чему бы то ни было. При такомъ условіи, разговоръ, очевидно, долженъ быть скученъ, и ведется скорѣе по обязанности, чѣмъ изъ желанія.

Самъ концертъ состоитъ изъ 12-ти пьесъ, исполняемыхъ театраль-

нымъ оркестромъ. Обыкновенная въ этихъ случаяхъ программа: три увертюры, вальсъ Штраусса и т. д. исполняются вообще не худо, хотя иногда и съ запи́нками. Аплодисменты послѣ каждой пьесы, но довольно слабые, — опять какъ бы по обязанности. Только послѣдняя пьеса возбуждаетъ искреннее участіе и вызываетъ громкія рукоплесканія, потому что это „финскій маршъ въ 30-ти-лѣтнюю войну".

Строгость, съ какою финны смотрятъ на отношенія между полами, вполнѣ соотвѣтствуетъ заботливости древняго Lag (уложенія) о святости брака. Lagboken, то-есть книга закона, составившаяся въ Швеціи изъ древнихъ обычаевъ и утвержденная въ 1734-мъ году какъ сводъ законовъ, до сихъ поръ еще дѣйствуетъ въ Финляндіи, хотя и измѣнена и дополнена дальнѣйшими постановленіями. Старинный Lag всячески старался обезпечить бракъ и охранить его святость. Такъ, въ этомъ старинномъ уложеніи лицамъ, которыя уже оскорбили святость брака безбрачнымъ сожительствомъ, воспрещается самое узаконеніе своей связи, имъ запрещается вступить между собою въ бракъ. Само собою разумѣется, что мы приводимъ это старинное постановленіе не какъ нѣчто раціональное, а только какъ характерный образикъ народныхъ взглядовъ скандинавскаго сѣвера. Нераціональность же его доказывается тѣмъ фактомъ, что незаконныхъ рожденій въ Финляндіи не мало: на 335 тысячъ рожденій за 1861 — 1865-й года незаконныхъ было 23 тысячи, т.-е. одно на каждые 14 или 15 рожденій. Въ городахъ отношеніе еще болѣе неблагопріятное; въ Гельсингфорсѣ незаконныя рожденія составляютъ $21^1/_2\%$ всего числа рожденій, т.-е. немного менѣе четвертой части. Но возвратимся къ гражданскому уложенію. Оно на самую помолвку смотритъ уже какъ на обязательство, такъ что на расторженіе помолвки требуется разводное письмо отъ консисторіи. Въ случаѣ ссоръ между супругами, несмотря на увѣщанія пастора, консисторія ихъ разлучаетъ временно (a mensa et toro), съ той наивной цѣлью, что скучая въ разлукѣ, они примирятся, и будутъ жить потомъ въ согласіи. Это только временное разлученіе, но есть и полный разводъ, какъ во всѣхъ лютеранскихъ странахъ. Разводъ, между прочимъ, произносится и тогда, когда одинъ изъ супруговъ покинулъ другого; судъ посредствомъ публикаціи предлагаетъ ему возвратиться въ годичный срокъ, и вслучаѣ невозвращенія расторгаетъ бракъ, чѣмъ дается разрѣшеніе на вступленіе въ новый бракъ. Законъ воспрещаетъ вдовымъ вступать въ бракъ до окончанія траурнаго срока, который, надо замѣтить, опредѣляется для мужчины въ полгода, а для женщины въ полный годъ. Бракъ установляетъ общность имущества, кромѣ недвижимаго имѣнія внѣ городовъ, и общимъ имуществомъ управляетъ мужъ.

Шведскій театръ Nya Teatern — красивое зданіе, находящееся въ концѣ линіи скверовъ, идущихъ по Эспланадской улицѣ, на томъ углу гдѣ эта линія упирается въ бульваръ Östra Henrygksgatan, пересѣка-

ющій ее подъ неровными съ двухъ сторонъ углами. Зала этого театра имѣетъ три яруса; отдѣлка ея совсѣмъ еще свѣжая, послѣ недавняго пожара. Въ ложахъ партера, на заграничный манеръ, мѣста продаются по купонамъ. Пышныхъ туалетовъ нѣтъ. Публика болѣе всего подходитъ къ публикѣ нѣмецкаго театра въ Петербургѣ; та же наклонность къ темнымъ цвѣтамъ въ женской одеждѣ и та же сосредоточенность вниманія. Но есть и разница. Гельсингфорская публика все-таки нѣсколько пестрѣе, и пестрота эта зависитъ не отъ франтовства, а оттого, что здѣсь въ самомъ партерѣ смѣшиваются почти всѣ сословія. Цѣны дешевыя: въ партерѣ нѣтъ мѣста дороже четырехъ марокъ (и это только кресла). Самая дорогая ложа—ложа авансцены въ бенуарѣ стоитъ 20 марокъ (6 мѣстъ). Въ третьемъ ярусѣ боковая ложа—всего 6 марокъ.

При мнѣ давали повтореніе спектакля даннаго въ день юбилея Франце́на: живую картину и „Сонъ въ лѣтнюю ночь" Шекспира, съ музыкой Мендельсона. Живая картина изображала музу Франце́на и главные типы изъ его поэзіи, среди декораціи, представлявшей финскую природу, т.-е. озеро, скалы и сосны. Картина была очень хороша, чему не мало способствовала, конечно, красота самой музы. Замѣчательно, что хотя театръ былъ полонъ, въ залѣ нельзя было указать болѣе двухъ-трехъ красивыхъ женщинъ, а между тѣмъ актрисы почти всѣ были очень красивы; точно будто изъ залы завербовали почти всѣхъ хорошенькихъ женщинъ на сцену. Вообще Гельсингфорсъ, насколько мнѣ показалось, едва ли можетъ гордиться красотою своихъ гражданокъ; я разумѣю это, конечно, не въ такомъ смыслѣ, что гельсингфорскія красавицы некрасивы, а только въ томъ, что я не встрѣчалъ ихъ часто. Однимъ словомъ, красивыя, выразительныя мужскія лица попадаются въ Гельсингфорсѣ чаще, чѣмъ женскія.

Исполнена была пьеса очень недурно. Я не видѣлъ шекспирова „Сна" въ Англіи, но видѣлъ его тамъ, гдѣ написана музыка къ нему,—въ Берлинѣ. Не дѣлая сравненій, скажу, что оркестръ добросовѣстно разучилъ музыку и давалъ достаточное о ней понятіе, несмотря на слабость своихъ средствъ (напримѣръ, отсутствіе арфы) и нѣкоторыя шероховатости. Въ особенности увертюра прошла удовлетворительно, а свадебный маршъ, разумѣется, не могъ быть переданъ съ настоящимъ эффектомъ. Игра актеровъ была совершенно удовлетворительна. Тотъ первобытный комизмъ, который выставленъ Шекспиромъ въ театральномъ представленіи аѳинскихъ ремесленниковъ, въ сущности немного первобытнѣе комизма самой шекспировской пьесы. Аѳинскіе ремесленники на потѣху Тезею, какъ извѣстно, представляютъ человѣка въ образѣ льва, съ гривою изъ стружекъ и соломеннымъ хвостомъ, а луну изображаютъ посредствомъ фонаря, вставленнаго въ картонный полукругъ. Но вѣдь и самъ великій Уильямъ изобразилъ здѣсь низшую

человѣческую природу посредствомъ метаморфозы одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ джентльмена съ ослиной головою. Тотъ и другой комизмъ, въ лицѣ своихъ представителей—каррикатурнаго льва и человѣка съ ослиной головой, снискавшаго любовь красавицы — достигли здѣсь вполнѣ своей цѣли: въ театрѣ безпрестанно раздавался тотъ искренній, дѣтскій смѣхъ, какимъ смѣются англичане, когда въ пантомимѣ клоунъ моетъ лицо арлекину, или когда кому-нибудь на сценѣ отпускается здоровый шлепокъ.

Въ театрѣ вы вѣшаете пальто или шубу на крючокъ въ коррндорѣ и преспокойно уходите. Правда, есть кажется два служителя, которые помогаютъ одѣваться; но никакого ярлыка не даютъ и вы безъ всякой ихъ помощи можете надѣть свою шубу и уйти. Это общее правило въ Гельсингфорсѣ.

Въ русскомъ театрѣ мнѣ привелось видѣть „Горе отъ ума“, и „Званый вечеръ съ итальянцами“. Русскій театръ находится въ концѣ бульвара, идущаго по Östra Henryksgatan, и рядомъ съ огромною казармой, гдѣ помѣщается какой-то пѣхотный полкъ. Оркестръ въ русскомъ театрѣ состоитъ изъ музыкантовъ финскаго стрѣлковаго баталіона, въ мундирахъ; эти солдаты, играющіе на скрипкахъ, напоминаютъ съ виду тѣ превосходные военные оркестры, которые можно слушать на Пратерѣ, въ Вѣнѣ, за кружку пива цѣлый вечеръ. Финляндскій военный оркестръ играетъ весьма порядочно. То же можно сказать и объ актерахъ, хотя одна изъ даваемыхъ пьесъ была очевидно имъ не по силамъ. Во всякомъ случаѣ, въ пользу гельсингфорскихъ Чацкаго и Фамусова можно сказать, что они изображаютъ свѣтскихъ людей; отъ нихъ не „разитъ“ рыночнымъ духомъ. Нѣсколько актеровъ и актрисъ знакомыхъ—изъ труппы, игравшей лѣтомъ въ Лѣсномъ на новомъ театрѣ. Что касается самой залы русскаго театра въ Гельсингфорсѣ, то она устроена болѣе по-театральному, чѣмъ театръ въ Лѣсномъ, то-есть полукругомъ, съ значительнымъ подъемомъ въ партерѣ; но едва ли онъ помѣстительнѣе, чѣмъ театръ въ Лѣсномъ. Русское общество, которое въ Гельсингфорсѣ все—служебное, видимо сочло долгомъ явиться на призывъ къ имени Грибоѣдова. Театръ былъ полонъ; генералъ-губернаторъ также пріѣхалъ, и кромѣ него еще было съ десятокъ генераловъ. Вообще публика преимущественно военная; въ антрактахъ въ фойе жаркіе разговоры объ игрѣ актеровъ, при чемъ степень соотвѣтствія ея типамъ Грибоѣдова объясняется офицерами генеральнаго штаба. Вообще остались довольны, и не мудрено, потому что пьеса такъ умна, что достаточно и просто читать роли, лишь бы не коверкать ихъ. Публика почти вся состоитъ изъ людей болѣе или менѣе знакомыхъ между собою, имѣетъ чисто-кружковый характеръ. Впрочемъ, легко было отличить въ партерѣ и нѣсколько коренныхъ финляндцевъ.

V.

Прежде, чѣмъ заключить наши бѣглыя замѣтки о столицѣ Финляндіи и ея жителяхъ, обратимся еще со словомъ сочувствія къ этому почтенному народу. Финляндцы необыкновенно привязаны къ своей родинѣ. Патріотизмъ ихъ вовсе не угрожаетъ никакимъ государственнымъ интересамъ Россіи. Если слишкомъ полувѣковое „несозваніе“ представителей Финляндіи на сеймъ не создало тамъ сепаратистско-шведской партіи, то надо надѣяться, что и злобныя завыванія нашихъ газетныхъ централизаторовъ не создадутъ тамъ ея. Финляндецъ не стремится къ Швеціи; онъ просто любитъ Финляндію. Вотъ его національный гимнъ, который играется и поется въ торжественныхъ, въ томъ числѣ и оффиціальныхъ случаяхъ; по-шведски приведемъ только первый стихъ:

Värt land, värt land, värt fosterland....

— Нашъ край, нашъ край, нашъ край родной—звучи громко, о дорогое слово!—Нѣтъ горы, идущей къ небесамъ—не стелется той долины, не обмывается волной того берега—которыхъ бы любили болѣе, чѣмъ мы любимъ нашу страну на сѣверѣ,—нашу отцовскую землю!

— Наша страна бѣдна и останется такою—для того, кто жаждетъ золота.—Чужеземецъ гордо проѣзжаетъ мимо насъ; — но эту страну, мы любимъ.—Для насъ, со своими болотами, скалами и шхерами—она все-таки золотая страна.

— Твой цвѣтъ еще скрытый въ почкѣ — разовьется изъ своего плѣненія: — смотри, изъ нашей любви взойдутъ — твой свѣтъ, твой блескъ, твоя радость, твоя надежда.—И пусть раздастся еще разъ—наша отечественная пѣснь.

Я не знаю другой національной пѣсни, въ которой бы съ такой скромностью и трогательной простотою выражалась безотчетная любовь къ родинѣ. Скажу точнѣе—не безотчетная, но не мотивированная. Народъ въ этой пѣснѣ говоритъ, что онъ любитъ родину потому, что она родина, и изъ любви своей создаетъ ей блескъ и процвѣтаніе. Но не однѣ скалы и озера, конечно, финляндскій народъ цѣнитъ въ своей землѣ; онъ цѣнитъ въ ней ту честность, дѣльность и трудолюбіе, которыя посѣяли хлѣбъ на этихъ скалахъ, проложили дороги чрезъ эти озера, тѣ качества, которыя ему самому присущи и не всѣмъ народамъ присущи въ равной степени. Въ прошедшемъ своемъ финляндецъ во всемъ тотчасъ наталкивается на заимствованіе отъ Швеціи; но въ будущемъ онъ хочетъ знать только Финляндію, и притомъ вовсе не мечтаетъ о политической ея независимости.

Финляндія получила всю культуру и законы отъ Швеціи, и всѣ общественные порядки образовались въ ней въ шведскомъ духѣ, по шведскимъ образцамъ. Отъ шведовъ она приняла католичество, и съ ними вмѣстѣ перешла въ лютеранство. Шведскій университетъ въ

Або, потомъ перенесенный въ Гельсингфорсъ, сталъ умственнымъ центромъ страны, а шведскій языкъ до послѣдняго времени былъ въ Финляндіи языкомъ цивилизаціи, языкомъ образованныхъ сословій. Въ соединеніи со Швеціею Финляндія прожила шесть вѣковъ, въ соединеніи съ Россіею большая часть Финляндіи находится всего 63 года и въ теченіи этого времени она ничего не могла заимствовать у Россіи, какъ въ древнія времена у Швеціи. Отъ полнаго объединенія съ Россіею, Финляндія ничего ие могла выиграть, и многое могла потерять. Ея крестьянинъ всегда былъ свободенъ, владѣлъ землей; ея сословія давно равны передъ закономъ; судьи ея давно независимы и безсмѣнны; понятіе о власти въ ней давно неразлучно слилось съ понятіемъ о законѣ, и въ числѣ правъ ея гражданъ, первымъ правомъ въ уложеніи давно записана личная свобода (personlig frihet), „ненарушимая до совершенія *явнаго* тяжкаго преступленія". Итакъ, особности ея нечего удивляться. Она могла лишиться этой особности только актомъ завоеванія. Но русское правительство весьма мудро признало прежній порядокъ лучшимъ для Финляндіи. Императоръ Александръ въ своей рѣчи при открытіи боргоскаго сейма призналъ за финскимъ народомъ даже права отдѣльной *націи*: „ce peuple placé désormais au rang des nations", разумѣя именно тотъ фактъ, что Финляндія была отдѣлена отъ Швеціи и не была включена въ составъ русскихъ губерній. Онъ предвидѣлъ, что финляндцы „благословятъ Провидѣніе, произволеніемъ котораго установился нынѣшній порядокъ". И въ настоящее время, желая Финляндіи дальнѣйшаго развитія общественнаго и умственнаго, нельзя не признать, что оно возможно тамъ не иначе, какъ на основаніи мѣстнаго духа, характера и исторіи.

Но если дальнѣйшее развитіе Финляндіи будетъ совершаться исключительно на этихъ мѣстныхъ основахъ, въ которыхъ, какъ выше сказано, столь много шведскаго, то не будетъ ли это противорѣчить той самой цѣли, которая намъ представляется естественною, то-есть именно нравственной связи Финляндіи съ Россіею, не будетъ ли это напротивъ вести къ бо́льшему и бо́льшему отчужденію финляндскаго общества отъ русскаго, къ усиленію нравственной связи между Финляндіею и Швеціею, а затѣмъ, пожалуй, къ желанію возстановить и политическую связь между ними, прерванную завоеваніемъ? Подобныя опасенія не имѣютъ рѣшительно никакого основанія, и даже прямо противорѣчатъ смыслу всего, что происходитъ въ Финляндіи. Финляндцы, хотя культуру свою и получили отъ шведовъ, все-таки не шведы, и не хотятъ быть шведами. Финны, какъ извѣстно, принадлежатъ къ совсѣмъ иной расѣ, къ той расѣ, изъ которой вышли древніе болгары и мадьяры. Швеція, для укрѣпленія своего господства въ этой странѣ, дѣйствительно, устроивала въ ней шведскія поселенія, которыя и упрочились по берегамъ Финскаго и Ботническаго залива; потомство ихъ и нынѣ разсѣяно вдоль этихъ береговъ, а въ нѣкоторыхъ мѣст-

ностяхъ, въ особенности въ Нюландѣ и Остроботніи живетъ сплошными группами; такъ что въ этихъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Нюландской губерніи, гдѣ лежитъ самъ Гельсингфорсъ, и крестьяне — шведскаго происхожденія. Но, во-первыхъ, изъ около 1 м. 850 тысячъ душъ всего населенія Финляндіи въ 1865 году только 250 т. говорили по-шведски, остальные же 1 м. 600 т. по-фински, при чемъ надо еще замѣтить, что въ числѣ 250 т. говорившихъ по-шведски было очень много лицъ чисто-финскаго происхожденія, такъ какъ образованные классы употребляли преимущественно шведскій языкъ. Во-вторыхъ, финляндцы шведскаго происхожденія, потомки шведскихъ поселенцовъ, все-таки не шведы; съ тѣхъ поръ, какъ предки ихъ поселились въ этой странѣ, прошли вѣка, и эти потомки шведовъ такіе же коренные финляндцы, какъ и финны, считаютъ себя съ ними однимъ народомъ и не имѣютъ рѣшительно никакихъ отдѣльныхъ стремленій. Сознаніе единства въ этомъ народѣ, несмотря на остатки различія въ языкѣ, такъ велико, что давно уже возникло стремленіе дать преобладаніе въ странѣ именно финскому языку, языку большинства населенія. По желанію самихъ народныхъ представителей Финляндіи, окончательнымъ срокомъ къ введенію финскаго языка въ права оффиціальнаго языка назначенъ 1883 годъ. Въ высочайшемъ повелѣніи 1 августа 1863 года, изданномъ вслѣдъ за пребываніемъ Государя въ Финляндіи сказано: „во вниманіе къ прошеніямъ и представленіямъ, время отъ времени поступавшимъ къ намъ отъ финскаго населенія великаго княжества и въ постоянной заботливости о споспѣшествованіи всему, что можетъ содѣйствовать къ благосостоянію и преуспѣянію нашихъ финляндскихъ подданныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы оставить имъ неизгладимое воспоминаніе о нашемъ посѣщеніи великаго княжества, мы признали за благо“, и т. д. Этимъ повелѣніемъ установлено, что присутственныя мѣста Финляндіи обязаны принимать бумаги на финскомъ языкѣ, а съ 1883 года, должны составлять на этомъ языкѣ и свои исходящія бумаги въ дѣлахъ, касающихся финскаго населенія края.

Въ настоящее время въ Финляндіи отъ всякаго поступающаго на государственную службу требуется знаніе финскаго языка. Національное движеніе отразилось и на Финляндіи въ томъ именно смыслѣ, что образованныя сословія стали усвоивать себѣ финскій языкъ, какъ истинно-народный, вводить его въ свои семейства и стремиться къ утвержденію его въ школѣ. Теперь въ гельсингфорскомъ университетѣ есть каѳедра финскаго языка, но и другіе профессора прибѣгаютъ иногда въ своихъ объясненіяхъ къ финскому языку. На сеймѣ, въ крестьянской палатѣ финскій языкъ преобладаетъ, но и въ сословіяхъ городскомъ и духовномъ нѣкоторые ораторы употребляютъ финскій языкъ, какъ-бы подготовляя окончательное установленіе его въ качествѣ языка оффиціальнаго. Акты верховной власти всегда появляются въ переводахъ на оба языка.

Движеніе „финномановъ“, то-есть стремленіе къ эмансипаціи финскаго языка и къ обращенію его въ языкъ дальнѣйшаго хода умственнаго развитія въ Финляндіи, было вызвано отдѣленіемъ этой страны отъ Швеціи, то-есть именно доставленіемъ ей „особности“. Желаніе сдѣлать финскій языкъ языкомъ политической и умственной жизни Финляндіи, вполнѣ соотвѣтствовало тому факту, который въ рѣчи императора Александра I-го на боргоскомъ сеймѣ былъ опредѣленъ словами: „ce peuple désormais placé au rang des nations“. По смыслу этой рѣчи, и въ дѣйствительности по смыслу исторіи, самая связь Финляндіи съ Россіею имѣетъ для Финляндіи то нравственное значеніе, что она знаменуетъ именно особность Финляндіи, то-есть эмансипацію финской національности, призывъ ея къ самостоятельному, непоглощаемому шведскимъ элементомъ, существованію. Когда мы говоримъ, что связь съ Россіею означаетъ для Финляндіи особность, то это съ перваго взгляда можетъ показаться парадоксомъ. Но это есть реальнѣйшая истина. Финляндскій народъ въ умственномъ отношеніи можно сказать созданъ шведскимъ вліяніемъ и вотъ почему такъ крѣпка была связь финляндскаго общества со шведскимъ. Связь его съ Россіею отчасти установилась и далѣе можетъ укрѣпляться не иначе, какъ тѣмъ же самымъ путемъ, единственнымъ путемъ, какимъ—какъ то показываетъ исторія—подобныя связи установляются и упрочиваются, то-есть путемъ новыхъ пріобрѣтеній, улучшеній, а не потерь и разрушенія. Вотъ въ этомъ-то истинномъ смыслѣ нравственная связь Финляндіи съ Россіею уже и установилась именно доставленіемъ и признаніемъ за Финляндіею ея особности. Это было пріобрѣтеніемъ для Финляндіи, пріобрѣтеніемъ, которое она получила уже не отъ Швеціи, а отъ Россіи. Очевидно, что и укрѣпленіе этой связи, дальнѣйшее, тѣснѣйшее сближеніе Финляндіи съ Россіею можетъ успѣшно идти только этимъ путемъ, то-есть содѣйствіемъ со стороны русскаго правительства и русскаго общества развитію Финляндіи на основаніи единственныхъ имѣющихся для него данныхъ: финской національности и финской конституціи. Именно при полной увѣренности въ сохраненіи ей мѣстныхъ особностей, Финляндія и можетъ быть искренне и глубоко солидарна съ Россіею.

Вступивъ же на путь противоположный, на путь отмѣны или ограниченія мѣстныхъ особностей, мы вступили бы на путь фальшивый. Мы принесли бы въ жертву искреннюю, добровольную привязанность пустому требованію наружнаго объединенія, внѣшняго „единообразія“. Единообразіе когда-то, дѣйствительно, считалось какимъ-то принципомъ, вмѣщающимъ въ себѣ собственную благотворную силу. Но это былъ оптическій обманъ, обманъ даже несовсѣмъ непроизвольный; это была аракчеевская мысль: помѣстить всѣхъ жителей въ жилища одной постройки, одного цвѣта, съ одинаковыми самоварами на томъ же самомъ окнѣ, какъ будто при такомъ единообразіи и сердца всѣхъ

поселянъ должны были биться одинаковою любовью, и благосостояніе ихъ было обезпечено самимъ „единообразіемъ“. Сломавъ все, что народъ имѣетъ, все, чѣмъ онъ наиболѣе дорожитъ, и стараясь втискивать его въ одинаковыя съ нашими формы, какую выгоду имѣли бы мы, владѣя народомъ, который, перенося наши порядки съ затаенными мыслями, ненавидѣлъ бы насъ, не желалъ бы намъ ни могущества, ни развитія? Желая отмѣны особности учрежденій Финляндіи, мы желали бы уничтоженія единственнаго пріобрѣтенія, которое она получила отъ Россіи, то-есть именно уничтоженія самого основнаго звена нашей связи. Нѣтъ спору, желательно, чтобы русскій народъ сравнялся съ финляндскимъ въ томъ, что можетъ быть названо преимуществами послѣдняго, напримѣръ,—въ образованности. Но это уже зависитъ отъ прогресса въ самой Россіи, а не отъ введенія реакціи въ Финляндіи. Истинное, полное объединеніе русскаго государства и совершится тогда, когда мы не будемъ отставать отъ нашихъ болѣе образованныхъ окраинъ ни въ чемъ: ни въ просвѣщеніи, ни въ общественномъ благоустройствѣ, ни въ нравахъ, ни въ нужныхъ намъ, соотвѣтственныхъ нашему развитію учрежденіяхъ. Но это и есть единственный вѣрный путь къ объединенію.

Мы потому такъ настаиваемъ на этомъ пунктѣ, что въ нашемъ обществѣ еще встрѣчаются люди, не изъ особенно развитыхъ, конечно, склонные смотрѣть съ нѣкоторымъ недоброжелательствомъ на сохраненіе за инородцами—нашими согражданами, и тѣхъ мѣстныхъ особностей, которыя не противорѣчатъ ни справедливости, ни здравому смыслу. Въ высшей степени желательно, чтобы эта враждебная наклонность у насъ искоренилась какъ слѣпой, не ведущій ни къ какой раціональной цѣли инстинктъ. По отношенію къ Финляндіи, мы тѣмъ болѣе должны желать этого, что партіи, враждебной связи съ Россіею, въ этомъ краѣ вовсе не существуетъ. Ни шведской политической партіи, ни національной партіи въ смыслѣ сепаратизма—въ Финляндіи нѣтъ и зародыша. На выборахъ въ сеймъ происходитъ нѣкоторая, весьма мирная впрочемъ, борьба между партіями финской и шведской, но ни одна изъ этихъ партій не желаетъ отдѣленія отъ Россіи. Онѣ расходятся только въ томъ, что финская партія желала бы всѣми мѣрами ускорить установленіе полнаго господства финскаго языка, а такъ-называемая шведская партія относится къ этому вопросу нѣсколько консервативно, то-есть, не отрицая принципа, что языкомъ страны долженъ быть языкъ большинства народа, не желаетъ въ этомъ отношеніи никакихъ усиленныхъ мѣръ. Но обѣ партіи совершенно сходятся въ убѣжденіи, что нынѣшнее самостоятельное положеніе Финляндіи въ связи съ Россіею есть не только единственновозможное, но и лучшее для финскаго народа.

Л. Полонскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го апрѣля, 1872.

Дѣло о духовномъ завѣщаніи Бѣляева. — Обстоятельства дѣла. — Ходъ судебныхъ преній: обвиненіе, защита и приговоръ.—Ходатайство Русскаго Общества Пароходства о помильной платѣ.—Новые штаты телеграфныхъ станцій.—Письмо въ редакцію: по поводу вопроса о наймѣ рабочихъ.

Дѣло о завѣщаніи Бѣляева и по обвиненію Мясниковыхъ возбудило въ нашемъ обществѣ такой интересъ и вызвало такіе толки, отчасти отразившіеся и въ печати, что мы считаемъ обязанностью подробно поговорить о немъ, хотя оно юридически и окончено. Къ этому побуждаетъ насъ, во-первыхъ, важность самаго дѣла, которое должно занять въ краткой лѣтописи нашей судебной практики видное мѣсто въ ряду такъ-называемыхъ „causes célèbres". „Дѣло это", сказалъ прокуроръ, „по трудности, сложности и важности, превышаетъ всѣ дѣла, разбиравшіяся до сихъ поръ въ стѣнахъ этого суда". Но это еще не все. Судъ исполнилъ свой долгъ; присяжными произнесенъ приговоръ оправдательный, и этимъ дѣло, по отношенію къ обвинявшимся, окончилось. Но этимъ оно не окончилось въ средѣ общественнаго вниманія; результатъ, состоявшійся въ стѣнахъ суда, вызвалъ въ свою очередь еще другіе результаты: нѣкоторое весьма замѣтное разочарованіе, даже неудовольствіе, въ части публики, и нареканія, которыя коснулись самихъ присяжныхъ. Вотъ почему и намъ необходимо предстоитъ заняться этимъ важнымъ дѣломъ и просмотрѣть его хотя кратко, но за то во всей его совокупности. Конечно, всѣ обстоятельства дѣла были уже разработаны со всѣхъ сторонъ на судѣ, но наша задача не ограничивается однимъ повтореніемъ, а имѣетъ свою особенность: на судѣ обстоятельства дѣла разработывались сторонами, то-есть разработывались каждою изъ нихъ односторонне; мы же можемъ взвѣсить ихъ безъ всякаго отношенія къ желаемому результату, т. е. съ полной объективностью. Сверхъ того, на судѣ не могло быть сдѣлано критическаго разбора всего веденія дѣла въ связи съ состо-

явшимся послѣ рѣшеніемъ присяжныхъ; намъ представляется возможность сдѣлать и это. И сдѣлать это мы должны, какъ для того, чтобы устранить несправедливыя нареканія на присяжныхъ, уяснивъ всю возможность добросовѣстно и разумно остановиться на томъ рѣшеніи, на какомъ они остановились, такъ и для того, чтобы защитить самое общественное мнѣніе отъ встрѣчнаго, безусловнаго нареканія со стороны слишкомъ опасливыхъ защитниковъ непогрѣшимости присяжныхъ. Для того, чтобы дѣйствительнымъ образомъ уничтожить нареканія на присяжныхъ, недостаточно ссылаться на неприкосновенность и возвышенный характеръ этого учрежденія. Для того, чтобы съ успѣхомъ опровергнуть и уничтожить нареканія нераціональныя, требованія дикія, предъявленныя просто слѣпымъ неразсуждающимъ инстинктомъ, слѣдуетъ оговорить и то, что́ въ общественныхъ сужденіяхъ по этому дѣлу могло быть раціональнаго. Никто не имѣетъ права доказывать неосновательность приговора, вошедшаго въ силу. Но правъ критики самаго способа веденія дѣла — никто не можетъ отнять у общественнаго мнѣнія.

Матеріалами дѣла по обвиненію Мясниковыхъ въ составленіи подложнаго завѣщанія отъ имени дяди ихъ, купца Бѣляева, въ пользу вдовы его, которая затѣмъ передала имъ наслѣдство, посредствомъ Караганова, написавшаго подпись Бѣляева, Целебровскаго, написавшаго текстъ, Сицилинскаго и Отто, подписавшихъ завѣщаніе въ качествѣ свидѣтелей, представляются: самый видъ завѣщанія, какъ матеріальное доказательство; потомъ, способъ составленія его Бѣляевымъ, если оно не фальшиво, или Мясниковыми, если оно подложно; далѣе, сознаніе Караганова, что онъ далъ бланкъ съ поддѣланною имъ подписью Бѣляева; наконецъ, свидѣтельскія показанія.

Постараемся теперь констатировать съ возможной точностью, въ какомъ видѣ представились всѣ эти составныя части судебнаго матеріала послѣ судебнаго слѣдствія и двойной двухсторонней провѣрки, двукратными рѣчами со стороны обвиненія и защиты; постараемся опредѣлить, что́ изъ этого матеріала уцѣлѣло, пройдя сквозь горнило судебныхъ допросовъ и судебныхъ преній.—Одно, чего не могли измѣнить никакія пренія—это самый видъ завѣщанія и характеръ имѣющейся на немъ подписи. Экспертиза признала, что текстъ завѣщанія написанъ вначалѣ сжато, потомъ разгонисто, затѣмъ опять сжато, какъ будто онъ пригонялся къ подписи, сдѣланной заранѣе. Правда, экспертиза происходила нѣсколько разъ, и прежніе эксперты не находили основательныхъ поводовъ къ отрицанію достовѣрности подписи Бѣляева, а въ другой разъ нашли ее даже неискусно поддѣланною, но на нынѣшній разъ эксперты были сведены вмѣстѣ, и нынѣшній ихъ отзывъ всего важнѣе: они признали на этотъ разъ, что подпись похожа на искусную поддѣлку; что нѣкоторыя буквы отстоятъ одна

отъ другой, безъ связи; наконецъ, они признали еще, что Карагановъ, судя по сдѣланнымъ имъ пробнымъ подписямъ, могъ сдѣлать ту подпись, которая имѣется на завѣщаніи. Обращаясь къ способу составленія завѣщанія, мы должны признать, что чѣмъ бы ни считать это завѣщаніе, достовѣрнымъ ли, или подложнымъ, во всякомъ случаѣ, о способѣ его составленія, послѣ всего сказаннаго, можно заключить одно, именно, что составленіе его не было вполнѣ нормально. Смотря на него какъ на завѣщаніе, подписанное Бѣляевымъ, мы должны по крайней мѣрѣ признать, что онъ въ этомъ случаѣ отступилъ отъ своихъ привычекъ точности и дѣловитости, подъ вліяніемъ припадка болѣзни. Смотря на него какъ на завѣщаніе, составленное другими лицами, то-есть фальшивое, мы должны основаться только на экспертизѣ и сознаніи Караганова, и на основаніи однихъ этихъ положительныхъ фактовъ отрицать такой формальный фактъ, какъ тотъ, что послѣ покойнаго явилось завѣщаніе въ пользу жены, съ которою онъ жилъ хорошо, и подпись удостовѣрена была какъ священникомъ, такъ и докторомъ, которые подтвердили свое свидѣтельство въ гражданской палатѣ, при утвержденіи завѣщанія. Достаточно ли было нынѣшней экспертизы и показанія Караганова для того, чтобы оспорить подпись, во всякомъ случаѣ, похожую на руку Бѣляева и удостовѣренную такимъ формальнымъ образомъ свидѣтелями, которыхъ уже нѣтъ въ живыхъ—вотъ главный вопросъ, который представлялся въ этомъ дѣлѣ совѣсти присяжныхъ.

Переходя къ сознанію Караганова, мы не можемъ однако не признать его фактомъ весьма значительнымъ. Человѣкъ показываетъ самъ на себя; онъ сознается въ преступленіи, за которое судится, и если онъ былъ единомышленникомъ Мясниковыхъ, то вотъ имѣлось бы личное сознаніе одного изъ единомышленниковъ, и именно того, какъ всегда бываетъ, который по обстоятельствамъ могъ бы наиболѣе разсчитывать на снисхожденіе. Карагановъ безпорядочнымъ поведеніемъ своимъ, доводившимъ его до бѣлой горячки, а также странностью своей рѣчи и своихъ манеръ на судѣ, нѣсколько ослаблялъ довѣріе къ себѣ. Но разстройство его умственныхъ способностей, на которомъ настаивала защита, не подтвердилось экспертизою медиковъ, которые за нимъ наблюдали, и въ этомъ отношеніи мнѣніе наблюдавшихъ медиковъ можетъ быть признано совершенно достаточнымъ, и безъ особаго освидѣтельствованія психіатрами, котораго требовала защита. Остается фактъ, что человѣкъ не безумный показываетъ противъ своего интереса, такъ какъ сама защита не выражала подозрѣнія, что Карагановъ могъ быть подкупленъ гражданскими истцами; человѣкъ этотъ показываетъ, что онъ сдѣлалъ подпись Бѣляева на листѣ бумаги, и думаетъ, судя по мѣсту подписи на завѣщаніи, что это можетъ быть подпись имъ сдѣланная. Но важность показанія Караган-

нова въ значительной мѣрѣ ослабляется тѣмъ, что онъ не утверждаетъ прямо:—подпись на этомъ завѣщаніи моя, я это очень хорошо знаю, и листъ бумаги именно тотъ, на которомъ я сдѣлалъ подпись. За давностью, Караганову, положимъ, и трудно утверждать это такъ рѣшительно; тѣмъ не менѣе, тотъ фактъ, что онъ утверждалъ нерѣшительно, ослабляетъ дѣйствіе его показанія противъ достовѣрности завѣщанія, формально засвидѣтельствованнаго и утвержденнаго въ свое время.

Обращаясь теперь къ послѣдней части судебнаго матеріала — свидѣтельскимъ показаніямъ, мы имѣемъ предъ собою ту часть матеріала, которая наиболѣе слаба, наиболѣе пострадала отъ судебнаго слѣдствія, и пройдя сквозь него, явилась почти безъ всякой цѣны.

Главныхъ свидѣтелей, какими были бы въ пользу защиты, священникъ Сицилійскій и докторъ Отто, а въ пользу обвиненія—Матвѣевъ, Кемпе и Каменскій, нѣтъ въ живыхъ. Затѣмъ, они представляются въ настоящее время другими лицами, которыя говорятъ за нихъ, съ ихъ словъ. Уже это одно обстоятельство лишаетъ ихъ достаточной силы, но сверхъ того обнаружилось еще, что свидѣтели эти такъ или иначе заинтересованы въ пользу гражданскихъ истцовъ или въ пользу защиты. Ремянникова, сестра Бѣляева, не оспариваетъ завѣщанія, между тѣмъ какъ она вмѣстѣ съ Бѣляевой была бы главная наслѣдница, если бы завѣщанія не было. Но Ремянникова получила 4,000 р. по завѣщанію какъ оно есть, и живетъ у Бѣляевой. Почему она не оспаривала завѣщанія: потому ли что была убѣждена въ его подлинности, или потому что, оспаривая его, боялась лишиться небольшого, но вѣрнаго, въ ожиданіи огромнаго, но недостижимаго по ея средствамъ, маловѣроятнаго пріобрѣтенія—это оставалось вопросомъ. Во всякомъ случаѣ, она сама въ подтвержденіе подлинности завѣщанія не могла доказать ничего. Въ какой мѣрѣ она была увѣрена въ правахъ своихъ на наслѣдство видно изъ того, что когда еще о завѣщаніи ничего не было извѣстно, и когда, стало-быть, она могла считать себя наслѣдницею, она умоляла Мясниковыхъ не оставлять ее, такъ что когда Бѣляева ей сказала впослѣдствіи, что ей оставлена часть, а именно 4,000 р., то это было ей утѣшеніемъ. Сама Бѣляева, являвшаяся въ настоящемъ случаѣ свидѣтельницей, показывала въ смыслѣ благопріятномъ подлинности завѣщанія, но показанія ея были, во-первыхъ, несовсѣмъ согласны между собою, во-вторыхъ, недостаточно рѣшительны. Сперва она показала, что только взглянула на бумагу, когда мужъ отдалъ ей, передъ смертью, и не прочла ея, но увидала что это было завѣщаніе; что она вовсе не читала завѣщанія, а такъ и отдала его Мясниковымъ для формальнаго утвержденія, и что затѣмъ не можетъ утверждать, то ли это именно завѣщаніе, которое она дала Мясниковымъ; итакъ, она показывала въ то время, именно

въ августѣ 1868-го года, когда допросъ ей дѣлался какъ обвиняемой, когда, стало-быть, она была заинтересована устранить свою солидарность съ составленіемъ завѣщанія, если бы оно было признано подложнымъ. Теперь на судѣ, когда ее уже спрашивали не какъ обвиняемую, а какъ свидѣтельницу, и когда, стало-быть, интересъ ея только въ томъ, чтобы подлинность завѣщанія осталась неприкосновенною, она показывала, что, развернувъ бумагу, увидѣла, что это было духовное завѣщаніе, но посмотрѣла только начало его и конецъ, увидѣла подпись мужа и подписи свидѣтелей Сицилинскаго и Отто, и уже потомъ, около 40 дней спустя послѣ смерти мужа, вспомнила, что у нея было завѣщаніе и просила своего племянника, А. Мясникова, передать это завѣщаніе въ гражданскую палату, и такъ и отдала его, опять-таки не читавши, и не всматриваясь въ него, а затѣмъ, получивъ его обратно, уже увидѣла, что это то самое завѣщаніе, которое теперь называли подложнымъ. Ясно, что такая неполнота, сбивчивость и притомъ недостаточная убѣдительность показанія Бѣляевой обращали его болѣе въ орудіе обвиненія, чѣмъ въ орудіе для защиты, которой приходилось уже не столько подкрѣпляться этимъ показаніемъ, сколько защищать его само.

Другіе свидѣтели въ пользу защиты удостовѣряли нравственный характеръ священника Сицилинскаго и доктора Отто, что при системѣ принятой прокуроромъ было излишне, такъ какъ онъ самъ ставилъ внѣ сомнѣнія нравственность подписавшихъ завѣщаніе; двѣ свидѣтельницы показывали, что сами слышали, какъ Бѣляевъ говорилъ, что послѣ его смерти все состояніе перейдетъ по завѣщанію къ женѣ; но это не важно, такъ какъ вопросъ не въ томъ, имѣлъ ли Бѣляевъ намѣреніе завѣщать состояніе женѣ, а въ томъ, успѣлъ ли онъ сдѣлать завѣщаніе, и есть ли настоящее завѣщаніе его?

Свидѣтели въ пользу обвиненія всѣ или не важны, или неблагонадежны; къ разряду первыхъ относится и жена Караганова, а къ разряду послѣднихъ всѣ наиболѣе рѣшительные свидѣтели, какъ-то Красильниковъ и другіе. Впрочемъ, необходимо отмѣтить тотъ фактъ, что жена Караганова отказалась показывать на судѣ, а отецъ его, издалека пріѣхавшій съ цѣлью показывать, на судѣ тоже отказался дать показаніе. Свидѣтель Шевелевъ оказывался, по крайней своей неблагонадежности, какъ бы обоюдоострымъ. Если показаніе его уронило показанія свидѣтелей гражданскихъ истцовъ, то чѣмъ меньше онъ говорилъ прямо въ пользу защиты, тѣмъ было лучше для нея. Само обвиненіе и сама защита не придавали свидѣтельскимъ показаніямъ большого значенія, хотя все-таки безпрестанно на нихъ ссылались.

Послѣ этихъ главныхъ элементовъ дѣла, представляются еще два, такъ-сказать, дополнительные; одинъ принадлежитъ къ категоріи матеріальныхъ доказательствъ обвиненія, другой представляетъ факти-

ческій вопросъ, который каждая сторона рѣшала по-своему и выводила изъ него важнѣйшія соображенія въ свою пользу. Это — во-первыхъ, цвѣтъ чернилъ на завѣщаніи; во-вторыхъ, вопросъ о сохранной росписке Бѣляева, данной Мясниковымъ, и въ связи съ нею о томъ, былъ ли Бѣляевъ богатъ въ минуту своей смерти, такъ чтобы богачамъ Мясниковымъ стоило поддѣлывать его завѣщаніе, или же онъ богатъ не былъ. Мы приводимъ эти сомнительные факты или вопросы въ концѣ обзора обстоятельствъ именно потому, что это факты сомнительные, настоящіе вопросы, дающіе возможность разрѣшать ихъ въ ту и въ другую сторону. Что текстъ завѣщанія и каждая его подпись написаны разными чернилами, это утверждали эксперты и никто этого не отрицалъ; обвиненіе видѣло въ этомъ доказательство, что фальшивая подпись Бѣляева сдѣлана прежде всего, потомъ написанъ текстъ, а потомъ порознь уговаривали доктора и священника подписать завѣщаніе изъ одолженія, дабы не лишать формальнаго значенія дѣйствительную волю покойнаго. Но доказательство, состоящее въ различіи цвѣта чернилъ, по существу своему весьма шаткое, и защитѣ легко было объяснять это различіе, просто различіемъ чернильницъ въ комнатахъ или хотя бы въ самомъ кабинетѣ Бѣляева.

Гораздо важнѣе вопросъ: былъ ли Бѣляевъ богатъ или бѣденъ въ минуту смерти, и стоило ли милліонерамъ поддѣлывать его завѣщаніе. Что Бѣляевъ вообще считался очень богатымъ, въ этомъ всѣ согласны; что онъ былъ очень богатъ, достаточно доказывается показаніемъ Перозіо, что свидѣтель былъ уполномоченъ Бэрдомъ вести съ Бѣляевымъ переговоры о продажѣ ему завода Бэрда за 2 милліона 300 т. р., при чемъ Бѣляевъ хотѣлъ взять $^2/_3$ покупной цѣны на себя; также тѣмъ, что ему принадлежали рыбныя ловли, которыя Мясниковы потомъ продали по нѣкоторымъ показаніямъ за 800 т. р., хотя И. Мясниковъ и показалъ на судѣ, что онъ не помнитъ, за сколько такое владѣніе было продано.

Сама Бѣляева, правда, отрицала, чтобы ея мужъ былъ очень богатъ, но въ доказательство своего мнѣнія привела только свою дешевую уступку Мясниковымъ всего наслѣдства, что достаточнымъ доказательствомъ служить не можетъ. Свидѣтель Бенардаки показалъ, что состояніе Бѣляева могло быть всего около 400 тысячъ р. Но и этого весьма достаточно, чтобы польститься на такой кушъ, если только не признать доказаннымъ тотъ фактъ, который утверждали Мясниковы, именно, что Бѣляевъ былъ имъ долженъ 272 т. рублей, въ чемъ они имѣли его сохранную росписку. Итакъ, вопросъ о томъ былъ ли Бѣляевъ богатъ въ минуту смерти сводится къ вопросу о его долгѣ Мясниковымъ, о сохранной росписке. Если признать, что эта сохранная росписка была, во-первыхъ, подлинная, а во-вторыхъ, не была уже оплачена Бѣляевымъ и затѣмъ найдена въ его дѣлахъ увезенныхъ

Мясниковыми, и вторично предъявлена его вдовѣ — то окажется, что Бѣляевъ не былъ богатъ, и милліонерамъ могъ быть интересъ въ составленіи завѣщанія въ пользу вдовы единственно для того, чтобы получить съ нея по сохранной росписке. Если же сохранная росписка предъявленная, но не отданная Мясниковыми Бѣляевой, а уничтоженная ими, была подложна, или была подлинная, но уже оплаченная, то тогда окажется, что Бѣляевъ въ день смерти былъ богатъ. Окажется, что стоило поддѣлать его завѣщаніе для того, чтобы посредствомъ сохранной росписки сдѣлать вѣроятною послѣдовавшую затѣмъ уступку всего наслѣдства Бѣляевою Мясниковымъ, и заставивъ Бѣляеву поручиться по этой росписке до утвержденія подложнаго завѣщанія въ ея пользу, тѣмъ самымъ имѣть въ рукахъ залогъ, что по утвержденіи завѣщанія наслѣдство въ дѣйствительности будетъ передано ею Мясниковымъ, которые затѣмъ и обязались уплатить ей еще 120 тысячъ рублей въ 10 лѣтъ, то-есть именно такъ, чтобы она была связана до истеченія давности. Сама Бѣляева не выразила достаточнаго убѣжденія въ неоспоримости сохранной росписки. На судѣ она показывала, что считала эту росписку нравственно-обязательною для себя и въ этомъ смыслѣ самая передача ею всего наслѣдства и даже двухъ собственныхъ ея заводовъ Мясниковымъ за сохранную росписку и дополнительную уплату 120 т. рублей служила бы лучшимъ доказательствомъ тому, что она вѣрила въ подлинность этой росписки, хотя этимъ, положимъ, и не устраняется сомнѣніе о томъ, не была ли она уже оплачена Бѣляевымъ, такъ какъ дѣла Бѣляева Мясниковы увезли къ себѣ. Но если Бѣляева признавала росписку обязательною для себя, и въ томъ видѣ, какъ она была ей предъявлена, то спрашивается, для чего же она придавала ей сверхъ того еще юридическую для себя обязательность, поручившись по ней? Сверхъ того, если сообразить, что Бѣляева осталась недовольна своимъ разсчетомъ съ Мясниковыми, что она вела съ ними впослѣдствіи тяжбу, что у ней найдены черновыя письма съ угрозами открыть все дѣло передъ верховною властью (хотя Бѣляева объявляетъ, что не знаетъ кѣмъ писаны эти черновыя), то остается поле для предположеній, что Бѣляева была обманута этой „какой-то невѣдомой росписки“, какъ она впослѣдствіи выражалась въ прошеніи, и знала, что она обманута племянниками во всемъ дѣлѣ завѣщанія, отъ котораго она болѣе для себя ожидала, чѣмъ они сдержали.

Но всѣ эти, сейчасъ перечисленные, дополнительные элементы судебнаго матеріала представляютъ, повторяемъ, только вопросы; фактовъ, которыхъ они касаются, нѣтъ возможности провѣрить. Достаточно привесть для примѣра, что обратясь къ счетамъ и документамъ для рѣшенія весьма существеннаго вопроса о томъ, былъ ли богатъ Бѣляевъ

въ день своей смерти, прокуроръ вывелъ цифру его состоянія въ 400 — 700 тысячъ, а защитникъ А. Мясникова въ 20 тысячъ рублей.

Итакъ, какъ ни важны эти дополнительные элементы дѣла: цвѣтъ чернилъ на завѣщаніи и вопросы о богатствѣ Бѣляева и о сохранной роспискѣ, присяжные, увидавъ, какое употребленіе было сдѣлано изъ этихъ элементовъ на судѣ обѣими сторонами, могли не придавать имъ никакого руководящаго значенія, а основываться именно только на основныхъ элементахъ судебнаго матеріала, какъ-то: на видѣ завѣщанія, на способѣ его составленія, и на условномъ сознаніи Карагонова, такъ какъ свидѣтельскія показанія были слабы или неблагонадежны. Уже изъ того краткаго обзора этихъ основныхъ элементовъ, какой мы сдѣлали вначалѣ, на основаніи всей совокупности процесса, неоспоримо слѣдуетъ, что при полнѣйшей добросовѣстности присяжныхъ и при внимательнѣйшемъ изученіи ими обстоятельствъ дѣла, они могли не найти достаточныхъ уликъ для обвиненія, въ виду того факта, что подпись на завѣщаніи все-таки сходна съ подписью Бѣляева (такъ какъ сама экспертиза въ концѣ находила въ ней поддѣлку, но поддѣлку искусную), и что завѣщаніе это въ свое время было засвидѣтельствовано съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей.

Итакъ, самыя существенныя обстоятельства дѣла представились въ такомъ видѣ, что со стороны присяжныхъ было вполнѣ естественно, не найдя несомнѣнныхъ основаній для отрицанія этого акта, для ломки существующаго, оставить все дѣло въ statu quo, то-есть оправдать обвиняемыхъ. Но если теперь мы бросимъ взглядъ на самый ходъ судебныхъ преній, то убѣдимся, что независимо отъ смысла самыхъ обстоятельствъ, дѣло и на судѣ было поведено такимъ образомъ, что оправданіе было вѣроятнѣе, чѣмъ осужденіе; иными словами — сверхъ обстоятельствъ дѣла, самый ходъ судебныхъ преній былъ таковъ, что способствовалъ оправданію. Чтобы показать это нѣтъ нужды быть юристомъ. Судебныя пренія ведутся такимъ образомъ, чтобы убѣдить не юристовъ, но присяжныхъ, и намъ достаточно будетъ литературно-критически сравнить свойства рѣчей обвиненія и защиты, чтобы выяснить, за кѣмъ оставалась побѣда на полѣ преній, а стало-быть и въ чью пользу долженъ былъ состояться результатъ этихъ преній.

Прокуроръ началъ свою рѣчь съ того, что онъ не будетъ „усиленно убѣждать“ въ виновности подсудимыхъ и „настойчиво излагать свое мнѣніе“ о дѣлѣ. Цѣлью своей рѣчи онъ прямо указалъ — развить передъ присяжными ходъ „соображеній“, которыми руководствовалась въ настоящемъ случаѣ обвинительная власть, и помочь присяжнымъ: „всмотрѣться въ ту даль, на которой написанъ 1858-й годъ (годъ смерти Бѣляева) и окинуть взглядомъ ту обстановку, которая окружала возникновеніе завѣщанія Бѣляева“. Рѣчь прокурора совер-

менно соотвѣтствовала *этимъ* задачамъ. Онъ именно болѣе всего развивалъ ходъ соображеній, всматривался въ даль и старался воспроизвесть картину всей обстановки, при которой должно было возникнуть завѣщаніе, если только оно было фальшиво. Итакъ, задача главнаго обвинителя была преимущественно-художественная; главной силой его рѣчи была сила воображенія, и разсчитана она была преимущественно на воображеніе присяжныхъ. Задачу свою прокуроръ исполнилъ превосходно; онъ нарисовалъ такую живую и полную картину всего хода предполагаемаго преступленія, что оно становилось какъ бы несомнѣннымъ, но несомнѣннымъ только—для воображенія. Рѣчь г. Кони по дѣлу о завѣщаніи Бѣляева, какъ и его новѣйшая рѣчь по убійству Рыжова—мастерскіе этюды, полные тонкаго психологическаго анализа и замѣчательной силы творчества въ воспроизведеніи типовъ и моментовъ драмы, къ тому же изложенныя превосходнымъ языкомъ, — да позволено будетъ это замѣчаніе, такъ какъ мы дѣлаемъ оцѣнку литературно-критическую. И при этомъ, въ дѣлѣ обвиненія Мясниковыхъ, необходимо еще замѣтить: придавая своей рѣчи такой характеръ, прокуроръ, по намѣренію своему, нисколько не жертвовалъ интересомъ обвиненія въ пользу художественности своей рѣчи. Въ дѣлѣ столь давнемъ, въ дѣлѣ, гдѣ матеріальныхъ доказательствъ мало, прокуроръ и въ такомъ случаѣ, еслибы онъ стремился къ осужденію подсудимыхъ во что бы то ни стало, могъ дать своей рѣчи тотъ характеръ, какой онъ далъ ей, именно изъ практическаго же разсчета: онъ могъ надѣяться, что посредствомъ живой и полной картины предполагаемаго преступленія, картины, гдѣ все приведено къ связи, гдѣ все взаимно объясняется, онъ убѣдитъ присяжныхъ силою вѣроятности, представитъ имъ преступленіе несомнѣннымъ именно по невозможности иначе удовлетворительно связать всѣ имѣющіеся факты и показанія. Но полнота картины все-таки не замѣняетъ твердости, ясности юридическихъ доказательствъ, и настойчивости хотя бы на немногихъ, но наиболѣе твердыхъ фактахъ. И присяжнымъ слѣдуетъ вмѣнить въ заслугу, что они не поддались силѣ одной психологической вѣроятности, что они оказались болѣе требовательными юристами, чѣмъ, судя по его рѣчи, ихъ считалъ прокуроръ.

Впрочемъ, справедливость требуетъ, чтобы мы не ограничились указаніемъ на наиболѣе характеристическую сторону рѣчи прокурора; въ ней были и юридически-вѣскіе аргументы и искусные ходы, хотя преобладала все-таки сторона предположительная и нравственно-аналитическая. Прокуроръ самъ отказался придавать большое значеніе показаніямъ свидѣтелей, и это было съ его стороны искусно, въ виду показанія Шевелева, что онъ написалъ свое письмо о подложности завѣщанія за деньги, данныя ему гражданскимъ истцомъ Ижболдинымъ. Отрекаясь отъ свидѣтелей, прокуроръ совершенно сообразно своей

цѣли старался стереть съ Ижболдина тотъ непривлекательный колоритъ, какой придали ему его обязательства съ разными мелкими ходатаями, желавшими поживиться вокругъ этого дѣла; для этого онъ объяснялъ, что давать деньги свидѣтелямъ за то, чтобы они взялись объяснить все имъ извѣстное, еще не значитъ подкупать ихъ на ложныя показанія; что въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ частный обвинительный процессъ, именно въ Англіи и Америкѣ, быть можетъ бо́льшая часть свидѣтелей пріобрѣтается сторонами именно такимъ образомъ, при чемъ покупается не совѣсть свидѣтелей, а ихъ время и трудъ.

Обращаясь къ вопросу о сохранной роспискѣ, прокуроръ старался доказать, что не Бѣляевъ былъ долженъ Мясниковымъ, а они были должны Бѣляеву 84 т. р., и если не принимать въ разсчетъ залоговъ, то онъ былъ долженъ имъ 7 тыс., а никакъ не 272 т. р. Далѣе, обвинитель хорошо воспользовался черновою довѣренности Мясниковымъ, найденною у Бѣляевой и помѣченною сентябремъ, между тѣмъ какъ по словамъ ея она узнала, что имѣніе завѣщано ей только въ половинѣ октября; составляя довѣренность въ сентябрѣ, она, стало-быть, знала уже тогда, что́ было въ завѣщаніи; хорошо объяснилъ, что если Бѣляева уступила Мясниковымъ и наслѣдство и свои заводы, стоившіе одни 200 т. р. за одно возвращеніе ей сохранной росписки мужа въ 272 т. съ прибавкою уплаты ей Мясниковыми 120 т. р., то это значитъ, что она по завѣщанію получила просто долгъ мужа, который уплатила изъ своей собственности, что стало-быть Бѣляевъ какъ-бы грабилъ ее своимъ завѣщаніемъ. Очень хорошо онъ объяснялъ и то, какимъ образомъ Мясниковы могли побудить Бѣляеву воспользоваться подложнымъ завѣщаніемъ. Но здѣсь мы уже переходимъ совершенно въ область одной вѣроятности. Относительно показанія Караганова прокуроръ хорошо отстаивалъ сознательность, искренность его сознанія и вмѣстѣ притворство въ его пріемахъ. Что касается самого типа Караганова и судьбы этого человѣка, то прокуроръ представилъ этюдъ по истинѣ мастерской. Но относительно Караганова, онъ всего менѣе настаивалъ на томъ важномъ, неоспоримомъ фактѣ, что вотъ человѣкъ показываетъ противъ себя, и человѣкъ, котораго сама противная сторона не можетъ заподозрить въ какомъ-либо интересѣ такъ показывать, на котораго она можетъ только бросить сомнительное отрицаніе его умственныхъ способностей. Такъ и во всемъ. Прокуроръ съ своимъ тонкимъ анализомъ съумѣлъ указать отчасти даже и на то, почему подложное завѣщаніе не было уничтожено: онъ сказалъ, что повѣренный Бѣляевой, Чевакинскій, хранилъ его у себя, чтобы держать въ своихъ рукахъ обѣ стороны. Онъ все предугадалъ, все объяснилъ и въ заключеніе съ большою силою доказывалъ, почему всѣ выгоды завѣщанія, составленнаго въ пользу

Бѣляевой, получили, съ оффиціальнаго сознанія ея самой—Мясниковы; а стало-быть... Стало-быть „кому выгодно", тотъ и сдѣлалъ, и прокуроръ не забылъ сослаться на эту поговорку римской практики.

Но достаточно ли сказать „стало-быть"? Можно ли, останавливаясь преимущественно на полнотѣ картины, возстановленной хотя бы и съ научной достовѣрностью, шагнуть оттолѣ прямо къ достовѣрности юридической? Виновность Мясниковыхъ прокуроръ доказывалъ преимущественно такъ, какъ доказывается, что варяги пришли володѣть нами изъ Швеціи, то-есть, собственно тѣмъ, что иначе не откуда имъ было придти, не нарушая связи имѣющихся фактовъ. Но вѣдь самъ г. Погодинъ, который собирается спокойно умереть въ полномъ убѣжденіи, что варяги пришли именно изъ Швеціи, едва ли счелъ бы равносильные аргументы достаточными для того, чтобы сломать духовное завѣщаніе, законно удостовѣренное, и сослать троихъ человѣкъ на поселеніе.

Какъ! вся сила обвинительныхъ данныхъ заключается въ видѣ завѣщанія, въ сводной экспертизѣ, признающей подпись поддѣльною, въ сознаніи Караганова, который самъ показываетъ на себя, противъ своего интереса, что онъ сдѣлалъ подпись; и что судя по мѣсту подписи на завѣщаніи, это именно его подпись, сама, рука поддѣлавшая подпись (просимъ помнить, что мы входимъ на минуту въ роль прокурора только для критики его рѣчи), сама рука, поддѣлавшая подпись, выдаетъ свое дѣло, обличаетъ себя—а прокуроръ всего менѣе настаиваетъ на этихъ обстоятельствахъ, и рисуетъ этюды, возстановляющіе даль? Самъ г. прокуроръ, въ концѣ своей рѣчи какъ-бы предвидѣлъ это неизбѣжное возраженіе; оканчивая свою превосходную картину, онъ замѣтилъ: „мнѣ могутъ сказать, что это одни только предположенія. Да, предположенія, но которыя основаны на экспертизѣ и на показаніяхъ Караганова". Нѣтъ, можно было возразить г. прокурору: предположенія ваши не основаны на экспертизѣ и показаніяхъ Караганова, а наоборотъ, пущены въ ходъ въ поддержку экспертизѣ и показаніямъ Караганова; держась тверже этихъ матеріальныхъ основъ обвиненія и придавая имъ болѣе значенія, можно было значительно сократить предположенія и тѣмъ тверже поставить дѣло въ интересѣ обвиненія. А то, даже заначеніе экспертизы удачно выяснилъ не прокуроръ, а другой обвинитель, то-есть повѣренный гражданскихъ истцовъ; на заявленіе защиты, что сумма нынѣшнихъ экспертовъ не представляетъ ничего новаго и есть только сумма прежнихъ экспертовъ (давшихъ въ разное время разные отзывы), не прокуроръ, а г. Лохвицкій сдѣлалъ сильное замѣчаніе, что стало-быть нынѣшній отзывъ экспертовъ и долженъ считаться суммою всей бывшей по этому дѣлу экспертизы.

Желая убѣдить вѣроятностью, посредствомъ полноты картины,

прокуроръ не только отступилъ отъ существеннѣйшихъ, наглядныхъ данныхъ дѣла, но и далъ широкое поле защитѣ для пораженія своей аргументаціи. Мало того, онъ безъ всякой нужды, кромѣ желанія придать невозможную для столь давнихъ фактовъ полноту, взялся объяснять, что состояніе Бѣляева не могло превосходить 700 т. р. и что свидѣтели, подписавшіеся на завѣщаніи, дѣйствовали совершенно добросовѣстно. Допустивъ, что состояніе Бѣляева могло не превышать даже и 400 т. р., онъ дѣлалъ совершенно ненужную съ точки зрѣнія обвиненія уступку; прибавляя, что капиталъ могъ быть въ 600 тыс. рублей и давать 150 тысячъ или хотя бы 100 т. р. доходу, онъ самъ безъ всякой нужды выходилъ даже и изъ границъ вѣроятности. Наконецъ, удостовѣряя самъ свое убѣжденіе въ полной добросовѣстности Сицилинскаго и Отто, подписавшихся на завѣщаніи, и затѣмъ подробно разсказывая, какъ ихъ могли упрашивать и какъ они могли согласиться дать свои подписи, просто для облеченія формальностью несомнѣнной воли Бѣляева, прокуроръ опять дѣлалъ этимъ значительную уступку и вмѣстѣ ослаблялъ свою аргументацію совершенно гадательными доводами. Если самъ прокуроръ увѣряетъ, что подписали завѣщаніе люди вполнѣ добросовѣстные, и затѣмъ колеблетъ силу ихъ несомнѣнныхъ подписей совершенно голословными догадками, то съ какой же стати присяжнымъ предпочитать простую догадку наглядному факту?

Изъ этой оцѣнки обвинительной рѣчи нельзя не вывесть заключенія, что если совокупность существенныхъ обстоятельствъ самаго дѣла могла привесть присяжныхъ къ той неувѣренности, при которой и возможно было только одно оправданіе, то рѣчь прокурора, по свойству своему, тѣмъ менѣе должна была измѣнить такое настроеніе присяжныхъ, чѣмъ сознательнѣе, раціональнѣе смотрѣли присяжные на свое призваніе, чѣмъ тверже былъ ихъ юридическій смыслъ, чѣмъ менѣе они были способны поддаться увлеченію, принять правдоподобіе за строгую истину. Само собой разумѣется, что такое настроеніе присяжныхъ должно было укрѣпиться превосходною по діалектикѣ, и сильною именно въ существеннѣйшихъ пунктахъ, чисто-фактическою рѣчью защитника главнаго изъ подсудимыхъ.

Слабыя стороны обвиненія составляютъ сильныя стороны защиты; это естественно по отношенію къ обстоятельствамъ. Само собою разумѣется, что и факты, и предположенія, которыя наиболѣе трудно объяснить съ точки зрѣнія обвиненія, составляютъ какъ-бы естественную оборону, изъ-за которой защита наноситъ обвиненію наиболѣе сильные удары. Но этого мало; понятно, что защита пользуется не только такою естественною обороною, то-есть фактами, которые сами собою неудовлетворительно укладывались въ обвиненіе, но и тѣми искусственными выгодами, какія созданы ей возможными промахами, натяж-

ками обвиненія, недостаткомъ его рѣшимости и энергіи, наконецъ разногласіями въ разныхъ положеніяхъ обвиненія. Всѣ эти оборонительные пункты, естественные и искусственные, укрѣпляются защитой, которая изъ-за нихъ преимущественно и поражаетъ обвиненіе. Это замѣчаніе нужно намъ для того, чтобы указать въ чемъ состояла главная сила рѣчи защитника А. Мясникова. Она заключалась преимущественно въ указаніи на то, что́ было слабаго, натянутаго или противорѣчиваго въ обвиненіи. Защитникъ, надобно впрочемъ замѣтить, пользовался при этомъ нѣкоторыми преимуществами, сравнительно съ представителями обвиненія, которыми въ настоящемъ дѣлѣ являлись, кромѣ прокурора, повѣренные гражданскихъ истцовъ. Онъ, защитникъ главнаго изъ подсудимыхъ, былъ полнымъ хозяиномъ системы оправданія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая оправданіе болѣе горячо, чѣмъ прокуроръ — обвиненіе, говорилъ съ большею увѣренностью, не дѣлалъ никакихъ уступокъ противной сторонѣ. Между тѣмъ представителямъ обвиненія именно не доставало единства; понятно, что прокуроръ не могъ же вступать въ предварительное соглашеніе съ повѣренными гражданскихъ истцовъ о томъ, какъ вести обвиненіе, какъ раздѣлить трудъ и согласить дѣйствія свои въ виду одной цѣли. Этого не могло быть потому, что прокуроръ не адвокатъ, а оффиціальное лицо, и сверхъ того самыя цѣли обвиненія и гражданскаго иска не вполнѣ тождественны. Отсюда и произошелъ между ними тотъ недостатокъ единства, котораго не могло быть на сторонѣ защиты, имѣвшей возможность впередъ обдумать систему своихъ дѣйствій. Что касается меньшей рѣшительности, бо́льшей уступчивости со стороны обвиненія, чѣмъ со стороны защиты, то это только отчасти выкупалось рѣшительностью и неуступчивостью повѣреннаго гражданскихъ истцовъ; г. Лохвицкій прямо утверждалъ, что подлогъ очевиденъ, что нѣтъ возможности въ немъ сомнѣваться, между тѣмъ какъ прокуроръ вставилъ въ свою рѣчь всякія оговорки насчетъ доброй нравственности свидѣтелей, подписавшихъ завѣщаніе, и настаивалъ въ своей рѣчи гораздо менѣе на безусловной важности чисто-юридическихъ доказательствъ, какъ-то отзыва экспертизы о подписи Бѣляева и самаго показанія Караганова, чѣмъ на доказательствахъ чисто-инотетическихъ, на собственныхъ предположеніяхъ о томъ, какъ было дѣло. Предположенія свои онъ, правда, сгруппировалъ въ превосходную картину, придавъ имъ увлекательную правдоподобность, но чѣмъ убѣдительнѣе и полнѣе онъ ихъ развивалъ, тѣмъ легче было потомъ защитѣ поражать обвиненіе, указавъ, что оно занималось болѣе всего именно предположеніями, и находить въ самой уступчивости, въ самыхъ оговоркахъ рѣчи прокурора, лучшее оружіе противъ всего обвиненія. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что прокуроръ, предпринявъ сдѣлать полною ту картину, которая въ настоящее время

по существу своему не могла быть полна, сознавалъ самъ избытокъ ипотетическаго элемента въ своей рѣчи, и потому самъ находилъ нужнымъ напоминать, что его предположенія все-таки однѣ догадки, хотя и прибавлялъ тутъ же, что догадки въ такомъ давнемъ дѣлѣ представляютъ необходимое дополненіе. Понятно, что защита должна была воспользоваться всѣмъ этимъ; чѣмъ болѣе въ рѣчи прокурора было недоказаннаго, и чѣмъ болѣе въ ней было оговорокъ, тѣмъ слабѣе становилось дѣйствіе и самыхъ существенныхъ ея доказательствъ. Повѣренный гражданскихъ истцовъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе и высказывалъ менѣе уступчивости; онъ все сводилъ на самый видъ завѣщанія, и въ этомъ признавалъ, по его выраженію „кульминаціонную точку"; уступокъ и оговорокъ онъ никакихъ не дѣлалъ. Но такая рѣшительность и неуступчивость его, какъ мы замѣтили выше, только отчасти выкупала недостатокъ силы въ рѣчи прокурора, такъ какъ главный и существенный представитель обвиненія все-таки прокуроръ, и это не могло не составлять разницы для присяжныхъ. Представимъ себѣ, что рѣчь защитника главнаго изъ подсудимыхъ, рѣчь г. Арсеньева была бы недостаточно сильна, и что пополненіе ей, напримѣръ, относительно разстройства умственныхъ способностей Караганова, пришлось бы искать въ рѣчи защитника Караганова. Ясное дѣло, что это было бы не все равно, и что присяжные выносили бы изъ этого факта такое впечатлѣніе, что будто сами виновные отлично знаютъ, что Карагановъ показываетъ вѣрно, но что защитникъ Караганова отрицаетъ это собственно въ интересахъ Караганова.

Въ настоящемъ случаѣ недостатокъ силы и единства въ обвиненіи болѣе всего помогъ защитѣ. Вообще замѣтимъ, что рѣчь защитника А. Мясникова если была сильна, то, по преимуществу, слабостью обвиненія, то-есть и тѣмъ, что въ обвиненіи не могло не быть слабо, по давности времени и отсутствію нѣкоторыхъ свидѣтелей, и тѣмъ, что въ обвиненіи могло быть сильнѣе, чѣмъ было. Но допуская, такимъ образомъ, что главная сила рѣчи г. Арсеньева была именно въ отрицаніи, а не въ утвержденіи, мы должны оговорить, что это было совершенно естественно по обстоятельствамъ. Положительная сторона и не могла быть особенно сильна въ такой защитѣ, которая лишена главныхъ своихъ свидѣтелей, именно свидѣтелей подписи самого завѣщанія.

Прослѣдимъ теперь тѣ главнѣйшіе, сильнѣйшіе доводы г. Арсеньева, которые должны были подѣйствовать на присяжныхъ. Защитникъ А. Мясникова началъ съ того, что указалъ на всю слабость того обвинительнаго матеріала, который представлялся показаніями большинства свидѣтелей со стороны обвиненія. Доказавъ, что обвиненіе приводило въ свою пользу показанія невѣрныя или своекорыстныя, такъ что само должно было отказаться отъ многихъ изъ нихъ на

судѣ, защитникъ тѣмъ самымъ ослабилъ значеніе обвинительнаго акта, въ который они были включены. Обращаясь къ показанію Караганова, что онъ сдѣлалъ для А. Мясникова бланкъ съ подписью Бѣляева, защитникъ замѣтилъ, что самая способность Караганова сдѣлать подпись такую, какая имѣется на завѣщаніи, совершенно доказана не была. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ письмахъ Караганова къ Мясникову постоянно проявляется тонъ почтительный и нигдѣ не сквозитъ какое-либо напоминаніе, что этотъ слуга имѣетъ власть надъ своимъ господиномъ. Спаиваніе Караганова Мясниковыми защитникъ отрицалъ тѣмъ, что Карагановъ получалъ водку съ завода, какъ и другіе служащіе, но выставилъ на видъ другое спаиваніе его происходившее въ теченіи двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ пребыванія Караганова на заводѣ, и указалъ, что это спаиваніе производилось неизвѣстными лицами, неизвѣстно для чего туда прибывшими, а по всей вѣроятности частнымъ агентомъ Кононовымъ, который пилъ съ Карагановымъ, чтобы выманить отъ него показаніе, и устроилъ такъ, что Караганов подъ вліяніемъ мысли внушенной ему, при разстройствѣ его умственныхъ способностей, высказался тогда при свидѣтеляхъ Кулаковскомъ и Киселевѣ, которые присутствовали при этомъ не случайно. Прокуроръ въ своей рѣчи уже предвидѣлъ этотъ оборотъ защиты, и чтобы ослабить его дѣйствіе, самъ впередъ допустилъ, что лица, старавшіяся склонить Караганова къ показанію, могли быть агенты сыскной полиціи. Но г. Арсеньевъ этимъ не удовольствовался, и отрицая, что агенты полиціи могутъ выманивать отъ человѣка извѣстное показаніе спаиваніемъ его, выразилъ мнѣніе, что это были скорѣе агенты частнаго интереса, такъ какъ и самъ прокуроръ призналъ, что въ этомъ дѣлѣ многія частныя лица принимали на себя разслѣдованіе разныхъ обстоятельствъ, изъ усердія или изъ личныхъ видовъ. Такимъ образомъ, защитникъ вмѣстѣ старался и ослабить значеніе показанія Караганова, и отнесть на сторону обвиненія, то-есть на гражданскихъ истцовъ, еще одно бремя, въ родѣ того, какое уже представилось для нихъ въ томъ фактѣ, что они давали денежныя обязательства своимъ свидѣтелямъ. Показаніе Караганова, выманенное такимъ образомъ при состояніи умственнаго разстройства, въ какомъ онъ находился, защитникъ, вслѣдствіе того, представляетъ не имѣющимъ никакого существеннаго значенія и недостаточнымъ для того, чтобы послужить основаніемъ даже къ предположенію о фальшивости завѣщанія. Защитникъ напомнилъ, что сама обвинительная власть отдавала полную справедливость честности лицъ, подписавшихся свидѣтелями на завѣщаніи. Зачѣмъ же, если завѣщаніе подложно, обратились именно къ такимъ честнымъ свидѣтелямъ, когда можно было для этого найти своего рода промышленниковъ, готовыхъ за небольшую сумму засвидѣтельствовать что́ угодно и молчать. Чтобы для этого обраща-

лись къ лицамъ, подобнымъ Сицилинскому и Отто, высокая нравственность которыхъ признается всѣми, это, по словамъ защитника, фактъ неслыханный въ судебныхъ лѣтописяхъ. И откуда берутъ будто у насъ въ обществѣ существуетъ мнѣніе, что на завѣщаніи можно подписаться и послѣ смерти завѣщателя, если только само завѣщаніе несомнѣнно, съ какой стати утверждаютъ, что Сицилинскій и Отто могли сдѣлать это „по добротѣ"? Развѣ Сицилинскій, священникъ 70 лѣтъ, и докторъ Отто, тоже человѣкъ не молодой, люди, которымъ, по самому ихъ званію, не разъ конечно приходилось свидѣтельствовать духовныя завѣщанія, не знали, что имъ придется потомъ пойти въ гражданскую палату и объявить, что подписывая завѣщаніе они видѣли завѣщателя въ здравомъ умѣ и твердой памяти? Признать, что Сицилинскій и Отто засвидѣтельствовали завѣщаніе подложное невозможно иначе, какъ отрицая добросовѣстность ихъ обоихъ.

Это былъ самый слабый пунктъ обвиненія и онъ сталъ самымъ сильнымъ пунктомъ защиты. Догадка обвиненія разлетѣлась отъ непреодолимой, строго-фактической логики г. Арсеньева. Замѣтимъ, что еслибы защитникъ хотѣлъ вдаваться подобно прокурору въ предположенія, то онъ могъ бы представить еще слѣдующее соображеніе: свидѣтельскія подписи на завѣщаніи несомнѣнно удостовѣряютъ подпись Бѣляева; эти свидѣтельства ихъ превосходятъ по достовѣрности показаніе Караганова уже потому, что Карагановъ не утверждаетъ безусловно фальшивости подписи, которую мы видимъ, а только говоритъ, что далъ Мясниковымъ бѣлый листъ съ поддѣльною подписью Бѣляева, между тѣмъ, какъ свидѣтельство Сицилинскаго и Отто прямо и безусловно утверждаетъ, что вотъ эта подпись, которую мы видимъ и есть именно подпись Бѣляева. Остается, стало-быть, объяснить, почему самый текстъ завѣщанія кажется какъ будто пригнаннымъ къ подписи Бѣляева. Но почему же не допустить, что самъ Бѣляевъ могъ, въ одномъ изъ предсмертныхъ припадковъ своей болѣзни, опасаясь, что не переживетъ его, что смерть его пришла, попросить себѣ листъ бумаги, начертать на немъ слабою, дрожащею рукою „Козьма Бѣляевъ", будучи не въ силахъ написать что-либо болѣе, объявить имъ свою волю, чтобы на этомъ, имъ самимъ сдѣланномъ бланкѣ, было написано Целебровскимъ завѣщаніе въ пользу его жены, въ самыхъ общихъ, конечно, выраженіяхъ, такъ какъ кромѣ него самого никто не зналъ въ точности его дѣлъ, и просить ихъ, очевидцевъ такого устнаго, но несомнѣннаго завѣщанія и свидѣтелей подлинности сдѣланной имъ подписи, удостовѣрить эту подпись и этотъ актъ своимъ свидѣтельствомъ по чистой совѣсти; а потомъ, когда все было сдѣлано и припадокъ прошелъ, отдалъ эту бумагу женѣ, на случай своей внезапной смерти. Это объясняло бы всѣ формальныя затрудненія, которыя предъявляются теперь противъ при-

знанія подлинности: и краткость подписи, и то, что текстъ какъ-бы подогнанъ къ ней, и разность въ цвѣтѣ чернилъ, и неопредѣленность обозначенія имущества. Бланкъ же сдѣланный потомъ Карагановымъ могъ быть просто брошенъ Мясниковыми, и во всякомъ случаѣ, столь же легко можно бы доказывать, что онъ былъ употребленъ на составленіе сохранной росписки, какъ и завѣщанія. Въ такомъ случаѣ дѣло представлялось бы такъ: противъ условнаго и неполнаго показанія Караганова имѣется полное, безусловное, двукратное, письменное и устное свидѣтельство Сицилинскаго и Отто; противъ простой догадки о подложности, имѣющей источникомъ видъ завѣщанія, можно возразить не менѣе вѣроятною догадкой, объясняющей всѣ недоумѣнія въ пользу подлинности завѣщанія. Затѣмъ, и выше всего, имѣется фактъ, что завѣщаніе въ свое время было формально признано, утверждено и вступило въ законную силу.

Вотъ какъ легко на догадки возражать догадками. Но защитникъ не предъявилъ такой догадки, вѣроятно потому, что всегда старался держаться фактовъ, а въ предположенія пускался неохотно. Мы сказали, что самый сильный пунктъ въ защитѣ было именно возстановленіе всего значенія свидѣтельскихъ подписей на завѣщаніи. Затѣмъ защитникъ напомнилъ, что самое намѣреніе Бѣляева сдѣлать завѣщаніе не оспаривается даже и обвиненіемъ. Далѣе, г. Арсеньевъ не упустилъ воспользоваться уступкою прокурора, что капиталъ Бѣляева былъ не болѣе 400—600 т. р.; стало-быть, дѣло шло не о милліонахъ, какъ заявляли гражданскіе истцы, и если только допустить существованіе долга Бѣляева Мясниковымъ, т.-е. сохранной росписки въ 272 т. р., какъ то конечно допускалъ защитникъ, то выходитъ, что милліонерамъ не изъ чего бы тутъ рѣшаться на опасное дѣло, къ тому же съ нѣсколькими сообщниками. Въ концѣ рѣчи, защитникъ предъявилъ аргументъ, не сильный въ юридическомъ отношеніи, но весьма сильный въ смыслѣ нравственномъ, аргументъ противъ личности гражданскихъ истцовъ: людей совершенно постороннихъ, которые еще при жизни лишенной наслѣдства сестры Бѣляева, Мартьяновой, покупаютъ ея претензію и относятся къ дѣлу съ точки зрѣнія чисто-коммерческой. Съ другой же стороны являются: женщина, жившая 25 лѣтъ съ мужемъ въ любви и согласіи, которой мужъ постоянно обѣщалъ оставить все свое состояніе, и ея племянники, люди, которымъ онъ самъ былъ обязанъ своимъ состояніемъ, такъ какъ велъ ихъ дѣла, а потомъ велъ свои дѣла вмѣстѣ съ ними. Первые даютъ свидѣтелямъ деньги, о послѣднихъ ничего подобнаго не доказано.

Мы исчислили теперь всѣ дѣйствительно сильные аргументы главнаго защитника. Мы объяснили сперва, въ какомъ видѣ представлялись сами обстоятельства дѣла послѣ судебнаго слѣдствія и оцѣнки ихъ обѣими сторонами; они представлялись въ такомъ видѣ, что со стороны при-

сяжныхъ весьма естественно было сомнѣніе, а стало-быть и оправданіе обвиняемыхъ. Затѣмъ, характеристикою рѣчи прокурора и анализомъ доводовъ защитника, мы, надѣемся, доказали, что самый ходъ судебныхъ преній, самое веденіе дѣла на судѣ могло только способствовать настроенію присяжныхъ въ пользу оправданія. Оно по всей вѣроятности было бы произнесено, даже и безъ той тѣсной постановки, какая была дана первому предъявленному присяжнымъ вопросу: „было ли составлено въ *августѣ или сентябрѣ* 1858-го года фальшивое, отъ имени фридрихсгамскаго купца Козьмы Бѣляева, духовное завѣщаніе, писанное отъ 10-го мая 1858-го года, на которомъ подпись „Козьма Бѣляевъ“, была поддѣлана подъ руку Бѣляева другими лицами?“ Если бы слова „въ августѣ и сентябрѣ“ были опущены, еслибы спрашивалось просто, было ли въ 1858-мъ году составлено завѣщаніе и т. д., то и тогда, по обстоятельствамъ дѣла, и ходу судебныхъ преній присяжные, по всей вѣроятности, отвѣчали бы на этотъ вопросъ отрицательно. Но слова „въ августѣ или сентябрѣ“, разумѣется, еще болѣе затрудняли возможность отвѣта положительнаго. Въ августѣ Бѣляевъ былъ еще живъ и стало быть о составленіи подложнаго завѣщанія въ то время могла бы быть рѣчь только въ такомъ случаѣ, еслибы предпринималось убійство Бѣляева, чего нисколько не предполагается; въ сентябрѣ же подложное завѣщаніе могло быть составлено, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ послѣ смерти Бѣляева, т.-е. послѣ 24-го числа оставалось еще шесть дней, а Карагановъ говоритъ, что онъ уже въ день смерти Бѣляева далъ свой бланкъ. Но зачѣмъ же было съужать границы времени, такъ какъ завѣщаніе, если оно подложно, могло было быть составлено и въ началѣ октября?

Намъ кажется, что предшествующаго обзора совершенно достаточно для отклоненія и тѣни сомнѣнія въ томъ, что присяжные могли, при полной добросовѣстности и внимательности, вынесть оправдательный приговоръ, и что такой вердиктъ и по обстоятельствамъ дѣла, и по ходу его на судѣ, былъ наиболѣе вѣроятенъ. Но для полноты критическаго отзыва о ходѣ судебныхъ преній, мы должны теперь указать и защитѣ и тѣ пункты, которые по необходимости вышли слабы.

Сильная, въ настойчивости на осязательныхъ фактахъ, рѣчь защитника Мясниковыхъ была слаба именно тамъ, гдѣ онъ принужденъ былъ для объясненія совокупности фактовъ возстановлять ихъ связь безъ ущерба защитѣ. Въ общемъ, какъ повѣствованіе, разсказъ обвиненія гораздо правдоподобнѣе, чѣмъ разсказъ защиты, и еслибы гг. Кони и Арсеньевъ не произносили судебныя рѣчи, въ которыхъ вѣскость немногихъ осязательныхъ фактовъ важнѣе, чѣмъ полная стройность цѣлаго ряда фактовъ не доказанныхъ, но представляли бы намъ двѣ повѣсти, написанныя на основаніи всѣхъ данныхъ имѣющихся въ дѣлѣ—то безъ всякаго сомнѣнія мы сказали бы, что по-

вѣсть г. Кони вышла стройнѣе, логичнѣе, удовлетворительнѣе объясняетъ всѣ вопросы, вѣрнѣе держится и типовъ и нравовъ, чѣмъ повѣсть г. Арсеньева.

Защита была слаба противъ графической экспертизы, защита была слаба противъ сознанія Караганова, утверждая разстройство его умственныхъ способностей, которое отвергалось совершенно-достаточною медицинскою экспертизой. Она была слаба, когда отвергала письменныя доказательства, что за Карагановымъ слѣдили, при чемъ она дѣлала видимую натяжку, утверждая, что Мясниковымъ потому нужно было имѣть свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія Караганова, когда уже началось слѣдствіе, что иначе могли бы подумать, что Мясниковы Караганова скрываютъ. Наконецъ, она не была сильна вообще, когда старалась опровергнуть цѣльность всего поведенія Караганова, этого человѣка, мучимаго какою-то тайною мыслью, когда отрицала значеніе его, такъ-называемаго, завѣщанія, гдѣ онъ въ темныхъ выраженіяхъ сознаетъ за собой вину вынужденную службою, и когда старалась представить сознаніе Караганова, стоящаго и нынѣ на своемъ, однимъ тѣмъ эпизодомъ, что ему когда-то на заводѣ въ состояніи опьянѣнія было сдѣлано внушеніе, которое будто бы могло привесть его къ полному убѣжденію, что онъ сдѣлалъ извѣстное дѣло. Убѣжденіе, основанное на такомъ внушеніи, очевидно, не могло сдѣлаться окончательнымъ и высказываться Карагановымъ нынѣ въ трезвомъ состояніи. Представляя въ видѣ аргумента то соображеніе, что составитель подлиннаго завѣщанія скорѣе помѣтилъ бы его числомъ за день до смерти Бѣляева, чѣмъ 10-мъ мая, и что только увеличивало опасность поддѣлки, защитникъ безъ всякой нужды поддавался неизбѣжному возраженію, что не могли же Сицилинскій и Отто признать подлиннымъ завѣщаніе, составленное Бѣляевымъ за день до смерти, когда онъ самъ имъ не говорилъ тогда о немъ. Все объясненіе показаній Бѣляевой, странности, что пожилая женщина держала у себя завѣщаніе три недѣли и такъ и отдала его для утвержденія не читавши, а между тѣмъ все-таки настолько читала его, что увидѣла подписи свидѣтелей и убѣдилась, что это было именно завѣщаніе,—все объясненіе этихъ дѣйствительно трудно-объяснимыхъ вещей защитникъ принужденъ былъ дать и далъ по необходимости неудовлетворительное, прося не придираться къ показаніямъ и дѣйствіямъ женщины, взволнованной горькою утратой. Высчитывая состояніе Бѣляева въ моментъ смерти, защитникъ остановился на цифрѣ двадцати тысячъ рублей, изъ-за которыхъ милліонерамъ не стоило поддѣлывать завѣщаніе; но эту цифру, слишкомъ несоотвѣтствующую всѣмъ показаніямъ знавшихъ Бѣляева и самому размѣру его предпріятій, защитникъ вывелъ на основаніи разныхъ записокъ, тетрадей и черновыхъ, а не на основаніи оффиціальныхъ документовъ. Почему не оказалось послѣ Бѣляева

книгъ, объяснялось тѣмъ, что Бѣляевъ могъ не имѣть ихъ, а на пропажу изъ сената дѣла, заключавшаго въ себѣ доношенія Бѣляева при представленіи залоговъ по откупамъ, въ защитѣ ничего не возражалось. Затѣмъ, не силенъ былъ и одинъ изъ главныхъ по мнѣнію публики аргументовъ защиты, именно, вопросъ: почему же завѣщаніе, если оно было подложно, не было уничтожено въ теченіи 12-ти лѣтъ, когда оно было записано въ книгу палаты, и отвѣтъ: если не было уничтожено самое доказательство вины, а хранилось повидимому безъ нужды, то стало-быть и вины не было. Прокуроръ на это возразилъ, что уничтожать завѣщаніе, значило бросить на себя тѣнь, и сверхъ того повѣренный Бѣляевой, Чевакинскій, хранилъ его у себя, смотря на него, какъ на рогъ изобилія, дававшій ему возможность держать въ рукахъ и Мясниковыхъ и Бѣляеву. Но это возраженіе недостаточно. Дѣло въ томъ, что если допустить составленіе завѣщанія Мясниковыми, съ вѣдома Бѣляевой, то становится совершенно ясно, что Бѣляева, у которой завѣщаніе осталось, но которая не сама являла его въ гражданскую палату, а чрезъ Мясниковыхъ, ни въ какомъ случаѣ не должна была уничтожать этого завѣщанія, потому что оно могло уличить только Мясниковыхъ, и должно было служить ей единственнымъ залогомъ того, что Мясниковы исполнятъ по отношенію къ ней свои обязательства, не прекратятъ ей уплату разсроченной суммы. Въ этомъ предположеніи, Бѣляева должна была бы хранить завѣщаніе совершенно съ той же цѣлью, съ какою Мясниковы, предварительно врученія ей завѣщанія, заставили ее поручиться на сохранной роспискѣ, то-есть въ видѣ залога, что другая сторона исполнитъ свое обязательство. Что завѣщаніе не было уничтожено, это — доводъ, быть можетъ, очень популярный, но въ предположеніи виновности онъ рѣшительно ничего не опровергаетъ. Наконецъ, замѣтимъ еще, что въ главной рѣчи г. защитника, какъ и въ заключительныхъ его словахъ, едва ли не излишни были старанія разъяснить, что А. Мясниковъ былъ не болѣе какъ адъютантъ генерала Мезенцова, и что откупа въ свое время были учрежденіе, признанное закономъ. Впрочемъ, это послѣднее разъясненіе, вѣрное въ самомъ себѣ, было вызвано не вполнѣ юридическимъ пріемомъ г. Лохвицкаго, который упоминалъ объ откупахъ съ совершенно лишней цѣлью повліять на отношеніе присяжныхъ къ личности Мясниковыхъ.

Окончивъ этотъ очеркъ, мы еще разъ напомнимъ свой выводъ, что, по обстоятельствамъ дѣла и по свойствамъ обвиненія и защиты, присяжные, которымъ предстояло сломать, на основаніи вѣроятности картины подозрѣній, актъ имѣющій законную силу, имѣли вполнѣ достаточное основаніе отказаться отъ этого и оправдать подсудимыхъ. Прокуроръ говорилъ: „дѣло это я переношу отъ суда общественнаго мнѣнія на судъ общественной совѣсти“. Но если допустить различіе меж-

ду этими двумя понятіями, признавъ, что совѣсть требуетъ точныхъ юридическихъ доказательствъ, а мнѣніе довольствуется и связными предположеніями, то придется скорѣе сказать, что прокуроръ, уже по самому свойству своей рѣчи, перенесъ дѣло Мясниковыхъ отъ суда общественной совѣсти именно на судъ общественнаго мнѣнія. Общественное мнѣніе можетъ довольствоваться и предположеніями, но общественное мнѣніе бываетъ и справедливо и несправедливо. Во всякомъ случаѣ, общество не имѣетъ права, изъ-за нерасположенія своего къ нравственному характеру лица, требовать обвиненія его судомъ во что бы то ни стало. Это бы значило слѣдовать, какъ уже было основательно замѣчено, слѣпому и дикому инстинкту самоуправства, превращать правильный судъ въ судъ lynch'a. Будемъ уважать совѣсть присяжныхъ, не насилуя ея, и преклонимся предъ оправдательнымъ приговоромъ, который не стѣсняетъ нашего мнѣнія, какъ самъ не долженъ былъ имъ стѣсняться.

Необходимость разобрать, для выясненія приговора присяжныхъ, сложное судебное дѣло, заставила насъ посвятить этому предмету почти все мѣсто, какимъ мы можемъ располагать для внутренняго обозрѣнія. Мы не хотимъ однако откладывать замѣтки по двумъ мѣрамъ, изъ которыхъ одна въ настоящее время обсуждается, а другая только-что опубликована, именно о помильной платѣ русскому обществу пароходства и торговли по индійско-китайскимъ рейсамъ, и по усиленію окладовъ служащихъ въ телеграфномъ вѣдомствѣ.

Замѣчательно, что несмотря на слабое, относительно, развитіе нашей промышленности, у насъ весьма часто новое промышленное предпріятіе встрѣчаетъ сильнѣйшую конкурренцію, какъ будто свободныхъ капиталовъ у насъ столько, что ихъ некуда дѣвать, какъ будто всѣ промышленные пути въ Россіи до того уже разработаны, и источники пріобрѣтенія до того истощены, что остается только всѣмъ ухватываться за совершенно новую мысль, всѣмъ накидываться на нее, и иногда даже, посредствомъ невѣроятныхъ уступокъ въ подрывъ другъ другу подкапывать съ самаго начала всю будущность новаго предпріятія. Но такъ какъ всѣ другіе факты показываютъ, что въ дѣйствительности у насъ изобилія капиталовъ нѣтъ, и промышленные пути, даже самые обыкновенные и источники самые несомнѣнные глохнутъ въ ожиданіи разработки, то вышеуказанное явленіе приходится объяснять инымъ образомъ. Быть можетъ, оно зависитъ просто отъ недостатка у насъ и предпріимчивости и изобрѣтательности въ области промышленности; на новую мысль набрасываются съ такой жадностью, что хотятъ примѣнять ее даже въ невозможныхъ условіяхъ. Напримѣръ, проведена желѣзная колея по двумъ главнымъ улицамъ Петербурга. Положимъ, нѣтъ еще удивительнаго въ томъ, что явились тотчасъ

охотники провесть такія колеи и по разнымъ другимъ улицамъ. Но явились еще антрепренеры, которые желаютъ создать сперва улицы для того только, чтобы проложить по нимъ колеи; съ этой цѣлью уже проектированы два проспекта, въ Петербургѣ и Москвѣ, въ центрѣ этихъ городовъ; одинъ изъ нихъ предполагаетъ проложить колею тамъ, гдѣ теперь канава, а другой тамъ, гдѣ стѣна Китай-города. Едва явился одинъ проектъ устройства новаго порта для Петербурга, какъ тотчасъ ихъ явилось нѣсколько. На каждую „питательную", иногда только для самихъ строителей, линію желѣзной дороги тотчасъ является нѣсколько концессіонеровъ in spe, которые готовы строить ее, хотя бы на условіяхъ убыточныхъ для будущей эксплуатаціи, но съ тѣмъ только, чтобы въ ихъ рукахъ была постройка. А между тѣмъ земледѣліе глохнетъ, фабричная промышленность развивается медленно, торговля сохраняетъ характеръ узкаго барышничества. Если же всмотрѣться въ сущность тѣхъ новыхъ предпріятій, которыя вызываютъ столь усиленную конкурренцію, то окажется, что прельщаютъ они не столько своей новизною, сколько той общей имъ чертою, что всѣмъ такимъ предпріятіямъ присуще одно свойство, изстари наиболѣе излюбленное нашей промышленностью: свойство *монополіи*, съ казенной субсидіею или казеннымъ ручательствомъ. И колея на Невскомъ и Садовой, и обращеніе канавы въ проспектъ, и концессія желѣзнодорожной линіи, по свойству своему—монополіи, притомъ монополіи съ разсчетомъ, въ большей или меньшей степени, на поддержку со стороны казны, государственной или общественной.

Русское общество пароходства и торговли на Черномъ морѣ пользуется огромною субсидіею отъ казны въ самой простой, но во многихъ отношеніяхъ нераціональной формѣ помильной платы за всѣ рейсы, нужные или ненужные, удобные для публики и торговли или неудобные. Помильная плата уже сама по себѣ есть не только субсидія, налагающая значительный расходъ на казну, но и монополія, потому что рядомъ съ такимъ привилегированнымъ предпріятіемъ не можетъ существовать никакое подобное предпріятіе. По примѣру „Русскаго общества" на Черномъ морѣ, дѣйствуетъ на Каспійскомъ морѣ общество „Кавказъ и Меркурій", которому предоставлена и монополія морской перевозки казенныхъ грузовъ. Монополія его на морѣ отчасти простирается и на Нижнюю Волгу, такъ какъ если часть перевозки приходится по морю, то во избѣжаніе перегрузки съ судовъ одной компаніи, напр., „Лебедя", на суда „Кавказъ и Меркурій", казна иногда предоставляетъ перевозку и по рѣкѣ послѣднему обществу по цѣнѣ даже высшей, чѣмъ какую объявляетъ, напр., „Лебедь". Протекціонизмъ и монополія, которая есть душа всякаго протекціонизма вообще, создаютъ нераціональныя условія, призрачныя выгоды для государства въ лицѣ монополистовъ насчетъ всѣхъ, то-есть насчетъ казны

и насчетъ потребителей, или пассажировъ и грузоотправителей. Впрочемъ, разстоянія въ Россіи такъ громадны и производительность такъ еще слаба, что въ отношеніи собственно созданія перевозочныхъ средствъ и перевозочныхъ предпріятій и единственно въ ихъ именно пользу, еще мыслимъ временный налогъ, для того чтобы они могли основаться; протекціонизмъ есть не что иное, какъ налогъ на всѣхъ для искусственнаго созданія особенно необходимыхъ средствъ. Но допуская такую необходимость, какъ то и было сдѣлано по отношенію къ нашимъ желѣзнымъ дорогамъ вообще, и въ отношеніи къ русскому черноморскому обществу при его основаніи, должно все-таки не упускать изъ виду, что налогъ и привилегія, въ своемъ характерѣ временныхъ жертвъ, и должны непремѣнно быть только временными. Давая имъ увѣковѣчиться въ пользу предпріятій, которыя уже твердо стали на ноги, мы тѣмъ самымъ зашли бы гораздо дальше первоначальной цѣли, и даже отступили бы отъ нея, такъ какъ устраняя на долгое время всякую конкурренцію, мы упрочивали бы нераціональныя условія, окружали бы самыя предпріятія такими искусственными выгодами, при которыхъ не только не могла бы возникнуть конкурренція, но и самое развитіе этихъ предпріятій умерщвлялось бы апатіею, огражденною искусственными барышами.

Всѣ предыдущія замѣчанія могутъ относиться къ ходатайству черноморскаго общества о продолженіи ему привилегіи помильной платы, ходатайству, которое въ настоящее время разсматривается въ особенной коммиссіи. Желательно бы, чтобы коммиссія признала законность и необходимость независимаго отъ этого общества судоходства по Черному морю, и сдѣлала конкурренцію ему возможною, но не въ томъ смыслѣ, какъ того у насъ обыкновенно добивается конкурренція, то-есть не въ смыслѣ передачи привилегіи въ другія руки, или распространенія ея еще на другое общество, а именно въ смыслѣ ограниченія, если не прекращенія привилегіи, что̀ само уже должно вызвать конкурренцію иного рода, конкурренцію разсчитанную не на дѣлежъ казенной субсидіи, а на улучшеніе условій самаго дѣла для публики, на удешевленіе перевозки и раціональное распредѣленіе рейсовъ.

Въ иномъ видѣ представляется ходатайство того же общества о дарованіи ему помильной платы по предпринятому имъ, и отчасти осуществленному, прямому торговому сообщенію съ Индіею и Китаемъ. Прорытіе Суэзскаго канала открыло для торговли всего средиземнаго бассейна новые виды, и каждая страна должна обезпечить себѣ возможность нѣкотораго участія въ этой великой перспективѣ, такъ чтобы не подпасть въ свою очередь подъ чужую монополію, не дать установиться никакой національной монополіи въ дѣлѣ транссуэзской

торговли. Итакъ, здѣсь ходатайство черноморскаго общества прямо подходитъ подъ условіе законности временныхъ пожертвованій, какъ усилій для созданія новыхъ средствъ, то-есть подъ тѣ именно исключительныя условія, о которыхъ мы говорили выше. Будемъ надѣяться, что этотъ вопросъ рѣшится скоро, и притомъ, что при разсмотрѣніи условій этого новаго покровительства, изъ нихъ будетъ по возможности устранена всякая исключительность, такъ чтобы представилась возможность не выбирать между ходатайствами по этому предмету, поступившими съ разныхъ сторонъ на разсмотрѣніе коммиссіи, но именно удовлетворить вмѣстѣ всѣ тѣ ходатайства, которыя предъявлены солидными предпринимателями.

Въ прошломъ мѣсяцѣ опубликовано утвержденіе нормальнаго штата телеграфныхъ станцій; новый штатъ будетъ вводиться постепенно въ теченіе трехъ лѣтъ, такъ чтобы увеличивать оклады служащихъ на телеграфныхъ станціяхъ по мѣрѣ ассигнованія министерству внутреннихъ дѣлъ необходимыхъ для того денегъ. Нѣтъ сомнѣнія, что существовавшіе доселѣ оклады по службѣ на телеграфныхъ станціяхъ были слишкомъ малы, сравнительно съ массою труда и въ особенности съ числомъ часовъ, положенныхъ для телеграфной работы. Телеграфная работа утомительна какъ всякая работа, гдѣ должностное лицо находится часть дня въ полномъ распоряженіи публики, не имѣя права ни на минуту отдыха, какъ-то, напр., въ почтамтѣ, банкѣ и т. д. Но разница та, что въ то время какъ почтовый или банковый чиновникъ находится въ распоряженіи публики только по утрамъ, телеграфистъ работаетъ до поздняго вечера, а иногда и всю ночь. Не говоримъ уже о томъ, что отъ телеграфиста требуется знаніе двухъ иностранныхъ языковъ. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что съ развитіемъ телеграфнаго дѣла представляется необходимость увеличить незначительные оклады тѣхъ настоящихъ тружениковъ телеграфнаго вѣдомства, которые работаютъ на станціяхъ, включая въ ихъ число и самихъ начальниковъ станцій. Но при этомъ невидно въ новомъ распоряженіи вотъ что: признавая нужнымъ усилить вообще оклады телеграфистамъ-мужчинамъ, признаютъ ли нужнымъ усилить въ такомъ же размѣрѣ оклады телеграфистамъ-женщинамъ, которыя исполняютъ ту же самую работу, но только, по большей части, исполняютъ ее еще аккуратнѣе и благонадежнѣе, чѣмъ мужчины? Какъ было бы объяснить это неравенство, какой смыслъ можетъ имѣть оно? Вѣдь и безъ того уже, женщины служащія на телеграфѣ лишены всѣхъ служебныхъ преимуществъ, какими пользуются мужчины, то-есть не чиновъ только, но весьма существеннаго преимущества — права на пенсію.

Объяснить такое совершенно нераціональное неравенство недостат-

комъ средствъ—никакъ нельзя. Во-первыхъ, средства эти испрашиваются вновь; во-вторыхъ, предполагается чрезъ два года усилить по новымъ штатамъ и содержаніе мѣстныхъ *административныхъ* телеграфныхъ управленій, то-есть просто чиновниковъ телеграфнаго вѣдомства, занятыхъ не спеціально-телеграфною работой, а хозяйствомъ, постройками, перепиской и т. д. Но если признается возможнымъ усилить оклады чиновниковъ телеграфнаго вѣдомства, въ то время какъ оклады чиновниковъ другихъ вѣдомствъ не усиливаются, то почему же оставить тогда сказать, въ „загонѣ“ женщинъ, занятыхъ самой телеграфной работой? Вѣдь чиновники телеграфнаго вѣдомства по ночамъ не работаютъ, не работаютъ и по 14 часовъ въ сутки, какъ телеграфисты, мужчины или женщины все равно. Недавно какой-то здѣшній нѣмецъ высказалъ въ одной заграничной нѣмецкой газетѣ прямо противное общеизвѣстной истинѣ мнѣніе, что женщины въ телеграфномъ вѣдомствѣ работаютъ плохо, что ихъ тамъ едва терпятъ и т. п. Не отразилось ли въ этой лживой корреспонденціи сужденіе, слышанное корреспондентомъ отъ кого-либо изъ своихъ земляковъ, служащихъ по телеграфному вѣдомству, гдѣ ихъ такъ много? Однимъ словомъ, необъяснимый иначе пробѣлъ въ нынѣшней мѣрѣ, станутъ, пожалуй, послѣ объяснять предположеніемъ, что въ самомъ телеграфномъ вѣдомствѣ можетъ быть какая-нибудь среда, враждебно относящаяся и къ этой крохѣ честнаго самостоятельнаго труда, какая предоставлена у насъ женщинамъ.

Мы получили замѣтку, вызванную нашимъ разборомъ проекта устава о наймѣ рабочихъ; высказанная лицомъ весьма компетентнымъ, судя по его положенію технолога на одномъ изъ нашихъ свеклосахарныхъ заводовъ, она заслуживаетъ вниманія какъ читателей, такъ и въ особенности людей, заинтересованныхъ вышеупомянутымъ проектомъ. Вотъ ея содержаніе:

„М. Г. Во внутреннемъ обозрѣніи декабрьской книжки „Вѣстника Европы“, разбирая проектъ устава о наймѣ рабочихъ и замѣчая съ сожалѣніемъ, что въ проектѣ этомъ не означенъ maximum времени, на которое наниматель можетъ употреблять нанимаемаго на работу въ сутки,—говорится, что, быть можетъ, побудительною причиною для коммиссіи, къ этому неограниченію времени, было громадное число праздничныхъ дней, въ которые русскій рабочій освобождается отъ работы и число которыхъ, т.-е. дней, простирается до половины всѣхъ дней въ году“. Позвольте мнѣ опровергнуть существованіе подобнаго факта относительно громаднаго числа русскихъ рабочихъ, которыхъ не минуютъ однако проектируемыя правила, такъ какъ коммиссія не-

думаетъ составлять особыхъ правилъ для рабочихъ свеклосахарныхъ и рафинадныхъ заводовъ, а у этихъ-то рабочихъ нѣтъ не только громаднаго числа, а почти ни одного праздничнаго дня въ продолженіе всей работы на заводѣ.

„По статистическимъ свѣдѣніямъ 1864 — 65-го года [1]) въ Россіи было въ дѣйствіи всѣхъ свеклосахарныхъ заводовъ, помимо рафинадныхъ, 273 и на нихъ 61.672 человѣка рабочихъ, если же считать и рафинадные заводы, то число рабочихъ на этихъ заводахъ далеко превыситъ цифру ста тысячъ. Большинство заводовъ начинаетъ работу съ сентября и продолжаетъ ее до марта и апрѣля мѣсяца, т.-е. около полугода, мѣсяцомъ больше или меньше. Во все продолженіе этого времени, заводъ не останавливаетъ работу ни на минуту, работа идетъ день и ночь, минуя всѣ праздники, кромѣ первыхъ трехъ дней рождественскихъ праздниковъ. Въ сутки работаетъ двѣ смѣны рабочихъ, одна отъ 12 ч. ночи до 12 ч. дня, другая отъ 12 ч. дня до 12 ч. ночи. За праздничные дни, не только такіе какъ воскресенье, но и такіе какъ крещенье, зимній Николай и всѣ другіе безъ исключенія, рабочій не получаетъ ни копѣйки прибавки къ обыкновенному жалованью, кромѣ того онъ подвергается штрафу по усмотрѣнію, если не выйдетъ въ праздникъ на работу и если при этомъ заводскій фельдшеръ (!) не засвидѣтельствуетъ, что онъ былъ боленъ: рабочій нанимается на все производство, считая мѣсяцъ въ 30 дней и рабочихъ часовъ въ сутки 12, не исключая праздниковъ. Итакъ, у болѣе 100 тысячъ рабочихъ въ теченіе полугода нѣтъ почти ни одного праздника, и если коммиссія не назначила maximum времени для работы, принимая во вниманіе громадное число праздничныхъ дней у русскаго рабочаго, то она должна исключить этотъ мотивъ по крайней мѣрѣ для рабочаго свеклосахарныхъ и рафинадныхъ заводовъ. Быть можетъ, замѣтятъ, что не зачѣмъ назначать нормы рабочихъ часовъ въ сутки для тѣхъ, которые и теперь, безъ вмѣшательства правительства, работаютъ регулярно, какъ машина, 12 часовъ въ сутки? Не думаю, чтобы кто-либо, кромѣ людей узко-заинтересованныхъ въ свеклосахарномъ дѣлѣ, считалъ нормальнымъ для человѣка работу въ продолженіе полугода 12 часовъ въ сутки! Не думаю также, чтобы подобный взглядъ руководилъ лицъ, составляющихъ правила для найма рабочихъ. Если западныя государства нашли необходимымъ ограничить число рабочихъ часовъ 10 и даже 8 въ сутки, то ничто не мѣшаетъ и нашему правительству сдѣлать то же. Мнѣ кажется, что въ отношеніи русскаго рабочаго эта мѣра болѣе необходима даже, чѣмъ для западнаго рабочаго, который давно уже вышелъ изъ первобытнаго, неразвитаго состоянія, онъ, самъ болѣе развитой, работаетъ на людей не съ такимъ грубо-эгоистическимъ, чрезвычайно узкимъ взглядомъ на доходность, какая свойственна большинству русскихъ фабрикантовъ, жмущихъ рабочаго гдѣ только можно; западный рабочій несетъ болѣе равномѣрную тяготу государственныхъ повинностей со всѣми сословіями, между тѣмъ какъ русскій рабочій, при всей своей неразвитости, болѣе всѣхъ сословій несетъ тяжесть налоговъ и податей, и котораго, для благосо-

[1]) Дополненіе къ технологіи по Вагнеру, 1871 года, статья П. П. Алексѣева.

стоянія государства, правительство, идущее впереди своего народа, должно поднять нравственно и слѣдовательно прежде всего дать ему время на занятіе самимъ собою. Какъ думать о грамотности и вообще о своемъ развитіи рабочему, когда ему приходится 12 часовъ въ сутки быть на очень и очень трудной работѣ! Позвольте познакомить съ этой работой, характеризуя ее словами компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ. Вотъ что́ говоритъ лучшій знатокъ свеклосахарнаго дѣла, директоръ Городищенскаго завода, уважаемый М. А. Толпигинъ:

„Всѣми средствами, какія только капиталъ можетъ придумать (водка, награды, увеличеніе жалованья (?), штрафы и др.), заставляютъ рабочихъ не только скоро и торопливо, но почти безъ остановки 12 часовъ работать (въ 6 часовъ дается $^1/_2$ часа на отдыхъ и для закуски); особенная трудность и торопливость работы падаетъ на женщинъ при порядкѣ и подноскѣ мязги (прибавлю отъ себя, что на многихъ заводахъ, гдѣ мнѣ приходилось быть, эту трудную работу несутъ дѣвочки отъ 14-ти лѣтъ). Во время работы рабочіе буквально промокаютъ до тѣла и при томъ промокаютъ не отъ воды, а отъ сока, который грязнитъ одежду, обувь и тѣло. И въ такомъ обмокшемъ видѣ по холоду идутъ въ казарму, но какъ въ заводахъ нѣтъ обычая устроивать при казармахъ сушила, то рабочему приходится въ мокрой одеждѣ ложиться подкрѣплять себя сномъ. Не весело слушать, какъ намъ разсказываютъ про бурлаковъ, тянувшихъ лямку, но, кажется, и работа въ прессовой не слишкомъ-то весела, хотя въ прессовой поются пѣсни по-веселѣе бурлацкихъ“ (Записки кіевскаго отдѣленія русскаго техническаго общества, томъ 1-й, выпускъ 3-й, стр. 286 и 287).

„Я не могу привесть мнѣнія М. А. Толпигина, чтобы не сказать, что работа на другихъ отдѣленіяхъ завода малымъ чѣмъ существеннымъ отличается отъ работы на прессовой; и не думаю, чтобы меня кто опровергнулъ, если скажу, что всѣ работы на свеклосахарномъ заводѣ тяжелы, грязны и продолжаются 12 часовъ въ сутки. Въ квасильнѣ, гдѣ болѣе всего работаютъ дѣти отъ 7-ми лѣтъ, у здороваго, непривыкшаго человѣка, чрезъ $^1/_4$ часа разболится до обморока голова отъ невыносимой вони и сырости, которую издаетъ квасящійся костяной уголь, т.-е. отъ гнилостнаго разложенія органическихъ веществъ. Въ костокальнѣ—дѣти отъ 7-ми лѣтъ (двѣнадцать часовъ вездѣ) ходятъ и распластываютъ горячую крупку, отъ которой пыль буквально покрываетъ ихъ съ головы до ногъ. Въ прачечной — дѣвочки отъ 14-ти лѣтъ, совершенно голыя, моютъ грязныя отъ свекловичнаго сока салфетки въ сильно-известковой водѣ, отъ которой лопается у нихъ кожа на тѣлѣ. Нѣтъ, все больно, тяжело и одинаково трудно! — Позволю себѣ привести сокращенно выписки изъ доклада о рабочихъ, члена администраціи по дѣламъ, извѣстныхъ когда-то свеклосахарныхъ заводчиковъ братьевъ Яхненко и Семиренко, П. П. Чубинскаго:

„Многіе заводчики прибѣгаютъ для найма рабочихъ къ подрядчикамъ, обязующимся поставлять рабочихъ на время производства съ содержаніемъ отъ себя. Этотъ отвратительный видъ торговли человѣческимъ трудомъ довольно распространенъ. Подрядчикъ наметъ ихъ для себя дешевле, чѣмъ заводчикъ. Его агенты ему въ этомъ помогаютъ: въ каждомъ селеніи сидитъ корчмарь, и все селеніе—его вассалы; онъ

имѣетъ вліяніе на всѣхъ, ему почти всѣ должны, кто за водку, кто за подати, которыя онъ заплатилъ. При посредствѣ-то этихъ агентовъ, при умѣньи снискать благосклонность волостного начальства, при угощеніи водкой, подрядчикъ и его прикащики наймутъ рабочаго дешевле. Но этого мало; пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ крестьянина, давая ему задатки на подати и повинности, они съумѣютъ обдѣлать такъ, что крестьянинъ и въ провизіи будетъ обиженъ. Я видѣлъ условіе, по которому подрядчикъ обязался давать 8 фунт. говядины на человѣка въ мѣсяцъ и не давать рыбы въ постъ. Заводъ, нанимающій рабочихъ чрезъ своихъ служащихъ, заключаетъ условія въ волостяхъ крайне неопредѣленныя: говорится, что заводъ долженъ давать рабочему здоровую пищу въ достаточномъ количествѣ по заводскому положенію, — неопредѣленность полная и полный произволъ. Нужно замѣтить, что нѣкоторые заводчики даютъ крайне недостаточное количество нѣкоторыхъ продуктовъ пищи, такъ, напр., $^1/_2$ фунт. мяса въ день на человѣка, а гдѣ подрядчикъ такъ и того меньше. Казалось бы, что рабочему, работавшему 12 часовъ въ день непрерывно, въ томъ числѣ и въ праздники, слѣдовало бы давать не менѣе фунта мяса. На нѣкоторыхъ заводахъ даютъ весьма мало приварки, между тѣмъ въ нашемъ краѣ овощи очень дешевы; на завтракъ и полдникъ даютъ одинъ только хлѣбъ. Не полагая порціи отъ завода, а между тѣмъ привыкнувъ къ употребленію водки и будучи истощенъ заводской работой, рабочій пропиваетъ свои деньги. Помѣщенія для рабочихъ, т.-е. казармы далеко не на всѣхъ заводахъ удовлетворительны, на нѣкоторыхъ заводахъ они тѣсны и отвратительны. Прачки для мытья бѣлья рабочимъ есть только на заводахъ гр. Бобринскаго; работая 12 часовъ каждые сутки, рабочій врядъ ли подумаетъ о томъ, чтобы вымыть себѣ бѣлье, а отъ заводской работы бѣлье сильно грязнится. Не вездѣ есть бани и имѣются больницы, и то неудовлетворительныя. Досмотрщики и многіе изъ служащихъ на заводахъ не только позволяютъ себѣ ругать рабочихъ, но нерѣдко и бить. По отношенію къ взысканіямъ съ рабочихъ существуетъ полный произволъ; иногда налагаютъ на рабочихъ непомѣрные штрафы, неимѣющіе при томъ никакого основанія" (Записки кіевскаго отдѣленія русскаго техническаго общества, томъ 1-й выпускъ 4-й съ 406 по 414 стр.).

„Вотъ въ какомъ положеніи работаетъ 12 часовъ въ сутки на сахарныхъ заводахъ рабочій! Я привелъ мнѣніе лицъ безпристрастныхъ и вполнѣ знающихъ положеніе рабочаго на этихъ заводахъ. Скажу даже болѣе: тому, кто работалъ на сахарныхъ заводахъ, изложеніе П. П. Чубинскаго покажется даже мягкимъ и страдающимъ отсутствіемъ грустныхъ но обстоятельно фактичныхъ данныхъ. Выводъ изъ всего мною изложеннаго тотъ, что пора правительству принять мѣры къ устраненію этихъ возмутительныхъ фактовъ, такъ какъ на добрую натуру русскихъ заводчиковъ излишняя надежда возлагать довѣріе, и прежде всего опредѣлить maximum времени работы рабочаго, руководствуясь при этомъ гуманными мѣрами западныхъ государствъ. Замѣчу впрочемъ, что какія бы ни были правила, они принесутъ существенную пользу рабочему только съ введеніемъ въ краѣ свеклосахарной промышленности мирового института, такъ какъ настоящія непосредственныя власти, въ большинствѣ случаевъ, пользуются разными милостями отъ заводчиковъ и болѣе склоняются къ потворству дикимъ поступкамъ съ рабо-

чимъ, чѣмъ объ огражденіи справедливыхъ требованій рабочаго. Только грустнымъ положеніемъ рабочаго на заводахъ можно объяснить тотъ фактъ, что онъ бѣжитъ съ заводовъ, хотя его за это порятъ, хотя его за это бьютъ становые въ лицо собственноручно, чему я былъ самъ свидѣтель".

М. З.

Дѣйствительно, всѣ эти „особенности" свеклосахарной промышленности мало извѣстны, и мы не имѣли ихъ въ виду когда выражали мнѣніе вообще, что нашъ рабочій, безъ пользы для себя и ко вреду для дѣла, имѣетъ всякихъ праздниковъ до половины дней въ году, и объясняли тѣмъ, что въ проектѣ не означенъ maximum рабочихъ часовъ дня. Но, можетъ быть, найдутся и другіе промыслы съ своими особенностями, и потому нельзя не обратить серьезнаго вниманія на доводы, приводимые авторомъ, и, кромѣ свеклосахарной промышленности, разсмотрѣть свойства и другихъ промысловъ. Справедливость однако требуетъ замѣтить, что при точномъ опредѣленіи maximum'а рабочихъ часовъ дня, необходимо будетъ опредѣлить также maximum праздничныхъ дней въ году.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го апрѣля, 1872.

Новое устройство мѣстнаго управленія въ Пруссіи и главныя черты его.— Письмо Виндгорста. — Процессъ соціалистовъ. — Распущеніе чешскаго сейма.— Законъ противъ международнаго общества. — Французскій бюджетъ. — Процессъ Ла-Мотта. — Прекращеніе трактата 1860 года. — Брошюра Граммона. — Два «Элебемы». — Англійскій бюджетъ. — Предложеніе Дилька. — Мадзини.—Министерскій вопросъ въ Италіи. — Испанскія дѣла.

Самостоятельность общества и твердость гарантій для личности гражданина обусловливаются не однимъ участіемъ народа въ политическихъ дѣлахъ. Рядомъ съ политическими и законодательными дѣлами, которыя касаются всѣхъ гражданъ государства, каждый изъ нихъ зависитъ отъ дѣлъ менѣе важныхъ по своимъ размѣрамъ, то-есть менѣе общихъ, но касающихся его еще чаще и непосредственнѣе, чѣмъ дѣла политическія, и отъ тѣхъ мѣстныхъ порядковъ, какими онъ обставленъ въ своей общественной и гражданской жизни. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти мѣстные порядки, направленіе дѣлъ, съ которыми человѣкъ ежеминутно встрѣчается въ этомъ ближайшемъ кругѣ своей дѣятельности, будутъ тѣмъ раціональнѣе, тѣмъ удовлетворительнѣе будутъ соотвѣтствовать дѣйствительнымъ потребностямъ гражданъ, чѣмъ большее вліяніе предоставлено въ нихъ самимъ гражданамъ. Короче—удовлетворительность мѣстнаго управленія достигается только самоуправленіемъ. Не слѣдуетъ никогда упускать изъ виду, что эти два элемента правильной конституціонной жизни пополняютъ другъ друга, и что какъ первый изъ нихъ нуждается во второмъ, такъ второй невозможенъ безъ перваго: свободныя политическія учрежденія только тогда могутъ осуществить всѣ свои благотворныя начала, когда гражданинъ политически - свободный не остается полицейски-стѣсненнымъ въ ближайшемъ кругѣ своей дѣятельности; съ другой стороны, истинное самоуправленіе возможно только при самостоятельности, ненарушимости мѣстныхъ выборныхъ учрежденій, стало-быть возможно

только при существованіи гарантій политическихъ. Одно тѣсно, неразрывно связано съ другимъ; политическая свобода безъ самоуправленія неполна и недостаточно плодотворна, за то самоуправленіе безъ политической свободы просто призрачно и въ сущности невозможно. Напоминать объ этой неразрывности самоуправленія съ существованіемъ политической свободы приходится потому, что иногда раздаются голоса предпочтительно въ пользу одной изъ этихъ вещей, указывающіе, что въ ней-то и есть вся суть; это совершенно невѣрно. Каждый изъ этихъ элементовъ вытекаетъ изъ другого, оба взаимно себя дополняютъ, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ дѣйствовать успѣшно въ отсутствіи другого.

Откуда возникла сама политическая свобода для всѣхъ гражданъ въ равной степени, мысль о государствѣ, представляющемъ совокупность свободныхъ личностей, однимъ словомъ, мысль 1789 года? Она возникла вовсе не изъ ученія Руссо и энциклопедистовъ, а напротивъ, ученія эти появились потому, что народная жизнь требовала такого именно исхода. Короли уничтожили политическое значеніе феодаловъ, но оставляли въ силѣ всѣ ихъ привилегіи по отношенію къ народу, оставляли народъ въ ихъ эксплуатаціи; короли ограничили значеніе парламентовъ и всю власть стянули въ руки своихъ интендантовъ, централизировали Францію до степени абсолютно-бюрократическаго государства и, не давъ народу никакихъ гарантій ни противъ эксплуатаціи дворянства и духовенства, ни противъ собственныхъ своихъ интендантовъ, къ этой эксплуатаціи прибавили государственную эксплуатацію народа. Для нуждъ народа не создавалось ничего: вся дѣятельность государственной машины состояла въ томъ, чтобы сосать народъ посредствомъ тѣхъ чрезмѣрныхъ податей и повинностей, тѣхъ taille, corvée и gabelle, которыхъ самыя имена доселѣ ненавистно звучатъ для французскаго уха. Къ тому же, едва успѣвъ стянуть всю власть въ свои руки, они поспѣшили усиленно изнурить страну рядомъ войнъ и затѣмъ въ концѣ разорить его государственнымъ банкротствомъ. Какую пользу при этомъ могли принесть народу тѣ остатки мѣстнаго самоуправленія, которые представлялись парламентами, городскими общинами, наконецъ, цехами? Никакой, потому что гарантіи ихъ были ничто передъ всесильной властью; поэтому эти учрежденія ничего отвратить не могли и само мѣстное самоуправленіе обращалось именно въ ничтожество. Одинъ былъ исходъ — политическая свобода, перенесеніе въ руки народа власти законодательной и политической, для доставленія народу тѣхъ высшихъ, общихъ гарантій, безъ которыхъ и общественное самоуправленіе не можетъ охранить ничьихъ интересовъ.

Что въ свою очередь политическія свободныя учрежденія могутъ вполнѣ привиться въ странѣ и получить настоящую твердость только

тогда, когда они опираются на мѣстное самоуправленіе, которое одно и способно воспитывать націю для сознательной политической дѣятельности, это — истина, которая вполнѣ доказывается примѣромъ Англіи. Истина эта вошла въ сознаніе образованныхъ людей и въ Германіи, чему едва ли не болѣе всѣхъ способствовалъ Гнейстъ, своими трудами объ англійскихъ учрежденіяхъ создавшій на континентѣ цѣлую школу selfgovernment'a.

До какой степени истина эта уяснилась современному нѣмецкому обществу можно видѣть изъ отношеній всѣхъ сторонъ къ разсматривавшейся въ прошломъ мѣсяцѣ и утвержденной палатою депутатовъ реформѣ окружнаго управленія въ шести восточныхъ провинціяхъ Пруссіи. Что реформа въ смыслѣ самоуправленія нужна, этого никто и не думалъ отрицать; въ этомъ были убѣждены всѣ партіи и консервативное правительство, представившее проектъ. Правда, мнѣнія отчасти все-таки расходились; правительство имѣло при этомъ въ виду преимущественно отмѣну феодальнаго вліянія и дорожило особенно только полной самостоятельностью сельской общины, а выше ея, въ волости полагало уже сохранить преобладаніе за своими непосредственными, административными органами. Феодалы, напротивъ, всего менѣе, конечно, расположены были въ пользу той стороны проекта, которая совершенно измѣняетъ положеніе владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній, отмѣняя патримоніальную полицію въ общинахъ; гораздо охотнѣе они согласились бы на приданіе выборнаго характера высшему управленію округа. Наконецъ, прогрессисты могли находить нынѣшнюю реформу слишкомъ недостаточною, могли съ этой точки зрѣнія даже отвергать ее, добиваясь болѣе широкихъ уступокъ, требуя, чтобы реформѣ окружнаго управленія предшествовала реформа управленія провинціальнаго, губернскаго, а пожалуй и измѣненіе конституціи въ смыслѣ болѣе парламентскомъ. Конечно, это со стороны прогрессистовъ было бы повтореніемъ той ошибки, какую сдѣлало прошлымъ лѣтомъ большинство французскаго національнаго собранія, которое предпочло устройство департаментскаго самоуправленія освобожденію и самостоятельности общины. Но изъ хода преній по этому вопросу оказалось, до какой степени все германское общество убѣждено въ великой важности и необходимости мѣстнаго самоуправленія; всѣ партіи относились бережно къ правительственному проекту. Только крайніе консерваторы отрицали его; впрочемъ и между ними нашлись люди, которые открыто заявили, что какъ ни трудно имъ лично согласиться на совершенное измѣненіе въ положеніи владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній, но они не хотятъ тормозить реформы потому, что въ то же время сами убѣждены, что старый порядокъ уже совершенно unhaltbar. Съ еще бо́льшей уступчивостью и умѣренностью отнеслись къ правительственному проекту прогрессисты

и во главѣ ихъ Вирховъ. Они домогались уступокъ, но все-таки болѣе всего дорожили осуществленіемъ самой реформы, хотя бы и безъ всѣхъ тѣхъ улучшеній, какія казались имъ необходимыми. Наконецъ, и само правительство дѣйствовало совершенно въ томъ же духѣ: оно охотно мирилось съ измѣненіями въ либеральномъ смыслѣ, лишь бы осуществилась реформа. Можно сказать, что всѣ стороны были глубоко проникнуты сознаніемъ, что рѣчь идетъ объ одномъ изъ самыхъ существенныхъ интересовъ прусскаго народа, и что такое священное дѣло должно стоять выше всѣхъ партійныхъ взглядовъ. Въ конечномъ результатѣ реформа вышла весьма существенно различною отъ правительственнаго проекта.

Уже это сочувственное отношеніе всѣхъ сторонъ къ настоящей реформѣ въ свою очередь свидѣтельствуетъ о ея важности. Нельзя не ожидать отъ этой реформы весьма важныхъ, весьма благотворныхъ послѣдствій потому именно, что дѣло самоуправленія должно начаться снизу, съ самостоятельности общины и полноправности округа. Но чтобы избѣгнуть смѣшенія понятій, мы тутъ же должны оговорить, что эта реформа даетъ именно самоуправленіе общинѣ и округу, и не касается ни провинціи, ни даже уѣзда, если уѣздомъ назвать прусскій Bezirk, то-есть ближайшее подраздѣленіе провинціи или губерніи. Реформа касается собственно округовъ (Kreise), которыхъ въ старыхъ провинціяхъ Пруссіи 314, и сельскихъ общинъ (Gemeinden). Между этими двумя ступенями новый законъ вставляетъ еще одну посредствующую ступень, которую можно назвать становымъ округомъ, становомъ (das Amtbezirk). Такимъ образомъ, по введеніи нынѣшней реформы, вся мѣстная администрація въ шести провинціяхъ восточной Пруссіи: Бранденбургѣ, Помераніи, Познани, Силезіи и Саксоніи, будетъ представляться въ слѣдующемъ видѣ: провинція, которою управляетъ оберъ-президентъ (губернаторъ, префектъ), уѣздъ или область (Regierungsbezirk, arrondissement, крупнѣе нашего уѣзда), которымъ управляетъ регирунгс-президентъ (подпрефектъ). Этихъ двухъ ступеней мѣстнаго управленія нынѣшняя реформа не касается. Начальникъ губерніи и уѣзда, если такъ переводить прусскіе Provinz и Bezirk, и впредь будутъ назначаемы прямо правительствомъ, и вообще вся эта высшая сфера мѣстнаго управленія должна быть преобразована современемъ особымъ закономъ, закономъ о Provincial-Verwaltung или Provinzial-Ordnung. Нынѣшняя же реформа есть собственно Kreis-Ordnung, устройство внутренняго управленія въ округахъ. Итакъ, ниже Regierungs-Bezirk или уѣзда, является der landräthliche Kreis, округъ. По числу населенія этотъ Kreis болѣе соотвѣтствуетъ нашему уѣзду, чѣмъ Bezirk, но по пространству и какъ ступень въ администраціи нашему уѣзду соотвѣтствуетъ Bezirk. Въ этомъ Kreis или округѣ реформа и полагаетъ создать главную силу или, такъ сказать, гнѣздо

самоуправленія. Округъ есть именно та ступень, на которой мѣстный земскій элементъ сливается уже съ государственнымъ административнымъ, и вотъ почему онъ и избранъ какъ центръ или фокусъ мѣстнаго самоуправленія.

Начальникъ округа, ландратъ, и впредь будетъ назначаемъ исключительно властью правительства. Но новая реформа ставитъ рядомъ съ нимъ окружной сеймикъ, Kreistag, который избираетъ, изъ лицъ принадлежащихъ къ округу, шестерыхъ членовъ постоянной окружной коммиссіи или управы — Kreisausschuss. Окружная коммиссія будетъ состоять изъ правительственнаго ландрата и выборныхъ членовъ,— вотъ гдѣ земскій элементъ примыкаетъ къ государственному и сливается съ нимъ въ единство, которое совершенно необходимо для того, чтобы земскія управленія, стоящія совершенно отдѣльно, не были бы однимъ призракомъ, находящимся какъ-бы подъ присмотромъ администраціи. Здѣсь, въ руки окружной постоянной коммиссіи отдается *все* мѣстное самоуправленіе; *всѣ* мѣстныя дѣла, не только земскія, но и административныя, отдаются въ руки окружной коммиссіи, которая, правда, состоитъ подъ руководствомъ ландрата, но за то вся состоитъ, кромѣ одного ландрата, изъ выборныхъ отъ земства. Ту постоянную коммиссію, которую французы поставили при высшей степени провинціальнаго управленія, именно при департаментскомъ совѣтѣ, пруссаки поставили пониже, при окружномъ сеймикѣ и окружномъ управленіи, и нельзя не ожидать, что именно здѣсь она окажетъ и болѣе самостоятельности и болѣе пользы, чѣмъ на той ступени, куда она поставлена во Франціи. Она можетъ оказать болѣе практической пользы на низшей ступени именно потому, что гораздо ближе стоитъ къ каждому дѣлу. Окружная коммиссія или управа (Kreisausschuss) и будетъ истиннымъ дѣятелемъ самоуправленія и притомъ не только по отношенію къ дѣламъ общественнымъ, то-есть земскимъ, но и по отношенію къ государственному управленію въ округѣ; она будетъ завѣдывать не только тѣми дѣлами, которыя относятся къ вѣдомству мѣстной власти по министерству внутреннихъ дѣлъ, но и училищными дѣлами, и сверхъ того она же будетъ служить низшею инстанціею для разбора жалобъ на полицейскую власть въ станахъ и общинахъ, низшая инстанція административнаго суда, который разбираетъ жалобы на полицію и споры о компетентности между мѣстными учрежденіями. Если никто изъ членовъ окружной коммиссіи не имѣетъ высшаго юридическаго образованія, то окружной сеймикъ избираетъ особаго юрисконсульта (Syndicus), который и засѣдаетъ въ окружной коммиссіи съ правомъ только совѣщательнаго голоса. Въ своемъ качествѣ низшей инстанціи административнаго суда по дѣламъ общиннаго и становаго управленія, окружная коммиссія подчинена высшему

спеціальному учрежденію въ уѣздѣ (Bezirk), которое уже и носитъ названіе „административный судъ“ (Verwaltungsgericht).

Округу доселѣ прямо подчинялись общины. Теперь между этими двумя ступенями управленія вставляется еще одна посредствующая, именно становое управленіе (das Amt). Въ раіонѣ стана (Amtsbezirk) находятся нѣсколько сельскихъ общинъ и господскихъ экономій, достаточно крупныхъ, чтобы составлять отдѣльныя единицы. Начальникъ стана (Amtsvorsteher) есть именно становой, то-есть первое лицо, которое представляетъ собою уже государственную полицейскую власть надъ сельскими обществами и рыцарскими имѣніями. По первоначальному правительственному проекту станъ имѣлъ значеніе чисто-полицейскаго управленія. Но правительство сдѣлало въ коммиссіи, обсуждавшей проектъ, уступку въ томъ смыслѣ, чтобы стану придать сверхъ того еще и земское значеніе, а именно значеніе волости, по образцу существующихъ въ рейнскихъ провинціяхъ общинныхъ союзовъ (Sammtgemeinden). Съ этой цѣлью, теперь рядомъ съ начальникомъ стана поставлено становое или волостное правленіе (Amtsausschuss), состоящее изъ выборныхъ представителей всѣхъ принадлежащихъ къ стану сельскихъ общинъ и господскихъ имѣній. Начальникъ стана назначается правительствомъ по представленію окружнаго сеймика, т.-е. сеймикъ избираетъ кандидата, а правительство утверждаетъ его. Наконецъ, мы доходимъ до общиннаго управленія. Здѣсь, на этой низшей ступени, нынѣшняя реформа получаетъ еще болѣе обширный смыслъ; она уже не только является реформою устройства самоуправленія, но и отмѣняетъ послѣдніе, весьма важные доселѣ остатки феодальныхъ порядковъ, въ томъ смыслѣ, что освобождаетъ сельскія общества отъ патримоніальной полиціи крупныхъ землевладѣльцевъ. Приведемъ объясненіе этого значенія реформы вкратцѣ со словъ „Кёльнской газеты“.

Законодательствомъ временъ Штейна и Гарденберга, т.-е. 1807—1811-мъ г. отмѣнено было „наслѣдственное подданство“ (крѣпостная зависимость) въ восточныхъ провинціяхъ и имѣнія, какъ простыя мызы съ сельскимъ обществомъ (Schulzengüter), такъ и рыцарскія (Rittergüter) сдѣлались покупными; а между тѣмъ и вопреки самому смыслу такой реформы, сельская полиція и самое званіе сельскаго шульца остались соединенными съ помѣщичьимъ землевладѣніемъ. Это пагубно дѣйствовало на всю общинную жизнь. Еще самъ Штейнъ признавалъ необходимость измѣнить это. Составленный въ такомъ смыслѣ при министерствѣ Мантейфеля проектъ, отмѣнявшій „доманіальную полицію“, былъ обработанъ съ согласія сейма; но этотъ проектъ новаго общиннаго устройства (Gemeindeordnung) не былъ утвержденъ вслѣдствіе сопротивленія владѣльцевъ восточныхъ рыцарскихъ имѣній. Нынѣшняя реформа отдѣляетъ рыцарскія имѣнія отъ сельскихъ общинъ;

рыцарское имѣніе остается отдѣльною общинною единицей, особой господской экономіей (Gutsbezirk), а сельская община управляется свободно избраннымъ общиннымъ старостою (Gemeindevorsteher), который впрочемъ все-таки утверждается правительствомъ, но это утвержденіе только одна формальность (это замѣчаніе мы беремъ изъ рѣчи докладчика сеймовой коммиссіи).

Итакъ, перечислимъ всѣ инстанціи провинціальнаго управленія, какъ онѣ будутъ существовать въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи: провинція съ оберъ-президентомъ, уѣздъ съ регирунгспрезидентомъ, округъ съ ландратомъ, окружными коммисіею и сеймикомъ, станъ, съ начальникомъ стана и становымъ правленіемъ, наконецъ—на равной степени: господская мыза и сельская община, съ ея старостою и сходомъ. Полицейская власть въ самомъ рыцарскомъ имѣніи все-таки будетъ принадлежать владѣльцу его и теперь, но не въ силу наслѣдства или купли, а въ силу утвержденія помѣщика (Gutsbesitzer) въ званіи мызнаго начальника (Gutsvorsteher) ландратомъ; ландратъ можетъ и не утвердить въ этомъ званіи помѣщика, съ согласія окружной коммиссіи.

Необходимо прибавить весьма существенное постановленіе новаго закона, что вся земская служба, то-есть участіе въ окружной коммиссіи и сеймикѣ, въ становомъ правленіи и самая служба въ должности начальника стана должны быть *безвозмездны*. Всѣ эти мѣста считаются „почетными званіями“ (Ehrenämter) и притомъ именно *званіями*, а не *полномочіями* (Amt, nicht Mandat), такъ что должностное лицо, назначенное ли правительствомъ или избранное обществомъ, все равно, признается совершенно независящимъ отъ этого общества при исправленіи своихъ обязанностей. Докладчикъ сеймовой коммиссіи, Фриденталь, въ рѣчи своей, настаивалъ на этомъ различіи, и оно, конечно, можетъ имѣть значеніе въ томъ смыслѣ, что избранныя обществомъ должностныя лица не будутъ считать себя, напр., обязанными подать въ отставку въ случаѣ если общество выразитъ имъ недовѣріе. Вообще надо замѣтить, что принципъ авторитета высшей административной власти (das obrigkeitliche Princip) проведенъ въ этой реформѣ весьма настойчиво, такъ какъ начальники управленія на всѣхъ его ступеняхъ, начиная отъ губернатора и кончая сельскимъ старостой, назначаются или утверждаются правительствомъ.

Въ этомъ отношеніи можно, пожалуй, усомниться въ надеждѣ, выраженной докладчикомъ сеймовой коммиссіи, что это устройство самоуправленія послужитъ типомъ для Германіи и всего *континента* Европы. Но что въ этой реформѣ есть много достойнаго подражанія, это несомнѣнно. Главная, существенная мысль, осуществляемая ею та, что земство не должно быть устранено отъ всякаго вліянія на государственно-административную власть и что эта власть, въ свою оче-

редь, не должна считать себя опричиной по отношенію къ земству. Такое безусловное разъединеніе дѣлаетъ мѣстную административную власть совершенно чуждою обществу, а земской дѣятельности придаетъ какой-то чисто-любительскій характеръ, лишая ее серьезнаго вліянія на весь ходъ дѣлъ мѣстнаго управленія. Прусскій проектъ, какъ мы показали, признаетъ необходимымъ слить эти элементы въ нѣчто цѣльное, такъ что начиная съ округа, въ округѣ и станѣ бюрократическій элементъ поставленъ въ зависимость отъ земскаго и сливается съ нимъ, составляя такимъ образомъ нѣчто полное, а потому и жизненное.

Мы уже сказали, что реформа эта, по утвержденіи ея палатою господъ и королемъ, будетъ примѣнена къ шести восточнымъ провинціямъ Пруссіи. Но въ Познани ее еще не предполагается вводить въ настоящее время, такъ что въ дѣйствительности она будетъ введена только въ пяти провинціяхъ. Почему же она предназначена только для восточныхъ провинцій, а не для западныхъ также? Потому, что въ западныхъ провинціяхъ обстоятельства иныя. Въ Рейнской провинціи и Вестфаліи, то-есть въ двухъ западныхъ старыхъ провинціяхъ, французское законодательство давно изгладило слѣды патримоніальной власти и вообще всякіе слѣды феодализма. Въ новыхъ провинціяхъ, Ганноверѣ и Гессенъ-Нассау, феодальные порядки отмѣнены частью французскимъ завоеваніемъ, частью позднѣйшимъ мѣстнымъ законодательствомъ; наконецъ, въ Шлезвигъ-Гольштиніи та же реформа произведена была при датскомъ владычествѣ. Сверхъ того, въ рейнскихъ провинціяхъ французское законодательство создало крѣпкіе общинные союзы (Sammtgemeinden), которые дѣлаютъ безполезнымъ учрежденіе тамъ становъ или волостей. Но такъ какъ нынѣшняя реформа представляетъ нѣчто цѣльное и полное, то, безъ сомнѣнія, она поведетъ и къ нѣкоторымъ измѣненіямъ въ окружномъ устройствѣ западныхъ провинцій, которому недостаетъ, напр., важнаго учрежденія окружныхъ коммиссій. Затѣмъ, все это дополнится и обобщится, вѣроятно, при начертаніи реформы провинціальнаго управленія, такъ какъ нынѣшняя реформа, повторяемъ, есть только реформа низшаго мѣстнаго управленія, окружнаго—Kreisordnung.

Въ нѣмецкой печати надѣлало довольно много шуму письмо клерикальнаго депутата, Виндгорста, и въ особенности способъ его оглашенія. Какъ ни глубоко то молчаніе, въ которое оффиціозная берлинская пресса въ настоящее время погрузила дѣло „о покушеніи на жизнь имперскаго канцлера“, однако дѣло это еще такъ недавно было разглашаемо ею какъ нѣчто весьма серьезное, что публика не успѣла, конечно, сравняться въ забывчивости съ печатью князя Бисмарка, и помнитъ обстоятельства дѣла Вестервелле. Нынѣшнее молчаніе о немъ оффиціозныхъ газетъ объясняется тѣмъ, что это дѣло, какъ легко

было предвидѣть, оказалось совершеннымъ пустякомъ. Никакого намека на замыселъ не открыто, не предпринято никакого судебнаго преслѣдованія и Вестервелле давно выпущенъ на свободу. Злые языки прибавляютъ, что онъ уже собирается купить имѣніе. Несомнѣнно то, что онъ въ свое время пригодится, а теперь роль его сыграна. Благодаря какому-то слуху о какихъ-то темныхъ словахъ, произведены были обыски у разныхъ клерикаловъ, и „черный призракъ“ сослужилъ ту же службу, какую отправлялъ доселѣ „красный призракъ“: палата, подъ вліяніемъ этого призрака, съ особенной готовностью вотировала законъ о надзорѣ за училищами; даже въ верхней палатѣ онъ прошелъ весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ. Этимъ собственно все бы должно было и кончиться. Но канцлеръ любитъ изъ каждаго дѣла выжимать всѣ выгоды, какія оно способно дать, не пренебрегая притомъ даже и маловажными. При обыскѣ у каноника Козмяна, въ Познани, въ бумагахъ его найдено было письмо вождя клерикаловъ въ палатѣ депутатовъ, Виндгорста, адресованное къ каммергеру Гаца-Радлицу. Какимъ образомъ оно попало къ Козмяну, неизвѣстно, но полиція нашла его у Козмяна. Въ этомъ письмѣ, помѣченномъ 4-мъ мая 1871 г., Виндгорстъ высказывался противъ подачи петицій въ имперскій сеймъ объ оказаніи защиты папѣ, по тому соображенію, что это было бы безполезно, такъ какъ сеймъ уже съ полнымъ сознаніемъ отклонилъ, при обсужденіи адреса на тронную рѣчь, мысль о вмѣшательствѣ въ пользу папы. Отъ правительства Германіи Виндгорстъ также не ожидаетъ заступничества въ пользу папы. Тѣмъ не менѣе, Виндгорстъ выражаетъ мнѣніе, что подавать петиціи въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ прямо государямъ, и притомъ „въ періодическомъ порядкѣ“ (in periodischer Reihenfolge), въ той надеждѣ, что это можетъ повесть не къ положительному, но къ отрицательному результату, въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ, если католическія державы предпримутъ что-либо въ пользу папы, то германскія правительства, именно въ виду поступившихъ къ нимъ петицій, стѣснятся выступить противъ такого вмѣшательства иностранныхъ державъ. Письмо это было оглашено правительствомъ, которое разослало копіи съ него къ германскимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ, представляя письмо Виндгорста, какъ указаніе на обширный международный заговоръ клерикаловъ, однимъ словомъ, какъ доказательство существованія нѣкоторой „черной интернаціоналки“. Что такая черная интернаціоналка существуетъ, это въ сущности не требуетъ никакихъ новыхъ доказательствъ. Сыны Лойолы уже три вѣка дѣйствуютъ во всѣхъ странахъ, и никто никогда не сомнѣвался, что вездѣ они стремятся къ одной и той же цѣли, что общество ихъ — чисто международное. Итакъ, разсылка письма Виндгорста къ посланникамъ не доказала ничего новаго, а между тѣмъ сама по себѣ составляла нѣчто необычайное и странное; выхо-

дило, какъ будто прусское правительство жалуется иностраннымъ державамъ на одного изъ членовъ своей палаты депутатовъ. Сверхъ того, самое приданіе гласности частному письму, которое, не содержа въ себѣ ничего преступнаго, не подлежало конфискованію и не имѣло рѣшительно никакого отношенія къ дѣлу Вестервелле, представляется мѣрою характера весьма bedenklich, какъ выражаются нѣмцы. Послѣ этого, правительство можетъ опубликовать частныя торговыя книги непріятныхъ себѣ банкировъ, если такія книги попадутъ въ его руки при какихъ-либо обыскахъ.

Вотъ почему клерикалы въ своихъ протестахъ противъ этой мѣры правительства совершенно правы, и надо пожалѣть, что либеральная нѣмецкая печать не хотѣла признать этого, собственно по нелюбви къ клерикаламъ. Цѣли и средства ихъ, конечно, не могутъ внушать сочувствія, но бороться съ іезуитами посредствомъ одного изъ свойственныхъ имъ же средствъ—перехвата частныхъ писемъ, едва ли похвально. Но протестующіе клерикалы были неправы въ томъ, что обвиняли правительство за сообщеніе письма въ „Кёльнскую газету", которая его и напечатала. При запросѣ депутата Шарлемера по этому предмету въ палатѣ, правительство отреклось отъ такого сообщенія письма газетѣ, но оно признало, что считало обязанностью огласить письмо Виндгорста, сообщеніемъ его посланникамъ. Само собою разумѣется, что копіи съ письма, оглашеннаго такимъ образомъ, появились и въ Берлинѣ. Правительству затѣмъ не было никакой нужды посылать такую копію газетѣ; ясно, что копія непремѣнно должна была попасть если не въ „Кёльнскую", то въ иную газету. Самъ Виндгорстъ, при обсужденіи запроса, поставленнаго Шарлемеромъ, заявилъ, что если въ письмѣ содержалось что-либо преступное, то автора письма слѣдовало предать суду; если же суду онъ подлежать не могъ, то не было законнаго основанія нарушать, безъ его согласія, секретъ частной корреспонденціи. Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Эйленбургъ отвѣчалъ, что канцлеръ нашелъ въ этомъ письмѣ заслуживающій вниманія слѣдъ обширныхъ ультрамонтанскихъ происковъ, ведущихъ къ періодическимъ подачамъ прошеній въ разныхъ странахъ, и потому счелъ нужнымъ „въ интересахъ Германіи и европейскаго мира" сообщить его иностраннымъ правительствамъ, между прочимъ и г. Тьеру, который теперь озабоченъ запросомъ орлеанскаго епископа и „волнами петицій" по тому же предмету. Итакъ, князь Бисмаркъ вмѣшивается въ отношенія Тьера къ орлеанскому епископу, и выдаетъ Тьеру для этого частное письмо прусскаго депутата!

Мы упомянемъ только мимоходомъ о процессѣ соціалистовъ Бебеля, Либкнехта и Геппнера, въ лейпцигскомъ судѣ. Первые два приговорены къ двухлѣтнему заключенію въ крѣпости, третій оправданъ. Этотъ приговоръ, по своей строгости, превосходитъ примѣры даже

австрійской судебной практики за послѣднее десятилѣтіе. Не надо забывать, что подсудимые, хотя и обвинялись въ государственной измѣнѣ, но уличались собственно только своими статьями въ „Volksstaat“ и брошюрами. Правда, тонъ нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій неприличный, какъ, напримѣръ, выраженія „Bombenkaiser“ и „Kartätschenkönig“. Но вѣдь все-таки это только оскорбленія и больше ничего, и даже оскорбленія весьма пустыя. Заявленіе подсудимыхъ на судѣ, что они считали бы сопротивленіе власти оружіемъ законнымъ, но только въ случаѣ еслибы народное собраніе провозгласило въ Германіи республику, а власти стали бы противодѣйствовать волѣ народа, принадлежало, какъ и самыя заявленія ихъ въ печати, къ области несуществующаго, къ области предположеній. Во всякомъ случаѣ, Бебель и Либкнехтъ уличены были собственно только въ злоупотребленіи печатнымъ словомъ, а ужъ никакъ не въ государственной измѣнѣ, такъ какъ они никакого заговора не составили. И вотъ двухлѣтнее заключеніе въ крѣпости за преступленіе въ области печати—это напоминаетъ рѣшенія французскихъ военныхъ судовъ, относительно Рошфора и др. А вѣдь саксонскій судъ не военный, и виновность, безъ причинъ для снисхожденія, признана была присяжными. Этотъ приговоръ никакъ не оправдываетъ мнѣніе нѣмцевъ о себѣ, что они неспособны увлекаться „ослѣпленіемъ партій“ и превращать судъ въ орудіе политической мести противъ меньшинства.

Патентомъ австрійскаго императора отъ 13-го марта вновь распущенъ чешскій сеймъ и назначены выборы, съ созваніемъ новаго сейма на 24-е апрѣля. Рейхсратъ отсрочилъ свои засѣданія до 7-го мая. Соглашеніе съ Галиціей такъ и осталось въ проектѣ.

Еслибы посредствомъ изготовленія новыхъ и возстановленія старыхъ карательныхъ мѣръ можно было упрочить въ странѣ какой-либо образъ правленія и внутреннее спокойствіе, то въ такомъ случаѣ можно бы признать, что во Франціи и административная, и судебная, и законодательная власти дѣлаютъ все возможное для обезпеченія благоустройства и упроченія республики. Прошелъ годъ со времени такъ-называемаго „коммуналистскаго“ возстанія; 18-е марта прошло безъ всякихъ демонстрацій и даже не обращая на себя особеннаго вниманія. Между тѣмъ, военные суды все еще продолжаютъ работать „съ усиленною скоростью“ для окончанія возложенной на нихъ „миссіи искупленія“. До половины марта ими произнесено болѣе 5,600 приговоровъ и выпущено на свободу до 21 тысячи человѣкъ, просидѣвшихъ по нѣскольку мѣсяцовъ въ тюрьмѣ, безъ вины. Но это только карательная ликвидація прошлаго, а на будущее время правительство и собраніе созидаютъ новыя карательныя орудія: законъ о „международномъ обществѣ“ и законъ о нападкахъ на власти,

такъ-называемый по имени министра внутреннихъ дѣлъ, законъ Виктора Лефрана.

Законъ налагающій кары за принадлежность къ „интернаціоналу“ благополучно прошелъ, не безъ того впрочемъ, чтобы подать поводъ къ бурнымъ преніямъ, заявленіямъ принциповъ, личнымъ счетамъ и т. д., и главное—не безъ значительной потери времени. Законъ этотъ былъ утвержденъ большинствомъ около двухъ третей, несмотря на представленныя и въ собраніи, и въ печати весьма дѣльныя противъ него возраженія. Положимъ, собраніе не убѣдилось рѣчью Луи-Блана по этому предмету, какъ бы умна и блестяща она ни была. Луи-Бланъ, хотя самъ и никогда не принадлежалъ къ международному обществу, и заявлялъ желаніе, чтобы оно не существовало, отрицая только возможность уничтожить его распространеніе карательною мѣрой, но счелъ, разумѣется, долгомъ разъяснять по этому поводу что такое соціалисты, — а въ жизни обществъ есть такіе моменты, когда достаточно произнесть извѣстное слово, чтобы уничтожить всю силу, весь смыслъ своего разсужденія, превративъ своихъ слушателей въ прокуроровъ, не желающихъ разсуждать ни о чемъ, кромѣ о способѣ обвиненія. Но въ собраніи были произнесены противъ этого закона и другія рѣчи, людьми болѣе сдержанными, чѣмъ Луи Бланъ; наконецъ, въ печати такіе умѣренные органы, какъ „Temps“ и даже „Journal des Débats“ доказывали то же самое, что еще недавно доказывалъ Кастеляръ въ испанскихъ кортесахъ: безполезность особаго закона для предупрежденія покушеній какой бы то ни было ассоціаціи противъ порядка и правъ общества, когда никакая ассоціація не можетъ придумать такихъ покушеній, которыя не были бы уже предусмотрѣны обыкновенными уголовными законами. Но большинство разсудило иначе, и большинство весьма значительное, такъ какъ въ пользу существенной статьи закона подано было 493 голоса противъ 106.

За то законъ объ обязательномъ обученіи даже еще не поступилъ на обсужденіе національнаго собранія. Коммиссія, разсматривавшая проектъ Жюля Симона, замѣнила его собственнымъ своимъ проектомъ. Разсмотрѣніе бюджета также подвинулось еще мало впередъ; на расходы военнаго министерства опредѣлено 440 милліоновъ. Но національное собраніе еще не окончило и разсмотрѣнія всего бюджета расходовъ. Что касается доходовъ, то если Тьеръ не будетъ по особенному упрямству настаивать на налогѣ на сырые матеріалы, то быть можетъ удастся на этотъ годъ и вовсе избѣгнуть придумыванія новыхъ налоговъ, такъ какъ для равновѣсія бюджета требуется 613 милліоновъ, а въ бюджетной коммиссіи оказалось, что налоги уже утвержденные дадутъ 500 милліоновъ, да налоги, относительно установленія которыхъ всѣ согласны, дадутъ милліоновъ до 30, и наконецъ отъ займа двухъ милліоновъ, еще остаются теперь 75 милл.

Пока не утвержденъ бюджетъ, правительство удовлетворяетъ текущіе расходы изъ предварительно разрѣшенныхъ собраніемъ къ расходованію 3/12 всей бюджетной суммы (trois douzièmes provisoires). По случаю праздниковъ, собраніе отсрочило свои засѣданія съ 30-го марта по 22-е апрѣля, избравъ наблюдательную коммиссію на это время.

Процессъ бывшаго префекта Жанвье-де-ла-Мотта обнаружилъ скандалёзныя злоупотребленія денежнаго хозяйства въ административной практикѣ, унаслѣдованной отъ второй имперіи. Посредствомъ системы такъ-называемыхъ virements, то-есть удовлетворенія однихъ расходовъ изъ кредитовъ назначенныхъ по другимъ смѣтнымъ статьямъ, и посредствомъ фиктивныхъ счетовъ, представляемыхъ для оправданія расхода, который смѣтою не предусмотрѣнъ, или котораго не хотятъ огласить, денежное хозяйство обращалось въ игру произвола, а отчетность въ маску, вмѣсто повѣрки. Само собою разумѣется, что при такихъ порядкахъ лучше всего было именно для такихъ администраторовъ, какъ г. Жанвье-де-ла-Моттъ, которые распоряжались казенными деньгами для удовлетворенія всѣхъ прихотей своего разврата, преспокойно объявляя себя должниками (reliquataires) взятыхъ ими на собственныя надобности суммъ. Присяжные оправдали подсудимаго, какъ говорятъ, потому, что въ составѣ присяжныхъ большинство составляли бонапартисты. Но нѣтъ сомнѣнія, что на присяжныхъ могла подѣйствовать и защита такихъ безцеремонныхъ пріемовъ денежнаго хозяйства, представленная на судѣ вызваннымъ, въ качествѣ свидѣтеля, министромъ финансовъ, самимъ г. Пуйе-Кертье, правой рукой Тьера. Этотъ бывшій министръ, на котораго также падаетъ подозрѣніе въ бонапартизмѣ, явился защитникомъ системы virements, такъ безсовѣстно эксплуатированной второю имперіею; такимъ образомъ оправданіе подсудимаго объясняется еще и тѣмъ, что онъ являлся только послѣдователемъ общей системы администраціи, а что́ касается его нравственности, то до нея присяжнымъ не было дѣло. Но утѣшительно то, что этотъ результатъ, то-есть оправданіе безцеремоннаго обращенія съ казенными деньгами, доходившаго до настоящаго расхищенія ихъ, вызвалъ такой единодушный взрывъ негодованія въ обществѣ, что министръ, защитившій чиновника передъ присяжными, не могъ защитить себя самого передъ судомъ общественнаго мнѣнія и долженъ былъ подать въ отставку. Его замѣнилъ въ управленіи министерствомъ финансовъ г. де-Гуляръ, который при Тьерѣ состоялъ кандидатомъ на всевозможныя должности, какъ-то посланника въ Римѣ, министра внутреннихъ дѣлъ и т. д. Другимъ практическимъ результатомъ этого процесса явился циркуляръ сенскаго префекта Сé къ подчиненнымъ ему начальникамъ департаментскаго управленія, которымъ система virements и comptes fictifs осуждается самымъ безусловнымъ и энергическимъ образомъ, и объявляется намѣреніе

строго преслѣдовать за всякую подобную фальсификацію счетовъ. Леонъ Сé справедливо замѣчаетъ, что составленіе фиктивнаго счета включаетъ въ себѣ два проступка: обманъ контроля надъ общественными деньгами и производство такого расхода, который не смѣютъ огласить, а „стало быть, который предосудительно и дѣлать".

Но съ устраненіемъ бывшаго министра финансовъ, котораго Тьеръ возлюбилъ собственно за протекціонизмъ, не устранилась протекціонистская политика президента республики. Какъ то слѣдовало предвидѣть, несмотря на оговорки, посредствомъ которыхъ Тьеръ выпросилъ у національнаго собранія полномочіе на объявленіе о прекращеніи торговаго договора 1860-го года съ Англіею, президентъ воспользовался этимъ полномочіемъ не въ крайнемъ случаѣ, а весьма скоро по полученіи его, и воспользовался имъ въ полной мѣрѣ. Онъ окончательно заявилъ англійскому правительству, 15-го марта, что Франція не намѣрена продолжать срока этого трактата, и такимъ образомъ дѣйствіе его прекратится съ 15-го марта будущаго года. Можетъ быть, что и въ дѣлѣ о налогѣ на сырые матеріалы, упрямый старикъ поставитъ-таки на своемъ. Національное собраніе, какъ извѣстно, постановило, вопреки желанію Тьера, что къ обсужденію этого налога слѣдуетъ обратиться только тогда, когда всѣ другіе налоги, которые были предложены съ разныхъ сторонъ взамѣнъ его, оказались бы неудобными. Теперь Тьеръ, своимъ сопротивленіемъ въ бюджетной коммиссіи всѣмъ инымъ формамъ налога, сдѣлалъ ихъ уже невозможными, и если потребуются новые налоги, то останется только прибѣгнуть къ излюбленному имъ налогу на сырые матеріалы, послѣдствіемъ котораго будетъ уменьшеніе размѣровъ фабричнаго производства и оставленіе выдѣлки продуктовъ сравнительно дешевыхъ.

Обширная литература „самозащиты", образовавшаяся во Франціи въ теченіи послѣдняго года изъ книгъ и брошюръ всѣхъ политическихъ и военныхъ дѣятелей, дополнилась недоставшимъ ей доселѣ объясненіемъ одного изъ главныхъ участниковъ плачевной комедіи, которою кончилось царствованіе Наполеона III-го, а именно герцога Граммона, который въ іюнѣ 1870-го года былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и далъ графу Бенедетти нелѣпыя предписанія, бывшія поводомъ къ войнѣ. Въ прошломъ мѣсяцѣ вышла книга герцога Граммона „La France et la Prusse avant la guerre", излагающая самооправданіе этого дипломата. Оправданіе его заключаетъ между прочимъ одинъ курьезный аргументъ: вину въ томъ, что война была сдѣлана неизбѣжною „неуступчивостью" французскаго правительства, герцогъ сваливаетъ — на Тьера. Тьеръ, говоритъ онъ, зналъ въ то время, до какой степени мы не были готовы къ войнѣ въ военномъ отношеніи; онъ это зналъ, и если бы онъ конфиденціально передалъ мнѣ тогда свои свѣдѣнія, то я бы принялъ менѣе рѣшительный тонъ.

„Хорошо было правительство“—замѣчаетъ по этому поводу „Temps“—„которому даже такой предметъ, какъ состояніе вооруженій, былъ менѣе извѣстенъ, чѣмъ оппозиціи“. Тьеръ не предварилъ г. де-Граммона, и стало быть виноватъ въ войнѣ. Вотъ однако находящійся въ книгѣ г. Граммона проектъ декларации, который былъ имъ переданъ чрезъ прусскаго посла фон-Вертера, какъ образецъ той формы отреченія отъ гогенцоллернскаго кандидатства, которою Франція готова была удовлетвориться: „дозволивъ принцу Леопольду гогенцоллернскому принять испанскую корону, король не думалъ этимъ нарушать (porter atteinte) интересовъ или достоинства французской націи; его величество присоединяется къ отреченію принца и выражаетъ желаніе, чтобы затѣмъ исчезла всякая причина къ несогласію (mésintelligence) между его правительствомъ и правительствомъ императора“. Ясно, что это было требованіе не только устраненія кандидатуры, но и извиненія за нее со стороны короля. Герцогъ Граммонъ увѣряетъ съ своей стороны, что Франція не была изолирована при императорскомъ правительствѣ и что стало быть изолированіе ея было создано именно революціею 4-го сентября; такимъ образомъ главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій Франціи является послѣ Тьера — Жюль Фавръ. Но извѣстно, что Ж. Фавръ, сдѣлавшись министромъ иностранныхъ дѣлъ, не нашелъ въ дѣлахъ министерства и слѣда тѣхъ пресловутыхъ „европейскихъ союзовъ“, которыми нынѣ похваляются бонапартисты. Герцогъ Граммонъ объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что онъ и его ближайшій преемникъ князь Латуръ д'Овернь скрыли отъ „бунтовщика“ Жюля Фавра секретную переписку. Должно быть напрасно берутъ на душу такой грѣхъ.

Дѣло объ „Элебемѣ“ продолжаетъ быть предметомъ „дружественной, но твердой“ корреспонденціи между правительствами президента Гранта и королевы Викторіи. Возраженіе американскаго министра Гамильтона Фиша, настаивавшее на требованіи о возмѣщеніи косвенныхъ убытковъ, не прервало переговоровъ, такъ какъ содержало въ себѣ намекъ на пользу дальнѣйшаго выясненія вопроса. Пользуясь этимъ, лордъ Гренвилль послалъ отвѣтъ, въ которомъ, какъ говорятъ, настаиваетъ со своей стороны, что вопросъ о косвенныхъ убыткахъ не подлежитъ рѣшенію третейскаго суда. На запросъ, сдѣланный въ верхней палатѣ о содержаніи этой депеши, лордъ Гренвилль отказался изложить его, но такъ какъ при этомъ онъ выразилъ убѣжденіе, что правительство нисколько не повредило интересамъ Англіи уашингтонскимъ трактатомъ, то англійскія газеты выводятъ отсюда заключеніе, что депеша лорда Гренвилля не содержитъ въ себѣ отреченія отъ этого трактата и что онъ будетъ служить и далѣе основаніемъ для переговоровъ, несмотря на то, что Америка своимъ требованіемъ

о возмѣщеніи косвенныхъ убытковъ зашла далѣе текста этого договора. Такая предполагаемая уступчивость лорда Гренвилля была принята англійской печатью безъ особеннаго удовольствія. За то вообще удовольствіе было вызвано на этотъ разъ бюджетомъ. Министръ финансовъ Робертъ Лоу, который прошлой весною своими предложеніями и однимъ крупнымъ промахомъ въ бюджетѣ едва не погубилъ министерство Гладстона, теперь, напротивъ, является надежнѣйшимъ столпомъ кабинета. По отчету за прошлый годъ оказывается, что издержано было на слишкомъ милліонъ фунтовъ менѣе, чѣмъ сколько было разрѣшено къ расходу парламентомъ. Новый бюджетъ уменьшаетъ расходы сравнительно съ прошлымъ на почти $1^1/_2$ милліона фунтовъ, и предвидитъ сравнительное возвышеніе доходовъ почти въ 400 тысячъ фунтовъ, такъ что вмѣстѣ съ неизрасходованными рессурсами прошлаго года и нынѣшнимъ уменьшеніемъ расходовъ это составляетъ излишекъ доходовъ передъ расходами въ нѣсколько болѣе $3^1/_2$ милл. фунтовъ. На часть этой суммы палата общинъ, по предложенію министра, понизила пошлины на кофе и цикорій и отмѣнила квартирный налогъ на торговыя помѣщенія, которыхъ наемная плата ниже 20 фунтовъ въ годъ.

Сэръ Чарльсъ Дилькъ перенесъ свою республиканскую агитацію въ самый парламентъ, въ томъ смыслѣ, что предложилъ потребовать отчета объ употребленіи денегъ, ассигнуемыхъ парламентомъ на содержаніе королевскаго двора, и при этомъ случаѣ произнесъ рѣчь, въ которой доказалъ какъ много при дворѣ состоитъ совершенно ненужныхъ званій, настоящихъ синекуръ, которыя даже нисколько не увеличиваютъ блеска двора. Союзникомъ сэра Чарльса Дилька явился депутатъ Оберонъ Гербертъ. Ихъ рѣчи вызвали давно уже невиданную въ палатѣ общинъ бурю, причемъ нѣкоторые члены, по старому обычаю, подражали крику разныхъ животныхъ. Не надо думать, что это было что-нибудь новое, „небывалый въ англійскомъ парламентѣ скандалъ“; напротивъ, это было нѣчто старое, весьма нерѣдко бывавшее еще лѣтъ 25 тому назадъ. Разумѣется, это глупый обычай, и аргументы Дилька и Герберта нисколько не опровергались тѣмъ, что при изложеніи ихъ кричали разные пѣтухи и даже четвероногія. Но англійскій парламентъ, несмотря и на такія глупости, все-таки есть самое серьезное и дѣльное собраніе въ мірѣ, какъ и англійскіе выборы составляютъ серьезное дѣло, несмотря на то, что кандидатъ иногда получаетъ въ лицо или грудь картофель, яйцо или иной „метательный снарядъ“, не имѣющій ничего общаго съ изобрѣтеніемъ Бертольда Шварца. Послѣ рѣчи Гладстона, который доказалъ, что содержаніе англійскихъ государей начиная съ послѣдняго Георга постоянно уменьшалось, вмѣсто того, чтобы увеличиваться, и составляетъ всего около 400 тысячъ фунтовъ, палата, какъ и слѣдовало

ожидать, отвергла предложеніе Дилька большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ голосовъ самихъ ораторовъ. Палата общинъ отсрочила свои засѣданія до 4-го апрѣля, а палата лордовъ до 9-го апрѣля.

Италія похоронила въ прошломъ мѣсяцѣ Мадзини. Этого замѣчательнаго человѣка нельзя назвать „великимъ гражданиномъ", потому что долгъ гражданина есть преклоняться предъ волею своего народа, а не протестовать противъ нея, ставя свой личный идеалъ выше народной воли. Но никто не можетъ оспорить у Мадзини значенія великаго патріота, такъ какъ онъ былъ именно главнымъ подвижникомъ, „иниціаторомъ" идеи освобожденія и единства Италіи. Мадзини родился въ Генуѣ въ 1808-мъ году; отецъ его былъ профессоръ медицины тамошняго университета; онъ готовилъ сына въ адвокаты и Мадзини получилъ степень доктора правъ, но вся его дѣятельность была отдана политикѣ. Въ „Вѣстникѣ Европы" была уже посвящена ему обширная статья, и потому мы не будемъ напоминать здѣсь о великихъ заслугахъ публициста, знаменитаго Indicatore genovese, отца „юной Италіи", главы римскаго тріумвирата, и о великихъ ошибкахъ агитатора въ Ломбардіи, въ 1848-мъ году. Мадзини умеръ въ Пизѣ 10-го марта и погребенъ въ Генуѣ, но Римъ также справилъ ему торжественные похороны. Бюстъ патріота на колесницѣ, запряженной четверкою бѣлыхъ коней, былъ свезенъ на Капитолій, въ сопровожденіи десятка тысячъ человѣкъ, и принятъ на Капитоліи римскимъ муниципалитетомъ. Всѣ окна на пути поѣзда были убраны черными знаменами, и по всему Корсо колесница двигалась подъ дождемъ цвѣтовъ, бросаемыхъ изъ оконъ.

Министерство Селла-Ланца-Висконти-Корренти одержало рѣшительную побѣду надъ оппозиціей. Дальнѣйшее существованіе его ставилось вопросомъ собственно потому, что часть правой стороны, недовольная закономъ о народномъ образованіи, внесеннымъ министромъ просвѣщенія Корренти, отдѣлилась отъ министерства, и при избраніи коммиссіи для обсужденія финансовыхъ проектовъ Селлы отказалась отъ участія въ этихъ выборахъ. Ослабленное отпаденіемъ нѣсколькихъ десятковъ членовъ, министерство могло понесть пораженіе, и тогда образовался бы кабинетъ Раттацци, который есть главный вождь оппозиціи. Но образованіе кабинета Раттацци, надо замѣтить, имѣло бы мало смысла, такъ какъ въ нынѣшнемъ министерствѣ находятся люди, которые бывали въ составѣ прежнихъ управленій Раттацци, какъ-то Селла и Корренти. Замѣнить нынѣшнее министерство новымъ кабинетомъ, съ Раттацци во главѣ, значило бы просто сдѣлать личную перемѣну, безъ особеннаго политическаго значенія. Вотъ почему въ критическую минуту большинство правой стороны возстановилось въ пользу кабинета и поддержало его.

Оппозиція возставала противъ министерства по двумъ побужденіямъ. Первое истекало изъ самой сущности финансовыхъ проектовъ г. Селлы, проектовъ, которыхъ основная мысль въ томъ, чтобы занять 700 милл. фр. для покрытія дефицитовъ будущаго пятилѣтія въ той увѣренности, что успѣхи производительности и торговли чрезъ пять лѣтъ такъ возвысятъ сумму косвенныхъ податей, что дефицита уже болѣе не будетъ. Какъ ни убѣдительны могутъ казаться представленныя итальянскимъ министромъ въ доказательство быстраго роста производительности и торговли Италіи цифры, нельзя не вспомнить, что уже лѣтъ восемь тому назадъ тотъ же министръ говорилъ почти то же самое для оправданія займа. Другое побужденіе, политическое, исходило изъ отношенія кабинета Висконти-Веноста, Ланцы и Селлы къ партіямъ. Кабинетъ этотъ держится уже два года — время довольно продолжительное для министерства въ Италіи. Образовался же онъ вначалѣ, благодаря лѣвой сторонѣ, которая въ декабрѣ 1869-го года ниспровергла консервативный кабинетъ генерала Менабреа. Между тѣмъ, нынѣшнее министерство, хотя такимъ образомъ исходитъ изъ побѣды лѣвой стороны надъ консерваторами, опирается на консерваторовъ, на правую сторону, поддерживается такими людьми, какъ Риказоли и Перуцци. Вотъ почему лѣвая сторона, въ лицѣ Раттацци и Макки, упрекала его въ послабленіи клерикаламъ, спрашивая, когда будетъ представленъ законъ о секуляризаціи имуществъ духовныхъ корпорацій въ Римѣ; въ лицѣ же Никотеры и Криспи, лѣвая сторона доказывала министерству необходимость тѣснѣе и рѣшительнѣе сблизиться съ Германіею противъ предполагаемыхъ нападеній изъ Франціи. Министерство сдѣлало изъ принятія финансовыхъ проектовъ вопросъ о существованіи кабинета, и проекты были утверждены большинствомъ 239 противъ 170—результатъ, который обѣщаетъ нынѣшнему кабинету еще нѣкоторую долговѣчность.

Между тѣмъ, французское правительство, наконецъ, аккредитовало своего посланника въ Римѣ г. Фурнье, а почти въ то же время, какъ онъ, пріѣхалъ принцъ Фридрихъ-Карлъ прусскій. Пріѣздъ принца, разумѣется, подалъ поводъ къ слухамъ о заключеніи между Германіею и Италіею союза, на случай покушенія Франціи возстановить свѣтскую власть папы. Нѣкоторое подтвержденіе такимъ слухамъ могло представиться въ томъ фактѣ, что князь Бисмаркъ разослалъ представителямъ Германіи за границею копіи съ извѣстнаго конфискованнаго письма клерикала Виндгорста, въ которомъ цѣлью клерикальныхъ петицій въ Германіи выставлялось именно сдѣлать невозможнымъ вмѣшательство германскаго имперскаго правительства въ защиту Италіи. Оффиціальная газета „Opinione“ отрицаетъ существованіе формальнаго договора между кабинетами берлинскимъ и римскимъ, но она все-таки

признаетъ существованіе „соглашенія“ противъ общаго ихъ врага — клерикализма.

Какъ бы то ни было, самый фактъ поѣздки принца Фридриха-Карла въ Италію можетъ служить опроверженіемъ другого слуха, пущеннаго недавно относительно прусской политики, а именно будто Бисмаркъ нисколько не оставилъ мысль о гогенцоллернской кандидатурѣ въ Испаніи, и намѣренъ, въ случаѣ новаго кризиса въ Испаніи, пустить это дѣло опять въ ходъ. Ясно, что еслибы таковы были виды германскаго правительства на скорое смѣщеніе короля Амедея, то прусскій принцъ не поѣхалъ бы къ отцу короля Испаніи, королю Виктору-Эммануилу. Викторъ-Эммануилъ, какъ говорятъ, послалъ своему сыну совѣтъ не уступать ни въ какомъ случаѣ. Дон-Амедей, говорятъ, уже рѣшился-было, въ случаѣ еслибы оппозиція одержала на выборахъ рѣшительную побѣду, и еслибы послѣдствіемъ того было революціонное движеніе, отречься отъ престола и оставить Испанію. Но теперь, подъ вліяніемъ совѣтовъ отца, перемѣнилъ рѣшеніе и намѣренъ вести борьбу до конца, и въ концѣ уступить только силѣ. Если все это вѣрно, то можно только пожалѣть, что король Викторъ-Эммануилъ не обратился съ совѣтомъ къ своему сыну нѣсколько ранѣе, и не убѣдилъ его остеречься министерства Сагасты, которое, распустивъ кортесы и употребивъ все свое вліяніе на достиженіе благопріятныхъ себѣ избраній, поставило корону на va banque. Если нынѣшніе выборы въ Испаніи могутъ повести къ кризису, то виною тому не что иное, какъ такой образъ дѣйствій министерства Сагасты: въ виду его, всѣ партіи, самыхъ различныхъ цвѣтовъ, все, однимъ словомъ, что не принадлежитъ къ одномышленникамъ министерства, составило самую рѣшительную коалицію противъ него. И вожди радикаловъ и демократовъ, Сориллья, Мартосъ, Риверо, и предводители республиканцевъ вступили въ формальный союзъ съ карлистами и клерикалами. Они составили общій всѣмъ оппозиціоннымъ партіямъ избирательный комитетъ, который распредѣлилъ число кандидатовъ по численному составу партій, такъ что въ общій списокъ входятъ и карлистъ Носедаль и республиканецъ Фигерасъ и самъ Сориллья. Министерство съ своей стороны впередъ трубитъ побѣду, предсказывая въ своихъ газетахъ, что всей коалиціи вмѣстѣ не удастся провести болѣе сотни кандидатовъ. Между тѣмъ, Сагаста продолжаетъ разсылать циркуляры провинціальнымъ управленіямъ, приглашая ихъ всѣми („законными“, конечно, нельзя же безъ этой оговорки) противустать „безнравственной коалиціи, которая граничитъ съ государственной измѣной“. Карлисты не скрываютъ своихъ цѣлей; избирательный призывъ, составленный Носедалемъ, прямо указываетъ „единственное спасеніе“ въ „законномъ королѣ Карлѣ VII“, то-есть въ воцареніи дон-Карлоса, но-

сящаго титулъ герцога мадридскаго. Призывъ заключаетъ такъ: „Карлисты, теперь—къ избирательнымъ урнамъ, потомъ — куда призоветъ насъ Богъ!“ Не сказано „къ оружію“, но выражено достаточно; надо впрочемъ замѣтить, что манифестъ этотъ не подписанъ, хотя происхожденіе его несомнѣнно.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24 (12) марта, 1872.

Борьба переходной эпохи въ Пруссіи.

О князѣ Бисмаркѣ у васъ говорятъ многіе, что онъ прежде всего дипломатъ и гораздо слабѣе во внутренней политикѣ,—во всякомъ случаѣ, далеко не Штейнъ. Въ этомъ есть своя доля правды; но позвольте мнѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, которыя полнѣе и точнѣе разовьютъ эту мысль. Конечно, мы живемъ здѣсь въ атмосферѣ восторженнаго поклоненія Бисмарку, которая чрезвычайно какъ располагаетъ къ пристрастію, даже самаго безпристрастнаго и хладнокровнаго публициста; но за то, другимъ націямъ, свободнымъ отъ этого вліянія, недостаетъ съ другой стороны непосредственнаго впечатлѣнія силы, которое Бисмаркъ производитъ на прусскій и на весь нѣмецкій народъ вообще. Такое вліяніе было бы невозможно, еслибы онъ не понималъ самыхъ затаенныхъ мыслей и склонностей этого народа,—его души, такъ сказать,—и не дѣйствовалъ сообразно этому. А нельзя не признать, что таково бываетъ свойство именно настоящаго государственнаго человѣка; между тѣмъ, характеристическою чертой дипломата служитъ то, что всякій дипломатъ смотритъ на вещи безъ симпатіи или антипатіи, и видитъ въ нихъ одно только средство для достиженія дипломатическихъ, а не общественныхъ цѣлей.

Конечно, на это можно возразить, что *успѣхъ*,—вотъ самая могущественная опора Бисмарка и причина его популярности. Прусскій народъ, также какъ и всякій другой, не остается нечувствительнымъ къ національному величію и славѣ, а Бисмаркъ, болѣе чѣмъ кто-либо изъ предшествовавшихъ ему государственныхъ людей Пруссіи, содѣйствовалъ тому и другому. Но одна слава никого не насыщаетъ, и когда народъ переживетъ такъ-называемую „славную“ эпоху, то онъ постоянно требуетъ новой пищи для утоленія своего голода, и заслуги, оказанныя какимъ-нибудь государственнымъ человѣкомъ или

полководцемъ, безъ новой пищи вскорѣ забываются. Между тѣмъ въ Пруссіи несомнѣнно царствуетъ самое мирное настроеніе, и какъ разъ въ то самое время, въ эпоху мирнаго настроенія, популярность Бисмарка, обязаннаго своимъ успѣхомъ все же войнѣ, достигла своего зенита.

У васъ говорятъ: Бисмаркъ—не *Штейнъ!* потому что Штейнъ вообще считается типомъ *внутренняго дѣятеля*. Это до нѣкоторой степени справедливо, но не надо забывать и того, что Штейнъ могъ развить свою дѣятельность при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ. Когда Пруссія пала, послѣ Іенскаго сраженія, то каждому было ясно, что такая катастрофа оказалась возможной лишь потому, что въ Пруссіи все внутри расшаталось, все сгнило. Старая прусская стойкость уступила мѣсто, въ особенности въ столицѣ, пустотѣ и жаждѣ наслажденій; самоотверженное рвеніе къ общему благу ослабѣло, прежняя честность администраціи смѣнилась испорченностью; свѣжесть и выносливость, которыя при Фридрихѣ Великомъ возвели Пруссію на высшую степень могущества и славы, для достиженія которыхъ у нея не хватало матеріальныхъ силъ, исчезли; администрація раскленлась, правительственная машина расшаталась, народъ, подавленный налогами, задерживаемый въ своемъ развитіи—въ деревняхъ крѣпостнымъ правомъ, въ городахъ цеховымъ устройствомъ, а вездѣ отсутствіемъ свободы школы и печати,—относился съ полнѣйшимъ равнодушіемъ ко всѣмъ національнымъ интересамъ. Помочь этому можно было лишь энергически устраняя причины зла, сдѣлавшіяся нестерпимыми, и расчищая мѣсто для новыхъ, лучшихъ порядковъ. Именно эта *расчистка*, это *разрушеніе* какъ разъ приходились по вкусу Штейну, соотвѣтствовали его безстрашію, его геркулесовской силѣ. Но Штейнъ, нельзя не сознаться, былъ аристократомъ до мозга костей; изъ аристократическаго самомнѣнія проистекала у него та гордая манера себя держать съ государями, которая такъ симпатична поверхностнымъ либераламъ. Еслибы Штейнъ дожилъ до 1848-го г., когда впервые проснулось демократическое движеніе въ Германіи,—онъ навѣрное держался бы крайней правой. Какъ извѣстно, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, онъ принималъ живое участіе въ попыткахъ вестфальскаго дворянства добыть конституцію, но подъ этимъ именемъ онъ подразумѣвалъ исключительно „сословныя“ учрежденія. Неоднократно приписывали это отношеніе вліянію старости, но уже нѣсколько лѣтъ раньше, вскорѣ послѣ окончанія войны за освобожденіе, онъ писалъ, напримѣръ, по поводу предложенія подать королю докладную записку [1]): „Въ докладной запискѣ слѣдуетъ опровергнуть зловредное мнѣніе, будто предметомъ переговоровъ на счетъ конституціи въ Пруссіи является

[1]) *Pertz, Leben Stein's. Band* V. S. 132.

созданіе совершенно новаго *общественнаго договора* (онъ подразумѣваетъ при этомъ *Contrat social* Руссо); изъ этого выходило бы, что на Пруссію слѣдуетъ смотрѣть какъ на колонію, въ которой до сихъ поръ не существовало ни правъ, ни обязанностей, какъ со стороны народа, такъ и со стороны правителя, гдѣ бы не возобновлялись явленія 1789-го г., по крайней мѣрѣ не повторялись бы въ Берлинѣ скучныя, дорого стоющія крючкотворныя, безполезныя хитросплетенія вюртембергцевъ (въ Вюртембергѣ съ 1815-го г. существовало дѣйствительно конституціонное правленіе). Королю безспорно принадлежитъ *законодательная власть*, онъ самъ опредѣляетъ ея границы, принимая во вниманіе формы историческія и испытанныя, по болѣе зрѣлому обсужденію въ настоящее время;—онъ оживляетъ и возстановитъ провинціальные штаты, усовершенствуетъ ихъ сообразно духу времени и объединитъ ихъ въ одно цѣлое согласно совѣтамъ тѣхъ, кого онъ призываетъ для совѣта — вотъ разумное желаніе прусскаго народа и истинная потребность прусскаго государства, въ виду своеобразнаго отношенія его къ иностраннымъ державамъ и его внутренняго состоянія. Непризванные, пустые писатели—„sans-culottes“, не должны направлять или путать наши великія національныя дѣла“.

Подъ именемъ писателей—„sans-culottes“, баронъ Штейнъ конечно подразумѣваетъ то, что́ мы теперь зовемъ прессой, а кромѣ того также и чиновниковъ. Гораздо больше пониманія тогдашняго положенія дѣлъ выказалъ Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, желавшій настоящаго представительнаго правленія. Дворяне (юнкера) желали пріобрѣсти лишь сословныя права, а потому безконечно обрадовались найдя въ Штейнѣ неоцѣненнаго союзника. Слова его, говоритъ Пирсонъ [1]), не остались также безъ вліянія на крон-принца (впослѣдствіи короля Фридриха-Вильгельма IV), который и безъ того питалъ великія симпатіи къ средневѣковымъ порядкамъ. Но съ другой стороны бюрократія (имѣвшая довольно многочисленныхъ представителей въ коммиссіи, созванной въ 1821-мъ г. для составленія конституціи) вовсе не желала,—разъ ей приходилось поступиться своей властью, или лучше сказать своимъ *всемогуществомъ* съ народомъ, — увеличивать права юнкеровъ на счетъ другихъ партій. Крон-принцъ колебался на чью сторону стать—приверженцевъ старинныхъ сословныхъ учрежденій, или—представительнаго правленія. Гумбольдтъ высказался рѣшительно противъ провинціальныхъ штатовъ, потому что они должны были, въ случаѣ дѣйствительной силы, разбить монархію на восемь частей, въ случаѣ безсилія являлись бы пустыми китайскими тѣнями. Но вліяніе аристократической партіи постоянно росло, въ особенности со

---

[1]) *Preussische Geschichte.* Berlin (1. Aufl.). 1871, S. 508. Второе изданіе этой превосходной книги вышло недавно.

времени смерти Гарденберга, послѣдовавшей въ 1822-мъ г., и 5-го іюня 1823-го г. изданъ былъ законъ, которымъ вводились *провинціальные штаты*, долженствовавшіе до 1848-го г. служить замѣной дѣйствительнаго, народнаго представительства. Бюрократія какъ была, такъ и осталась всемогущей въ государствѣ и возбуждала сильнѣйшее негодованіе въ Штейнѣ. Всѣ обвиненія, взводимыя за послѣдніе 50 лѣтъ на однихъ *чиновниковъ*, которые однако оказали нѣкоторыя заслуги государству, высказаны впервые Штейномъ, котораго во всякомъ случаѣ никто не превосходилъ въ этомъ отношеніи.

„Управленіе сосредоточивается, писалъ онъ однажды [1]), въ рукахъ чиновниковъ, получающихъ хорошее содержаніе, людей книжно образованныхъ или эмпириковъ, не имѣющихъ никакихъ интересовъ и никакой собственности. Такъ какъ они состоятъ на жалованьи, то стремятся лишь добиться или увеличить его; они или книжно образованные люди или эмпирики, т.-е. они или живутъ въ мірѣ буквъ, или руководятся эмпиризмомъ фактовъ; у нихъ нѣтъ интересовъ, потому что они не связаны ни съ единымъ классомъ гражданъ, образующимъ государство, они образуютъ обособленную касту, касту писцовъ; у нихъ *нѣтъ собственности*, поэтому всѣ имущественныя колебанія ихъ не касаются; пусть идетъ дождь, пускай свѣтитъ солнце, пускай подати ростутъ или уменьшаются, пускай старинныя права рушатся или процвѣтаютъ, пускай развитіе безсмысленныхъ теорій превращаетъ ремесленниковъ въ никуда негодныхъ кропальщиковъ, а крестьянъ въ нищихъ, пусть самымъ великимъ и уважаемымъ лицомъ будетъ *еврейскій баловень счастія!* — для нихъ все ни почемъ: они получатъ свое жалованье изъ государственнаго казначейства и пишутъ, пишутъ, пишутъ въ тиши канцелярій, съ плотно запертыми дверями, неизвѣстные, невѣдомые, непримѣтные, воспитываютъ изъ своихъ дѣтей такихъ же машинъ для письма и умираютъ неоплаканные“.

Нельзя быть болѣе несправедливымъ, въ особенности же къ прусскому чиновничеству, которое оказало такія заслуги прусскому государству своей честностью и умственнымъ развитіемъ. Я упомяну только о двухъ его заслугахъ: прусская бюрократія создала *таможенный союзъ* и довела до теперешняго движущагося состоянія дѣло народнаго образованія. Эти бюрократы были совсѣмъ особенной породой людей. Я зналъ одного изъ нихъ тому назадъ лѣтъ тридцать, онъ былъ директоромъ одного исправительнаго заведенія. Это былъ человѣкъ безпримѣрной строгости, но не только къ другимъ, а и къ самому себѣ. Однажды пріѣзжаетъ высшій чиновникъ для осмотра исправительнаго заведенія и находитъ, что было бы очень хорошо, если-либы заключеннымъ устроили небольшой выдвижной ящикъ въ ихъ

[1]) *Pertz*, V, 649.

табуретахъ, куда бы они могли складывать свои вещи. Директоръ нашелъ это нецѣлесообразнымъ, такъ какъ заключенные могли бы прятать тамъ запрещенные предметы. Инспекторъ обращается къ высшей инстанціи, эта послѣдняя опредѣляетъ сдѣлать ящики, директоръ отказывается; новое требованіе, новый энергическій отказъ. Я уже не помню теперь всѣхъ перипетій этой борьбы, но знаю, что она длилась около года, что директоръ чуть-чуть не былъ уволенъ въ отставку, но ящики *не* были введены. Конечно, не всѣ были такъ стойки, но почти всѣ отличались нѣкоторой независимостью духа, а льстецовъ и раболѣпныхъ людей гнали. Согласенъ, въ эпоху реакціи, послѣдовавшую вслѣдъ за революціей 1848-го г., этотъ независимый духъ былъ подавленъ, вслѣдствіе введенія дисциплинарнаго закона, на французскій образецъ, который лишилъ чиновниковъ большинства тѣхъ правъ, какими они до того пользовались. Это прегрѣшеніе консервативной партіи, въ связи съ плохимъ вознагражденіемъ чиновничьяго труда, даетъ теперь самые горькіе плоды, потому что всѣ самые способные чиновники толпами покидаютъ государственную и общинную службу и посвящаютъ себя промышленнымъ предпріятіямъ.

Римляне говорили: Quavis comparatio claudicat—всякое сравненіе прихрамываетъ, конечно, главнымъ образомъ въ грамматическомъ смыслѣ, но это выраженіе можно примѣнить ко всякому сравненію. По моему мнѣнію, самая разительная разница между Штейномъ и Бисмаркомъ заключается въ томъ, что Штейнъ выступилъ на арену общественной дѣятельности вполнѣ готовымъ, законченнымъ человѣкомъ, тогда какъ Бисмаркъ развивался на глазахъ у всей Пруссіи, у цѣлой Европы. Когда онъ выступилъ впервые на великую арену политической жизни, —причемъ я имѣю въ виду не его дипломатическія миссіи во Франкфуртѣ, Петербургѣ и Парижѣ, но его постъ министра-президента, — онъ преслѣдовалъ однѣ лишь крупныя внѣшнія политическія цѣли и такъ мало понималъ во внутренней политикѣ, что, по всей вѣроятности, не отступилъ бы передъ уничтоженіемъ конституціи, еслибы король не воспротивился этому и не помѣшали многія другія обстоятельства, до сихъ поръ еще не вполнѣ разъясненныя. Въ іюнѣ 1863-го года наступилъ критическій моментъ. Въ то время изданъ былъ такъ-называемый іюньскій законъ противъ прессы, которымъ она подчинялась французской системѣ предостереженій, и это отдавало ее въ руки административнаго начальства, на бѣду его самого и на бѣду общества, тогда какъ прежде она была подчинена лишь судебной власти. Этотъ законъ рѣшительно противорѣчилъ духу и смыслу конституціи, и долженствовалъ служить лишь первымъ шагомъ къ уничтоженію парламентаризма. Счастливая звѣзда Бисмарка и Пруссіи помѣшала идти дальше по этому пути, потому что уже осенью того же года Бисмаркъ увидѣлъ необходимость сдѣлать

воззваніе къ общественному мнѣнію, для противодѣйствія планамъ Австріи, выяснившимся на конгрессѣ государей во Франкфуртѣ. Это воззваніе осталось бы безъ всякаго вліянія, еслибы между правительствомъ и народомъ разверзлась бездна, вслѣдствіе устраненія свободы печати. Даже въ это время Бисмаркъ интересовался вопросами внутренней политики лишь по стольку, по скольку они касались конституціонныхъ правъ. Но въ его мнѣніяхъ совершился поворотъ, и какъ разъ ко времени основанія сѣверо-германскаго союза. Когда былъ обнародованъ проектъ конституціи этого союза, то онъ возбудилъ общее изумленіе, можно даже сказать, всеобщее разочарованіе. Онъ заключалъ относительно лишь малое число предметовъ, которые бы подлежали власти союза, и въ немъ замѣчалось полное отсутствіе обычной фразеологіи, отличающей подобнаго рода проекты.

Не знаю, было ли уже замѣчено тогда, что, подобно тому, какъ прусская конституція 1848-го г. была сколкомъ съ бельгійской конституціи, такъ составитель конституціи сѣверо-германскаго союза очевидно руководствовался конституціей Сѣверо-американскихъ Штатовъ. Подлинникъ послѣдней 1787-го г. [1]) гласилъ слѣдующее о цѣли союза: „Мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ, имѣя въ виду образовать совершеннѣйшій союзъ, установить незыблемо право и справедливость, обезпечить внутренній миръ, оградить общую безопасность, создать общее благосостояніе и обезпечить дары свободы за нашими потомками, рѣшаемъ и основываемъ слѣдующую конституцію для Соединенныхъ Штатовъ Америки.“ Конституція сѣверо-германскаго союза начинается слѣдующими словами: „Его величество.... (слѣдуютъ имена государей, заключающихъ союзъ) заключаютъ вѣчный союзъ для огражденія союзныхъ областей и правъ, дѣйствующихъ внутри ихъ, равно какъ и для обезпеченія благосостоянія нѣмецкаго народа“. Статья 8-я американской конституціи опредѣляетъ права и обязанности конгресса. Этому послѣднему „предоставляется право: 1) взимать и налагать таксы, подати, пошлины и налоги съ товара; уплачивать долги и заботиться объ общей безопасности и общемъ благосостояніи Соединенныхъ Штатовъ; но всѣ подати, пошлины и налоги на товары должны быть равномѣрны во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ. 2) Дѣлать займы въ кредитъ Соединенныхъ Штатовъ. 3) Регулировать торговлю съ чужеземными націями и между различными штатами, равно какъ и съ индѣйскими племенами. 4) Издавать равномѣрныя для всѣхъ Штатовъ правила, касательно натурализаціи гражданъ и равномѣрные законы касательно банкротства. 5) Чеканить монету и опредѣлять ея цѣнность, равно какъ и цѣнность иностранной монеты, и устанавливать вѣсъ и мѣру.

---

[1]) См. *Blankenburg: Die innern Kämpfe der nord-americanischen Union. Leipzig, 1863. Brockhaus. Seite 333.*

6) Издавать постановленія о карательныхъ мѣрахъ за поддѣлку государственныхъ бумагъ и монеты, находящихся въ обращеніи въ Соединенныхъ Штатахъ. 7) Учреждать почтамты и почтовые тракты. 8) Поощрять успѣхи наукъ и полезныхъ искусствъ, обезпечивая, на извѣстный, впрочемъ, срокъ, исключительное право собственности за авторами и изобрѣтателями на ихъ сочиненія и изобрѣтенія". (Слѣдующіе затѣмъ параграфы касаются военныхъ дѣлъ). Нельзя не признать также, что эта часть конституціи Соединенныхъ Штатовъ послужила образцомъ для подобныхъ же опредѣленій предметовъ, подлежащихъ вѣдомству сѣверо-германскаго союза, которое (по статьѣ 4-й конституціи) распространяется на: 1) свободу перехода съ мѣста на мѣсто, правила для натурализаціи и колонизаціи, права гражданства, паспортную систему и надзоръ за иностранцами, промышленность, включая сюда страхованіе; 2) изданіе законовъ о пошлинахъ и торговли, включая сюда налоги для надобностей союза; 3) установленіе государственной монеты и вѣсовой системы, вмѣстѣ съ постановленіемъ правилъ касательно выпуска гарантированныхъ и негарантированныхъ бумажныхъ денегъ; 4) общія правила касательно банковой системы; 6) охраненіе церковнаго имущества; 7) покровительство заграничной торговли; 8) желѣзныя дороги и сухопутные и водяные пути сообщенія; 9) рѣчное судоходство; 10) почтовое и телеграфное дѣло; 11) обезпеченіе приведенія въ исполненіе судебныхъ приговоровъ; 12) засвидѣтельствованіе публичныхъ документовъ; 13) общее законодательство касательно облигаціоннаго права, уголовнаго права, торговаго и вексельнаго права и судопроизводство; 14) войско союза и военный флотъ; 15) медицинскую и ветеринарную полицію.

Рённе [1]) справедливо говоритъ слѣдующее о конституціи германской имперіи (совершенно сходной съ конституціей сѣверо-германскаго союза, о которой я говорилъ выше, за исключеніемъ только того, что за вновь присоединенными государствами признаются самобытныя права): „Конституція германской имперіи не содержитъ въ себѣ никакихъ общихъ государственно-правныхъ принциповъ и въ основаніе ея не положено никакой стройной системы, но вся она состоитъ изъ собранія отдѣльныхъ опредѣленій, которыя частію вовсе не подлежатъ конституціи, а спеціальному законодательству. Она произошла изъ реальныхъ и практическихъ потребностей и въ ней не отведено мѣста для теоретическихъ понятій и отвлеченныхъ требованій науки государственнаго права. Тѣмъ не менѣе она обратила германскую имперію въ дѣйствительное *союзное государство*, между тѣмъ, какъ прежній германскій союзъ носилъ характеръ *государственнаго союза*. Консти-

[1]) *Das Verfassungsrecht des deutschen Reichs. Historisch dogmatisch dargestellt von Dr. L. v. Rönne. Leipzig 1872. Brockhaus. S. 33.*

туція новой германской имперіи даетъ имперіи дѣйствительную государственную силу и объединяетъ подвластный ей народъ, что́ и составляетъ существенную разницу между союзнымъ государствомъ и простымъ государственнымъ союзомъ. Въ сферу дѣятельности вновь учрежденной германской имперіи входитъ законодательная власть и опредѣленія ея законодательныхъ органовъ будутъ дѣйствительными законами, которые издаетъ имперія и которые имѣютъ то дѣйствіе, что подданные государствъ, входящихъ въ составъ имперіи, обязуются къ ихъ исполненію непосредственно черезъ публикацію ихъ, помимо посредничества отдѣльныхъ государствъ. Отсюда проистекаетъ непосредственное вліяніе имперской власти на государственную власть отдѣльныхъ государствъ. Населеніе имперіи, которое объединено политически посредствомъ *общаго союзнаго гражданства*, принимаетъ участіе,—какъ однородное государственное тѣло, черезъ общее, избранное изъ его среды народное представительство,—въ *законодательствѣ* и въ *государственномъ управленіи*, и имѣетъ также въ сношеніяхъ съ чужеземцами, какъ однородная, политическая держава, своего представителя въ лицѣ своего императора".

Творецъ подобной конституціи можетъ претендовать на достоинство талантливаго государственнаго человѣка. Конечно, въ конституцію не вошли — и это главнымъ образомъ ставится ей въ упрекъ — такъ-называемыя основныя права, предложенныя американскимъ конгрессомъ уже въ первомъ засѣданіи своемъ въ 1789-мъ году въ Нью-Іоркѣ и вошедшія въ законную силу съ 11-го декабря 1791-го года, постановленныя въ 1848-мъ году нѣмецкимъ національнымъ собраніемъ, раньше чѣмъ оно составило конституцію, и наконецъ вошедшія также въ составъ прусской конституціи. Но опытъ показалъ повсемѣстно, что декретированіе основныхъ правъ не имѣетъ никакой цѣны, когда государственная организація вообще, и въ частности организація суда, не обезпечиваетъ личной свободы. Во Франціи менѣе чѣмъ гдѣ-либо вошли въ силу *основныя права*, а уже во время французской революціи они были внесены, какъ извѣстно, въ конституцію 1791-го года подъ именемъ *человѣческихъ правъ*.

Первые годы существованія сѣверо-германскаго союза были посвящены, какъ вамъ извѣстно, преимущественно общественному законодательству, и въ этой области Германія является одной изъ прогрессивнѣйшихъ странъ: тутъ ее не превзошла ни Англія, ни Америка; она достигла крайнихъ предѣловъ *свободы*, и *соціализму* осталось только вводить ограниченіе и принужденіе вмѣсто свободы.

Графъ Бисмаркъ вступилъ теперь въ новый періодъ своей дѣятельности, предпринявъ упорную борьбу противъ *ультрамонтанства*. Я уже раньше неоднократно писалъ вамъ объ этой борьбѣ, но грандіозные раз-

мѣры приняла она лишь въ послѣднее время, и только теперь проникла въ сознаніе народа.

Еще недавно идеалистъ Шиллеръ, написавшій исторію Тридцатилѣтней религіозной войны (которая къ сожалѣнію совсѣмъ почти не читается, хотя содержитъ много прекраснаго), слишкомъ легко отнесся къ бѣдствіямъ войны и радовался ея космополитическому вліянію, впервые тѣсно сблизившему старыя европейскія государства: „Хотя непосредственное дѣйствіе Тридцатилѣтней войны, говоритъ онъ, было ужасно и пагубно, войны, которая изъ нѣдръ Богеміи доходила до устьевъ Шельды, съ береговъ По до береговъ Прибалтійскихъ странъ, губила жатвы, обращала въ пепелъ города и села; войны, въ которой пало много тысячъ борцовъ, которая загоравшіяся-было искры нѣмецкой культуры погасила на цѣлыхъ полстолѣтія (мракъ длился гораздо долѣе) и обратила къ первобытному варварству нравы, только-что было-начавшіе смягчаться. Но Европа вышла неподавленной и свободной изъ этой ужасающей войны, во время которой она впервые признала въ себѣ взаимно связанное другъ съ другомъ общество государствъ, и это участіе государствъ другъ къ другу, впервые проснувшееся собственно въ періодъ этой войны, было уже такимъ большимъ выигрышемъ, что можетъ примирить *всесвѣтнаго гражданина съ ея ужасами.*“ *Всесвѣтнаго гражданина*, можетъ быть! но благодаря своему идеализму и всесвѣтному гражданству Шиллеръ проглядѣлъ то, что теперь сдѣлалось понятно рѣшительно каждому, а именно, что нѣмецкая нація черезъ-чуръ дорого заплатила за такое торжество космополитизма. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время она не чувствуетъ ни малѣйшей склонности держаться политики смиренія, и вотъ главная причина, почему она выказываетъ такую горячую симпатію князю Бисмарку въ его борьбѣ противъ ультрамонтанства. Я говорилъ раньше, что у народовъ нѣтъ никакой памяти, но за то у нихъ есть вѣрный *инстинктъ*, и въ настоящую минуту онъ подсказываетъ нѣмецкому народу—откуда грозитъ опасность и гдѣ искать спасенія.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ теченіи немногихъ десятилѣтій, Римъ перешелъ изъ состоянія глубочайшаго паденія къ необычайному могуществу, несмотря на то, что въ этотъ же самый періодъ времени свѣтская власть папы все ослабѣвала и наконецъ рушилась. Даже самые поверхностные люди съ изумленіемъ останавливаются передъ этимъ явленіемъ: философія, чрезвычайное развитіе точныхъ наукъ, благодаря которымъ все болѣе и болѣе совлекается покрывало съ таинственныхъ явленій природы и жизни, которыя до того оставались скрытыми отъ самыхъ мудрыхъ, подобно завѣшанному истукану Саиса, воспѣтому Шиллеромъ въ извѣстномъ стихотвореніи, матеріальное направленіе нашего времени — ничто не могло помѣшать

мощному воскрешенію католической церкви. Но всего изумительнѣе протестантская церковь. Со времени реформаціи она утратила свою *силу протяженія*. Какъ нѣкогда западная Европа была раздѣлена между католическимъ и евангелическимъ вѣроисповѣданіями, такъ оно остается и до сей поры, послѣ того, какъ Австрія и Баварія огнемъ и мечомъ вернули часть утраченной ими почвы. Евангелическая церковь въ Германіи не переживала, со времени реформаціи, большихъ потрясеній, хотя порою въ ней происходило нѣкоторое движеніе. Такимъ образомъ, одно время господствовалъ *піэтизмъ*, затѣмъ *раціонализмъ*, который стремится примирить религію съ наукой, затѣмъ снова наступило обратное движеніе, стремившееся возстановить ученіе Лютера во всей его строгости, и приверженцы этого движенія, такъ-называемые старо-лютеране, особенно возставали противъ объединенія, произведеннаго Фридрихомъ-Вильгельмомъ III-мъ между двумя главными направленіями въ протестантской нѣмецкой церкви—реформистами и лютеранами; въ нѣдрахъ самаго союза необходилось безъ борьбы, но изъ нея происходило скорѣе новое дробленіе, а вовсе не та полная свобода, какая существуетъ въ Англіи и Америкѣ и о которой талантливый авторъ „*Paris en Amérique*“ *(Laboulaye)* набросалъ такую привлекательную картину въ главѣ: „*Voyage à la recherche d'une église.*“ Ясно, что въ религіи можетъ существовать только два направленія: или однородная сильная организація, или полная свобода. Промежуточныя степени безжизненны и безплодны. Въ образованныхъ классахъ давно уже выказывалось стремленіе оживить евангелическую церковь, возстановленіемъ гармоніи между вѣрой и знаніемъ; но хотя въ „протестантскомъ обществѣ“, откуда исходитъ это направленіе, и нѣтъ недостатка въ талантливыхъ богословахъ и высокообразованныхъ мірянахъ, но до сихъ поръ пропаганда его идетъ весьма туго. Огромное большинство или равнодушно къ религіи, или придерживается *догматовъ* церкви, которая не требуетъ критики разума, а только *вѣры*. Во время этихъ внутреннихъ препирательствъ крайняя правая сторона лютеранъ все болѣе и болѣе склонялась къ католической церкви, и въ этихъ кружкахъ не рѣдкость встрѣтить такъ-называемыхъ тайно-католиковъ. Въ книгѣ профессора Фридриха о ватиканскомъ соборѣ приводятся два-три письма, въ которыхъ лютеранскіе священники, изъ Саксонской провинціи, заявляютъ готовность пристать къ католической церкви, если Римъ сдѣлаетъ нѣкоторыя уступки, а именно, допуститъ бракъ для священниковъ и употребленіе чаши при причащеніи для мірянъ. Подлинность этихъ писемъ оспаривается, но для людей безпристрастныхъ она очевидна.

Сила римской церкви заключается въ ея удивительной, однородной организаціи. Главѣ церкви обезпечено полнѣйшее послушаніе со стороны безусловно преданнаго, вполнѣ подчиненнаго духовенства.

Помимо могущества *вѣры*, сознаніе своей связи съ могущественной ассоціаціей очень вліяетъ на многое множество людей. Кромѣ того, для многихъ слѣпое послушаніе кажется великимъ благодѣяніемъ, потому что освобождаетъ отъ всякихъ мучительныхъ сомнѣній. Сюда же присоединяется и то, что въ средѣ образованныхъ классовъ многіе усматриваютъ въ римской церкви единственный оплотъ противъ могущественнаго движенія, начавшагося въ наше время и угрожающаго всему существующему порядку. Можно сказать, что почти вся *легитимистская* партія, разсѣянная по всей Европѣ, безусловно предана римской церкви. Высшая аристократія во Франціи, Италіи, Бельгіи, Голландіи, въ Рейнскихъ провинціяхъ, въ Вестфаліи, Силезіи и Польшѣ безусловно предана папѣ и всячески поддерживаетъ могущественнѣйшее орудіе папства—іезуитскій орденъ. Большинство ея воспитывалось іезуитами и отдаетъ своихъ дѣтей имъ же на воспитаніе. Это образуетъ международную связь между приверженцами этой партіи, разсѣянными по всѣмъ странамъ, въ такомъ же точно родѣ, какая существуетъ между соціалистами-демократами. Подобно тому какъ послѣдніе соединяясь имѣютъ въ виду учрежденіе соціальной республики, которая и была бы учреждена, еслибы побѣда осталась за ними, такъ легитимно-клерикальная партія имѣетъ цѣлью возстановленіе верховной власти папы, которой должны будутъ подчиниться всѣ государи. Папство никогда не отказывалось отъ своихъ притязаній, и въ настоящее время заявляетъ ихъ громче, чѣмъ когда либо.

День, съ котораго будетъ вести свое лѣтосчисленіе эта новая эпоха, есть тотъ самый, въ который былъ признанъ догматъ непогрѣшимости на послѣднемъ ватиканскомъ соборѣ, 18-го іюля 1870-го года. Въ этотъ день была брошена перчатка всѣмъ свѣтскимъ правительствамъ, которую и поднялъ князь Бисмаркъ по возвращеніи изъ Франціи.

Приверженцы догмата непогрѣшимости утверждали, что рѣшеніе собора нисколько не измѣнило существовавшихъ до него отношеній между государствомъ и церковью, и вначалѣ прусское правительство было склонно смотрѣть на это дѣло, какъ на дѣло, касающееся только внутренней жизни католической церкви; но мало-по-малу выяснилась ошибочность такого взгляда. Знатоки государственнаго и церковнаго правъ привели доказательство, убѣждающее, что рѣшеніе собора должно имѣть самыя важныя послѣдствія для правительствъ. Профессоръ Шульте [1]), одинъ изъ наиболѣе выдающихся противниковъ непогрѣшимости, сопоставляя цѣлый рядъ папскихъ конституцій, говоритъ: „Доказано, что папы, по ихъ ученію, обладаютъ полной и неограниченной властью, надъ всѣмъ свѣтомъ: странами, народами, морями, государствами, императорами, королями и всѣми государями; они въ разно-

[1]) *Schulte, Die Nacht der römischen Päpste. Prag. 1871. 2 Aufl., S. 88.*

образнѣйшихъ случаяхъ подтверждали это на дѣлѣ; доказано, что папы, на основаніи ихъ ученія, могутъ смѣщать съ трона земныхъ владыкъ, освобождать народы отъ присяги въ вѣрности, дарить страны, съ народами на нихъ живущими, давать право вторженія въ страну, присвоенія людей, какъ невольниковъ; доказано далѣе, что папы, по ихъ ученію, въ правѣ объявлять недѣйствительнымъ законъ, несогласный съ интересами церкви и освобождать отъ исполненія его; доказано также, что папы, по ихъ ученію, пользуются правомъ смѣщать съ трона иновѣрческихъ государей, освобождать подданныхъ отъ присяги, непокорныхъ изъ нихъ уводить въ рабство; не менѣе доказано, что папы могутъ по своему усмотрѣнію располагать жизнью, имуществомъ и свободой еретиковъ и отлученныхъ ими отъ церкви; доказано наконецъ, что папы, по ихъ ученію, имѣютъ право приказывать христіанскимъ государямъ идти войной на царей, отлученныхъ ими отъ церкви, покорять государства, и за такія дѣла, угодныя Богу, сулится надежда на вѣчное блаженство. Но такъ какъ папами заявляется *съ каѳедры*, что они не превышали своей власти, что они никогда не отступали отъ своихъ уставовъ и конституцій, что ихъ конституціи основаны на божественномъ откровеніи, такъ какъ не было приговора, которымъ бы постановлялось изъятіе изъ-подъ власти папъ какой-нибудь стороны частной или общественной жизни, такъ какъ папскія конституціи и акты заключаютъ въ себѣ права, какъ государственныя, такъ и частныя, право располагать престоломъ, страной, людьми, законами, договорами государей, собственностью, свободой, жизнью подданныхъ, всѣмъ, какъ относительно католиковъ, такъ и не-католиковъ, честью, завѣщаніемъ, наслѣдствомъ, право дозволить завладѣть чужимъ имуществомъ, оскорблять, обманывать и т. д. и т. д.,—то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что только отъ желанія папы зависитъ пользоваться тѣмъ или другимъ правомъ, или нѣтъ. Такимъ образомъ, папы доказывали и словомъ и дѣломъ свое собственное положеніе, что они намѣстники всемогущаго Бога. Предѣлъ папскаго всемогущества заключается единственно въ *ихъ собственной силѣ*".

Весьма также замѣчательно сочиненіе, по этому вопросу, профессора Гиншіуса [1]), преподавателя церковнаго права въ кильскомъ университетѣ, призваннаго недавно въ палату господъ, въ которой съ особеннымъ тщаніемъ разбирается вопросъ о политическомъ значеніи догмата непогрѣшимости. *Гиншіусъ* основываетъ свои доказательства главнымъ образомъ на „*Syllabus*" и на послѣдовавшемъ за нимъ учрежденіи „*Quanta cura*", 8-го декабря 1864-го г. Въ этой буллѣ папа возвѣщаетъ: „Сознавая, среди столь великой превратности понятій,

[1]) *Hinschius. Die Stellung der deutschen Staatsregierungen gegenüber den Beschlüssen des vaticanischen Concils. Berlin. 1871.*

нашу апостольскую обязанность и неустанно заботясь о нашей святой религіи, здравомъ ученіи, спасеніи ввѣренныхъ намъ Богомъ душъ и благѣ людского общества, мы сочли нужнымъ снова возвысить нашъ апостольскій голосъ. А потому отвергаемъ, осуждаемъ и проклинаемъ въ силу нашей апостольской власти всѣ худыя мнѣнія и ученія и каждое изъ нижеприведенныхъ въ частности, и желаемъ и повелѣваемъ, чтобы всѣ сыны католической церкви считали ихъ отвергнутыми, осужденными и проклятыми". Я не намѣренъ приводить здѣсь всего текста *Syllabus*, такъ какъ онъ извѣстенъ, но желаю только указать на сужденіе о немъ Гинціуса, который, приведя множество мѣстъ изъ *Syllabus*, говоритъ: „Изъ этого выходитъ, что именно тѣ учрежденія, которыя въ наше время служатъ *краеугольнымъ камнемъ государственнаго права всѣхъ нѣмецкихъ странъ*, должны отвергаться вѣрующими католиками, въ силу папскаго непогрѣшимаго рѣшенія. *Syllabus* отвергаетъ признаваемую конституціями нѣмецкихъ странъ *свободу совѣсти, печати и слова*, онъ отвергаетъ требуемую всѣми современными государствами самостоятельность церкви и проистекающее изъ того право, подчинить церковь законамъ, оградить себя отъ ея посягательствъ и препятствовать злоупотребленіямъ духовной власти; въ особенности онъ отвергаетъ право государства отказываться отъ однажды заключенныхъ конкордатовъ, творить судъ и расправу въ дѣлахъ брака и монашескихъ орденовъ, предавать гражданскому и уголовному суду духовныхъ лицъ, и привлекать ихъ къ отправленію воинской повинности. Такимъ образомъ, осуждается цѣлый рядъ учрежденій, дѣйствующихъ въ нѣмецкихъ государствахъ. Что курія не стѣсняется приводить въ исполненіе положеній *Syllabus* и обладаетъ достаточнымъ мужествомъ и рѣшительностью для борьбы съ государствомъ, ясно видно изъ рѣчи къ кардиналамъ 22-го іюня 1868-го г., въ которой папа проклинаетъ австрійскую конституцію 21-го декабря 1867-го года и изданные на основаніи ея 25-го мая 1868-го года законы о бракѣ, школахъ и взаимныхъ отношеніяхъ религіозныхъ обществъ. Въ этой рѣчи папа говоритъ: „Для васъ ясно, почтенные братья, насколько достойны порицанія и проклятія тѣ отвратительные законы, которые издало австрійское правительство и которые возстаютъ противъ ученія католической церкви и ея уважаемыхъ правъ, ея авторитета, ея божественныхъ установленій, нашего апостольскаго прес ола, нашей вышеупомянутой конституціи (т. е. конкордату) и даже противъ божественнаго права. Ввѣренная намъ самимъ Христомъ забота о всѣхъ церквахъ призываетъ насъ возвысить нашъ апостольскій голосъ въ семъ многочисленномъ собраніи, чтобы ниспровергнуть и предать проклятію, въ силу нашей апостольской власти, упомянутые законы, и все то въ частности, что̀ постановлено, подготовляется или какимъ бы то ни было образомъ вводится относительно дѣлъ,

касающихся правъ церкви, и объявляемъ, въ силу той же власти, всѣ тѣ постановленія, со всѣми ихъ послѣдствіями, недѣйствительными и неимѣющими никакой силы ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ. Виновниковъ же, обзывающихъ себя католиками и не посовѣстившихся предлагать или составлять, или одобрять, или приводить въ исполненіе упомянутые законы,—предупреждаемъ и заклинаемъ, что они подлежатъ за это тѣмъ церковнымъ наказаніямъ, которыя опредѣлены въ апостольскихъ конституціяхъ и рѣшеніяхъ вселенскихъ соборовъ за нарушеніе правъ церкви".

Слѣдствіемъ этого проклятія было то, что папское управленіе не дозволило присягать австрійской конституціи безъ добавочной статьи, ограждающей права церкви; вмѣстѣ съ тѣмъ присяга безъ оговорки признана не связывающей совѣсть.

Въ вышеприведенной книгѣ, Шульте сообщаетъ много интереснаго относительно могущества духовенства. Въ 1865-мъ году, въ государствахъ, принадлежащихъ къ германскому союзу, насчитывалось до 461 монастыря съ 4,387-ю священнослужителями, а со всѣми принадлежащими къ монастырямъ лицами—7,482 человѣка мужского пола; затѣмъ до 1,146-и монастырей и институтовъ съ 12,080-ю лицами женскаго пола, всего 1,607 монастырей съ 19,562-ю лицами. Если присоединить къ этому числу около 35,000 лицъ бѣлаго духовенства, то армія, которою располагаетъ папскій престолъ въ Германіи, дойдетъ до 60,000 человѣкъ, безусловно ему преданныхъ, связанныхъ тысячами нитей какъ съ низшими, такъ и съ высшими классами общества, пользующихся каѳедрой, преподающихъ религію, и по настоящее время почти повсюду, гдѣ преобладаетъ католическое населеніе, завѣдывающихъ народными школами и располагающихъ такимъ образомъ единственнымъ средствомъ для массы получить образованіе; исповѣдниковъ, имѣющихъ безграничное вліяніе въ деревняхъ, гдѣ духовникъ всегда знаетъ каждаго изъ своихъ духовныхъ дѣтей, а также оказывающихъ не малое вліяніе на дѣла и въ большихъ городахъ. Въ іюлѣ 1870-го года ультрамонтанская партія баварской палаты едва не помѣшала Баваріи принять участіе въ войнѣ противъ Франціи, а годъ спустя этой партіи недоставало всего нѣсколькихъ голосовъ, для того, чтобы отвергнуть конституцію германской имперіи: опасность для государства, такимъ образомъ, вовсе не такъ ничтожна, какъ многіе полагаютъ.

Но что дѣлать государству? На этомъ пунктѣ мнѣнія весьма расходятся. Многіе полагаютъ, что правительствамъ слѣдуетъ поддерживать *старо*-католиковъ (такъ называютъ себя тѣ, кто не признаетъ догмата непогрѣшимости), предоставивъ имъ часть церковнаго имущества и деньги, которыя отпускались до сихъ поръ государствомъ католической церкви. Но старо-католики по настоящее время столь

малочисленны, что для правительства практически невозможно дѣйствовать чрезъ нихъ. Изо всего сонма католическихъ священниковъ Германіи до сихъ поръ только *18* примкнули къ этой оппозиціи; участіе въ ней мірянъ сравнительно не больше. Объ открытой силѣ или исключительныхъ правилахъ не можетъ быть и рѣчи, правительство желаетъ строго держаться почвы закона и доказало это, назначивъ министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ на мѣсто Мюлера, юриста, и столь превосходнаго юриста, какъ *Фалькъ*. Первымъ крупнымъ вопросомъ, который обсуждался послѣ назначенія его министромъ, былъ *законъ о надзорѣ надъ училищами*, но возбужденіе этого вопроса не можетъ быть приписано ему, такъ какъ въ министерствѣ было рѣшено внести этотъ законъ еще до него, и онъ былъ разработанъ Мюлеромъ. Но Фалькъ былъ вполнѣ съ нимъ согласенъ и такъ быстро изучилъ этотъ предметъ, что его рѣчь въ защиту закона сначала въ палатѣ депутатовъ, а затѣмъ въ палатѣ господъ, была въ полномъ смыслѣ блестяща. Прочтя законъ о надзорѣ надъ училищами, опубликованный немедленно послѣ того, какъ онъ прошелъ черезъ обѣ палаты, трудно сразу понять его чрезвычайное значеніе. Онъ содержитъ четыре параграфа, изъ которыхъ въ четвертомъ приведеніе закона въ дѣйствіе поручается министру просвѣщенія. Три остальные, содержащіе собственно текстъ закона, гласятъ:

§ 1. Надзоръ надъ всѣми казенными и частными училищами принадлежитъ государству, при чемъ отмѣняются всѣ противорѣчащія этому постановленія въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частяхъ страны. Согласно съ этимъ власти и чиновники, которымъ порученъ этотъ надзоръ, дѣйствуютъ на основаніи полномочія государства.

§ 2. Назначеніе мѣстныхъ и окружныхъ училищныхъ инспекторовъ и отведеніе имъ поприща для надзора, принадлежитъ одному государству. Данное государствомъ инспекторамъ народныхъ школъ полномочіе, если они отправляютъ эту обязанность какъ побочную или почетную, можетъ быть во всякое время отнято. Всѣ противорѣчащія постановленія отмѣняются.

§ 3. Этимъ закономъ оставляется неприкосновеннымъ допущенное участіе общинъ и ихъ органовъ въ надзорѣ надъ школами, а также статья 24-я учредительной грамоты отъ 31-го января 1850-го года.

Этотъ короткій законъ не только привелъ въ величайшее волненіе всю Пруссію, но обсужденіе его громко отозвалось даже во всей Германіи. Такой интересъ заключается не въ самомъ законѣ, хотя онъ конечно полезенъ и даже необходимъ, но въ томъ, что этимъ закономъ правительство открыло серьезную борьбу съ ультрамонтанами. Съ 1815-го года, когда радость по случаю окончанія длиннаго періода революцій и войнъ выразилась въ догматѣ солидарности съ консервативными интересами, и папа, вмѣстѣ съ католической церковью, считался представителемъ консервативныхъ интересовъ, римская церковь ревностно работала, желая сдѣлаться могущественнѣе государ-

ства въ Германіи. Уже въ 1817-мъ году курія провела конкордатъ въ Баваріи; затѣмъ послѣдовали конкордаты и соглашенія со всѣми нѣмецкими государствами, Австріей, Швейцаріей и наконецъ баденскій конкордатъ въ 1859-мъ году. Свобода совѣсти изъ году въ годъ все ревностнѣе подавлялась, пропасть между католиками и протестантами расширялась, молодежь какъ изъ духовенства, такъ и изъ мірянъ, получала образованіе въ строго-церковномъ направленіи, монашескіе ордена и монастыри размножались.

Это былъ, употребляя выраженіе Бисмарка, *походъ* противъ государства. Кризисъ наступилъ, когда въ первомъ нѣмецкомъ рейхстагѣ ультрамонтанская партія предстала въ такой силѣ, какой никогда еще не достигала, и отстаивала тотъ пунктъ въ отвѣтѣ на троннную рѣчь, который дѣлалъ политику невмѣшательства недѣйствительной, потому что имѣлъ скрытую цѣль сохранить возможность вмѣшательства въ пользу папы. Этимъ днемъ начинается борьба между Бисмаркомъ и ультрамонтанами, борьба, достигшая своего крайняго пункта въ той, если можно такъ выразиться, *дворцовой интригѣ*, которая на одно мгновеніе угрожала положенію Бисмарка. Здѣшняя публика имѣетъ, собственно говоря, мало склонности къ дипломатическимъ тонкостямъ, а потому—но частью также и потому, что газетамъ, само собой разумѣется, приходилось быть очень осторожными—эта весьма курьёзная исторія, въ ея подробностяхъ и въ ея совокупности, осталась совершенно неизвѣстной, хотя весьма многимъ связь эта извѣстна; ее могли усмотрѣть даже внимательные читатели газетъ. Вѣрно то, что законъ о надзорѣ надъ училищами порицался одной весьма высокопоставленной особой и обзывался напрямки „возмутительнымъ закономъ“, который не слѣдуетъ допускать. Нѣсколько дней спустя, такое мнѣніе было оффиціозно опровергнуто въ газетахъ (раньше другихъ въ Кёльнской газетѣ), и тѣмъ дѣло покончилось. Мнѣ кажется, что связь тутъ понять не трудно.

Но какъ бы ни была велика опасность для Бисмарка, онъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ и тѣмъ упрочилъ еще болѣе свое положеніе. Онъ уничтожилъ вліяніе клерикаловъ при дворѣ, разбилъ консервативную партію, вошелъ въ то же время въ полное соглашеніе съ кронпринцемъ и увеличилъ свою популярность. Но всѣ эти побѣды ни въ какомъ случаѣ не оканчиваютъ борьбы. Она, напротивъ, еще только въ началѣ и требуетъ большихъ усилій со стороны правительства, которому слѣдуетъ достигнуть кое-чего другого, нежели абсолютной независимости церкви отъ государства, предоставляющей только возможность ультрамонтанизму свободно распространяться, какъ то было въ Пруссіи съ 1848-го года и совершается понынѣ въ Бельгіи,—а для правительства невозможно настолько расширить надзоръ въ государствѣ, чтобы стѣснить католиковъ въ ихъ свободѣ. Опасность заклю-

чается въ томъ, что католики претендуютъ на независимость отъ государства и вмѣстѣ съ тѣмъ повинуются чужеземному владыкѣ, интересы котораго отнюдь не тожественны съ интересами правительства. Съ какой бы стороны мы ни разсматривали этотъ вопросъ, а источникъ всѣхъ затрудненій для правительства заключается не въ самой сущности католической вѣры, но въ вышеупомянутой зависимости католиковъ отъ Рима, зависимости, которую эксплуатируютъ іезуиты. Можетъ казаться, что примѣръ Америки опровергаетъ это, потому что католики пользуются тамъ полнѣйшей свободой и отъ этого не происходитъ того зла, какое существуетъ въ Европѣ. Но внимательные наблюдатели давно уже замѣтили, что тамъ католическая церковь только-что начала организоваться и что современемъ она проявитъ такую силу, о какой сѣверо-американцы и не подозрѣвали даже. Одна изъ самыхъ мѣткихъ характеристикъ дѣятельности и цѣли ультрамонтановъ сдѣлана баварскимъ министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ *Лютцомъ* въ длинной рѣчи, сказанной имъ 14-го октября прошлаго года и которую мало цитировали газеты, вслѣдствіе ея объема [1]). Онъ приводитъ въ этой рѣчи доказательства, что папская конституція 18-го іюля 1870-го года несомнѣнно преслѣдуетъ политическія цѣли и ссылается при этомъ на заявленія ультрамонтанскихъ органовъ, несомнѣнно подчиненныхъ римскому вліянію, какъ, напр., „*Genfer Correspondenz*“ (редактору котораго папа недавно высказалъ свое одобреніе въ папской грамотѣ), или основанная въ 1850-мъ году по желанію папы Пія IX „*Civiltá cattolica*“ и т. д. Можно только удивляться, съ какой наивностью эти органы требуютъ для папы главенства надъ государствомъ. Христіанскія основы, касательно отношеній церкви къ государству (такъ говоритъ *Civilta cattolica*), высказаны въ положеніяхъ святаго Ѳомы: „свѣтская власть подчинена духовной, подобно тому какъ тѣло подчинено душѣ, а потому когда духовное лицо вмѣшивается въ свѣтскія дѣла, то этого отнюдь нельзя считать узурпаціей. При этомъ слѣдуетъ различать три рода дѣлъ. Во-первыхъ — чисто духовныя, какъ, напр., божественная служба, проповѣдь: эти само собой разумѣется исключительно подчинены церковной власти. Во-вторыхъ — смѣшанныя дѣла, какъ, напр., погребеніе, бракъ; эти подчинены обѣимъ властямъ, но такимъ образомъ, что церковная власть беретъ перевѣсъ и прямо вмѣшивается въ дѣло, если требуется исправить

---

[1]) Эта рѣчь, подобно многимъ другимъ документамъ этого рода, спасена отъ окончательнаго забвенія тѣмъ, что внесена въ издаваемые Георгомъ Гиртомъ *Annalen des deutschen Reiches für Gesetzgebung, Verwaltung und Statistik* (Jahrgang 1871, Heft. I.). За ничтожную сумму 3-хъ талеровъ въ годъ, это изданіе даетъ отлично выбранный, драгоцѣнный матеріалъ по всѣмъ отраслямъ политической жизни, къ собиранію котораго привлечены замѣчательныя политическія силы.

или уничтожить какой-нибудь гражданскій законъ, идущій въ разрѣзъ съ божественными или церковными законами. Наконецъ, чисто свѣтскія дѣла, какъ напр.: военное дѣло, установленіе налоговъ, гражданскій судъ. Насколько эти послѣднія непосредственно зависятъ отъ государственной власти, настолько непосредственно могутъ они подходить подъ церковную юрисдикцію, а именно тогда, когда эти законы требуютъ чего-нибудь безнравственнаго или противнаго духовному благу народа. Въ такомъ случаѣ законы, издаваемые гражданской властью, должны исправляться или отмѣняться церковной властью. Такъ папы всегда и дѣйствовали до Пія IX включительно, который неоднократно отвергалъ и уничтожалъ различные законы, издаваемые европейскими парламентами. Къ церкви принадлежатъ какъ личности, такъ и націи. Между ними не должно существовать никакого различія. Тѣ обязанности, которыя лежатъ на личностяхъ, лежатъ также и на государствѣ, даже и тогда, когда правитель его иновѣрный. Отсюда ясенъ весь вредъ, проистекающій изъ того ужаснаго злоупотребленія и святотатственной узурпаціи, которая называется *Exequatur* или *Placetum regium*, въ силу котораго ни одно папское постановленіе не можетъ быть обнародовано безъ согласія свѣтской власти. (*Placetum regium*, какъ извѣстно, внесенъ почти во всѣ конкордаты). Пусть не говорятъ, что свѣтская власть можетъ хотя бы косвенно вмѣшиваться въ духовныя дѣла, когда изъ-за нихъ можетъ нарушиться гражданскій или политическій порядокъ. Не государству принадлежитъ косвенная власть надъ церковью, но церковь имѣетъ косвенную надъ государствомъ въ дѣлахъ чисто свѣтскихъ. Согласно этому, церковь можетъ отвергать или признавать недѣйствительными гражданскіе законы или приговоры гражданскихъ судовъ, когда эти послѣдніе идутъ въ разрѣзъ съ духовнымъ благомъ. Церковный трибуналъ выше трибунала гражданскаго и правило, установленное папой Бонифаціемъ VIII, гласитъ: когда земная власть выходитъ изъ предѣловъ повиновенія, она подпадаетъ суду духовному."

Вотъ что́ говоритъ „*Civilta cattolica*". Впрочемъ, слишкомъ хорошо извѣстно, что подобныя притязанія на господство надъ свѣтской властью всегда заявлялись со стороны папъ или по крайней мѣрѣ послѣдніе никогда отъ нихъ не отказывались. Но такъ какъ въ настоящую минуту папа не властенъ осуществить ихъ, то не сто́итъ ихъ и оспаривать. Борьба перенесена въ сферу практическихъ вопросовъ и уже вспыхнула на одномъ пунктѣ. Со времени раздора, проявившагося въ ея нѣдрахъ, католическая церковь, какъ извѣстно, пользуется имѣющимся у ней орудіемъ противъ непокорныхъ, а именно отлученіемъ отъ церкви съ такимъ рвеніемъ, какое напоминаетъ самыя мрачныя времена среднихъ вѣковъ. Хотя конечно послѣдствія этого отлученія не такъ страшны для ослушниковъ, какъ они были

въ средніе вѣка, однако навлекаютъ на нихъ много непріятностей, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они живутъ среди населенія, зараженнаго ханжествомъ. Такъ, напр., недавно въ Кёльнской газетѣ было напечатано, что одинъ изъ отлученныхъ доведенъ былъ преслѣдованіями до самоубійства. Касательно этого пункта у правительства имѣется отличное оружіе: *прусское земское право*, превосходная книга законовъ, достойная всякихъ похвалъ, несмотря на то, что реакціонные юристы, царившіе со временъ Савиньи на каѳедрахъ и въ судебныхъ палатахъ, изъ всѣхъ силъ старались уронить ее. Земское право признаетъ за церковными общинами право подвергать своихъ членовъ дисциплинарному наказанію, которое можетъ доходить и до исключенія изъ общины, но ограничиваетъ это право слѣдующими положеніями:

„Ни одинъ членъ не можетъ быть исключенъ изъ церковной общины только за то, что его *мнѣнія* нѣсколько отличаются отъ общепринятаго ученія....

„Въ тѣхъ случаяхъ, когда правильность исключенія оспаривается, рѣшеніе принадлежитъ *государству*....

„Если подобное исключеніе влечетъ за собой вредныя послѣдствія для гражданской чести исключаемаго, то исключеніе его можетъ состояться лишь *съ согласія государства*....“

Министръ народнаго просвѣщенія воспользовался этимъ послѣднимъ опредѣленіемъ, чтобы сдѣлать запросъ епископу Кременцу, который отлучилъ отъ церкви учителя Вольмана въ Браунсбергѣ, какимъ образомъ онъ думаетъ согласовать свое постановленіе съ закономъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ священникъ, по имени *Крушка* (имя его вслѣдствіе этого пріобрѣло нѣкотораго рода историческій интересъ), былъ уволенъ отъ званія школьнаго инспектора въ силу закона объ училищномъ надзорѣ. Съ другой стороны, высшій католическій оберъ-священникъ, епископъ Намчановскій, отрѣшилъ собственной властью одного священника старо-католика отъ его званія, съ согласія министровъ народнаго просвѣщенія и военнаго. Такимъ образомъ, мало-по-малу накопляются спорные пункты; но можно быть увѣреннымъ, что правительство не окажется ни малодушнымъ, ни трусливымъ. До сихъ поръ народъ (низшіе классы), за исключеніемъ быть можетъ одной части Познани и Верхней Силезіи, преданъ монархическому и династическому принципу, и ультрамонтанскому духовенству придется много поработать, прежде чѣмъ оно пошатнетъ этотъ принципъ. Эта опасность, грозящая въ будущемъ, должна руководить политикой прусскаго правительства.

Но съ принятіемъ закона объ училищномъ надзорѣ, который прошелъ въ палатѣ господъ 8-го марта большинствомъ 127 голосовъ противъ 76, не только кончился первый актъ или прологъ борьбы

съ ультрамонтанами, но и наступилъ весьма важный поворотъ во внутренней политикѣ: его можно опредѣлить немногими словами, сказавъ, что старая, консервативная партія, доселѣ царившая въ палатѣ господъ и противодѣйствовавшая всякому прогрессу, пала. Когда палата депутатовъ приняла законъ объ училищномъ надзорѣ (10-го февраля, при первомъ чтеніи большинствомъ 199 голосовъ противъ 171, и 16-го февраля, при вторичномъ чтеніи большинствомъ 207 противъ 155 голосовъ), тогда поднялись споры на счетъ того: будетъ ли принятъ или отвергнутъ законъ палатой господъ? Тѣ, которые думали, что палата господъ уступитъ, полагали, что въ рѣшительномъ засѣданіи будутъ отсутствовать нѣсколько членовъ правой, но что всѣ желающіе поддержать правительство будутъ присутствовать и что такимъ образомъ образуется большинство, которое одобритъ законъ. Но дѣло обошлось иначе. Роонъ и Мольтке назначены были правительствомъ въ члены палаты господъ, а города получили приглашеніе прислать туда поскорѣе своихъ представителей, обязанность, которою они пренебрегали много лѣтъ, потому что не считали нужнымъ посылать представителей въ это собраніе, не надѣясь сокрушить его реакціонный духъ. Восемь или десять городовъ поспѣшно избрали представителей (избирать ихъ слѣдовало изъ членовъ магистрата), и въ числѣ ихъ очутился *красный Беккеръ*. Не могу описать вамъ, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ выборъ и вступленіе „краснаго Беккера" въ палату господъ.

До послѣдняго времени демократъ считался врагомъ государства, противъ котораго позволительны всякія мѣры. „Красный Беккеръ" (его зовутъ такъ во-первыхъ, потому что у него рыжіе волосы, а во-вторыхъ, потому что въ молодости онъ принадлежалъ къ „красной" партіи) былъ въ 1849-мъ году референдаріемъ и былъ привлеченъ къ такъ-называемому Кёльнскому процессу противъ коммунистовъ, о которомъ было доказано, что большинство уликъ основывалось на ложныхъ доносахъ. Беккеръ былъ приговоренъ къ пятилѣтнему заключенію въ крѣпости и вычеркнутъ изъ списка референдаріевъ. По истеченіе срока его заточенія, онъ занимался въ одномъ торговомъ домѣ въ Дортмундѣ, съ цѣлью ознакомиться практически съ торговымъ дѣломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сотрудничалъ въ политическихъ и экономическихъ газетахъ. Въ 1862-мъ году избранъ онъ былъ въ палату депутатовъ, гдѣ оставался вѣренъ принципамъ прогрессивной партіи, но благодаря своимъ замѣчательнымъ познаніямъ по всѣмъ отраслямъ управленія, въ особенности же по почтовому и желѣзнодорожному дѣлу, заслужилъ уваженіе даже своихъ противниковъ. Въ 1867-мъ году онъ былъ выбранъ въ члены рейхстага, а въ концѣ 1870-го года въ бургомистры города Дортмунда. Но утвержденіе его въ этой должности заставило себя ждать довольно долго. Самъ Бис-

маркъ увѣдомилъ его объ этомъ и поздравилъ. За то утвержденіе его членомъ палаты господъ воспослѣдовало весьма быстро, и вотъ въ той священной обители, гдѣ нѣкогда царилъ *Сталь*, а демократъ считался чѣмъ-то въ родѣ паршивой собаки, „красный Беккеръ“ занялъ мѣсто, чтобы помочь провести законъ, предложенный правительствомъ (законъ о надзорѣ надъ училищами). Этотъ фактъ лучше всего доказываетъ переворотъ, совершившійся въ политическихъ отношеніяхъ и громадный прогрессъ въ политической жизни, который въ томъ именно и заключается, чтобы всѣ партіи, *дѣйствующія на законномъ основаніи*, признавались равноправными. Но случилось большее. Внезапно разнесся слухъ, что въ палатѣ господъ образовалась „новая фракція“, состоящая изъ всѣхъ членовъ, которые желаютъ поддерживать правительство противъ *старой консервативной партіи*. Болѣе оригинальной „фракціи“ еще не видывалъ міръ: она состояла между прочимъ изъ такихъ отчаянныхъ консерваторовъ, какъ графъ Ритбургъ, который въ эпоху реакціи всегда шелъ впереди всѣхъ, изъ графа *Альтанна*, испанскаго гранда (онъ сдѣлался членомъ палаты господъ вслѣдствіе того, что вступилъ по завѣщанію во владѣніе прусскимъ помѣстьемъ), изъ либераловъ новѣйшаго времени и двухъ-трехъ демократовъ, заблудившихся въ палатѣ (бургомистровъ Дортмунда и Эльбинга и представителя города Бранденбурга). Всѣхъ ихъ соединила воедино оппозиція противъ той древней феодальной партіи, которая называется по имени своего творца „фракціей Сталя“ и которая глубоко враждебна всему новѣйшему развитію и величію Пруссіи. Быть можетъ даже образованіе „новой фракціи“ (она насчитываетъ уже 79 членовъ) не обезпечило бы побѣды, но длинная рѣчь, произнесенная Бисмаркомъ 6-го марта произвела такое сильное впечатлѣніе, что съ этой минуты правительство не могло болѣе сомнѣваться, что старая консервативная партія разбита. Эти господа постоянно воображали, что они *сила*, потому что правительство употребляло палату господъ какъ орудіе для сопротивленія либеральнымъ требованіямъ палаты депутатовъ. Они воображали, что они настоящая опора трона и надѣялись справиться съ Бисмаркомъ, который вышелъ изъ ихъ среды.

Но, о горе! Этотъ неблагодарный Бисмаркъ совсѣмъ позабылъ о прежней дружбѣ и отнесся къ этимъ господамъ съ безграничнымъ презрѣніемъ, отнесся къ нимъ, какъ къ школьникамъ. Хотя описаніе этихъ сценъ было бы интересно даже и теперь, но я ограничусь сообщеніемъ ихъ результата: старая консервативная партія, царившая въ палатѣ господъ и въ теченіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ противодѣйствовавшая всякому прогрессу, больше не существуетъ, и какъ это всегда бываетъ, когда изъ нѣсколькихъ факторовъ, опредѣляющихъ извѣстное движеніе, одинъ сокращается, — развитіе всего дѣла при-

няло иное направленіе. Такимъ образомъ, пресловутая партія, „Крестовой газеты“ перестала существовать собственно какъ партія, разсѣянные члены ея утратили общую связь, существовавшую между ними.

Когда законъ о надзорѣ надъ училищами прошелъ, Бисмаркъ удалился съ арены политической жизни и взялъ отпускъ, чтобы отдохнуть въ своемъ лауенбургскомъ помѣстьѣ, между тѣмъ какъ палата депутатовъ приступила къ обсужденію закона объ *окружномъ управленіи*. Этотъ законъ, содержащій полтораста параграфовъ, былъ переданъ коммиссіи, состоявшей изъ членовъ всѣхъ партій палаты и которая составила предложенія въ такомъ духѣ, чтобы удовлетворить желаніямъ и требованіямъ либеральной партіи настолько, насколько можно было разсчитывать при этомъ на одобреніе правительства. Всѣ участвовавшіе, къ какой бы партіи они ни принадлежали, были преисполнены желанія создать что-нибудь раціональное, всѣ находили, что настоящее положеніе невыносимо, и къ тому же всѣ партіи соглашались, въ томъ числѣ и демократическая, что новое окружное управленіе является прогрессомъ. Если только справедливо, что политическій прогрессъ слагается изъ компромиссовъ, то это окружное управленіе можно уподобить блистательнѣйшему изъ прогрессовъ, которые когда-либо осуществлялись, потому что онъ весь состоитъ изъ компромиссовъ. Дебатты *in pleno* продолжались собственно 6 дней. Недѣлю тому назадъ, въ субботу начались общія пренія, а съ понедѣльника по четвергъ вечеромъ законъ составленъ, при помощи двухъ вечернихъ засѣданій; въ пятницу былъ день рожденія короля, и въ этотъ день не было засѣданія, а вчера при второмъ чтеніи законъ во всемъ его объемѣ былъ принятъ торжественнымъ большинствомъ 256 голосовъ противъ 61 (11 поляковъ воздержались отъ подачи голосовъ, потому что законъ не распространялся на великое герцогство Познань). Докладчикъ д-ръ Фриденталь очень хорошо изложилъ во время общихъ преній какъ мотивы коммиссіи, такъ и главнѣйшіе пункты законы. Что касается послѣдняго, то онъ сказалъ:

„Цѣли, которыя мы преслѣдуемъ и которыя служатъ основаніемъ сегодняшняго засѣданія, главнымъ образомъ близки либераламъ. Но теперешнее положеніе опирается на началахъ историческаго развитія, которое по существу консервативно. И вся задача заключается въ томъ, чтобы исходя изъ историко-консервативныхъ началъ преслѣдовать начала либерально-философскіе. Только этимъ путемъ возможно создать что-нибудь органическое. Примиреніе партій на новомъ трудѣ вызоветъ полную, богатую государственную жизнь. Но если одна партія тѣснитъ другую, то въ результатѣ является безплодіе, и создается положеніе, негодное для развитія. Что касается основъ закона, то они держатся на томъ, что принимаютъ *округъ* за центръ. Община съ самоуправленіемъ въ существѣ своемъ заражена партику-

ляризмомъ и враждебна государству. Государству же необходимо нужно блюсти свою власть, и отсюда происходитъ тотъ дуализмъ, который стѣсняетъ коммунальное городское самоуправленіе. Въ окружномъ управленіи сдѣлана попытка устранить этотъ дуализмъ: королевское и партикулярное управленіе перенесено въ округъ. Община для этого слишкомъ мала, и связь между отдѣльными общинами слишкомъ слаба, провинція слишкомъ велика, и перенесеніе самоуправленія на провинцію грозило бы постоянной опасностью для государства: по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія самостоятельности и обособленности провинцій неминуемо должны были образоваться въ концѣ концовъ государства въ государствѣ.“ Далѣе Фриденталь указываетъ на національное и общественное значеніе закона: „Общественные интересы (говоритъ онъ) консервативны. Соціалистическое движеніе еще не охватило сельскаго населенія, а потому оно не опасно. Но для того, чтобы задержать соціалистическое движеніе не можетъ быть лучшаго оплота, какъ организація общественныхъ группъ, которыя предписываетъ законъ. Онѣ будутъ живыми членами большого, сильнаго государственнаго тѣла, и солидарность интересовъ заставляетъ ихъ служить этому тѣлу. Общественные вопросы не терпятъ отсрочки, но и національные интересы требуютъ завершенія. Общая воинская повинность завершила Германію, теперь на ней лежитъ обязанность разрѣшить задачи, представляющіяся ей въ области культуры и соединить въ живомъ организмѣ свободу съ государственной дисциплиной “

Законъ*), какъ я уже сказалъ, принятъ вчера при вторичномъ чтеніи; министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ, что соглашается на измѣненія, сдѣланныя въ правительственномъ проектѣ, и теперь законъ пойдетъ въ палату господъ, которая конечно приметъ его. Между тѣмъ, палата депутатовъ разошлась на неопредѣленное время, а 8-го апрѣля собирается рейхстагъ, такъ что намъ предстоитъ наслаждаться парламентаризмомъ до іюня мѣсяца.

Парламентская дѣятельность почти поглощала все вниманіе публики, насколько оно не развлекалось борьбой противъ ультрамонтановъ. Внѣшняя политика какъ-бы замерла; ни слухи про нѣмецко-итальянскій союзъ, ни заявленія г. Тьера не смогли возбудить общество. Въ берлинскихъ кружкахъ болѣзнь императора возбуждала большое участіе и находились дальнозоркіе политики, которые вдавались въ соображенія о томъ, что́ насъ ожидаетъ послѣ кончины императора. Въ монархическихъ государствахъ съ перемѣной правителя связывается всегда столько ожиданій, и прусская исторія повѣствуетъ по этому поводу самыя удивительныя вещи.

---

*) Самое содержаніе закона читатели найдутъ выше, въ нашемъ Иностранномъ Обозрѣніи. — *Ред.*

Въ Лейпцигѣ процессъ соціалистовъ, длившійся двѣ недѣли, подходитъ къ концу. Хотя большинство нѣмецкихъ газетъ наполняетъ свои страницы отчетами объ этомъ процессѣ, но мало кто внимательно слѣдитъ за нимъ, хотя онъ и не лишенъ интереса. Трое подсудимыхъ (Бебель, Либкнехтъ и Геппнеръ — первый до сихъ поръ еще членъ рейхстага, второй былъ имъ) обвиняются въ государственной измѣнѣ, хотя въ доказательство тому нельзя привести ни одного факта. Все обвиненіе основано только на ихъ образѣ дѣйствій, связи съ лондонскимъ интернаціоналомъ, на публицистической дѣятельности, публичныхъ рѣчахъ и проч. Весь ходъ судебныхъ преній можетъ быть переданъ въ двухъ словахъ. Подсудимые сознаются, что они желаютъ соціально-демократической, красной республики, но утверждаютъ, что не желаютъ установить ее посредствомъ насилія, но законнымъ путемъ, или точнѣе говоря: все, что́ они ни дѣлаютъ для подготовленія этой революціи, которая неизбѣжна, по ихъ мнѣнію, не выходитъ изъ предѣловъ законности.

Биржевая игра и спекуляціи идутъ своимъ чередомъ и съ прежнимъ жаромъ. Отъ нихъ не отстаютъ празднества и увеселенія. Самымъ блистательнымъ изъ здѣшнихъ празднествъ былъ „Гербовый Праздникъ“ (Wappen-Fest), устроенный высшей аристократіей въ Шонежѣ, гдѣ передъ глазами зрителей проходилъ рядъ картинъ изъ прусской исторіи. Одинъ изъ участвующихъ, принцъ фонъ-Ратиборъ, имѣлъ несчастіе при этомъ получить такую опасную рану, что выздоровленіе его подлежитъ сомнѣнію.

Въ литературѣ царствуетъ затишье. Ауэрбахъ трудится надъ новымъ романомъ; Поль Гейзе собирается печатать романъ въ Шпенеровой газетѣ“, которая недавно перешла во владѣніе одного общества на акціяхъ и скоро превратится въ большую газету, какой въ сихъ поръ недостаетъ Берлину, хотя число ежедневныхъ изданій доходитъ до 20-ти, и изъ нихъ нѣкоторыя приносятъ значительный доходъ. Такъ, за „Vossische Zeitung“ предлагали 2 милліона талеровъ, но безуспѣшно!

Какая судьба ждетъ у насъ жильцовъ, у которыхъ въ непродолжительномъ времени истекаютъ сроки контрактовъ—вотъ загадка, интересная, но не разрѣшимая. Одно несомнѣнно: кто-нибудь да долженъ потерпѣть, или владѣльцы домовъ, взимающіе такія громадныя цѣны за дома, или наниматели. Я полагаю, что потерпятъ послѣдніе, потому что имущему всегда дается, а у неимущаго иногда отнимается и то, что́ онъ имѣетъ, вѣроятно, по вашей пословицѣ: „деньги любятъ деньги“!

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

Женское образованіе въ Италіи.

10 марта, 1872.

Женское образованіе вездѣ считается однимъ изъ самыхъ важныхъ элементовъ цивилизаціи. Но если дѣло идетъ объ Италіи, объ образованіи итальянскихъ женщинъ и ихъ умственномъ развитіи, то при этомъ не слѣдуетъ забывать, что на женщину въ Италіи имѣли исключительное и вмѣстѣ пагубное вліяніе римскія традиціи, не заглохшія среди насъ и до настоящей минуты, и что католицизмъ, обращая женщину въ мадонну семейнаго очага, болѣе унизилъ ее, чѣмъ возвысилъ. Нѣтъ ничего глупѣе идола, а мы именно превращаемъ нашу женщину въ идола, поклоняемся ей съ цѣлью подчинить ее нашей волѣ и забрать въ руки. Вчерашняя тиранка становится сегодня нашей рабой. Мы сдѣлали изъ женщины богиню, не желая уважать въ ней женщину. Вслѣдствіе этого, мы держали ее въ невѣдѣніи, чтобы легче управлять ею, устраняли отъ нее знаніе и не давали развиваться ея силамъ и способностямъ, преувеличивая поклоненіе ея красотѣ, хотя конечно знали, что сама по себѣ красота безсильна противъ продолжительнаго и разнообразнаго деспотизма мужчины. Поэтому итальянская женщина неотвѣтственна за печальное состояніе, въ какомъ находится ея образованіе: до сихъ поръ въ семьяхъ преобладали обычаи древняго римскаго общества, окрашенные феодальнымъ романтизмомъ. Въ настоящее время древніе предразсудки начинаютъ мало-по-малу сглаживаться и замѣчаются попытки возстановить нравственное достоинство итальянской женщины; но по большей части попытки эти лишены связи, цѣльности, общаго характера; онѣ отнюдь не результатъ общественнаго сознанія о необходимости отвести цѣлой половинѣ нашего населенія ту роль, какая ей приличествуетъ въ общественной дѣятельности. Отсюда происходитъ то, что дѣло это отмѣчено не столько успѣхомъ, сколько скандаломъ, какъ это бываетъ со всякимъ неподготовленнымъ, незрѣлымъ нововведеніемъ. Форма принимается за содержаніе, люди вдаются въ крайности, пренебрегая промежуточными ступенями, которыя должны естественно привести женщину къ искупленію.

Отсюда же происходитъ и то, что мы постоянно толчемся на одномъ мѣстѣ и никакъ не можемъ выдти изъ того скучнаго періода, переживаемаго всякимъ вопросомъ, когда самый вопросъ еще оспоривается.

Оба крайнихъ лагеря съ одинаковой нетерпимостью препираются о томъ, что́ лучше: освободить женщину или держать ее въ рабствѣ? Противники, вмѣсто всякихъ аргументовъ, прибѣгаютъ къ очень простому средству: раздуваютъ и искажаютъ слова оппонента и поднимаютъ его на смѣхъ. Одни говорятъ: но вѣдь мы вовсе не желаемъ, чтобы женщина была рабой, это вы клевещете на насъ; мы только не хотимъ, чтобы она отказалась отъ всякой нравственности, какъ вамъ того желательно. Другіе отвѣчаютъ: мы не думаемъ, чтобы освободить женщину отъ рабства, въ которомъ вы ее держите, значило сдѣлать ее безнравственной. Такимъ образомъ, и тѣ и другіе забавляются тѣмъ, что усиливаются *enfoncer des portes ouvertes*. Еще не такъ давно, въ прошломъ мѣсяцѣ, подобный вопросъ былъ поднятъ въ Венеціи. Синьора Мальвина Франкъ, венеціанская эмансипаторша, читала публичную лекцію въ такъ-называемомъ Атенеѣ, въ которой утверждала, что у женщины отнята всякая свобода, что всѣ ея права попраны, что мужчина притѣсняетъ ее самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Вслѣдъ затѣмъ профессоръ Бартоломео Чеккетти возражалъ на лекціи, прочитанной имъ, что эмансипированная женщина легко становится безнравственной, дурной женой, дурной матерью, но при этомъ не отрицалъ у женщинъ способностей къ изящнымъ искусствамъ. Одна рѣчь стоила другой; въ нихъ повторялись въ тысячный разъ всѣ тѣ же мнѣнія и доводы, которыя всегда оставляютъ читателей или слушателей при ихъ собственномъ мнѣніи. Но такъ какъ синьорѣ Мальвинѣ Франкъ заблагоразсудилось отыскать въ рѣчи профессора Чеккетти личные намеки, то обѣ лекціи возбудили много шума и много сплетень. Обличительницею этихъ сплетень взялась быть одна нѣмецкая путешественница, находившаяся въ это время въ Венеціи, *Fräulein* Амелія Бёльте; въ настоящую минуту она находится проѣздомъ во Флоренціи. Бёльте старая писательница, путешествующая съ цѣлью описывать свои впечатлѣнія и собирать по пути всѣ сплетни, какія услышитъ.

Къ несчастію однѣхъ рѣчей недостаточно, чтобы подвинуть женскій вопросъ въ Италіи, какъ это воображаютъ многіе, занимающіеся этимъ вопросомъ. Чуть не ежедневно появляется у насъ какой-нибудь новый журнальчикъ, который, по его словамъ, намѣренъ содѣйствовать женскому образованію. Но бо́льшею частію эти изданія до того плохи и слабы, что не переживаютъ недѣли. Только два изъ нихъ влачатъ свое существованіе; одинъ въ Туринѣ (*Il Passatempo, giornale delle Donne*), издаваемый подъ отдаленнымъ и почти неосязаемымъ покровительствомъ наслѣдной принцессы Маргариты, нѣкіимъ синьоромъ Веспуччи, писателемъ нелишеннымъ изящества и желающимъ научить женщинъ, какимъ образомъ сохранить душу, красоту, грацію, добродѣтель, вмѣстѣ съ уваженіемъ и вѣрностью мужей, почтеніемъ сыновей, благословеніями монаховъ и монахинь, словомъ, доставить имъ то, что называется

безвреднымъ, здоровымъ чтеніемъ. Другой журналъ издается въ Венеціи весьма молодой дѣвушкой (*La Donna*), Аделаидой-Гуальбертой Беккари. Бѣдная вбила себѣ въ голову, что у ней есть свое призваніе въ мірѣ; не давая себѣ труда научиться правильно читать и писать, она основала журналъ съ цѣлью освободить женщину. Отъ чего собственно она желаетъ ее освободить—сказать трудно. Во всякомъ случаѣ не отъ невѣжества и самонадѣянности, потому что сама съ избыткомъ отличается этими качествами, но нимало ими не тяготится. Она врагъ всѣхъ, кто противится женской эмансипаціи и нападаетъ на нихъ съ храбростью, которая изумительна, принимая во вниманіе тщедушность ея особы. У меня передъ глазами ея портретъ, помѣщенный во главѣ одного сборника женскихъ статей, напечатанномъ въ Мессинѣ съ благотворительною цѣлью. Волосы у нея въ граціозныхъ завиткахъ, а рука подпираетъ красивое и печальное личико. Бѣдная больна и конечно заслуживаетъ участія, но благодаря этому самому внушаетъ сожалѣніе, что взяла на себя трудъ бороться съ міромъ, котораго въ сущности не знаетъ, и проповѣдывать ему много старыхъ, престарыхъ вещей.

Конечно, это печальное заблужденіе, но виноваты больше тѣ, кто поддерживаетъ въ ней фантазію, будто она призвана проповѣдывать новое ученіе толпѣ. Но вы можете получить понятіе объ умственномъ развитіи нашей грозной эмансипаторши по тѣмъ безсвязнымъ сентенціямъ, которыя я привожу ниже и которыя почерпнулъ въ вышеупомянутомъ сборникѣ статей; въ этихъ сентенціяхъ выказывается квинтъ-эссенція тонкости и оригинальности ея взглядовъ. Вотъ какъ выражается синьорина Беккари: „Принесеніе нами въ жертву насъ самихъ не есть заслуга ни передъ Богомъ, ни передъ людьми. Эгоизмъ—ужасная язва, губящая душу; отдадимся правому, святому, полезному принципу... (три точки поставлены не мною); пусть наша жизнь искупитъ другую жизнь, посвятимъ наши дни общественному благу и тогда мы послужимъ Богу, послужимъ дѣлу человѣчества“.

Какъ видите наши эмансипаторши особеннаго рода; но еслибы я спросилъ, сколько страницъ можно одолѣть изъ книги, написанной въ духѣ вышеприведенныхъ безсвязныхъ афоризмовъ синьорины Беккари, то увѣренъ, что всякій засмѣется, полагая, что я шучу. А между тѣмъ я нисколько не шучу, утверждая, что наши женщины не умѣютъ иначе выражаться. Тѣ, которыя не говорятъ вамъ объ обязанностяхъ женщины, какъ матери, супруги и дочери, толкуютъ объ ея обязанностяхъ къ обществу, человѣчеству и прогрессу. Каждая женщина въ Италіи, которая пишетъ, исполняетъ миссію, а эта миссія состоитъ въ просвѣщеніи, въ поученіи своихъ невѣжественныхъ подругъ, но ни одна изъ нихъ (я говорю про женщинъ-писательницъ, потому что наоборотъ изъ женщинъ не-писательницъ попадаются исключенія) сама не получила образованія, которое шло бы далѣе кое-какихъ самыхъ

элементарныхъ познаній, чтенія нѣсколькихъ романовъ, сборниковъ съ стихами или трактатовъ о нравственности и воспитаніи. Изученіе иностранныхъ языковъ кажется имъ ненужной роскошью. Много-много если онѣ дадутъ себѣ трудъ научиться немного по-французски, настолько, чтобы быть въ состояніи вставить въ разговорѣ какое-нибудь bon-mot, кажущееся совсѣмъ глупымъ отъ частаго повторенія. Иныя прочитали учебникъ ботаники и умѣютъ отличить въ цвѣткѣ лепестокъ отъ пестика. Самыя же ученыя отличаютъ односѣмянодольное растеніе отъ безсѣмянодольнаго. Но попросите ихъ назвать вамъ цвѣтокъ, выходящій изъ ряду обыкновенныхъ, или какую-нибудь полевую травку, разсказать о процессахъ растительной жизни или изложить географію флоры, и онѣ станутъ въ тупикъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ писать, печатать и подписывать полнымъ именемъ ботаническія статьи въ журналахъ, гдѣ онѣ состоятъ славными, ученными и знаменитыми сотрудницами: наши писатели, равно какъ и писательницы, не обинуясь величаютъ себя громкими титулами. Скромность не позволяетъ нашимъ дѣвушкамъ знать о различіи половъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не выйдутъ замужъ; si des cas facheux arrivent, и въ этомъ виновата ихъ невинность, а не невѣжество. Просвѣтившись сами, онѣ берутся преподавать своимъ непросвѣщеннымъ подругамъ зоологію; но невинность, а не невѣжество причиной, если онѣ путаютъ полы животныхъ, попадающихся имъ на глаза, хотя это не мѣшаетъ имъ какъ-бы щеголять тѣмъ, что они настолько учены, что могутъ толковать о животныхъ-гермафродитахъ и своей наивной эрудиціей и болтливостью заставлятъ краснѣть своихъ почтенныхъ папашъ. Наши дѣвицы, вышедшія изъ учебныхъ заведеній и наши учительницы съумѣютъ вамъ сказать, что Петербургъ стоитъ на Невѣ, а въ Мадритѣ, согласно переписи 1860-го г., 298,426 жителей; но можетъ случиться, что онѣ же спросятъ васъ потомъ, въ припадкѣ ученой любознательности: возможно ли проѣхать въ Петербургъ сухимъ путемъ и говорятъ ли въ Мадритѣ по-португальски, даромъ что отлично знаютъ названія столицъ въ Испаніи, въ Португаліи, въ Перу, въ цѣломъ мірѣ. Элементарное воспитаніе въ Италіи до сихъ поръ отличается по бо́льшей части искусственностью и попугайностью, а къ несчастію наши писательницы получили воспитаніе элементарное и весьма жалкое (немногія составляютъ исключеніе, какъ, напримѣръ, синьора Катерина Франческа Ферруччи въ Пизѣ, изучившая даже латинскій языкъ, или, напр., синьора Джулія Молино-Коломбини въ Туринѣ, синьора Амалія Паладини во Флоренціи, всю жизнь занимавшіяся исключительно воспитаніемъ и графиня Катерина Перкото, авторъ граціозныхъ разсказовъ, или, посвятившія себя какой-нибудь ученой спеціальности, какъ, напр., синьора Катерина Скарпеллини римскій астрономъ).

Немногія изъ нашихъ женщинъ побывали внѣ Италіи, а между тѣмъ какую нользу принесло бы имъ знакомство съ иностранками, гораздо болѣе образованными и развитыми, чѣмъ итальянки. Польза путешествія во Францію и въ Англію сказалась на одной изъ нашихъ писательницъ, неаполитанкѣ, не особенно образованной, но не лишенной таланта и возвышенности души, синьорѣ Авреліи Чимино Фолльеро, которая, оставивъ докторальный тонъ своихъ подругъ, заговорила болѣе естественнымъ языкомъ и о болѣе интересныхъ вещахъ, чѣмъ тѣ, которыя занимаютъ нашихъ дамъ-проповѣдницъ. Эта синьора намѣревается въ настоящую минуту основать во Флоренціи новый журналъ для дамъ, подъ названіемъ: „La Cornelia“. Ей удалось заручиться сотрудничествомъ замѣчательной иностранной писательницы, Доры д'Истріа, и нѣсколькихъ талантливыхъ итальянскихъ писателей. Не знаю, съумѣетъ ли синьора Чимино выполнить все то, что она обѣщаетъ въ своей программѣ, но если это ей удастся, то можно надѣяться на благодѣтельные, если и не особенно значительные результаты для женскаго образованія въ Италіи. Совсѣмъ тѣмъ, я сомнѣваюсь, чтобы у ней оказалось достаточно энергіи и воли, а также и средствъ для выполненія своихъ намѣреній, и предвижу, что журналъ будетъ наводняться обычными нравственными и воспитательными сентенціями и обычной поэзіей нашихъ безчисленныхъ Коринъ, такъ какъ безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что въ Италіи научаются пѣть, прежде чѣмъ говорить. Я могъ бы назвать вамъ больше сотни поэтессъ, которыя пишутъ стихи и печатаютъ ихъ, а есть еще множество такихъ, которыя пишутъ, но не печатаютъ. Мы переживаемъ настоящее наводненіе риѳмованныхъ строкъ. Поэтессы особенно процвѣтаютъ въ Сициліи и въ Венеціанской области. Онѣ по бо́льшей части не въ состояніи написать четырехъ строкъ прозой, не надѣлавъ орѳографическихъ ошибокъ, что́ не мѣшаетъ имъ писать съ большой развязностью цѣлые томы стихотвореній, благодаря природной способности итальянцевъ къ музыкѣ, пѣнію, мелодіи, которая и заставляетъ ихъ вдаваться въ поэзію, хотя конечно истинные поэты также рѣдко встрѣчаются въ Италіи, какъ и вездѣ. Составлять стихи, и скорѣе недурные, чѣмъ плохіе, является такъ сказать механической способностью нашего организма.

Но содержаніе этихъ стиховъ по большей части пустѣйшее; отъ этого у насъ много импровизаторовъ, мужчинъ и женщинъ, но мало поэтовъ съ истиннымъ значеніемъ. Изъ импровизаторовъ женщинъ, быть можетъ до васъ дошло имя Джаннины Милли изъ Абруццъ. Она въ изумительной степени обладала даромъ импровизаціи и съ 1856 по 1866 г. отличалась большой плодовитостью. За нѣсколько дней до представленія ею овладѣвало какое-то лихорадочное волненіе, благодаря которому всѣ жизненныя силы ея сосредоточивались въ мозгу; когда на-

ступалъ моментъ импровизаціи, глаза ея загорались огнемъ; слова, образы, сравненія какъ будто тѣснились наружу, и дѣйствительно, едва успѣвала публика дать ей сюжетъ, вмѣстѣ съ риѳмами, какъ она овладѣвала и располагала ими съ такой волшебной быстротой, что стихи лились, какъ потокъ, и ихъ не успѣвали за ней записывать. Импровизаторша Джаннина Милли доказывала въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ, какъ богато одарена природой итальянская голова. Но подобно тому какъ лихорадочное напряженіе предшествовало импровизаціямъ Джаннины Милли, такъ за ними наступала самая печальная реакція и упадокъ всѣхъ ея силъ. Въ 1860-мъ году Гарибальди, будучи диктаторомъ въ Палермо, назначилъ Джаннинѣ Милли небольшой пожизненный пенсіонъ, который правительство Виктора-Эммануила оставило за ней. Въ 1864-мъ году, во Флоренціи открылась подписка для основанія преміи для поощренія женскаго генія, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой преміи шли на первый разъ въ пользу Милли. Къ несчастью было собрано лишь нѣсколько тысячъ лиръ. Въ 1866-мъ году, послѣ освобожденія Венеціи, Милли отправилась туда, чтобы импровизировать передъ большимъ собраніемъ. Импровизаторша уже была утомлена и послѣ этого вынуждена навсегда отказаться отъ этихъ опасныхъ опытовъ. Между тѣмъ она пріобрѣла славу необыкновенной женщины, знаменитой поэтессы, приносящей честь той странѣ, въ которой родилась. Она издала исправленное собраніе своихъ импровизацій, съ присоединеніемъ новыхъ стихотвореній, доказывавшихъ изящный вкусъ и необыкновенное пониманіе поэзіи. Этого казалось бы достаточнымъ для того, чтобы оправдать всякую мѣру, какую итальянское правительство нашло бы нужнымъ принять съ цѣлью увеличенія пенсіона, который Гарибальди назначилъ Милли.

Но правительство убоялось, какъ бы его не обвинили въ расточительности и желая избѣжать этого, сдѣлало глупость: чтобы оправдать чрезвычайное пособіе, которое оно желало оказать Джаннинѣ Милли, оно создало для нея новую и чрезвычайную должность, а именно: инспектрисы женскихъ школъ въ неаполитанской провинціи. Затѣмъ, такъ какъ одна глупость влечетъ за собой другую, то правительство, желая избѣжать обвиненія въ пристрастіи къ Милли, назначило ей въ помощницы синьору Эрминію Фуа Фузинато, прекрасную, милую, умную венеціанку, которая пишетъ стихи; такимъ образомъ двѣ поэтессы, никогда не посѣщавшія школы, вдругъ очутились инспектрисами неаполитанскихъ школъ. Само собой разумѣется, что это возбудило общія насмѣшки, не потому конечно, что инспектрисами женскихъ школъ сдѣланы двѣ женщины — это было бы вполнѣ естественно и прилично — но что выборъ палъ какъ разъ на такихъ женщинъ, которыя вовсе не компетентны въ этомъ дѣлѣ. Въ настоя-

щее время синьора Эрминія Фуá Фузинато получила мѣсто преподавательницы итальянской литературы въ нормальномъ женскомъ училищѣ въ Римѣ; дипломъ, дающій право на преподаваніе, который другимъ учительницамъ достается послѣ экзамена, положимъ довольно поверхностнаго, но все же дающаго возможность судить о способностяхъ преподавательницы — синьора Эрминія, какъ поэтесса, получила въ видѣ исключенія за свои литературныя заслуги. Между тѣмъ, я увѣренъ, что синьора Фузинато настолько талантлива, что лекціи ея могутъ вызвать рукоплесканія, но сильно сомнѣваюсь, чтобы она съумѣла образовать хорошихъ учительницъ. А въ этихъ послѣднихъ мы сильно нуждаемся, потому что ихъ очень мало. Къ тому же положеніе ихъ весьма печальное. По большей части онѣ дочери бѣдныхъ горожанъ; отчаявшись найти себѣ мужа, за неимѣніемъ приданаго, и не считая совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ положеніе чернорабочей, онѣ идутъ въ учительницы. Наиболѣе образованнымъ и пользующимся нѣкоторой протекціей удается получить мѣсто въ какомъ-нибудь городѣ, гдѣ онѣ могутъ вести если не счастливую, то по меньшей мѣрѣ не особенно унизительную жизнь.

Но злополучнѣйшая участь постигаетъ тѣхъ, у которыхъ нѣтъ протекціи или которыя не совсѣмъ удовлетворительно выдерживаютъ экзаменъ. Ихъ разсылаютъ по большей части по отдаленнымъ деревушкамъ, гдѣ онѣ все равно какъ въ лѣсу, и куда ихъ привлекаетъ лишь перспектива получать отъ 300—400 лиръ (менѣе 100 р.) въ годъ. Прибывъ на мѣсто послѣ утомительнаго путешествія, онѣ не встрѣчаютъ обыкновенно ровно никакого сочувствія даже въ мѣстномъ синдикѣ, который зачастую не даетъ себѣ труда озаботиться пріисканіемъ квартиры для прибывшей учительницы, и она бываетъ вынуждена въ первый вечеръ переходить изъ дома въ домъ, отыскивая добрыхъ людей, которые бы пріютили ее на ночь. Мнѣ довелось быть свидѣтелемъ въ одной деревнѣ, гдѣ я пользовался гостепріимствомъ синдика, прибытія одной учительницы. Синдикъ объявилъ категорически, что не намѣренъ принимать въ свой домъ ни на короткій, ни на долгій срокъ учительницы, но что готовъ дать ей впередъ тѣ 50 франковъ, которые община отпускаетъ ей на квартиру. Бѣдная дѣвушка пришла пѣшкомъ, издалека и конечно разсчитывала отдохнуть, а вмѣсто того ей пришлось больше часа ходить по деревнѣ и все напрасно. Наконецъ, деревенскій врачъ, вернувшись домой, послѣ обхода своихъ больныхъ, сжалился надъ бѣдной учительницей, припомнивъ вѣроятно претерпѣнныя имъ самимъ бѣдствія, когда онъ впервые прибылъ въ эту самую деревню. Онъ уступилъ ей свой помѣщеніе, а самъ провелъ ночь, гдѣ пришлось. Спустя нѣсколько времени, я узналъ, что учительница вышла замужъ за врача и такимъ образомъ судьба ея устроилась. Но какъ часто совсѣмъ иная участь постигаетъ этихъ

бѣдняжекъ, которымъ приходится терпѣть всякія преслѣдованія. Ес учительница хороша собой, то ей неизбѣжно приходится выноси ухаживанье синдика, общиннаго секретаря, врача, аптекаря и приход скаго священника. Если же на бѣду пройдетъ отрядъ солдатъ, н спасти учительницу можетъ развѣ какое-нибудь чудо. А такъ как малѣйшій проступокъ съ ея стороны карается самымъ безжалостны образомъ со стороны сельскихъ мудрецовъ, то зачастую учительниц лишившаяся мѣста и не рѣшающаяся вернуться въ родительскі домъ, кончаетъ весьма плохо.

Если же учительница нехороша собой, то съ ней обращаются н многимъ лучше, чѣмъ съ служанкой; она терпитъ такія униженія что можетъ право умереть, если не съ голода, то съ тоски. Сам собою разумѣется, что бываютъ исключенія изъ общаго правил охотно допускаю даже, что ихъ много, но правило тѣмъ не мени существуетъ. Одною изъ главныхъ ошибокъ тутъ то, что учитель ницы приглашаются издалека; имъ бы слѣдовало непремѣнно быт уроженками той самой мѣстности, гдѣ онѣ учительствуютъ. Въ та комъ случаѣ, онѣ не были бы вполнѣ предоставлены самимъ себ вдали отъ своихъ друзей и знакомыхъ. Другая ошибка, еще важнѣ шая, воображать, что всякая дѣвушка можетъ быть учительницей Иная была бы отличной работницей, а учительницей выходитъ плох хой. По этому поводу не могу не упомянуть о попыткахъ распро странить въ Италіи промышленное и ремесленное образованіе между женщинами, которыми мы обязаны главнымъ образомъ Эммануилу Челезіи изъ Генуи. Но всѣ эти попытки далеко еще не привели къ желаннымъ результатамъ, и женское образованіе въ Италіи далеко не удовлетворительно, какъ я и указалъ выше, и оставляетъ еще многаго желать. Для повышенія уровня женскаго образованія въ Италіи, было бы желательно, чтобы наши женщины приходили въ соприкосновеніе съ образованными иностранками, которыя могутъ говорить на двух или трехъ языкахъ, серьезно изучать литературу и въ дѣлѣ музык шагнуть гораздо дальше *Cloches du monastère*, пьесой, которой щеголяютъ наши дѣвицы, считающія себя образованными. Онѣ показали бы также, что можно имѣть поэтическую душу, не занимаясь писаніем стиховъ, и способность критически относиться къ окружающему міру, не читая нравственныхъ сентенцій и нотацій своимъ ближнимъ. Я не думаю, чтобы природа отказала въ какихъ-нибудь способностях моимъ соотечественницамъ, но полагаю, и совершенно основательно, что воспитаніе, получаемое ими, можетъ убить всѣ способности.

D. G.

„КАМЕННЫЙ ГОСТЬ“,

Даргомыжскаго.

По поводу постановки новой русской оперы въ Маріинскомъ театрѣ.

Присяжный знатокъ музыки, если онъ хочетъ прослыть человѣкомъ современнымъ и развитымъ (а кому, даже изъ самыхъ отсталыхъ, не хочется такой репутаціи?) выказываетъ глубокое неудовольствіе на большинство существующихъ оперъ, любимыхъ публикой и услаждающихъ ея досуги, даже на оперу вообще, какъ на ложный и отсталый родъ искусства. Опера есть противорѣчіе и нелѣпость, говорятъ одни; что̀ можетъ быть неправдоподобнѣе человѣка, который поетъ длинную арію въ ситуаціи, требующей быстроты дѣйствія, или пяти человѣкъ, поющихъ одновременно, квинтета ради, когда въ дѣйствительной жизни они говорили бы каждый поочередно? Опера есть нравственное заблужденіе и растлѣніе искусства, говорятъ другіе; что̀ можетъ быть унизительнѣе всѣхъ этихъ блестокъ виртуознаго пѣнія, балетныхъ дивертисементовъ и декоративныхъ эффектовъ, безсвязно нагроможденныхъ для развлеченія праздной и равнодушной толпы, часто вопреки ходу сюжета и требованіямъ здраваго смысла? Негодованіе присяжныхъ цѣнителей, претендующихъ на дипломъ современнаго человѣка, происходитъ вовсе не оттого, чтобы въ операхъ, осуждаемыхъ ими, не были уважены какія-нибудь музыкальныя требованія, чтобъ онѣ были бѣдны хорошей музыкой, чтобы мелодическое и гармоническое содержаніе ихъ было пусто, мелко, рутинно, безвкусно или уродливо. Совсѣмъ нѣтъ: недовольство этихъ ипохондриковъ эстетики коренится гораздо глубже. Они обличаютъ современную оперу въ томъ, что въ ней слишкомъ много музыки, что она *слишкомъ музыкальна*. Съ самоотверженіемъ, достойнымъ мученическаго вѣнца, накладываютъ они руки на свое собственное искусство и казнятъ его за слишкомъ большой просторъ, отданный въ его распоряженіе. Опера должна быть драмой и больше ничѣмъ; драма же должна быть воспроизведеніемъ дѣйствительной жизни и больше ничего. А на дѣйствительную жизнь нимало не похожа ни итальянская, ни нѣмецкая, ни французская опера. Разсматривая существующіе образцы съ этой точки зрѣнія, ипохондрики на каждомъ шагу видятъ противорѣчія и несообразности. Здѣсь имъ мозолитъ глаза красивая арія, потому что она замедляетъ ходъ дѣйствія; тамъ ихъ оскорбляетъ звучный morceau d'ensemble,

потому—онъ представляетъ людей, одновременно поющихъ подъ одинъ и тотъ же аккомпаниментъ совершенно разныя слова; далѣе, имъ не даетъ покоя хоръ, потому что въ его текстѣ двѣнадцать разъ повторяются одни и тѣ же слова, тогда какъ въ дѣйствительной жизни не принято одно и то же говорить по двѣнадцати разъ. Словомъ, исключительный драматизмъ въ оперной музыкѣ и исключительная жизненная правда въ драмѣ еще не нашли себѣ практическаго примѣненія; ни старые, ни новые, ни дюжинные, ни геніальные музыканты не ставили себѣ того идеала, до котораго дошла теоретическая избалованность; всѣ композиторы доселѣ заботились и въ оперѣ, какъ вездѣ, о красотѣ музыки, объ изяществѣ звуковъ, объ эстетическомъ впечатлѣніи, и отсюда то мрачное выраженіе лица, съ которымъ наши современные музыкальные критики прохаживаются по садамъ музыкальной композиціи.

Но морщины на челѣ ихъ прояснились, когда 16-го февраля нынѣшняго года „Каменный Гость“ былъ впервые данъ на сценѣ Маріинскаго театра. Исчезла ипохондрія, исчезъ пессимизмъ; друзья и недруги соединились въ общій хоръ хвалы и ликованья. На глазахъ недоумѣвающей публики, далеко не обращенной въ новую драматическую вѣру, далеко не восхищенной небывалымъ образцомъ музыкальной драматургіи, на глазахъ этой публики, въ глубинѣ души скучавшей на представленіи, но изъ робости и смиренія скрывавшей свою скуку,—авгуры музыкальной печати привѣтствовали посмертное произведеніе Даргомыжскаго, какъ смѣлый, благородный и окончательный разрывъ съ преданіемъ и обычаемъ, какъ полное осуществленіе той „музыкальной драмы“, которая уже давно существуетъ въ идеалѣ, но до которой никто доселѣ не умѣлъ возвыситься на практикѣ. Даргомыжскій, говорятъ намъ, самоотверженно отказалъ себѣ во всѣхъ недостойныхъ искусства приманкахъ, которыя обыкновенные композиторы щедро расточаютъ въ своихъ операхъ; онъ былъ настолько вѣренъ драматическому принципу, что не помѣстилъ во всей партитурѣ ни одной аріи, ни одного ансамбля, ни одного хора; у него нѣтъ ни одного сколько-нибудь значительнаго отрывка для оркестра, безъ голосовъ; мало того: нѣтъ ни одной закругленной, законченной мелодіи. Все, что обыкновенно нравится публикѣ — постороннія прикрасы, не вытекающія изъ сюжета; въ „Каменномъ же Гостѣ“ нѣтъ ни одной посторонней прикрасы. Все, что въ оперной музыкѣ принято считать красивымъ, эффектнымъ, увлекательнымъ—совсѣмъ не идетъ къ дѣлу: у Даргомыжскаго же все идетъ къ дѣлу. Прежнія оперы доставляли удовольствіе, новая удовлетворяетъ сознанію; прежнія бывали прелестны, новая разумна; прежнія запоминались и напѣвались тысячами непросвѣщенныхъ слушателей, новая, съ помощью газетныхъ комментаріевъ, служитъ образованному меньшинству пищей ума, матеріаломъ

для психическихъ изслѣдованій. Это совсѣмъ не то, что музыка для массы; это музыка для немногихъ, или вѣрнѣе сказать, это не-музыка для немногихъ.

Такія похвалы, хотя произносимыя съ убѣжденіемъ и энтузіазмомъ, могутъ однако же дать не совсѣмъ выгодное представленіе о восхваляемомъ предметѣ. Воздержность и трезвость художника, имѣвшаго подъ руками столько роскошныхъ красокъ и добровольно осудившаго себя чертить однимъ кусочкомъ угля, сами по себѣ еще не ручаются за красоту рисунка: достовѣрно только отсутствіе колорита. Нравственное мужество, съ которымъ композиторъ отказался отъ всего, способнаго доставить наслажденіе слушателю и зрителю, не должно быть смѣшиваемо съ талантомъ, съ вдохновеніемъ: мы знаемъ только, что композиторъ рѣшилъ не доставлять слушателямъ никакого удовольствія. Судя по многому, онъ въ этомъ вполнѣ успѣлъ: удовольствія дѣйствительно не оказалось; но затѣмъ въ его произведеніи остается объективная сторона, помимо всякой тенденціи композитора, помимо эфемернаго, минутнаго впечатлѣнія слушателей. Правда и то, что настойчивое прославленіе Даргомыжскаго за отсутствіе въ его оперѣ-драмѣ музыкальныхъ красотъ, могущихъ нравиться, уже даетъ нѣкоторое представленіе о томъ, что́ же наконецъ тамъ имѣется взамѣнъ этихъ красотъ. Это рядъ сухихъ речитативовъ написанныхъ на полный, нигдѣ неизмѣненный текстъ пушкинскихъ сценъ; это длинная цѣпь отрывистыхъ фразъ, безъ повтореній мотивовъ, безъ всякой пѣвучести, но просодически-правильныхъ и тщательно-приноровленныхъ къ словамъ. И такъ какъ мы привыкли слышать речитативъ какъ вступленіе, какъ подготовку къ музыкально-округленнымъ нумерамъ, такъ какъ речитативъ есть для насъ не болѣе какъ преддверіе, вводящее насъ въ музыкальное зданіе, то мы должны прибавить, что „Каменный Гость“—безконечно-длинное вступленіе, за которымъ самой *сути* не оказывается, преддверіе безъ самаго зданія, ворота въ открытомъ полѣ, гора рождающая мышь.

Таково невольное заключеніе, которое приходится выводить изъ рѣчей многихъ восторженныхъ поклонниковъ „Каменнаго Гостя“, людей искренно-восторженныхъ, но неосторожныхъ на языкъ и потому обличающихъ въ своемъ любимомъ произведеніи именно отсутствіе такихъ предметовъ, на которые больше всего спросу. Но такое заключеніе было бы односторонне и далеко не соотвѣтствовало бы дѣйствительному „Каменному Гостю“. Вглядимся же нѣсколько ближе въ этотъ оригинальный этюдъ, вглядимся въ тотъ кругъ воззрѣній, изъ котораго онъ вышелъ и въ его связь съ этими воззрѣніями, и постараемся, такимъ образомъ, опредѣлить его значеніе въ музыкальномъ искусствѣ.

I.

Музыка есть царство звуковъ; идеалъ ея—благозвучіе, и къ этому идеалу стремились всѣ безъ исключенія геніи и таланты, посвятившіе свои силы этому искусству. Не имѣя опредѣленнаго содержанія, какъ, напр., поэзія или скульптура, она витаетъ въ сферѣ самыхъ общихъ идей и настроеній, мерцающихъ—всегда смутно, всегда трудно-уловимо—въ игрѣ изящныхъ звуковъ, подобно тому, какъ въ архитектурѣ онѣ мерцаютъ въ игрѣ линій. Такимъ образомъ, музыка даетъ несравненно менѣе пищи реализму, подражанію природѣ, логическому анализу, нежели искусства слова и красокъ; но такъ какъ она существуетъ во времени и выражается въ формѣ движенія, то она представляетъ извѣстныя аналогіи со многими процессами, совершающимися во времени, со многими видами движенія. Эти аналогіи всегда отдаленны; онѣ угадываются чувствомъ, но трудно поддаются критикѣ разсудка или словесному опредѣленію. Это не помѣшало, конечно, музыкантамъ съ давнихъ поръ искать въ своемъ искусствѣ *выраженія* чувствъ и *изображенія* предметовъ; но духъ и непреоборимыя условія искусства наложили свою печать на самыя эти средства, на музыкальную характеристику и на музыкальную живопись. Мотивы и аккорды, ритмы и инструментальные тембры, которые подбирались и изобрѣтались композиторами для выраженія любви, гнѣва, страха, желанія, страданія, благоговѣнія, или для изображенія лѣса, моря, бури, сраженія, восхода солнца, лунной ночи, — постоянно выказывали склонность измѣнять своей поэтической или живописной роли, перебѣгать съ одного мѣста на другое, перемѣнять одно значеніе на другое, сливаться между собой и смѣшиваться въ зыбкой безразличности. Сегодня вы слышали мотивъ, призванный выразить отчаяніе любовника; вы восхищаетесь мѣткостью, съ какою звуки передаютъ процессъ внутренней жизни; завтра вамъ поютъ совершенно сходный съ этимъ мотивъ, долженствующій изобразить героя, идущаго на славную смерть,—и вы, увлеченные сюжетомъ пьесы, обстановкой и аксессуарами, не узнаете сходства, снова покоряетесь поэтическому обаянію звуковъ и находите, что нельзя сильнѣе и величавѣе выразить воинскую отвагу и близость трагической кончины. Экзальтація настроенія—во время творчества у музыкантовъ, во время слушанія у публики—постоянно поддерживаетъ столь распространенную склонность слышать въ звукахъ то, чего въ нихъ нѣтъ, лирическія изліянія, повѣсти сердца, философскіе этюды; но въ минуты менѣе высоко-настроенныя, въ минуты трезваго анализа произвольность этихъ символическихъ толкованій и сближеній бросается въ глаза.

Сами музыканты, нѣтъ сомнѣнія, всегда и вездѣ были склонны приписывать своему искусству пластичность и выразительность, кото-

рыя обезпечивали ему почетное мѣсто въ ряду прочихъ искусствъ и, пожалуй, даже въ непосредственной близи философіи; не одни лишь люди современнаго направленія, не одни вагнеристы, но и виртуозы XVIII-го вѣка, какъ и контрапунктисты XVI-го вѣка, всегда съ любовью пробовали силы музыки въ соперничествѣ со словомъ, кистью или рѣзцомъ. Столь же несомнѣнно, что ими въ этомъ случаѣ руководило не цеховое самолюбіе, не тщеславный задоръ замѣнить своимъ спеціальнымъ искусствомъ всѣ остальныя, а естественное и неизбѣжное свойство человѣческаго духа, погруженнаго въ исключительную спеціальность ремесла или искусства, видѣть въ этой спеціальности символъ и отраженіе вселенной, находить соотвѣтствіе между ея дробными частностями и явленіями жизни, совершающейся внѣ ея предѣловъ. Несмотря на поэтическія грёзы и фантазіи, которыми издавна увлекаются музыканты, преувеличивая, или вѣрнѣе сказать, искажая силы и средства своего искусства, они — по крайней мѣрѣ, наиболѣе одаренные изъ нихъ — инстинктивно чувствовали зыбкость почвы, на которую становится музыка, порываясь перейти въ поэзію или живопись, и потому тщаніе и вдохновеніе ихъ всегда сосредоточивалось на собственно музыкальной сторонѣ дѣла, на созиданіи богатой и разнообразной игры звуковъ, то могучихъ, то нѣжныхъ, то суровыхъ, то роскошныхъ, поэтическихъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ вообще поэтична всякая красота, но не вслѣдствіе опредѣленности содержанія. Литература музыкальныхъ произведеній изобилуетъ поучительными примѣрами неудачныхъ покушеній на характеристику; но эти неудачныя покушенія нерѣдко перлы искусства: помимо всякаго посторонняго значенія, это геніальныя сочетанія звуковъ. Всего интереснѣе наблюдать эту борьбу между ложнымъ увлеченіемъ музыкантовъ и природой музыкальнаго искусства въ оперѣ, именно въ такомъ родѣ музыки, который по самой задачѣ своей призванъ къ характеристикѣ лицъ, ихъ чувствъ, мыслей и положеній. Величайшія красоты оперъ, глубокія и поразительныя мысли, высказанныя съ художественной полнотой, въ стройной и обаятельной формѣ, тѣ красоты, которыя переживаютъ поколѣніе за поколѣніемъ, возбуждая неумирающіе восторги—держатся только музыкальной стороной изобрѣтенія; оборотъ мелодіи или гармоніи, постройка ритма, а еще чаще совокупное дѣйствіе этихъ условій—вотъ что сообщаетъ этимъ мѣстамъ нетлѣнную ихъ красоту. На ряду съ этими безсмертными перлами творчества есть и въ старыхъ и въ новыхъ операхъ множество отдѣльныхъ мѣстъ, гдѣ драматизмъ положенія или психическая особенность побуждала композитора заботиться объ исключительно тонкой, острой и отчетливой характеристикѣ, звуками добиваться того, чтобы музыка заговорила мощнымъ и мѣткимъ словомъ, воплотилась въ опредѣленные осязательные образы. Оперная музыка обязана этому старанію

многими остроумными и подъ-часъ геніальными этюдами; но все а ея незыблемые, великіе памятники почти никогда не принадлежат къ иллюстраціи этихъ исключительныхъ минутъ; общія мѣста лири ческихъ настроеній, простая радость, простое горе, высказанное м сколькими стихами, по бо́льшей части весьма незатѣйливыми, дожи ными всегда давали генію музыканта гораздо бо́льшій просторъ, не жели тонкія обособленныя поэтическія черты, рѣзко отмѣченныя потому противныя самому духу музыки.

Критика, какъ то извѣстно, весьма часто жаловалась, что прекрасѣй шія по музыкѣ оперы написаны въ то же самое время на безцвѣтные пошлые тексты. Это конечно прискорбно, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы творцы этихъ оперъ выиграли, если бы писали исключитель на высочайшія произведенія поэзіи. Можно сожалѣть о глупости сти ховъ, которые поются въ какой-нибудь „Волшебной Флейтѣ“ или „Жизни за Царя“, но нельзя говорить, что Моцарту и Глинкѣ подо бало писать исключительно на слова хотя бы Гёте и Пушкина. Въ словахъ великаго поэта, помимо увлекательной внѣшности, есть со бый смыслъ, есть индивидуальный отпечатокъ, и въ погонѣ за во произведеніемъ такого смысла и такого отпечатка, музыка теряетъ п свободу и ту широту, которыя доступны ей лишь при неопредѣлен номъ витаніи въ сферѣ общихъ настроеній. Для оперы нужны сти скорѣе съ отрицательными достоинствами: не глупые, не пошлые, не топорные, не безграмотные, но отнюдь не геніально-глубокіе. Есть от наконе въ массѣ слушателей предразсудокъ, идущій на встрѣчу стремленіямъ музыкантовъ поддѣлывать свое искусство подъ поэзію. Слушая оперы, мы съ одной стороны наслаждаемся звуками, но съ другой стороны, одновременно со звуками наше вниманіе приковано дѣйствіемъ; воображеніе наше занято характеромъ и судьбами дра матическихъ лицъ, и сочетая одно удовольствіе съ другимъ, мы вос щаемся музыкой, сопровождающей дѣйствіе. Отъ этого намъ кажется что въ самой музыкѣ намъ нравится та вѣрность, съ какою она пе редаетъ моменты драмы и черты характера; что главное ея досто инство въ ея выразительности, что она хороша настолько, насколь приближается къ живописи или къ поэзіи. Въ минуты сильныхъ, но не выясненныхъ сознанію ощущеній, человѣку свойственно искать въ словѣ образа для передачи ихъ, искать иносказательнаго выраженія. Обыкновенный оперный слушатель не можетъ себѣ отдать отчета напр., въ томъ, что причина его восторга заключается въ мелодіи хроматически-нисходящей съ *субмедіанты* на *медіанту*, при педали на *доминантѣ* и ритмѣ *секстолей* въ аккомпаниментѣ; онъ зачастую не умѣетъ даже назвать оркестровые инструменты, исполняющіе всѣ эти прелести; но онъ пріятно встревоженъ и упоительно удовлетво ренъ, онъ ищетъ слова для опредѣленія причинъ его душевнаго со-

стоянія, и вотъ къ нему на помощь является либретто. Оно подсказываетъ ему, что здѣсь все дѣло въ выраженіи любви страстной, нѣжной, но еще робкой, еще не смѣющей признаться самой себѣ—и вотъ, въ головѣ слушателя неопредѣленныя ощущенія получаютъ твердые контуры и воплощаются въ поэтическіе образы; *настроеніе* переходитъ въ игру *воображенія*, искомое слово найдено.

Нѣтъ сомнѣнія что огромная часть эффекта, производимаго оперными сочиненіями и оперным исполненіемъ, основана на этомъ безсознательномъ соглашеніи между композиторомъ и слушателемъ — видѣть въ музыкѣ больше, нежели въ ней заключается. Композиторъ, *зная* технику своего дѣла, любя эту технику, живя и духовно питаясь ею, невольно ищетъ въ ней отраженія микрокосма; напротивъ, слушатель, *не зная*, не понимая этой техники, получаетъ отъ нея впечатлѣнія, причины которыхъ онъ не можетъ анализировать прямо, и потому для опредѣленія ихъ ищетъ символа. Такимъ образомъ, въ результатѣ, и композиторъ, и слушатель согласны въ томъ, что красота интродукціи къ „Лоэнгрину“ происходитъ отъ отличнаго изображенія звуками неземного героя, небожителя, спускающагося изъ своей лучезарной сферы на землю и приплывающаго на лодкѣ, влекомой лебедемъ, къ молодой королевнѣ, съ цѣлію заступиться за ея оклеветанную невинность и получить ея руку.

Я сейчасъ говорилъ объ эффектѣ оперная *исполненія*. Помимо всякихъ поэтическихъ мечтаній, большая часть успѣха оперы происходитъ отъ того искусства, которое въ ней выказываютъ пѣвцы, и особенно пѣвцы-виртуозы. Еслибы не было кастратовъ XVIII-го вѣка, сдѣлавшихъ итальянскую оперу самымъ отборнымъ предметомъ роскоши и распространившихъ учрежденіе ея на всѣ, даже мельчайшіе дворы Европы,—въ настоящее время культъ музыки и само композиторское искусство навѣрное не стояли бы на той высокой ступени, на которой мы ихъ видимъ. Но времена перемѣнились, и вокальное искусство приходитъ въ несомнѣнный и повсемѣстный упадокъ. Современный слушатель рѣдко отправляется въ оперу слушать трели и каденціи, исполняемыя съ неподражаемымъ совершенствомъ; такъ-называемое „колоратурное“ пѣніе перестало служить приманкой оперы, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это было прежде; все это повліяло и на композицію. Лѣтъ сто, даже пятьдесятъ тому назадъ, оперный композиторъ, если хотѣлъ произвести вѣрный эффектъ и потрясти массу, непремѣнно украшалъ свою партитуру бравурными аріями, испещренными труднѣйшими пассажами; блестящее испо́лненіе такихъ бравурныхъ трудностей первоклассными пѣвцами и пѣвицами возбуждало фуроръ и „вывозило“ сочиненіе. Теперь эта пружина ослабѣла и вѣроятно въ недалекомъ будущемъ исчезнетъ. Пѣвцы стали пѣть хуже и пропорціонально этому испортился вокальный стиль въ

операхъ. Мелодія въ партіяхъ соло огрубѣла и обѣднѣла; случается даже, что она по содержанію похожа на аккомпанементъ. Но если искусство пѣнія отодвинуто назадъ, то искусство игры на каждомъ оркестровомъ инструментѣ сдѣлало громадный шагъ впередъ, и современный оркестръ отчетливо и безукоризненно преодолѣваетъ такія трудности, о которыхъ оркестръ моцартовскаго времени не смѣлъ и думать. Сообразно съ этимъ, новѣйшій композиторъ возлагаетъ на оркестровый аккомпанементъ такія сложныя и высокія задачи, что для выполненія ихъ требуется виртуозное совершенство. Ослѣпительный калейдоскопъ инструментальныхъ красокъ въ соединеніи съ бѣдностью и сухостью вокальныхъ партій—самая выдающаяся черта новѣйшей оперы. Если въ нихъ что-нибудь пріятно для слуха, такъ это безъ сомнѣнія оркестровая часть. Что дѣлать пѣвцу, который, во-первыхъ, плохо владѣетъ голосомъ и которому, во-вторыхъ, почти нечего пѣть! —ему остается *играть*. Итакъ, публика, вполнѣ соотвѣтствующая силамъ современныхъ исполнителей и тенденціи современныхъ композиторовъ, посѣщаетъ оперу, дабы слушать прекрасную оркестровую музыку, сопровождаемую жестами и декламаціею драматическихъ артистовъ.

Упадокъ искусства пѣнія имѣлъ послѣдствіемъ преобладаніе голой декламаціи (или, что все равно, речитатива) въ партіяхъ соло, а преобладаніе речитатива естественно усилило стремленіе къ музыкальной выразительности, къ „жизненной правдѣ“ въ звукахъ. Речитативъ есть прозаическая, разсудочная рѣчь, не успѣвшая возвыситься до цѣльнаго лирическаго настроенія; въ речитативѣ отдѣльно подчеркиваются слова и сентенціи; композиторъ, разработывая словесную рѣчь, лежащую передъ нимъ въ формѣ либретто, старается осмысленно передать и выразить каждую отдѣльную фразу, каждое слово. Совершенно противное происходило въ большихъ, музыкально-округленныхъ нумерахъ (въ аріяхъ, въ ансамбляхъ): тамъ слова служили только первоначальнымъ поводомъ къ сооруженію самостоятельнаго музыкальнаго зданія, экспрессія котораго, будучи вѣрна общему настроенію словъ, нерѣдко противорѣчила ихъ смыслу въ частностяхъ. Такого свободнаго отношенія музыки къ тексту въ речитативѣ нѣтъ и быть не можетъ; съ усиленіемъ этого элемента въ оперѣ, усилилось и стремленіе напрягать выразительность звуковъ для подстрочной, буквальной передачи текста. И здѣсь можно полюбоваться примѣромъ того, насколько человѣческій геній и человѣческая энергія способны измѣнить природныя условія и наложить на данный сырой матеріалъ отпечатокъ субъективнаго духа. Несмотря на зыбкую неопредѣленность міра звуковъ, музыканты съ упованіемъ и вдохновеніемъ принялись за тѣ шаткія аналогіи, которыя онъ представляетъ съ другими искусствами и дѣйствительною жизнью, и съумѣли развить эти аналогіи до поразитель-

ной степени. Повторяю, выразительность музыки постоянно преувеличивается; но въ твореніяхъ XIX-го вѣка нельзя не признать громадныхъ успѣховъ на этомъ поприщѣ; нельзя не признать также, что именно въ оперѣ эти успѣхи привели ко многимъ геніальнымъ завоеваніямъ въ области музыкальной характеристики. Одновременно съ этимъ направленіемъ музыки показалось другое, заключенное впрочемъ въ техническихъ предѣлахъ. Я говорю о необыкновенномъ обогащеніи гармоніи (послѣдованій аккордовъ) и модуляціи (искусства переходить изъ одного тона въ другой). Свободная гибкость, чувственная роскошь и возбудительная пряность современной гармоніи до того ласкаютъ слухъ и волнуютъ чувство слушателя, что онъ становится избалованнымъ, и человѣкъ, исключительно воспитанный на современныхъ произведеніяхъ, теряетъ способность наслаждаться простыми и цѣломудренными красотами прежнихъ временъ. Густые, сочные аккорды, частое появленіе рѣзкихъ диссонансовъ и яркіе, поразительные переходы наводнили современную музыку и, вообще говоря, превратились въ ходячую манеру, отчасти же въ лексиконъ общихъ мѣстъ. Въ этой односторонности музыкальнаго стиля, старающагося достигнуть всеобъемлющей объективности и выразительности, есть, конечно, противорѣчіе. Природа матеріала возстала противъ слишкомъ большого насилія надъ ней со стороны субъективнаго духа. Стараясь не развлекаться постороннимъ и держаться исключительно на пути къ осмысленной передачѣ словъ, музыкантъ незамѣтно для самого себя увлекается гармоніей, пускается подбирать затѣйливые и сладкозвучные аккорды. Отрицая въ теоріи „игру звуковъ“, онъ самъ на практикѣ забавляется этой игрой. Презирая на словахъ технику во имя „идеи“, онъ жертвуетъ идеей для самаго изысканнаго, самаго искусственнаго изощренія техники. Если музыка нашего времени сдѣлала успѣхи въ отношеніи поэтической характеристики, то несравненно громаднѣйшіе успѣхи она сдѣлала въ области аккордовыхъ сочетаній, и здѣсь выказалась ея независимость отъ образовъ и мыслей, такъ какъ изысканность гармоніи нынѣ господствуетъ повсюду, какія бы ни были данныя слова или программа.

II.

Обратимся теперь къ Даргомыжскому, въ художественной личности котораго отпечатлѣлись всѣ указанныя нами черты. Это былъ по преимуществу талантъ деталей и характеристики. У него преобладали наблюдательность къ явленіямъ дѣйствительной жизни, умъ, остроуміе, юморъ; его музыка нерѣдко поражаетъ пикантной новизной, смѣлостью, доходящею до угловатости; тщательно-составленная изъ кусочковъ, не рѣдко весьма интересныхъ, она представляетъ подобіе

богатой и пестрой мозаики; большихъ цѣльныхъ пьесъ и органическаго развитія мысли нѣтъ нигдѣ. Только въ самыхъ мелкихъ вещахъ встрѣчаете вы округленную форму и выдержанное настроеніе. Такой талантъ несомнѣнно имѣлъ призваніе осуществить новѣйшее направленіе оперы, и притомъ въ самой крайней формѣ; уступки традиціи, компромиссы пѣвцамъ или публикѣ онъ тѣмъ менѣе дѣлалъ, что былъ свободенъ отъ школьнаго гнета: онъ никогда не проходилъ основательной систематической школы композиціи, и его техника, хотя бы, напр., въ сравненіи съ Глинкинской—просто младенческая. Но въ немъ была самостоятельная и жизненная струя вдохновенія: стóитъ вспомнить его романсы: „Что въ имени тебѣ моемъ?“ (на слова Пушкина) и „На раздольѣ небесъ“ (на слова Щербины), чтобы убѣдиться, что онъ умѣлъ возвышаться до красивой и патетической мелодіи, сопровожденной сочными, изящными и благородными аккордами. Но въ послѣдніе годы жизни, стремленіе Даргомыжскаго къ гармоническимъ особенностямъ, къ самостоятельной отдѣлкѣ деталей и къ реализму въ звукахъ приняло односторонній и исключительный характеръ: онъ ударился въ крайность, образецъ которой можно видѣть, напримѣръ, въ талантливомъ романсѣ „Паладинъ“.

Въ нашей печати, по поводу „Каменнаго Гостя“, можно было встрѣтить намеки на то, что послѣдніе годы свои Даргомыжскій провелъ въ кружкѣ музыкантовъ крайняго и парадоксальнаго образа мыслей, и что „Каменный Гость“ былъ именно написанъ подъ вліяніемъ этого кружка. Трудно изслѣдовать біографію недавно-умершаго дѣятеля, столь неразрывно связанную съ явленіями нынѣшняго дня. Будущій историкъ русской музыки получитъ въ свое пользованіе матеріалы, на основаніи которыхъ онъ будетъ въ состояніи рѣшить, сколько въ „Каменномъ Гостѣ“ непосредственнаго, вытекшаго изъ самой природы таланта Даргомыжскаго, его вкуса и личнаго чувства, и сколько внѣшняго и посторонняго, навязаннаго ему неутомимо тенденціозными совѣтчиками. Какъ бы то ни было, въ „Каменномъ Гостѣ“ мы имѣемъ дѣло съ цѣлой оперой, написанной по пріему „Паладина“: энергическая, тонко-отчетливая декламація, въ которой каждое повышеніе и пониженіе голоса, каждая восьмая и шестнадцатая тщательно обдуманы, и при этомъ постоянная изысканность гармоніи, кокетливо блистающей самыми необычайными комбинаціями, которыя озадачиваютъ спеціалистовъ, но мало нравятся непросвѣщеннымъ слушателямъ. Если стать на точку зрѣнія восторженныхъ поклонниковъ послѣдняго періода Даргомыжскаго, если признать, что музыка способна къ логической осмысленности и къ выраженію драмы въ ея тончайшихъ фибрахъ, то нельзя не признать, что „Каменный Гость“ составляетъ весьма почтенный шагъ въ этомъ направленіи. Стóитъ только условиться въ томъ, что въ операѣ *не должно* быть ничего такого, что до

сихъ поръ считалось главнымъ, стóить только отбросить сравненіе съ общеизвѣстными произведеніями, даже самую память о нихъ — и мы будемъ охвачены той силой духа, которая выступаетъ передъ нами въ музыкальной характеристикѣ пушкинскихъ лицъ и ихъ рѣчей. Но нѣтъ сомнѣнія, что музыкальное творчество могло бы течь болѣе широкой и свободной волной; нѣтъ сомнѣнія, что отвлеченная и парадоксальная теорія музыкальной драмы, которой Даргомыжскій отдался безъ критики, лишила его всякой возможности отдаваться порыву общихъ настроеній и заставляла его держаться въ узкихъ рамкахъ музыкальной декламаціи пушкинскихъ стиховъ, въ рамкахъ, если можно такъ выразиться, музыкальной риторики и разсудочности. Объ отрицательныхъ сторонахъ его труда мнѣ еще придется говорить: здѣсь же повторяю, что какъ этюдъ речитатива, какъ субъективная кабинетная работа умнаго, наблюдательнаго, нервически-страстнаго художника, далекаго отъ торныхъ путей и совершенно игнорирующаго требованія толпы—*Каменный Гость* составляетъ весьма крупное явленіе въ нашей умственной жизни. Въ цѣломъ онъ не можетъ произвести того впечатлѣнія, на которое разсчитанъ; стиль, которымъ онъ написанъ, также мало понятенъ массѣ, какъ древне-халдейскій языкъ; но за то для слушателя, воспитаннаго на новѣйшей музыкѣ и хорошо знакомаго съ ея духомъ и формами, каждая отдѣльная черта исполнена значенія, интереса, нерѣдко чарующей прелести.

Задача Даргомыжскаго состояла не въ томъ, чтобы обобщить отдѣльныя мысли, отдѣльные образы, заключенные въ стихахъ Пушкина, и слить ихъ въ большія округленныя музыкальныя цѣлыя: такъ понимали задачу вокальной музыки прежде, и это воззрѣніе характеристически выразилось въ опредѣленіи одного изъ нѣмецкихъ критиковъ: Das Wort steht und trennt, die Musik fliesst und verbindet. Даргомыжскій и новѣйшіе музыкальные реалисты понимаютъ свою задачу наоборотъ. Имъ кажется, что слово недостаточно еще обособлено, недостаточно рѣзко и тонко рисуетъ свое понятіе; они идутъ къ нему на помощь со средствами мелодіи и гармоніи, ритма и инструментовки; съ помощью музыкально-декламаціонныхъ тонкостей и деталей инструментальнаго сопровожденія, они стараются придать возможно-бóльшую выпуклость каждой отдѣльной чертѣ поэта, каждому слову, осмыслить каждый знакъ препинанія. Такъ какъ посмертная опера Даргомыжскаго стремится вовсе не къ тому идеалу, который указанъ въ выше приведенномъ нѣмецкомъ афоризмѣ, то понятно, что къ ней нельзя и подходить съ требованіями, основанными на немъ или на воззрѣніяхъ ему сродныхъ. Внѣ подробностей, внѣ частностей, въ „Каменномъ Гостѣ“—*нѣтъ ничего*; но въ этихъ частностяхъ есть геніальныя красоты.

Конечно, Даргомыжскій въ этой оперѣ находится въ положеніи

скорохода, надѣвшаго свинцовые сапоги: онъ одновременно взялся выражать музыкой всякое слово и сохранить неизмѣнный пушкинскій текстъ. По принципу онъ не позволилъ себѣ ни одного сокращенія, ни одного дополненія текста. Ставъ въ подчиненное отношеніе къ тѣмъ словамъ, которыя онъ клалъ на музыку, онъ кромѣ того рѣшился положить на музыку *всѣ* слова избранной поэмы. Въ результатѣ этотъ особый родъ уваженія къ поэту вышелъ невыгоденъ для музыкальной драмы, даже съ точки зрѣнія самого Даргомыжскаго. Разговоръ между Донъ-Жуаномъ и Лепорелло въ первой картинѣ, разговоръ между Донъ-Жуаномъ и донной-Анной въ послѣдней возможны только *въ чтеніи*: ихъ пріятно разыгрывать и напѣвать самому себѣ по фортепіанному изданію съ пѣніемъ; на сценѣ они невыносимы не то что для массы публики (для той невыносима вся опера), а и для самихъ жаркихъ поклонниковъ новаго направленія искусства. Но страсть къ гармоническимъ чрезвычайностямъ, ко всему угловатому и рѣзко-потрясающему, жившая въ Даргомыжскомъ, весьма удачно встрѣтилась съ такой исключительной задачей, какъ выраженіе ужаса, овладѣвшаго человѣкомъ при видѣ мраморной статуи, кивающей головой. Сцена на кладбищѣ, впечатлѣніе которой цѣликомъ основано на этомъ мотивѣ страха передъ сверхъ-естественнымъ, у Даргомыжскаго вычурна и болѣзненна до крайности: но въ этой вычурности заключена своеобразная сила, и ощущеніе ужаса, оковавшаго Лепорелло и Донъ-Жуана, невольно передается слушателю. Техническій пріемъ, употребленный здѣсь Даргомыжскимъ, не новъ; это гамма изъ цѣлыхъ тоновъ, на которой построенъ знаменитый хоръ „Погибнетъ, погибнетъ“, въ „Русланѣ“, и которую самъ Даргомыжскій употребилъ раньше, въ одномъ мѣстѣ своего „Торжества Вакха“; но форма, въ которой эта гамма употреблена здѣсь, оригинальна и смѣла, а мѣстами даже выказываетъ руку искуснаго контрапунктиста, что у Даргомыжскаго бываетъ рѣдко и случайно и свидѣтельствуетъ о громадномъ талантѣ, который прорывался сквозь недостатки образованія. Въ варіаціяхъ, на основной мотивъ, взятый изъ этой гаммы, соблюдена искусная постепенность; самая мощная, тяжеловѣсно грандіозная гармонія прибережена къ концу: ее играетъ одинъ оркестръ при паденіи занавѣса. Чисто-музыкальный эффектъ здѣсь неслишкомъ эстетиченъ; онъ основанъ на такой острой приправѣ, на такихъ неестественныхъ и натянутыхъ звукосочетаніяхъ, что дѣйствуетъ именно своей аномаліей; но какъ бы то ни было, это непосредственное дѣйствіе сильно и неоспоримо, и композиторское дарованіе здѣсь вознаграждаетъ за антимузыкальность направленія, изъ котораго родилась вся эта опера. Есть другое мѣсто, гдѣ напротивъ вдохновеніе музыканта пришло въ открытое столкновеніе съ его эстетическимъ катехизисомъ, *страсть* къ прекраснымъ звукамъ съ *долгомъ* современ-

наго музыкальнаго драматурга: это трагическое происшествіе можно наблюдать въ сценѣ Донъ-Карлоса съ Лаурой, гдѣ первый, какъ-бы совершенно забывая теорію музыкальной драмы, принимается пѣть ни болѣе ни менѣе какъ настоящую каватину на слова:

Вокругъ тебя
Еще лѣтъ шесть они толпиться будутъ,
Тебя ласкать, лелѣять и дарить
И серенадами ночными тѣшить,
И за тебя другъ друга убивать....

Но здѣсь, на словѣ *убивать* онъ вспоминаетъ, что пѣніе не входитъ въ программу музыкально-драматическихъ новаторовъ, и устыдившись своей минутной слабости, онъ продолжаетъ уже въ речитативномъ родѣ, единственно дозволенномъ по новому катехизису.

Случай этотъ можетъ заставить улыбнуться: продолженіе каватины такъ явно не соотвѣтствуетъ ея началу, переломъ совершается такъ круто, музыка *красивая* такъ внезапно замѣняется музыкой *современно-логичной*, что передъ глазами такъ и рисуется бѣдный художникъ, захотѣвшій на минуту уйти отъ своихъ преслѣдователей, эстетическихъ болтуновъ и наставниковъ, въ область чистаго мелодическаго вдохновенія, но подобно шильйонскому узнику почувствовавшій себя неловко на непривычной волѣ и возвратившійся въ прежнюю душную атмосферу абстракціи. Долгъ восторжествовалъ надъ страстью, и этотъ трагическій отрывокъ изъ исторіи развитія композитора, такимъ образомъ, соотвѣтствуетъ требованіямъ моралистовъ. Но я предоставляю другимъ эксплуатировать забавную сторону этого противорѣчія между собственными склонностями художника и его предвзятой теоріей; съ своей стороны, я здѣсь вижу серьезное и прискорбное явленіе. Каковъ долженъ быть гнетъ и авторитетъ мертвой теоріи, если она могла заставить даровитаго музыканта зрѣлыхъ лѣтъ остановиться среди вдохновеннаго порыва и наложить догматическій трензель на развитіе собственной мысли! Впрочемъ въ „Каменномъ Гостѣ“ есть два романса, самостоятельно округленные и вполнѣ заключенные. Они стоятъ особнякомъ: со всей остальной оперой они не сливаются не только вслѣдствіе этой обособленной формы, но также и по музыкальному стилю. Самъ композиторъ вѣроятно желалъ отдѣлить ихъ отчетливо отъ речитатива, которымъ исполнена остальная опера: романсы эти изображаютъ Лауру *поющей*, и такимъ образомъ не только не противорѣчатъ музыкальному реализму всего сочиненія, но напротивъ составляютъ новое примѣненіе этого реализма.

Нельзя не предвидѣть, что чѣмъ талантливѣе будутъ музыканты, которые въ оперной композиціи послѣдуютъ по стопамъ Даргомыжскаго, тѣмъ чаще они будутъ попадаться между двухъ огней собственнаго мелодическаго вдохновенія и неумолимой драматической

теоріи. Каждый разъ когда имъ захочется написать что-нибудь пѣвучее, имъ понадобится, чтобы какое-нибудь дѣйствующее лицо попросило какое-нибудь другое дѣйствующее лицо спѣть что-нибудь для общаго удовольствія. Процедура, какъ видитъ читатель, довольно обстоятельная; въ прежнее время было меньше формальностей; но изъ того, что композиторъ и на формальности согласенъ, лишь бы удержать право кое-гдѣ дать волю своей потребности пѣнія, видно, какъ сильна въ немъ эта потребность. Всего занимательнѣе этотъ способъ пѣть примѣненъ Вагнеромъ въ его „Тангейзерѣ“ и въ „Нюренбергскихъ пѣвцахъ“. Въ этихъ двухъ операхъ дѣйствующія лица сами пѣвцы, а потому, не нарушая правдоподобія, могутъ пѣть романсы сколько душѣ угодно. Остается сдѣлать еще одинъ шагъ и взять сюжетомъ для оперы оперный же спектакль: тогда уже самый строгій реализмъ не найдетъ ничего сказать противъ всевозможныхъ арій, дуэтовъ, хоровъ и т. д., даже противъ виртуозныхъ каденцій и фіоритуръ. Но каковы будутъ либретто, если одна изъ главныхъ задачъ ихъ будетъ заключаться въ изображеніи лицъ, которыхъ другія лица просятъ пѣть и которыя по этому случаю берутъ гитару и плѣняютъ своимъ искусствомъ свѣтъ! Пока эта хитрость нова, она еще терпится, но когда она превратится въ общее мѣсто, она сдѣлается смѣшной и затѣмъ наскучитъ. Слушатель, страдавшій полчаса или три четверти часа отъ непрерывнаго речитатива, безукоризненнаго съ реальной точки зрѣнія, будетъ ждать этого *приглашенія пѣть* какъ манны небесной: безъ такого приглашенія немыслимо будетъ самое пѣніе, а безъ пѣнія немыслимо будетъ посѣщеніе оперы.

Пока я буду видѣть въ операхъ реальнаго направленія эту контрабанду, заведенную для ввоза пѣвучихъ мелодій, запрещенныхъ эстетическимъ тарифомъ, я буду питать увѣренность, что теорія безусловнаго драматизма въ музыкѣ еще не созрѣла и не пріобрѣла необходимаго апломба. Гости, собранные у Лауры, жаждутъ пѣнія и умоляютъ ее утолить ихъ жажду; если бы Лаура, вмѣсто того чтобы согласиться на ихъ просьбу, наговорила имъ множество самыхъ любезныхъ и остроумныхъ вещей, они, безъ сомнѣнія, остались бы недовольны и пришли бы къ убѣжденію, что ужинать у нея вовсе не такъ занимательно, какъ утверждаютъ нѣкоторые. Они бы предоставили энтузіастамъ и чудакамъ, подобнымъ дон-Карлосу, искать у нея эстетическихъ впечатлѣній, а сами бы обратились за ними въ другое мѣсто. Лаура—это оперный композиторъ, а гости—это публика. Она жаждетъ пѣнія, и Лаура поступитъ болѣе чѣмъ опрометчиво, если вмѣсто красивыхъ, страстныхъ и благозвучныхъ мелодій, вздумаетъ угощать своихъ гостей остроумiемъ речитативовъ и сюрпризами оркестроваго аккомпанемента. Можно сказать съ увѣренностью, что домъ Лауры опустѣетъ; исчезнутъ многочисленные поклонники, и

развѣ останется какой-нибудь одинокій дон-Карлосъ, страстный охотникъ до речитативовъ, хотя бы распространенныхъ на цѣлый вечеръ.

Дон-Карлосъ смотритъ самыми мрачными глазами на будущность Лауры. Онъ предвидитъ, что она скоро состарѣется, и тогда очутится безъ поклонниковъ, безъ друзей, въ горестномъ и обидномъ одиночествѣ. Мнѣ кажется, что нашъ оперный реализмъ не болѣе долговѣченъ, нежели красота Лауры, и что тѣ поклонники, которые теперь, говоря словами поэта, „толпятся" вокругъ него, скоро увидятъ сѣдину на его челѣ и поспѣшатъ удалиться. Не можетъ быть ни минуты сомнѣнія въ томъ, что этотъ воображаемый реализмъ есть страшное насиліе надъ публикой, и что въ настоящей оперѣ весь громадный талантъ композитора оказался недостаточнымъ для того, чтобы смягчить насиліе, сдѣлать его незамѣтнымъ, или по крайней мѣрѣ сноснымъ. Красоты подробностей, которыми изобилуетъ „Каменный Гость", предполагаютъ начитанныхъ слушателей, спеціально знакомыхъ съ новѣйшей музыкой, и успѣвшихъ закалить свой слухъ на ея острыхъ диссонансахъ. Для такихъ людей „Каменный Гость" составляетъ техническій этюдъ, весьма шероховатый, но несомнѣнно даровитый. Эта техническая сторона, какъ я уже говорилъ, въ посмертномъ произведеніи Даргомыжскаго занимаетъ очень видное мѣсто, совершенно независимо отъ его драматическаго направленія. Было бы ребяческимъ легковѣріемъ утверждать, что всѣ эти гармоническія вычуры были *необходимы* Даргомыжскому для выраженія поэтической идеи. Между словами поэта и вычурами музыканта связь чисто механическая, которая произошла отъ случайнаго совпаденія въ одномъ человѣкѣ двухъ тенденцій, совершенно различныхъ между собою, и строго говоря даже взаимно враждебныхъ. Подобно Вагнеру, подобно Листу, Даргомыжскій отдаетъ свою музыку на служеніе духу, на воспроизведеніе его идей; но въ то же время онъ музыкантъ, онъ любитъ свое искусство: его занимаютъ тѣ затѣйливые и странно звучащіе аккорды, на которые онъ иногда наталкивается, импровизируя за фортепіано, и вотъ онъ ищетъ случая включить эти аккорды, кстати или некстати, въ музыкальную иллюстрацію избраннаго имъ текста. То же самое дѣлаютъ и Вагнеръ съ Листомъ. Оставляя въ сторонѣ Листа, который оперъ не пишетъ, и ограничиваясь сравненіемъ Вагнера съ Даргомыжскимъ, нельзя не сказать, что Даргомыжскій къ задачѣ своей относится строже и послѣдовательнѣе Вагнера, что онъ гораздо цѣломудреннѣе какъ художникъ, что у него нѣтъ вагнеровской грубой чувственности, маскированной заоблачнымъ романтизмомъ, что онъ въ музыкѣ гораздо свободнѣе отъ общаго мѣста и въ декламаціи тщательнѣе и счастливѣе. Но за то „Каменный Гость" безконечно менѣе музыкаленъ, нежели любая опера Вагнера. Вагнеръ часто измѣняетъ своему принципу; его аскетизмъ и пуризмъ болѣе на словахъ;

на дѣлѣ онъ любитъ гальваническій потрясающій эффектъ, но онъ его и достигаетъ: толпа его полюбила раньше, нежели ученые знатоки, и оперы Вагнера останутся какъ живые памятники могучей творческой силы, когда будутъ забыты его напыщенныя словоизверженія о музыкѣ, о драмѣ и о многомъ другомъ. Даргомыжскій измѣняетъ своему принципу гораздо рѣже и въ незначительныхъ размѣрахъ; вообще его опера—весьма типичное произведеніе новой школы, *передовое* во всѣхъ частностяхъ, въ каждомъ штрихѣ — но за то это произведеніе невозможное, написанное для воображаемой публики, которая организована и воспитана иначе, нежели публика дѣйствительно существующая. Искусство такого разбора, какъ новая опера нашего соотечественника, не отвѣчаетъ дѣйствительной эстетической потребности, проснувшейся въ массѣ: оно существуетъ само по себѣ, оно есть культъ, свободный и безкорыстный, того божества, которое создалъ себѣ художникъ на досугѣ. Въ настоящемъ случаѣ божество это называется „правдой" въ звукахъ; этому кумиру приносится въ жертву и красота мелодіи, и понятность формы — все, кромѣ гармоническихъ причудъ, на которыя поклонникъ суровой „правды" имѣетъ индульгенцію, Богъ-знаетъ гдѣ добытую. Съ помощью послѣднихъ онъ импонируетъ цеховымъ музыкантамъ, поражая ихъ смѣлостью и неожиданностью оборотовъ. Съ помощью теоріи „правды въ звукахъ" онъ пріобрѣтаетъ на время извѣстный контингентъ газетныхъ сторонниковъ, которые привыкли при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ распинаться за „правду", а потому муссируютъ ее даже и въ музыкальной оболочкѣ. Такимъ образомъ зарождается и ростетъ огромная масса праздной болтовни, тема которой главнымъ образомъ заключается въ томъ, что прежній міръ погрязалъ во мракѣ, а прежняя опера въ музыкѣ, теперь же насталъ свѣтъ и музыки въ оперѣ больше не будетъ. Жаль, что произведеніе, въ концѣ концовъ даровитое, остроумное и вдохновенное несмотря на всѣ свои крайности и странности, послужило поводомъ къ столькимъ фразамъ и пищей для лицемѣрнаго самолюбія лже-меломановъ, прикинувшихся восхищенными исключительно для того, чтобы не отстать отъ „передовыхъ" и не показаться „недоразвитыми".

Г. Ларошъ.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арсеньевскія бумаги.

Историческія бумаги, собранныя Константиномъ Ивановичемъ Арсеньевымъ. Приведены въ порядокъ и изданы академикомъ *П. Пекарскимъ*. Съ портретомъ К. И. Арсеньева. Спб. 1872.

Имя К. И. Арсеньева пользовалось въ сороковыхъ годахъ общею извѣстностью среди мало-мальски грамотнаго люда, доходившаго до уѣзднаго училища, гдѣ начиналось преподаваніе географіи; руководства имъ написанныя, довольно долгое время обращались въ училищахъ и для своего времени были составлены очень хорошо; въ болѣе узкой средѣ, онъ былъ извѣстенъ своими статистическими и историческими трудами и какъ преподаватель исторіи Наслѣднику престола, нынѣ царствующему Государю. Когда настала возможность поднять завѣсу съ послѣднихъ годовъ царствованія Александра I-го, имя К. И. снова явилось, какъ одного изъ профессоровъ петербургскаго университета, пострадавшихъ во время господства Магницкаго. Дѣло это настолько извѣстно, что возвращаться къ нему не было бы никакой надобности по поводу біографіи К. И., написанной г. Пекарскимъ и приложенной къ „историческимъ бумагамъ“, которыя покойный географъ и статистикъ извлекъ изъ государственнаго архива, — еслибъ оно не могло быть освѣщено новыми фактами и не являлось бы съ новой поучительной стороны.

Гоненіе на университетское преподаваніе началось въ 1819-мъ году, когда „Естественное Право“ Куницына было найдено Руничемъ „сборникомъ антихристіанскихъ и антимонархическихъ нелѣпостей“; затѣмъ, въ 1821-мъ году, Руничъ отнесся къ ректору университета, Болгарьянскому, „что главное училищъ правленіе, разсмотрѣвъ тетради студентовъ здѣшняго университета по отдѣленію философскихъ и историческихъ наукъ, нашло лекціи профессоровъ: Германа, Раупаха, Галича и адъюнкт-профессора Арсеньева, составляющими обдуманную систему невѣрія и правилъ зловредныхъ и разрушительныхъ въ отношеніи къ нравственности, образу мыслей и духу учащихся и къ благосостоянію всеобщему“. Вслѣдствіе такихъ уважительныхъ причинъ, тетради у студентовъ были отобраны, на мѣсто заподозрѣнныхъ профессоровъ назначены другіе и предписано произвести въ университетѣ судъ надъ четырьмя обвиненными профессорами. Судъ этотъ производился Руничемъ съ необычайной наглостью. Впослѣдствіи онъ оправдывался тѣмъ, что дѣйствовалъ такъ по приказанію министра, Голицына,

и Магницкаго, какъ будто это можетъ снять съ него позорное клеймо: онъ причислилъ себя къ лику реакціи и вмѣстѣ со всѣми представителями ея долженъ нести отвѣтственность за свои дѣянія. Достойные представители мракобѣсія выбивались изъ силъ, чтобъ изъ ничего создать нѣчто, сочинить какое-нибудь пугало, на которомъ удобно и съ пользою для себя можно было бы ѣздить: это вѣчная тактика честолюбивыхъ интригановъ, благо имъ всегда остается возможность оправдывать себя государственнымъ интересомъ, какъ и оправдывался Руничъ въ письмѣ своемъ къ Арсеньеву, написанномъ уже въ то время, когда послѣдній состоялъ наставникомъ Наслѣдника престола и когда роли перемѣнились. „Къ счастью для насъ, подсудимыхъ, и для нашихъ защитниковъ, говоритъ Арсеньевъ въ своихъ запискахъ, общественное мнѣніе — чуть ли тогда не въ первый разъ проявившееся — было сильно возбуждено противъ Рунича и Магницкаго. Послѣдній былъ главнымъ виновникомъ всего зла; ихъ обоихъ и съ ихъ сателлитами огласили вездѣ обскурантами, гасильщиками просвѣщенія, а насъ великими мучениками за науку и правду. Дотолѣ въ городѣ мало знали объ университетѣ, весьма мало интересовались его судьбами; теперь многіе сторонніе къ дѣлу люди хотѣли знать всѣ подробности *суда нечестивыхъ*, какъ называли они судъ надъ нами. Вообще вся просвѣщенная публика принимала живое участіе въ судьбѣ нашей....“

„Чуть ли не въ первый разъ проявившееся тогда общественное мнѣніе“, конечно, имѣло, свое значеніе; но было еще обстоятельство, которое сильно содѣйствовало этому общественному мнѣнію и спасло лучшихъ представителей науки въ тогдашней Россіи отъ погибели. Обстоятельство это спасительно дѣйствовало и въ послѣдующее время; оно заключалось въ организаціи у насъ учебной части; министерство народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ имѣло подъ тяжелою рукою своей не всѣ школы и, такимъ образомъ, не всѣ учебныя заведенія могли лишиться лучшихъ силъ своихъ вслѣдствіе обскурантизма министра и его помощниковъ. Такая децентрализація всегда спасительна въ государствахъ, подобныхъ нашему, гдѣ общественное мнѣніе можетъ дѣйствовать нѣсколько черезъ печать, да и то далеко не въ сильной степени, и гдѣ личный взглядъ министра, часто личныя его заблужденія, а иногда и сознательное стремленіе къ цѣлямъ, ничего общаго ни съ наукою, ни съ преуспѣяніемъ учебнаго дѣла не имѣющее, даютъ тотъ или другой ходъ общественно-воспитательному механизму. Просвѣщеніе, изгоняемое министромъ просвѣщенія въ своихъ заведеніяхъ, удаляется въ вѣдомство ему не подчиненное; невѣжество, фарисейство и ханжество душатъ молодыя силы въ одномъ вѣдомствѣ, въ то время какъ другое старается пробиться къ свѣту; лучшія ученыя силы, изгоняемыя изъ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, находятъ пріютъ въ учебныхъ заведеніяхъ ему не

подчиненныхъ. Этотъ общеизвѣстный фактъ весьма наглядно выразился въ дѣлѣ профессоровъ петербургскаго университета. Военно-учебныя заведенія и заведенія императрицы не были подчинены фарисействовавшему министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, и Арсеньевъ, потерявъ свое мѣсто въ университетѣ, оставался преподавателемъ въ главномъ инженерномъ и артиллерійскомъ училищахъ, несмотря на все злобное шипѣніе гонителей просвѣщенія, изъ которыхъ наиболѣе откровенный, Магницкій, писалъ, въ своихъ замѣчаніяхъ на „Статистику Россійской Имперіи“ Арсеньева: „Примѣчательно то, что авторъ сей книги, выгнанный изъ здѣшняго университета по дѣлу о вредномъ преподаваніи, опредѣленъ во многихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ!“

Для насъ гораздо замѣчательнѣе другое обстоятельство, именно отношеніе великаго князя Николая Павловича къ дѣлу „выгнанныхъ профессоровъ“. Молодой великій князь, начальствовавшій въ то время надъ военно-учебными заведеніями, не скрывалъ своего негодованія къ крутымъ мѣрамъ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, несмотря на то, что этимъ самымъ онъ не могъ угодить императору Александру I-му; Арсеньеву онъ покровительствовалъ открыто, давая пищу министерству народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ для нашептываній и даже письменныхъ доносовъ императору. Однажды, при посѣщеніи инженернаго училища, великій князь зашелъ въ классъ, въ которомъ читалъ лекцію Арсеньевъ, и сказалъ ему: „Что съ тобою, Арсеньевъ? За что на тебя такое гоненіе? Мы тебя знали чистымъ и честнымъ. Будь спокоенъ, ты у насъ останешься и ничего не потеряешь“.

Еще болѣе рѣзко выразился онъ передъ Руничемъ, когда тотъ, получивъ за свои подвиги Владиміра второй степени, явился къ великимъ князьямъ. „Николай Павловичъ“, разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ“ Н. И. Гречъ, „благодарилъ его (Рунича) за изгнаніе Арсеньева, который могъ теперь посвятить все свое время инженерному училищу, и *просилъ вынать изъ университета еще нѣсколько человѣкъ подобныхъ, чтобъ у себя съ пользою употребить ихъ на службу*“.

Негодованіе не могло быть выражено сильнѣе и благороднѣе лицомъ, столь высоко стоящимъ, хотя и оно было безсильно отвратить бѣду, нависшую надъ просвѣщеніемъ. Но предположите, что не было бы спасительной децентрализаціи учебнаго дѣла, какихъ печальныхъ результатовъ достигло бы гоненіе на лучшія ученыя силы. Съ другой стороны, какимъ диссонансомъ въ правительственной организаціи являются эти благородныя слова великаго князя: „Выгоните лучшихъ профессоровъ — мы ихъ возьмемъ къ себѣ и воспользуемся ихъ дарованіемъ“, словно великій князь и министръ народнаго просвѣщенія и

духовныхъ дѣлъ служили не одной и той же Россіи; но такъ глубокъ былъ порокъ административнаго произвола, такъ дерзко интриганы для личныхъ цѣлей попирали первые ростки просвѣщенія, нагло обманывая государя, что для честныхъ людей оставался только протестъ и защита гонимыхъ, во что бы то ни стало. Впрочемъ, мы должны упомянуть, что какъ ни тяжко было то время, но правительство все-таки прибѣгло къ суду, или, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторой судебной формальности, чтобъ обвинить такъ-называемыхъ неблагонадежныхъ профессоровъ. Каковъ былъ этотъ судъ — другое дѣло: судьи только кричали и говорили оскорбленія....

Здѣсь кстати будетъ указать на нѣкоторыя выписки изъ осужденной „Статистики“ Арсеньева и замѣчанія на нихъ Магницкаго: это лучше всякихъ поясненій охарактеризуетъ намъ обѣ стороны и вмѣстѣ дастъ понятіе о цензурномъ искусствѣ Магницкаго дѣлать изъ мухи слона.

Арсеньевъ: „Петръ Великій, находя старообрядцевъ и раскольниковъ опасными по ихъ правиламъ, преслѣдовалъ ихъ, и сіе гоненіе еще болѣе усиливало фанатизмъ сихъ изувѣровъ, и распространяло ихъ по всѣмъ краямъ Россіи“.

Магницкій: „Мѣры обращенія раскольниковъ называетъ авторъ преслѣдованіемъ и гоненіемъ, и говоритъ, что отъ нихъ расколы умножились, между тѣмъ какъ актами доказать можно, что расколы у насъ усилились и даже возникли новые съ половины XVIII-го столѣтія, когда обнародована неограниченная терпимость, философами сего вѣка установленная“.

Арсеньевъ: „Число непроизводящаго класса жителей положить можно болѣе 2.000,000 душъ“.

Магницкій: „Классомъ непроизводящимъ, трутнями, пожирающими произведенія общаго труда, называетъ авторъ дворянство, духовенство, и, подъ именемъ разночинцевъ и служащихъ всякаго рода, всѣ лица правительства“.

Арсеньевъ: „Непроизводящій классъ относится къ производящему классу какъ 1: 9, или, что 9 производителей содержатъ одного потребителя“.

Магницкій: „Здѣсь раскрываетъ онъ мысль свою яснѣе и утвердительнѣе, говоря, что одного празднаго кормятъ 9 работниковъ“.

Арсеньевъ: „Для поощренія къ большей дѣятельности и къ большему произведенію нѣтъ лучшаго, надежнѣйшаго средства, какъ совершенная, неограниченная ничѣмъ гражданская личная свобода, единственный источникъ величія и совершенства всѣхъ родовъ промышленности“.

Магницкій: „Итакъ, вотъ чего хочетъ г. Арсеньевъ: неограниченной ничѣмъ гражданской свободы, т.-е. революціи“.

Арсеньевъ: „Народы бываютъ несчастны только по невѣжеству".

Магницкій: „Нельзя сего сказать о Парижѣ при открытіи революціи".

Арсеньевъ: „Въ самомъ дѣлѣ, государи съ большою удобностью могутъ производить обширные свои планы къ достиженію цѣли государства, управляя народами образованными, способными постигать причины и слѣдствія сихъ плановъ".

Магницкій: „Еслибъ былъ народъ такъ просвѣщенный, то государю первому надобно бы отъ него бѣжать. Въ этомъ согласились уже и философы XVIII-го столѣтія".

Арсеньевъ: „Образованіе всей массы народа есть главнѣйшая основа всего просвѣщенія. Оно идетъ конечно весьма медленно, но за то, утвердившись одинъ разъ, продолжается гораздо долѣе, такъ что нельзя уже остановить постояннаго его ходу".

Магницкій: „Здѣсь г. Арсеньевъ высказываетъ свою тайну. Образованіе народа, имъ желаемое, таково, что какъ скоро его допустятъ, то и унять уже не можно. Какъ назвать это иначе, какъ не революціею?"

Арсеньевъ: „Только правленія деспотическія не имѣютъ кореннихъ законовъ, на которыхъ утверждается цѣлость всякаго благоустроеннаго государства".

Магницкій: „Статья сія примѣчательна потому, что относится прямо къ намъ, ибо на той же стр. въ примѣчаніи говорится, что у насъ, по мнѣнію Шлёцера, два коренные закона, ограждающіе власть монарха".

Арсеньевъ: „Государь въ своей особѣ соединяетъ всѣ отрасли верховной власти: власть законодательную, судебную и исполнительную. Никакое сословіе, никакое правительственное мѣсто и никакое лицо не имѣютъ въ томъ никакого непосредственнаго участія".

Магницкій: „Это опредѣленіе турецкаго правительства, и доказательство, что авторъ не читалъ ни учрежденія о губерніяхъ, ни регламентовъ коллегій, ни наставленій губернаторамъ, ни установленія сената, ни образованія государств. совѣта, ни правилъ для комитета гг. министровъ".

Арсеньевъ: „Каждый подданный отъ управляющей власти не можетъ болѣе требовать, какъ только, чтобы отвращаемы были всѣ препятствія, могущія встрѣтиться при его свободной дѣятельности".

Магницкій: „Изрядное требованіе! Еслибы каждый подданный имѣлъ на него право, то больше и не нужно для разрушенія государства".

Ограничиваемся только этими выписками; мы могли бы указать на множество замѣчаній Арсеньева о крѣпостномъ правѣ и крѣпостныхъ людяхъ и объ отношеніяхъ къ ихъ помѣщикахъ; если Магницкій выказывалъ во многихъ случаяхъ придирчивость, ни на чемъ не осно-

ванную, то сдѣланныя имъ выписки изъ „Статистики„ о крѣпостныхъ несомнѣнно доказывали, что Арсеньевъ дѣйствительно пропагандировалъ между своими учениками либеральныя идеи, т.-е. оставался вѣренъ задачамъ своей науки и не переиначивалъ выводовъ ея, сообразно взглядамъ крѣпостническаго большинства. Еще въ 1814-мъ году онъ писалъ отцу своему, сельскому священнику: „Вы писали мнѣ, не могу ли купить нѣсколько семей, какъ напримѣръ Михаила Лазарева и прочихъ. Подумайте, не затѣя ли это? Признаюсь, я не ожидалъ отъ васъ такого предложенія. Ежели когда нибудь Всевышнему угодно будетъ наградить меня богатствомъ, большими чинами и прочимъ, то и тогда не буду имѣть я той мысли, чтобы владѣть подобными себѣ людьми. Изъ богатства, изъ денегъ можно сдѣлать гораздо благороднѣйшее и полезнѣйшее для себя употребленіе. Что я буду баринъ съ душами, безъ доброй самъ души. Что въ томъ пользы?“

Есть основаніе думать, что Арсеньевъ всю жизнь оставался вѣренъ либеральнымъ началамъ, какъ многіе другіе люди александровской эпохи. Это видно, между прочимъ, и изъ его историческихъ трудовъ, изъ которыхъ „Царствованіе Екатерины I-й“, написанное въ 1839-мъ году, могло явиться въ печати только по вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора, ученика Арсеньева. Собирая въ 1828-мъ году комитетъ изъ приближенныхъ къ нему лицъ для обсужденія вопроса: кому поручить преподаваніе наукъ Наслѣднику престола, Николай Павловичъ сказалъ: „для исторіи у меня есть надежный человѣкъ, съ которымъ я служилъ въ инженерномъ училищѣ— Арсеньевъ. Онъ знаетъ дѣло, отлично говоритъ и сыну будетъ полезенъ“. Покойный государь не ошибся: Арсеньевъ былъ полезенъ Наслѣднику престола своимъ глубокимъ знаніемъ народа, его исторіи, его нуждъ и тяготы; никто не имѣлъ столько фактовъ, цифровыхъ и другихъ данныхъ для вѣрнаго сужденія о народѣ, какъ Арсеньевъ, и, кто знаетъ, быть можетъ, онъ же заронилъ въ душу нынѣ царствующаго Государя первыя мысли объ освобожденіи крестьянъ. Не даромъ онъ говорилъ въ посвященіи Наслѣднику престола своей книги „Статистическіе очерки:“ „Вы любите Россію искренно — я помню, съ какимъ одушевленіемъ бесѣдовали Вы о величіи Россіи и о великихъ подвигахъ, въ разныя времена совершенныхъ русскими, съ какимъ любопытствомъ наблюдали Вы каждое движеніе на поприщѣ совершенствованія и образованія, и *съ какимъ участіемъ скорбѣли о разныхъ преградахъ къ свободному развитію новой, лучшей жизни для народа.* Время, когда я имѣлъ счастіе бесѣдовать съ вами о судьбахъ отечества, останется для меня на вѣки незабвеннымъ“.

Съ фразою, напечатанною нами здѣсь курсивомъ, случилась исторія, напоминавшая Арсеньеву исторію его статистики при Магницкомъ. „Статистическіе Очерки“ были уже напечатаны, но въ это время, въ

1848-мъ году, царилъ терроръ высшаго цензурнаго комитета, извѣстный подъ именемъ „комитета 2-го апрѣля 1848-го года", состоявшій подъ предсѣдательствомъ Бутурлина. Комитетъ этотъ обязанъ былъ слѣдить за всѣми недосмотрами цензуры обыкновенной, и вотъ онъ увидалъ вредоносность въ приведенной выше фразѣ о „новой, лучшей жизни для народа", и книга была арестована и предисловіе перепечатано. Арсеньеву, впрочемъ, никакихъ непріятностей ни было. Какъ бы то ни было, онъ переживалъ въ другой разъ эпоху Магницкихъ, столь чуткихъ къ реакціи, и на этотъ разъ при томъ самомъ государѣ, который, будучи великимъ княземъ, съ такимъ благороднымъ негодованіемъ и съ такою рѣзкою правдою относился къ нимъ.

Переходя къ бумагамъ, списаннымъ Арсеньевымъ въ государственномъ архивѣ, куда онъ имѣлъ доступъ въ качествѣ учителя Наслѣдника престола, мы прежде всего должны замѣтить, что личность собирателя сказалась и въ этомъ трудѣ. Онъ списывалъ не просто важныя или интересныя бумаги, но бо́льшею частію такія, содержаніе которыхъ отвѣчало его личнымъ взглядамъ на историческихъ дѣятелей и событія. Дворскіе перевороты XVIII-го вѣка, о которыхъ въ современной Арсеньеву исторической литературѣ почти ничего не было извѣстно, должны были интересовать его, какъ сами по себѣ, такъ и еще болѣе по своему вліянію на народную жизнь. Интересовали его также личности, выбивавшіяся изъ народа, не путемъ красоты лица своего, конечно, но своей энергіей, своимъ стремленіемъ къ просвѣщенію. Такимъ образомъ, бумаги эти даютъ цѣнный историческій матеріалъ для сужденія о многихъ сторонахъ общества XVIII-го вѣка, и составляютъ нѣчто цѣльное и проникнутое мыслью.

Рядъ ихъ начинается письмами царицы Евдокіи Ѳедоровны, царевича Алексѣя Петровича и Евфросиньи, письмами, оставшимися незамѣченными ни Устряловымъ, ни другими изслѣдователями, занимавшимися царствованіемъ Петра Великаго и судьбою его старшаго сына. Заключенная въ монастырь царица проситъ своего супруга сотворить ей милость, пожаловать ей денегъ, такъ какъ у нея нѣтъ ничего и она живетъ какъ нищая; другое, нѣжное письмо ея къ царевичу Алексѣю и два письма послѣдняго къ Евфросиньѣ, дышащія также нѣжностью. Письмо его, отъ 3-го февраля 1718-го года, имѣетъ тотъ интересъ, что въ немъ самъ царевичъ разсказываетъ Евфросиньѣ о своемъ свиданіи съ отцомъ послѣ того, какъ онъ возвращенъ былъ изъ бѣгства въ Италію, о присягѣ брату и проч. „Слава Богу, заключаетъ онъ письмо, что насъ отъ наслѣдства отлучили, понеже останемся въ покоѣ съ тобою. Дай Боже благополучно пожить съ тобою въ деревнѣ, понеже мы съ тобою ничего не желали только, чтобъ жить въ Рожествѣ; сама ты знаешь, что мнѣ ничего не хочется, только съ тобою до смерти въ покоѣ дожить. А будетъ что нѣмец-

кихъ вракъ будетъ о семъ, невѣрь пожалуй: ей, ей, больше ничего не было", т.-е. кромѣ того, что онъ сообщилъ ей о своемъ отреченіи.

Затѣмъ слѣдуетъ обширный и очень важный указъ Екатерины, не вошедшій ни въ полное собраніе законовъ, ни въ исторію г. Соловьева, о бѣдственномъ положеніи народа и облегченіи его участи. Указъ сопровождается замѣчаніями членовъ верховнаго совѣта. Въ нашей исторіи, царствованіе Екатерины I-й замѣчательно именно тѣмъ, что она обратила вниманіе на простой народъ: въ этихъ мѣрахъ, быть можетъ, сказалось ея собственное невысокое происхожденіе и крестьянское происхожденіе ея перваго министра, Меньшикова. Выдвинутые на такую высоту изъ самыхъ низшихъ народныхъ слоевъ, они вспомнили, во время своего всемогущества, имъ родныя и близкія знакомыя бѣдствія. Этотъ указъ, по гуманному чувству, которое его проникаетъ, и по мотивамъ, стоитъ особнякомъ и въ бумагахъ Арсеньева и, вѣроятно, въ исторіи XVIII-го вѣка. Вслѣдъ за нимъ начинаются пытки и допросы, характеризующія царствованіе Анны Іоанновны. Пытаютъ и бьютъ кнутомъ графа Мартына Скавронскаго, который съ-пьяну говорилъ о томъ, что онъ сдѣлаетъ, когда станетъ императоромъ, потому, что „нынѣшней де государынѣ, надѣюсь, немного жить". Пытаютъ и казнятъ смертною казнью въ застѣнкѣ раскольника Ивана Павлова. Потомъ матеріалы для суда надъ Бирономъ, Остерманомъ, Головкинымъ, Бестужевымъ и проч. Мы остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ, рисующихъ тогдашнее время и нравы.

Среди документовъ о пыткахъ и проч. находится одинъ очень веселаго содержанія, принадлежащій перу женщины, Настасьи Филатовны Шестаковой, жены дворцоваго управителя. Эта Настасья Шестакова по какому-то поводу предстала предъ свѣтлыя очи Анны Іоанновны, именно въ 1738-мъ году, когда царица доживала уже свои послѣдніе годы. Велѣно было ей ночевать во дворцѣ, а когда царица раздѣлась, то приказала привести къ себѣ въ опочивальню Настасью Шестакову. „Анна Іоанновна", разсказываетъ Шестакова, „изволила меня къ ручкѣ пожаловать и тѣшилась: взяла меня за плечо такъ крѣпка, что съ тѣломъ захватила, ажно больно мнѣ было. И изволила привесть меня ко окну и изволила мнѣ глядѣть въ глаза, сказала: „стара очень, никакъ какъ была Филатовна — только пожелтѣла". И я сказала: „ужъ, матушка, запустила себя: прежде пачкалась бѣлилами; брови марала, румянилась". И ея величество изволила говорить: „румяниться не надобно, а брови марай". И много тѣшилась и изволила про свое величество спросить: „стара я стала, Филатовна?" И я сказала: „никакъ, матушка, ни маленькой старинки въ вашемъ величествѣ." — Какова же я толщиною съ Авдотью Ивановну? И я сказала: „нельзя, матушка, смѣнить ваше величество съ нею, она вдвое толще". Только

изволила сказать: „вотъ, вотъ, видишь ли!“ А я какъ замолчу, то изволитъ сказать: „ну, говори, Филатовна!“ И я скажу: „не знаю, что, матушка, говорить; душа во мнѣ трепещется, дай отдохнуть“. И ея величеству это смѣшно стало, изволила тѣшиться: „поди ко мнѣ поближе.“ И мнѣ стала ея величества милость и страшна и мила, упала передъ ножками въ землю и цѣлую юпочку. А ея величество тѣшится: „подымите ее“. А княгиня меня тащитъ за рукавъ кверху, я и пуще не умѣю встать. И такъ моя матушка свѣтла была, что отъ радости ночью плакала и спать не могла. „Ну, Филатовна, говори!“ „Не знаю, матушка, что говорить.“ — „Разсказывай про разбойниковъ!“ Меня уже горе взяло: „я молъ съ разбойниками не живала“.

На другой день Филатовну снова позвали; царица сидѣла за обѣдомъ и опять „тѣшилась“ разговоромъ съ нею. „А какъ замолчу, изволитъ сказать: „ну, Филатовна, говори.“ И я скажу: „матушка, уже все высказала.“ — Еще не все: скажитко стрѣляютъ ли дамы въ Москвѣ?“ — „Видѣла я, государыня, князь Алексѣй Михаиловичъ учитъ княжну стрѣлять изъ окна, и поставлена мишень на заборѣ.“ — „Попадаетъ ли она?“ — „Иное, матушка, попадаетъ, а иное кривенько.“ — „А птицъ стрѣляетъ ли?“ „Видѣла, государыня, посадили голубя близко мишени, и застрѣлила въ крыло, и голубь ходилъ на кривобокъ, а въ другой разъ уже пристрѣлила.“ — „А другія дамы стрѣляютъ ли?“ — „Не могу, матушка, донесть, не видывала“, и проч.

По нашему мнѣнію, документъ этотъ вводитъ въ дворцовую жизнь и въ интересы Анны Іоанновны лучше, чѣмъ иные ученые трактаты. Елисавета Петровна была болѣе развита, но не настолько, однако, чтобъ остановиться передъ возвышеніемъ простого казака, Разумовскаго „на высоту честей“; уровень развитія вообще былъ низокъ, и высшій классъ рѣзко отличался отъ низшаго только лоскомъ и богатствомъ одежды. Для самихъ правительницъ государственный интересъ былъ чѣмъ-то весьма второстепеннымъ, въ которомъ онѣ мало понимали, и на первомъ планѣ ставили свои личныя стремленія, прибѣгая къ очень несложной и даже часто наивной интригѣ. Въ слѣдствіи по дѣлу о государственныхъ сановникахъ, преданныхъ суду при вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны, много такихъ наивныхъ чертъ, которыя обличаютъ чисто помѣщичій, дворовый характеръ отношеній. Люди эти оффиціально судились за государственную измѣну, но никакому историку не придетъ въ голову обозначать этимъ именемъ дѣянія Остермана, Головкина, Миниха, при тогдашнемъ порядкѣ вещей; они столько же были виноваты въ томъ, въ чемъ ихъ обвиняли, сколько и сами судьи, сколько и сама Елисавета Петровна. При отсутствіи законнаго престолонаслѣдія, придворная клика распоряжается судьбою страны, какъ ей вздумается, какъ ей выгоднѣе. Сегодня Анна Іоанновна, завтра Анна Леопольдовна, послѣ завтра Елисавета Петровна. Чья партія одолѣла,

тотъ и правъ. Никакихъ обвиненій тутъ быть не можетъ, если бы только придворныя партіи оставались вѣрны своей исключительной логикѣ. Другое дѣло, виновность передъ страной; но этого вопроса нельзя касаться, да его серьезно и не могли касаться, да и не имѣли никакого права касаться. Прошлое царствованіе было дурно, но оно могло быть и хорошо, вмѣсто Бирона могъ явиться человѣкъ, который облагодѣтельствовалъ бы страну, и, однако, это его нисколько не оправдывало бы въ глазахъ новой побѣдоносной партіи, которая ничѣмъ еще хорошимъ не заявила себя, а ужъ предъявила права на осужденіе прошлаго царствованія. Обвиненнымъ ставятъ вопросъ: куда дѣвалось завѣщаніе Екатерины I, которымъ она оставляла престолъ Елисаветѣ? Остерманъ отвѣчаетъ, что такое завѣщаніе дѣйствительно было, но онъ не знаетъ гдѣ оно, по всей вѣроятности оно попало въ руки къ Аннѣ Іоанновнѣ. Отчего обвиненные не стремились исполнить это духовное завѣщаніе? Странный вопросъ! но на него требуютъ отвѣта, и осуждаютъ людей за то, что они, напр., не бросились въ воду и не утонули, а предпочли оставаться на сушѣ. Стремиться исполнить какое-то сомнительное духовное завѣщаніе, которое нѣсколько человѣкъ видятъ мелькомъ и притомъ духовное завѣщаніе государыни, права которой на престолъ оспаривались весьма многими,—на такой подвигъ, въ виду сильныхъ партій и эгоистическихъ стремленій, могъ рѣшится только человѣкъ, нисколько не дорожащій своимъ существованіемъ. И все подобные вопросы. За ними, разумѣется, слѣдовали второстепенные о разныхъ злоупотребленіяхъ, совершенныхъ подсудимыми въ разное время; но и сами судьи были въ этомъ отношеніи столь же виновны. Это была круговая порука, которая существовала и потомъ многіе и многіе десятки лѣтъ.

Вообще весь этотъ процессъ отличается крайней несправедливостью и надо думать, что онъ производилъ на современниковъ впечатлѣніе не совсѣмъ хорошее; по нѣкоторымъ бумагамъ, собраннымъ Арсеньевымъ, можно думать, что царствованіе Елисаветы Петровны не было такъ единодушно привѣтствовано, какъ о томъ обыкновенно повѣствуютъ, если не историки, то по крайней мѣрѣ историческіе учебники: такъ въ 1742-мъ г. мы встрѣчаемъ дѣло о камер-лакеѣ Турчаниновѣ и другихъ лицахъ, сужденныхъ за намѣреніе лишить престола императрицу Елизавету. Турчаниновъ говорилъ лейбъ-гвардіи каптенармусу: „принцъ-де Іоаннъ былъ настоящій наслѣдникъ, а государыня-де императрица Елисавета Петровна не наслѣдница, а сдѣлали-де ее наслѣдницею лейбъ-компанцы за винную чарку“, „что-де какъ царевна Анна Петровна, такъ и императрица Елизавета Петровна первымъ императоромъ прижиты съ государынею императрицею Екатериною Алексѣевною до вѣнца“, и проч. Извѣстно, что такія рѣчи слышались и въ боярской средѣ послѣ смерти Петра II и нѣтъ ничего удивительнаго,

что они повторялись многими и по вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны. Турчанинову, конечно, вырѣзали языкъ и ноздри и сослали въ Сибирь. Такихъ и подобныхъ процессовъ, якобы политическихъ, было много въ царствованіе этой государыни; но кромѣ извѣстныхъ всѣмъ, мы находимъ въ арсеньевскихъ бумагахъ нѣсколько неважныхъ, но характерныхъ. Напр., капитанъ фонъ-Массау сосланъ въ Охотскій острогъ за то, что худо говорилъ о русскихъ, именно: „россійскіе-де солдаты тиранили бѣдныхъ женщинъ, на штыкахъ подымали (во время приступа къ Вильманстранду), а младенцевъ, взявъ за ноги, обухомъ били, и къ мертвымъ женскимъ тѣламъ, ободравъ, голыхъ на груди клали“, что „присяга-де россійская хуже табаку—котораго взявъ въ руки и бросилъ“, и т. д. Сержанта Первова били кнутомъ, вырѣзали ему ноздри и сослали въ Сибирь за то, что онъ разсказывалъ очень невинную легенду о Петрѣ Великомъ. Лифляндца Стакельберга сослали въ Березовъ за то, что онъ говорилъ противъ Россіи; нѣсколькихъ человѣкъ пытали за то, что они худо говорили о графѣ Алексѣѣ Разумовскомъ, но неизвѣстно къ какому наказанію они за то приговорены; еще нѣсколько человѣкъ, офицеровъ, нижнихъ чиновъ и одинъ суконщикъ заключены въ крѣпость или сосланы въ Сибирь за то, что они покушались возмутить народъ, именно фабричныхъ, „заарестовать весь дворецъ“, „изрубить въ мелкіе куски“ А. Г. Разумовскаго и его единомышленниковъ и провозгласить императоромъ Петра III, котораго будто бы Алексѣй Григорьевичъ не допускаетъ къ коронаціи. Возникали дѣла и о говореніи въ пользу удаленной принцессы Анны и въ пользу того, что Петръ II живъ. Всѣ эти дѣла интересны именно потому, что они указываютъ на настроеніе народное и служатъ какъ-бы глухимъ протестомъ противъ существовавшаго порядка вещей. Народное броженіе началось, очевидно, еще при Елисаветѣ и только при Екатеринѣ разразилось ужасающей пугачевщиной.

Укажемъ въ заключеніе на „Приключенія посадскаго человѣка Ивана Зубарева въ Россіи, Пруссіи и Польшѣ и показанія его о намѣреніи прусскаго короля Фридриха II-го возвести снова на русскій престолъ принца Іоанна Антоновича при содѣйствіи раскольниковъ“. Иванъ Зубаревъ давалъ свои показанія въ тайной канцеляріи въ 1756-мъ г., вслѣдствіе доноса дворового человѣка помѣщика Загряжскаго, жившаго въ мѣстечкѣ Вѣткѣ у тамошнихъ старовѣровъ. Въ короткихъ словахъ, весьма обширныя показанія его заключаются въ слѣдующемъ. Зубаревъ бѣжалъ изъ сыскнаго приказа въ старовѣрческія слободы, гдѣ русскіе бѣглые купцы наняли его отвести товаръ въ прусскій городъ Королевецъ. Тутъ подошелъ въ нему одинъ офицеръ и говоритъ ему по-польски, чтобъ онъ поступилъ въ прусскую службу. Зубаревъ отказался; офицеръ пригласилъ его въ трактиръ и напоилъ тамъ ме-

домъ. На другой день этотъ офицеръ взялъ Зубарева и привелъ его къ капитану, сказавъ, что онъ нанялся въ солдаты за девяносто рублей. Зубаревъ протестуетъ, его ведутъ тогда въ канцелярію, изъ канцеляріи къ „фельдмаршалу Левонту"; фельдмаршалъ Левонтъ лежитъ на канапе и уговариваетъ Зубарева вступить въ прусскую службу, но Зубаревъ все-таки упирается. Въ это время входитъ въ комнату какой-то офицеръ и говоритъ по-русски: „Скажись, пожалуй, какой ты подлинно человѣкъ?"—Я русскій купецъ, отвѣчаетъ Зубаревъ. „Если ты купецъ, говоритъ офицеръ, то иди въ нашу службу, въ гвардію ты будешь честный человѣкъ и мы тебя произведемъ. Я куплю тебя у г. капитана и для того мы поѣдемъ съ тобою къ королю". И точно ѣдутъ они къ королю въ Берлинъ, офицеръ въ каретѣ, а Зубаревъ въ дорожной колескѣ. По дорогѣ заѣзжаютъ къ принцу гольштинскому, который поставилъ Зубарева въ мѣру, чтобъ опредѣлить его рость; на другой день они продолжаютъ путь далѣе, въ Берлинъ, изъ Берлина въ Потсдамъ, „отъ Берлина до Потсдама разстояніе состоитъ только четыре мили". Пріѣзжаютъ въ Потсдамъ; офицеръ отправился къ королю и вечеромъ пріѣзжаетъ домой съ какимъ-то человѣкомъ. Зовутъ Зубарева.

—Знаешь ли ты этого господина? спрашиваетъ офицеръ, указывая на человѣка, который пріѣхалъ съ нимъ.—Гдѣ мнѣ ихъ знать, отвѣчаетъ Зубаревъ.—Этотъ господинъ, говоритъ офицеръ, принцъ, дядюшка родной Ивану Антоновичу, который у васъ былъ императоромъ, и вы присягали, да измѣнили. Вы измѣнники. Зналъ ли ты его? Онъ былъ одного года.

— Мнѣ знать его не почему, потому я былъ въ Сибири, говоритъ Зубаревъ.—Я и самъ, продолжаетъ офицеръ, у васъ на службѣ былъ при фонъ-Минихѣ адъютантомъ. Чаю, ты слыхалъ про Манштейна? Я самый этотъ Манштейнъ и есть, и служу нынѣ у королевскаго величества генералъ-адъютантомъ.

Засимъ Манштейнъ начинаетъ грозить Зубареву муками, если онъ не приметъ прусскую службу, и прельщаетъ офицерствомъ, если онъ оную приметъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ спрашиваетъ его, знаетъ ли онъ, гдѣ теперь Иванъ Антоновичъ содержится?

— Ей, ей, не знаю, говоритъ Зубаревъ, и ни отъ кого не слыхалъ.

„А мы знаемъ, замѣчаетъ Манштейнъ: содержится онъ около Архангельска, въ городѣ Холмогорахъ. А гдѣ фонъ-Минихъ содержится, тоже не знаешь? Въ Сибири, въ городѣ Пелымѣ. Что-де вы думаете? Мы знаемъ о всѣхъ, кто гдѣ содержится". Точно нынѣшніе пруссаки мы-де все знаемъ про васъ, а вы-де о насъ ничего не знаете. Похвалившись передъ Зубаревымъ своимъ знаніемъ россійскихъ обстоятельствъ, Манштейнъ сталъ его упрашивать, чтобъ онъ съѣздилъ въ раскольничьи слободы и уговорилъ раскольниковъ, „чтобъ они сло-

нились къ намъ, и чтобъ быть на престолѣ Ивану Антоновичу; а мы-де по ихъ желанію будемъ писать къ патріарху, чтобъ имъ посвятить епископа, ибо у насъ былъ ихъ одинъ попъ, да только-де онъ обманулъ насъ и уѣхалъ. А какъ-де посвятимъ епископа, такъ-де онъ отъ себя своихъ поповъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ есть раскольники, разошлетъ, и они-де сдѣлаютъ бунтъ. А ты-де пожалуй сдѣлай только то, что подай вѣсть Ивану Антоновичу, а мы-де будущаго 756-го г. весною пошлемъ туда къ городу Архангельскому корабли подъ видомъ купечества". Этого мало: Манштейнъ повелъ Зубарева къ королю и говоритъ ему: „вотъ-де, господинъ Зубаревъ, его королевское величество изволилъ тебя пожаловать въ региментъ полковникомъ, а ты-де его величество благодари и съѣзди къ городу Архангельскому, и тамъ ты подкупи солдатъ или какую портомойку, и отвези къ Ивану Антоновичу двѣ медали съ портретомъ брата Антона Ульриха; да на проѣздъ тебѣ тысячу червонныхъ". Взялъ тутъ со столика Манштейнъ тысячу червонцевъ и, передавъ ихъ Зубареву, заставилъ его покляться передъ „образомъ Богородицы", который снялъ съ окошка. Поѣхалъ Зубаревъ въ свою миссію, но на дорогѣ въ шинкѣ его обобрали; онъ странствовалъ потомъ по раскольничьимъ слободамъ и болталъ имъ объ Иванѣ Антоновичѣ. Василій Ларіоновъ слышалъ его розсказни и донесъ о нихъ въ тайную канцелярію.

Намъ кажется, что въ этомъ разсказѣ много лжи; въ самыхъ подробностяхъ свиданія съ Манштейномъ, съ королемъ такъ много несообразнаго, что вѣрить Зубареву едва ли возможно. Онъ очевидно былъ человѣкъ съ воображеніемъ и сочинять ему было не въ первые: такъ еще въ 1751-мъ году, явившись изъ Сибири въ Петербургъ съ объявленіемъ будто бы найденныхъ имъ серебряныхъ рудъ и песочнаго золота, онъ разсказывалъ о томъ, какъ принималъ его наслѣдникъ престола, Петръ Ѳеодоровичъ, что́ оказалось, по слѣдствію, выдумкой и въ чемъ самъ Зубаревъ сознался. Его сослали за эту выдумку въ сыскной приказъ, откуда онъ убѣжалъ къ раскольникамъ. Тутъ онъ могъ, независимо отъ всякаго Манштейна и прусскаго короля, сочинить свои басни, чтобъ выдать себя за человѣка значущаго. Какъ бы то ни было, однако, показаніе Зубарева не лишено значенія въ качествѣ историческаго матеріала: не говоря о томъ, что въ немъ есть нѣсколько свѣдѣній о поселившихся въ Вѣткѣ раскольникахъ, оно важно по своимъ результатамъ. Петербургскій дворъ страшно встревожился, и Иванъ Антоновичъ немедленно былъ перевезенъ изъ Холмогоръ въ Шлиссельбургъ и за его родителями велѣно было „смотрѣть наикрѣпчае, чтобъ не учинили утечки". Какое значеніе придавали Зубареву, видно изъ плачевной судьбы его и доносчика на него, Ларіонова. Послѣдній, вмѣсто награды за доносъ, угодилъ подъ крѣпкій присмотръ въ одинъ изъ казанскихъ монастырей, а Зу-

баревъ умеръ довольно загадочно. 10-го ноября 1757-го г. донесено было, что онъ заболѣлъ. Лекарь Христоферъ Геннеръ сначала нашелъ, что у Зубарева рвота и жаръ, а потомъ, что у него есть и другая болѣзнь, febris maligina. 9 ноября, Зубаревъ пожелалъ исповѣдаться и причаститься. Съ священника взяли подписку, что онъ при этомъ не будетъ дѣлать никакихъ вопросовъ больному о немъ и его дѣлѣ, не станетъ увѣщевать, все ли онъ справедливо показалъ въ своихъ прежнихъ разспросахъ. Зубарева за „превеликою рвотою" не пріобщали; на вопросы же священника онъ отвѣчалъ, что „о чемъ-де въ распросѣ своемъ показалъ и то-де самая истина, а того-де отъ себя онъ ложна не для чего не вымышлялъ, и сверхъ-де того ничего отъ него не утаено и никого-де онъ ни въ чемъ не закрываетъ". Это утвержденіе какъ-бы говоритъ въ пользу правдивости Зубарева: зачѣмъ ему было лгать передъ отходомъ въ вѣчность; но несообразности его показаній все-таки остаются и обличаютъ въ немъ большого сочинителя. Во всякомъ случаѣ, зубаревское дѣло — новая темная страница къ темной исторіи несчастнаго Ивана Антоновича, этой неповинной жертвѣ честолюбія и политическихъ разсчетовъ.

Бѣглый обзоръ арсеньевскихъ бумагъ, надѣемся, убѣдитъ читателя въ ихъ важности; редактирована книга г. Пекарскимъ съ обычною его добросовѣстностью и издана роскошно.

Кочевая жизнь въ Сибири. *Джона Кенана.* Переводъ Аделаиды Кондратьевой. Спб. 1872.

Въ 1865—67-мъ годахъ была сдѣлана западной компаніей телеграфовъ попытка провести телеграфную проволоку въ Европу черезъ Аляску, Беринговъ проливъ и Сибирь. Джонъ Кенанъ — одинъ изъ служащихъ въ американской компаніи „Western Union Extension", участвовавшей въ этомъ предпріятіи. Онъ провелъ въ Сибири два года и описалъ свое пребываніе тамъ въ формѣ дневника „не претендуя на полноту научныхъ свѣдѣній и вообще ни на какія спеціальныя изслѣдованія". Книга эта была встрѣчена англійскою критикою весьма сочувственно, а этого было достаточно для появленія ея въ русскомъ переводѣ сначала въ одномъ изъ журналовъ, спеціально посвященномъ переводамъ, а потомъ отдѣльно.

Извѣстно, что у насъ переводятъ постоянно, переводятъ много и плохо; издательская дѣятельность преимущественно состоитъ въ передачѣ на довольно плохой русскій языкъ иностранныхъ сочиненій, весьма часто безъ строгаго выбора. Платя ничтожное вознагражденіе за переводы, издатели имѣютъ возможность выручать порядочныя суммы съ покупателей, которые весьма часто выбираютъ книги единственно по заглавіямъ. Книга Кенана принадлежитъ къ числу тѣхъ

книгъ, появленіе которыхъ на русскомъ языкѣ въ полномъ переводѣ объясняется только издательскою необходимостью наполнить извѣстное количество листовъ своего журнала переводами. По всей вѣроятности, она не была даже предварительно прочитана редакторомъ, а прямо отдана для перевода на основаніи благосклонныхъ отзывовъ, появившихся въ англійской критикѣ. Заключаемъ объ этомъ потому, что изъ 330-ти страницъ книги едва ли одна десятая часть имѣетъ интересъ для русскаго читателя. Все остальное—или ненужная болтовня, или передача такихъ свѣдѣній, которыя русскому читателю извѣстны какъ нельзя лучше съ болѣе правильной точки зрѣнія, или наконецъ сообщеніе явнаго вздора. Джонъ Кенанъ не знаетъ никакого языка, кромѣ русскаго и на знакомство съ нашимъ языкомъ смотритъ съ наивностью человѣка, который вѣроятно не подходилъ къ изученію иностранныхъ языковъ вообще: „одинъ изъ первыхъ предметовъ, на который путешественникъ обращаетъ вниманіе въ чужой землѣ, это—языкъ, и этотъ послѣдній *особенно* замѣчателенъ въ Камчаткѣ, Сибири, и *вообще повсюду* въ великой Россійской имперіи. Рѣшительно не понимаю, за какой проступокъ, во время вавилонскаго столпотворенія, русскіе были наказаны такимъ сложнымъ, спутаннымъ, совершенно непонятнымъ языкомъ. Мнѣ тогда приходило въ голову, что они вѣроятно выстроили свою часть башни выше другихъ племенъ и были наказаны за свое грѣховное трудолюбіе этой массой непонятныхъ звуковъ, которыхъ *ни одинъ человѣкъ не могъ бы надѣяться изучить* до тѣхъ поръ, пока не состарѣется и не ослабнетъ настолько, что уже не будетъ въ состояніи приняться за сооруженіе другой башни“. Прибавьте къ этому наивному сознанію своего безсилія познакомиться съ чужимъ языкомъ, шуточки русскаго маіора, который ѣздилъ вмѣстѣ съ Кенаномъ и училъ его русскимъ фразамъ. Кенанъ спрашиваетъ, какъ по-русски: „Дайте мнѣ ѣсть“,—маіоръ отвѣчаетъ. если хотите спросить поѣсть, то скажите только: „Ваше высокоблагородіе, высокопревосходительство“. Съ такимъ знаніемъ языка и совершенно неприготовленный къ путешествію по Сибири чтеніемъ какихъ бы то ни было описаній этой страны, Кенанъ постоянно впадаетъ въ наивныя размышленія, имѣющія единственное достоинство — курьезовъ. Бытъ и нравы жителей отъ него совершенно ускользаютъ: онъ можетъ говорить только о томъ, что видитъ, т.-е. о природѣ, объ одеждѣ жителей, о жилищахъ и т. п. Описаніе природы у него дѣйствительно хорошо, и это единственное что̀ заслуживало перевода. Читая же на русскомъ языкѣ подстрочную передачу всей книги Кенана, удивляешься издателямъ: неужели имъ не приходила въ голову мысль о безполезности на русскомъ языкѣ такого труда, или и сами они настолько же свѣдущи въ русскомъ землеописаніи, какъ г. Кенанъ? Судя потому, что они не написали къ книгѣ предисловія и не сопро-

водили явныхъ курьезовъ сочинителя ни однимъ примѣчаніемъ, можно отвѣчать на поставленные вопросы утвердительно. Замѣтимъ, что то же сочиненіе и также безъ всякихъ поясненій вышло еще въ другомъ переводѣ, подъ заглавіемъ „Степная жизнь въ Сибири“. Два перевода книги, могущей только ввести въ заблужденіе читателей, незнакомыхъ съ русской географической литературой! Намъ кажется, что пора бы нашимъ издателямъ переводовъ посерьезнѣе относиться къ своей задачѣ и давать публикѣ не подстрочные переводы, а переработанныя иностранныя сочиненія. Съ своей стороны и публика должна регулировать издательскую дѣятельность, относясь съ большею разборчивостью къ переводамъ.

Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка. Нравственное и общественное положеніе дикихъ народовъ. Сочиненіе *Джона Лэбока*. Съ рисунками. Спб. 1871.

Въ послѣдніе годы англійская ученая литература обогатилась нѣсколькими сочиненіями о первобытной цивилизаціи, между которыми труды Тайлора и Лэбока занимаютъ видное мѣсто. Передача ихъ на русскій языкъ — дѣло въ высшей степени полезное и плодотворное для русской публики. Англичане вносятъ и въ ученые труды свой тотъ здоровый, практическій анализъ, который отличаетъ ихъ въ общественной жизни, и котораго такъ недостаетъ намъ, русскимъ. Мы, поэтому, скорѣе удовлетворяемся французскою книгою, которая на десяткѣ фактовъ строитъ цѣлое изслѣдованіе, блещущее скороспѣлыми выводами и увлекательными афоризмами и теоріями. Основательности нѣмецкаго ученаго часто вредитъ туманность философскаго умозрѣнія, стройность и ясность котораго встрѣчается довольно рѣдко въ нѣмецкихъ ученыхъ сочиненіяхъ. Англійскіе ученые изслѣдователи, по нашему мнѣнію, нашли счастливую средину для плодотворной передачи возможно большему кругу читателей и для усвоенія послѣдними серьезной науки.

Лэбокъ трудился десять лѣтъ надъ своимъ сочиненіемъ, и настоящая книга только часть его труда. „Изученіе низшихъ человѣческихъ расъ, говоритъ онъ, глубоко интересно въ трехъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, бытъ дикарей настоящаго времени похожъ во многомъ на бытъ нашихъ предшественниковъ глубокой древности; во-вторыхъ, изученіе этого быта поясняетъ многое изъ того что происходитъ у насъ на глазахъ, и въ-третьихъ, даетъ отчасти возможность приподнять туманную завѣсу, отдѣляющую настоящее отъ будущаго. Средствами для изученія этого быта служатъ отчеты современныхъ наблюденій цивилизацій менѣе развитыхъ, чѣмъ ихъ собственныя, преданія, сохранившіяся у нѣкоторыхъ народовъ о ихъ первобытной исторіи, и древнее законодательство.“ Легко себѣ представить, какую

массу сочиненій долженъ прочитать изслѣдователь, если онъ ограничится только однимъ первымъ источникомъ. Начитанность Лэбока дѣйствительно громадна и онъ пользуется ею съ большимъ искусствомъ. Вся вышедшая теперь часть труда его состоитъ изъ нѣсколькихъ главъ, въ которыхъ разбираются характеристическія черты у дикихъ народовъ, искусство и орнаменты, бракъ и родство, религія, нравственность, языкъ и законы. Наиболѣе любопытная глава—бракъ и родство. Масса фактовъ, сообщаемыхъ Лэбокомъ о бракѣ у первобытныхъ народовъ, наводитъ иногда на любопытныя мысли о современныхъ взглядахъ на этотъ предметъ. Полная свобода располагать собою, коммунальный бракъ и многое другое, что, напр., проповѣдуется въ настоящее время крайними американскими представительницами и представителями такъ-называемаго женскаго вопроса—все это существовало у первобытныхъ дикарей иногда въ довольно благоустроенной формѣ.

Дикіе народы, стоящіе на самой низшей ступени цивилизаціи, не имѣютъ понятія о чувствѣ любви въ бракѣ; у алгонкиновъ, напр., нѣтъ слова „любить“, такъ что миссіонеры, переводившіе библію на ихъ языкъ, должны были придумать для этого особое слово; бракъ является условной и животной связью, и выбору жены не придается ни малѣйшаго значенія; разумѣется, о застѣнчивости и цѣломудріи тутъ не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ, на низшей ступени цивилизаціи не существуетъ никакого подобія брака; въ другихъ случаяхъ онъ является исключительно временнымъ и существуетъ только до рожденія ребенка, когда и мужъ и жена получаютъ право искать себѣ новыя пары; иногда бракъ является въ формѣ покупки женщины, которая становится собственностью мужчины, какъ лошадь или собака. Въ Суматрѣ существуетъ три рода брака: когда мужъ покупаетъ жену, когда жена покупаетъ мужа, и когда они сходятся на условіяхъ равенства. На Цейлонѣ браки заключаются предварительно только на двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ они или уничтожаются, или окончательно утверждаются. Въ южной Индіи существуетъ весьма странный обычай: молодая женщина 16-ти или 20-ти лѣтъ выходитъ за мальчика пяти или шести лѣтъ, и живетъ, конечно, не съ мужемъ, а съ какимъ-нибудь взрослымъ мужчиной,—отцомъ мужа, дядей или двоюроднымъ братомъ по матери своей, но отнюдь ни съ кѣмъ изъ родственниковъ своего отца. Мужъ-ребенокъ усыновляетъ дѣтей своей жены. Когда онъ выростетъ, то жена его становится уже старою, и тогда онъ живетъ въ свою очередь съ женою какого-нибудь другого мальчика и прижитаетъ съ нею дѣтей для ея ребенка-мужа. У тода совъ, дѣвушка, выходя замужъ, становится женой всѣхъ братьевъ мужа по мѣрѣ ихъ вступленія въ возмужалость, и наоборотъ, братья мужа дѣлаются мужьями всѣхъ сестеръ жены, когда тѣ достигаютъ

поры. Такимъ образомъ, перворожденный ребенокъ считаетъ отцомъ своимъ старшаго брата, второй—второго и т. д. Несмотря на неестественность этой системы брака, тодасы очень нѣжны къ своимъ дѣтямъ. Полигамія, т.-е. многоженство, почти повсемѣстна у низшихъ человѣческихъ расъ; но и поліандрія, т.-е. бракъ одной женщины съ нѣсколькими мужчинами разомъ, въ большемъ обыкновеніи, говоритъ Лэбокъ, чѣмъ многіе думаютъ. Причина этому лежитъ въ естественномъ численномъ преобладаніи мужчинъ надъ женщинами и въ обычаѣ убивать дѣвочекъ: пока мало было людей, мало враговъ, и дичь была ручна, не было побужденія къ дѣтоубійству; но какъ только населеніе увеличивалось, сосѣди начинали превращаться въ враговъ, истребляя изгороди и убивая дичь—начинались войны; болѣе слабое племя становилось большимъ искушеніемъ для сильнѣйшаго сосѣда возможностью пріобрѣсти мужчинъ въ рабы, женщинъ въ жены. При такихъ условіяхъ дѣвочки были бременемъ: онѣ ѣли, но не охотились, онѣ утомляли матерей, когда были малы, и дѣлались опасной приманкой для сосѣда, когда выростали. Отсюда могло возникнуть дѣтоубійство. Вообще Лэбокъ полагаетъ, что происхожденіе брака въ древности не зависѣло ни отъ какихъ религіозныхъ или соціальныхъ соображеній, что онъ былъ совершенно чуждъ взаимной привязанности или согласію, что его сопровождаютъ не заявленія горячей любви съ одной стороны и нѣжной привязанности съ другой—а грубое насиліе и тупая покорность. Въ доводахъ, убѣждающихъ въ этомъ, нѣтъ недостатка. Женщина является полнѣйшею рабою и ее бьютъ какъ животное; у нѣкоторыхъ дикихъ мужчина похищаетъ жену изъ другого племени такимъ образомъ: выслѣдивъ ее, онъ оглушаетъ ее ударомъ дубины и уноситъ съ собой; вотъ и вся церемонія брака; у нѣкоторыхъ племенъ церемонія эта сопровождается борьбою между мужчиною и женщиною, или дракою; въ Новой Зеландіи, принято затѣвать драку послѣ брака; тамъ, впрочемъ, дракой обнаруживаютъ наилучшія чувства: такъ, если начальника племени постигнетъ какое-либо несчастіе, его въ знакъ уваженія и сочувствія бьютъ плетью; если онъ женится, у него отнимаютъ все имущество, опять-таки изъ уваженія, и если этого не сдѣлаютъ, онъ самъ будетъ считать себя глубоко обиженнымъ. Родство ребенка, въ одинаковой степени къ отцу и матери, не признавалось въ первоначальной семьѣ; сначала человѣка признавали принадлежащимъ исключительно семьѣ, затѣмъ матери, а не отцу, потомъ отцу, а не матери, и только наконецъ отцу и матери.

Извѣстно, что существуетъ положеніе, признаваемое весьма многими, что народы на самой низшей ступени цивилизаціи близко подходятъ къ идеальному общественному строю, т.-е. къ такому, когда человѣкъ настолько гармонично развитъ, что понимаетъ нравственный

законъ во всѣхъ его подробностяхъ и не нуждается ни въ какихъ побужденіяхъ, чтобъ повиноваться этому закону, кромѣ свободнаго импульса своей собственной природы. Лэбокъ по этому поводу говоритъ, что „человѣкъ ни въ чемъ не шагнулъ такъ далеко впередъ, какъ въ нравственности. Дикарямъ гораздо легче дается прогрессъ внѣшній, матеріальный, наши идеи, наши науки, чѣмъ наши правила, наше нравственное развитіе. Равенство членовъ коммуны, которымъ восхищались многіе путешественники, въ дикаряхъ вовсе не служитъ доказательствомъ ихъ нравственнаго развитія. Иначе мы должны были бы за пчелами, за бобрами и другими живущими въ коммунахъ животными признавать нравственное развитіе выше развитія, достигнутаго европейскими народами. Отсутствіе преступленій еще не составляетъ добродѣтели, и безъ искушеній, невинность еще не заслуга“, и проч.

Мы думаемъ, что такія сочиненія, какъ „Начало цивилизаціи“ Лэбока безспорно двигаютъ впередъ историческую науку, выработывая общіе законы развитія человѣчества. Чѣмъ шире будетъ разработанъ этотъ предметъ, тѣмъ стройнѣе и правдоподобнѣе должны предъ нами явиться частныя исторіи народовъ и наша собственная, въ которой еще такъ много произвольныхъ положеній и идиллическихъ взглядовъ. Нѣкоторые наши историки такъ любятъ идиллію въ допетровской Руси, что построили картонные домики изъ домашнихъ добродѣтелей отдаленнѣйшихъ нашихъ предковъ и не хотятъ вѣрить иностранцамъ, которые, попадая въ древнюю Россію, рисовали ее какъ дикую страну. Но историческая правда едва ли не на сторонѣ иностранцевъ...

Юнкерскія училища. Историческое обозрѣніе ихъ развитія и дѣятельности. Генералъ-майора *П. О. Бобровскаго*. Томъ первый. Спб. 1872.

Въ этомъ вышедшемъ томѣ сочиненія г. Бобровскаго представленъ постепенный ходъ устройства училищъ и разработка учебнаго плана. Дѣятельности же юнкерскихъ училищъ со времени ихъ учрежденія до настоящаго времени будетъ посвященъ второй томъ. Богатство матеріала и близкое всестороннее знакомство дало возможность г-ну Бобровскому весьма наглядно начертить картину постепеннаго возникновенія юнкерскихъ школъ и сообщить о нашемъ военномъ образованіи весьма цѣнныя данныя. Учрежденіе разныхъ школъ для подготовленія офицеровъ относится къ двадцатымъ годамъ настоящаго столѣтія, когда возникли школы для образованія юнкеровъ и подпрапорщиковъ при главныхъ квартирахъ 1-й и 2-й арміи и при нѣкоторыхъ корпусныхъ штабахъ. Во время турецкой войны эти школы были закрыты; въ сороковыхъ годахъ снова устроили нѣчто подобное имъ, и

опять закрыли во время венгерской кампаніи; послѣ севастопольскаго погрома, въ третій разъ поднятъ былъ вопросъ о юнкерскихъ школахъ, и онѣ стали возникать, когда ихъ закрыли въ третій разъ во время польскаго мятежа; открытіе этихъ школъ возникало изъ признанной необходимости въ образованіи офицеровъ, помимо кадетскихъ корпусовъ, а закрытіе мотивировалось политическими соображеніями, вѣроятно благодаря тому, что варшавская школа подпрапорщиковъ, остававшаяся незакрытою во время турецкой войны, приняла участіе въ польскомъ возстаніи. Насколько не удовлетворяли корпуса потребности въ офицерахъ для арміи видно изъ того, что въ теченіе 40 лѣтъ, съ 1825-го по 1865-й годъ, изъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ выпущено было въ офицеры 23,625 человѣкъ, или среднимъ числомъ въ годъ 590 человѣкъ. Болѣе 600 человѣкъ кадетскіе корпуса выпускали только во время войнъ, вызывавшихъ усиленное производство кадетъ, не окончившихъ еще образованія. Во время войны 1853—55-го годовъ было произведено 2,148 человѣкъ, или среднимъ числомъ въ годъ 716 чел., изъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ, главнаго инженернаго и артиллерійскаго училищъ; изъ юнкеровъ же и вольноопредѣляющихся производилось въ годъ, среднимъ числомъ, 2,643 ч., а всего въ три года произведено 7,931 чел. Другими словами: на 100 произведенныхъ изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся приходилось всего въ три года 27% воспитанниковъ изъ военно-учебныхъ заведеній. Такъ какъ и корпусное образованіе было весьма поверхностно, то можно себѣ представить, какой уровень офицерскаго образованія существовалъ въ арміи при такой массѣ офицеровъ, производимыхъ изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся. Если обратиться къ стоимости военнаго образованія, дававшагося кадетскими корпусами, то выйдетъ, что корпуса, поставляя ежегодно около 600 офицеровъ, стоили правительству около 5-ти милліоновъ, а образованіе одного офицера до 4,200 р. (Если ввести въ сумму расходовъ на корпуса процентъ стоимости зданій, то образованіе каждаго офицера дойдетъ до 7,700 р., а если исключить оканчивающихъ курсъ *неудовлетворительно* и обращаемыхъ на службу въ линейные батальоны и внутреннюю стражу, то цифра стоимости образованія офицера возростетъ до 9,500 р.). Это было до 1863-го года. Спустя пять лѣтъ, съ окончаніемъ реформъ, всѣ военно-учебныя заведенія, за исключеніемъ военныхъ академій, стоили 4,314,000 р., а въ нихъ, при полныхъ штатахъ, въ 1868-мъ году, могло быть приготовлено 1,600 офицеровъ (въ томъ числѣ 600 изъ военныхъ и 1000 изъ юнкерскихъ учлищъ). Прежде въ армейскія войска выпускалось до 350 офицеровъ, а съ 1868-го года были средства для приготовленія въ эти войска 1,400 офицеровъ. Стоимость образованія офицеровъ также понизилась, именно: офицеръ, прошедшій пѣхотное военное училище съ военной гимназіей стоитъ 3,703 р.,

прошедшій кавалерійское военное училище съ приготовительнымъ пансіономъ—4,612 р., прошедшій одно пѣхотное юнкерское училище—500 р., одно кавалерійское юнкерское училище—900 р., средняя сумма стоимости—2,428 р. Въ общей сложности, съ устройствомъ юнкерскихъ училищъ, число которыхъ доходитъ теперь до 16-ти, расходъ на военное образованіе уменьшился на полмилліона рублей; число же подготовляемыхъ для производства въ офицеры увеличилось въ два съ половиною раза, а на однѣ армейскія части это число почти учетверилось. Такіе результаты, достигнутые военно-учебною реформою, можно назвать блестящими. Конечно, еще многого можно желать отъ военнаго образованія, еще уровень его недостаточно высокъ, но нельзя не признать въ немъ значительнаго прогресса, сдѣланнаго въ какіе-нибудь семь-восемь лѣтъ. Ему положены прочныя основы, и есть возможность разсчитывать, что оно будетъ укрѣпляться съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе.

Пѣсни русскаго народа

въ англійской литературѣ.

The Songs of the Russian People, as illustrative of slavonic mythology and russian social life. By W. R. S. *Ralston*, M. A., of the British Museum, author of «Krilof and his fables». London, Ellis and Green, 1872.

Мы привыкли думать и говорить, что Европа совершенно не знаетъ насъ и нашей жизни, и привыкли обвинять ее въ нежеланіи узнать насъ и быть къ намъ справедливой. Дѣйствительно, открываются иногда примѣры замѣчательно странныхъ понятій о Россіи въ европейскихъ ходячихъ мнѣніяхъ и даже въ литературѣ. Мы могли бы утѣшиться тѣмъ, что, напр., французы также мало знали и своихъ ближайшихъ сосѣдей, съ которыми потомъ пришлось непріятно познакомиться въ послѣднюю войну. Но надо сказать и то, что для возбужденія того интереса, какого мы желаемъ къ себѣ со стороны Европы, нужно, чтобъ этотъ интересъ имѣлъ свое основаніе: онъ заключается обыкновенно или въ политической и военной роли государства, или въ общечеловѣческомъ значеніи національной литературы и образованности. Одно военное значеніе государства естественно возбуждаетъ только временный, неглубокій, и можетъ быть вовсе не сочувственный интересъ; что же касается до общечеловѣческаго значенія нашей образованности, то нужно къ прискорбію согласиться; что мы еще далеко не достигли въ этомъ отношеніи желаемой высоты, а формы нашего общественнаго и политическаго быта все еще заставляютъ европейцевъ выдѣлять намъ особое мѣсто, которое они есте-

ственно ставятъ ниже своихъ собственныхъ учрежденій и обычаевъ. Этимъ достаточно разъясняется то отношеніе къ намъ, которое всего чаще приходится встрѣчать и въ европейскомъ обществѣ и въ литературѣ.

Но, при всемъ томъ, просвѣщенная часть европейскаго общества не одинъ разъ заявляла къ нашей жизни интересъ, который съ нашей стороны можетъ быть встрѣченъ только съ полнымъ сочувствіемъ. Таковы, между прочимъ, въ послѣднее время и труды г. Рольстона. Нашей публикѣ уже извѣстно имя этого писателя, какъ замѣчательнаго переводчика на англійскій языкъ басенъ Крылова. Сколько намъ знаемъ, этотъ переводъ имѣлъ успѣхъ у англійскихъ читателей,—что говоритъ и о достоинствахъ труда, и вмѣстѣ объ интересѣ англійскаго общества къ дѣйствительно замѣчательному явленію русской литературы.

Новое сочиненіе г. Рольстона, какъ онъ объясняетъ въ предисловіи, задумано было первоначально въ болѣе широкомъ размѣрѣ и должно было заключать изложеніе русскихъ народныхъ преданій вообще,—сказокъ, легендъ, загадокъ, пословицъ, эпическихъ и лирическихъ пѣсенъ. Но обширность предпріятія требовала для его исполненія слишкомъ много времени, и авторъ рѣшился ограничить себя на первый разъ одной частью его, предполагая исполнить остальной планъ впослѣдствіи. Вышедшая теперь книга посвящена главнымъ образомъ, хотя не исключительно, лирическимъ пѣснямъ; слѣдующую книгу авторъ думаетъ посвятить сказкамъ и былинамъ.

Чтобы сдѣлать русскія народныя пѣсни вполнѣ доступными и понятными для англійскихъ читателей, г. Рольстонъ счелъ, совершенно справедливо, нужнымъ сопроводить ихъ необходимыми миѳологическими и бытовыми объясненіями. Эти объясненія, составленныя весьма добросовѣстно, стали однако такъ обширны, что въ нихъ собственно и заключается самая сущность книги: пѣсенные тексты занимаютъ гораздо меньшую ея долю, какъ подтвержденія и примѣры къ этнографическому и миѳологическому изложенію. Впрочемъ, текстовъ достаточно, чтобы дать отчетливое понятіе объ этихъ произведеніяхъ нашей народной поэзіи для европейскаго читателя. Переводы пѣсенъ сдѣланы весьма обстоятельно.

Въ своихъ объясненіяхъ г. Рольстонъ воспользовался главнѣйшими сочиненіями, какія представляла ему русская литература по этому предмету. У него были въ рукахъ, во-первыхъ, изданія пѣсенъ, сказокъ и пр.: Аѳанасьева, Безсонова, Даля, Кирѣевскаго, Рыбникова, Сахарова, Шеина, Худякова; затѣмъ изслѣдованія историческія и бытовыя, старыя и новыя: Снегирева, Терещенки, Кавелина, Соловьева, изслѣдованія о миѳологіи и народной поэзіи: Аѳанасьева, Буслаева, Котляревскаго, О. Миллера и др. Знакомство съ литературой пре-

мета, какъ видимъ, весьма замѣчательное для иностраннаго писателя. Въ своемъ изложеніи миѳологіи авторъ въ особенности пользовался большимъ сочиненіемъ Аѳанасьева, котораго цитируетъ всего больше.

Книга г. Рольстона раздѣлена на шесть главъ. Въ 1-й, вводной главѣ, онъ даетъ общія предварительныя понятія о народной поэзіи, о хороводахъ, посидѣлкахъ, бесѣдахъ, гдѣ пѣсни имѣютъ свое бытовое приложеніе; о раздѣленіи пѣсенъ, о пѣсняхъ народныхъ, разбойничьихъ, солдатскихъ; о былинахъ и открытіяхъ Рыбникова; о стихотворныхъ размѣрахъ пѣсни. Глава 2-я посвящена миѳологіи, — въ ея древней формѣ и сохранившихся донынѣ остаткахъ ея въ народныхъ преданіяхъ и суевѣріяхъ. Глава 3-я говоритъ о миѳическихъ и обрядныхъ пѣсняхъ; 4-я о свадебныхъ; 5-я о похоронныхъ. Въ 6-й главѣ разсказывается о народномъ волшебствѣ и колдовствѣ, вѣдунахъ и вѣдьмахъ, загадкахъ и заговорахъ, о сверхъестественныхъ зловредныхъ существахъ и т. д. Въ своемъ изученіи русской миѳологіи г. Рольстонъ, кромѣ указанныхъ русскихъ сочиненій, пользовался и другими сочиненіями, писанными или переведенными на европейскихъ языкахъ, но онъ не считалъ нужнымъ особенно указывать послѣднія, имѣя въ виду главнымъ образомъ быть полезнымъ для тѣхъ, кто занимается миѳологіей и народными преданіями и по незнанію языка не можетъ пользоваться тѣми фактами, какіе были собраны по этому предмету въ Россіи.

Мы не будемъ останавливаться на изложеніи г. Рольстона. Оно не представляетъ для русскаго читателя, знакомаго съ предметомъ, новыхъ указаній или фактовъ; но для своей публики оно даетъ обильный запасъ свѣдѣній о русской народной поэзіи, почти неизвѣстной въ западной литературѣ. Какъ намъ случилось уже видѣть по нѣкоторымъ отзывамъ англійской печати, книга г. Рольстона встрѣтила дома пріемъ очень благосклонный, котораго она безъ сомнѣнія вполнѣ заслуживаетъ. Авторъ даетъ вѣрную и довольно законченную картину цѣлаго отдѣла русскаго народнаго преданья, которое онъ изучалъ со вниманіемъ и съ очевидной любовью къ дѣлу. Онъ обыкновенно точенъ въ своихъ указаніяхъ, держится близко къ фактамъ, умѣетъ группировать ихъ въ связное цѣлое, и очень остороженъ въ общихъ выводахъ. Любовь къ дѣлу была у автора и любовью къ народу, котораго поэтическія и миѳическія произведенія онъ изучалъ. Оканчивая свою книгу, г. Рольстонъ говоритъ о русскомъ народѣ: „Полагаю, что объ этомъ народѣ я сообщилъ здѣсь понятіе не неблагопріятное. Свойство моего труда часто давало мнѣ поводъ говорить о его слабостяхъ, долго останавливаться на его суевѣріяхъ. Но не по этимъ слабымъ сторонамъ, до нѣкоторой степени общимъ всему человѣчеству, мы должны судить о сельскомъ населеніи, которое всегда особенно отличалось родственной любовью, уваженіемъ къ лѣтамъ,

сочувствіемъ къ несчастію, — которое въ теченіе вѣковъ, даже подъ гнетомъ только недавно уничтоженной системы крѣпостного права, сохранило такое сильное чувство правдивой законности (loyalty), такую горячую любовь къ родинѣ".

Русская литература можетъ выразить почтенному англійскому писателю только сочувствіе къ его добросовѣстному изученію, трудности котораго его не устрашили, и къ тому дружелюбному чувству, съ какимъ онъ обращается въ своемъ изученіи къ русскому народу. Высказывая съ своей стороны это сочувствіе, отъ всей души желаемъ дальнѣйшимъ трудамъ автора полнаго успѣха.

П.

ИЗВѢСТІЯ

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Двадцать-шестое засѣданіе комитета, 31-го января 1872-го года.

1) Приняты, съ глубочайшею благодарностью, 1,000 р., назначенные въ пользу Общества изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія.

2) Отклонено ходатайство одного лица о назначеніи ему постояннаго пособія, такъ какъ проситель, по своимъ трудамъ, не имѣетъ права на такое пособіе.

3) Назначено отпускать по 100 руб. въ теченіе 1872 и 1873 гг. вдовѣ извѣстнаго писателя, находящейся въ бѣдности.

4) Перенесена пенсія въ 120 р., назначенная въ концѣ 1871 г. одному писателю, на семейство его.

5) Отклонены ходатайства двухъ лицъ о пособіи, такъ какъ одно изъ нихъ не удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ, при которыхъ, по уставу, пособія могутъ быть назначаемы, а другое, сравнительно съ его трудами, получило уже достаточное пособіе.

II. Подписка на памятникъ Пушкину.

(Отъ высочайше учрежденнаго комитета).

Пожертвованій за время съ открытія въ апрѣлѣ 1871 г. дѣйствій комитета по 1-е декабря 1871 года поступило*) . . . . . 14,923 р. 70 к.

Затѣмъ, въ теченіе декабря 1871 г. и января 1872 г. доставлено: . . . . . 8,137 „ 22 „

Итого . . . . . 23,060 р. 92 к.

*) См. «Вѣстн. Евр. 1872, февр. 870 стр.

По подпискѣ 1860 года прежде собрано и находится въ Государственномъ Банкѣ, съ процентами . . 18,254 „ — „

Всего по 1-е февраля 1872 г. 41,314 р. 92 к.

1. По сборнымъ книжкамъ въ декабрѣ 1871 г.:

Отъ управляющаго акцизными сборами Черниговской губерніи — 109 р. 65 к.; въ томъ числѣ: отъ Андрея Искрицкаго — 10 р. Отъ управляющаго воронежскою контрольною палатой—10 р. 64¼ к.; отъ бѣльскаго уѣзднаго предводителя дворянства—7 р. 45½ к.; отъ управляющаго государственными имуществами Кіевской губерніи — 48 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Симбирской губерніи—156 р. 86 к.; отъ нижегородскаго губернскаго воинскаго начальника—28 р. 71½ к.; отъ управляющаго калишскою казенною палатой—59 р. 44½ к.; въ томъ числѣ: отъ Александра Эбелинга — 10 р. Отъ управляющаго туркестанскою контрольною палатой — 11 р.: отъ управляющаго акцизными сборами Московской губерніи — 535 р. 50 к.; въ томъ числѣ: отъ Блинова — 25 р., отъ Беринговa — 10 р. Отъ Ивана Попова—25 р., отъ Z. — 10 р., отъ Матвѣева — 10 р. Отъ Тимоѳеевскаго — 10 р., отъ Макарова — 20 р., отъ А. С. Озерова—10 р., отъ Петрова — 10 р., отъ Петра Смирнова — 25 р., отъ К. Камуаръ — 10 р., отъ неизвѣстнаго — 50 р. Отъ управляющаго акцизными сборами Таврической губерніи — 161 р. 58 к.; отъ управляющаго акцизными сборами Пензенской губерніи — 110 р.; отъ инспектора бобруйской прогимназіи — 11 р.; отъ ректора с.-петербургскаго университета — 100 р.; отъ директора 1-й с.-петербургской гимназіи—29 руб. Отъ И. Д. Палажченко — 49 р., въ томъ числѣ: отъ Ю. Бруни— 25 р. Отъ директора с.-петербургской Публичной Библіотеки—36 р.; въ томъ числѣ: отъ И. Д. Делянова —10 р. Отъ инспектора классовъ с.-петербургскаго Александровскаго училища — 54 р.; въ томъ числѣ: отъ Лядовыхъ — 10 р. Отъ барона Н. А. Корфа—102 р.; отъ директора горнаго департамента—19 р., въ томъ числѣ: отъ Л. Н. Деханова — 10 р. Отъ А. К. Жизневскаго — 314 р. 57 к.; въ томъ числѣ: отъ А. Н. Сомова—10 р., отъ А. Жизневскаго—10 р. Отъ управляющаго томскою контрольною палатою — 6 р. 10 к.; отъ А. Деля—197 р.; въ томъ числѣ; отъ Н. А. Соколова—25 р.; отъ А. Адамовичъ — 10 р., отъ А. А. Ставиской — 15 р., отъ Ѳ. Ѳ. Бычкова — 25 р., отъ Е. П. Заливкиной — 20 р., отъ К. А. Келлера — 25 р., отъ Салтоновой — 10 р., отъ неизвѣстнаго—25 р. Отъ редакціи „Вѣстника Европы“— 20 р.; отъ Б. М. Маркевича—65 р.; отъ Н. П. Семенова—75 р. 10 к.; отъ П. А. Измайлова—42 р. 75 к.; отъ Ф. Т. фанъ-деръ-Флита—46 р.; въ томъ числѣ: отъ Ф. фанъ-деръ-Флита—25 р., отъ П. Бутурлина— 10 р. Отъ С. Н. Митусова — 50 р.; въ томъ числѣ: отъ С. Н. Митусова—40 р., отъ С. С.—10 р.; отъ инспектора классовъ Павловскаго института — 81 р. 75 к.; отъ управляющаго акцизными сборами Калужской губерніи—122 р. 10 к.; въ томъ числѣ: отъ Н. Л. Жемчужникова — 10 р. Отъ попечителя виленскаго учебнаго округа — 30 р. 33 к.; отъ калужскаго губернатора — 19 р.; отъ начальника ѳеодосійскаго таможеннаго округа—50 р. 75 к.; въ томъ числѣ: отъ Ив. Протопопова — 10 р. Отъ директора 5-й с.-петербургской гимназіи—82 р.; въ томъ числѣ: отъ Стоневича — 10 р.; отъ попечителя варшавскаго

учебнаго округа — 25 р.; въ томъ числѣ: отъ Ѳ. Ѳ. Витте — 10 р. Отъ управляющаго могилевскою казенною палатою — 101 р. 99½ к.; отъ управляющаго витебскою казенною палатою—153 р. 32½ к.; отъ новогеоргіевскаго коменданта — 28 р.; отъ управляющаго бессарабскою казенною палатою — 70 руб.; отъ начальника сувалкской учебной дирекціи—34 р. 55 к.; отъ директора уральской гимназіи—10 р.; отъ инспектора московскаго Елисаветинскаго училища — 35 р.; въ томъ числѣ; отъ И. Виберга—10 р. Отъ директора училищъ Енисейской губерніи—15 р. 22 к.; отъ управляющаго смоленскою казенною палатою — 102 р. 10 к.; отъ начальника завиходскаго таможеннаго округа — 21 р. 60 к.

Кромѣ сего, помимо сборныхъ книжекъ, при особыхъ объявленіяхъ, доставлено: отъ казначея евпаторійскаго уѣзднаго казначейства — 34 р. 85 к.; отъ командира рижской артиллерійской лабораторіи — 1 р. 50 к.; отъ В. А. Дашкова — 250 р.; въ томъ числѣ: отъ В. Дашкова — 100 р. Отъ инспектора холмскихъ педагогическихъ курсовъ—2 р. 50 к.; отъ командира 13-го гусарскаго нарвскаго Е. И. В. В. К. Константина Николаевича полка — 150 р.; отъ командира 26-й артиллерійской бригады — 10 р. 36 к.; отъ Стародубскаго уѣзднаго исправника — 5 р. 30 к.; отъ пензенскаго губернскаго предводителя дворянства — 14 р. 85 к.; отъ директора азіятскаго департамента — 122 р. 30 к.; отъ командира 14-го драгунскаго, малороссійскаго принца Альберта прусскаго полка — 10 р.; отъ командира 28-й артиллерійской бригады — 1 р.; отъ командира 13-го драгунскаго военнаго ордена полка — 3 руб.; отъ командира 119-го пѣхотнаго коломенскаго полка — 1 р. 14 к.; отъ командира динабургской крѣпостной артиллеріи 1 р.; отъ пристава 2-го стана Стародубскаго уѣзда Черниговской губерніи — 1 р.; отъ симбирскаго губернскаго воинскаго начальника — 4 р. 67 к.; отъ В. К. де-ла-Восса — 172 р.; отъ штатнаго смотрителя мстиславскаго уѣзднаго училища — 3 р. 25 к.; отъ командира 14-го гусарскаго митавскаго его королевскаго высочества принца прусскаго Альберта младшаго полка—7 р.—Итого, за декабрь 1871 г. 4,253 р. 26¾ к.

Всего по 1-е января 1872 года собрано 37,430 р. 96¾ к.

II. *По сборнымъ книжкамъ въ январѣ 1872 г.*

Отъ владимірскаго губернскаго воинскаго начальника—21 р. 90 к.; отъ управляющаго астраханскою контрольною палатою — 8 р. 45 к.; отъ директора усть-медвѣдицкой гимназіи — 38 р. 93 к.; отъ сувалкскаго губернатора—35 р. 7 к.; отъ управляющаго акцизными сборами Ярославской губерніи—97 р. 50 к.; отъ управляющаго акцизными сборами Люблинской и Радомской губерній—147 р. 25 к.; въ томъ числѣ отъ барона Штейнгеля—10 р. Отъ управляющаго акцизными сборами С.-Петербургской губерніи—18 р., въ томъ числѣ отъ А. Дмитріева—10 р.; отъ инспектора сумской прогимназіи — 21 р. 17 к.; отъ управляющаго полтавскою казенною палатою — 99 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Тверской губерніи — 191 р. 72 к.; отъ управляющаго харьковскою таможнею—16 р., въ томъ числѣ: отъ Андрея Твердянскаго—10 р.; отъ начальника вержболовской таможни—67 р. 81 к.; отъ предсѣдателя великолуцкаго окружнаго суда—5 р. 89 к.; отъ управляющаго саратовскою казенною палатою—63 р. 90 к., въ томъ числѣ

отъ Н. Зайцева—10 р., отъ Ивана Селиванова—10 р.; отъ инспектора классовъ московскаго екатерининскаго училища—27 р., въ томъ числѣ: отъ Е. Шора — 10 р. Отъ инспектора классовъ московскаго Александровскаго училища—35 р., въ томъ числѣ: отъ Н. В. Суворова—10 р.; отъ тифлисскаго коменданта—16 р.; отъ М. А. Милютиной — 142 р., въ томъ числѣ: отъ А. Самариной — 15 р.; отъ Н. А. Милютина — 25 р.; отъ В. Рукавишникова — 50 р.; отъ К. Е. Голициной — 25 р.; отъ С. Л. Ермоловой—10 р. Отъ Д. Д. Шумахера — 217 р. 50 к.; въ томъ числѣ: отъ Д. Шумахера—50 р.; отъ Е. Станкевичъ—25 р.; отъ неизвѣстнаго—25 р. Отъ инспектора классовъ воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ—44 р. 20 к.; отъ севастопольскаго коменданта—41 р. 60 к.; отъ управляющаго нижегородскою удѣльною конторою—32 р. 30 к.; отъ начальника кубейскаго таможеннаго округа—70 р. 24 к.; отъ управляющаго государственными имуществами Могилевской губерніи — 21 р. 50 к.; отъ управляющаго государственными имуществами Виленской губерніи — 51 р. 15 к.; отъ П. Я. Шкота — 34 р. 89 к.; отъ К. А. Манна — 100 р.; отъ Б. Ф. Давыдова — 10 р.; отъ начальника с.-петербургскихъ женскихъ гимназій — 119 р. 25 к., отъ начальника штаба финляндскихъ мѣстныхъ войскъ—25 р. 12 к.; отъ инспектора классовъ нижегородскаго маріинскаго института—46 р.; отъ директора училищъ Костромской губерніи—79 р. 99 к,; отъ кронштадскаго военнаго губернатора—60 р. 75 к.; отъ управляющаго акцизными сборами Смоленской губерніи—171 р. 75 к.; отъ калишскаго губернскаго воинскаго начальника — 2 р. 50 к.; отъ управляющаго акцизными сборами Псковской губерніи—114 р. 50 к., въ томъ числѣ: отъ А. А. Пихлау—10 р. Отъ управляющаго архангельскою контрольною палатою—2 р. 20 к.; отъ директора училищъ Новгородской губерніи — 36 р. 57 к.; отъ управляющаго архангельскою казенною палатою и акцизными сборами Архангельской губерніи—77 р. 79 к., въ томъ числѣ: отъ Ф. В. Эндиміонова — 10 р. Отъ С. И. Пономарева — 6 р.; отъ П. И. Миллера—12 р.; отъ предсѣдателя казанской губернской земской управы — 12 р.; отъ управляющаго государственными имуществами Пензенской губерніи—6 р. 77 к.; отъ директора горнаго департамента—88 р. 80 к.; отъ А. П. Озерова—123 р., въ томъ числѣ: отъ гр. Перовскаго—10 р.; отъ А. П. Озерова — 25 р.; отъ Николая, Маріи и Александра Тимашевыхъ — 10 р.; отъ Д. Путяты—10 р.; отъ М. Пашкова—10 р.; отъ сенатора Г. Л. Волоцкаго—10 р.; отъ князя П. И. Мещерскаго—25 р. Отъ коменданта гор. Выборга—20 р.; отъ директора кронштадтской гимназіи — 20 р. 50 к.; отъ пермскаго губернатора — 27 р. 55 к.; отъ директора училищъ Рязанской губерніи — 67 р. 87 к,; отъ управляющаго тульскою казенною палатою — 24 р. 13 к.; отъ инспектора классовъ с.-петербургскаго елизаветинскаго училища—17 р.; отъ директора училища евангелической церкви св. Анны—54 р.; отъ екатеринославскаго губернскаго воинскаго начальника — 28 р., въ томъ числѣ: отъ генералъ-маіора Н. Мазараки — 10 р. Отъ управляющаго государственными имуществами Курской губерніи — 33 р. 70 к.; отъ Н. И. Казнакова—146 руб.

Кромѣ сего, помимо сборныхъ книжекъ, при особыхъ объявленіяхъ, доставлено отъ статсъ-секретаря Н. А. Шторха — 100 р.; отъ командира 7-й конно-артиллерійской бригады — 16 р.; отъ смотрителя муромскихъ училищъ—8 р.; отъ смотрителя чериковскаго уѣзднаго учи-

лища — 3 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Воронежской губерніи—320 р. 85 к.; отъ казначея лукояновскаго уѣзднаго казначейства—3 р. 47 к.; отъ смотрителя чаусовскаго уѣзднаго училища—2 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Пензенской губерніи—50 к.; отъ М. И. Семевскаго—109 р.; отъ Я. Я. Савельева—30 р.; отъ управляющаго вятскою казенною палатою—17 р. 39½ к.; отъ смотрителя оршанскаго уѣзднаго училища—6 р. 50 к.; отъ директора азіятскаго департамента—50 р.; отъ пермскаго губернатора—55 р. 97¾ к.; отъ управляющаго тульскою казенною палатою—52 р. 55½ коп.—Итого за январь 1872 г., 3,883 р. 95¼ к.

Всего по 1-е февраля 1872-го года собрано—41,314 р. 92 к.

ПОПРАВКИ.

Въ мартовской книгѣ просятъ исправить въ статьѣ А. Ѳ. Гильфердинга «Олонецкая губернія и ея рапсоды», на—

стран.:	строка:	напечатано:	вмѣсто:
124	1 св.	хореическій, хореическій	хореическій, хореическій съ дактилемъ
191	11 сн.	признакъ	призракъ
195	14 »	Вацлавъ изъ Омека	Вацлавъ изъ Олеска

Кромѣ того, въ статьѣ И. А. Гончарова: «Мильонъ терзаній», на стран. 43, строчка 6 св., вмѣсто: «Какъ посмотрѣть да посмотрѣть»—слѣдуетъ: «Какъ посмотрѣть да посравнить»; и на стр. 458, строч. 15 сн., вмѣсто: дорого—дорога.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — XXXIV-й ТОМЪ.

МАРТЪ — АПРѢЛЬ, 1872.

Книга третья. — Мартъ.

	Стр.
Задачи психологіи. — VI. — К. Д. КАВЕЛИНА.	5
Дочь воздуха.—Сцены изъ трагедіи Кальдерона.—Перев. В. П. БУРЕНИНА.	73
Олонецкая губернія и ея народные рапсоды.—А. Ѳ. ГИЛЬФЕРДИНГА. . .	83
Современная глушь.—Изъ воспоминаній мироваго судьи.—IV. Питейные дома и ихъ сидѣльцы.—V. Уголовныя и гражданскія дѣла.—VI. Мѣстная полиція, письмоводители и съѣзды мировыхъ судей.—В. Н. НАЗАРЬЕВА.	141
Восточная политика Германіи и обрусеніе.—IV-VI.—М. Т—ОВЪ.	183
Записки жандарма.—Съ 1837 по 1843 г.—Часть I.—Голубой мундиръ.—А. И. ЛОМАЧЕВСКАГО.	242
Десять лѣтъ реформъ. — 1861-1871 гг.—III. Мировыя судебныя учрежденія.—IV. Общія судебныя учрежденія.—Г.	289
Прусскіе и русскіе финансы.—Государственные расходы.—Финансовое управленіе и финансы Пруссіи, А. Заблоцкаго-Десятовскаго. Общая государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1871 г. — L. .	324
Внутреннее Обозрѣніе. — Финляндія наканунѣ третьяго сейма. — Современная конституція Финляндіи и ея историческое развитіе. — Составъ сейма и кругъ его дѣйствій. — Предметы его работъ въ нынѣшнемъ году, и петиціи городовъ.—Новѣйшій эпизодъ съ «Московскими Вѣдомостями». .	871
Иностранное Обозрѣніе. — Борьба французскаго правительства съ бонапартизмомъ.—Законы о безопасности.—Роялисты и графъ Шамборъ.—Законъ о надзорѣ надъ училищами въ прусскомъ сеймѣ.—Рѣчи кн. Бисмарка.—Новые пэры.—Циркуляръ Фалька. — Запросъ Лёве.—Подозрѣніе въ покушеніи противъ канцлера.—Поляки въ Галиціи.—Открытіе англійскаго парламента.—Дѣло «Элебемы».—Испанія, какъ контрастъ Пруссіи . .	394
Корреспонденція изъ Парижа.—Смутное время во Франціи.—Н. .	409
Русскій театръ.—„*Мильонъ терзаній*“—Горе отъ ума, Грибоѣдова. Бенефисъ г. Монахова, нояб. 1871. — И. А. Г.	429
Некрологъ.—Николай Алексѣевичъ Милютинъ. — В. П.	461
Почтовая замѣтка.—По поводу пересылки книгъ по почтѣ.—М.	464
Извѣстія. — I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ: Засѣданія Комитета 2 и 17 января, и Общее собраніе 2 января 1872 г.—II. О пріютѣ «Ясли» въ С.-Петербургѣ	467
Библіографическій Листокъ.	

Книга четвертая. — Апрѣль.

Стр.

Задачи психологіи.—VII-VIII.—Окончаніе.—К. Д. КАВЕЛИНА 473
Дилетанты.—Романъ.—Половина первая. Строители. — Часть первая.—Ѳ. Э. РОМЕРА. 594
Возсоединеніе уніи.—Историческій очеркъ.—I-II. М. Я. МОРОШКИНА . . 606
Восточная политика Германіи и обрусеніе.—VII-IX.—М. Т—ОВЪ. 644
Тяжелая минута.—Стих. Я. П. ПОЛОНСКАГО. 689
Калики перехожіе и богомильскіе странники.—I-III.—А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО. 692
Записки жандарма.—Съ 1837-го по 1843-й годъ. — Часть вторая. — Виленская драма. I-V.—А. И. ЛОМАЧЕВСКАГО. 725
Изъ русскихъ былинъ.—I. Чурило Пленковичъ. — II. Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ.—Стих. В. П. БУРЕНИНА. 735
Нѣсколько дней въ Финляндіи.—Изъ поѣздки въ Гельсингфорсъ —I-V. — Л. А. ПОЛОНСКАГО. 766
Внутреннее Обозрѣніе.—Дѣло о духовномъ завѣщаніи Бѣляева. — Обстоятельства дѣла. — Ходъ судебныхъ преній: обвиненіе, защита и приговоръ.—Ходатайство Русскаго Общества пароходства о помильной платѣ.—Новые штаты телеграфныхъ станцій. — Письмо въ редакцію по поводу вопроса о наймѣ рабочихъ. 809
Иностранное Обозрѣніе. — Новое устройство мѣстнаго управленія въ Пруссіи и главныя черты его.—Письмо Виндгорста.—Процессъ соціалистовъ.—Распущеніе ешскаго сейма.—Законъ противъ международнаго общества.—Французскій бюджетъ. — Процесъ Ла-Мотта. — Прекращеніе трактата 1860-го года.—Брошюра Граммона.—Дѣло «Элебемы».—Англійскій бюджетъ.—Предложеніе Дилька.—Мадзини —Министерскій вопросъ въ Италіи.—Испанскія дѣла 832
Корреспонденція изъ Берлина.—Борьба переходнаго времени въ Германіи. — К. 851
Корреспонденція изъ Флоренціи. — Женское образованіе въ Италіи. — D. G. 875
Русская опера. — „*Каменный гость*“, Даргомыжскаго. — I-III. — Г. А. ЛАРОША. 889
Новѣйшая Литература.—Арсеньевскія бумаги.—Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ. Изд. академикомъ Пекарскимъ 897
Новыя Книги. — Кочевая жизнь въ Сибири, Дж. Кеннана. Пер. Ад. Кондратьевой.—Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка, соч. Дж. Лэбока. — Юнкерскія училища. Историческое обозрѣніе ихъ развитія и дѣятельности. Генералъ-майора П. О. Бобровскаго 913
Замѣтка.—Русскія пѣсни въ англійскомъ переводѣ г. Ральстона. — П. . . . 919
Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ: Засѣданіе Комитета 31-го января.—II. О подпискѣ на памятникъ Пушкину по 1-е февраля 1872 года 923
Библіографическій Листокъ.

ѣвняя русская исторія, до монгольскаго ига. Сочиненіе *М. Погодина*. Въ 3 томахъ in 4°. Москва, 1871. Ц. 25 руб.

Почтенный авторъ самъ разсказываетъ въ «Послѣсловіи» исторію своего труда, столь уже знакомаго публикѣ и направленнаго единственно къ предварительной разработкѣ источниковъ древнѣйшаго періода отечественной исторіи. Но отъ этимъ хотѣлъ ограничиться авторъ: «Меня тревожитъ грусть—говоритъ онъ, что я не сдѣлалъ даже того, что могъ, кажется, сдѣлать; что и послѣ моихъ трудовъ представляю соотечественникамъ не ту исторію, которую воображалъ, а только ея корректуру...» Въ этомъ новомъ изданіи историческихъ трудовъ М. П. Погодина обращаетъ на себя особенное вниманіе первое отдѣленіе третьяго изъ тома, заключающее въ себѣ «Атласъ историческій, географическій и археологическій съ объясненіемъ». Всѣхъ листовъ Атласа — около 200, и эта цифра сама говоритъ о богатствѣ собранныхъ рисунковъ, по большей части довольно удовлетворительно выполненныхъ. Читатель, благодаря этому Атласу, имѣетъ у себя подъ рукою цѣлый музей съ важнѣйшими изъ русскихъ древностей. Въ «объясненіи» излагается исторія рисунка и описаніе предмета; но къ сожалѣнію, издатель упустилъ изъ виду необходимость перенумеровать рисунки и затруднилъ тѣмъ пользованіе Атласомъ. Напр. въ «оглавленіи» вы находите, что на листѣ 62 помѣщенъ Нимокъ съ начала Русской Правды; но чтобы отыскать этотъ листъ въ Атласѣ, приходится самому каждый разъ перелистовать всѣ листы Атласа съ самаго начала. Кромѣ этого изданія, историческіе труды М. П. Погодина выйдутъ безъ Атласа въ 2 томахъ (5 руб.), и къ нимъ будутъ присоединены: третій томъ — съ «Рѣчами» автора отъ 1830—1869 г.; четвертый—«Политическія рѣчи»; пятый и шестой—«Современные вопросы».

Испанія девятнадцатаго вѣка. *А. Трачевскаго*. Часть первая. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1872. Стр. 403. Ц. 2 р. 50 к.

Г. Трачевскій въ настоящемъ выпускѣ приступаетъ къ выполненію обширнаго предпріятія—поставить для русской публики новѣйшую исторію европейскихъ государствъ, подобную той, какая была задумана Бидерманномъ для нѣмецкой публики въ его извѣстной «Staatengeschichte der neuesten Zeit», достигнувшей 17-ти томовъ, обнимающихъ пока исторію восьми государствъ. Нашъ издатель намѣренъ не перевести, но переработать труды ученыхъ, принявшихъ участіе въ этомъ предпріятіи Бидерманна, и отчасти сократить ихъ, а отчасти дополнить, какъ то имъ сдѣлано уже въ исторіи Испаніи, гдѣ авторъ поставилъ очеркъ испанской исторіи до революціи, чего въ изданіи Бидерманна нѣтъ, и кромѣ того имѣлъ новые источники изъ донесеній прежнихъ русскихъ пословъ при Мадритскомъ дворѣ. Въ первой части авторъ останавливается на 1825 годѣ; вторая часть дойдетъ до 1840 года, гдѣ начнется исторія Испаніи въ изданіи Бидермана; но русскій авторъ обѣщаетъ присоединить самостоятельный очеркъ испанской исторіи до революціи 1868 года, съ описаніемъ современной культуры страны. Нельзя не пожелать успѣха такому полезному предпріятію; но, мы думаемъ, что для привлеченія большаго вниманія нашей читающей публики, на которое справедливо можетъ разсчитывать авторъ, слѣдовало бы начать не съ Испаніи, которая въ XIX столѣтіи далеко не занимала виднаго мѣста въ современной исторіи европейскихъ государствъ.

Новое руководство нѣмецкаго языка, по практико-теоретическому методу Робертсона, состав. *Авг. Больцъ*. Лейпцигъ и Одесса. 1872. Ц. 2 тал.

Авторъ уже извѣстнаго учебника русскаго языка для нѣмцевъ, издалъ теперь такой-же учебникъ нѣмецкаго языка для русскихъ, составленный по тойже методѣ Робертсона, которая главнымъ образомъ разсчитана на то, чтобы учить болѣе практикою, чѣмъ правилами, и немедленно приводить слова въ дѣйствіе т.-е. въ разговоръ. Въ Германіи трудъ г. Больца встрѣтилъ полное одобреніе, и по отзывамъ нѣмецкихъ критиковъ его новое руководство должно быть признано лучшимъ изъ всего, что было сдѣлано до сихъ поръ для облегченія иностранцу скорѣйшаго и вмѣстѣ основательнаго изученія нѣмецкаго языка. Г. Больцъ былъ долгое время профессоромъ русскаго языка въ военной Академіи въ Берлинѣ, и научное знаніе русскаго языка дало ему всю возможность объяснять сравнительнымъ путемъ особенности нѣмецкаго языка и тѣмъ облегчить самое его изученіе.

О средствахъ къ увеличенію числа врачей въ Россіи. Орд. проф. *Я. С. Кремянскаго*. Харьковъ. 1872. Стр. 57.

Брошюра пр. Кремянскаго касается одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей общественной жизни, хотя она вызвана разборомъ мнѣнія коммиссіи при главномъ военно-медицинскомъ управленіи, обсуждавшей предметъ спеціальнаго интереса, а именно: какъ увеличить число военныхъ врачей въ виду предстоящей всеобщей воинской повинности? Авторъ признаетъ почти всѣ средства, рекомендуемыя коммиссіею, недѣйствительными; но мы думаемъ, что и онъ грѣшитъ предположеніемъ, будто бы вся причина недостаточности врачей заключается въ томъ, что у насъ карьера юриста и всякаго другого спеціалиста болѣе выгодна, нежели карьера медика. На почвѣ подобныхъ сравненій это вопросъ неразрѣшимый. При томъ за-границею, какъ и у насъ, карьера адвоката и другихъ также выгоднѣе карьеры медика, а число медиковъ тамъ все-таки достаточное. По нашему мнѣнію, было бы дѣйствительнѣе основать въ бо̀льшемъ числѣ отдѣльные медицинскіе факультеты, чтобы было болѣе научныхъ центровъ, а за тѣмъ карьера человѣка есть всегда дѣло его головы и рукъ. Есть адвокаты, ничего не наживающіе, есть и медики—весьма богатые.

ПОДПИСКА НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1872-мъ году:

1.—*ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—**15 руб.**; 2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ, и въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. Н. Г. Соловьева*—**15 р. 50 к.**; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ — **16 р. 50 к.** въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) **Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ**, желающіе получать журналъ съ доставкою или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять свой адрессъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ.— Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

б) **Городскіе подписчики въ Москвѣ**, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ Н. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желающіе же получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

в) **Иногородные подписчики** обращаются: 1) *по почтѣ* — исключительно въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., — въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) **Иностранные подписчики**: 1) *по почтѣ* — прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., — въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Австрія* и *Германія* — 18 руб.; *Бельгія, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества* — 19 руб.; *Франція* и *Данія* — 20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція* и *Греція* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія* — 23 рубля.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ — шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ почтовъ. Журналъ доставляется на почту, для иногородныхъ, съ адрессомъ подписчика, въ любой обложкѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и веревочною.

2.—*ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе можно поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3.—*ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.

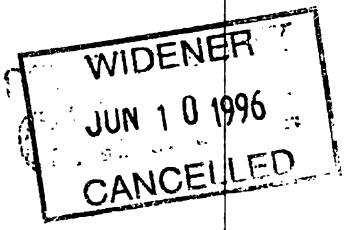
М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»: Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Невскій просп., 30.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.